

Материалы
IX Международной
научно-практической
конференции
27 сентября 2018 г.
Алматы

ИСТОРИЯ ПАМЯТЬ ЛЮДИ

Ассамблея народа Казахстана
Архив Президента Республики Казахстан
Евро-Азиатский Еврейский Конгресс
О.Ю.Л. Ассоциация «Мицва»

МАТЕРИАЛЫ
IX Международной научно-практической конференции
27 сентября 2018 г.

Алматы, 2019

УДК 94 (100-57) (063)
ББК 63.3 (0)
И 90

Издание осуществлено при спонсорской поддержке: Евро-Азиатского Еврейского конгресса, О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва», почетного консула Израиля в Казахстане С.А. Терещенко

Руководитель проекта: А.И. Барон

Редакционная коллегия: К.Ш. Алимгазинов, А.И. Барон,
А.Х. Мустафина, Л.А. Прокопенко, Е.В. Чиликова

И 90 История. Память. Люди: Материалы IX Международной научно-практической конференции. 27 сентября 2018 г., Алматы. – Алматы, 2019. – 594 с.

ISBN 978-601-7333-24-9

В материалах конференции отражены вопросы и проблемы, связанные с эвакуацией людей, промышленных объектов, учреждений культуры в связи с трагическими событиями Второй мировой войны, а также история жизни населения, вынужденного в результате глобальных политических событий изменить место жительства. Также в книге представлена история судеб евреев Центральной Азии, Западной Сибири, переживших войны XX в., переселение, эвакуацию и другие испытания. В сборнике раскрывается их вклад в развитие Казахстана

УДК 94 (100-57) (063)
ББК 63.3. (0)

© О.Ю.Л. Ассоциация «Мицва», 2019
© Архив Президента Республики Казахстан, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

«Эвакуация была также трагична, как и сама война...»	7
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО	15
ЕВРАЗИЯ XX в.: ЭВАКУАЦИЯ, ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ, БЕЖЕНЦЫ	20
Калашникова Н.П. Национальное сознание в контексте исторической памяти	20
Батырбаева Ш.Д. Эвакуированное и депортированное население в Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны	25
Саидов И.М. Братская помощь узбекского народа республикам СССР, оказавшимся в оккупации в годы Великой Отечественной войны	29
Потемкина М.Н. Размещение эвакуированных ленинградцев и социальная помощь им в обустройстве на Среднем и Южном Урале <i>(на материалах личных воспоминаний евреев)</i>	39
Чиликова Е.В. Миграция евреев в Казахстан в предвоенное десятилетие и в период Великой Отечественной войны: регионы доноры и реципиенты, количественный состав	47
Кан Г.В. Эвакуация и историческая наука	54
Мийманбаева Ф.Н. Материалы Национального архива Республики Казахстан о евреях, эвакуированных в Казахстан в годы Великой Отечественной войны	58
Саипова К.Д. Вклад узбекистанцев в победу над фашизмом и толерантное отношение к эвакуированным	62
Буриева Х.А. Социально-экономические сведения в архивных материалах об эвакуированном в Ташкент еврейском населении в 1942 г.	68
Степаненко Н.В. От депортации до реэвакуации бывших польских граждан 1940–1946 гг.	75
Кенебаева Г.М., Легкий Д.М. К вопросу об изменении статуса польских граждан в годы Второй мировой войны	80
Степаненко Н.В. Социальная деятельность Союза Польских Патриотов <i>(1943–1946 гг.)</i>	85
Беркимбаева А.М., Легкий Д.М. «Облоно не охватило всех эвакуированных детей учёбой». Школьное обучение детей из эвакуированных и депортированных семей в годы Великой Отечественной войны <i>(на примере Кустанайской обл. Казахской ССР)</i> ...	88
Кобрынь Я.Е. Ачисай 40-х гг. XX столетия глазами очевидцев	93
Медведева-Нату О. Воспитанник Януша Корчака в таджикском Куркате <i>(из цикла статей «Польские евреи в Средней Азии в годы Второй мировой войны)</i>	106
Шварцман-Чарнота Б. Не «шелковый путь», а «хождение по мукам»..	124
Кабдулова К.Д. Эвакуация политэмигрантов в Казахстан в годы Великой Отечественной войны	133

Аманова А.С. Некоторые аспекты эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны на основе архивных материалов по Павлодарской обл.	139
Аупенова А.У., Исина Ж.Е. Масштабность некоторых проблем эвакуации гражданского населения в Казахстан в первые годы Великой Отечественной войны	143
Құсайынова І.М. Халықтар эвакуациясы архив құжаттарында (1941–1942 жж.)	151
Черная Е.Б. Из истории Карагандинского эвакуационного пункта (июль 1941 г. – март 1942 г.)	158
Савгабаева А.Н. Эвакуация в Западно-Казахстанскую обл. в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	163
Сактаганова З.Г. Алма-Ата в годы Великой Отечественной войны: эвакуация, жилищный вопрос, коммунальные и другие проблемы	167
Құрманжанова Г.А. Архив қорындағы эвакуацияланғандардың тарихынан.....	173
Малиновская Е.Г. Академия архитектуры СССР в Чимкенте – период эвакуации	180
Ермекбай Ж.А. Завод №621 в Кокшетау в годы Великой Отечественной войны	188
Нурсултанова Л.Н., Атаева Т.Т. Шымкент облысындағы кәсіпорындардың эвакуациясы	194
Федоренко З.Л. Эвакуация в Ташкент харьковчан с Сахаросвеклотрестом	199
Кожушко Е.А. Эвакуация Купянского сахарного завода в г. Коканд	205
Байкаш Ж.Т., Еркенова А.К. О некоторых сотрудниках медицинских научно-исследовательских институтов г. Алма-Аты: эвакуированных врачах-евреях.....	208
Кац Г.Л. Эвакуированные евреи – работники тыла и трудового фронта в годы войны.....	216
Сатаева Ж. А. К вопросу изучения истории советского кино в годы войны (по документам Архива Президента РК)	218
Сатаева С.А. Из опыта работы по аудиовизуальному документированию ЦГА КФДЗ. Герои Великой Отечественной войны – операторы Казахстана.....	223
Григорьев И.А. ЦОКС (по книге «Город вещей снов»)	229
Сырлыбаева Г.Н. Молчат ли музы, когда пушки говорят? Первый в Казахстане музей искусств в годы Великой Отечественной войны	252
Арцишевский А.А. Театр в подарок.....	260
Иофе В.Г., Ведерникова Г.С. Из истории эвакуации в Узбекистан	265
Бабаев Б. Подвиг узбекского народа по спасению полутора миллиона беженцев, которые обрели второй дом в Узбекистане в годы Второй мировой войны	268

Слоним А. «Большое сердце Ташкента» впечатляет и радует (мысли вслух после презентации документального фильма)	271
Ружанский М. Наша община. О тех, кто рядом	276
Ружанский М. Спасибо тебе, Узбекистан!	288
Виленский Е.Л. Из воспоминаний	294
Вексельман М. Эвакуированные евреи в архивных учреждениях Узбекистана	300
Бирнбаум Й. Вклад российских евреев в архивоведение Узбекистана и Средней Азии (1941–1991 гг.)	309
Серовайская Ю.Я. Стихи Л.С. Фришман об эвакуации в эвакуации	314
Зубарев С.В., Донскова Г.А. Боль и утраты войны	333
Лобченко Х.М. Листая страницы памяти	337
Крутова Н.В. История одного поиска: Селицкие (Силитские)	344
ЛЮДИ И СУДЬБЫ	349
Ярков А.П. «Другой мир» глазами еврейского средневекового картографа	349
Волкова Т.П. Изменения в конфессиональной жизни евреев Степного края в конце XIX – начале XX в.	352
Шаймерденова М.Д. Народ Казахстана в лицах: из истории евреев	357
Жумалиева С.Ч. Становление и деятельность общества еврейской культуры Кыргызстана	360
Кижнер Д.М. Раввины Томска XIX–XX вв.	368
Кижнер Д.М., Чернова И.В. Томские пивовары Рейхзелигманы	381
Алимджанов Б.А. «Крах» Торгового дома Ю. Давыдов: причины и последствия	386
Гривенная Л.А. По обе стороны баррикад: евреи в вооруженных крестьянских выступлениях на территории Северного Казахстана в начале 1920-х гг.	394
Алланиязов Т.К. Альшанский А.Р. – заместитель Полномочного Представителя ОГПУ в Казахстане	404
Алланиязов Т.К. Бак С.А. – начальник Семипалатинского оперсектора ОГПУ	421
Юдаков В. Троцкий Л.Д. в Казахстане	438
Малиновская Е.Г. Забытый архитектор Лев Мейльман, племянник известного революционера Льва Троцкого	445
Кубик Н.А. Фонд троцкиста И.Л. Абрамовича в Государственном архиве Павлодарской обл.	451
Турсынова Ж.Ж., Беркун О.Е. Судьбы репрессированных в архивных источниках	462
Алланиязов Т.К. Евреи в национальном составе заключенных особых лагерей	466
Решетов В.П. «Чувствую себя поляком!»	481
Ружанская Е. Гетто собственными глазами	486

Жакеева Г.Б., Алланиязов Т.К. Профессия, определившая судьбу: к биографии А.С. Опескина	494
Алланиязов Т.К. И.Г. Меклер: основные вехи биографии	498
Максимова С.Я., Иорданиди Г.К. Вклад М.И. Корсунского в развитие физической науки и образования в Казахстане	507
Арцишевский А. Гармония его контрастов	510
Омарова А.С. Художники Крейны: отец и сын	515
Абусейтова М.Х. В.П. Юдин и казахстанское востоковедение	520
Свахина Т.Е. Новатор, изобретатель, наставник: Ю.М. Маргулис	527
Складан С.А. Л.Островский: «Люди, я люблю вас...»	531
Сагатова А.С., Ошанов Н.З. Ученый – наставник – поэт	535
Арцишевский А. Концерт для одинокого рояля	544
Сагимбаев Н.Е. Я.И. Фудиман – основоположник альтовой школы Казахстана	550
Ананьева С.В. Казахстан в творчестве, в судьбе, истории	557
Шайжанова С.М. Личный фотограф первого Президента Республики Казахстан – И.Л. Будневич	564
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	570
ТҮЙІН	575
SUMMARY	576

«Эвакуация была также трагична, как и сама война...»

Изучению формирования многонационального состава населения республики был дан новый импульс в связи с предложением о разработке интерактивной карты «Народ Казахстана»^{1*}, внесенным Президентом РК Н.А. Назарбаевым на XXV сессии Ассамблеи народа Казахстана. Вопросы эвакуации и беженства как одно из направлений темы стали неотъемлемой частью проблем, исследуемых отечественной историографией. Наряду с этим для стран, принимающих огромное количество беженцев из различных регионов, в свете продолжающихся вооруженных конфликтов и стихийных бедствий уже в XXI в. опыт Центральной Азии в общем, и Казахстана в частности по размещению и адаптации вынужденных мигрантов к новым условиям проживания в период Второй мировой войны остается одним из актуальных приобретений. Вклад в исследование проблемы вносят сборники материалов научно-практических конференций, инициированных О.Ю.Л. Ассоциацией «Мицва» с 2002 г.

В рамках реализации проекта «История. Память. Люди» в 2018 г. IX Международная научно-практическая историческая конференция и презентация историко-документальной выставки «Казахстан: эвакуация в годы Великой Отечественной войны» впервые состоялись на базе Архива Президента РК. Организаторами конференции выступили Ассамблея народа Казахстана, Архив Президента РК и Ассоциация «Мицва».

В работе приняли участие исследователи из 11 регионов Казахстана. Международный статус обеспечили авторы из Белоруссии, Израиля, Канады, Кыргызстана, Латвии, Польши, России, США, Узбекистана, Украины. Среди гостей и участников мероприятия были представители дипломатической службы, архивной отрасли, академической науки и высших учебных заведений; среди выступавших – 8 докторов, 22 кандидата наук, преподаватели Отечественной истории и АНК, магистранты, краеведы и др. Доклады опирались на разнообразные источники. Ряд сообщений по широкому спектру тем вводят в научный оборот новую ретроспективную документную информацию. К форуму было подготовлено более 70 докладов, все они вошли в сборник материалов конференции.

Эвакуация населения как разновидность вынужденной миграции – явление не новое в мировой практике. Но, если учесть территориальный охват, количественные масштабы, сроки и условия, то аналогов эвакуации, осуществленной в СССР в годы Великой Отечественной войны, в истории не существует [1]. Через пять дней после начала

^{1*} <http://map.kazcontent.kz/?iframe=true&width=95%25&height=95%25>

войны, когда уже значительная часть европейской территории была захвачена войсками фашистской Германии, ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Был создан Совет по эвакуации, занявшийся разработкой порядка и очередности перевозок, стала разворачиваться сеть эвакуационных пунктов для обеспечения людей питанием и медицинским обслуживанием.

На основе публикуемых исследований можно сделать вывод, что, несмотря на факт подготовки партийными и советскими органами Казахстана к приему и размещению эвакуированных, как правило, не все исполкомы областных и районных Советов своевременно справлялись с поставленными задачами. Как показывала практика, зачастую вопросы решались лишь по прибытии эшелонов или отдельных групп эвакуированных [2].

В Казахстане Эвакуационный отдел при Правительстве был образован 20 июля 1941 г. Постановлением СНК КазССР и ЦК КП (б) К от 31 июля 1941 г. – Эвакокомиссия. Размещением и трудоустройством населения, промышленных предприятий, учреждений, учебных заведений, воинских частей, госпиталей занимались уполномоченные. На территории республики было создано 12 эвакуационных пунктов с аппаратом в 323 чел. Эвакокомиссия была ликвидирована в связи с прекращением эвакуации в Казахстан промышленных предприятий и образованием в аппарате Совнаркома 8 марта 1942 г. отдела по хозяйственному устройству эвакуированного населения. Соответствующие отделы были созданы при облисполкомах, одной из их функций стало проведение учета эвакуированных, который позволял выявить трудоспособных граждан и необходимых для промышленности специалистов.

На первоначальном этапе учет практически не велся. Телеграфные сообщения с мест с данными о количестве принятого населения стали поступать лишь в ноябре–декабре 1941 г. В архивах отложились данные постфактум – цифры о уже принятом населении. В годы войны случалось, что учет сбивался из-за элементарного отсутствия необходимых бланков. Так, в объяснительной записке к годовому отчету по кадрам за 1941 г. Каскеленского райкома КП (б) К Алма-Атинскому обкому партии отмечалось, что в ведении учета в отделе кадров номенклатурных работников имеется ряд недостатков – не на всех сотрудников сформированы личные дела из-за отсутствия бланков личных листов [3].

Оценить масштабы людского переселения помогают следующие цифры. В Казахстан в годы войны эвакуировано: по сведениям Переселенческого отдела при СНК КазССР на 1 сентября 1941 г. 24 254

чел.; Эвакоотдела при СНК КазССР на 1 января 1942 г. – 386 492 чел.; УМ НКВД КазССР на 1 июля 1943 г. – 419 855 чел. [4]. «Всего прибыло в КазССР с начала эвакуации 532 506 эвакуированных. Убыло за это время [на 1 января 1943 г.] за счет выезда в другие республики, призыва в Красную армию и по другим причинам 66 351 чел.», – отмечалось в справке Отдела по хозяйству эвакуации СНК КазССР «О приеме и трудоустройстве эвакуированного в республику населения за 1941–1943 гг.» [5].

В разрезе по национальностям на сентябрь 1941 г. состав прибывших выглядел следующим образом: 49% русские, 40% евреи, 8% украинцы, 2% литовцы, немцы, поляки и др. Всех надо было размещать, обустроить и трудоустроить, учить и лечить, обеспечивать продовольствием.

С промышленными предприятиями в республику прибыли квалифицированные кадры. В опубликованных источниках приводятся сведения о 50 тыс. рабочих и инженерно-технических работников (далее – ИТР). За короткий срок перебазированные заводы и фабрики стали составной частью единого организма военной экономики страны.

Одной из самых значительных профессиональных групп среди эвакуированных оказались медицинские работники. По данным столичного отдела здравоохранения на 1 января 1943 г. в Алма-Ате насчитывалось 530 эвакуированных с высшим медицинским образованием [6].

Казахстан стал вторым домом для представителей советской интеллигенции. Академик В. Вернадский работал над революционной теорией ноосферы. Нашла новое развитие астрономическая наука трудами основателя астроботаники Г. Тихонова и его коллег из Пулковской обсерватории.

В августе 1941 г. из Москвы прибыли научные сотрудники Академии архитектуры, чьи организации местные власти разместили с максимальным удобством в г. Чимкенте. В АП РК отложилась переписка членов президиума Союза советских архитекторов Н.Д. Колли, Г.П. Гольца, А.В. Власова и Д.Е. Аркина с партийным руководством республики о предоставлении возможности работать в г. Алма-Ата. На одном из писем стоит резолюция – автограф партийного лидера Казахстана Н. Скворцова: «Надо вызвать товарищей и разъяснить им, что место пребывания их в Чимкенте вполне обеспечивает выполнение [возложенных] на них работ. Связь Чимкент – Алма-Ата, Чимкент – Куйбышев хорошая, жилищные условия в Чимкенте обеспечиваются, в то время как в Алма-Ата мы обеспечить последними не можем, в силу исключительно большого переуплотнения и перенаселения. [...] 18 ноября 1941 г.» [7]. Несмотря на сложности переезда и обустрой-

ства в Чимкенте, коллектив Академии во главе с президентом В.А. Весниным, не только не свернул научную работу, но существенно расширил ее проблематику с учетом запросов военного времени.

В Алма-Ате снимали С. Эйзенштейн, И. Пырьев, братья Васильевы. Здесь творили композитор С. Прокофьев и балерина Г. Уланова, писатели К. Паустовский, В. Шкловский [8].

В 1942 г. инструктор ЦК КП (б) К информировала руководство: «Несмотря на Ваши указания об улучшении бытовых условий писателей, эвакуированных в Казахстан, в Алма-Ата сейчас еще имеется небольшая группа выдающихся работников искусства в очень тяжелом бытовом положении. Эти люди с мировым именем поставлены в трудные условия, потому что они живут без семьи или больны и не могут организовать себе нормального питания. [...] Эйзенштейн – замечательный кинорежиссер, орденосец, лауреат Сталинской премии, оказавший огромное влияние на развитие не только советского, но и мирового киноискусства (живет без семьи). Работает сейчас над созданием фильма «Иван Грозный». Зощенко – известный писатель, живет один (семья осталась в Ленинграде) питается очень плохо, болен. Пишет сценарий для кинофильма» [9].

Одна из слабоизученных страниц в историографии Великой Отечественной войны – вопрос о численности политэмигрантов, эвакуированных в Казахстан. В фонде АП РК сохранились по фамильные списки политэмигрантов. В республике разместили: немцев (51 чел.), поляков и евреев (39 чел.), Судетских немцев (29 чел.), испанцев (28 чел.), венгров (14 чел.), чехов (10 чел.), болгар (2 чел.), по одному корейцу, литовцу, австрийцу, румыну и «не выясненных»^{1*} (35 чел.). По сведениям С. Вайса, ответинструктора ЦК МОПР КазССР, испанских политэмигрантов в республике было значительно больше. Так например, в конце сентября 1942 г. «около 100 чел. испанцев переехали через Арысь в направлении Актюбинска», в документах Госархива Актюбинской обл. речь идет о 102 политэмигрантах, из них испанцев (52 чел.). В сентябре 1942 г. 10 политэмигрантов, «большой частью бывшие бойцы интербригад в Испании» были направлены в Текеликомбинат Талды-Курганского р-на; в октябре–ноябре 1942 г. на комбинате дополнительно разместили 97 испанских политэмигрантов. «Испанцы» подверглись двойной эвакуации: осенью 1941 г. из г. Ростова-на-Дону в Орджоникидзевский край, осенью 1942 г. – в Казахстан. Часть мужчин во время первой эвакуации были призваны в Красную армию, в Казахстан прибыли их жены и дети [10].

^{1*} Так в документе

Параллельно с эвакуацией в страну прибывал и другой поток людей. С оккупированных территорий шли «своим ходом» беженцы, учетом которых учреждения, ведающие приемкой «организованных» эвакуированных, не занимались. Например, Энтин В.С. 1915 г. р., работавший начальником спецотдела облуправления легкой промышленности при Винницком облисполкоме, при одной из бомбежек города в ночь с 8 на 9 июля [1941 г.] в числе других жителей неорганизованным порядком, без разрешения погрузился в первый попавшийся эшелон и прибыл в Куйбышев. Откуда уже как эвакуированный прибыл в Алма-Ата, где устроился замначальника Дома обороны. Гореин Ф.Х. 1901 г. р., директор Центральной лаборатории «Белосвейтреста» в г. Минске, при бомбежке в ночь на 20 июня ^{1*} убежал пешком в Гомель, где без разрешения сел в первый попавшийся эшелон и прибыл на ст. Кзыл-Орда. Позже перебрался как эвакуированный в Алма-Ата, устроился заведующим лабораторией швейной фабрики №1. Борщевский И.Н. 1902 г. р., с., замдиректора хлебозавода в г. Борисове Белорусской ССР также, как и предыдущие после бомбежки 30 июня бежал в Смоленск, оттуда эвакуировался в Куйбышев, а затем в Алма-Ата [3].

Однако была и другая категория «спецпереселенцев-беженцев», которых рассматривали как «интернированных эмигрантов». Речь идет о польских гражданах, бежавших в сентябре 1939 г. от фашистского режима в Восточную Польшу, 85% из них составляли евреи. По сведениям председателя областного Правления Союза Польских патриотов в СССР Гильфа, на 15 июня 1944 г. в г. Алма-Ате проживало 1408 бывших польских граждан, в т. ч. поляков – 320 чел., или 22,7%, евреев – 933 чел., или 66,5%, украинцев 151 чел., или 10,7%, белорусов – 4 чел., или 0,3% [11]. До сих пор тема беженцев, вынужденных сорваться с мест проживания и спастись от стремительно надвигавшейся армии Вермахта, остается малоизученной частью Холокоста.

Резкое увеличение населения не могло не повлиять на жизнь городов и поселков Казахстана, в которых обострилось количество социальных проблем: нехватка жилья, диктуемое ростом спроса и его дефицитом подорожание продуктов питания, неизбежное отставание объектов социальной инфраструктуры.

Г.В. Нечитайло, зампред столичного горсовета, вспоминал: «В город прибыло около 100 000 тыс. эвакуированных, всех приходилось размещать и ставить на довольствие, так что каждая комнатуха, каждая скамейка в городском парке были на учете. Питание горожан обеспечивал трест столовых и ресторанов, поскольку в военное время магазины продуктами не торговали. Помните лозунг: «Все для фронта, все для победы!» На фронт отправлялось все производимое горо-

дом и областью продовольствие, оставлялось только самое необходимое. Самым распространенным блюдом в столовых, где питалось население города, был так называемый «зеленый борщ» на клевере и черепахах. Бытует мнение, что «черепаховый суп – это деликатес». Возможно, но тогда этот жидковатый деликатес был вынужденной необходимостью, чтобы как-то поддержать силы алмаатинцев, работавших на оборону страны» [12].

Непростой была и эпидемиологическая ситуация в Казахстане, в т. ч. в связи с притоком в республику депортированных, эвакуированных, беженцев. Однако общий итог, по мнению составителей сборника «Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан. 1941–1945», вызывает уважение к отечественной медицине, что подтверждается публикуемой справкой республиканских Наркомздрава и СНК от 8 февраля 1945 г.: «Благодаря принятым мерам в республике не было допущено крупных эпидемий инфекционных заболеваний. Отдельные вспышки немедленно ликвидировались» [13].

Эвакуация была также трагична, как и сама война: вывозили детей, больных, стариков; люди голодали, умирали вдали от дома. Не хватало жилья, носильных вещей, привычных предметов быта. Республиканские органы партийной и государственной власти, профсоюзные и другие общественные организации по возможности оказывали эвакуированным помощь в улучшении материально-бытового положения, проявляли заботу об охране здоровья. Но в силу сложившихся обстоятельств, они не могли объять необъятное – остановить стремительно набирающий скорость вал вопросов и проблем...эвакуированных и беженцев, ежедневно прибывающих в Казахстан.

Документы Национального архивного фонда РК по теме «эвакуация» можно условно разделить на семь групп:

I. Постановления, решения, распоряжения, приказы партийных и советских органов, государственных учреждений, а так же докладные записки, информации, справки и др.: о размещении, трудовом устройстве и бытовом обслуживании эвакуированного населения; о выделении единовременной денежной помощи остро нуждающимся семьям эвакуированных граждан; о выделении дополнительного хлеба для эвакуированного населения; о направлении детдомов; о размещении эвакуогоспиталей; списки регистрации (с указанием профессий эвакуированных) и другие сведения.

II. Списки эвакуированных в разрезе социального статуса, национальностей, географии, профессиональной деятельности.

III. Личные дела по учету кадров райкомов КП (б) Казахстана, отложившиеся в отделах кадров райкомов и обкомов КП (б) Казахстана. Автобиографии, характеристики. 1941–1945 гг. В секторах партстатисти-

стики могут быть «Книги регистрации учетных карточек членов и кандидатов партии, прибывших по эвакуации» или «Списки коммунистов, прибывших в Алма-Атинскую область в 1941–1944 гг.

IV. Заявления эвакуированных граждан в государственные органы с просьбами об оказании помощи.

V. Воспоминания.

VI. Материалы и списки по откомандированию в освобожденные районы.

VII. Письма и запросы граждан о подтверждении нахождения в эвакуации, которые обычно в силу специфики остаются за гранью исследований, несмотря на то, что являются интересным источником по разным вопросам региональной истории и в частности, по изучению эвакуации в годы войны.

Вариант сохранения информации об эвакуированном населении – создание электронных баз данных, аналогичных «Книгам памяти», увековечившим имена и фамилии миллионов современников, погибших на полях сражений Великой Отечественной войны или «Книгам скорби», опубликовавшим списки лиц, репрессированных по политическим обвинениям на территории Казахстана в 1930–1950 гг. и др.

По мнению Кана Г.В., д. и. н., «проект стал живой связующей нитью между поколениями. Поскольку в материалах конференций не только представлен фактический, документальный материал, но также дается методика поиска документов по теме эвакуации».

Евгения Чиликова

1. Потемкина М.Н. Эвакуационно-реэвакуационный механизм в СССР в годы Великой Отечественной войны / Материалы VI международной научно-практической конференции. 18 октября 2012 г. – Алматы, 2013. – С.6.
2. Аманова А.С. Некоторые аспекты эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны на основе архивных материалов по Павлодарской обл.; Аупенова А.У. Исина Ж.Е. Масштабность некоторых проблем эвакуации гражданского населения в Казахстан в первые годы Великой Отечественной войны / Материалы IX научно-практической конференции «История. Память. Люди», г. Алматы, 27 сентября 2018 г.– Алматы, 2019.
3. Чиликова Е.В. Пути поиска сведений о численности населения, эвакуированного в Казахстан в годы Великой Отечественной войны / Материалы VII международной конференции. 17 сентября 2014 г. – Алматы, 2015. – С.19–34.
4. ЦГА РК. Ф.Р-1137. Оп.9. Д.141. Л.79. АП РК. Ф.708. Оп.6/2. Д.188. Л.24; Оп.7/1. Д.932. Л.9. Опубликовано: Немцы в Карагандинской области (конец XIX – 90-е гг. XX века). Сборник документов и материалов. Ч.1. – Караганда, 2011. – С.79; История Казахстана. Документы и материалы (1917–2012). – Астана: ТОО «Шанырақ Медиа», 2017 – С.105–106.
5. ЦГА РК. Ф.Р-1137. Оп.8. Д.384. Л.13–29. / Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Сборник документов и материалов. – Т.1. Июнь 1941–1943 гг. – Алма-Ата, 1964 – С.433–435.

6. Ж.Т. Байкаш, А.К. Еркенова К вопросу о деятельности эвакуированных врачей-евреев в медицинских научно-исследовательских институтах г. Алма-Аты / Материалы IX научно-практической конференции...указ соч.
7. АП РК. Ф.708. Оп. 5/1. Д.564. Л.10. Е.Г. Малиновская Академия архитектуры СССР в Чимкенте – период эвакуации / Материалы IX научно-практической конференции...указ. соч.
8. Переверзева И.В. Приветственное слово / Материалы VIII международной научно-практической конференции. 16 сентября 2016 г. – Алматы, 2017. – С.15.
9. Чиликова Е.В. Еврейские литераторы в Казахстане. Штрихи к биографии одного из «других» – Пинчевского М.Я. / Материалы VIII международной научно-практической конференции. 16 сентября 2016 г. – Алматы, 2017. – С.99–111.
10. Кабдулова К.Д. Эвакуация политэмигрантов в Казахстан в годы Великой Отечественной войны / Материалы IX научно-практической конференции...указ. соч.; С. Книжник Из истории эвакуации в Актюбинскую обл. в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Қазақстан мұрағаттары (Астана) – 2013 – №2 (26) – С.82–87. АП РК. Ф.708. Оп.6/1. Д.525. Л.6–10.
11. Люстингер А. Сталин и евреи: Трагическая история Еврейского антифашистского комитета и советских евреев / Пер. с нем. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – С.100; Из истории депортации народов в Алматинскую область Казахстана (1936–1959). Сборник документов / Муқанова А.А. (ответ. составитель) – Алматы, 2010 – С.228.
12. Матвеева Л.А. «Зарисовки из личных фондов» // Қазақстан мұрағаттары – Астана – 2013 г. – №4 (28) – С.50–51.
13. Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян – М: МФД: Материк, 2005. – С.367. Из истории немцев Павлодарского Прииртышья / Болтина В.Д., Покидаева Т.Е., Шевелева Л.В. – Павлодар, 2015 – С.369. «Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан: 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов / отв. редактор Г.С. Сарсенова, отв. составитель Е.М. Грибанова – Алматы, 2015. – С.17.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Абдукадырова Д.Ю.

директор Архива Президента РК

Қазақстан Республикасы Президенті Архивінің және Қазақстан халқы Ассамблеясының бірлесіп жасаған Конференциясына қош келдіңіздер!

Бүгінгі конференцияға қатысып отырған қонақтардың қатарында Өзбекстан, Қырғызстан, Польша және Қазақстанның аймақтарынан келген архившілер, ғалымдар, тарихшылар мен мамандар бар.

Шараны дайындауда Архивтің негізгі әріптесі «Мицва» ассоциациясы болып табылады. Бұл Конференция «Мицва» ассоциациясының бастамасымен 2002 жылдан бастап өткізіліп келеді. Соғыс жылдарындағы эвакуацияны зерттеу тарихшылар үшін өте өзекті мәселе. Бұл проблеманы зерттеуде архивтердің маңызы зор. Біздің Архивте 1941–1945 жылдардағы соғысқа байланысты тарихи құжаттар сақталуда. Сондықтан, Конференцияны Қазақстан Республикасы Президенті Архивінде өткізуді дұрыс деп санадық. Конференция жұмысының нәтижесінде, Қазақстан Республикасы Ұлттық архив қорының құжаттары туралы ақпарат мамандар арасында бұдан да жоғары сұранысқа ие болады деп сенемін.

Искренне приветствую участников и гостей IX Международной научно-практической конференции «История. Память. Люди». Благодарю наших партнеров по мероприятию – Ассамблею народа Казахстана, с которой Архив сотрудничает уже много лет.

Желаю участникам плодотворной работы! Уверена, что сегодня наше мероприятие станет знаковым для той серии конференций, которую проводит Ассоциация «Мицва». Думаю, что представленные доклады повлекут за собой новые исследования, участники смогут поделиться новыми архивными находками.

В своем выступлении на очередной сессии Ассамблеи народа Казахстана Глава государства Н.А. Назарбаев отметил: «Весь прошлый XX в. на территории Казахстана шёл сложный процесс формирования многоэтничного народа. При сталинском режиме в разные годы были депортированы целые народы – около 800 тыс. немцев, 102 тыс. поляков, 550 тыс. представителей народов Северного Кавказа, 18,5 тысяч корейских семей с Дальнего Востока.

Кроме того, во время войны Казахстан принял 350 тыс. чел. эвакуированного населения. В целом с начала XX в. в Казахстан было переселено более 5 млн. чел.».

В 2002 г. О.Ю.Л. Ассоциацией «Мицва» был инициирован гуманитарный, общественно-значимый проект по сохранению, увековечиванию и распространению информации по истории массового переселения народов – эвакуации и беженству. За эти годы в партнерстве с Цен-

тральным государственным архивом РК было проведено 8 международных научно-практических конференций, изданы сборники материалов, в которых отражены вопросы и проблемы, связанные с эвакуацией людей, промышленных объектов, учреждений культуры, а также история жизни населения, вынужденного в результате глобальных политических событий изменить место жительства.

Тема эвакуации и беженцев во время Великой Отечественной войны в Казахстан, изучение судеб множества людей были и остаются актуальными для историков и архивистов. Архив Президента РК на протяжении многих лет занимается темой эвакуации и насильственной депортации народов СССР в Казахстан. За это время подготовлены и изданы несколько сборников документов, введены в научный оборот документы ранее недоступные исследователям, опубликованы статьи в казахстанских и зарубежных газетах и журналах.

В фондах Архива Президента РК сосредоточен огромный массив документов по эвакуации. Сегодня малая часть из них представлена на выставке. Это документы о размещении и работе эвакуированных в республику промышленных предприятий, научных и культурных учреждений в годы Великой Отечественной войны, об устройстве эвакуированного населения.

В республике восстановили 220 крупных, средних и мелких заводов, фабрик, мастерских, артелей и промкомбинатов. В ходе войны были реэвакуированы 20 заводов, фабрик, мастерских и конструкторских бюро. Большая часть эвакуированных предприятий осталась в Казахстане, дав мощный импульс для развития и укрепления промышленности.

Каждая эпоха оставляет в памяти свой особый отпечаток. Это образы прошлого, знание о которых существуют в настоящем, а порой и определяют это настоящее. Поэтому сегодняшнее мероприятие имеет огромное патриотическое значение в воспитании молодежи.

Наша многоэтничность была искусственно создана политической системой. И в этом нет вины людей, не по своей воле оказавшихся на этой земле.

Сегодня мы все казахстанцы – единый, сплочённый народ, и это наше главное преимущество. Эти страницы истории надо помнить и сохранить в качестве важнейшего этапа нашей истории для будущего поколения.

Вексельман Л.
*Чрезвычайный и Полномочный Посол
в Республике Казахстан*

Благодарю вас за приглашение принять участие в IX Международной научно-практической конференции «История. Память. Люди», посвященной истории эвакуации в годы Великой Отечественной войны в Казахстан.

Ввиду невозможности участие в данной конференции хотелось бы пожелать успешной и продуктивной работы всем участникам данного мероприятия, поскольку заявленная тема является чрезвычайно актуальной и значимой.

Л. Прокопенко
*заместитель Председателя
Ассамблеи народа Казахстана*

Уважаемые участники конференции! Сегодняшнее мероприятие – это, прежде всего, дань памяти всем жертвам трагических событий Второй мировой войны.

Тяжелые испытания и потери в те времена выпали на долю еврейского народа, созидательный дух которого, благодаря стойкости и мужеству не был сломлен.

Переселившиеся вследствие драматических исторических событий, евреи Казахстана вносили и продолжают вносить вклад в социально-экономическое, научное и культурное развитие страны.

Еврейские этнокультурные объединения стали эффективными институтами гражданского общества. Их активная деятельность укрепляет общественное согласие и единство народа Казахстана.

Сохраняя и развивая связи со своей исторической родиной, многие представители еврейского этноса используют этот потенциал для укрепления дружбы и взаимовыгодного сотрудничества.

Уверен, что проводимая конференция предоставит возможность для ученых и экспертов поделиться своими знаниями и опытом, напомнит нам о значимости мира и согласий, незыблемости, таких ценностей как, взаимоуважение, любовь и милосердие в современном мире.

Мы все должны научиться извлекать уроки из прошлого, дабы не допускать подобных ошибок сегодня.

Надеюсь, что участники конференции проведут интересную дискуссию, совместно выработают рекомендации, которые будут способствовать дальнейшему утверждению принципов толерантности и взаимоуважения.

Желаю гостям и участникам конференции плодотворной работы!

Терещенко С.А.

Экс Премьер-Министр Республики Казахстан

Почетный консул Израиля в Казахстане

Уважаемые участники и гости конференции! Заявленная тема чрезвычайно актуальна, так как является, вне всякого сомнения, значимой частью Великой Отечественной войны. Судьбы беженцев, эвакуированных людей, промышленных объектов, учреждений культуры, а также истории жизни населения, вынужденно сменившего место жительства в результате войны – всё это легло неизгладимым отпечатком на историю многих стран и народов.

Находясь на этой конференции, мы возвращаемся в тяжелые, полные горя и героизма военные годы, когда к нам в Казахстан потянулись эшелоны с беженцами и эвакуированными. Более полумиллиона человек разных национальностей, в т. ч. и евреев, приняла наша республика, давая им кров, спасая от холода и голода. Большинство очевидцев тех трагических событий уже нет в живых, но остается память. Эта память связывает города и страны, заполняя страницы истории, что особенно важно сегодня, когда делаются попытки переписать историю Второй мировой войны.

Архивные документы, кинохроника, фотографии, письма, дневники, долгое время закрытые от публичного пользования, представляют собой бесценное историческое наследие, благодаря которому жива подлинная история.

Многие евреи, в силу различных причин оказавшиеся в Казахстане и других странах Центральной Азии, внесли весомый вклад в развитие искусства, науки, медицины и других профессий, основываясь на местах проживания. Работы, представленные в рамках конференции, помогают восстановить генеалогические корни, восполнить истории семей, находить архивные документы, а через них – восстановленные и новые родственные контакты.

Говоря об эвакуации как об историческом явлении, беспрецедентном по своим масштабам и срокам осуществления, в тех условиях героизм был проявлен всеми без исключения – и теми, кто осуществлял эвакуацию, и теми, кто на месте принимал оставшихся без крова людей. Они отдавали все силы, налаживая работу промышленных предприятий, развертывая госпитали, переводя все отрасли народного хозяйства на военные рельсы.

Уже 1 сентября 1941 г. республика приняла 24 тыс. 258 чел., из которых 10 968 чел. были русскими, 2695 украинцами, 1259 белорусами, 8218 – евреями, 159 – поляками. Были среди эвакуированных немцы, латыши, эстонцы, представители других национальностей. И всех прибывавших надо было обустроить, учить, лечить, обеспечивать продовольствием. Около 65% эвакуированных были размещены в аулах, 35% – в городах. Естественно, резкое увеличение населения не могло не повлиять на жизнь городов и поселков Казахстана, где обострилось большое количество социальных про-

блем, отмечалась острая нехватка жилья, подорожание продуктов питания, неизбежное отставание объектов социальной инфраструктуры.

Казахстан также стал вторым домом для представителей советской интеллигенции. Сюда был эвакуирован цвет науки и культуры. Именно в Казахстане академик В. Вернадский работал над своей революционной теорией ноосферы. Здесь в годы войны нашла новое развитие астрономическая наука трудами звезды мировой величины в астрофизике, основателя астроботаники Г. Тихонова и его коллег, эвакуированных из Пулковской обсерватории.

Столь масштабное и сложное событие в жизни страны, каким явилась эвакуация, не могло не сыграть важнейшей роли как в судьбах тех, кто прибывал в Казахстан, так и самой республики. Многие интереснейшие страницы в экономической, научной, культурной жизни современного Казахстана берут начало именно в том периоде, полном героизма и лишений. При этом роль Казахстана в сохранении человеческого капитала до сих пор по-настоящему не оценена и нуждается в серьезном осмыслении, и работы в этом направлении будут продолжены.

Желаю успешной работы участникам IX международной научно-практической исторической конференции во благо нашего народа и благодатной страны.

Михаил Мирилашвили

Президент Евро-Азиатского еврейского конгресса,

Хаим Бен Яков

Генеральный директор Евро-Азиатского еврейского конгресса

Уважаемые друзья! Мы приветствуем участников конференции и с удовлетворением отмечаем, что Международная научно-практическая историческая конференция «История. Память. Люди» стала важнейшим регулярным событием по изучению истории евреев Центральной Азии и Западной Сибири.

Ассамблея народа Казахстана, Архив Президента Республики Казахстан и Ассоциация «Мицва» объединили свои усилия что бы обеспечить высокий уровень подготовки и для нас честь поддержать вашу благородную деятельность.

Мы желаем успехов в работе конференции и выполнения поставленных задач.

Конференция проходит в дни праздника Кущей (Суккот), который символизирует стремление народов объединять свои усилия во имя общечеловеческих ценностей, во имя мира и справедливости.

Примите наши поздравления и искренние пожелания здоровья и благополучия вам и вашим близким.

Пусть свет традиций и стремление свершать добро освящают вашу деятельность.

ЕВРАЗИЯ XX в.: ЭВАКУАЦИЯ, ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ, БЕЖЕНЦЫ

Калашникова Н.П.

Национальное сознание в контексте исторической памяти

Позвольте от имени научно-экспертного сообщества Ассамблеи народа Казахстана приветствовать участников международной научно-практической конференции «История. Память. Люди»! Выразить свое уважение организаторам за постоянство исследуемой темы, это уже IX Международная конференция, собирающая ученых, общественных деятелей разных стран!

Разрешите поблагодарить Архив Президента РК, создавший уникальную площадку для общения, О.Ю.Л. Ассоциацию «Мицва» за приглашение новых экспертов и этнокультурные объединения.

Мы с гордостью можем говорить сегодня о том значимом сотрудничестве Архива с Ассамблеей народа Казахстана, зародившемся несколько лет назад.

Выпуск в рамках международного проекта «Память во имя будущего» трех томов «Депортации народов в Казахстан в самые трудные периоды XX в. – 30–50-е гг.», стали, по сути, драйвером для развития архивной документалистики, интерес к которой со стороны отечественных и международных экспертов, очевиден.

Казахстанское сообщество может сегодня поделиться своим опытом изучения исторической памяти, гордиться своими актуальными исследованиями. Это нужно, прежде всего, для нашей молодежи, потомкам, продолжая эстафету солидарности в ее сохранении.

Тема исторической памяти глубока и многогранна, она особенно актуальна сегодня, когда общество в поиске своей национальной идентичности. Ведь не случайно эксперты называют память истории – своеобразным пантеоном национального сознания.

Справедливости ради следует отметить, что «историческая память» вводится в научный оборот, написано немало научных трудов и монографий, хотя отдельные из них, отчасти, дискуссионные.

Остановлюсь лишь на трех наиболее значимых месседжах, характерных для современной повестки дня.

Первый месседж – научное осмысление феномена «историческая память».

В современном мире в последнее время особо актуализируется проблематика исторической памяти. Только зная историю развития своего народа, люди способны определить, что будет полезным для общества в будущем. Сохранение исторической памяти – главная его задача.

У теории исторической коллективной памяти, как и у любой другой, есть свои основатели и последователи. К примеру, французский философ и социолог Морис Хальбвакс первым выдвинул гипотезу о том, что понятия исторической памяти и истории далеко не одно и то же. Он впервые предположил, что история начинается именно тогда, когда заканчивается социальная память и традиция.

Возникшая в последние годы тенденция к переписыванию исторических событий так же должна насторожить все человечество. В свое время У. Черчилль не случайно отмечал, что власть школьного учителя не снилась никакому премьер-министру. Пока национальное сознание не освободится от комплекса и предрассудков не возродит историческую память, уважение к прошлому и настоящему, не научится гордиться своей страной, оно не станет полезным духовным ресурсом.

В этой связи необходимо формировать и укреплять сознание исторической памяти. Историческая память в контексте исторического сознания рассматривается как один из факторов консолидации общества. Она формируется и укрепляется, в первую очередь, в процессе изучения истории. Роль истории в сохранении исторической памяти чрезвычайно важна. Поэтому одной из главных причин появления термина «память» в приложении к истории, как нам представляется, стало повышенное и во многом оправданное внимание к воспоминаниям участников и, главным образом, жертв величайших трагедий XX в., среди которых в особом ряду стоит период тоталитарного режима, массовых депортаций, политических репрессий и голода. Об этом времени не принято было говорить, давать оценку событиям, и только в последние годы возросла общественная и исследовательская активность. Первый Форум историков стран СНГ «От истории – к современности», который собрал более 300 отечественных и зарубежных ученых историков, принявший Астанинскую Хартию по выработке единых подходов к изучению исторического наследия, дал в определенной степени старт таким научным изысканиям современной истории.

Для научного сообщества важна консолидация ученых, изучающих столь тонкую проблематику, необходимо в научный оборот вводить только выверенные источники и подобные научно-практические конференции дают питательную почву для дальнейших объективных исследований и изданий.

Отечественная наука могла бы предложить исследования казахстанского феномена исторической памяти. Поэтому расширение депозитария АНК в Национальной академической библиотеке РК, депозитариев в центральных областных и школьных библиотеках, а так же в музеях, это забота научно-экспертного сообщества, в т. ч. и в регио-

нах. Следует отметить, что совместно с архивами устанавливается сотрудничество по оцифровке материалов и научных трудов, по передаче их на информационные ресурсы для широкого доступа. Дальнейшее развитие данного направления, считаем необходимым. Следует провести анализ (инвентаризацию) всех изданий, направленных на исследования темы политических репрессий, депортации и голода, включая сохранение трудов репрессированных и депортируемых, многие из которых выдающиеся личности своей эпохи. Такую базу данных в актуализированном виде можно будет «выложить» на мультимедийный портал АНК в раздел «Народ Казахстана». Здесь важна роль Архива Президента, на полках которого еще много неизученных страниц, и научного потенциала этнокультурных объединений. Порой незаслуженно забывается и уникальный научный метод – устной истории, который постепенно возрождается и реализуется в проектах АНК, в т. ч. и международных.

Второй месседж – общественное восприятие исторической памяти.

История формирования полиэтничного народа Казахстана относится своими корнями к XVII–XVIII вв., когда на его территорию переселились достаточно большими группами и общинами русские, украинцы, уйгуры, дунгане, татары, узбеки и др. Подтвержден документально факт переселения, к примеру, евреев на территорию Казахстана. Их общая численность по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Казахстане составила 1651 чел.

Многие исследовательские экспедиции, в т.ч. торговый, консолидирующий народы Центральной Азии, Великой степи «Великий Шелковый путь», стали, по сути, объединяющим шатром для людей разных национальностей. Таким образом, в формировании полиэтничного Казахстана, по свидетельствам исторических летописей, открывается новая страница для осмысления сегодняшнего феномена общенационального единства и общественного согласия, казахстанской модели мира и созидания.

«Память о трагических страницах нашей истории, о жертвах политических репрессий и голода всегда была, есть и будет для нашего народа священной» – отмечал Глава нашего государства Н.А. Назарбаев, лично предпринимая неустанные усилия по сохранению исторической памяти. К примеру, Международный проект «Память во имя будущего», инициированный АНК в 2009 г., стал народной «Дорожной картой мира и общей истории». Это было продиктовано стремлением структурировать накопленный опыт АНК за десятилетие, предложить новые векторы ее модернизации. Посредством его эффективной реализации наша общая историческая память пополнилась новыми событиями, архивными материалами, а главное новыми

именами, о которых нельзя забывать. По данной теме под эгидой АНК издано немало уникальных социально значимых изданий, их уже свыше 500. И задача научно-экспертного и этнокультурных сообществ заключается – способствовать включению их для широкого изучения истории.

Международные инициативы АНК, показали, что данный проект не имеет границ. В нем, по нашим подсчетам, за десятилетие с момента первой международной встречи потомков, приняло участие свыше 1 млн. участников из более 20 стран, тем самым расширены границы социальной заинтересованности и общественной сплоченности в дальнейшей его реализации.

Следует так же отметить, что значительно повысилась вовлеченность этнокультурных объединений в реализацию проекта «Память во имя будущего», который с первых дней способствовал укреплению мостов дружбы со странами происхождения казахстанских этносов, изучению их участия в развитии Казахстана. При поддержке Архива Президента появились уникальные издания об истории казахстанских армян, курдов, евреев, корейцев, украинцев и др., тем самым вносит значительный вклад в изучении общей истории полиэтничного Казахстана, национальное сознание по отношению к исторической памяти.

В таком контексте представляет интерес и для исследователей, и для общественности уникальная историческая интерактивная карта «Народ Казахстана»,^{1*} созданная по поручению Главы государства, показывающая на сайте АНК в электронном режиме исторический процесс становления новой общности людей, консолидации всех национальностей на древней казахской земле.

Учрежденный недавно по инициативе Президента День Благодарности,^{2*} так же несет в себе глубинные корни солидарности и сострадания, бережного отношения к традициям уважительного отношения и доверия друг к другу. Он становится одним из самых главных праздников нашей страны, близким каждому сердцу. Потенциал исторической карты и духовные скрепы, отмечаемого ежегодно 1 марта Дня благодарности, безусловно, еще до конца не исследованы, дальнейшее изучение которых привнесет в изучении феномена исторической памяти новые грани общественного восприятия и понимания.

Третий меседж – женское участие в продолжение нитей памяти и судеб людей.

^{1*} <http://map.kazcontent.kz/?iframe=true&width=95%25&height=95%25>

^{2*} Указ № 173 «О внесении изменения и дополнения в Указ Президента Республики Казахстан от 20 января 1998 г. №3827 «О профессиональных и иных праздниках в Республике Казахстан» от 04.01.2016 г. www.zakon.kz

Женщины во все времена были и остаются двигателями истории, тоньше демонстрируют открытость к изменениям. К примеру, в АЛЖИРе^{1*} отбывали наказание представительницы 62-х национальностей, только за то, что они были женами, любящими, красивыми, заботливыми... Они не озлобились, сумели сохранить историческую память, передать ее своим потомкам.

Благодаря проекту АНК «Память во имя будущего» появились истории об этих удивительных женщинах, открыты новые имена, страницы, которые не подлежат забвению. А сколько еще не изучено... Учитывая большую заинтересованность научного сообщества, гражданского участия предложено в рамках международного проекта «Память во имя будущего» создать новое исследовательское направление «Эпоха. Женщина. Память», посредством которого рассказать об этих удивительных женщинах, сумевших выстоять и сохранить судебную связующую нить. Ведь женщинам наиболее понятны судьбы близких и общества, весь трагизм тех драматичных лет истории, коснувшийся ни одно поколение.

В третьем томе «Из истории, депортации. Казахстан 1939–1945 гг. в разделе «Депортация в воспоминаниях», выпущенном буквально несколько месяцев назад АП РК при поддержке АНК, есть очень трогательное воспоминание Е. Левицкой «Посвящается моей бабушке Стояновой Валентине». В нем она пишет – «Несмотря на все, что мне приготовила судьба, я рада, что попала именно в Казахстан. Неизвестно как сложилась бы моя судьба, если бы нас все-таки оставили на Урале. Я не встретила бы твоего дедушку, не родила бы двух замечательных дочек и не имела бы своих внуков, т. к. там, возможно, мы бы не выжили. А еще, если бы я могла, я бы поблагодарила всех тех людей, которые нам помогли своей добротой, участием, тем, что не отвернулись от нас в трудную минуту. Если бы не эти люди, не знаю, что бы с нами случилось».

Таким образом, подводя итог выше сказанному, еще раз следует подчеркнуть, что историческая память живет активной жизнью, которую ведут люди. Она не только воссоздает образы прошлого, но и выдает широкий спектр эмоций – восхищения и поклонения, скорби и страдания и др.

Двойственная природа исторической памяти соответствует противоречивости реальной жизни. Понимая «тонкость» проблемы, необходимость в справедливом ее освещении, современные исследователи взвешенно относятся к содержательному наполнению этого понятия. Так, российский социолог Ж.Т. Тощенко отмечает, что при обсужде-

^{1*} Акмолинский лагерь жен изменников Родины.

нии проблемы исторической памяти, мы выводим два слоя – интеллигенции и народа. Анализ темы исторической памяти сегодня идет на уровне второго слоя, поэтому необходимо разделять уровни исторической памяти и нашего понимания и тех людей, которые на самом деле делают историю.

В одном из своих выступлений казахстанский лидер Н.А. Назарбаев подчеркнул: «Мы воздаем должное памяти и деяниям наших предков, помня о том, что история нашей священной земли насчитывает несколько тысячелетий. Она искусно вплетена своим уникальным орнаментом в соцветье минувших и нынешних цивилизаций Евразии...». Это важно осознавать каждому кто живет на благодатной казахской земле, не забывать, что любую историю творят люди. В таком ключе формирующие новые тренды укрепления национального сознания в контексте активной вовлеченности казахстанцев в реализацию Программы «Рухани жангыру» и ее шести общенациональных проектов, предложенную Елбасы, наполняются новыми смыслами и содержанием с учетом исторической памяти.

Батырбаева Ш.Д.

Эвакуированное и депортированное население в Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны

Исследование демографического развития Кыргызстана в годы войны раскроет особенности демографических процессов этого периода: проблемы потерь населения в войне; проблемы депортации народов, ссыльных, спецпоселенцев, эвакуированных, репатриантов; интенсивность демографических явлений – рождаемости, смертности, продолжительности жизни, брачности и разводимости, вызванные войной изменения в социально-профессиональной структуре и культурно-образовательном уровне.

В этом плане актуально восстановление динамики численности, которая непосредственно была обусловлена с основными этапами Великой Отечественной войны. В начале войны учет был осложнен эвакуацией и мобилизацией на фронт, в оборонную промышленность, на транспорт и стройки. С началом освобождения захваченных фашистами территорий началась реэвакуация населения, а также одновременно с продолжающейся мобилизацией на фронт, шла демобилизация из армии раненых; были депортированы народы с Северного Кавказа, Грузии, и других районов страны. В настоящем докладе будут изложены основные результаты исследования динамики численности эвакуированного и депортированного населения в Кыргызстан [1,

с.142–163]. Во время Великой Отечественной войны в Киргизскую ССР вывезли 66 заводов и фабрик: 28 – в 1941 г. и 38 – в 1942 г. из временно оккупированных районов Украины, России и Белоруссии. Наряду с оборонными предприятиями, заводами и фабриками в Кыргызстан были эвакуированы и научная база – в т. ч. 12 высших учебных заведений и институты Академии наук СССР: биохимии, генетики, физиологии растений, микробиологии, палеонтологии и эволюционной морфологии и др. В Кыргызстан был эвакуирован ряд театров и учебных заведений РСФСР, Украины и других республик Советского Союза. До сентября 1942 г. в республику были перевезены 3 тыс. 433 воспитанника 41 детского дома из гг. Одессы, Ленинграда, Москвы, Курской, Ворошиловградской и Смоленской областей [2, с.53–58].

Несмотря на стихийность передвижения на начальном этапе войны с созданием в конце июня 1941 г. Совета по эвакуации населения был налажен учет передвижения людей, вынужденных оставлять оккупированные немцами территории. По указанию Государственного Комитета Оборона (далее – ГКО) 1 февраля 1942 г. во всех регионах тыла центральным справочным бюро при Совете по эвакуации была проведена перепись населения, прибывшего из находящихся под угрозой оккупации зон СССР. В изучении эвакуированного населения в Киргизской ССР следует выделить два этапа, первый – в начале войны с западных районов, второй – с наступлением фашистов на южных фронтах. Нами были изучены разного рода источники, отражающие учет эвакуированного населения. Сравнительное изучение архивных документов показало, что на 1 января 1943 г. в Кыргызстан были эвакуированы 150 838 чел., из них детей до 16 лет – 44 885. По данным учета эвакуированных на 1 января 1943 г. в Кыргызстане было 114,4 тыс. Таким образом, за 1942 г. были реэвакуированы 36 438 чел. Основная масса эвакуированных (70,3%, или 105 982 чел.) учтена в 1941 г., в 1942 г. – 44 856 чел. Из общей численности эвакуированных 63,7% были размещены в городах. При этом из всех эвакуированных в городах Джалал-Абадской обл. – размещено 59,82%, Иссык-Кульской – 71,9%, Ошской – 81,5%, Тянь-Шанской – 60,3%, Фрунзенской – 60,9%. В г. Фрунзе в 1941 г. осело 35,8% прибывших. В 1942 г. в городах были размещены 32,9% эвакуированных, в т. ч. по областям: в Джалал-Абадской обл. 40,5%, Иссык-Кульской 25%, Ошской 33,7%, Тянь-Шанской – 9,2% и во Фрунзенской 34% эвакуированных [3, л.10 и об.].

Эвакуированное и реэвакуированное население в годы войны [4]

Годы	Эвакуированные	Реэвакуированные	Всего по республике
1941	105 982		105 982
1942	44 856	36 438	150 838
1943		43 781	114 400
1944		35 619	70 619
1945			35 000

Реэвакуация из республики началась с контрнаступлением под г. Москвой, с появления первого постановления ГКО по вопросам реэвакуации кадров и гражданского населения и продолжалась с 6 января 1942 г. по 1946 г. По сравнению с эвакуацией, учет реэвакуации был менее точным, т. к. не все эвакуированные организации при отъезде выписывались [5, л.4]. Тем не менее, статистики, сопоставляя разные формы отчетности населения, достаточно точно учитывали наличную в республике численность эвакуированных людей. Имеющиеся в нашем распоряжении источники в целом адекватно отражают вектор эвакуационного движения на территории республики. С 1943 г., в связи с контрнаступлением по всему фронту, началась массовая реэвакуация, завершившаяся в основном к концу войны. По данным отчета ЦСУ в МВД республики от 28 марта 1945 г. на 1 января 1946 г. оставались из эвакуированных всего по республике – 47 804 чел., в т. ч. в городах – 43 781 чел., в сельской местности – 3933 [5]. Позже сотрудники ЦСУ внесли свои коррективы в численность эвакуированных, снизив ее за счет не выписавшихся. Согласно корректировке реальной численности данной категории населения, на 1 января 1946 г. их насчитывалось в целом по республике 35 тыс. чел. [5]. В годы войны эвакуированных людей включали в общую численность населения республики, и данный фактор сглаживал резкое падение общей численности.

В кыргызстанской историографии вопросы демографической истории депортированных народов изучаются с введением в научный оборот материалов засекреченных фондов, содержащих статистические данные о естественном, механическом, социальном движении депортированных народов [6, 7].

Количество и размещение депортированных народов в Киргизии
[6, с.20, 45]

Области	Всего расселено, из них									
	семей	чел.	чеченцы, ингуши		карачаевцы		балкарцы		из Грузинской ССР	
			семей	чел.	семей	чел.	семей	чел.	семей	чел.
Фрунзенская	11 835	49 093	6333	25 379	214	16 535	1004	5400	284	1779
Ошская	9021	40 113	6651	29 182			1364	5896	1006	5035
Джалал-Абадская	6735	28 258	5658	24 447			628	2031	449	1780
Талас	4294	17 113	2320	8882	1501	6214			473	2017
Иссык-Кульская	718	2721					718	2721		
Итого	32 063	137 298	20 962	87 890	5715	22 749	3714	16 048	2212	10 611

В Киргизскую ССР были депортированы и размещены в 1943–1944 гг. 132,7 тыс. чел., но вследствие тяжелых условий среди них были большие людские потери и к 1 апреля 1946 г. выжили всего 102 381 чел. Депортированные народы статистическими органами республики были включены в механический прирост, но в общую численность населения не включали вплоть до конца 1940-х гг., их учет велся отдельно.

В дальнейшем необходимо ввести в научный оборот материалы архивов соответствующих государственных учреждений и совершенствовать методы исследования с использованием информационных технологий для изучения этнодемографической и социально-профессиональной структуры эвакуированного и депортированного населения Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны.

1. Батырбаева Ш.Д. Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении – М.: РОССПЭН, 2010.
2. Керимбаев С.К. Советский Кыргызстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Фрунзе, 1980.
3. ЦГА КР. Ф.105. Оп.28. Д.183.
4. Сост. по ЦГА КР. Ф.105. Оп.26. Д.37. Л.4; Оп.28. Д.183. Л.10.
5. ЦГА КР. Ф.105. Оп.26. Д.37. Л.4.
6. Кызаева Д.Ш., Доценко Т.Д., Бегалиев С.И. Архивные документы свидетельствуют: Депортированные народы в Кыргызстане
7. Дьяченко Л.Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации) / Дисс. д. и. н. Бишкек, 2013. URL: <http://www.dissercat.com/content/deportirovannye-narody-na-territorii-kyrgyzstana-problemy-adaptatsii-i-reabilitatsii#ixzz5RKRGqruh>

Братская помощь узбекского народа республикам СССР, оказавшимся в оккупации в годы Великой Отечественной войны

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что гуманизм, стремление к добрососедству, справедливости, равноправному сотрудничеству, милосердию представляют неотъемлемые черты характера и национального духа узбекского народа. Ему чужды жестокость и насилие, особенно зримо сконцентрировавшиеся в идеологии фашизма. Как обоснованно отмечал И.А. Каримов, «...за тысячелетия своей богатейшей событиями истории наш народ пережил многое – радость расцвета культуры, науки, государственности и горечь раздоров, чужеземного порабощения, потерь лучших сыновей и дочерей». Но «ни превратности истории, ни стихийные бедствия и голод не сломили человечности народа» [1].

Высокие образцы подлинного гуманизма продемонстрировал узбекский народ в годы Второй мировой войны. Следуя лучшим традициям цивилизации Востока, он широко открыл в горестные годы военного лихолетья дружественные объятия населению временно оккупированных врагом территорий бывшего Союза, душевно обогрел, окружил заботой и приютил изгнанников, лишенных своей родины, жертв войны; помог братским народам в борьбе с фашизмом, в восстановлении экономики и налаживании культурного строительства.

Подвиг милосердия и человеческого сострадания, совершённый народом Узбекистана, выглядит особенно впечатляющим на фоне предельно бедственного положения, в котором оказалось население республики в военные годы.

Война, как известно, коренным образом изменила привычный уклад жизни. С первых военных дней в Узбекистане, как и в целом по стране, резко сократились фонды промышленных и продовольственных товаров. В связи с потоком эвакуированного населения чрезвычайно обострилась жилищная проблема. Многим приходилось жить в землянках, бараках. Перебои в снабжении электроэнергией, топливом сказались на работе транспорта и учреждений коммунального обслуживания.

Война ворвалась в каждый дом, каждую семью, подвергнув людей тяжелейшим испытаниям, лишениям и невзгодам. Оккупация врагом огромных территорий, приведшая к сокращению посевных площадей, количества скота, а также общее ухудшение состояния сельского хозяйства, обернулись продовольственными трудностями.

Известно, что, начиная агрессию против Советского Союза, гитлеровские стратеги намеревались активно использовать в своих целях

предполагаемые национальные столкновения народов СССР. Гитлер утверждал, что «политика в отношении народов, населяющих широкие просторы России, должна заключаться в том, чтобы поощрять любую форму разногласий и раскола» [2].

С этой целью фашисты планировали националистические провокации, которые должны были вызвать мятежи, диверсии, раскол страны. В директивных документах гитлеровского командования настойчиво рекомендовалось повсеместно противопоставлять «русским нерусские народы», натравливать их друг на друга.

Надо признать, что надежды нацистских стратегов на активное использование «национального фактора» в своих захватнических целях не были лишены оснований. Однако уже первые дни войны показали, что расчеты нацистских захватчиков на раздувание межнациональной войны оказались безнадежны. Расизм фашистской идеологии не мог стать заманчивой альтернативой сталинско-коммунистическому режиму. Опыт истории учит, что национальная свобода не привносится иноземными захватчиками. Независимость достигается только упорной борьбой самих подневольных народов. Насилие же извне стимулирует консолидирующие процессы. Что собственно и произошло в годы советско-германской войны. Гитлеровская агрессия вызвала необычайно мощный взрыв национально-патриотических чувств.

Мир не знал подобного. В страшное военное лихолетье перед человечеством предстало уникальное интернациональное сплочение людей на одной шестой части земли. Общая беда сплотила все нации и народы Союза. Главным нравственным приоритетом явилось чувство братского единения перед лицом смертельной опасности. Исконный народный гуманизм возвысился и над идеологией фашизма.

Патриотическая деятельность узбекского народа, выразилась в разнообразных формах и носила многоаспектный характер.

Неоспоримым доказательством большой нравственной силы и истинного душевного благородства узбекского народа явилась забота о тех, кого Вторая мировая война вынудила покинуть родные места, о раненых и инвалидах, о матерях, женах и детях фронтовиков.

Первые тысячи людей, покинувших временно оккупированные врагом территории страны и прифронтовые районы, начали прибывать в республику уже летом 1941 г. К сентябрю только из Украины прибыло 5717 чел. В октябре–ноябре их число возросло до 54 029 [3]. К концу 1942 г. Узбекская республика приняла 786,9 тыс. эвакуированных [4]. А всего Узбекистан принял за годы войны более 1 млн. граждан из оккупированных захватчиками районов России, Украины, Белоруссии, Молдовы и Прибалтики. Из них 200 тыс. детей.

Жители городов и кишлаков республики гостеприимно встречали прибывших граждан. Они теснились, чтобы дать им жилье, отрывали от себя кусок хлеба, чтобы накормить прибывших, собирали для них обувь, одежду. Как вспоминает, например, бывшая работница завода «Электрокабель» Н. Тихомирова, «нас шестнадцатилетних девчонок поселили в семье рабочего Усман-ака. Жили в тесноте, но не в обиде. Как не было трудно, хозяин и хозяйка делили с нами и касу маставы,^{1*} и кусок лепешки» [5].

Особой теплотой окружили жители Узбекистана потерявших родителей и родной дом детей. «Ты – не сирота!» – эти душевные слова, вышедшие из сердца узбекского поэта, выражали трепетные чувства всего народа. Узбекистанцы сделали все возможное и даже невозможное, чтобы принять, обустроить детей, создать им благоприятные условия. Об этом с глубокой благодарностью вспоминают и ныне многие жители республик СНГ, которых согрел в годы войны теплом своим Узбекистан. Памятью сердца проникнуто, к примеру, письмо инженера-технолога из Ростова-на-Дону Г. Шолохова, присланное в редакцию «Правды Востока» в дни празднования 50-летия Победы над фашистской Германией. В нем, в частности, говорится: «Малым ребенком, вывезенный из Киева в первое лето войны, я если и выжил, то единственно благодаря заботе и ласке Узбекистана. Передайте всем, кто принимал участие в нашем спасении, что мы никогда не растратим чувств к людям, которым обязаны жизнью, и как самое лучшее передадим их нашим детям и внукам» [6].

В целях системной организации приема эвакуированных детей по решению правительства республики в октябре 1941 г. был сформирован Центральный детэвакопункт. Только за период с 25 ноября 1941 г. по октябрь 1942 г. через эвакопункты республики прошло 15 649 детей [7].

Жертвы фашизма – они были бескровными, нередко с ранами на теле. Особенно крайне истощённые дети поступали из Ленинграда. По воспоминаниям А.П. Хлебушкиной, принявшей активное участие в приёме эвакуированных детей, «...это были крохотные старички и старушки, которых надо было кормить с ложечки и вливать в них собственную кровь, чтобы довести их до дома» [8].

Проводилась работа по сбору средств фонду помощи эвакуированным детям. Так, уже к концу 1941 г. в Бухарской обл. на эти цели было собрано 19,4 тыс. руб., в Самаркандской – 30,2 тыс. руб. В Ташкенте доход только от одного вечера, организованного в декабре 1941 г. в помощь эвакуированным детям, составил 35 тыс. руб. Кроме того, в

^{1*} Мастава («жидкий плов») – национальное узбекское блюдо, густой рисовый суп с овощами на бараньем бульоне с фрикадельками. Обычно подается в традиционной посуде – касе (прим. ред.).

Ташкенте было собрано 36,1 тыс., теплых вещей [9]. В течение июня 1942 г. в Ферганской обл. оказалось собрано 214,3 тыс. руб., Бухарской – 269 тыс. руб. и 6,9 тыс. теплых вещей. Трудящиеся Самаркандской обл. собрали 5 тыс. теплых вещей [10]. Труженики Каракалпакской автономной республики из своих личных сбережений пожертвовали 262 тыс. руб. и около 2,5 тыс. предметов одежды и обуви [11, л.8]. В целом же по республике в течение 1942 г. и первой половины 1943 г. было собрано 3,5 млн. руб. и большое количество продуктов питания и одежды [11, л.8–9]. Силами молодежи Узбекистана для детей фронтовиков и эвакуированных из фронтовой полосы удалось собрать более 100 тыс. пар обуви и несколько десятков тысяч комплектов одежды [12].

Сотни узбекских семей брали к себе на воспитание эвакуированных детей, у которых война отняла родителей. Совнарком УзССР 24 ноября 1941 г. принял специальное «Временное положение о передаче эвакуированных детей в семьи на воспитание в пределах УзССР», где излагались права и обязанности граждан, пожелавших воспитывать обездоленных малышей. Уже к концу 1941 г. жители Самаркандской обл. взяли на воспитание 101 ребенка [13].

Размах патриотическое движение за оказание общественной помощи эвакуированным детям приобрело в республике после состоявшегося в Ташкенте 2 января 1942 г. собрания женского актива города, призвавшего женщин Узбекистана заменить родителей детям, потерявшим их. Выступившая на митинге Бахри Шамахмудова сказала: «Безжалостные грабители, фашистские звери убивают детей, чинят чудовищные злодеяния над стариками, женщинами. Мы не дадим в обиду детей, мы отомстим врагу за безвинные жертвы. Тысячи советских людей усыновили детей, оставшихся без крова, без родителей. Мы заявляем: «Не будет у нас сирот». Я взяла на воспитание 5 детей. В моей семье воспитываются русские, белорус, украинец, татарка. Сейчас у меня одна цель – еще лучше работать в помощь фронту... и воспитывать детей достойными патриотами нашей Родины» [14].

На призыв патриоток Ташкента откликнулись женщины-матери во всех городах и селах республики. Многие семьи брали на воспитание двоих и более обездоленных детей. Известны имена ташкентского кузнеца Шаахмеда Шамахмудова и его жены Бахри, принявшие в свою семью на воспитание, кроме указанных пяти еще девять детей разных национальностей; каттакурганского жителя Хамида Самадова, усыновившего 13 детей. В Янгиюле девять колхозных семей взяли на воспитание 169 эвакуированных детей.

В движение за оказание помощи эвакуированным детям включились не только отдельные семьи, но и целые учреждения, предприя-

тия. Уже к концу 1943 г. на воспитание в семьи было взято 4672 ребенка, в колхозы – 870 детей и в учреждения – 400 детей [11, л.8].

В республике проводилась работа по расширению сети детских домов, школьных интернатов, детских садов и яслей, которыми в первую очередь обеспечивались эвакуированные дети и дети фронтовиков. В 1945 г. в областях Узбекистана и Каракалпакии функционировало 268 детдомов, число воспитанников в них составляло 31320, тогда как накануне войны в республике имелось 106 детских домов, в которых воспитывалось 12 тыс. детей [15].

Душевным вниманием и сердечной теплотой окружили узбекистанцы раненых на фронтах войны бойцов Красной армии. По существу, Узбекистан стал в годы войны всесоюзным госпиталем. Здесь действовали сотни различных медицинских учреждений – лечебных, профилактических, научно-исследовательских. Часть из них составляли местные лечебные учреждения. К ним прибавились эвакуированные. Всего в Узбекистан было эвакуировано 115 госпиталей [16].

Так, госпиталям остро не хватало донорской крови. И сотни тысяч узбекистанцев с готовностью стали отдавать её. Только Ташкентский институт переливания крови принимал ежедневно по 150–200 доноров. Донорские отделения работали по 12 и более часов в сутки. Число доноров в республике в военное время выросло в 6,5 раз [17].

По инициативе комитета шефствующие организации республики выделили на оборудование госпиталей 3 млн. руб. [18].

Благодаря труду медицинских работников и помощи общественности Узбекистана, подавляющее большинство раненых солдат и офицеров, находившихся в госпиталях республики, восстановили здоровье. В частности, за 1941–1942 гг. эвакогоспитали Узбекистана приняли около 100 тыс. раненых и больных. Из них 88 тыс. успешно закончили лечение [19]. В целом же за годы войны было возвращено в боевой строй 54252 чел. и 70 тыс. – к мирному труду [20].

Узбекистанцы неоднократно направляли на фронт делегации с подарками, собранными колхозниками, рабочими, учащимися и интеллигенцией. Общение с тружениками тыла, их рассказы о трудовых буднях производили на фронтовиков большое впечатление. Они на деле чувствовали крепкую связь и сплоченность с тылом. К декабрю 1941 г. только жители Андижанской обл. отправили на фронт 1562 посылки. Призыв коллектива Ташкентской фабрики им. Горького об отправке новогодних подарков бойцам Действующей армии трудящимися Самаркандской обл. был встречен с энтузиазмом. К 20 декабря 1941 г. в области было собрано в качестве дара бойцам 6751 кг кишмиша, 22309 кг сухофруктов, 5914 кг овощей, 1034 кг риса, 24 750 руб. наличными [21].

Для вручения новогодних подарков командирам и бойцам Красной армии в канун нового 1942 г. из Узбекистана отбыла на фронт делегация во главе с Председателем Президиума Верховного Совета (далее – ВС) УзССР Ю. Ахунбабаевым. В составе делегации были: 73-летний Хасан-ота Исмаилов (его 2 сына и 2 внука сражались с немецкими оккупантами), первая узбекская женщина-машинист Башорат Мирбабаева, председатель колхоза им. Юсупова Абдулла Артыков, ткачиха Мухаббат Насырова. В отчете об этой поездке Ю. Ахунбабаев отметил, что «отправкой на фронт новогодних подарков узбекский народ выразил тесную связь фронта с тылом, свою безграничную любовь к бойцам, командирам и политработникам Красной армии, решающим судьбу узбекского народа на фронтах» [8].

Усиление государственного внимания к нуждам семей военнослужащих и инвалидам войны благотворно сказалось на общей практической работе. Так, женотделы только за первые 3 месяца 1943 г. устроили на работу 35 569 членов семей фронтовиков и определили в детские сады, ясли, детдома, детплощадки более 35 тыс. детей военнослужащих [22].

В целом за 1943 г. в фонд помощи семьям фронтовиков поступило по республике около 22 млн. руб., более 500 тыс. предметов одежды, и 145,8 тыс. пар обуви, 52,7 тыс. голов скота, 155,2 тыс. т. топлива, около 40 тыс. ц. зерна, более 32 тыс. ц. овощей и около 5 тыс. ц. других продуктов [23].

Ему вторил боец Сарымсаков: «Сегодня получил радостное сообщение об оказании помощи моей семье, за что очень благодарю всех. Заверяю, что еще крепче буду бить коварного врага...» [24].

В 1944–1945 гг. помощь семьям фронтовиков продолжилась. В частности, в 1944 г. в республике было трудоустроено 110 тыс. военнослужащих. В детские сады и ясли устроено 149 тыс. их детей. Фонд помощи семьям фронтовиков составил 18 млн. руб. Кроме того, им было выдано 711 т. продовольствия, 21 тыс. голов мелкого скота. 72 тыс. пар обуви, 300 тыс. предметов одежды, отремонтировано 166 тыс. квартир, предоставлено 677 жилых домов [25].

Мероприятия по оказанию помощи семьям фронтовиков проводились во всех городах и селах республики. С годами усиливалось внимание к инвалидам войны. Так, к 1 августа 1945 г. были трудоустроены 59 592 инвалида. Для инвалидов создавались интернаты и Дома инвалидов. Наряду с трудоустройством инвалидов проводилась большая работа по назначению им пенсий и пособий. За 1941–1945 гг. в республике инвалидам войны было выплачено 217,4 млн. руб. пособий и пенсий. [8]

Зримо проявились присущие узбекскому народу гуманизм и милосердие в оказании интернациональной помощи по возрождению пострадавшей экономики и культуры, освобожденных от оккупации районов страны. Так, разнообразные формы приобрела патриотическая деятельность жителей Узбекистана в содействии по восстановлению школ и дошкольных учреждений РСФСР, Украины, Белоруссии.

Молодежь республики собрала и передала детям Ленинграда 250 т. продуктов питания, более 10 тыс. пар обуви и одежды, более 2 млн. руб. деньгами [12, с.160].

Жители Узбекистана оказали помощь в деле создания и укрепления школ и детских домов Воронежской обл. За время своего хозяйничанья фашисты здесь оставили тысячи детей без родителей, крова и пищи. После освобождения области началось широкое строительство детских домов, школьных зданий и интернатов, что способствовало устройству детей воинов Красной армии, партизан советско-германской войны, а также детей, родители которых погибли от рук немецких оккупантов. Из Узбекистана в Курскую и Воронежскую области было отправлено 2400 пар детского белья и одежды, более 7 тыс. школьных принадлежностей, 47 парт, оборудование для технического кабинета и др. [8] Весомая помощь была оказана тружениками Узбекистана в восстановлении системы народного образования Украины. По инициативе учителей, воспитателей, работников органов народного образования республики было собрано и направлено только в Харьков оборудование для 10 детдомов и предложено обеспечить воспитанников продуктами питания, полученными на подсобных хозяйствах детдомов Узбекской республики [26].

Труженики Узбекистана включились в движение за оказание помощи в восстановлении сельского хозяйства освобожденных районов. Уже весной 1942 г. узбекские дехкане засеяли в фонд обороны и помощи освобожденным районам более 100 тыс. га зерновых и бахчевых культур [27]. Помимо засева специальных «гектаров обороны», колхозники республики отправляли в освобожденные районы скот, мясо, денежные средства, эшелоны с различными подарками. В мае 1942 г. только из Наманганской, Андижанской и Бухарской областей населению, пострадавшему от гитлеровской оккупации, было послано: 57 голов крупного рогатого скота, 13 телят, 12,4 тыс. коз и овец, 1621 кг мяса, 1500 кг зерна, более 400 тыс. руб. деньгами. В июне того же года – 47 голов крупного рогатого скота, 13 голов телят, 1243 головы мелкого рогатого скота, 1800 кг зернопродуктов, 292,7 тыс. деньгами, также много предметов первой необходимости [28].

Так, в соответствии с постановлением СНК УзССР от 22 февраля 1944 г. «Об отгрузке Воронежской и Курской областям подарков, по-

ступивших для освобожденных от немецкой оккупации районов», предприятия Наркомлегпрома УзССР сдали подарков базе Главторга Наркомата торговли УзССР разных швейных, трикотажных и шорных изделий на сумму 499,1 тыс. руб., в т. ч. швейной фабрикой «Красная заря» было сдано изделий на сумму 250 тыс. руб., предприятиями индпошива – 82 тыс. руб., фабрикой им. Горького – 15,7 тыс. руб. [29].

Кроме того, для отгрузки в Курск и Воронеж было выделено 12 вагонов сухофруктов, 2 вагона зерна и 3 вагона постельных принадлежностей, 5 вагонов промтоваров, 3 вагона скобяных изделий, 2 вагона мыла (всего 31 вагон различной продукции) [30]. Для жителей Курска и Воронежа было собрано разных домашних вещей – 11 820 шт., одежды мужской и женской – 3420, обуви – 9352 пары, шерсти – 8703 кг, телогреек – 409, матрацев, одеял и простыней – 7313, теплых вещей – 363 шт., валенок – 622 пары, овчин – 2183 шт., полушубков – 38, мануфактуры – 1028 м, кроватей – 136 шт., хозяйственного мыла – 5 тыс. кг и других вещей [31, л.176].

Труженики Узбекистана внесли значительный вклад в восстановление сельского хозяйства Белоруссии. Страшную картину представлял собой белорусский край в первые дни после освобождения: города и села лежали в руинах. В соответствии с постановлением СНК СССР от 26 февраля 1944 г. «О неотложных мерах по восстановлению животноводства в колхозах районов БССР, освобожденных от немецких захватчиков» в Белоруссию поступило из восточных районов страны 33,3 тыс. голов крупного рогатого скота, 51 тыс. овец, 5 тыс. свиней, 150 тыс. голов домашней птицы. В июле 1944 г. из Узбекистана в Белоруссию было отправлено несколько эшелонов с промышленными товарами и продовольствием [31, л.116]. На основе решения СНК и ЦК КП (б) Уз и Коллегии Наркомзема республики от 31 января 1943 г. все МТС, совхозы и колхозы должны были послать в освобожденные районы сельхозтехнику и всевозможный инвентарь.

Только за две недели – с 1 по 15 февраля 1943 г. – из машинно-тракторных станций (далее – МТС) и совхозов республики в Ставропольский край было отгружено 1200 тракторов, 50 комбайнов, 1220 плугов, 600 зерновых сеялок [31, л.88]. Весной 1943 г. из Узбекистана было отправлено освобожденным районам около 2 тыс. тракторов, автомобилей и сельскохозяйственных машин и орудий [32].

В соответствии с постановлением СНК и ЦК КП (б) Уз Коллегия республиканского Наркомзема приняла решение о переброске тракторов, комбайнов и других сельхозмашин в Украинскую ССР. Уже к 1 марта 1943 г. в освобожденные районы Украины поступило из Узбекистана 350 тракторов и 350 плугов. В последующем, из Самаркандской обл. в освобожденные районы было передано 249 тракторов,

249 плугов, 255 сеялок [33]. Ферганский облземотдел отправил 236 тракторов и 236 плугов. [34] Труженики Андижанской обл. направили 160 тракторов и 160 плугов [35, л.31], Наманганской обл. – 105 тракторов и 105 плугов [35, л.17], из Бухарской обл. в хозяйства освобожденных районов поступило 106 тракторов, 196 плугов и 11 сеялок [35, л.28]. Из Кашкадарьинской обл. – 10 тракторов, 8 плугов, 20 сеялок [35, л.22] Сурхандарьинская обл. отправила 18 тракторов, 17 плугов и 18 сеялок [35, л.33]. Всего же на 15 августа 1943 г. из колхозов и совхозов Узбекской республики в освобожденные от немецко-фашистской оккупации районы было отправлено 1152 трактора, 25 комбайнов, 1138 плугов, 379 сеялок, большое количество другой техники [35, л.37]. МТС и совхозы Ташкентской обл. направили в Ставропольский, Краснодарский края и Украинскую ССР 340 тракторов, 270 плугов, 106 тракторных сеялок, 41 автомашину, 16 комбайнов [35, л.40]. Техника была в исправном состоянии и обеспечена необходимым количеством горючего и смазочных материалов.

Помимо передачи колхозам и совхозам освобожденных районов большого числа сельскохозяйственной техники Узбекистан оказал им не менее серьезную помощь квалифицированными кадрами самых различных специальностей.

На 1 марта 1943 г. из Узбекистана на Украину и в Ставропольский край было откомандировано 1595 трактористов, 225 бригадиров тракторных бригад, 50 комбайнеров, 41 механик, 30 агрономов, 11 бухгалтеров [35, л.3].

Столь же активно оказывали труженики Узбекистана гуманитарную помощь в восстановлении городов и индустрии освобожденных районов. Так, летом 1942 г. широко развернулось движение за оказание помощи Ленинграду. На митингах, прошедших на всех предприятиях и в учреждениях республики, трудящиеся брали шефство над промышленными предприятиями, учреждениями, войсковыми соединениями Ленинграда, обязались оказывать им все виды помощи. Уже на 1 июля 1942 г. в фонд помощи героическому Ленинграду и Ленинградской обл. было собрано 120 тыс. руб. [36, с.41]. Такую же денежную сумму в фонд помощи ленинградцам отчислили труженики Каракалпакской АССР [36, с.114].

Представители Узбекистана участвовали в работах по восстановлению народного хозяйства РСФСР, Украины, Белоруссии, Прибалтики, в районах, испытывавших нехватку рабочей силы. Только на промышленных предприятиях и стройках Московской, Свердловской, Оренбургской, Куйбышевской, Пермской, Горьковской и других областей трудились более 60 тыс. узбекистанцев [29, с.67].

Гуманитарная интернациональная помощь узбекского народа явилась важным фактором успешного разворота восстановительных работ в тяжелое для страны военное и послевоенное время.

В годы военного лихолетья узбекский народ с пониманием и глубоким милосердием отнесся к тем, кто волею судьбы вынужден был покинуть историческую родину и в отчаянии прибывал в ссыльные места поселения. Спецпереселенцев с душевным милосердием приняли узбекистанцы. При помощи и поддержке местного населения, депортированным народам удалось сохранить генофонд нации, национальную самобытность. В последующие годы они активно включились в общественную и производственную жизнь республики, внесли немалый вклад в развитие экономики, социальной сферы и культуры многонационального Узбекистана.

Сердечное радушие, с которым узбекский народ принял у себя эвакуированных, беженцев, его бескорыстная помощь в залечивании ран, нанесенных врагом экономике и культуре освобожденных районов, его внимание к гонимым спецпереселенцам золотыми буквами вписались в мировую летопись как высочайшие образцы человеческого духа, яркие примеры действенного гуманизма. Их богатейший нравственный потенциал способен и должен стать эффективным средством гуманитарного воспитания подрастающих поколений, вдохновляющим источником укрепления на новой, цивилизованной основе добрососедских отношений между народами распавшегося советского унитарного государства. Реальный, не политизированный интернационализм, народный гуманизм и милосердие представляют универсальный ключ, с помощью которого можно разрешить многие болезненные проблемы, оставшиеся в наследство от тоталитарного прошлого, воссоздать сообщество людей, спаянных великой целью и благородными духовными устремлениями.

1. Каримов И.А. Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. – Ташкент: Узбекистан, 1996. – Т.1. – С.74.
2. История Отечества. – М., 1992. – С.110.
3. Из истории дружбы украинского и узбекского народов (1941–1945 гг.): сборник документов и материалов. – Киев, 1968. – С.20, 34.
4. Мулладжанов И. Население Узбекской ССР. Справочник. – Ташкент, 1989. – С.149.
5. По материалам личных встреч.
6. Архив Ташкентского областного хокимията. Ф.18. Оп.29. Д.43. Л.41.
7. Госархив Наманганского вилоята. Ф.215. Оп.1. Д.25. Л.26–27.
8. Правда Востока – 1995 – 5 апреля.
9. Компартия Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Летопись событий. Ч.1 (июнь 1941–1945 гг.) – Ташкент, 1980. – С.59.
10. Голованов А.А., Саидов И.М. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом – Ч. II Самоотверженный труд во имя победы. – Самарканд, 2006 г. – С.75.

11. ЦГА РУз. Ф.94. Оп.5. Д.4247. Л.8.
12. Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне – Ташкент, 1975. – С.41.
13. РГАСПИ. Ф.17. Оп.1. Д.2102. Л.103.
14. АА ПРУз. Ф.15. Оп.25. Д.4204. Л.1.
15. Правда Востока – 1942 – 15 июня.
16. Узбекистан в годы Великой Отечественной войны – Ташкент, 1966. – С.162.
17. АА ПРУз. Ф.15. Оп.25. Д.4015. Л.5. Правда Востока – 1995 – 5 апреля.
18. Правда Востока – 1941 – 17 октября.
19. ЦГА РУз. Ф.2096. Оп.1. Д.37. Л.14–15.
20. Виноградов Н.А. Организация здравоохранения в СССР. – М., 1958. – С.54.
21. АА ПРУз. Ф.58. Оп.64. Д.80. Л.1–45.
22. Правда Востока – 1941 – 26 декабря.
23. РГАСПИ. Ф.17. Оп.121. Д.56. Л.42–43.
24. Правда Востока – 1943 – 15 апреля.
25. РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.1017. Л.14–15; ЦГА РУз. Ф.837. Оп.27. Д.420. Л.27.
26. АА ПРУз. Ф.15. Оп.25. Д.4204. Л.1.
27. ЦГА РУз. Ф.837. Оп.32. Д.4493 (2). Л.85–88.
28. АА ПРУз. Ф.15. Оп.25. Д.4297. Л.143–144.
29. Компартия Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Летопись событий. – Ч.5 (июнь 1941–1945 гг) – Ташкент, 1980. – С.58.
30. Аминова Р.Х. Колхозное крестьянство Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. – Ташкент, 1979. – С.310.
31. ЦГА РУз. Ф.837. Оп.32. Д.4493 (3).
32. Правда Востока – 1944 – 9 июля.
33. Известия – 1943 – 17 июня.
34. История Узбекской ССР. Т.IV. – Ташкент, 1968. – С.144.
35. ЦГА РУз. Ф.90. Оп.8. Д.6117.
36. Ибрагимова Н.Р. Из истории взаимопомощи социалистического города и деревни в годы ВОВ // Общественные науки в Узбекистане. – 1962. – №7.

Потемкина М.Н.

**Размещение эвакуированных ленинградцев и социальная
помощь им в обустройстве на Среднем и Южном Урале**
(на материалах личных воспоминаний евреев)

Эвакуацию населения из Ленинграда исследователи условно делят на 3 этапа: первый – с 29 июня по 27 августа 1941 г., второй – из блокадного города, третий – после прорыва блокады (т. е. весной и летом 1943 г.). На первом этапе были эвакуированы 636 203 чел. [1]. С 22 ноября 1941 г. была проложена ледовая трасса через Ладожское озеро, что позволило возобновить эвакуацию. Всего, за период с 21 января по 20 апреля 1942 г. на территорию РСФСР было эвакуировано 550 тыс. ленинградцев, из них в Челябинскую обл. – 4050 чел., в Свердловскую обл. – 8832 чел. [2, л.1].

Количество эвакуанаселения из Ленинграда и Ленинградской обл., вывезенного в тыловые районы РСФСР, по данным на 1 декабря 1942 г., составило 861 000 чел. В отделе СНК РСФСР по хозяйству эвакуанаселения на начало 1943 г. имелись данные на 700 000 чел., поскольку часть ленинградцев была эвакуирована в Краснодарский, Ставропольский края и на Северный Кавказ, которые впоследствии попали под немецкую оккупацию. Надо учитывать большую смертность ленинградцев в пути (т. к. были истощены). На территории Челябинской обл. разместили 48 800 чел., Свердловской – 75 900 чел. [3].

С 1 ноября 1942 г. эвакуация из Ленинграда была запрещена. После прорыва блокады весной – летом 1943 г. из полуразрушенного города вывозили детей. В апреле–мае 1943 г. были приняты решения об эвакуации детей-сирот из Смоленской, Курской, Калининской областей, а также из г. Ленинграда в восточные области страны. К 1 августа 1943 г. это мероприятие завершилось, были эвакуированы 12 654 ребёнка, из них в детских домах Свердловской обл. разместили – 930 детей, в Челябинской – 988 детей [4].

Поскольку транспортные пути из Ленинграда проходили через Пермь и Свердловск, то их эвакуопунктам приходилось обслуживать большое количество транзитных пассажиров – ленинградцев. За 1942 г. через Свердловский эвакуопункт прошел 901 эшелон, из них 359 – с ленинградцами. Через спецбольницу прошло 2 тыс. дистрофиков-ленинградцев, через детские санатории – 600 детей [5].

Учётом эвакуированных, контролем за их обустройством, распределением материальной помощи занимались Отделы по хозяйству эвакуанаселения, созданные в составе аппаратов исполкомов Советов депутатов трудящихся всех уровней в феврале 1942 г. вместо расформированного Управления по эвакуации населения [6].

Ленинградцы, прибывавшие в эвакуацию через кольцо блокады, были особой категорией эвакуированного населения. Поскольку состояние здоровья большинства этих людей было тяжелым (вывозили, прежде всего, детей и больных). С 20 февраля 1942 г. на железной дороге было установлено особое наблюдение за эшелонами с ленинградцами. Прибывавшие люди были настолько ослаблены от голода, что им необходима была дополнительная поддержка. Эвакуопункты тыловых станций превратились фактически в госпитали. Вот как описывал на республиканском совещании эвакуацию ленинградцев начальник Свердловского эвакуопункта Зенькович: «Дата 22 февраля – памятная для всего Свердловска. Больницы города переполнены, скопилось 10 эшелонов, вынесли 114 полутрупов, положили на снег, – девать некуда, даже носилок не было. Были вызваны все, кого можно

было вызвать – горздрав, райкомы, горком и т. д. Мы их (т. е. ленинградцев) разместили вплоть до кабинета начальника железнодорожной станции. ...А вообще занято было все: 500 коек эвакуопункта, 2500 коек эвакуогоспиталя. Питали их всем, вплоть до вина, шоколада, мандаринов» [6].

Некоторое представление о том, как были истощены ленинградцы, прибывавшие через кольцо блокады, дают воспоминания Екатерины Мышкис. Прибыв в Свердловск в апреле 1942 г. Екатерина с мамой подошли к кассе железнодорожного вокзала, чтобы купить билет до Ирбита: «Это была куча тел, все дрались для того, чтобы проникнуть к маленькому кассовому окошечку, сунуть туда деньги и вытащить хоть какой-нибудь билет в поезд. Мы подошли к этой толпе, и моя мать потянула кого-то за ватник. Тот обернулся, увидел ее и меня, закричал не своим голосом и стал пятиться... Вид у нас был такой страшный, что все расступились, и мы беспрепятственно купили два билета до Ирбита». Добравшись до с. Елань и сняв комнату, обе были сразу помещены в больницу: крупозное воспаление легких и «та мера истощения, в которой мы были, представлялась почти неправдоподобной, так она выделялась из всего того, что нас окружало» [7, с.77].

Ленинградцы составили основной поток среди эвакуированных прибывающих и направлявшихся через уральские железнодорожные станции в первой половине 1942 г. Отделом по хозяйству была проведена работа по организации соответствующего питания эвакуированных, страдающих дистрофией, отеками и прочими болезнями, связанными с перенесенным голодом. Были организованы пункты питания на железнодорожных станциях, ларьки для выдачи сухого пайка, горячее питание в столовых. Для граждан, которые в силу ослабленного состояния не могли выходить из вагонов, созданы бригады по обслуживанию питанием и кипятком. Среди эвакуированных ленинградцев высока была доля больных и умерших в дороге: за период с 21 февраля по 20 марта 1942 г. на железнодорожную станцию Свердловск прибыло 36 эшелонов с 30 955 ленинградцами, по прибытии было снято 56 трупов, 655 чел. были госпитализированы [8]; за июль–сентябрь 1942 г. с эшелонов снято умерших – 84 чел., госпитализировано 2280 чел. [2, л.133]. Следует особо отметить, что часть ленинградцев, прибывавших на Урал летом 1942 г., пережили вторичную эвакуацию, связанную с рядом поражений Красной армии и отступлению из некоторых южных регионов, куда первоначально эвакуировали ленинградцев.

В местах расселения ленинградцев брали на особый учет, правительственными распоряжениями им выделялись дополнительные пайки. Прибывшим ленинградцам целевым назначением была выде-

лена финансовая помощь из государственного бюджета. По состоянию на 27 июня 1942 г. было отпущено для оказания помощи эвакуированным из г. Ленинграда 15 000 тыс. руб., распределенным по 14 тыловым областям, в т. ч. Свердловской обл. отпущено 350 тыс. руб., включая 50 тыс. руб. – на оказание единовременной помощи особо нуждающимся [2, л.17].

Не всегда отпущенные средства доходили по назначению. В архивах сохранились тексты индивидуальных и коллективных жалоб эвакуированных ленинградцев на отсутствие помощи со стороны местных властей [9].

В связи с ослабленным состоянием прибывавших в 1942 г. по организованной эвакуации жителей Ленинграда 25 января 1943 г. было принято новое решение СНК СССР о выдаче расселенным в сельской местности ленинградцам единовременного пайка [10]. Несомненно, эта мера позволила большинству блокадников выжить, но и здесь не обошлось без проблем. Несмотря на то, что в правительственной телеграмме было указано: «Немедленно!», оперативность выдачи пайка в некоторых областях оставляла желать лучшего: например, разнарядки для его получения в районы Свердловской обл. были разосланы только 20 июня 1943 г. [11].

В 1942 г. специально для эвакуированных ленинградцев Отделом по хозустройству по согласованию с Облздравотделом была организована Эвакобольница, в которой за год поправили здоровье 277 ленинградцев. 298 чел. прошло через Обсервационный пункт. Также специально для восстановления сил ленинградцев были открыты 2 дома отдыха в пос. Монетная и г. Н-Салда, в течение года в них поправили здоровье 1500 чел. В пос. Сысерть целевым назначением создан Детский Соматический санаторий с месячным сроком пребывания пациентов, за год, принявший 250 детей [12].

Граждане, оказавшиеся в эвакуации, нуждались в жилье, медико-санитарном обслуживании; они должны были определиться на работу или учёбу, обеспечить себя продуктовыми и промышленными товарами. Ленинградцы, прибывшие в эвакуацию не с промышленными предприятиями, как правило, расселялись в сельской местности. Ленинградцы, будучи типичными горожанами, попадали в совершенно непривычный для них мир, к которому необходимо было приспособиться ради выживания. По воспоминаниям М. Хейфеца, эвакуированного с мамой в с. Знаменка Еланского р-на: «Когда сейчас вспоминаю то время, до сих пор поражаюсь как мгновенно две городские женщины, мама и тетя Миля, приспособились к сельскому быту – завели свиней, кур, еще какую-то живность..., копали огород, сажали все, что положено, пололи, убирали, солили, загружали погреб, топи-

ли русскую печь, пользовались ухватом» [13, л.133]. В данном случае мама Михаила Хейфеца в Ленинграде работала химиком в НИИ, но по диплому была химик-фармацевт, поэтому без труда устроилась работать в аптеку. Другие эвакуированные ленинградцы летом и осенью трудились в поле, в зимнее время их старались использовать либо на работах, не требовавших специальной подготовки (очистка зерна, переборка овощей, уход за скотом и т. д.), либо на канцелярской, счетной работе и в учреждениях культуры. Кроме того, некоторые из эвакуированных, обучившись на краткосрочных курсах, приобретали сельскохозяйственные специальности.

В сельских местностях карточки, как правило, не вводились, хлеб и другие продукты питания отпускались по талонам и спискам. Эвакуированное население в сельской местности выделялось в отдельную категорию и обеспечивалось хлебом централизованно. Нормированное снабжение продовольствием при крайне ограниченных ресурсах позволило в целом устойчиво обеспечивать население необходимым минимумом основных продуктов питания.

Но иногда происходили перебои со снабжением, неполное отоваривание фондов, произвольное снижение хлебных норм со стороны местных властей в зависимости от выделяемых им фондов муки. Реально, в разное время в разных районах тыла имели место разные нормы отпуска хлеба, что официально было констатировано наркомом торговли СССР А.В. Любимовым в докладной записке от 11 августа 1942 г. на имя заместителя председателя СНК СССР А.И. Микояна. Среди недостатков также отмечались колебания в распределении фондов муки по районам в пределах одной области [14]. К полуголодному существованию приводили и такие меры, как снятие со снабжения хлебом трудоспособных, но не работавших эвакуированных, применяемые некоторыми местными руководителями без учета конкретных обстоятельств [15].

Эвакуированные, расселенные в сельской местности и трудившиеся на сельскохозяйственных работах, получали продукты в счет заработанных трудодней, но в связи с тяжелым положением в сельском хозяйстве в годы войны норма выдачи хлеба на трудодни резко снизилась. При нехватке продуктов колхозы производили расчет за трудодни сначала со своими колхозниками, эвакуированные либо получали меньше, либо не получали вообще.

Уезжая в эвакуацию за тысячи километров от родного города, ленинградцы имели весьма смутное представление об Урале, его климатических, экономических характеристиках, а также менталитете уральцев. Находясь в состоянии стресса от потери близких, отсутствия дома и предметов первой необходимости, оторванности от при-

вычной обстановки и уклада жизни, эвакуированные принимали отдельные эпизоды и высказывания местных жителей за общую атмосферу окружающего мира. Михаил Хейфец, рассказывает о первом впечатлении его мамы от г. Ирбита: «...Потом мама ушла в город – искать жилье и работу. Помню, вернулась рыдающей, что меня напугало: услышала разговоры местных жителей – мол, скоро Гитлер придет и всем покажет! Теперь-то понимаю: Урал был регионом ссылок и высылков, и там, многие, наверное, Гитлера ждали с нетерпением» [13, л.133].

Многие ленинградцы считали себя «белой костью», уральцев – «лапотниками», безграмотными, некультурными, жадными и бесчувственными. Но, пообжившись в уральской «глубинке», М. Хейфец поменял свое отношение к местным жителям и отмечал их бережное отношение к знанию: «На Урале, зато я привык много и интересно читать: у людей хранилось множество старинных книг – на руках и даже в библиотеках. Я находил множество книг репрессированных авторов – в этой провинции никто не слышал, что это фамилии репрессированных. Так что с этой стороны я кое-что выиграл в эвакуации – стал более знающим и развитым» [13, л.134]. Действительно, исторически на Урал и в Сибирь отправляли в ссылку в царские времена, на спецпоселение в период советской индустриализации и коллективизации. Но не это было главной причиной случаев неприязни между приехавшими и местными. Взаимную неприязнь, деля мир на «своих» и «чужих», усилили рост цен на колхозных рынках и жилищное уплотнение, вызванные прибытием тысяч эвакуированных.

Спекуляция, фантастическая дороговизна, фактическое ограбление эвакуированных на местных барахолках – этот мотив проходит рефреном практически во всех дневниках и мемуарах. Антагонизм приезжих и местных жителей острее всего проявлялся в деревне. Но и в городах постоянно происходили конфликты на бытовой почве.

Изначально население Уральского региона формировалось как многонациональное, процессы индустриализации, раскулачивания, репрессий и депортаций 1920–1940-х гг. продолжили эту тенденцию. Эвакуация жителей западных регионов СССР в уральские города и села привела к еще большей многонациональности населения Урала. Здесь в 1941–1943 гг. жили и работали представители 60 наций и народностей из 52 областей и республик страны [16]. В целом, межнациональные взаимоотношения характеризовались толерантностью. Но, например, для евреев в моральном плане национальная принадлежность нередко создавала дополнительные трудности (особенно если она сочеталась с прибытием из столичного города в сельскую провинцию). Распространялись многочисленные слухи об уклонении

евреев-мужчин от военной мобилизации, в их национальной «вине» бесчеловечной политике фашистов на оккупированной территории и т. д. Имели место случаи бытового антисемитизма, проявлявшегося чаще всего в словесных оскорблениях и рукоприкладстве. Михаил Хейфец вспоминал, как однажды его поймала компания местных деревенских мальчишек и, одев веревочную петлю на шею, повела по улице, шутливо объясняя встречным: «Жида ведем вешать». Вырваться Михаил сумел, но его поразило на всю жизнь, что встречные взрослые никак не реагировали на инцидент и мальчишек не остановили [13, с.134].

Документальные источники и воспоминания очевидцев донесли до нас и примеры гостеприимства, бескорыстия и сопереживания со стороны уральцев по отношению к прибывавшим в эвакуацию ленинградцам. Проникновенны и эмоциональны воспоминания Екатерины Мышкис о первом походе в баню в уральском г. Ирбите в апреле 1942 г.: «Когда женщины посмотрели на нас, они посоветовались в уголке, и каждая отрезала ниткой кусочек от своего мыла, чтобы мы могли помыться. Вы даже не представляете себе, какой это был царский подарок в те времена, что такое было мыло и как дорого оно доставалось и каким счастьем было для нас помыться в бане». Ситуация станет более понятной, если пояснить, что до этого Катя с мамой мылись в ноябре 1941 г. в блокадном Ленинграде, после чего водопровод перестал работать и воду стало брать негде [7, с.74, 78]. В уральском тылу во время их приезда в эвакуацию мыло было огромным дефицитом, и его кусок стоил на рынке 15–20 руб., при твёрдой его государственной цене 1 руб. 30 коп.

Помощь населения эвакуированным проявлялась в создании продовольственных и вещевых фондов для эвакуантов, шефстве над детскими домами, тимуровском движении, проведении декадников и месячников помощи.

Таким образом, несмотря на отдаленность уральского региона от г. Ленинграда, на Урал в эвакуацию прибыло значительное количество ленинградских промышленных предприятий, учреждений и населения. Среди вывезенных сюда евреев – ленинградцев были такие известные конструкторы и руководители предприятий как Л.И. Горлицкий, И.М. Зальцман, Г.Л. Зискин, так и простые рабочие, служащие, представители научной и творческой интеллигенции и, конечно, дети. Вывезенные в глубокий тыл жители Ленинграда выделялись среди других эвакуированных: образ города, связанный с его историческим прошлым, его негласным именованьем «второй столицей», его советским названием, заставляли жителей города испытывать особое чувство гордости и причастности к чему-то великому. Осо-

бенностью эвакуации из Ленинграда было крайне истощенное и болезненное состояние прибывавших. Учитывая это, уральские власти и население организовывало дополнительную помощь эвакуированным ленинградцам. На уровень материально-бытового обеспечения оказывало влияние множество факторов: объем материальных ценностей, которые человек смог вывести с собой в процессе эвакуации; размер заработной платы и получаемых пособий, наличие привилегий, география расселения. Адаптация ленинградцев размещенных в сельской местности, зачастую проходила тяжелее. Дополнительным осложняющим выживание фактором для евреев-ленинградцев становилась национальная принадлежность.

Хотя реэвакуация в Ленинград представляла определенные трудности, поскольку въезд в город был ограничен, абсолютное большинство эвакуированных ленинградцев вернулись в родной город.

1. Ковальчук В.М. Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 г. // Отечественная история (Москва). – 2000 – №3 – С.22.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.А-327. Оп.2. Д.50.
3. Там же. Д.62. Л.1.
4. Там же. Д.401. Л.9, 20–21, 104; Д.398. Л.19, 25.
5. Там же. Д.367. Л.94, 100, 125.
6. Там же. Д.7. Л.12.
7. YAD VASHEM ARCHIVES. 0.33/8322. Екатерина Мышкис.
8. ГАРФ. Ф.327. Оп.2. Д.1. Л.101–102.
9. Там же. Ф.5446. Оп.44. Д.712 (2). Л.7–8.
10. Объединенный архив Челябинской обл. (далее – ОГАЧО). Ф.Р-1142 .Оп.1. Д.161. Л.87.
11. Государственный архив Свердловской обл. (ГАСО). Ф.2508р. Оп.1. Д.69. Л.67.
12. ГАРФ. Ф.А-327. Оп.2. Д.376. Л.128.
13. Хейфец М. Я тогда не понимал всей тяжести ситуации // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опалённом огнём катастрофы. СССР. – Иерусалим, 2009.
14. Хрестоматия по Отечественной истории (1914–1945 гг.). – М., 1996. – С.573–574.
15. ОГАЧО. ПФ.288. Оп.6. Д.268. Л.3.
16. Михайлов В.А. Дружба и сотрудничество народов СССР в годы Великой Отечественной войны / 50-летие Великой Победы над фашизмом: история и современность. – Смоленск, 1995. – С.39.

**Миграция евреев в Казахстан
в предвоенное десятилетие и в период Великой Отечественной
войны: регионы доноры и реципиенты, количественный состав**

Проблема миграции еврейского населения в указанный период многократно становилась предметом исследований. Изучались и изучаются в первую очередь процессы, связанные с организованной вынужденной миграцией: эвакуацией [1]. В рамках темы периодически рассматривается и вынужденная неорганизованная миграция, т. е. бегство. Но от внимания исследователей ускользает такая тема, как насильственное выселение евреев, происходившее по социальному признаку или в рамках этнических операций по депортации, организованных относительно представителей других народов. В рамках данной статьи автор останавливается на фактах по теме, выявленных в процессе подготовки составительским коллективом Архива Президента серии сборников «Из истории депортаций Казахстан 1930–1945 гг.» (2012, 2014, 2018 гг.), и обозначает лакуны, требующие дальнейшего сбора информации.

В Казахстане с начала 1930-х гг. в связи с социалистическими преобразованиями в сельском хозяйстве и промышленности активизировались миграционные процессы с положительным сальдо. В апреле 1929 г. на XVII съезде Советов КазАССР был поставлен вопрос о возможности открытия границ республики для массового переселения из других регионов страны. В соответствии с плановым переселением в республику должны были прибыть 6 тыс. чел. в 1930 г. и 43 тыс. в 1931 г., в основном из Украины и России.

В документах, отложившихся в АП РК, сохранились списки с характеристиками местных кулацких хозяйств по М.-Горьковскому р-ну на 25 чел.: «1. Фредкевич Арон Максимович. 2. Фредкевич Араам Максимович. 3. Фредкевич Венеамин Максимович. [...] Первые три – родные братья, крупные кулаки, эксплуататоры. С целью избежать налогов организовали лжеколхоз, войдя в таковой руководителями» [2]. Национальность данного контингента ни по местным, ни по прибывшим в Казахстан извне не указывалась. Вероятно, такие сведения можно попытаться выявить в фонде Переселенческого управления при Совнарком Казакстана в ЦГА РК.

В связи с начавшейся в 1930-м ликвидацией кулачества как класса республиканские власти должны были обустроить 5 тыс. раскулаченных с Северного Кавказа, но заявили о своей неготовности к приему мигрантов [3]. Тем не менее, принимать переселённых пришлось и в гораздо большем масштабе. Количество выселённых в Казахстан кре-

стьян по состоянию на 1933 г. составило 317 тыс. чел. По опубликованным источникам сведения по национальному составу насильственно переселяемых определить практически невозможно. Регионы доноры: Нижняя Волга, Средняя Волга, Центрально-Черноземная и Московская области, Закавказье и Северный Кавказ. Так например, в 1930 г. 3000 семей раскулаченных крестьян с Северного Кавказа разместили в Аральском р-не Кызыл-Ординской обл., в 1933 г. в качестве регионов реципиентов планировали Южно-Казахстанскую и Алма-Атинскую обл. [4]. В Акмолинской обл. для размещения данной категории спецпоселенцев в 1930-х гг. было создано 32 номерных спецпоселка.

Исходя из мест выселения, можно сделать вывод, что раскулачиванию и переселению в Казахстан подверглись в основном, русские, украинцы, немцы, народы Северного Кавказа [5]. Среди них встречались представители и других национальностей: например, литовцы и греки, отбывавшие трудповинность в спецпоселках Карагандинской обл. [6].

Рассматривая такие регионы как Московская и несколько позже Ленинградская области, можно предположить наличие в контингенте представителей и еврейского этноса, многие из которых попали в категорию лиц «чуждого социального происхождения». Национальный состав мигрантов помогут определить личные дела, отложившиеся в Архиве Комитета по правовой статистике и спецучетам Генеральной прокуратуры или, как вариант, книги учета спецпереселенцев по спецкомендатурам, если исследователям удастся ознакомиться с ними до их полного уничтожения как дел временного хранения.

В 1930-е гг. республика стала одним из мест ссылки нежелательных для власти людей – среди них оказались не только бывшие коммерсанты, но и ученые, инженеры, врачи, агрономы и другие специалисты. Так, например, в связи с кампанией по насильственной конфискации золота, валюты и драгоценностей бывших нэпманов, проводимой в 1930–1932 г., в Казахстан из г. Гомеля был сослан владелец гостиницы и ресторанов г-н А.Н. Тылкин. В 1930 г. после «чистки» Академии наук СССР в Алма-Ате таким же образом оказался академик Е.В. Тарле. Оба – евреи. По мнению исследователя И.Э. Гринберга, «невозможно даже приблизительно определить, сколько таких людей оказалось здесь и сколько среди них евреев» [7].

С марта 1933 г. «чистки» от «неблагонадежных элементов», участвовавшие после убийства С.М. Кирова, продолжились в больших городах и приграничных территориях. В результате одной из них изменилось место проживания скрипача И.А. Лесмана. Он попал в Казахстан по ст.58-10 УК РСФСР как член нелегальной теософической

группы: сначала в г. Алма-Ата, потом в Чимкент, затем в аул №5 пос. Ленгеруголь Южно-Казахстанской обл. [8].

В число подвергшихся принудительной миграции можно включить и заключенных, отбывавших наказание в местах лишения свободы в Казахстане. Концентрационные лагеря, созданные в 1930-х гг., стали местом ссылки десятков тысяч «врагов народа» и других «вредных» и «социально чуждых» элементов, многие из которых в дальнейшем остались на постоянное местожительство в республике. В соответствии с переписями населения к концу 1930-х численность евреев в Казахстане увеличилась почти в 6 раз по сравнению с 1926 г., с 3400 чел. до 19 240 [9]. Вводились ли в официальные статистические данные сведения по репрессированным гражданам, в т. ч. по заключенным ГУЛАГа – вопрос, на данный момент, остающийся без ответа.

Мощный миграционный приток евреев в Казахстан был вызван событиями Второй мировой войны. В период с сентября 1939 г. по июль 1941 г. из новых западных областей СССР – Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтийских республик – было выселено 380–390 тыс. чел. [10], представителей разных национальностей. Регионами реципиентами для данной категории спецпоселенцев в Казахстане стали Актюбинская, Кустанайская, Северо-Казахстанская, Павлодарская, Семипалатинская и Акмолинская области [11]. Для насильственных миграций кампаний изучаемого периода характерны объединения этносов и других контингентов по географическому признаку. В связи с отсутствием учетных сведений в отражении истории приема и размещения в Казахстане болгар, евреев, латышей, литовцев, молдаван, выселенных из вышеназванных регионов, возникли трудности. В частности, точно неизвестно, как много среди вынужденных мигрантов в Казахстан прибыло евреев: опубликованы лишь обрывочные сведения по отдельным регионам.

На территории современных западной Украины и Белоруссии проживало значительное число лиц, имеющих польское гражданство, как местных, так и эмигрировавших сюда в 1939–1940 гг. в результате вторжения в Польшу гитлеровских войск. Следует отметить, что 85% беженцев составляли евреи [12]. Беженцев предполагали устроить на жительство в восточных районах Украины и Белоруссии, подыскивали им рабочие места на фабриках и заводах. В Казахстане прием данного контингента первоначально также рассматривался как политическая акция «поддержки польского пролетариата». Так в Постановлении Кустанайского обкома КП (б) К от 7 января 1940 г. указывалось: «Придавая исключительно большое значение данному мероприятию, бюро обкома КП (б) К постановляет: 1. В целях лучшего размещения и создания лучших условий беженцам как в бытовом, а также и в произ-

водственном отношении, обязать [...] а) провести широкое разъяснение среди рабочих совхозов политического значения приема рабочих из числа беженцев, организуя встречу рабочих (беженцев), прибывающих в совхоз; б) обеспечить хорошие жилищные условия прибывающим в совхоз рабочим (беженцам); в) снабдить последних постельными принадлежностями, мебелью и обеспечить топливом и освещением; г) организовать для них бесперебойное качественное питание, предоставив им возможность приобрести товары совхозной и сельской кооперации, а также обеспечить выдачу аванса в счет зарплаты; д) по прибытии рабочих (беженцев) в совхоз немедленно предоставить работу, создав необходимые условия для того, чтобы они могли выполнять и перевыполнять нормы на производстве [...]» [13].

Однако в апреле 1940 г. ситуация поменялась, мерой советизации в названных регионах стали репрессии. В Казахстан, Среднюю Азию и Сибирь польские граждане выселялись уже как «социально чуждый элемент». Еврейские беженцы из центральных и западных районов Польши, которые хотели вернуться к своим семьям и не были готовы принять советское гражданство, были отправлены весной 1940 г. во внутренние районы СССР: их везли в антисанитарных условиях в переполненных товарных вагонах долгие недели – голодных, мерзнувших, болевших и умиравших от лишений [14].

В Архиве Президента РК отложилось несколько писем беженцев, польских граждан, депутату ВС СССР, руководителю партийной организации Казахстана Н.А. Скворцову о бедственном положении (*орфография источника*): «К Вам обращаются за помощью 6 чел., приехавшие из Риддера. Мы хотим вас осветить с нашей жизнью. Мы жили в Польше в 1939 г., когда Германия заняла, те города, где мы жили. На евреев стало еще больше гонения, и мы, узнав о том, что наших братьев украинцев и белорусов освободила доблестная Красная армия. Мы решили бежать из Германии в Советский Союз. Зная о том, что в нас стрелять будут, мы решились все равно. Очень многих из нас убили во время того как мы бежали. Советское правительство дало нам возможность впервые в своей жизни получить работу в г. Риддере. Никогда мы не голосовали в панской Польше. Во время выборов мы старались прийти первыми со знаменами. Большой радости в жизни мы еще не испытали. Голосуя за вас т. Скворцов, мы голосовали за нерушимый сталинский блок коммунистов и беспартийных. Мы хотим, чтобы Вы или помогли советом как избранник народа или можете [что-нибудь] сделать для нас. Мы приехали, и квартиры у нас нет. У нас маленький ребенок и одна женщина беременная. Мы очутились на улице, ехать обратно в Риддер, у нас нет средств. Мы приехали сюда, чтобы работать по своей специальности, каждый из нас просит

Вас, помогите нам. За ответом мы придем 4 января 1941 г. Просим не отказать в нашей просьбе. Петрушка Халим, Петрушка Хава, Борнтмэн, Борнтмен, Ш. Лин, Бекерман М.В.» [15].

По указанию первого секретаря ЦК КП (б) К Н.А. Скворцова заявителей трудоустроили в Казпромсовет, обеспечили жильем. Возможно, подобные заявления буквально спустя месяц, 5 февраля 1942 г., мотивировали правительство Казахстана на принятие Постановления «О трудовом и бытовом устройстве польских граждан в Казахской ССР», в соответствии с которым облисполкомам и райисполкомам рекомендовалось обеспечивать мигрантов жильем и трудоустраивать их.

Архивные документы свидетельствуют, что ряд т. н. беженцев были водворены в трудпоселки, созданные для размещения раскулаченных в начале 1930-х гг. Так, например, жители пос. Славянка Пахта-Аральского р-на Южно-Казахстанской обл., обращаясь к депутатам за помощью в приобретении кинооборудования, писали: «Основным контингентом рабочей силы в Каучуксовхозе являются трудпереселенцы и переселенцы (тюрки, армяне, иранцы) и ожидаются 75 семей (поляки, украинцы, евреи)». Евреи, переселенные из Каменец-Подольской обл., значатся и в списках спецпереселенцев за 1942 г., отложившихся в Ворошиловском райисполкоме Карагандинской обл. Зачастую сведения о евреях, которых в количественном составе было меньше, чем мигрантов других национальностей, в учетных документах попадали в графу и «другие национальности» [16].

Более подробно о перипетиях польских граждан еврейского происхождения, переживших беженство, депортацию, написала исследовательница из Канады [17].

Летом 1941 г. насильственные миграции были осуществлены в бывших балтийских странах, а также в Бессарабии и Северной Буковине. Выселению подлежали активисты буржуазных партий, помещики, полицейские, жандармы, офицеры белой, царской и румынских армий, крупные торговцы, домовладельцы и пр. Очевидцы запомнили несколько иную картину: среди выселяемых, которых «везли как особо опасных преступников», – как рассказывала внучке бессарабского помещика В. Стоянова, – «были адвокаты, инженеры, врачи и вся остальная интеллигенция» [18, с.519]. Вероятно, при проведении этой операции проходила тотальная «очистка» территорий, при этом определение «социально-чуждые элементы» органами НКВД трактовались весьма широко.

Н. Шафер из г. Павлодара вспоминал: «Мне было десять лет, когда за неделю до начала войны нашу семью депортировали из Бессарабии в Казахстан. [...] Бессарабский контингент состоял из самых

различных национальностей: молдаване, русские, евреи, болгары, греки, поляки. Нас поселили в Акмолинской обл., в зоне, окруженной нумерованными поселками, среди которых был и печально известный пос. №26, именуемый в быту АЛЖИРом. Ну а бессарабцев распределили по поселкам 27, 29, 30, 31 и 32. Мужчин было считанные единицы, поскольку еще в пути, где-то под г. Челябинском, их отделили от женщин и детей и отправили на лесоповал в Свердловскую обл. Наша семья попала в пос. №31, официально именуемый «Интернациональный». Название полностью соответствовало истине. До нашего приезда здесь уже находились сосланные узбеки, таджики и туркмены. А после нас привезли немцев, чеченов и ингушей. Колхоз же именовался «Новый быт», что фактически тоже соответствовало истине, поскольку спецпереселенцы действительно пытались всеми силами адаптироваться к «новому быту» – иначе никто бы не выжил» [18, с.513].

Летом 1941 г. в Казахстане было зарегистрировано 9954 спецпереселенца из Молдавии. Их разместили в Южно-Казахстанской, Актюбинской, Акмолинской и Кзыл-Ординской областях.

Необходимо отметить, что представители власти в текучке военной сумятице не всегда могли провести границу между различными категориями мигрантов: случалось, что при учете сведения на спецпереселенцев и эвакуированных объединяли в общие таблицы, что значительно затрудняет работу исследователей, приводя порой к досадным неточностям. Так, например, в статье по архивным источникам Мангистау автор, идя вслед за документами, писал: «Только в 1941 г. на Мангышлак прибыло 1100 чел., в основном евреев и немцев. Местные жители делились с ними кровом, хлебом. В архиве отложились списки эвакуированных на получение муки, денежных пособий, медикаментов». Вероятнее всего, в данном случае эвакуированные – это евреи, спецконтингент – немцы [19].

Зачастую в сети этнических операций, возможно по нелепой случайности «прихватывали» представителей иных национальностей. Среди 42 997 спецпереселенцев, прибывших в Павлодарскую обл. из Саратова, Азербайджана, Сталинска, Республики немцев Поволжья, Крымской АССР, Северного Кавказа, в рамках кампании по депортации немцев числилось: 37 703 немцев, 1085 русских, 127 украинцев, 14 эстонцев, 13 грузин, 12 молдаван, 11 латышей, 10 французов, 9 румын, по 8 поляков и хорватов, по 6 евреев и мордовцев, по 5 татар и чувашей, по 4 белорусов и чехов, по 1 австрийцев, армян, мадьяр, осетин и турок. Национальность 3962 спецпереселенцев не указывалась [20].

По сведениям Наркомата Государственной безопасности на октябрь 1943 г. «во время войны в Казахстан из западных республик и областей СССР, а также из прифронтовой полосы в числе эвакуированного гражданского населения прибыло до 300 тыс. человек евреев, среди которых оказалось значительное число еврейского националистического элемента, в основном бывших членов сионистских партий и организаций» [21]. Вероятнее всего, речь все же шла не об эвакуированном контингенте, а о вынужденных мигрантах, таких как «Светицкий Меер Исаакович, уроженец г. Слоним, в 1940 г.», высланный в порядке очистки территории бывшего Польского государства. «Его отец Светицкий Исаак являлся председателем контрреволюционной организации «Бунд», в 1940 г. репрессирован органами НКВД. Сам Светицкий – личность непроверенная, поэтому директор совхоза освободил его с работы плановика» [22].

В 1930–1940-е гг. абсолютное большинство переселений носило вынужденный характер. В исследованиях, посвященных насильственной миграционной политике, вопрос о депортации евреев как этноса не поднимался. Анализируя документы, выявленные в процессе работы по проекту «Из истории депортаций. Казахстан», свидетельства «устной истории», можно говорить, что в 1930–1940-е гг. произошел значительный рост евреев в Казахстане и не только за счет контролируемого потока эвакуированного населения, неуправляемого потока беженцев, но также за счет вынужденных мигрантов, прибывающих в регион как репрессированный «социально-чуждый элемент».

1. В. Дубсон Эвакуация советских евреев в 1941 г. в зеркале статистики (по материалам архивов России, Белоруссии, Казахстана и Кыргызстана) / Материалы Международной научно-практической конференции «Государство, общество, архив в контексте истории межкультурного и межэтнического взаимодействия народа Казахстан». 4–5 июня 2015 г. – Павлодар, 2015 – С.24–27.
2. АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.3297. Л.43–47, 58 а. Из истории депортаций. Казахстан. 1930–1935 гг. Сборник документов / Составительский коллектив: Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева (ответственные), Г.М. Каратаева, Н.П. Кропивницкий, Г.Н. Мурзагалиева, Е.В. Чиликова – Алматы: ЛЕМ, 2012 – С.712–713.
3. П. Полян Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОГИ – Мемориал, 2001 – С.64.
4. АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.3521. Л.103. Из истории депортаций. Казахстан. 1930–1935 гг. Сборник документов... указ. соч. – С.258, 557
5. Из истории депортаций. Казахстан. 1930–1935 гг. Сборник документов... указ. соч. – С.681–685.
6. Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг. Сборник документов / Составительский коллектив: Ж.Т. Байкаш, Е.М. Грибанова, М.Т. Жылгелдинов, Е.В. Чиликова (ответ.) – Алматы, 2018 г. – С.676; Сын Казахстана и Эллады: Спиридон Гергиевич Космериди. Сборник документов и материалов за 1942–

2014 г. / Ответственный редактор Г.С. Сарсенова, составители О.С. Богданова, Е.М. Грибанова (ответ.), Б.А. Жуматаева – Алматы: Print Express, 2014 – С.287–293.

7. И. Гринберг Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк. – Алматы: FORTRESS, 2009 – С.21–27.

8 Е.В. Чиликова Судьба скрипача Лесмана / Материалы Международной научно-исторической конференции (27–28 мая 2004) Евреи в Казахстане – Алматы, 2005. – С.169–180.

9. История Казахстана: народы и культуры / Масанов Н.Э. и др. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – С.387, 466.

10. Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общей ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян – М.: МФД: Материк, 2005. – С.189.

11. АП РК. Ф.708. Оп.4/1. Д.199. Л.117–122 / Из истории поляков в Казахстане (1936–1956 гг.). Сборник документов / Сост.: Е.М. Грибанова (ответ.), А.С. Зулкешева, М.У. Маскеев – Алматы: Қазақстан, 2000 – С.111–114.

12. А. Люстингер. Сталин и евреи. – С.100; также см. Кобрынь Я. Ачисай 40-х гг. XX столетия глазами очевидцев // Материалы IX Международной научно-практической конференции. 27. Сентября 2018 г.

13. ГАКО. Ф.72-П. Оп.4. Д.27. Л.248. Подлинник. Из истории депортаций поляков в Казахстан в период II Мировой войны. Сборник разных авторов. – Бишкек: TRICADA Xpress, 2013. – С.113–114.

14. И. Гальперин. Свет не без добрых людей. – Тель-Авив, 2004 – С.48–49.

15. АП РК. Ф.708. Оп.5/2. Д.239. Л.39 и об.

16. Там же. Д.241. Л.115 и об.; / У. Амантаев Трагические страницы народов, депортированных в Карагандинскую обл. // Қазақстан мұрағаттары (Астана) – 2013 – 1(25) – С.83–86.

17. О. Медведева-Нату. Перекрестки. Документальная повесть о Гине Димант, войне и любви. – Алматы: Lem, 2016. – 300 с.

18. Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг. ... указ. соч. – С.519.

19. Гаркуша А. Архивам Мангистау – 75 лет // Қазақстан мұрағаттары – 1998. – №2 (17) – С.96.

20. В. Болтина, Л. Шевелева Поклонимся великим тем годам – Павлодар: ЭКО, 2010 – С. 400–401.

21. АП РК. Ф.708. Оп.7/1. Д.145. Л.30–36 / Из истории поляков в Казахстане (1936–1956 гг.) ... указ. соч. – С.185–186.

22. Там же. Оп.5/2. Д.257. Л.56.

Кан Г.В.

Эвакуация и историческая наука

В настоящее время в Казахстане реализуется инициированная Главой государства, Лидером нации Н.А. Назарбаевым Программа «Рухани жаңғыру» – «Модернизация общественного сознания». Согласно ей, формирование сознания казахстанцев, созвучное вызовам индустрии 4.0. должно основываться на прочном историческом фундаменте. Для этого история должна быть полной, объективной, тесно

связанной с современностью. Данная конференция проходит в русле этих направлений «Рухани жаңғыру».

Научно-практическая конференция «История, память, люди» стала традиционной, ежегодной и вот уже 9-й раз проводится в Алматы О.Ю.Л. Ассоциацией «Мицва». Символично, что предшествующие конференции проходили на базе Центрального Государственного архива Республики Казахстан (далее – ЦГА РК), а нынешняя IX проходит в Архиве Президента Республики Казахстан (далее – АП РК). Тем самым подтверждается их высокий научный уровень. Конференции сопровождаются интересными, интерактивными, документальными выставками. Кстати, хотелось бы обратить внимание, что на данной выставке представлены документы, фотографии в экспозиции «Эвакогоспиталь в горах». Так вот этот госпиталь располагался в ущелье Алма-Арасан на территории одноименного санатория. О чем свидетельствовала мраморная мемориальная доска на одном из старых зданий санатория. В настоящее время уже несколько лет там идет коренная реконструкция, важно проследить, чтобы эта памятная доска все же сохранилась для будущих поколений.

Опыт предшествующих научно-практических конференций «История, память, люди», а также материалы данной конференции показывают ее значение. Во-первых, опубликованные сборники конференций стали важными источниками в познавательном плане изучения истории Казахстана. Во-вторых, этот проект стал живой связующей нитью между поколениями. Поскольку в материалах конференций не только представлен фактический, документальный материал, но также дается методика поиска документов по теме эвакуации. В-третьих, опубликованные в материалах конференций документы из государственных, личных архивов участников, очевидцев тех событий, их мемуаров дали возможность поиска конкретных людей. По своей сути они стали своеобразным выражением всенародной, поколенческой, исторической акции «Бессмертный полк». В-четвертых, скажу об использовании материалов конференций в своей работе. Сейчас идет работа по написанию учебника «Современная история Казахстана», где имеются ссылки на сборники конференций в разделе «Социально-демографическое развитие Казахстана в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы».

Эвакуация людей, производства, материальных и духовных ценностей из прифронтовых районов в Казахстан в годы Великой Отечественной войны является важной страницей его истории. Сюда были эвакуировано более 220 заводов и фабрик, цехов и артелей. Также были эвакуированы творческие и научные коллективы. В Алма-Ату прибыли Московская и Ленинградская киностудии, более 20 научных

учреждений и также всемирно известные ученые академики: В.И. Вернадский, В.А. Обручев, А.М. Панкратова, А.А. Скочинский и др. Следует помнить также, что в Казахстан было эвакуировано из прифронтовой полосы и спасено от уничтожения поголовье скота, в т. ч. и племенного около 370 тыс. голов [1].

Отдельно следует сказать об эвакуации в Казахстан ученых-историков. При этом не могу не отметить тот факт, что в начале 1930-х гг. в Казахстане, в недавно открывшемся Казахском педагогическом институте, это будущий Казахский Национальный педагогический университет им. Абая, который в этом году отмечает свое 90-летие, преподавал историю академик Е.В. Тарле [2]. Он был арестован по так называемому «Академическому делу», когда в 1929–1931 гг. из Академии наук СССР было изгнано более 70 академиков и членов-корреспондентов, в основном ученых-гуманитариев. В 1931 г. Евгений Викторович Тарле (настоящее имя Григорий Вигдорович) был сослан в г. Алма-Ату. Здесь он написал свою знаменитую книгу «Наполеон». О Наполеоне написаны сотни книг в различных странах, включая Францию. Но по научному уровню, глубине исторического исследования книга Е.В. Тарле, блестяще знавшего европейские языки и историю, занимает особое место. Следует дополнить, что была известна его знаменитая фраза: «Я не француз, а еврей, и моя фамилия произносится Тарле» (с ударением на первый слог). Это было сказано в 1951 г., когда в стране свирепствовала антисемитская кампания в рамках «Дела о сионистском заговоре» и готовилось «Дело врачей-вредителей».

Во время Великой Отечественной войны, осенью 1941 г. в Алма-Ату была эвакуирована известная ученая, академик А.М. Панкратова. До этого, она была знакома и поддерживала связь с первым историком профессором в Казахстане, первым ректором КазПИ им. Абая С.Д. Асфендияровым. Также сюда были эвакуированы Вяткин М.П., признанный специалист по истории Казахстана, автор известного труда «Батыр Срым», о восстании под руководством Срыма Датова, за который он в 1948 г. получил Сталинскую премию, академик Дружинин Н.М. и др.

А.М. Панкратова в Алма-Ате создала исследовательский коллектив. Им была подготовлена, опубликованная в 1943 г. «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней». В этой работе также принимал участие директор Института истории АН СССР, академик Б.Д. Греков, находившийся в эвакуации в Ташкенте.

С этой группой плодотворно сотрудничал казахстанский историк Е. Бекмаханов. В 1947 г. он написал книгу «Казахстан в 20–40-е годы XIX века», посвященную восстанию Кенесары Касымова. В 1952 г. за

этот труд он был арестован и приговорен к 25 годам лишения свободы по печально известной ст. 58. За него вступилась А.М. Панкратова, не понаслышке знавшая о жестоких репрессиях того времени, ее муж историк Г.Я. Яковин (настоящая фамилия Мительман) был расстрелян в 1938 г. по обвинению в троцкизме. В защиту Е. Бекмаханова она лично обратилась с письмом к Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву [3].

Изучение проблемы эвакуации населения в Казахстан в годы Великой Отечественной войны показывает ее масштабность, доведенную до уровня государственной политики. Показательно, что она тесно связана с депортацией этносов в Казахстан в 1930-е, 1940-е гг. и вообще с вопросами переселения сюда людей из других регионов СССР. В том числе и массовыми переселениями «добровольно-принудительными» в последующие годы 1950-е, 1960-е в связи с хозяйственным освоением необъятных просторов Казахстана – целина, создание территориально-промышленных комплексов и т. д.

Конкретно, документально это процесс подтверждается следующими фактами. В период существования СССР первым массовым переселением в Казахстан стала депортация корейцев с Дальнего Востока в 1937 г. Когда одновременно, в сжатые сроки сюда прибыло почти 100 тыс. переселенцев. Но оказалось, что в Казахстане не было специального государственного органа, который бы занимался этим. И очень показательно, что их встречал и размещал ОЛТП–МЗ НКВД КазССР – то есть Отдел лагерей, трудовоселений и мест заключения Наркомата Внутренних дел КазССР [4].

Затем, в апреле 1938 г. был организован Переселенческий отдел НКВД КазССР [5, л.24]. В сентябре того же года было создано Переселенческое управление Наркомзема [5, л.20, 21]. Но 14 августа 1939 г. это Управление и Переселенческий отдел НКВД КазССР были ликвидированы, вместо них был создан правительственный орган – Переселенческий отдел Совнаркома КазССР.

Так вот этот государственный орган с началом Великой Отечественной войны в 1941 г. был преобразован в Управление СНК КазССР по эвакуации и хозяйственному устройству спецпереселенцев и в таком виде он действовал до 1949 г. Затем он претерпел следующие преобразования: с 1949 г. – Переселенческое управление Совмина КазССР; с 1953 г. – Главное переселенческое управление Министерства сельского хозяйства КазССР; с 1954 г. – Главное переселенческое управление Совета Министров КазССР; с 1956 г. – Главное управление переселения и оргнабора рабочих Совмина КазССР; и, наконец, с 1967г. Госкомитет КазССР по использованию трудовых ресурсов (Казгоструд).

Такие направления исторических исследований поднимает тематика конференций «История, память, люди».

1. История Казахстана в 5 томах. – Т.4. – Алматы, 2010. – С.460, 520, 521.
2. Жумабеков Ж.Ж. Казахский педагогический институт им. Абая. – Алма-Ата, 1978. – С.14.
3. Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40-е годы XIX века. – Алма-Ата, 1992. – С.396.
4. ЦГА РК. Ф.1490с. Оп.1. Д.1. Л.4–18.
5. Там же. Ф.1137с. Оп.3. Д.594.

Мийманбаева Ф.Н.

Материалы Национального архива Республики Казахстан о евреях, эвакуированных в Казахстан в годы Великой Отечественной войны

В целях подготовки материалов к встрече делегации Мемориального музея массового уничтожения евреев с руководством Архивной службы Республики Казахстан и соответствующего соглашения на уровне правительственных организаций, 11 февраля 2002 г. по заданию Председателя Комитета по управлению архивами и документацией РК Р.Х. Сариевой был отправлен запрос за №1-11/37 Управлениям архивами и документацией всех областей Казахстана о проведении выявления документов о жизни и быте эвакуированных граждан еврейской национальности из республик бывшего СССР, Прибалтики и Польши. В Национальном архиве РК в фонде 48 «Информация архивных учреждений о выявленных документах о лицах еврейской национальности, эвакуированных в Казахстан в годы Великой Отечественной войны, в 2002 г.» отложились ответы руководителей архивной службы областей, высланные по данному запросу, характеризующие документы об эвакуации и жизни еврейских граждан бывшего СССР в Казахстане.

Директор ЦГА РК Б. Жанаев ответил, что был определен круг архивных фондов, могущих содержать запрашиваемую информацию. Выявлены следующие виды документов: 1. Постановляющие документы ГКО, СНК СССР, СНК КазССР, приказы министерств о порядке проведения приема и размещения эвакуированного населения; 2. Справки, докладные записки, отчеты Министерства здравоохранения КазССР о медико-санитарном обслуживании эвакуируемых, а также эвакуационных отделов о ходе размещения эвакуированных на местах, о фондах продовольственных товаров, выделенных эвакуированному населению; 3. Количество семей и лиц, прибывших в КазССР в 1941 г. (в т. ч. еврейской национальности); 4. Списки эвакуированных медицинских работников в 1943 г. (в т. ч. еврейской национальности); 5. Списки и анкеты политэмигрантов-евреев, направлен-

ных на местожительство на территории Казахстана в 1942–1944 гг. Однако отметил Б. Жанаев, документы по приему, размещению, хозяйственному устройству и медицинскому обслуживанию эвакуированных носят массовый характер без указания национальности. При составлении таблиц с указанием общего количества прибывшего населения, основной упор делался на места прежнего проживания, пола, возраста и специальности эвакуированных лиц с учетом дальнейшего их распределения и устройства на работу. В данных списках выделялись только лица польской и немецкой национальностей, т. к. являлись спецпереселенцами.

Директор ЦГА РК писал, что основная часть документов отражает определенные этапы жизни и деятельности видных деятелей науки и культуры Казахстана, среди них – скульптор Иткинд И., художник Зальцман И.Я., архитектор Кацев В.З., поэт Маршак С.Я., писатель Симашко М.Д., филолог Жовтис А.Л., психиатр Гонопольский М., хореограф Манская И.И., эндокринолог Зельцер М.Е., династия врачей-психиатров Зальцман, актер, народный артист Казахстана Померанцев Ю.Б. Здесь же представлен список членов Союза советских писателей СССР – евреев из 28 чел. и художников-евреев из 22 чел. [1, л.1, 6].

Начальник Управления архивами Западно-Казахстанской обл. Иночкин В. отмечал, что по характеру эвакуации выделяется три основных направления: индивидуальное, беженство, организованная эвакуация инженерно-технического персонала и высококвалифицированных рабочих с членами семей совместно с передислоцируемыми промышленными предприятиями и учреждениями. Для приема прибывших создавались эвакуопункты, которые первоначально занимались этими вопросами наряду с другими разными проблемами, такими, как организация эвакогоспиталей, размещение эвакуированных предприятий.

Однако по мере усиления потока беженцев были созданы специальные переселенческие управления по областям. Они подчинялись непосредственно Совнаркому КазССР и Переселенческому управлению СНК СССР [1, л.64].

Первые партии беженцев стали прибывать в Западно-Казахстанскую обл. уже в июле 1941 г. Основная масса была из Могилевской обл. – 543 чел., Витебской – 88, Минской – 26, Московской – 22. Среди прибывших было много детей. В частности, из Могилевской обл. приехало 96 детей в возрасте до 15 лет без родителей. В первой волне беженцев (до 1 августа 1941 г.) преобладали люди еврейской национальности – 862 чел., остальные являлись белорусами – 297, русскими 260 чел.

Основной поток эвакуированных прибыл в период с августа 1941 г. по ноябрь 1942 г. Темпы прибытия были следующими: в августе – 2561 чел., в сентябре – 2616 чел., в октябре – 3100, в ноябре – 2385, в декабре – 4671 чел. Всего в 1941 г. в Западно-Казахстанскую обл. прибыло 19 704 чел. Большую часть вновь прибывших составляли беженцы из Украины и Белоруссии, а также жители Прибалтики и России. Часть из них составили женщины, их было 10 467 чел. Многие семьи, а также детдома, интернаты приютили 6175 детей, прибывших сюда без родителей, в т. ч. 3673 было не старше 7 лет.

Кроме того, беженцы размещались в Бурликском, Зеленовском, Теректинском, Чингирлауском, Каменском, Приуральском районах. Беженцы были представителями 25 национальностей, в т. ч. насчитывалось 8040 евреев [1, л.64.].

Директор Госархива Карагандинской обл. Л.А. Киселева представила отчет, в котором отметила, что лица еврейской национальности в годы войны работали на предприятиях Карагандинского угольного бассейна, здравоохранения, в сельском хозяйстве.

В годы Великой Отечественной войны в Карагандинской обл. был образован Спасский лагерь для военнопленных и интернированных №99, располагавшийся в 45 км от г. Караганды. В лагере, просуществовавшем с 1941 г. по 1950 г. находились как военнопленные, так и интернированные разных национальностей. Все интернированные, в число которых входили не только мужчины, но и женщины и дети, содержались в пос. Кок-Узек, отдельно от военнопленных.

На государственном хранении в Карагандинском облгосархиве в фонде Управления лагеря №99 находится алфавитная картотека на 1813 интернированных, в т. ч. 525 евреев. Отдельные фамилии евреев-переселенцев имеются в списках спецпереселенцев в фондах Ворошиловского, Тельмановского и Оскаровского районных отделений Управления МВД по Карагандинской обл. Киселевой Л.А. было отмечено, что документы о лицах еврейской национальности в личных фондах не обнаружены [1, л.66–67.].

Директором Северо-Казахстанского государственного архива Бондаренко О. было отмечено, что согласно учету об эвакуированном населении по состоянию на 31 июля 1945 г. в Петропавловск в 1939–1945 гг. прибыло 704 граждан-евреев, 1896–1944 годов рождения. В списочном же составе представлено лишь 170 чел. Граждане еврейской национальности находились также в некоторых районах области – Булаевском, Советском, Приишимском, однако списки таковых отсутствуют (кроме 25 чел.). Ориентировочно (судя по фамилиям и именам) в районах области проживало в эвакуации около 100 чел. еврейской национальности. Они работали на эвакуированных предпри-

ятях, в местных учреждениях и организациях. Евреи прибыли в область из 46 регионов страны. Наибольшее количество их было эвакуировано из Харьковской, Одесской, Житомирской, Полтавской, Курской областей, Молдавской ССР, Крымской АССР [1, л.94].

Начальник управления архивами Восточно-Казахстанской обл. А. Аубакиров докладывал, что граждане еврейской национальности были эвакуированы в область из России (Москвы, Ленинграда, Тулы, Воронежа и др.), Украинской ССР (Киева, Харькова, Винницы, Житомира, Одессы, Крымской обл.), из Белоруссии (Минска, Витебска), Молдавской, Эстонской, Литовской, Латышской ССР. Он указал, что в документах Управления внутренних дел по Восточно-Казахстанской обл. имеется эшелонный посемейный список граждан еврейской национальности, эвакуированных в Курчумский р-н, в списке значится 471 чел. Эти граждане были расселены в с. Кумашкино (райцентр), колхозах им. К. Маркса (с. Бурабай), «Пограничник», «Казахстан», «Горный скотовод», «Красный партизан», на руднике «Чердоаяк» («Нарымолово») [1, л.60-61].

Директор Госархива Актюбинской обл. К. Мирманова в своем отчете говорит о том, что беженцы еврейской национальности были распределены, как и все беженцы, по всем районам Актюбинской обл., особенно много их значится в Ключевом, Темирском, Мартукском, Джурунском, Челкарском районах. Все они работали в учреждениях, организациях и предприятиях, например, в фондах Актюбинского комбината НКВД проходит значительное количество евреев, как трудмобилизованных, в фондах Актюбинского завода ферросплавов, ТЭЦ, Донских рудников, кирпичного завода также значатся лица еврейской национальности.

В фондах Актюбинского обкома ВКП (б) имеются списки коммунистов и комсомольцев, эвакуированных из прифронтовой полосы, в основном, из Украины, распределенных во все районы области. Из графы «место работы» видно, что евреи-коммунисты работали в разных сферах: колхозники, кассиры, культработники, учителя, некоторые из них занимали и руководящие посты, например, Догадько Израиль Ихильевич – директор школы №49 станции Кандагач, Гивенталь Яков Иосифович – директор Актюбхимкомбината, Слепова Е.М. – зав. Хобдинским райздравотделом, Бронштейн Г.С. – начальник цеха Актюбхимкомбината, Гольденберг Л.А. – инженер Актюбхимкомбината, Шейнберг Ф.Е. – нотариус Темирского р-на [1, л.27, 31].

Отдел архивов и документации акимата Акмолинской обл. выслал список 57 лиц еврейской национальности, выявленных в похозяйственных книгах Терсаканского и Ишимского сельских Советов Есильского р-на Акмолинской обл. за 1941–1942 гг. В архиве Акмо-

линской обл. хранится письмо Рыскина Якова Григорьевича – еврея, 1933 г. р., ранее проживавшего в г. Акмолинске, который выражает свою благодарность казахскому народу за теплоту и помощь в годы войны: «Дорогие казахстанские друзья! Наша семья осталась жива благодаря вашей помощи и поддержке. Погиб на фронте брат моей матери, расстреляны в г. Новозыбкове Брянской обл. РСФСР фашистами сестра матери с детьми и семья погибшего брата с детьми, сожжен дотла наш дом в г. Унече, где мы с братом и сестрой родились и росли. Я пишу об этом, потому что всегда помню: мы пережили войну, потому что казахский народ нас укрыл и пригрел. О том, что вы сделали для еврейского народа, всегда с благодарностью будут помнить наши дети и внуки» [1, л.27, 31].

Нужно сказать, что установить точное число евреев, находившихся в эвакуации в Казахстане весьма сложно, т. к. в списках графа «национальность» зачастую не значилась или не заполнялась.

Резэвакуация началась уже в 1943 г. Она проходила высокими темпами в основном путем самостоятельного выезда.

1. НА РК. Ф.48. Оп.1. Д.128.

Саипова К.Д.

Вклад узбекистанцев в победу над фашизмом и толерантное отношение к эвакуированным

Память о человеке священна, его честь и достоинство – дороги. Суть и значение отмечаемого по инициативе первого Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова «Дня памяти и почестей» [1] пронизаны гуманистическими принципами. Ежегодно эта знаменательная дата является доброй традицией, когда наш народ почитает память миллионов соотечественников, погибших на войне, проявляет высокое уважение и отдает почести ныне здравствующим ветеранам, внесшим вклад в мир и спокойствие, процветание Родины.

В такие дни мы невольно думаем о том, за счет каких тяжелых потерь, испытаний и невзгод были достигнуты нынешние мирная и спокойная жизнь, чистое небо над нами, достаток и благоденствие. Мы еще глубже осознаем значение независимости, мира и спокойствия.

Как отмечал в своем выступлении первый Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов: «Мы можем с безмерной гордостью сказать о самоотверженности, мужестве и великодушии нашего народа, который, стойко преодолевая все трудности и невзгоды военных лет, трудился в тылу, поделился кровом и последним куском хлеба с эвакуированными в Узбекистан людьми, тысячами сирот, потерявших родителей. Именно в такие тяжелейшие годы наиболее ярко проявля-

ются духовная мощь нашего народа, его лучшие человеческие качества – доброта, милосердие, щедрость и благородство, отметил глава нашего государства» [2].

25 августа 1941 г. было принято Постановление №1107 СНК УзССР об организации учета эвакуированного населения. В нем рекомендовалось: «1. Предложить переселенческому отделу при СНК УзССР обеспечить организацию учета всего эвакуированного населения в соответствии с постановлением Совета по эвакуации и инспекции Переселенческого управления при СНК СССР и Центрального статистического управления Госплана при СНК ССР. 2. Предложить СНК ККАССР, облисполкомам и оргкомитетам ВС УзССР по областям организовать учет эвакуированного населения по городам, районам, ККАССР и областям для чего: а) выделить в райисполкомах и горисполкомах (в местах расселения эвакуированного населения) по одному ответственному лицу за счет штатов районного, городского аппарата; б) ввести в штат облисполкомов и оргкомитетов ВС УзССР по областям, за исключением Сурхандарьинской обл. по две штатные единицы, а по ККАССР и Хорезмскому облисполкому по одной штатной единице с окладом 400–450 руб. с отнесением этих расходов за счет экономии по фонду зарплаты по бюджету области; в) обеспечить своевременное представление списков эвакуированного населения Переселенческому управлению при СНК СССР и Переселенческому отделу при СНК УзССР. 3. Предложить статуправлению УзССР срочно дать указание областным статуправлениям об организации статистического учета и отчетности эвакуированного населения, обеспечив постоянный инструктаж и помощь в организации учета» [3].

Регистрация прибывшего эвакуированного населения преследовала две основные цели: определить численность прибывшего населения и иметь достоверный материал для справочной работы о месте выхода и месте нахождения каждого эвакуированного [4]. Отделом Демографии были разработаны инструкции по учету эвакуированного населения, в которых указывались список отправленных в эшелоне, список семей и лиц прибывших, личная карточка на детей, эвакуированных без родителей [5].

Несмотря на неоднократные указания областных статуправлений районным и городским инспекторам об оказании помощи в деле учёта прибывавшего эвакуированного населения многие самоустранились от этой работы, не принимали никакого участия в организации учета эвакуированного населения. Более 3-х месяцев с момента введения учёта в УзССР прибывающего населения из прифронтовой полосы, списки, формы и бланки выдавались с большим запозданием, учет не

охватывал полностью всех эвакуированных. Зачастую списки оформлялись небрежно, отдельные графы, имевшие значение для трудоустройства, заполнялись неправильно или вовсе оставались не заполненными [6].

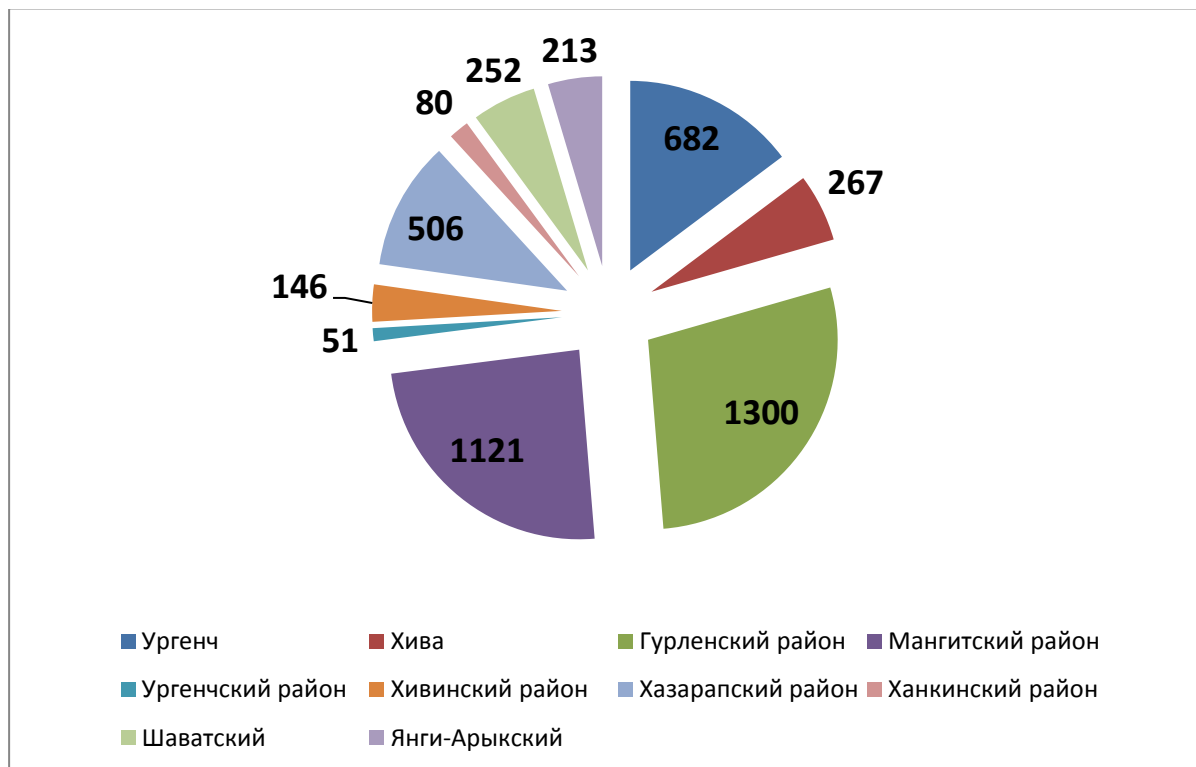
В колхозах эвакуированному населению было предоставлено жилье в домах колхозников. Дома эти, как правило, были мало благоустроены и население, прибывавшее из европейской части СССР, тяжело переносило условия жизни в этих помещениях. Значительное количество эвакуированных было не обеспечено бытовым инвентарем. Вскрылись факты, когда отдельные местные лица, злоупотребляя своими должностными полномочиями, брали с эвакуированных высокую плату за комнату до 100 руб. в месяц. Так же проверка показала, что вопросам трудоустройства не было уделено серьезного внимания. Местные организации ограничивали свою работу лишь размещением и устройством под крышу эвакуированного населения.

На 25 декабря 1941 г. в УзССР было размещено 700 000 эвакуированных [7]. Из них 81 432 – в Самаркандской обл. [8]. На 10 января 1942 г. в Ташкентской обл. было размещено 79 960 чел. Фактически размещено на 15–20 тыс. чел. больше. Но вследствие отсталости учета и затяжки с формированием списков полностью списки на все эвакуированное население не были представлены. По районам Ташкентской обл. эвакуированное население размещено почти целиком в колхозах и совхозах и небольшая часть (около 10 тыс.) – в райцентрах.

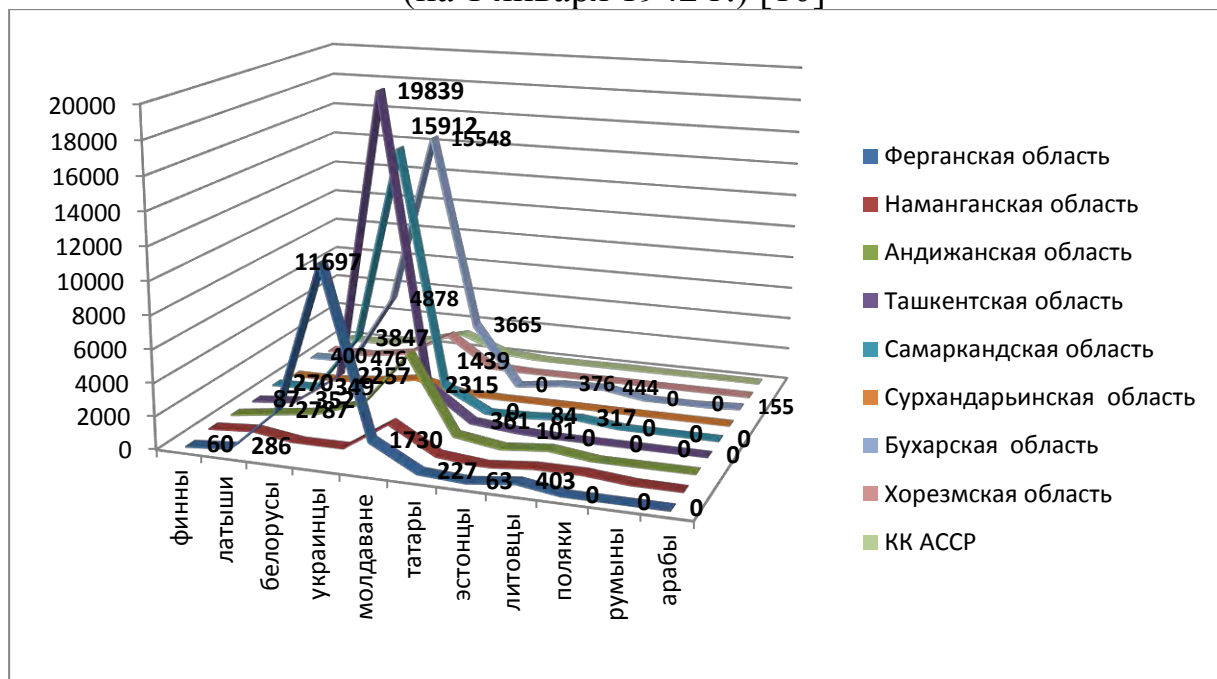
Как указывают архивные источники, Сурхандарьинская обл. также являлась одной из зон расселения эвакуированного населения. 17 сентября 1941 г. после произведенной проверки Сурхандарьинской обл. состояния работы на местах по учету прибывшего эвакуированного населения установлено, что многие гор- и рай- исполкомы не уделяли внимания организации и проведению этой работы.

С августа 1941 г. эвакуированное из прифронтовых районов население прибывало и в Хорезмскую обл. Основная масса эвакуированных прибыла в Хорезмскую обл. из Украинской, Белорусской, Молдавской республик. Из числа 4618 чел. эвакуированных трудоспособных насчитывалось 2836 чел., из них женщин – 1638 чел., мужчин – 1198 чел., в это число входили и подростки старше 15-ти лет. Трудоустроено в колхозах 1977 чел., в промышленных предприятиях – 859 чел.

По районам эвакуированные были размещены следующим образом:

Распределение эвакуированного населения по УзССР (на 1 января 1942 г.) [10]

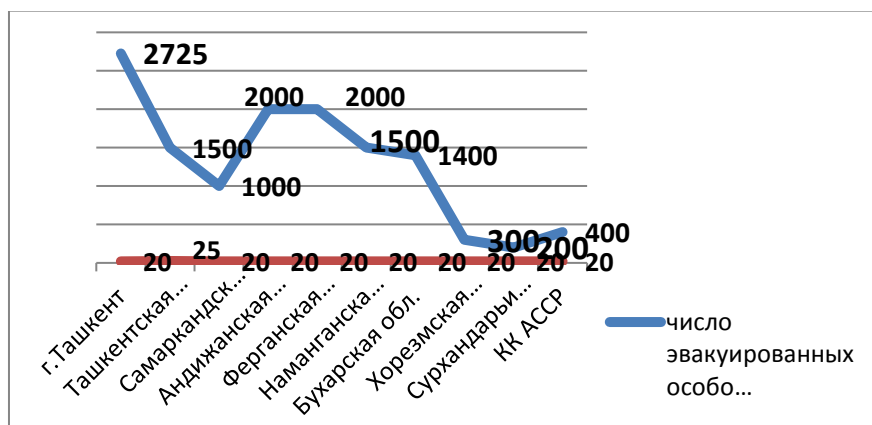
В общее количество эвакуированного населения не входили семьи военнослужащих, семьи сотрудников войск НКВД, а также работники, прибывшие вместе с предприятиями и учреждениями.

Как отметил в рапорте Уполномоченный эвакусовета при СНК УзССР М. Кичанов: «Данные облисполкомов о количестве прибывшего в области эвакуированного населения, значительно отличались от количества, отправленного, по следующим причинам: 1. Облисполкомы давали сведения на основании списков эвакуированных, поступавших из районов, которые отставали от учетных данных эвакуированных пунктов, чем создавали разрыв между количеством прибывших и учтенного эвакуированного населения; 2. Кроме того, часть эвакуированного населения уклонялись от направления по назначенному плану» [11].

Среди эвакуированных преобладало городское население. По социальному признаку они относились в большинстве своем к категории служащих – счетные работники, работники торгующих организаций, бывшие домохозяйки, дети. Их не всегда удавалось эффективно использовать на работах в колхозах, особенно в зимние времена, когда объем трудоемких сельскохозяйственных работ значительно сокращался. Советская власть, стремившаяся как можно эффективнее использовать потенциал эвакуированного населения, трудоустроивала горожан в кустарную и местную промышленность, на стройки и т. д. [12]. Республикой принимались меры по оказанию материальной помощи эвакуированным и в первую очередь той группе, которая размещалась в колхозах. Из отпущенных в декабре СНК УзССР 45 тыс. руб., по районам разверстано 37 тыс. руб., из которых на 1 января 1942 г. оказана денежная материальная помощь 501 семье. Для оказания помощи эвакуированным, размещенным в г. Ургенче отпущено 8 тыс. руб. и оказана помощь 86 семьям. По линии хозяйственных организаций эвакуированным, работающим в этих организациях, особо нуждающимся так же была оказана помощь 200 семьям на общую сумму 20 тыс. руб. За время с начала эвакуации по 1 января 1942 г. эвакуированному населению была оказана денежная помощь в размере 225 тыс. руб.

В 8 столовых райцентров организовано приготовление и отпуск эвакуированному населению обедов по доступным ценам в 1 руб. и 1 руб. 20 коп. за блюдо. По линии Потребсоюза на I квартал 1942 г. были выделены фонды промышленных товаров для эвакуированных на сумму 150 000 руб., кроме того колхозам были выделены из имевшихся у них продуктов питания – картофель, крупы, овощи для продажи их по твердым ценам эвакуированным, которые работали в колхозах.

Расчет на распределение средств для выдачи единовременного пособия особо нуждающимся эвакуированным из прифронтовой полосы служащим, рабочим и военнослужащим [13].

Медицинское обслуживание эвакуированного населения проводилось районными больницами и участковыми врачами. Эвакуированное население, размещенное по колхозам, периодически подвергалось санобработке, для этой цели облздрав организовывал выезд дезонстанции по колхозам. Участковые врачи обходили еженедельно участки, посещая квартиры эвакуированных. Но такое положение было не везде, неудовлетворительное состояние в ряде районов было установлено и в санобработке эвакуированного населения, и в медобслуживании, и в отдельных случаях – большая смертность детей.

Толерантное отношение узбекского народа в годы войны имело многообразные проявления. Широкое распространение получили добровольные взносы в фонд обороны, сбор теплых вещей и продовольствия для воинов, оказание помощи семьям фронтовиков. Только в 1943 г. от трудящихся республики в фонд обороны поступило 316 млн. руб. Узбекский народ на свои сбережения создавал танковые колонны, строил самолеты, бронепоезда, посылали на фронт продовольствие. Высокую сознательность, глубокое понимание своего патриотического долга проявило крестьянство Узбекистана. Непрерывным потоком шло продовольствие для фронта и сырье для военной промышленности. Колхозы республики поставляли промышленности хлопок, шелк, кенаф, каракуль; направляли на фронт мясо, рис, пшеницу, сахар, фрукты, овощи и другие продукты. За три военных года производство зерна в республике увеличилось вдвое. В 1944 г. колхозы Узбекистана, помимо обязательных поставок, продали государству 1 млн. 700 тыс. пудов хлеба.

Важную роль в развитии промышленности также сыграли кадры, эвакуированные в Узбекистан вместе с предприятиями и заводами. Узбекский народ тепло принял рабочих заводов и фабрик, обеспечил

их жильем, медицинским обслуживанием, питанием. За годы войны в республике увеличилась численность промышленных кадров в 4,6 раза. Особая забота была проявлена о раненных бойцах и эвакуированных в Узбекистан детях-сиротах. Тысячи узбекистанцев изъявили желание взять на воспитание и усыновить детей, у которых война отняла родителей. Население Узбекистана, проявляя гуманизм и сострадание, оказывало всевозможную поддержку эвакуированным.

1. Указ первого Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова от 2 марта 1999 г. «Об объявлении 9 мая – дня памяти и почестей»
2. Выступление первого Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова посвященное «Дню памяти и почестей». Мир и сплоченность – основа развития нашей страны и благостояния народа // Правда Востока – 2014 – 9 мая.
3. ЦГА РУз. Ф.314. Оп.7. Ед. хр.174. Л.408.
4. Там же. Ф.1619. Оп.13. Ед. хр.174. Л.1–29 а; Оп.11. Ед. хр. 56. Л.23.
5. Там же. Оп.13. Ед. хр.174. Л.172–173.
6. Там же. Л.164, 221; Оп.11. Ед. хр.625. Л.1–32; организационный план по Ташкентской обл. ЦГА РУз. Ф.1619. Оп.11. Ед. хр.626. Л.1–23; по Ферганской обл. ЦГА РУз. Ф.1619. Ед. хр. 627. Л.1–43.
7. Там же. Ф.314. Оп.1. Ед. хр. 68. Л.5.
8. Там же. Ед. хр.57. Л.8.
9. Там же. Ед. хр.60. Л.11; Ед. хр.61. Л.279.
10. Там же. Ф.1619. Оп.13. Ед. хр.173. Л.8.
11. Там же. Ф.314. Оп.1. Ед. хр.61. Л.279.
12. Там же. Ед. хр.62. Л.21–22.
13. Там же. Ед. хр.57. Л.19.

Буриева Х.А.

Социально-экономические сведения в архивных материалах об эвакуированном в Ташкент еврейском населении в 1942 г.

Большую ценность в освещении исторических проблем представляют сведения письменных источников, непосредственно созданных в изучаемую эпоху. Так, тематику эвакуации народов во время Второй мировой войны целесообразно раскрывать, используя и документальные архивные материалы военного периода, хранящиеся в архивных фондах. В Узбекистане, архивные материалы об этой войне можно встретить в документальных фондах государственных архивов. Например, фонд №Р-846 ЦГА РУз – «Списки Учетно-справочного бюро УМ НКВД на эвакуированных граждан по районам г. Ташкента за 1942 г.» [1]. Такие «Списки» составлены и по всем другим областям республики. На основе материалов фондов можно получить информацию о личном, социально-экономическом составе эвакуированного населения, что может послужить для восполнения страницы ис-

тории эвакуационных процессов и переселенного населения достоверными сведениями первоисточников.

На основе данных «Списков» по шести районам г. Ташкента нам удалось выявить, что в 1942 г. количество эвакуированного населения по районам г. Ташкента составляло следующее: в Сталинский р-н всего эвакуировано 9175 чел., из них представителей еврейской национальности – 4154 чел.; в Ленинский р-н всего 11 806 чел., из них евреев – 3815; в Куйбышевский р-н всего 15 222 чел., из них евреев – 5579; в Кировский р-н – 11 895 чел., из них евреев – 6275; во Фрунзенский р-н – 11 477 чел., из них евреев – 4408; в Октябрьский р-н – 7802 чел.; из них евреев – 4373 чел. Всего в г. Ташкенте за 1942 г. было внесено в список эвакуированного населения – 67 377 чел., из которых 28 604 чел. относились к еврейской народности.

В рамках статьи остановимся на исторических сведениях из архивных документов вышеупомянутого фонда с целью выявления особенностей социально-экономического положения эвакуированного в г. Ташкент в 1942 г. населения, в частности лиц еврейской национальности, на примере Сталинского р-на столицы [2]. «Списки» даны в форме таблицы, которая состоит из 19 столбцов. Данные таблицы помогают получить следующие сведения: фамилию, имя, отчество эвакуированного человека, его пол, возраст, национальность, местожительство до эвакуации, положение в семье, профессию и стаж работы, место работы и должность у себя в регионе до войны, затем должность и работу уже в эвакуации, количество семей, их состав, адрес по которому был поселен эвакуированный человек, или семья. Визуально таблица выглядит следующим образом.^{1*}

«Список семей и лиц, размещенных в Узбекской ССР» [3]
Ташкентская обл., г. Ташкент, Сталинский р-н

№ семьи	№	Фамилия	Имя	Отчество	Отношение к главе семьи	Пол	Год рождения	Местожительство до эвакуации		
								Область	Район	Город, село
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
75	203	Терпецкий	Герт	Менделеевич	глава	м	1904	Украина	–	Одесса
	204	Терпецкая	Эстер	Мошковна	жена	ж	1906	Украина	–	Одесса
76	205	Островская	Адей	Ялусповна	одна	ж	1921	Украина	–	Одесса
84	225	Карпель	Лейб	Хупович	глава	м	1907	Украина	–	Одесса

^{1*} Приводится фрагмент.

(продолжение таблицы)

Специальность (профессия и стаж)	Националь- ность	Кем и где работал до эвакуации			Где работает в наст. время		Где поселен (адрес)
		Наимено- вание предпр. или учрежд.	Отдел, цех и т. д.	Кем работал (должность)	Место рабо- ты (учрежд., предпр., колх.)	Выполня- емая ра- бота	
12	13	14	15	16	17	18	19
актёр, 18 лет	еврей	Гос. евр. театр	–	актёр	Московский театр	костюмер	ул. Укчи туп. Ялта, № 31
переводчик украинский	еврейка	Редакция обл. газеты	–	переводчик машинистка	–	–	ул. Укчи туп. Ялта, № 31
воспита- тельница	еврейка	Детсад хлебзавода	–	воспитатель- ница	Детсад № 10	воспита- тельница	ул. Укчи туп. Ялта, № 37
консультант ВЗС, 11 лет	еврей	Заочн. Институт связи	–	консультант	Институт связи	нач. тех- нич. скла- да	ул. Укчи туп. Ялта, 57

Согласно архивным документам в Сталинском р-не г. Ташкента в 1942 г. было размещено 4154 чел. еврейской национальности. Личные и социально-экономические сведения о них отражены в двух книгах исследуемого архивного фонда. Из них в первую книгу вошли данные на 2140 чел., во вторую книгу – на 2014 чел. (взрослых и детей). В настоящей статье нами исследована одна часть эвакуированного населения еврейской национальности в этот район, т. е. изучена книга 1 – архивный документ № 1/1. Среди эвакуированных евреев из восточных частей Союза были представители различных профессий и должностей: управляющие, инженеры, педагоги, медики, экономисты, научные работники, деятели культуры и искусства, рабочие, продавцы, парикмахеры, обувщики, портные, строители, машинистки и др. После эвакуации в Ташкент определенная их часть продолжала трудовую деятельность по своей профессии, часть – была вынуждена сменить направление работы, третьи же – жили как иждивенцы.

Сведения о социальном составе эвакуированного еврейского населения, размещенного в Сталинском р-не г. Ташкента в 1942 г. [4]

	Социальные группы населения			
	Служащие	Рабочие	Иждивенцы	Всего
Кол-во до эвакуации; в %	544; 25,42%	273; 12,76%	1323; 61,82%	2140; 100%
Кол-во после эвакуации в г. Ташкент; в %	312; 14,57%	300; 14,01%	1528; 71,40%	2140; 100%

В результате выполненного анализа записей таблицы «Эвакуированное население по Сталинскому р-ну г. Ташкента на 1942 г.», в

группу служащих включены следующие профессии и должности: учитель, врач, инженер, работники институтов, лабораторий, писатель, артист, музыкант, работники театра, типографий, экономист, бухгалтер, продавец, завхоз, управляющий, директор, начальник, заведующий, мед. работник, санитар, парикмахер, счетчик, секретарь, шофер, воспитательница, кассир, фельдшер, художник, милиционер, следователь. Группа рабочих представлена следующими: работники заводов, фабрик, артелей, мастера, техники, швея, портной, обувщик, сапожник, заготовщик, красильщик, жестянщик. К иждивенцам отнесены следующие: пожилые, дети, неработающие родственники – жена, тетя, племянники, муж, брат, сестра, внуки; учащиеся, студенты, пенсионеры, инвалиды, больные, временно не работающие люди, домохозяйки.

Статистические сведения о профессиях, должностях
эвакуированного еврейского населения,
Сталинский р-н г. Ташкента, 1942 г. [5]

Профессия, должность	Кол-во до эвакуации	Кол-во после эвакуации в г. Ташкент
Управляющие должности: директор, заведующий, завхоз, председатель, заводел, начальник цеха, треста, транспорта, снабжения	120	46
Бухгалтер, главный бухгалтер, экономист, кассир	90	54
Продавец, снабженец	62	12
Учитель, педагог, воспитатель, профессор, доцент, научный сотрудник, сотрудник редакции, юрист, милиционер	64	36
Врач, зуботехник, медработник, медсестра, ветеринар	40	27
Инженер	26	15
Музыкальный работник, художник, актёр, режиссёр, деятель культуры, библиотекарь, священник	31	22
Парикмахер, обувщик, швея, портной, мастер часов, секретарь, машинистка, телеграфист, гардеробщица	142	115
Рабочий, работник артели, фабрики, строитель и пр.	242	285
<i>Всего</i> работающих эвакуированных в данную часть города района евреев	817	609
Иждивенцы	1323	1528
<i>Итого</i> по первой части Сталинского р-на г. Ташкента эвакуированных лиц – представителей еврейской национальности	2140	2140

Исследование социально-экономических и личных данных из «Списков эвакуированного населения» позволяет провести более гл-

бокий анализ состава этого населения (количество мужчин, женщин, пожилого населения, детей, семей, одиноких людей, других сведениях о родственниках), а также получить материал о трудовой деятельности (трудоспособного населения, иждивенцев, пенсионеров, инвалидов, малолетних детей, студентов, учащихся, временно не работающих).

Проведенное исследование полученных количественных данных в вышеуказанной таблице позволяет получить ответ на вопрос: насколько изменилась доля занятого населения среди эвакуированных евреев после размещения их в г. Ташкенте и каков состав трудоспособного населения, а также иждивенцев (на примере Сталинского р-на). Так, если число работавших в сфере управления евреев сократилось с 5,6% до 2,1%; количество бухгалтеров, экономистов уменьшилось от 4,2% до 2,1%; работников сферы торговли – от 2,9% до 0,6%; работников сферы образования, науки, юриспруденции – от 3,0% до 1,7%; врачей, медработников – от 1,9% до 1,3%; инженеров – от 1,2% до 0,7%; работников сферы культуры – от 1,4% до 1,0%; работников сферы быта, в т. ч. частных работников этой отрасли – от 6,6% до 5,3%. Иначе выглядит картина среди рабочих, где количество работников заводов, фабрик, артелей, строителей возросло от 11,3% до 28,4%, что, безусловно, было связано с перестройкой экономики на военный лад, увеличением числа заводов и фабрик. В целом, из общего числа эвакуированного еврейского населения в эту часть Сталинского р-на доля трудоспособного населения среди них до приезда составляла 38,1%; после переселения в Ташкент, их доля понизилась до 28,4%. Безусловно, количество иждивенцев возросло от 61,8% до 71,4%. Это было связано со своеобразными требованиями военной экономики, тяжелыми условиями, вызванными бременем военного положения, в числе которых следует отметить факты расширения военной экономики, временного сокращения выделения средств на нужды других отраслей, закрытия многих школ и детских садов, резкого механического роста населения в городе, безработицы в стране и т. д.

Анализ статистических сведений по эвакуированным в Сталинский р-н представителям еврейской национальности даёт возможность также ответить еще на два важных вопроса: кто из эвакуированных евреев стал работать на определенных должностях и по каким-либо профессиям; какие профессии оказались в годы войны наиболее востребованными на местах эвакуации населения, т. е. обладатели этих профессий и на месте эвакуации остались работать в своих сферах.

Для того чтобы ответить на первый вопрос, необходимо по «Списку эвакуированных» выполнить сравнительный анализ каждого

обладателя профессии или иждивенца, кем он стал работать или остался ли на иждивении после переселения в Ташкент. Результаты исследований показывают, что 99% из 46 чел. евреев, работников сферы управления (уже в г. Ташкенте), эвакуированных в исследуемую часть Сталинского р-на, у себя на родине также работали на руководящих, управленческих должностях. Из 50 чел. евреев бухгалтеров, экономистов, кассиров 90% также раньше работали по данным профессиям, 10% евреев уже в Ташкенте стали работать в этой сфере. Среди 36 евреев педагогов, работников научной и юридической сферы, 88% и раньше работали в данной отрасли, лишь 12% уже в Ташкенте начали свою трудовую деятельность по указанным профессиям. В составе эвакуированных евреев 26 чел. работали на месте эвакуации в сфере медицины, из них 17 врачей евреев, т. е. 66% и на родине трудились по своей профессии, остальные еврейские медработники, в основном санитарки (34%) уже по приезду в Ташкент стали работать по этой профессии. Из 15 евреев инженеров, эвакуированных в Сталинский р-н, все 100% работали инженерами до войны у себя на родине. В составе 19 работников искусства, культурной сферы вообще среди эвакуированных на исследуемую территорию евреев все 100% и до войны были заняты в этих же сферах, т. е. продолжили работать по своей профессии и по месту эвакуации. Около 80% служащих и работников сферы быта, в лице парикмахеров, портных, обувщиков, секретарей, часовщиков и других частных мастеров из числа эвакуированных евреев в данный район города (согласно данным таблицы, здесь их было 115) были лица, работавшие и до войны по указанным профессиям, а остальные 20% стали обладателями этих видов трудовой деятельности уже после эвакуации в Ташкент. Самую многочисленную группу среди профессий евреев в исследуемой части Сталинского р-на представляют рабочие, строители, которых здесь насчитывалось 285 чел., и из них около 77% трудились в данных сферах и до войны, остальные 23% поступили работать на заводы, фабрики артели, тресты уже в Ташкенте, в результате эвакуации.

Анализ цифровых данных вышеуказанных таблиц, а также социально-экономических данных в таблице «Списков эвакуированных евреев в Сталинский р-н» показывает, что наиболее востребованными профессиями в условиях военного времени в первую очередь, следует назвать рабочих заводов, фабрик, артелей, во-вторых, работников сферы медицины, образования, культуры, науки, инженеров, на третьем месте – работников сферы управления, экономики и торговли, юриспруденции, на четвертом месте – работников сферы быта, обслуживания населения.

Особое внимание заслуживает и фактор участия еврейской молодежи в трудовой жизни страны в суровые военные годы, о чем свидетельствуют факты. Часть студентов-евреев высших образовательных учреждений и после эвакуации в г. Ташкент продолжили учебу в соответствующих вузах, другая часть поступила на работу, в большинстве своем, на заводы, фабрики, медицинские и учебные заведения. Также среди эвакуированных подростков евреев были дети, которые учились до войны, в военный период, по месту эвакуации, поступили на работу и трудились вместе с взрослыми.

«Списки эвакуированного населения» в годы Второй мировой войны, хранящиеся в фондах ЦГ РУз, являются ценным материалом для изучения истории, особенно социальной структуры переселенного в годы войны населения, в т. ч. и представителей еврейской национальности, и служат достоверным документальным источником.

Важно отметить, что наряду с социально-экономическими данными, сведения «Списков эвакуированных» позволяют выяснить также количество семей, состав, половозрастную структуру эвакуированного еврейского населения, фамилию, имя, отчество граждан и др., что очень важно в изучении истории эвакуированного населения и их дальнейшей судьбы. Результаты исследований показывают, что семьи переселенных в республику евреев небольшие по составу, состояли в основном из женщин, стариков, детей; размещались вместе в близких кварталах города, многие евреи стремились сохранить профессию и трудились они вместе с узбекистанцами во имя победы на войне и благосостояния всего народа.

1. ЦГА РУз. Ф.Р-846. Оп.1–2. Д.1–6. – «Списки Учетно-справочного бюро УМ НКВД на эвакуированных граждан по районам г. Ташкента за 1942 год».
2. Там же. Оп.2. Д.1. Данное дело состоит из двух частей – книга 1 – Д.1/1; книга – 1 – Д.1/2.
3. Там же. Д.1/1. Л.5–6.
4. Таблица составлена по результатам подсчета данных таблицы «Эвакуированное население по Сталинскому р-ну г. Ташкента на 1942 г.». ЦГА РУз. Д.1/1, т. е. по первой части Сталинского р-на (всего 2140 лиц еврейской национальности).
5. Таблица составлена в результате подсчета сведений таблицы «Эвакуированное население по Сталинскому р-ну г. Ташкента на 1942 г.». ЦГА РУз. Ф.Р-846. Оп.2. Ч.1. Д.1/2. Л.1–100.

От депортации до реэвакуации бывших польских граждан 1940–1946 гг.

До сих пор существуют сильные расхождения в оценках численности депортированных в 1940–1941 гг. этнических поляков в Казахстане. По некоторым польским источникам, из Польши в СССР в 1940–1941 гг. было вывезено 1,6–1,8 млн. поляков [1, с.279]. Большинство исследователей считают эти цифры преувеличением и полагают, что число высланных поляков колеблется в пределах 380–400 тыс. при общем количестве депортированных в 470–600 тыс.

Согласно советским документам, на сентябрь 1941 г. арестованных и высланных из Западной Белоруссии и Западной Украины бывших польских граждан насчитывалось 389 382 чел., из них в тюрьмах и лагерях находилось 120 960 чел., в спецпоселениях («осадники» и др.) – 243 106 чел., в лагерях военнопленных – 23 543 чел. [2, с.124].

По данным Госархива Карагандинской обл., накануне Великой Отечественной войны на территорию Казахстана было выслано 104 тыс. поляков и членов их семей [3, л.35].

Основываясь на документах ЦГА РК, общее количество польских граждан в Казахстане в 1941 г. составило 61 092 чел., основная их часть была расселена в сельской местности в совхозах и колхозах [4, л.1–4].

В фондах ЦГА РК сохранилась справка НКВД, в которой указано, что на начало 1942 г. количество польских граждан в КазССР составляло 103 757 чел. [3, л.35], и по областям они были расселены следующим образом: Южно-Казахстанская обл. – 25 998 чел.; Джамбулская обл. – 22 051 чел.; Северо-Казахстанская обл. – 12 362 чел.; Кустанайская обл. – 5317 чел.; Павлодарская обл. – 9233 чел.; Семипалатинская обл. – 9000 чел.; Актюбинская обл. – 5646 чел.; Восточно-Казахстанская обл. – 454 чел.; Алма-Атинская обл. – 184 чел.; Кызыл-Ординская обл. – 1000 чел.; Карагандинская обл. – 373 чел.; Гурьевская обл. – 187 чел.; Западно-Казахстанская обл. – 159 чел.; Акмолинская обл. – 7793 чел.; работающих на строительстве железной дороги Акмолинск – Карталы – 4000 чел. [5, л.9].

Несмотря на огромный недостаток рабочих рук во всех отраслях народного хозяйства Казахстана, трудовое использование спецпоселенцев было организовано крайне плохо. В письме секретаря Северо-Казахстанского обкома КП (б) К обращалось внимание на сложности в трудоустройстве репрессированных: «В нашу область были высланы из Польши 21 тыс. тысяча фабрикантов, помещиков, семей репрессированных, которые расселены по селам и аулам во всех районах, кроме

Соколовки, Петропавловска, Приишимки и Кызыл-ту, причем в районах никого не оставили. Таким образом, в поселках районов этот контингент составляет от 1,5 до 2 тыс. чел. в среднем. При их расселении в колхозах отсутствуют госфонды земель. Особую сложность представляет вопрос трудоустройства. В колхозы, согласно Уставу сельхозартели, к работам их не допускают. На почве не предоставления работы имеем случаи бегства, покушения на самоубийство и т.п. Считаем необходимым поставить перед правительством вопрос о специальном решении по трудоустройству этого контингента»^{1*} [6, л.304].

Отсутствие контроля со стороны НКВД и местных исполнительных органов власти за хозяйственно-бытовым и трудовым устройством переселенцев стало для депортированных поляков новой проблемой. Оказавшись в колхозах, поляки претерпевали тяжелые условия адаптации. В ходе проверки трудоустройства поляков органами НКВД КазССР были установлены следующие факты: значительная часть переселенцев не имела не только постоянной, но и временной работы; спецпереселенцы не обеспечены жильем, их труд оплачивался произвольно, а в ряде мест совершенно не оплачивался; многодетные семьи не имели возможности материально обеспечить детей, к тому же немало детей-сирот; престарелые и нетрудоспособные не имели почти никаких средств к существованию [7, л.117].

Только в декабре 1941 г. было принято постановление ЦК КП (б) К, согласно которому райкомы и обкомы «обязаны разместить всех спецпереселенцев для работы на промышленных предприятиях, в колхозах, совхозах и в МТС с учетом наличия жилья и продовольственной базы. Широко использовать труд спецпереселенцев, за исключением педагогической и руководящей работы» [7, л.122].

Шла война, трудно и голодно было всем, но полякам, как «чужакам», выжить было гораздо тяжелее. Попечительство над польскими гражданами в годы войны осуществляло посольство Республики Польша, находившееся в г. Куйбышеве с 1941 г. по 1943 г. В Казахстане представительство польского посольства располагалось в г. Алма-Ате и состояло из 12 чел. Именно по требованию алма-атинского представительства польского посольства в районах, населенных поляками, были организованы территориальные представительства посольства (делегатуры), основная задача которых состояла в осуществлении попечительской деятельности по отношению к польским гражданам. К 1942 г. таких организаций по Казахстану насчитывалось свыше 200.

^{1*} Считая спецпереселенцев контингентом НКВД, районные и областные партийные и советские организации не занимались вопросами их трудоустройства.

В 1943 г. по ходатайству СНК СССР был образован Комитет по делам польских детей. С поддержки комитета в Казахстане с 1943 г. по 1944 г. было открыто 10 детских домов, где нашли приют 976 детей [8, л.29].

По распоряжению Наркомпроса детские дома были открыты в следующих областях: Атбасарский детский дом, Акмолинская обл. – контингент 97 чел.; Актюбинский детский дом, Актюбинская обл. – 135 чел.; Моюнкумский детский дом Чуйский р-н Джамбулской обл. – 71 чел.; Ново-Ивановский детский дом, Свердловский р-н Джамбулской обл. – 60 чел.; Мамлютский детский дом, Мамлютский р-н Северо-Казахстанской обл. – 62 чел.; Детский дом №1, Сайрамский р-н Южно-Казахстанской обл. – 145 чел.; Детский дом №2, Сайрамский р-н Южно-Казахстанской обл. – 152 чел.; Детский дом №5, Туркестанский р-н Южно-Казахстанской обл. – 127 чел.; Семипалатинский детский дом Семипалатинской обл. – 45 чел.; Кировский детский дом, Кировский р-н Талды-Курганской обл. – 85 чел. [9, л.29]. Самые большими по численности детей-сирот были детские дома в Южно-Казахстанской и Актюбинской областях.

30 июня 1943 г. Совнаркомом СССР принял постановление за №710 об организации школ для детей-поляков. На основании постановления организацией школ занимался Наркомат просвещения КазССР и исполкомы областных Советов. Необходимо сделать оговорку, что школы были открыты, в основном, в областях северного и южного Казахстана, где наблюдался наибольший приток переселенцев.

В мае 1943 г. СНК СССР издал постановление «Об улучшении материальной помощи полякам, эвакуированным в тыловые районы СССР». В соответствии с документом были созданы комиссии общественной помощи эвакуированным полякам. Комиссии были созданы в 11 городах Казахстана, они выявляли семьи остро нуждающихся и оказывали им имущественную помощь в виде единовременного пособия 600 руб. [10].

Поляков стали активно призывать в трудовую армию. Рабочие колонны формировались из числа спецконтингента для работы в угольных, металлургических и других стратегически важных отраслях СССР и Казахстана. Мужчин, мобилизованных в трудовую армию, направляли, в основном, в Караганду, Челябинск, Воркуту и другие города, женщин – для работы на фабриках и в артелях стратегического значения [11]. Например, в феврале 1943 г. в Актюбинске была открыта артель «Рекорд», в которой работало 85 чел. Артель представляла собой швейную фабрику по пошиву одежды [12]. С 1943 г. по 1945 г. в Джурунском р-не Актюбинской обл. в пос. Джурун работала сельхозартель «Дружба», которая занималась обработкой сельскохо-

зайственного сырья, пошивом обуви и изделий из шерсти (рукавицы, носки, шапки). В артели работало 110 чел.: 93 женщины и 17 мужчин. Все они были родственниками польских военнослужащих [13].

Впрочем, официальной помощи всё равно не хватало. Как один из примеров, можно привести письмо председателя исполкома Джамбулской обл. самаркандскому уполномоченному по снабжению эвакуированных поляков от 15 декабря 1943 г., в котором говорится: «В Джамбулской обл. очень серьезное дело с поляками. Здесь проживает приблизительно 25 тыс. поляков. Материальное их состояние катастрофическое» [14]. Несмотря на катастрофическое положение, поляки старались сохранить свою веру, национальное самосознание и культуру, проявляя в то же время интерес к окружающей их национально-культурной и природной среде. Польский поэт-футурист Александр Ват написал в Казахстане свое стихотворение «Ивы в Алма-Ате». Другой польский поэт Ян Хуца пишет в Казахстане поэтический сборник. Вместе с тем старожилы вспоминают, что присутствие поляков – и военных, и гражданских – в какой-то степени изменило их быт. Ведь никогда прежде в тамошних городах не звучало столько классической музыки, прежде всего Шопена и Огинского. Кроме того, среди полек было много отличных портних, что тоже определенным образом повлияло на местный «стиль» [15, с.50].

6 июля 1945 г. было подписано советско-польское соглашение, согласно которому все бывшие польские граждане, имевшие польское гражданство до 17 сентября 1939 г., получили право на возвращение в Польшу. В соответствии с постановлением СНК СССР от 29 ноября 1945 г. за №791-121сс в КазССР была организована комиссия по переселению бывших польских граждан на родину [15, с.156]. В областях Казахстана создавались отделы, куда желающие реэвакуироваться должны были написать заявление о выходе из советского гражданства. Согласно сведениям НКВД КазССР, на 7 января 1946 г. всего по республике было принято 35 512 заявлений, передано на рассмотрение комиссии 19 210 заявлений, рассмотрено комиссией 15 703 заявления [16].

С января 1946 г. началась массовая реэвакуация, сопровождаемая торжественными проводами, т. к. многие поляки обзавелись в изгнании друзьями и знакомыми. Реэвакуация была хорошо организована. Перед отъездом проводился медосмотр, были сделаны прививки против брюшного тифа и оспы и произведена санобработка людей и вещей. В целом, относительно быстрые темпы реэвакуации привели к тому, что к весне 1946 г. основная масса поляков, депортированных в 1940–1941 гг., выехала на родину. Не смогли выехать на родину поляки, которые не знали о реэмиграции либо по состоянию здоровья, либо находившиеся в то время в лагерях, попав туда «по второму заходу» в 1943–1945 гг.

Оставшиеся после проведения реэвакуации поляки вошли в состав польского населения Казахстана, сформированного в послевоенный период. К ним следует добавить военнослужащих 1-й и 2-й армий Войска Польского из числа бывших ссыльных, вернувшихся в СССР за семьями, но права на выезд в Польшу так и не получивших. Все они в совокупности составили польское население Казахстана на начало 1950-х гг. XX в. Надо отметить, что положение их, как и спецпереселенцев других национальностей, еще целое десятилетие определялось постановлением СНК от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев», ограничивавшем не только свободу передвижения, но и возможность получения образования и хорошей работы.

1. Дыбровская А. История Польши с древнейших времен до наших дней – Варшава: ПВН, 1995. – 360 с.
2. 40–50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД–МВД СССР) / История СССР. Т.1 – М.: Наука, 1992. – 338 с.
3. Сведения о выселении поляков в Казахстан накануне Великой Отечественной войны / ГАКО (Госархив Карагандинской обл.). Ф.18. Оп.1. Д.165. Л.35.
4. Сведения о количестве польских граждан в Казахстане на 1941 г.; о количестве амнистированных польских граждан на 1941–1942 гг. / ЦГА РК. Ф.Р.-1137. Оп.18с. Д.33. Л.1–4.
5. Справка НКВД о размещении польских граждан на территории Казахской ССР на 28 января 1942 г. / Там же. Ф.Р.-1146. Оп.1. Д.287. Л.9.
6. Письмо секретаря Северо-Казахстанского обкома КП (б) К о проблемах трудоустройства репрессированных поляков / АП РК. Ф.708. Оп.4/2. Д.95. Л.42, 304.
7. Справка НКВД КазССР о трудоустройстве поляков, высланных с территорий западных областей Украины и Белоруссии (ноябрь 1940 г.) / АП РК. Ф.708. Оп.4/1. Д.199. Л.122, 177.
8. Справка НКВД КазССР по результатам проверки трудоустройства поляков-спецпереселенцев (ноябрь 1940 г.) / ЦГА РК. Ф.Р.-1137. Оп.18с. Д.139. Л.24, 29.
9. Распоряжение Наркомпроса КазССР об открытии детских домов / Там же. Ф.Р.-1692. Оп.1. Д.1073. Л.29.
10. Машимбаев, С.М. Проблема истории польских переселенцев в Казахстане (1936–1946) – Алматы, 2001. – 140 с.
11. Отчёт Наркомата просвещения КазССР за 1943/1944 уч. г. о состоянии школ и детучреждений в КазССР / ЦГА РК. Ф.Р.-1692. Оп.1. Д.953. Л.24.
12. Информационная справка об открытии в Актюбинске польской артели «Рекорд» / ГААО (Госархив Актюбинской обл.). Ф.504. Оп.1. Д.14. Л.12–14.
13. Документация Актюбинской польской сельхозартели «Дружба» / Там же. Ф.6п. Оп.1. Д.326. Л.170.
14. Письмо председателя исполкома Джамбулской обл. о тяжелом положении эвакуированных поляков (15 декабря 1943 г.) / АП РК. Ф.708. Оп.8. Д.156. Л.2–3.
15. Калишевский, М. «Полония» на Востоке: Об истории польской диаспоры в Центральной Азии – М.: Наука, 2009. – 180 с.
16. Сведения НКВД КазССР на 7 января 1946 г. о заявках и желающих выйти из советского гражданства / ЦГА РК. Ф.Р.-1137. Оп.18. Д.139. Л.32.

К вопросу об изменении статуса польских граждан в годы Второй мировой войны

Долгое время ряд архивных документов, освещавших важные исторические факты, был недоступен широкому кругу исследователей, будучи отнесенным к категории «особо секретных документов», в т. ч. материалы так называемых «особых папок», отражающие события, связанные с пребыванием в Казахской ССР польских граждан в годы Второй мировой войны. С наступлением периода открытия «спецхранов» архивных учреждений исследователям стали доступны новые документы. В связи с этим необходимо продолжить научные изыскания и установить действительную картину исторических событий.

Российские исследователи, опираясь на директивные документы высших органов власти, материалы НКВД СССР, установили, что в ходе каждой из четырех депортаций 1940–1941 гг. были выселены разные категории граждан, каждая из которых в тогдашней делопроизводительной терминологии имела свое название и на поселении сохранилась, как правило, отдельно от других. Так, в феврале 1940 г. (или позже, но на таких же основаниях) «спецпереселенцы-осадники» (или «осадники и лесники»); в апреле 1940 г. – «административно-высланные» (члены семей репрессированных польских офицеров, полицейских, жандармов, тюремщиков, государственных служащих, помещиков, фабрикантов и участников контрреволюционных повстанческих организаций); в конце июня – начале июля 1940 г. (или позже, но на таких же основаниях) – «спецпереселенцы-беженцы» (прибывшие в западные области УССР и БССР с территорий, оккупированных немцами); в мае–июне 1941 г. – «ссыльнопоселенцы» [1].

Кардинальные изменения произошли с началом Великой Отечественной войны, когда между правительством СССР и эмигрантским правительством Польши 30 июля 1941 г. было подписано соглашение «О возобновлении дипломатических отношений». К советско-польскому соглашению прилагался протокол следующего содержания: «Советское правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве или военнопленных или на других достаточных основаниях со времени восстановления дипломатических отношений» [2].

Вскоре после заключения советской стороной ряда соглашений с польским правительством многие поляки были амнистированы и освобождены из спецпоселения: им разрешалось свободное проживание, кроме пограничных и запретных зон, а также режимных городов.

В соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 12 августа 1941 г., по амнистии освобожден 389 041 бывший польский гражданин (жители бывших Западной Белоруссии и Западной Украины), в заключении оставался 341 чел. По соглашению между правительствами СССР и Польши от 30 июля 1943 г. амнистия была распространена на всех бывших польских граждан на территории СССР [3]. Таким образом, официально ссылка депортированных поляков закончилась уже 12 августа 1941 г., в день выхода Указа Президиума ВС СССР об амнистии всех бывших польских граждан.

В рубриках учета НКВД с июля 1941 г. вместо «осадников», «смей репрессированных» появилась рубрика с названием – «беженцы, бывшие польские граждане». В 1943 г. стало применяться обозначение «поляков, эвакуированных из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы». В 1944 г. в документах указывают наличие «эвакуированного польского населения (поляков, евреев, белорусов, украинцев и других национальностей)». Наличие лиц еврейской национальности, оказавшихся на территории Казахстана в годы войны, подтверждается многочисленными документами [4].

Как видим, статус и судьба депортированных граждан Польши будут предопределены вектором отношений между правительством Польши в эмиграции и руководством СССР. Политический статус граждан Польши в Казахстане развивался поэтапно: от «административно-высланных» к амнистированным гражданам Польши, с определением – «польские беженцы», затем «эвакуированного польского населения».

Следует отметить, что Советское правительство определяло гражданство чисто по национальному признаку. Так, польскими гражданами среди жителей Западной Украины и Западной Белоруссии оно считало поляков по национальной принадлежности и лиц еврейской национальности (но это право не распространялось на украинцев и белорусов, несмотря на наличие у них польского паспорта).

Казахстанские историки обращают внимание, что многие десятилетия вопрос о попечительстве над польскими гражданами, проживающими на территории Казахстана, со стороны посольства Республики Польша в г. Куйбышеве в 1941–1943 гг., сознательно не упоминался. В то время на основании решений, согласованных послом Республики Польша С. Котом и заместителем Председателя СНК СССР Ф.Я. Вышинским, в районах, населенных поляками, начался этап организации представительств, основной задачей которых была координация попечительских мероприятий и жизни польских граждан [5].

Представители академической науки в России также внимательно изучают данный вопрос, опираясь, в т. ч., на польские издания, что

значительно усиливает фактологическую базу проделанного труда. В их исследованиях приводятся данные, что в тех областях, где имелись большие скопления поляков, стали открываться представительства польского посольства, организовываться склады одежды и продовольствия, поступавшего из США и Англии. На узловых станциях была создана польская информационная служба, которая направляла мужчин призывного возраста и добровольцев в места формирования воинских частей, предоставляла людям помощь. Посольство выдавало польские паспорта, организовывало культурные и религиозные мероприятия. На основе опросов всех освобожденных была составлена картотека польских граждан в СССР, вплоть до каждой отдельно взятой области и поселков. В результате удалось выявить несколько десятков тысяч поляков, вопреки соглашению все еще находившихся в заключении, освобождения которых и добивалось посольство Польши [6].

По замечанию современных исследователей, создание такой автономной от местных властей и НКВД системы представительств, подчинявшейся напрямую польскому посольству, стало нонсенсом в истории советского государства [7, с.226–228].

После подписания договора было воссоздано посольство Республики Польша в СССР, его возглавил профессор Станислав Кот. Началось образование сети польских представительств – делегатур, взявших под свою опеку бывших польских граждан. В регионы были назначены временные представители. В сферу их деятельности входило информирование посольства и местных властей о нуждах польских граждан и об их материальном положении, регистрация данной группы лиц, учет их движения, поиск пропавших членов семей и близких, организация и оказание помощи, а также обеспечение польских граждан необходимыми документами – паспортами, удостоверениями, свидетельствами. Одной из важнейших функций, созданных в регионах делегатур, был поиск так называемых доверенных лиц, т. е. людей, выполнявших работу непосредственно в местах скопления польских граждан. Кандидаты в доверенные лица избирались польским населением, анкетные данные кандидата направлялись региональному представителю, который передавал их далее на утверждение посольству. После утверждения доверенного лица в должности представитель посольства в регионе выполнял надзор за его деятельностью. Таким образом, на территории СССР в конце декабря 1941 г. была создана сеть из 20 представительств польского посольства, которая покрыла расстояние от Архангельска на западе до Владивостока на востоке, охватив 2600 населенных пунктов в 42 регионах СССР, где проживали польские подданные [7, с.229–230].

Советская власть в годы войны активно сотрудничала с польскими представительствами, оказывая помощь транспортом, информацией, связью, деньгами. Известно, что 31 декабря 1941 г. было подписано соглашение о кредите в 100 млн. руб. от советского правительства в помощь польским гражданам. Уже 21 января 1942 г. вышло распоряжение правительства СССР о распределении пайков и ордеров на промтовары, предназначенные для организованных посольством детдомов, домов престарелых, детских приютов [8].

К лету 1942 г., по польским данным, в региональных представительствах работало более 200 чел., в местах скопления польских граждан – более 1 тыс. активистов. Кроме того, в работе было задействовано 1,5 тыс. чел., исполнявших различные функции по опеке польского населения: учителя, врачи, воспитатели и т. д. По свидетельству бывшего польского посла С. Кота, на начало февраля 1943 г. сеть польских представительств состояла из 807 «институций» с 2639 работниками, помогавшими 265 501 польскому гражданину, из которых проживали в европейской части России 46 тыс., в Сибири – 71 тыс., в Казахстане – 56 тыс., в Средней Азии – 90 тыс. [7, с.232]. В ряде областных центров, как, например, в Кустанайской обл. КазССР создавались органы «польской делегатуры» [9].

СНК СССР 21 мая 1943 г. принял постановление об организации в составе Наркомата торговли СССР специального Управления по снабжению поляков (Упрособторг), эвакуированных из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы. Именно так назывался соответствующий орган. Из десяти его уполномоченных трое были размещены в КазССР: в гг. Павлодаре, Семипалатинске, Петропавловске, с деятельностью в северной части республики, включая Кустанайскую обл. [10].

В постановлениях советских органов власти периодически указывалось, что «будут выдаваться благотворительные грузы для бесплатного распределения их среди эвакуированного польского населения (поляков, евреев, белорусов, украинцев и других национальностей)». Об этом сообщалось в письме №17-108/2с наркома финансов СССР А. Зверева председателю Кустанайского облисполкома, от 19 марта 1943 г.: «[...] 1. Денежные средства, а также фонды продуктов и одежды благотворительных учреждений, переходящих в ведение местных органов, в соответствии с пунктом 3-м распоряжения Союзсовнаркома от 26 января с. г., подлежат изъятию...», но вместе с этим добавлялось, что «2. Денежные средства, а также фонды, находящиеся в распоряжении бывших польдовереных или заведующих польскими складами, полученные от посольства, являются собственностью польского посольства» [11]. Руководство СССР старалось со-

блюдать нормы международного права и заключенных советско-польских договоров.

Следует отметить, что определенные архивные материалы за 1939–1959 гг. были недоступны для исследователей вплоть до последнего времени. К ним относились документы с грифом «особая папка», решения центральных партийных и государственных органов. Доступ к этим данным для историков стал возможен лишь после работы специальной государственной комиссии, которая сняла режим секретности с этих документов в октябре 2007 г. В Государственном архиве Костанайской обл. (ГАКО) только сейчас после нашего запроса решается вопрос о рассекречивании «Особой папки» за 1941 г.

1. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД–МВД СССР) // Социологические исследования (Москва). – 1990. – №12. – С.4–5.
2. Поляки в Казахстане... Сост. С. Цесельский и А. Кучинский – Вроцлав, 1996. – С.355–371. Цит. по: Калыбекова М.Ч. Депортация поляков в Казахстан // www.rusnauka.com/2_ANR.../2_56397.doc.htm
3. Бугай Н.Ф. Депортация народов // [planet-of-people.org/htmls/rus/publications/...](http://planet-of-people.org/htmls/rus/publications/)
4. Легкий Д.М. Сведения о евреях – польских гражданах в архивах Костанайской области. / История. Память. Люди. Материалы VI Международной научной конференции. Эвакуация во время Великой Отечественной войны в Казахстан, другие страны Центральной Азии и Западную Сибирь. 18 октября 2012 г. – Алматы, 2012. – 446 с. – С.240–254. Он же. «По состоянию на 1 мая 1940 г.». К вопросу о депортации украинцев, польских граждан в Казахстан. / 65 лет с начала депортации жителей Украины в Казахстан. – Караганда: Посольство Украины в РК, 2012. – 116 с. – С.59–62.
5. Цит. по: Калыбекова М.Ч. Депортация поляков в Казахстан. www.rusnauka.com/2_ANR.../2_56397.doc.htm
6. Лебедева Н.С. Армия Андерса в документах российских архивов. memo.ru/history/polacy/leb.htm
7. Чевардин А.В. Судьба польских спецпереселенцев (1941–1943) в Уральском регионе // Известия Уральского Государственного университета. – 2008. – №55.
8. Жаронь П. Депортация польского населения в Сибирь (1940–1941) и репатриация на родину (1944–1949) / Сибирь в истории и культуре польского народа. – М., 2002. – С.383; Чевардин А.В. Судьба польских спецпереселенцев...указ. соч. – С.231.
9. Легкий Д.М. Деятельность делегатуры польского посольства в г. Кустанае Казахской ССР (1941–1943 гг.): восстановление исторической памяти / Польские дипломаты в Казахстане 1941–1943 гг. – Астана: Посольство Республики Польша в Республике Казахстан, 2015. – С.19–37, 163–184.
10. Из истории поляков в Казахстане. (1936–1956 гг.). Сборник документов. Архив Президента Республики Казахстан. – Алматы, 2000. – С.298.
11. Легкий Д.М. Поляки в Кустанайской обл. (годы Второй мировой войны. 1939–1945 гг.). Депортированные спецпереселенцы или союзники – польские патриоты? Сборник документов (готовится к печати). – 950 с.

Социальная деятельность Союза Польских Патриотов (1943–1946 гг.)

1943 г. стал переломным во взаимоотношениях СССР и эмиграционного правительства Польши в Лондоне. Причина конфликта связана с «Катынским делом» – трагической судьбой нескольких тысяч польских офицеров, которые были расстреляны советскими карательными органами весной 1940 г. и захоронены в Катынском лесу в 14 км к западу от Смоленска. Советские власти, естественно, скрывали свою причастность к этим событиям. Этот факт Сталин использовал в качестве предлога, чтобы разорвать дипломатические отношения с эмиграционным правительством В. Сикорского в Лондоне, обвинив Германию в убийстве польских военнослужащих, а польское правительство – в «контактах и сговоре» с гитлеровцами. Разрыв польско-советских отношений позволил Сталину осуществить свой план установления в Польше послушной ему коммунистической власти.

В феврале 1943 г. политическое правительство, состоявшее, главным образом, из верных Советскому государству польских коммунистов, основало СПП [1, с.286].

СПП являлся самой массовой организацией польской эмиграции на территории СССР. Его деятельность была направлена на издательскую и культурно-просветительскую работу, а также на привлечение поляков на территории СССР к участию в антифашистском движении. Председателем СПП была Ванда Василевская. В Казахстане Союз взял на себя шефство над польскими детскими домами и школами для польских детей. В 1943 г. по ходатайству СНК СССР был образован Комитет по делам польских детей. С поддержки комитета и СПП в Казахстане с 1943 г. по 1944 г. было открыто 10 детских домов, где нашли приют 976 детей [2, л.29].

В детском доме №2 Сайрамского р-на Южно-Казахстанской обл. числилось 152 чел.; в детском доме №5 Туркестанского р-на Южно-Казахстанской обл. – 145 детей; в Актюбинском детском доме – 135 чел.; в остальных 7 детских домах численность детей в среднем составляла 80 чел. Актюбинский детский дом носил имя Ванды Львовны Василевской.^{1*}

^{1*} В.Л. Василевская родилась в Австро-Венгрии в семье польского публициста, этнографа и переводчика, министра иностранных дел Польши в 1918–1919 гг., одного из лидеров Польской социалистической партии. В 1939 г. приняла советское гражданство. Вывезла дочь Эву (Еву) из оккупированной немцами Варшавы. В 1941–1943 гг. работала в Политуправлении Юго-Западного фронта, в 1943–1945 гг. – главный редактор газеты «Советская Польша», председатель Союза польских патриотов. В АП РК отложился документ, из которого следует, что в декабре 1941 г. 13-летняя дочь В. Василевской оказалась в г. Джамбуле в тяжелом материальном положении в связи с неполучением денежного аттестата своей матери. АП РК. Ф.708. Оп.5/1. Д.561. Л.65 (прим. ред.).

Подбором штата сотрудников для детских домов занимался СПП. Они обеспечивали детские дома школьными принадлежностями, учебниками и книгами на польском языке [3, л.239].

30 июня 1943 г. СНК СССР принял постановление за №710 об организации школ для детей-поляков. На основании постановления, организацией школ занимался наркомат просвещения КазССР и исполкомы областных Советов. В постановлении были даны распоряжения: обеспечить организацию обучения детей-поляков на родном языке; школы организовать при наличии учащихся для начальной школы не менее 25 чел., средней школы – 10 чел.; обеспечить школы учительскими кадрами для преподавания на польском и русском языках; для детей, проживающих в отдалении от школы, организовать интернаты; обязать облоно обеспечить финансирование в организации школ; включить школы для польских детей в общую сеть школ [4, л.33].

Организация школ проходила крайне медленно, основная причина – плохая укомплектованность классов и недостаток учителей. Школьные здания были не приспособлены к проведению занятий, особенно в зимнее время. Согласно отчетам Наркомата просвещения КазССР, на 1943/1944 уч. год было открыто 56 школ с охватом обучающихся детей в количестве 6687 чел. [5, л.24].

1 июля 1945 г. для подготовки учителей польских школ были организованы курсы, рассчитанные на 2 месяца обучения в Москве. На курсы было направлено 50 учителей из областей, где были открыты польские школы: Алма-Атинской, Талды-Курганской, Джамбулской и Акмолинской [6, л.12]. Согласно отчетам по итогам работы первого полугодия 1944/1945 уч. г., лучшие результаты были достигнуты в Джамбулской средней школе для польских детей им. А. Мицкевича. Приведем выдержку из отчета о состоянии учебно-воспитательной работы в школе: «1. Занятия в школе ведутся в две смены. За первое полугодие несколько раз менялось расписание из-за изменений в составе учительского коллектива (преподавателя английского языка, а главным образом, военрука, работавшего в школе короткое время).

2. Итоги полугодовой аттестации показывают следующую картину: из общего количества учащихся 545 не аттестованных оказалось 91 учащийся (это объясняется перерывами в занятиях), отличников – 50, с двойками – 61 учащийся.

3. Вследствие продолжительных перерывов в связи с морозами программа по многим предметам не выполнена.

4. Дисциплина учащихся в общем удовлетворительная. Учащиеся ведут себя хорошо на уроках, в школе и вне школы.

У многих ребят школы русский язык стал как бы вторым родным языком. Этот факт, с одной стороны, облегчает обучение русскому языку (подчас у детей, особенно младшего возраста, безупречное произношение и ударение, правильный русский слог), с другой стороны, мешает усвоению польского языка. Преподавание родного языка направлено на борьбу за чистоту польского языка. Появление «Книг для чтения» («Czytanki») для начальных классов дало возможность улучшить преподавание родного языка. В 5–7 классах основой преподавания литературы служат сборники избранных произведений польских писателей (Болеслава Пруса, Элизы Ожешко, Марии Конопницкой). В 8–10 классах преподаватель проводит работу на основе подробных конспектов.

5. В школе изготавливаются самодельные наглядные пособия (орфографические таблицы, исторические карты, простые приборы по физике).

6. До получения программы по истории Польши и учебника географии Польши эти дисциплины преподавались в довольно скудном объеме. Преподавателям трудно было восстановить в памяти необходимый учебный материал» [7, л.108].

Кроме польской школы, в г. Джамбуле 23 ноября 1944 г. был открыт польский детский сад на 60 детей в возрасте от 3-х до 7 лет. Кандидатуры воспитателей детского сада (3 чел.) были утверждены СПП и имели опыт работы с детьми [7, л.115]. Открытие детских садов по другим городам было проблемным из-за недостатка финансовых возможностей. Вся воспитательная работа в детском саду проходила под контролем СПП. Выдержка из отчета по воспитательной работе детского сада в г. Джамбуле свидетельствует о том, что «режим строго соблюдается. Сон не проводится из-за недостатка помещения. Но летом, когда старшая группа отдыхала на воздухе, младшая группа спала на одеялах, расстеленных на полу. Дети питаются 3 раза в день и получают достаточно продуктов как в качестве, так и в количестве. Прогулки проводятся очень часто. В большинстве дети гуляют на лугу детсада, где проводятся подвижные игры.

Воспитательная работа с детьми заключается в следующем: воспитание в детях организованности, дружеских отношений, уважения к взрослым, любви к труду, гигиенических навыков, обращение с карандашами и другими материалами. Большое внимание уделяется воспитанию в детях любви к своей Родине и Советскому Союзу. Для развития любви к Польше проводятся частые беседы, рассказы о героях, разучивание стихотворений, инсценировка стихов, народные песни и пляски. Для этого используется детская газета «Огонек» и материалы из «Комполь-Дета» [7, л.106–107].

6 июля 1945 г. было принято советско-польское соглашение о возврате на родину детей польской и еврейской национальностей. В инструкции к соглашению говорилось, что переселению подлежат дети-сироты и те, кто имеет отца в польской армии, а также дети поляки и евреи, находящиеся у граждан, и чьи родители находятся на территории СССР и желают выйти из советского гражданства. Переселению не подлежали дети без родителей и не достигшие 14-летнего возраста, а также дети не польской национальности. Заявление от детей на выезд должно было быть в письменной форме, принимали заявления только у детей в возрасте от 14 до 18 лет [8, л.69]. В соответствии с постановлением СНК СССР от 10 ноября 1945 г. № 2863-830, в областях Казахстана были созданы специальные комиссии по рассмотрению списков и заявлений детей.

С 1945 г. по 1946 г. СПП руководил процессом переселения поляков и евреев из СССР в Польшу.

10 августа 1946 г. СПП закончил свою деятельность в связи с возвращением на родину большей части польских эмигрантов.

1. Дымбовская А. История Польши с древнейших времён до наших дней / А. Дымбовская. М. Жарын. Я. Жарын – Варшава: Из-во ПВН, 1998. – 360 с.
2. Справка НКВД КазССР по результатам проверки трудоустройства поляков-спецпереселенцев (ноябрь 1940 г.) / ЦГАРК. Ф.Р-1137. Оп.18с. Д.139. Л.29.
3. Документация Актюбинского польского детского дома им. В. Василевской / ГААО. Ф.28. Оп.7. Д.7. Л.232, 233, 235, 239.
4. Постановление СНК СССР от 30 июня 1943 г. за №710 «Об организации школ для детей-поляков» / ГАЖО. Ф.399. Оп.1. Д.370. Л.33.
5. Отчёт наркома просвещения КазССР за 1943/1944 уч. г. о состоянии школ и детучреждений в КазССР / ЦГАРК. Ф.Р-1692. Оп.1. Д.953. Л.24.
6. Сведения об организации курсов повышения квалификации учителей польских школ / ЦГАРК. Ф.Р-1692. Оп.1. Д.839а. Л.12.
7. Отчёт о состоянии учебно-воспитательной работы в школе для польских детей им. А. Мицкевича за первое полугодие 1944/1945 уч. г. / ГАЖО. Ф.234. Оп.1. Д.36. Л.106, 108.
8. Справка о составе педагогического коллектива детского дома им. В. Василевской / ГААО. Ф.281. Оп.7. Д.8. Л.69.

Беркимбаева А.М.,
Легкий Д.М.

«Облоно не охватило всех эвакуированных детей учёбой».
Школьное обучение детей из эвакуированных
и депортированных семей в годы Великой Отечественной войны
(на примере Кустанайской обл. Казахской ССР)

История народного образования в КазССР в годы Великой Отечественной войны подверглась тщательному изучению советскими и современными исследователями. Вместе с тем, открываются всё

новые страницы истории школьного обучения детей из эвакуированных и депортированных семей, на что и обращается внимание в данной публикации.

Огромный пласт документов хранится в архивных учреждениях. В фонде управления образования акимата Костанайской обл. отложились списки детей, «направленных облоно в детские дома в 1941 г.». Среди них списки выбывших из детских домов, а также воспитанников, подлежащих в 1941 г. трудоустройству [1, л.2–16, 29–30, 180, 345–380]. Отдельное внимание уделялось детям репрессированных родителей, подлежащих трудоустройству, по Фёдоровскому детскому дому [1, л.38]. Детские дома были предметом особой заботы в годы войны. В областном архиве хранятся сведения, что в 12 детских домах Кустанайской обл. находится 1131 воспитанник [2].

Историки выяснили, что по состоянию на 1 октября 1941 г. в Кустанайскую обл. прибыло всего 11 681 чел., из которых 1131 мужчин, 4830 женщин и 5720 детей [3, с.105]. Как бы не старался эвакуотдел, дальнейшая проверка показала, что решение бюро обкома и облисполкома от 9 августа 1941 г. выполняется плохо. Облздравотдел также «не обеспечил и не укрепил» свои направления, т. к. детские ясли в ряде мест пребывали в антисанитарном состоянии, уход за детьми – крайне плох. «Облоно не охватило всех эвакуированных детей учёбой», Облпотребсоюз и облторг не обеспечивали эвакуированных в полной мере продовольственными, а особенно промышленными товарами. По этим фактам снова приняли решение: «обязать, указать, установить контроль». Эвакопункту требовали дополнительные помещения под общежития на 800 мест. «Строжайше» запрещалось кому бы то ни было выделять помещения, предназначенные эвакуированным. Вывод сделан один – «Дети школьного возраста должны были учиться» [3, с.106].

Большой проблемой стало размещение эвакуированных детских домов. В 1941 г. в Кустанайскую обл. были эвакуированы Малаховский детгородок Московской обл., Дергачевский детдом №1 Харьковской обл. и Павловский детдом Воронежской обл. С Малаховским детгородком в Кустанай прибыло 430 детей. Сначала они были как самостоятельный детдом, затем детей разместили в четырех существовавших детдомах области: в Мендыгаринском, Семиозерном, Убаганском и Урицком районах. Дети Дергачевского детдома Харьковской обл. – все 300 чел. – были размещены в Федоровском детдоме. Дети Павловского детдома Воронежской обл. – 234 чел. – были размещены на базе существовавших детдомов: Боровского, Мендыгаринского и Федоровского. Прочитируем документ.

Информация на №4-150 вио зав. облоно Кошкиной,
зав. сектором детских домов и дошкольных учреждений Казачковой
Наркомпросу КазССР

г. Кустанай

14 октября 1941 г.

Облоно ставит вас в известность, что:

1. 21 октября 1941 г. прибыл Дергачевский детдом №1 из УССР г. Харькова по направлению Наркомпроса т. Тадажибаева.
2. Количество детей – 270 чел. Размещены в Федоровском детдоме, который заранее был освобожден и готов к приему эвакуированного детдома.
3. Обеспеченность обмундированием и постельными принадлежностями 100%.
4. Финансируется Облфинотделом.
5. В план снабжения включены. Федоровский детдом имеет свое подсобное хоз-во, которое целиком обеспечивает овощами и другим продовольствием воспитанников детдома.
6. Охват учебой 100%, мастерскими.
7. Укомплектованность педкадрами 100%. Состав кадров: директор, заведующий учебно-воспитательной частью, педагоги, воспитатели и инструкторы по труду.

врио зав. облоно
Кошкина
зав. сектор. д/домов и дошкольных учреждений
Казачкова [4].

Воспитанники Федоровского детдома ремонт обуви и обмундирования производили силами своей мастерской. В Мендыгаринском, Федоровском, Семиозерном детских домах вышивали блузки, шторки, салфетки, а отдельные воспитанники самостоятельно шили себе платья. В швейно-рукодельной мастерской Мендыгаринского детдома только за полгода силами детей было изготовлено 167 брюк, 18 халатов, 33 сорочки, 46 салфеток, 60 штор, 209 полотенец, 11 блузок, 205 платков, 51 гимнастерка и т. д.

В детских домах имелись пионерские организации. Каждый детский дом имел свои небольшие библиотеки, в которых насчитывалось в среднем от 150 до 300 книг художественной литературы. Радио не было, за исключением городского школьного детского дома. Кино показывали крайне редко.

Облоно, обкомом партии регулярно проводились проверки работы детдомов. Так, 4–7 сентября 1943 г. сотрудниками обкома КП (б) К была проверена работа Карабалыкского детского дома. В справке отмечалось, что «...питание детей очень однообразное и лишенное вита-

минов. Из государственных фондов детдом получает лишь муку. Был один наряд на масло, но было отоварено всего 34 кг, а около 100 кг не отоварено. По нормативам полагается 17 г жиров в день, воспитанники получили в июле 13 г, в августе – 7,5 г. Молока получали в июле 306 г, в августе – 145 г. Все корпуса детдома – земляные постройки, нуждаются в ремонте. Он ещё не начат. В спальнях и в столовой пронизывающий холод. Пекарня зияет дырами, баня разваливается» [5]. Для детей сирот и детей, проживавших в отдаленных населенных пунктах, при школах были организованы интернаты. В этих интернатах в течение 1940–1945 гг. воспитывалось от 1348 до 1500 детей.

В соответствии с решениями Кустанайского горисполкома от 23 марта 1942 г. [6] и Кустанайского облисполкома от 17 апреля 1942 г. [7] образованы Кустанайская городская, областная и районные комиссии по устройству детей-сирот. Документом сухо регламентируются возраст и сроки содержания детей в приёмнике-распределителе и дальнейшее их размещение. Детей старше 14 лет следовало отправлять в промышленность или в сельское хозяйство. Исключение составляли ребята, поступающие в ФЗО или ремесленные училища [5, с.190].

В информации Кустанайского горкома комсомола Кустанайскому обкому комсомола (19 июня 1942 г.) есть сведения об организации форпостов во всех неполных средних школах города. Открыть пионерские лагеря за пределами города не представлялось возможным. Не было средств на транспортировку детей – 80 км по тем временам считались большим расстоянием. Поэтому пошли другим путём: из всех городских школ отобрали 500 ослабленных ребят – их и подкармливали. Месячная стоимость путёвки с двухразовым питанием – 150 руб. [5, с.192–193].

В 1943 г. исполкомы райсоветов, облторг, облпотребсоюз и все торгующие организации обязали «улучшить питание детей, использовать по назначению продукты, охватить столовыми в первую очередь детей военнослужащих, военных инвалидов и эвакуированных» [5, с.214].

Это при том, что, кроме детей местного населения, в регион прибыли эвакуированные дети, много детей было в семьях депортированных народов. Так из 8081 польских граждан было 2797 детей до 16 лет [5, с.195].

В ряде документов НКВД за 1942 г. отмечается, что «делегатура польского посольства осуществляла работу по регистрации и учету польских граждан, проживавших на территории Кустанайской обл., оказанию им материальной помощи, а также по организации и устройству приютов, больниц и инвалидных домов». Одновременно с этим, «Романьским М.Ф. были открыты школы для польских детей и костел». Кроме этого, в Кустанае была создана молодежная организа-

ция «Скаут», «состоящая из учащихся начальной польской школы и учащихся гимназии, которая насчитывала в себе до 80 чел. польской молодежи».

По сохранившимся архивным документам НКВД следует, что «с момента оформления, т. е. с первых чисел июня 1942 г. и до 5 июля, этой молодежной организацией руководила преподаватель польской школы в г. Кустанае Стшембош Елизавета», после ее отъезда «руководство по собственной инициативе» взяла на себя Ванда Дорош. По ее признанию, скаутская организация в Кустанае «была создана без разрешения Советских государственных органов», и, как руководитель, она опиралась на «программные вопросы организации Скаутов, существовавшей в Польше». Более того, она не скрывала, что «в г. Кустанае своей целью ставила физически (*так в тексте – Д.Л.*) моральное воспитание польской молодежи, т. е. привитие польской молодежи любви к Богу и родине, привитие трудовых навыков школьникам» [8, с.27–28].

Польских детей разместили в Мендыгаринском (Боровском), Урицком, Федоровском, Семиозерном, Затобольском детдомах. О состоянии дел красноречиво свидетельствует следующий документ.

Телефонограмма 1035/с заместителя председателя Кустанайского облисполкома Михеева в г. Куйбышев наркоминдел т. Вышинскому
г. Кустанай 2 декабря 1942 г.

На Ваш 991/с от 23 [в] Боровском дошкольном доме [в] июле месяце были размещены польские дети переведенные [из] г. Кустаная [в] количестве 63 чел. Их воспитание проводилось польскими воспитателями на родном языке. Возраст польских детей был разнообразный (4–17 лет). Проверкой было установлено, что польские дети находились [в] антисанитарных условиях, болели чесоткой, продукты, отпускаемые им, растаскивались обслуживающим персоналом. После проверки приказом облоно польские дети были разделены по возрастам: взрослые переведены [в] Боровской школьный детдом, дошкольники оставлены [в] Боровском дошкольном детдоме. [В] настоящее время польские дети живут совместно [с] советскими ребятами [в] нормальных условиях, получают хорошее питание, одежду и здоровые – все это подтверждается польским представителем Мендыгаринского р-на, на что имеются документальные данные.

Заместитель председателя Кустанайского облисполкома
Михеев [9].

Данный документ, как и подобные архивные материалы, ждут своих исследователей, ведь фактически это темы будущих магистерских

и докторских диссертаций. На одной из международных конференций 6–7 июня 2016 г. в Кракове «Европа в Азии. Из истории польских граждан в Казахстане в период II мировой войны»^{1*} одна из её участниц С. Фриdleвич вручила докладчику из Казахстана Д. Легкому «Свидетельство» об обучении в начальной школе Мендыгаринского детдома. Она трогательно и с большой благодарностью рассказывала о своих учителях.

В архивных документах 1945 г. указаны имена польских учителей – «Купкевич учительница польских классов средней школы в Боровом; Кудел Казамира учительница польских классов Урицкой школы».

Молодежь должна знать, что в результате осуществленной крупномасштабной эвакуации гражданского населения в годы Великой Отечественной войны была спасена значительная часть подрастающего поколения страны. Война и эвакуация оставила глубокий след в их жизни. Потомки должны это помнить и по достоинству оценить.

1. ГАКО. Ф.Р-250. Оп.1. Д.184.
2. Там же. Ф.268. Оп.1. Д.1142. Л.116–118.
3. Кустанайцы – герои тыла. Личный вклад. Коллект. моногр. Ахметчин Г.Г., Легкий Д.М., Семёнова В.Г., Укин К.У. и др. – Костанай: Костанайский печатный двор, 2013. – 854 с.
4. ГАКО. Ф.250. Оп.1. Д.168. Л.36.
5. Кустанайская область в годы Великой Отечественной войны: единство фронта и тыла. – Костанай: Печатный двор, 2010. – 508 с.
6. ГАКО. Ф.Р-268. Оп.1. Д.454. Л.69.
7. Там же. Д.446. Л.213–214.
8. Легкий Д.М. Деятельность делегатуры польского посольства в городе Кустанае Казахской ССР (1941–1943 гг.): восстановление исторической памяти / Польские дипломаты в Казахстане 1941–1943 годы. – Астана: Посольство Республики Польша в Республике Казахстан, 2015. – С.19–37.
9. Легкий Д.М. Поляки в Кустанайской области (годы Второй мировой войны. 1939–1945 гг.). Депортированные спецпереселенцы или союзники – польские патриоты?! Сборник документов (готовится к печати) – 950 с.

Кобрынь Я.

Ачисай 40-х гг. XX столетия глазами очевидцев

В конце 1990-х гг. в Польше образовался Союз сибиряков (Związek Sybiraków), объединяющий поляков, которые были депортированы в СССР. Тут следует объяснить, что на польском языке существуют два названия: Сыберя (Syberia) как географическое название и Сыбирь (Sybir) как место ссылки, синоним репрессий. Работа в образовавшейся организации велась с самого начала в двух основных

^{1*} Под эгидой Института национальной памяти и Педагогического университета в Кракове при поддержке Посольства РП в Казахстане.

направлениях: помощи пострадавшим получить статус комбатанта и сохранение памяти о прошлом.

В момент образования в Кружок союза сибиряков г. Бытшица Клодзка поступило почти 700 чел. До 2016 г. нам удалось собрать воспоминания, документы и фотографии времен ссылки почти у 200 чел. Большинство материалов публиковалось в четырёх сборниках, изданных Союзом в 2008, 2010, 2013 и 2016 гг. Среди этих материалов: воспоминания, записанные в 1946 г., упоминания о дневниках времен ссылки, отобранных пограничниками во время пересечения советско-польской границы, аудио- и видеозаписи, сделанные Ежи Кобрынем в 1990–2016 гг. Надо отметить и тот факт, что некоторые из наших информантов категорически запретили публикации своих интервью: «Я там уже был и больше не хочу».

Во время работы над изданием сборников мне довольно часто приходилось разговаривать с репрессированными, что вызвало интерес к данной теме. Важным фактором можно считать и то, что семья моего отца тоже была депортирована.^{1*} Меня всегда интересовали судьбы тех, кто вместе с поляками работали, страдали от нечеловеческих условий быта и умирали... В итоге удалось найти единомышленников – занимающихся этой темой в России и Казахстане: учителей, библиотекарей, краеведов и деятелей общества «Мемориал». Союз принимает участие в Виртуальном музее ГУЛАГа gulagmuseum.org, который ведется НИЦ Мемориал в г. Санкт Петербурге.

Некоторые работы авторов из России публиковались в наших сборниках (на польском языке). Следующим шагом была реализация совместных польско-российских проектов: молодежного обмена и совместных поездок учеников из Польши и России на Международные Дня Памяти «Соловки–Сандармох».

Поскольку среди депортированных, членов нашего сообщества, довольно большая группа поляков жила и работала в годы войны в пос. Ачисае, Южно-Казахстанской обл. с 2015 г. реализуем исследовательский польско-казахстанский проект по этой теме. С казахской стороны в проекте принимают участие Расылбек Уктельбаев и Салтанат Дуйсенова, жители пос. Ачисай.

Основные цели проекта – это восстановление памяти о спецпереселенцах всех национальностей и поиски мест захоронений в т. ч. граждан довоенной Польши в районах Сузакском и Туркестанском. Население восточных областей довоенной Польши было смешанное, там жили и белорусы, и украинцы, и евреи. Среди депортированных в

^{1*} По категории спецпереселенцы «осадники».

1940-е гг. много было лиц других национальностей, особенно евреев – т. н. «беженцев».

В этом докладе представим картину пос. Ачисай Туркестанского р-на Южно-Казахстанской обл., запомнившейся поляками и несколько информации, которые появились в ходе реализации проекта.

Большинство поляков (15 семей), проживающих в 1940-х гг. в Ачисае, были депортированы из восточных областей довоенной Польши, которые после 17 сентября 1939 г. стали западными областями Белоруссии и Украины. 7 семей были высланы в Архангельскую обл., 5 – в КомиАССР, по 1 в Омскую, Иркутскую и Челябинскую области 10 февраля 1940 г. как «осадники», 2 семьи были депортированы в июне 1941 г. В основном это крестьяне, которые до войны то ли получили, то ли купили землю от государства, как семья Станислава Галки (1928 г. р.): «Семья выехала на Кресы, где купили 4 га земли. Это дало возможность скромной жизни. Кроме того, отец работал плотником и столяром. Был и сад, в хозяйстве держали 30–40 гусей, что давало возможность продавать перья. Рядом с хозяйством семьи Галка, находилась колония (хутор) Костюшкового, куда поселились демобилизованные солдаты Легиона Пилсудского» [1].

Владыслав Верницки (1929 г. р.): «В школе в дер. Марианувка [в которой я учился] учились только поляки. Рядом находилась дер. Городище, там жили украинцы [...] в дер. Зофювка жили только евреи, там были у них свои магазины, аптеки, мастерские, была и синагога. В эту деревню моя мама ходила за покупками, покупала в кредит, а рассчитывалась раз в месяц. Особых конфликтов с евреями не было. Рядом была еще одна деревня, Юзефин, там жили немцы – колонисты» [1]. Спецпереселенцы в КомиАССР и Архангельской обл. работали в основном на лесоповале. Непосильный труд, антисанитарные условия, холод – все это способствовало болезням, многие умирали.

12 августа 1941 г. был опубликован Указ Президиума ВС СССР «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключение на территории СССР». Порядок амнистирования уточнялся в инструкции НКВД СССР от 19 и 20 августа. В КомиАССР на 9 октября 1941 г. из 19 330 чел. спецпереселенцев было освобождено 17 966 чел. [2].

Что касается польских граждан других чем польская национальностей, тут ситуация была сложная. Советская сторона согласилась «подкорректировать» Указ Президиума ВС СССР от 29 ноября 1939 г. Все поляки, проживающие до 1–2 ноября 1939 г. на территориях, присоединенных к СССР, считались польскими гражданами. Однако евреи, украинцы, белорусы оставались советскими гражданами [...] Такая ситуация создала серьезную путаницу в определении граждан-

ства многих «бывших польских граждан», которые не имели документов на советское гражданство [2].

Осенью 1942 г. многие поляки-спецпереселенцы уезжали из спецпоселков с целью вступить в армию Андерса. Станислава Дзенис (Скоп, 1920 г. р.): «Пришёл к нам начальник и говорит: «Гитлер напал на нашу Родину. Родина находится в опасности! Советская власть решила, что вы, поляки, теперь уже свободные и можете ехать куда хотите, но не в прифронтовую полосу. Радость среди поляков была огромная. Некоторые говорили: «Едем в Польшу, едем в Польшу! «Но как туда доехать?» – спрашивали другие. Именно тогда в советском начальстве наступила такая перемена. Так правду сказать, если бы не те, местные жители, зыряне и ссыльные разных национальностей, так жилось бы нам гораздо тяжелее. Это были очень хорошие и доброжелательные люди [...] В Казахстане умерли тогда моя мама и отец. Голод был там страшный. И вот так себе думаю сегодня: если бы мы остались в Коми, то быть может не голодали бы так в Казахстане? Каждый ехал туда самостоятельно. У моего дяди было немножко сбережённого табака, а у нас немножко рублей. Пошли мы на станцию заказать вагон. Другие польские семьи делали то же самое» [1].

Станислав Лясек (1925 г. р.): «Я думаю, что решение выехать с малыми детьми в неизвестное было ошибкой, хотя родители думали, что выведут нас из советского рая. Мы выехали в первые дни октября 1941 г. [...] Поезд время от времени останавливался пропуская военные эшелоны. Никто нами не интересовался, не заботился. На всех станциях было много солдат и беженцев. Трудно было получить кипяток. После нескольких дней в нашем вагоне начались болезни: тиф и дизинтерия. На 8-й день мы прибыли в Куйбышев. [...] Транспорт стоял днями на станциях, ожидая [разрешения] на отъезд. Нам не доставало еды, на станциях с трудом было получить кипяток. Голод и болезни в нашем транспорте были причиной смерти многих поляков. Тиф и дизинтерия убивали особенно часто детей и [людей] старшего возраста. Мы не мылись, нас ели вши. Ежедневно из вагонов выносили несколько трупов, грузили на повозки как мусор и никто из семьи не знал, где похоронили его близких. Из Куйбышева на ст. Фарах мы ехали две недели. [...] Над Амударьей пришлось кочевать под голым небом более чем тысячи полякам. Два барака, которые там были, заняли одинокие поляки, прибывшие раньше нас. Зрелище было страшное. Люди выглядели как призраки, как смерть, глаза впалые в череп, тело это скелет с натянутой кожей. Они едва держались на ногах и всё время качались. Везде полно было человеческих выделений, никто этого не убирал, так что трудно было пройти. Многие лежали почти нагими, из них плыли кровавые выделения. «Боже! Спаси нашу

жизнь!» – молился я и думал, что это может случиться и со мной, и моими родными» [1].

Представители Польского посольства, а позже и местные власти стремились решить проблему и распределяли людей по колхозам. В реалиях колхозной системы – голода, антисанитарных условий и болезней, поляки были вынуждены искать и другие возможности выживания. Одним из мест, в котором в тяжелые годы войны, было возможно получить хлеб, был Ачисайский комбинат.

Бронислава Голец (Ольховик, 1925 г. р.): «[...] завезли нас в г. Туркестан, оттуда узкоколейкой в Ачисай, а из Ачисая на верблюдах в Чулак-Курган. Тогда там было холодно, отец дал нам по рюмочке водки, чтобы согреться. Из Чулак-Кургана волами привезли нас в колхоз «Кызыл-Куль». Первое что я там запомнила это избушка, а в ней на середине – топка, в избушке было полно дыма, хотя в крыше было отверстие, что-то вроде трубы. На топке мы сварили кипяток, купили у казаха лепёшки и съели. В этом колхозе отец работал конюхом. Мама не работала, но очень быстро казахи её полюбили, потому что она их лечила, ставила банки, массировала. За эту работу казахи платили ей продуктами [...] Родители решили найти работу в Чулак-Кургане, но не нашли. Пошли в Ачисай, там встретили русского знакомого, Солтинского, который работал в Карабаше [место ссылки семьи Ольховик в 1940 г.] и был знаком с моим отцом. Там Солтинский нашёл отцу работу в больнице. Отец работал там в скорой помощи, ездил с телегой. Нашёл тоже комнату, которую надо было обустроить. Была работа и зарплата. Мы с мамой занимались вязанием свитеров для врачей и медсёстр. Вкратце мама получила работу на кухне, была ежедневно порция хлеба и суп для отца и меня. После некоторого времени, и я получила работу в аптеке, была там уборщицей, а потом и продавщицей. Я там многому научилась, умела готовить лекарства под надзором управляющей. Там я заболела тифом и лежала в больнице целый месяц. Управляющим аптеки была Клара Алексеевна Столярова, она была очень милой и доброжелательной женщиной, многому меня научила. Часто о ней вспоминаю. В Ачисае было много польских семейств» [1].

Эдмунд Фрыдрык (1929 г. р.): «Мы узнали, что в Ачисае находится профессиональная школа ФЗО^{1*}, в которую принимали в возрасте выше 16 лет. Я был моложе, но всё-таки решил, во что бы то ни стало, поступить в эту школу. Мне надоела тяжёлая работа в поле, вши и болезни в детдоме. Совместно со Станиславом Галкой и Антоним Мацейчаком мы отправились в эту школу. Из нашей тройки лишь

^{1*} Школа фабрично-заводского обучения – низший тип профессионально-технической школы в СССР.

Галке исполнилось 16, а Мацейчак был моложе меня. Директор школы Константин Надеждин смотрел на нас и видел, что мы моложе 17 лет, да и не хотел нас принять. Мы на коленях умоляли его, что будем солидно учиться и работать. Втроём мы решили, что не уйдём пока нас директор не примет. И удалось. Был 1944 г., я стал учеником этой школы» [1]. Витольд Стемпень (1928 г. р.): «Наша ситуация неожиданно изменилась. Было принято решение, отправить мальчиков и девочек в возрасте старше 15 лет из детдома в Чулак-Кургане в Ачисай, где располагались школа ФЗО, шахта цинка и полиметаллический комбинат. Я тоже был в списке ребят, направленных туда, для нас это был список «страхов и надежд». Моя мама очень беспокоилась, что меня уже не будет в Чулак-Кургане. Я ей обещал, что напишу ей письмо, как только туда приеду. И вот собралось 6 девочек и 8 мальчиков, среди которых был один казах. Вот таким был призыв рабочей силы из Сузакского р-на для добычи свинца для Красной армии! [...] День был пасмурный, мы отправились после обеда. Вёл нас туда Лёва, молодой русский еврей. Ночевали мы в колхозе Турлан, там казашка угостила нас чаем и супом. Ночью была снежная пурга. Ранним солнечным утром, без еды, мы отправились дальше. Дорога вилась в горы, мы с трудом двигались по снегу. Проходили мимо громадных снежных заносов, иногда через туннель в снегу. На дороге показался всадник на верблюде – значит, и мы пройдем. Было холодно, все время мы поднимались по этой неровной дороге. Я уже был голодный, ослаб, шел шаг за шагом, как заключенный. [...] Перевал. Пошли дальше, на тенистой дороге ждали нас сюрпризы – гололедица, на которой падали. Наконец, с высоты горы мы увидели дома: необычные жилые блоки в Казахстане! Это был Акжар. Мы заметили людей, поднимающихся по крутым дорожкам и несущих в сумках из веревки хлеб! Да, здесь у них хлеб, которого мы полгода не видели! Пошли дальше, за следующим холмом долина Ачисай. Напротив нас, на склоне «чёрной горы» Каратау заметил желто-красную насыпь, она резко отличалась от серого фона, стоял там электровоз. Скорее всего двигался с места – электрическая дуга светила на фоне тенистой горы. Это рудник – наша надежда на хлеб, также как и у Лондона надеждой в Клондайк было золото [3].

Жизнь

Владыслав Верницки: «В начале 1943 г. мы решили покинуть колхоз «Балдсу» и пошли в Ачисай. Мой шури́н нашёл там квартиру, и туда мы отправились пешком, шли 18 км. Сперва я пошёл туда с нашим скудным багажом, а потом вёл туда маму, отца и беременную сестру Зофию. В Ачисае я поступил в ФЗО, а сестра нашла работу в

больнице. Была там медсестрой. В школе меня хорошо кормили, давали 800 г хлеба в день и пищу в столовой. Часть своего хлеба я давал родителям, потому что они получали 200 г каждый, а это голодный паёк. Помню, что тогда мы поймали собаку, убили её и съели, мясо дохлого осла тоже ели. А когда меня подучили, так я работал флотатором на металлургическом заводе. [...] Позже меня приняли на работу в больницу, это благодаря моей сестре Зофии, которая там работала медсестрой. В той же больнице работал поляк Александр Ольховик. Он был кучером в скорой помощи, а его дочь, Бронислава, работала в местной аптеке. Я был там водовозом. Дали мне коня и воз с бочкой на 500 л. За водой я ездил к роднику, ведром наливал воду в бочку и возил в больницу. Кроме воды я возил тоже продукты. Я получал зарплату и карточки на хлеб и пищевые продукты. В этом госпитале моя сестра, Зофия, родила дочь, которая вскоре умерла, раньше на поселении умерла её первая дочь. Обеих её дочерей я помогал похоронить.

В это время привезли в Ачисай новых спепереселенцев. Это были чеченцы. Русские говорили мне, что они способствовали немцам, которые были под Сталинградом. Советская власть считала их предателями и целыми семьями депортировала в Казахстан. Чеченцы там умирали. Я часто принимал участие в их похоронах, а точнее мы собирали гниющее человеческие останки. Лопатами мы бросали части их тел на воз, засыпывали песком, везли под надзором врача на кладбище и хоронили в общих могилах. Эта работа была для меня самой мучительной и досадной.

В 1945 г. обе мои сестры, Владыслава и Станислава, были уволены из лагеря, прибыли в Ачисай и нашли работу в больнице. А я уволился с должности водовоза, новую работу нашёл в механической мастерской, тут я учился профессии токаря. Когда уже выучился, работал самостоятельно на американском токарном станке, до выезда в Польшу» [1]. Геновефа Дудка (Седач, 1932 г. р.): «Жили мы с мамой и братом в колхозе Чок-Таш. Мама работала в колхозе, скоро брат ушел в армию Андерса. Потом мы перевелись в Ачисай, там я пошла в школу. Помню нашу учительницу Веру Ивановну, была очень добрая. После уроков я присматривала за ребенком в семье русского хирурга. За это получала продукты. В Ачисае получали помощь UNRRA,^{1*} помню, что моей маме достались английские ботинки» [7].

Витольд Стемпень: «У входа в шахту часовой проверил коллективный пропуск у мастера. Шли мы за ним по крутым коридорам, как гуси – один за другим. Тут мы встретили двух старших горняков, которые грузили руду на вагончики.^{2*} Электрического света тут не было.

^{1*} Администрация помощи и восстановления Объединённых Наций.

^{2*} Возможно, речь идет о вагончиках.

Светили карбидной лампой. Этим же коридором ходил я потом, уже как рабочий, 30 месяцев. В коридоре было темно, фонарики были только у мастера и инструктора. Я боялся, что ударюсь головой о скалу. Пришли мы к рабочей бригаде. Рабочие грузили на вагоники жёлтую руду. Мастер сказал нам: «Тут будете работать, привозить дрова, строить, рамы, сыпать лопатами руду на вагоники, а в свободное время чистить вагоники. Так началось учение, а потом работа. Жили мы в 3-х комнатах, спали на железных кроватях, с матрасом, простыней, одеялом и подголовником (подушка наполнена сеном). Также были баня и вошебойка. В баню мы ходили один раз в месяц. Давали нам кусочек мыла, было его около 20 г. Это мыло меняли мы иногда на базаре на стакан зерна подсолнечника. Нашу одежду в вошебойке должны были избавить от вшей. Но эта цель была недостижимой – температура была слишком низкая и вши лишь только переходили из одной одежды в другую. До того, как нам отдали вещи из вошебойки, мы уже порядочно замерзали и бросались искать в кучи свою скомканную одежду. Бывало, что одежда из вошебойки была изорвана, т. к. перебрасывали ее вилами. Мыться надо было быстро, в бане вода была то слишком горячая, то холодная. После бани, чтобы не замерзнуть и согреться, ходили мы кругами. Или сидели на скамейке и стучали зубами от холода. Два часа были мы голышами с мылом в руках. [...] Чем ближе весна, тем больше учеников бежало из ФЗО. Те, кто стояли на вахте, должны были проверять, не несет ли курсант под одеялом одежды. Но те, которые намерены были бежать, заранее бросали вещи через окно. Бежали в основном, те, которым было куда бежать: казахи, украинцы, русские. У них были семьи в колхозах. А полякам куда бежать? Отец в армии, либо в тюрьме, матери с детьми умирали от голода. [...] В июне 1944 г. закончился наш курс и мы стали квалифицированными работниками 7-й категории (разряда). Направили нас на работу в шахте, дали зарплату 500 руб., рабочую одежду, мундир, похожий на военный, «ичиги» – брезентовые сапоги с голенищами и шапку с козырьком. Я был счастлив, но боялся, как бы не украли у меня эти вещи. [...] Знакомимся с жизнью завода: если в месяце был выполнен план – то было 4 дня выходных, если план не выполнен – то работаем без выходных. А выходные по графику. Работаем на три смены, они начинаются в 8, 16 и 24-том часу (разница с Москвой 2 часа). Гудок сигнализировал за час перед началом смены. Наш мастер все время размышляет: как выполнить план работы? Пробует обмануть девушек-контролерок, которые засыпают на своём посту. Спрашивает, сколько руды уже приняли, немало ли? Записывает работу, которую никто не выполнил, даже в течение года – например, очистка рвов для оттока воды (а тут ведь вода появляется только вес-

ной, на 2–3 недели), подметание лестниц и т. д. Он заботится, чтобы его бригада выполнила план. Нам, крепильщикам, тоже записывает изготовление повышенного количества рам. Каждая рама – это 3 руб. на 2 чел. Доводит выполнение плана до абсурда. На совещаниях директор кричит: «Что вы там пишете, что строите? Ведь этого там нет!» Наш мастер, Искандеров, отвечает несмело: «Мы готовим рамы из старых рам». Директор: «Покажи мне там хотя бы один кусочек старого дерева! Вы жулики! Сейчас вам покажу!» Крича, директор отошел в сторону. Настала мёртвая тишина. И встаёт татарин и потихоньку говорит нашему мастеру, Искандеру: «Надо же иногда старые брёвна упакать в жёлтом болоте и снять значок, чтобы нас не поймали на том, что пишем больше, чем сделали». Потом оказалось, что шахтёры добывали руду, которая давно была уже добыта. Чудеса там творились благодаря остроумному Искандеру. Он был низкого роста, и называли его по-разному. То ногоем, потому что был татарин, то – пшук, потому что у него был маленький нос. И еще «негэ», но не знаю почему. А в действительности он был милым и хорошим человеком. [...] Было принято решение – мальчики будут жить в 49-м бараке, в комнате на 20 чел. Дело заключалось в следующем: в комнате уже 15 корейцев и они не согласны принять чужих. В итоге переговоров корейцы согласились принять только поляков. Когда мы оказались на месте, нас встретили очень тепло. Корейцы были буйные парни, фамилии их «Ким и что-то дальше». Они сказали нам: «Нас преследуют на востоке, вас – на западе, давайте помогать друг другу! И доверять». Других они ненавидели и не признавали. [...] Вскоре велели нам переселиться из барака №40 и перейти в 45, как было прежде. На другой день мы увидели шагающий отряд японских военнопленных. Все они были одеты в одинаковые мундиры, на шапках стилизованные якоря. Было их около 200. Конвоировали их солдаты НКГБ с винтовками. [...] В наше отделение привели 20 японских военнопленных. Все были одеты в тёмно-синие мундиры. У каждого на шее было белое полотенце. К каждому был назначен один японец. Разговор был самым простым – надо было взять его за руку и потянуть на место работы. Мне назначили 4-х для транспортировки бревен. По очереди показал пальцем, чтобы шли за мной, и пошел первым. Пленные стояли на месте, как-то присматривались к своим комбинезонам на грудах. Махнул рукой – пошли, безрезультатно. Стоят, серьезные, обеспокоены. Наконец один из них улыбнулся, показал на свой нос и с интересом смотрит в мои глаза. Кивнул головой – да! Тогда все показали на свои носы и пошли со мной. Догадался: у японцев личность расположена на носу! [...] С 1 апреля нас перевели на 8-й уровень. С моими японскими сослуживцами (должен уточнить – друзьями) уже

не было возможности общаться. С тех пор я мог лишь наблюдать издалека, как они идут под конвоем.

Работа на этом уровне была ужасная. Сверху со скал лилась на голову вода, руда мокрая, тяжелая, чистый металл. У нас, то есть на 2, 3 и 4-м уровне вода уже вылилась месяц тому назад. Говорят, тут на 8-м льется и льется уже 3–4 месяца! На стенах коридора сверкают в свете кристаллы. Богатые руды называют галенит, сульфид, церуссит, вывозят 2 км из-под земли, узкоколейкой. Только сейчас я понял, насколько ужасными, точнее убийственными были условия работы на руднике! То, что раньше работал в условиях менее вредных для здоровья – это был дар от Бога! Только позже понял, почему казахи говорили «бала аяғы жоқ шаршайды» (у мальчика ноги не устают) – значит, он может идти вверх» [3].

Янина Сикорска (Двойка, 1928 г. р.): «В сентябре 1943 г. направили нас в Ачисай, в рабочий батальон. Там я работала на руднике, потом в строительном предприятии и на благоустройстве города. Таким образом, мы работали до 1945 г. Летом направили меня в колхоз» [5].

Ядвига Бортник (1923 г. р., воспитательница Польского детдома №4 в Туркестане): «В Ачисае была большая группа поляков, многие работали в рудниках и на металлургическом заводе. Доверенным лицом [польского посольства] был там Сливиньски. В его списке нуждающихся в помощи была семья, но никто не приходил. Мы отыскивали эту семью. В комнате барака мы увидели в постели двое детей с мамой. Я сказала детям: «Разбудите маму». Девочка ответила: «Мама уже два дня не встаёт. Оказалось, что их мама умерла, а дети так и вместе с ней спали. Этих девочек я взяла в наш детский дом» [1].

Казахи в глазах поляков

Юзефа Дзыра (Стыковска, 1929 г. р.): «Утром, когда мы уже отдохнули, зашел к нам хозяин, звали его Бердвай. Пригласил моего папу и Пётра (брата). Но папа мой сказал, что у нас поляков это не принято, чтобы муж ходил в гости без своей жены, да есть и голодные дети. Так если хозяин хочет нас угостить, можно еду принести в нашу избушку. Жили мы с ним в одной мазанке, в коридоре которой держали где-то 20 каракульских ягнят. Бердвай понял в чем дело, зашел в свою избу, принес приготовленное его женой блюдо. В этот момент папа показывает ему, что у поляков женщина принимает и разделяет еду на всех. Хозяин подает блюдо нашей маме, та поклонилась с благодарностью, кастрюлю с молоком поставила на стол, а лепешку (таба нан, который здесь заменяет хлеб) поцеловала и передала папе. Папа перекрестился, все мы помолились перед едой. Тогда передал нан обратно маме, которая поломала нан на куски, всем поровну. Каждому налила и дала мо-

локо. Наш казах стоял и внимательно наблюдал за этой церемонией. Мы заметили, что все это было для него немножко странное, но наши обычаи ему понравились. Мама ему первому подала нан и молоко. После еды папа начал молитву после вкушения пищи» [8].

Смерть и похороны

Владыслав Верницки: «[...] состояние здоровья моего отца ухудшалось, и вскоре он умер. Это случилось 13 марта 1943 г. На местном кладбище я выкопал яму, и с помощью русского друга тянули мы тело отца на кладбище 300 м. Обидно было смотреть как голова моего отца подпрыгивала на неровной земле. Его тело – это один скелет. Хоронили мы его без гроба. Положили мы его в яме, накрыли тело куском материала, засыпали землёй и помолились. Русский друг утешал меня: «Ты не плачь, теперь война, много людей умирает, ничего не поделаешь. Очень долгое время после этих событий у меня было подавленное настроение» [1].

Станислав Лясек: «На станции Серго всем дали приказ выйти из вагонов. Энкаведешники контролировали каждый вагон. Мой брат, Войтусь, был уже в агонии. Мы молились, чтобы он выздоровел или умер, потому что очень мучился. Он на моих коленях умер. Подтвердил это врач. Таких как он в вагонах было несколько. Подъехала арба и на неё положили мёртвых малышей. Где их похоронили, мы не знаем. Там остался навсегда первый член нашей семьи. Мы едва жили из-за горя по утрате любимого брата. [...] И в это время умерла на руках мамы самая младшая сестра Стефания. Перед смертью она была сознательна и поцеловала маму и старшую сестру, Анну, заплакала и скончалась. В течение двух дней мы утратили два любимых существа, брата Войтка и Стефанию. Сестра умыла Стефанию и одела в белое платье, белые чулки и кружевной платок на голову. Отец со мной отнёс тело дочери в морг, который находился в избушке из глины. В нём были три покойника, двое мужчин и женщина лет 20-ти. Они лежали в деревянных ящиках. Отец пошёл к энкаведешнику с просьбой дать ему доски на гроб. Ответ был: «Нет, и не будет! Похорони её без гроба. Ей уже ничего не нужно!» Отец решил положить тело дочери в гроб женщины. И так была похоронена сестра вблизи станции узкоколейки Серго-Ачисай [1].

Возвращение в Польшу

Витольд Стемпень: «Однажды в Ачисае мгновенно распространилось известие, что что-то намечается – может, едем в Польшу? Этого пропустить нельзя! Надо торопиться. Мы, пять молодых поляков, решили пойти к директору шахты и требуем уволить нас с работы, чтобы не прозевать момента выезда в Польшу. Секретарь бюро впустила нас

к директору. Директор спросил нас: «Вы зачем пришли?» Мы ответили: «Мы поляки, хотим получить увольнение с работы сегодня, потому что уезжаем в Польшу». Директор ответил: «Я ничего не знаю о выезде поляков в Польшу. И зачем вам туда ехать? Ведь там нет таких шахт как здесь. Вы пришли сюда и не работаете, а это прогул! Можете попасть в суд!» Его ответ нас озадачил. И мы решили идти «к власти», а власть – это НКВД. И явились мы перед лицом толстого коменданта Корнева. Мы сказали ему: «Мы поляки и хотим ехать в Польшу». «Что вы хотите? Вы шутите, тут нет никаких поляков!» Я подумал, действительно, ведь мы говорили с ним по-русски. Тогда мы начали с ним разговаривать польско-русским языком. Он взбесился и крикнул: «Пошли вон! А если не уйдете, так позову милиционера!» [3].

Владыслав Верницки: «Помню, что в Туркестане мы грузились в товарные вагоны. В четырёх были поляки, в пяти – евреи. Среди поляков распространились вести, что на Украине украинцы поезда с евреями взрывают. Поэтому поляки не хотели, чтобы в их вагоне ехали евреи. А на Украине эти вести оказались сплетнями. В пути были и длинные стоянки. Тогда я с друзьями, а иногда и в одиночку ходил на базары. В Саратове молоденький вор полез в мой карман. Я схватил его за руку, но вдруг заметил, что у него были помощники и я пустил его руку. В одиночку я бы не мог защищаться. На границе с Польшей была контроль пограничников и таможенников. Требовали отдать все русские документы. Большинство поляков отдавала, считали, что им они не нужны. Моя сестра, Владыслава Ковалик, не отдала документов с тюрьмы, привезла их с собой. Я отдал тогда справку о работе, так решила моя мама [1].

В 2017 г. были проведены поиски по местам проживания и захоронений граждан Польши. В Ачисае, благодаря плану, который составил Станислав Стыковски (1935 г. р) удалось найти много объектов, в т. ч. так называемое «кладбище на горе». По словам очевидцев, [6] там хоронили католиков и православных, в т. ч. поляков. К 2017 и 2018 гг. на кладбище сохранилось 15 металлических крестов. На 3-х из них таблички: «Евдокия Саблина 1917–1932», «Здесь покоится прах Лямина Виктора Петровича род. 4.VII.1942 – умер 12.IV 1943», НН^{1*} «21.XI.41 – 5.XII.41», у входа на кладбище установлен обелиск с православным крестом. Второе место захоронений, которое упоминается Владыславом Верницким, находилось в 300 м от больницы. Здание, в котором находилась больница, уже не существует, но место можно точно определить благодаря сохранившимся фундаментам. По словам старожилов, на склоне горы, приблизительно на том расстоянии, дей-

^{1*} Имя и фамилия написаны неразборчиво.

ствительно находилось мусульманское кладбище, но в послевоенные годы на этом участке была построена новая дорога в шахту. Поскольку следов захоронений найти не удалось, табличку с именем Теофила Верницкого и табличку с надписью на казахском и польском языках: «КСРО-да 1940–1941 жж. депортацияға ұшыраған, осы зиратта мәңгі көз жұмған Польша азаматтарын еске алу. // Pamięci obywateli polskich deportowanych w latach 1940–1941 do ZSRR spoczywających na tym cmentarzu»^{1*} была нами установлена на «кладбище на горе».

В 1940-е гг. пассажирская станция узкоколейки Туркестан–Ачисай находилась на расстоянии нескольких километров от поселка. В настоящее время сохранилось лишь название: Серго и один дом. По словам местного жителя (1932 г. р.) [6], там кроме станции находились школа, магазин, склады. С его помощью удалось установить местонахождение захоронений 1940-х гг. – на склоне горы, рядом с действующим мусульманском кладбищем. В 2018 г. удалось найти еще одного старожила этих мест, который, по словам своего отца Сейлбека Н. (1911 г. р.), знал, что на этом месте захоронено около 40 поляков. К сожалению, нет пока сведений, где хоронили умерших в транспорте, как Войцех Лясек. Можем только предполагать, что, скорее всего, братские могилы находятся на том же кладбище. Поэтому таблички с именами Стефании и Войцеха Лясек были нами установлены на этом месте. Что касается других мест захоронений, которые указывают наши информанты, на местах с помощью старожилов удалось найти захоронения в Балдсу, Карабулаке, Кызыль-Куль, Шаш-тюбе, Серго, Шолаккоргане. К сожалению, пока не удалось найти кладбища в Кызылканате. Учитывая, что в 1940-е гг. спецпереселенцы проживали в каждом населенном пункте, проект будет продолжаться. Поскольку наши действия, которые касаются как истории поляков, так и местного населения, можно сказать «активизировали» местных жителей, можем ожидать еще много информации.

Интересным можно считать факт, что в семейных фондах поляков сохранились три групповые фотографии выпускников Ачисайского ФЗО, две из них опубликованы [1]. Фотографии были сделаны на фоне большого окна столовой, которая находилась на первом этаже ФЗО. На месте сохранились лишь одни фундаменты... Что удивительно, кроме фотографий, которые поляки хранят у себя дома, нам пока не удалось найти никаких других. В Кентауском музее горного дела хранится лишь одна похожая групповая фотография слесарей в Ачисае (1931 г.).

1. Wspomnienia Sybiraków. Zbiór tekstów źródłowych” pod red. Jerzego Kobrynia,

^{1*} «В память о погибших поляках, депортированных в КазССР в 1940–1941-е гг.».

Koło Związku Sybiraków, Bystrzyca Kł, 2008.

2. Покаяние: Мартилолог. Т.5 / Сост. М. Рогачев, – Сыктывкар, 2002. – С.362.

3. Witold Stępień, Wspomnienia z zesłania, Pabianice, 1989, (Воспоминания из фонда Организации КАРТА (передана от Союза сибиряков ZS559) Машинопись, 80 с.)

4. Wspomnienia Sybiraków. Zbiór tekstów źródłowych cz.II” pod red. Jerzego Kobrynia, Janusza Kobrynia, Koło Związku Sybiraków, Bystrzyca Kł, 2010

5. Dzieci. Wspomnienia sybiraków, Gimnazjum nr 1, Bystrzyca Kł., 2005

6. Интервью собраны Янушом Кобринь в 2000–2018 гг. Не опубликованы.

7. Daleka droga. Wspomnienia sybiraków, Gimnazjum nr 1, Bystrzyca Kł., 2004

8. Józefa Dzyra «Nawet czas nie wykreśli z pamięci przeżyć tych lat», Stary Gierałtów 1998–2001. Машинопись.

Медведева-Нату О.

Воспитанник Януша Корчака в таджикском Куркате

*(из цикла статей «Польские евреи в Средней Азии
в годы Второй мировой войны)*

История Второй мировой войны, как и история всякой войны, – многослойна. Исследователи изучают архивные документы этого периода вот уже более семи десятилетий, а работе, кажется, нет конца. Писатели отражают ее в художественных произведениях. Участники и свидетели оставляют мемуары. Некоторые из этих текстов поражают полнотой, другие повествуют только об отдельных эпизодах; одни вселяют ужас от масштаба человеческих потерь, другие, я бы назвала их щадящими, опускают самые трагические события, третьи вызывают чувство гордости за готовность людей жертвовать собой ради спасения близких и своей отчизны. Насколько точны и правдивы эти рассказы? На этот вопрос могли бы ответить те, кто видел войну собственными глазами: солдаты, офицеры, заключенные нацистских лагерей и сталинских ГУЛАГов, военнопленные, эвакуированные, депортированные, беженцы... Несть им числа. Но их больше нет с нами. К счастью, еще есть те, чье детство прошло в годы войны, и чья цепкая память сохранила подробности – драгоценные камушки из мозаики той жизни – с 1939-го по 1945-й. Приложенные друг к другу и встроенные в исторический контекст, они положены в основу настоящей статьи.

Януш Корчак (псевдоним Генрика Гольдшмита (1878–1942) не нуждается в представлении: польско-еврейский педагог, писатель, врач. Знаменит своими новаторскими воспитательными идеями. Его ставший популярным афоризм «Нет детей – есть люди» – этот призыв соблюдать права ребенка и, прежде всего, право ребенка на уважение и его право быть самим собой, кардинально изменили представление взрослых о детях. В 1942 г. Корчак, вместе с двумястами своими вос-

питанниками из руководимого им варшавского еврейского Дома сирот, погиб в нацистском лагере уничтожения в Трешлинке. Сколько погибло выпускников Дома сирот, работавшего 30 лет (с 1912 г.), в котором ежегодно получали приют не менее ста детей, не известно. Спасшиеся – это в основном те из учеников Корчака, которые еще до войны в поисках лучшей жизни покинули Польшу, поселившись в Палестине, США, Канаде, Франции, в других странах. Некоторые уцелели, потому что в самом начале войны бежали в СССР. Однако ни исследователи наследия Корчака,^{1*} ни ученые, занимающиеся историей поляков в Средней Азии, не знали, что один из его воспитанников – полагаю, что единственный – спасся именно в Таджикистане в кишлаке Куркат, что примерно в 40 км от Худжанда.^{2*} Факт этот тем более интересен, что, в отличие от Казахстана и Узбекистана, в Таджикистане было сравнительно мало польско-еврейских беженцев – к сожалению, точные цифры к настоящему времени установить не удалось.

Вот как это случилось.

Ицек (Игнаций) Цукерман родился в Польше, в с. Мелгев Люблинского воеводства в 1914 г. Его отец умер, когда мальчику было два года. Мать была на сносях, беременна четвертым ребенком, один из которых был серьезно болен. На излечение его в Люблине надежды не было, и в 1920 г., дождавшись, когда подросла младшая дочка, мать, собрав нехитрые пожитки, отправилась в Варшаву, где, как она слышала, есть доктора, которые совершают чудеса. Мать и верила в чудо, если предприняла такой отчаянный шаг – ведь в столице у нее не было никого, на чью помощь она могла бы рассчитывать. Семья поселилась в районе еврейской бедноты, в подвальной комнатенке три на три метра. Ютились в ней впятером, не считая крыс, мышей, тараканов и клопов. Пол был земляной. Под потолком – маленькое оконце, выходящее на уличный сток с нечистотами. Когда шел дождь, вода заливала комнату. Уборная и помойная яма – во дворе. По соседству – нищие, воры, проститутки. Чтобы прокормить младших и платить за лечение старшего сына, мать бралась за любую работу. Самым «доходным» был нелегальный бизнес: мать добывала контрабандный табак и набивала им папиросные гильзы, складывала папиросы в поддельные коробки, а продавал их Ицек – совсем еще ребенок. Продавал у кинотеатров, вечерами, когда табачные киоски уже были закрыты. Много позже он вспоминал, что с десяти лет и сам

^{1*} К его наследию я отношу не только более 20 увесистых томов его сочинений и воспоминания о нем «его» детей, но и их биографии, которые являются лучшим свидетельством триумфа идей выдающегося педагога.

^{2*} Бывш. Ходжент; с 1936 г. по 1991 г. – Ленинабад.

пристрастился к курению [1]. За недозволенную торговлю мальчишка не раз попадал в полицейский участок. Зарабатывал гроши, все до копейки отдавал матери, но хватало, как говорится, только на воду и хлеб. И мать, не видя другого выхода, решила отдать Ицека и его младшую сестру в детский дом. Попасть туда было не просто – мест было гораздо меньше, чем нуждающихся в них сирот. Но Ицеку повезло. В 1925 г., когда ему исполнилось 11 лет, он стал воспитанником Дома сирот Януша Корчака [2]. Здесь он впервые узнал, что такое «жить в роскоши»: наесться досыта, спать одному в кровати, на чистом белье. Здесь он впервые пошел в школу, научился читать и писать, освоил польский язык – до этого говорил только на идише. В Доме сирот он прожил до 1927 г. – в 13 лет, после Бар-мицвы, мальчишки уже считались взрослыми и должны были покинуть Дом сирот. Затем перешел в корчаковский круглогодичный интернат в Вавре под Варшавой. Там, догнав сверстников, он за пять лет окончил школу-семилетку и какое-то время даже работал в интернате помощником воспитателя.

Профессии у Корчака не обучали. Учили чему-то несравненно большему, чем профессии: дисциплине, ответственности, желанию познавать мир, продолжать образование, словом, находить свой путь и жить сознательной жизнью. Здесь уместно напомнить слова Корчака, которыми он напутствовал выпускников Дома сирот [3]: «...Мы прощаемся с теми, кто отправляется в долгое и далекое путешествие. Это Путешествие называется Жизнь.

...Мы ничего вам не даем.

Мы не даем вам Бога, ибо вы сами, собственным трудом, должны найти Его в своей душе.

Мы не даем вам родины, ибо вы должны найти ее трудом собственного сердца и мысли.

Мы не даем вам любви, ибо нет любви без прощения, а прощение – это труд, огромный труд, который каждый должен предпринять сам.

Мы даем вам только одно: тоску по лучшей жизни, которой нет, но которая когда-нибудь будет, тоску по Истине и Справедливости.

Быть может, эта тоска приведет вас к Богу, поможет обрести Родину и Любовь...».

В 1930 г. Ицеку исполнилось 16 лет, и было самое время начинать самостоятельную жизнь. Он с детства любил работать руками, возиться с железками, что-то мастерить. Пошел в ученики слесаря. Подучился и стал механиком на заводе по производству инструментов для работы по металлу. Здесь увлекся коммунистическими идеями (товарищи позаботились), которые казались ему, как, впрочем, в те годы и многим другим рабочим, невероятно привлекательными.

Дальше – вполне типичная история для юного польского коммуниста: накануне майских праздников по заданию партийной ячейки участвовал в символическом акте – забрасывал на трамвайные провода красные вымпелы. Был схвачен, а поскольку Коммунистическая партия Польши тогда была запрещена, арестован и приговорен к трем годам тюрьмы. Там времени не терял – это был для него своего рода университет, многому научился от сокамерников – опытных, начитанных политических заключенных, не таких наивных, как паренек Ицек. Из практических навыков – вспоминал он – в тюрьме приобрел умение приспосабливаться к сложным обстоятельствам, долго находиться в замкнутом пространстве, отмеряя шаги от одной стены до другой, научился также азбуке Морзе. Последним умением гордился, хотя оно вряд ли когда-нибудь ему пригодилось.

После того как отбыл тюремный срок, работал на механическом заводе слесарем. Познакомился с девушкой по имени Меля Штокман. Она чем-то напоминала ему мать: энергичная, решительная, умевшая четко выразить свои мысли. Это не удивительно – Меля, хотя и была провинциалкой (она родилась в городке Бобровники, в тогдашнем Влоцлавском воеводстве), происходила из интеллигентной семьи. Ее отец был известным в округе юристом [4].

Ицек мечтал о своей большой семье. Его планы рухнули в одночасье: 1 сентября 1939 г. нацистская Германия напала на Польшу.

Цукерман был мобилизован, но повоевать не пришлось. Польша, не способная устоять перед мощной военной машиной Германии, капитулировала.

Как и многие другие евреи, не ждавшие от немцев ничего хорошего, Ицек бежал на Восток. Это была попытка убежать от войны, перехитрить ее, обмануть. Бегство обещало спасение, если, конечно, война не догонит. В конце сентября Ицек узнал, что его любимая Меля с сестрой Филей и братом Марекком тоже перешли границу с СССР. В этих четырех буквах им виделся оплот, способный защитить. Ицек нашел Мелю в Белоруссии, в дер. Березовка,^{1*} та работала на стеклозаводе «Неман», предприятии с вековыми традициями стекловарения. Ицек и Меля снова вместе. Думали: рабочие руки здесь нужны, а трудиться мы умеем. Обоснуемся, приспособимся, перетерпим до конца войны.

Одно обстоятельство не дает им покоя: брат Мели, Марек, оставил в Варшаве жену и двух сыновей. Надеялся, что устроится по ту сторону польской границы и вернется за ними. Но это невозможно – немцы буквально охотятся за еврейскими мужчинами. Его сестра Фи-

^{1*} Ныне Лидский р-н Гродненской обл.

ля вызывается помочь: она рискнет вернуться в оккупированную немцами Польшу и еще раз благополучно перейдет границу с СССР уже с родными. Верит, что доставит их брату в целости и сохранности. Ошибается. Какой-то знакомый, уже после войны, рассказал: когда за женой Марека пришли немцы, она плеснула в них кипятком. Правда или семейная легенда? Не известно. Известно другое: и она, и дети погибли в Освенциме. А от Фили, не осталось даже такого «легендарного» следа. Исчезла, навсегда растворилась в пространстве...

Те, кто, раз перейдя границу, возвращались в оккупированную Польшу, внушали подозрение как немцам, так и советским: «эти двойные возвращенцы – не иначе как шпионы». В лучшем случае, польские граждане, скопившиеся на землях, прилежащих к западной границе Советского Союза – в то время как с каждым днем возрастает напряжение в отношениях с Германией, – это «нежелательный элемент». В феврале 1940 г. начинается депортация польских граждан вглубь страны. Депортация продолжается до июня 1941 г., т. е. до начал Великой Отечественной войны.

Ицек с Мелей и Марек попадают на Урал, который они, как и другие беженцы, а теперь уже депортированные, товарищи по несчастью называют не иначе как Сибирью. Точкой приземления «в Сибири» было с. Лосинка (пос. Лосиный) Березовского р-на Свердловской обл. Получают работу, добровольно-принудительную – на торфоразработках. Какие там были условия жизни и труда, легко представить, пережить – трудно. Ицек был закален своим тяжелым детством, Меле приходилось значительно труднее. Однако выстояли, потому что держались друг за друга. А как еще можно было не потерять себя в чужом, непривычном окружении? Выстояли, потому что любили. Знаком любви было рождение там, на Урале, в Лосинке, 25 февраля 1941 г. сына Ицека и Мели, которого нарекли Леоном. Ему не было и года, когда он предпринял свое первое непростое путешествие.

С началом Великой Отечественной войны и восстановлением польско-советских отношений, прерванных, как известно, после того как Красная армия вторглась на восточные польские земли в сентябре 1939 г., депортированным польским гражданам (включая ранее заключенных) было разрешено переселиться в «зону с более мягким климатом». Я бы уточнила – с более сносным климатом: в Средней Азии лютых морозов, правда, не было, но и зной пришельцы из Европы переносили с трудом.

Кто-то знал, куда направляться, а кто-то просто поднимался и двигался с толпой на юг. С новой надеждой на лучшие условия жизни, а возможно, с подспудной мыслью, что чем дальше от быстро продвигавшихся по советской территории немцев, тем лучше, или,

уповая на то, что запишутся в создававшуюся в то время в СССР Польскую армию на Востоке под командованием бывшего узника Лубянки генерала Владислава Андерса.

С такими ожиданиями Цукерманы, а также брат Мели, Марек Штокман, прибыли в Ташкент. Оттуда были направлены (сами направились?) в Ленинабад. Точнее сказать, оказались или очутились в Ленинабаде. Это полное неопределенности слово «оказаться», кажется, и было в подобных в случаях самым подходящим, самым определенным.

Их «поход» продолжался: от Вислы до Немана через уральские болота до ташкентского оазиса и затем до самой красавицы Сырдарьи – в вагонах для перевозки скота, а где-то и пешком, на своих двоих, «промерили» огромные пространства советской страны.

До Ленинабада добрались в конце 1941 г. Климат оказался и в самом деле мягким: Сырдарья не замерзла – это был хороший признак. Правда, докучал сильный ветер, но Цукерманы старались не обращать на это внимания, прикрывая от него только своего бесценного малыша, который выдержал испытание тяжелой дорогой. Содрогались, вспоминая, промерзшие «сибирские» торфяники, и то, как стыли насквозь те, кто на них работал. Ленинабад, этот древний среднеазиатский город, встретил их приветливо: ясным синим небом над головой, вокруг – куда ни посмотри – горы – от этой красоты невозможно было глаз оторвать. Красиво, а ведь раньше они и слышать не слыхивали о таком городе, как, впрочем, ничего не ведали о стране – даже названия Таджикистан не знали. И не мудрено. Цукерманы прибыли сюда из Узбекистана и восприняли Таджикскую ССР как естественное продолжение Узбекской. И дело здесь было не только в провалах в их географических познаниях, которые можно было приписать невежеству. Дело было в другом: не вдаваясь в подробности (часто весьма драматические) топорного национально-территориального размежевания 1924 г., скажу только, что до 1929 г. Ходжент находился в составе Узбекской ССР. Не исключено, что даже местные жители по привычке называли Ленинабад узбекским еще и потому, что население Ферганской долины было смешанным. Пришелец же вводило в заблуждение то, что многие здесь говорили на двух языках, узбекском и таджикском попеременно, в зависимости от необходимости момента. Отличить эти языки – при том, что они совершенно разные – приезжие, конечно, не могли – во всяком случае, с налету. Как поначалу не могли отличить таджиков от узбеков по внешнему виду. Впрочем, точно так местные часто не различали среди «эвакуированных», кто русский, а кто поляк. Любопытно, что при этом они четко отличали еврея от не еврея. Цукерманы были для них евреями, а откуда они приехали, было совершенно не важно – говорили-то по-русски...

Разумеется, о Сталинабаде^{1*} – таджикской столице – Цукерманы ни сном ни духом не ведали. Никогда там и не побывали – 300 км среди гор и перевалов – шутка ли?! Самарканд, Тамерлан – эти слова, как им казалось, они слышали еще в Польше, хотя и не могли вспомнить, откуда. Теперь, по мере продвижения по бескрайним просторам Советского Союза, могли стать специалистами по топонимике.

Впрочем, вся эта путаница не тревожила чужестранцев. Здесь им впервые с 1 сентября 1939 г. светило солнце, было оно узбекским или таджикским, тогда не имело для них никакого значения.

Из Ташкента в Ленинабад они ехали на перекладных, на раздолбаных грузовиках и на телегах.

Из Ленинабада Цукерманов отправили в узбекский, как они тогда думали, кишлак Куркат – скорее же всего, он был в то время многоэтническим. Там был нужен механик для ремонта тракторов и других сельскохозяйственных машин. Брат Мели, Марек, получил направление в пос. Нау. Там в школе не было учителя немецкого языка, который Марек отлично знал с детства – предки Штокманов с незапамятных времен жили на территории Прусского королевства, где все традиционно знали немецкий язык [5]. Знание немецкого пригодилось Мареку за тысячи километров от Германии, Польши и вообще от Европы. Так, по случайности, родственники оказались близко друг к другу – Куркат находится в 12 км от Нау – что было большим благом.

До Курката добирались на телеге. По дороге видели верблюдов, осликов, нагруженных соломой так, что их самих едва разглядишь, мужчин верхом и пеших, в халатах...

В Куркате Цукерманов поселили в длинном бараке, что стоял вдоль главной улицы. В нем проживало 10 семей – все эвакуированные из оккупированной немцами части СССР. Поляков, кроме Цукерманов, не было. На каждую семью – отдельная комната с закутком для кухни с железной печкой, которую топили так называемыми верблюжьими лепешками – сухим верблюжьим навозом. Такую печь в кишлаке называли «русской», в отличие от очага, который чаще всего был в домах местных: углубление в полу с раскаленными углями под низким столом в центре комнаты. Так зимой спасались от холода. Летом, спасаясь от жары, выносили топчаны во двор и спали под открытым небом. Этому примеру следовали и эвакуированные.

Ицек устроился на работу в машинно-тракторную станцию, прямо напротив жилого барака. Там же работали и другие эвакуированные, соседи Цукерманов. В МТС Ицека очень скоро оценили – он слыл лучшим механиком и даже имел учеников из местных. А как могло

^{1*} С 1929 г.; бывшем Дюшамбе.

быть иначе, если он с детства был приучен к дисциплине и ответственности, в Доме сирот, по сути, сам еще ребенок, был одним из лучших или, во всяком случае, одним из самых терпеливых, опекунов новичков, за что его хвалил сам Корчак?

Наступил 1942 г. Весна в Куркате была ранняя и красивейшая. Всеми оттенками зазеленели поля и горы, ниспадавшие глубокими фалдами и загораживавшие горизонт. Азиатская яркость красок: зелено-серые горные склоны, красновато-бурая земля, белые деревья в цвету, желтые рапсовые поля, красные маки, словно яркие фонарики... Казалось, цвела сама земля. Глядя на это великолепие, Меля недоумевала: зачем люди воюют, зачем убивают друг друга, не замечают что ли этой благодати? (Если бы она знала, сколько жестокости видела эта красота: от Александра Македонского до арабских завоевателей и орд Чингиз-хана! Сколько тысяч полегло при захвате российскими царскими войсками Ходжента и близлежащих городов!). Обычно неразговорчивый Ицек на сей раз не промолчал – видимо, и его не раз посещала эта мысль. «Тех, кого интересуют чужие богатства, мало трогает красота», – сказал в ответ. Больше они к этой теме не возвращались.

Пришло лето, с ним – новые надежды. Вселил их Марек, рассказавший Цукерманам о том, что в Нау, где, в отличие от Курката, было несколько семей поляков и какая-никакая информация до них доходила, стали поговаривать о том, что в СССР формируются польские вооруженные силы и что дивизии переброшены в Среднюю Азию. Одна из частей уже стоит в Ленинабаде, в старой крепости, что в центре города, проходит отбор в армию польских граждан. Желающих вступить в нее было в избытке, но по договоренности польского и советского правительства была установлена квота. Каждый польский гражданин мечтал попасть в эту армию, чтобы в Европе биться с фашизмом. И – чтобы выбраться из СССР. Настрадавшиеся в тюрьмах и лагерях так называемые амнистированные (и не только они) мечтали оттуда ноги унести. Оба, Ицек Цукерман и Марек Штокман, отправились в Ленинабад записываться в эту Польскую армию на Востоке, более известную как Армия Андерса. Но их не взяли. Одни говорили, что из-за квоты для евреев, другие, что из-за царившего в Армии антисемитизма. Так или иначе, Ицек и Марек в Армию не попали. Больше ждать было нечего. Только конца войны, но время тянулось медленно.

На первых порах было голодно. Наверное, поэтому Меля кормила сына грудью до двух лет. В семье любили повторять байку о том, что Леон никак не хотел отказываться от груди – до тех пор, пока мать не придумала весьма хитроумный способ убедить в этом малыша: пове-

сила бюстгальтер на веревку, на которой обычно сушили белье, и сказала: видишь, мамина грудь слишком высоко, она не может до нее дотянуться... До малыша эти слова дошли, и вопрос с грудным кормлением был закрыт.

Но если всерьез, то от голода Цукерманов спасли золотые руки Ицека и предприимчивость Мели. Меля ходила по кишлакам и собирала давшие трещину глиняные горшки, продырявленные металлические кастрюли, всякие другие вещи, которые пришли в хозяйстве в негодность. Ицек умел отремонтировать все, что угодно, был и жестянщиком, и паяльщиком, и лудильщиком – один мастер такого класса на всю округу. Без преувеличения можно сказать, что Меля выменивала рукастость мужа на пропитание. Благодаря этому выжидали. Но надо добавить, что и благодаря их изобретательности и трудолюбию.

Еще в юности, в корчаковском интернате, Ицек приобрел солидный сельскохозяйственный опыт. Дело в том, что интернату принадлежала ферма: фруктовый сад, огород, где выращивали картофель, огурцы, другие овощи и даже цветы. Держали также корову, несколько лошадей. Воспитанники после занятий в школе работали на ферме: готовили землю к посевам, высаживали рассаду из парника, регулярно поливали растения, осенью собирали урожай, делали заготовки на зиму. Эта бесценная «квалификация» ой как пригодилась Ицеку в Куркате. Рядом с домом, прямо у арыка, что тянулся вдоль дороги, он завел небольшой огород, с которого кормилась семья. А чтобы облегчить тяжелый труд «крестьянина», он установил на канале водяное колесо. Сделал его из подручных средств: старого заржавевшего тракторного колеса, жестяных банок из-под консервов (где-то нашел), корытца, в которое набиралась вода, а оттуда прямым стекала в огород. Очень скоро вдоль арыка появились такие же небольшие участки с овощами других жильцов барака, и каждый непременно с водяным колесом «по цукермановскому проекту». В семье до сих пор – как реликвия времен войны и таджикистанского спасения – хранится сделанный в Куркате рабочий чертеж этого колеса с пояснениями, как его проще установить.

С арыком были связаны и другие воспоминания Леона. Во-первых, арык был препятствием мальчику навещать отца в МТС, которое надо было преодолеть, чтобы перейти на другую сторону улицы, а смотреть, как отец чудодействует с железками, было для него подлинным удовольствием. Во-вторых, в арыке он однажды натерпелся страха: полез в огород за помидором, свалился в арык, из которого выкарабкался с трудом, но помидор из рук не выпустил. Итак, благодаря «подсобному хозяйству» недостатка в зелени у куркатских

эвакуированных не было. Хуже было с хлебом. Трудности с мукой испытывали и местные. Но когда ее удавалось раздобыть, в кишлаке стоял умопомрачительный аромат лепешек. Запомнилось, что пекли их в глиняных печах (тандырах), которые топили сухим верблюжьим навозом. Иногда лепешки, отклеившись от стен тандыра, ненароком падали прямо на тлеющий навоз. Их вытаскивали, вытирали рукавом и – ели. Казалось, они были еще вкуснее тех, что хозяйки, ловко поддевая, снимали со стен печи. Вкус этих таджикских лепешек (которые Цукерманы, по уже отмеченной мною выше причине, упорно называли узбекскими) они запомнили на всю жизнь. Совсем тяжело было с мясом. Особенно в 1943 г. и 1944 г. его вовсе не видели. И тогда вспомнили о деликатесном черепашьем супе, который, как они читали «до войны» (это точка отсчета постоянно появлялась в их разговорах, а вот что касается точки «после войны», то та являлась только во снах) в какой-то книге, подавали в лучших французских ресторанах. Весьма кстати услышали от кишлачных, что они еще во времена оно собирали в пустыне черепаши яйца. Обитатели барака тоже стали ходить за черепахами – как они говорили, «в пустыню Каракум», ибо в их представлении в Средней Азии была одна огромная пустыня и именно Каракум. Как-то им казалось (по отдаленному созвучию?), что это название перекликается с названием их временного (а может, постоянного?) дома – кишлака Куркат. Хотя в действительности эти топонимы не имеют ничего общего: Каракум по-узбекски значит черный песок, Куркат – по-таджикски – слепой город. С чем связан такой топоним, почему слепой, выяснить не удалось. Да и «пустыня» была всего лишь полупустынными предгорными равнинами. Что же касается черепах, то это было похоже на охоту: эвакуированные ловили их, умерщвляли, тут же снимали панцирь, мясо несли домой. Ицек поступал иначе, в какой-то степени более человечно: у дома он устроил для черепах яму с загородкой, подкармливал их, французский суп варили только тогда, когда уже было совсем голодно. Национальную еду – плов – Цукерманы в Куркате не пробовали. Только нюхали – и то только в те редкие праздничные дни, когда его готовили местные.

Воспоминания Цукерманов полны восхитительных запахов – таких, от которых и поныне слюнки текут – будь то плов или лепешки. Изредка встречаются в них и «картинки», ассоциировавшиеся с едой. Например, Леон рассказывает, что там единственный раз в жизни видел курдючную овцу или яркие красно-фиолетовые стебли ревеня, из которых варили кисловатый, но незаменимый в жару освежающий напиток. Мальчишке запомнился еще один деликатес: шелковица, которую местные называли тутом. Как-то, носясь со старшими ребятами по кишлаку (родители не запрещали, не видя в том для сына опасно-

сти), заглянул в дом, где держали шелковичных червей. Вот кто не знал голода, так это они. Тутовые листья гусеницы поглощали в огромных количествах, а Леон разжился сладчайшими ягодами. Тогда узнал, что шелковичные черви потому так и называются, что производят шелк. И впрямь какая Ферганская долина без шелка! Действительно, Цукерманы, и особенно Меля, замечали красоту и грациозность местных женщин, облаченных в яркие шелковые платья. Но значительно чаще в ходу был хлопок. Тряпочки из бязи использовали даже в гигиенических целях – вместо бумаги, которой и в помине не было.

Если хлопок летом давал прохладу, то зимой незаменимой была верблюжья шерсть. Мастерицы в кишлаке пряли из нее замечательные одеяла. Укрываясь ими, зимой спасались от холода – хотя снег выпадал редко и долго не лежал, Цукерманы все равно мерзли, потому что животы были пустые. Так вот, Меля выменяла у них несколько штук, как уже было сказано, на золотые руки мужа.

В обиход пришельцев прочно вошло и слово «тюбетейка». Боже, как только европейцы не калечили это слово: и тибитейки, и типитейки и даже титибейки... Но сам головной убор им, привыкшим скорее к шляпам и ушанкам, нравился, и они с легкостью водружали его себе на голову.

Цукерманы освоили в Куркате еще несколько тюркских и персидских слов. Прежде всего, пахта – хлопок. Леон уверяет, что, согласно рассказам родителей, после слов «мама» и «папа», даже раньше, чем Ленин и Сталин (подсмеивались потом над ним родители), и война, он выучил слово «хлопок», т. к. в кишлаке, казалось, вся жизнь вертелась вокруг хлопка. Ощущения от белоснежного комочка, выступающего из раскрытой коробочки, живы у него до сих пор.

В Куркате Леон начал говорить по-русски, многие слова которого узнал прежде польских. Именно там ему пришлось впервые в жизни исполнять роль переводчика. У Ицека была привычка то и дело (от избытка эмоций) «выражаться»: использовать польский вовсе не злобный фразеологизм «*psia krew*» – что-то вроде русского «черт побери». Заметив это, соседские мальчишки, те, что были постарше Леона, бесконечно приставали к нему с расспросами, что эта загадочная «псякреф» значит. Леон и переводил дословно: «собачья кровь». Этот перевод их почему-то не удовлетворял, думали, что он их надувает. А когда претензии накапливались, задиры давали ему, младшему, тумака и кричали прямо в лицо, видимо, вывезенное из их родной России или Украины, или Белоруссии: «Еврей – сдохнешь скорей». На это Леону ответить было нечего, кроме того, что, глотая слезы, прокричать в ответ: «Зато мой папа все умеет...»

Весной 1943-го Ицек получил повестку из военкомата – его призывали в формирующуюся тогда в СССР Первую польскую пехотную дивизию им. Тадеуша Костюшко. Призывали, но от призыва освободили, т. к. лучший механик в МТС, ценный кадр, он нужен был в тылу – девиз «Все для фронта! Все для победы!» знали и в Куркате. Брата Мели, учителя немецкого, забрали. С дивизией Костюшко он дошел до самого Берлина. Остался цел и невредим.

В 1944-м была снята блокада Ленинграда, освобождены Украина и Белоруссия. Советские войска подошли к границе СССР.

Но в том же 1944-м в Куркате было особенно голодно, и Меля отправилась в Нау пешком, в надежде раздобыть какие-то продукты. Почти всю дорогу несла Леона на руках. Обрато руки были заняты – нести не могла. Находчивая мать уже не в первый раз придумала уловку: подобрала две палочки, одна, та, что подлиннее, была конем, другая – кнутом. Мальчишка доскакал до самого Курката... Так маленький всадник в большой стране одержал свою первую победу.

В мае 1945 г. в Куркате праздновали конец войны. По этому поводу было устроено козлодрание (бузкаши) – впервые за все годы войны. Поучаствовать в состязании и поболеть за своих вышел весь кишлак, прибыли и зрители из соседних сел. Эвакуированных местные пригласили на эту национальную игру отдельно. Это было символом особого уважения, и, может быть, даже своего рода признанием того, что пришельцы стали в кишлаке в какой-то степени своими. (В целом отношение к ним с первого дня было ровным: нет сомнения, к ним присматривались, особенно не сближались, но и не воздвигали стены между собой и ними). Леону, которому еще не исполнилось и пяти лет, было страшно: кони хрипели, нагайки свистели, наездники вошли в раж, и козлиная туша только летала от одной команды к другой. Лишь много лет спустя он понял, что эта «дикая» игра была соревнованием в силе и ловкости.

Еще одно впечатление, хотя и не такое мощное, как козлодрание, вывезенное мальчиком из Курката, – это посещение кишлака бродячим торговцем, который привозил на своей тележке «все чудеса света»: женский товар: ленточки, нитки, иголки, а главное – детский: леденцы на палочке, цветные шарики на резиночке и глиняные свистульки. Все было Леону не доступно и потому еще более желанно...

Тогда же, в 1945-м, в Ленинабаде и Нау, где было больше поляков, стали говорить о близящейся репатриации. Слухи докатились и до Курката. Но Цукерманам отъезд пришлось отложить – 28 сентября 1945 г. у них родилась дочь Сабина. Цукерманы восприняли ее рождение как ознаменование подлинного конца войны. Леон вспоминает (скорее, вспоминает рассказы родителей), что во время беременности

расспрашивал маму, почему у нее такой большой живот, а та, как всегда со свойственной ей бойкостью, отвечала, что объелась картошки (хотя, кстати сказать, картошка, если и появлялась в Куркате, то была на вес золота). Об ожидаемом прибавлении в семье говорили и то, что отец вечерами любовно мастерил для будущего малыша колыбельку.

Сабина пришла на свет в родильном доме в Нау. Чтобы забрать жену домой, Ицeku в сельсовете дали коня и телегу (запрягать и управлять он научился еще будучи «фермером» в подваршавском интернате), и отец с сыном отправились за Мелей. Леон помнит – и это уже наверняка его личные воспоминания, – что палата матери располагалась на первом этаже, почти на уровне земли: то ли это был низкий первый этаж, то ли высокий подвальный – это уж как читателю подскажет воображение. Сестричка была малюсенькая, что разочаровало Леона. Верно, он подумал тогда, что мама слишком мало картошки ела!

Если бы не война, Цукерманы никогда не попали бы в Куркат. Если бы отец ушел из СССР с Армией Андерса или если бы его взяли в Дивизию Костюшко, Сабина никогда не родилась бы в Таджикистане. Случайность войны или военная судьба?

Позже в жизни, когда Сабине не раз приходилось заполнять официальные бумаги, ее место рождения всегда заставляло чиновников поднимать бровь. Хотя в ее метрике было черным по белому написано: Цукерман Сабина Ицковна. Отец – Цукерман Ицек Юдович, мать – Штокман Меланя Юзefовна. Место рождения ребенка – Таджикская ССР, с. Куркат. (Метрику действительно зарегистрировали в Куркатском сельсовете). Что это за экзотика и откуда? Первое время Сабина пыталась объяснять: мол, война, бегство из Польши в СССР, депортация, амнистия, переселение в Среднюю Азию, мол «Таджикистан – это бывший Узбекистан» (последний знали чуть лучше), и ее мама всегда называла ее «узбечкой», – потом бросила это дело. Ведь ее объяснения скорее запутывали, чем убеждали тех, кто не побывал в шкуре беженцев. Собственно, это свидетельство о рождении – единственный, и к тому же личный, документ, подтверждающий, что Цукерманы спаслись в Таджикистане. Других документальных следов их пребывания в Куркате я не нашла. Таджикские архивы на этот счет «молчат». Возможно, потому, что такой «сельский» случай был в Таджикистане исключительным (в Сталинабаде, Ленинабаде и даже в Нау дела обстояли иначе). Предполагаю, что Цукерманы все-таки мелькают (должны были мелькать) в каких-то государственных документах (в Москве?) – получил же Ицек повестку о призыве в Дивизию Костюшко, да и позже, с репатриацией у них не возникло проблем, значит, в каких-то

списках «эвакуированных» они все-таки фигурировали. Но отыскать их сегодня – все равно, что найти иголку в стоге сена.

Впрочем, в моем распоряжении есть еще пара несомненных свидетельств пребывания Цукерманов в Таджикистане. Это – фотографии из семейного архива с неумелой надписью на лицевой стороне «Ленинабад 1945». Правда, судя по записи на обороте, фотографии были сделаны в Нау, и, видимо, фотограф, не имея собственного, пользовался трафаретом ателье из большого города, что был по соседству. Не важно – это все равно документы, пусть не словесные, визуальные, не менее говорящие, конечно, если знать, что за этим изображением стоит. А стоит: счастливая пара – вопреки всему, всем чертям назло, не уронившая человеческого достоинства – со счастливым ребенком, которому не понадобилось давать в руки машинку или лошадку, чтобы он улыбнулся. Меля – в кокетливо сдвинутой набок шапке, еще польского происхождения с не раз залатанной подкладкой. Ицек и вовсе в шляпе, шарфе и галстук – этот элегантный прикид ему пришлось позаимствовать в фотоателье. Здесь всегда были наготове аксессуары: и дамские шляпки, и банты, и бусы, и даже помада, чтобы придать своим «моделям» respectable вид.

В Таджикистане было трудно, но выжили. В начале 1946 г. Цукерманы получили разрешение на возвращение в Польшу. Уезжали в марте 1946-го. Ехали в товарных вагонах. Ехали долго. Месяц? Поезд часто останавливался, и люди высыпали из вагонов, чтобы справить нужду. Спешили обратно, чтобы не отстать. «Отстало» только верблюжье одеяльце маленькой Сабины – Ицек решил вытрясти его, но ветер вырвал его из рук и унес. словно хотел оставить часть их жизни на советской земле. Но большие одеяла Ицек и Меля таки довели до Польши, и они еще не один год служили всей семье.

Цукерманы продолжали свой путь на родину. О том, что их там ждет, догадывались, но гнали от себя эти печальные мысли.

Границу с Польшей пересекли 8 апреля 1946 г. Леон запомнил, что там впервые увидел пассажирские вагоны. Его поразили начищенные до блеска металлические поручни.

Выгрузились в Варшаве. Город был разрушен до неузнаваемости. На вокзальной стене, как и все прибывавшие из СССР, прикрепили записки: «Вернулись такие-то... Ищем таких-то...». Никто не отозвался. Обратились в Красный Крест. Получили ответ: в живых нет никого.

Семейных следов не нашли и на малой родине Ицека и Мели: ни в Мелгве, ни в Бобровниках. Погиб Януш Корчак, тот, кто привил Ицеку умение ставить цели и достигать их, быть стойким и любознательным. Во многом именно это помогло Ицеку преодолеть тяжелейшие испытания, выпавшие на его долю. Дом сирот уцелел, но без Доктора (так

воспитанники называли своего учителя) и без детей он стоял безжизненный. С этим Ицеку было трудно смириться. Поехал в Вавер – проведать свою юность. Деревья, которые ребята из интерната сажали в 1927 г., выросли. Табличек с именами тех, кто сажал, конечно, не было. Стояли безымянные, как безымянными были миллионы погибших. Но свое дерево Ицек нашел без труда. Подумал: значит мои корни здесь. И еще – что, как это ни банально, жизнь сильнее смерти.

Репатриантов перенаправляли на так называемые Возвращенные земли.^{1*} Ицек нашел работу во Вроцлаве. Цукерманы поселились в доме, часть которого была разрушена. Из четырехкомнатной квартиры уцелели две. Ицек замуровал проем в разбитом фасаде, воскресил убитые снарядами вещи, остававшиеся после бывших хозяев-немцев, и это стало их жильем.

Меля мечтала, чтобы муж продолжил образование. Диплом техника-механика он получил в 1957 г. – за три месяца до смерти жены. До самой эмиграции в Канаду в 1975 г. он работал на разных предприятиях. Был отменным специалистом.

Ицек умер в 2005 г. в Хатилло, в центральноамериканской Коста-Рике, где к тому времени жила его рожденная в Куркате дочь.

Но это уже другая, послевоенная, история.

Военная же история Цукерманов, история частная, вместила в себя важнейшие фрагменты Большой Истории: трудные десятилетия существования Польши между Первой и Второй мировыми войнами, популярность коммунистических идей, оккупацию Польши нацистской Германией, аннексию восточных польских земель Советским Союзом, бегство евреев из Польши, депортацию польских граждан вглубь страны, призыв в Армию Андерса и в Дивизию Костюшко, возвращение на Возвращенные земли, Холокост, жизнь при социализме польского образца, антисемитизм 1968 г.,^{2*} эмиграция, иммиграция... Жизнь обычных людей, которую перевернули вверх дном исторические катаклизмы.

Работая над темой «Пути-дороги воспитанников Корчака», несколько лет назад я побывала в Куркате. Встретилась с председателем сельсовета (джамоата). Показала ему копию метрики Сабины Цукерман, коротко рассказала о судьбе семьи. Цукерманов в Куркате помнили: нашелся человек, 1922 г. р., который был учеником Ицека в МТС. На удивление, он работает там до сих пор. Я также узнала, что отец председателя во время войны сражался в Польше. Поистине, война пишет замысловатые (чтобы не сказать чудовищные) сценарии:

^{1*} Западные земли, которые отошли Польше согласно решениям Потсдамской конференции в июле–августе 1945 г.

^{2*} Тема, которая осталась за пределами данной статьи.

таджикский солдат оказался в Польше, поляк – в Таджикистане. В центре села – небольшой мемориал – скорбящая мать – в память о тех, кто погиб вдали от родины. Как настоящая мать, она оплакивает не только своих, но и всех погибших: и тех польских граждан, кто принял смерть в советских тюрьмах и лагерях, и тех, кто умер здесь от болезней и голода, и тех, кого, так далеко отсюда, бессмысленно и безжалостно уничтожили нацисты.

Леон Цукерман, ныне канадец, поразительно хорошо помнит свое «взрослое» детство, проведенное в таджикском селе – в годы войны дети и в самом деле взрослеют рано. Как я убедилась, память о том времени живет и с другой, таджикской, стороны. И покуда она живет – помнится и уникальный человеческий опыт, и История, которая – говорю я с надеждой – могла бы быть хорошим учителем. Более того, память живет и в сыновьях и внуках тех, кто погиб и кто спасся, и в потомках их потомков.

Именно в этой связи я предлагаю в качестве приложения к статье два стихотворения – два скромных обелиска – на сей раз полякам, депортированным в 1939 г. в Казахстан. Это стихотворения молодого польского поэта Петра Чесельского из его сборника «Неутоленность».^{1*} Известно, что в польской литературе есть немало произведений, основанных на личном опыте писателей, которые, ссыльные или беженцы, в годы Второй мировой войны оказались в Казахстане и Средней Азии. Петр Чесельский не из их числа. Он родился в Польше в 1981 г., не познал ни войны, ни депортации, ни беженства. Не пережили их и его родители. Никто из них даже никогда не бывал в Казахстане. Однако память об этом крае живет в семейных генах. Предки Петра с материнской стороны бежали в СССР из Польши после оккупации страны нацистами 1 сентября 1939 г.; прародители Петра с отцовской стороны были насильственно вывезены в Казахстан из Восточной Польши после того, как она была занята Красной армией 17 сентября 1939 г. Первые добежали до Самарканда, где те из них, что избежали голодной смерти, спаслись от фашистской чумы. Вторых – в товарняках доставили в с. Прохладное в Восточно-Казахстанской обл. Некоторые члены семьи выжили, несмотря на тяжелейшие условия. Однако не обошлось и без трагических потерь: в карагандинской шахте погиб прадед Петра. Те, кто уцелел, после войны вернулись в Польшу. Но годы ссылки и беженства отразились и на судьбах их детей – родителей поэта. Они отчасти определили и его собственное мировосприятие – мировосприятие представителя четвертого поколения поляков, очутившихся в Казахстане и Средней Азии.

^{1*} Piotr Ciesielski. *Niedosyt*. Wrocław, 2015.

Петр знает свою семейную историю по рассказам бабушек, они запечатлелись в его детской памяти, в его детской душе и, смею сказать, в его теле. В них затаилась боль его предков. Позднее услышанное в семье было дополнено его собственным любопытством – он серьезно изучал историю Польши, а еще позже – его поэтическим прозрением, когда рассказы о Казахстане, об этом суровом и дивном крае, таинственном и загадочном, ставшем для его предков краем страданий, отлились в стихи, в которых сегодняшнее восприятие поэта наслаивается на угол зрения его дедов. Польскому поэту – и читателю – память, как это ни парадоксально, помогает исцелиться от все еще незаживающей раны прошлого. Думается, однако, что стихотворения Петра Чесельского ищут своего читателя и в Казахстане. Благодаря им, может (и должна) состояться «встреча» чужеземца, размышляющего об истории Казахстана, и современного казахстанца, «разворачивающего» каждое слово польского стихотворения, вступающего с ним в диалог и тем самым проявляющего готовность понять и другого, и самого себя.

Ниже – два стихотворения Петра Чесельского в переводе московского поэта Игоря Лапатухина.

Караганда

Есть такие места, где степь упирается в горы,
Вот степи бы подняться иль горе снизойти с облаков...
А во мраке озер скрыты души врагов,
И добра не сулят затаенные взоры.
Есть такие места, где незримо враждуют границы.
И пришельцев, и местных очумелая тьма:
Ненасытность пространством сводит мысли с ума –
И кипит голова от желания биться.
Только внешне покой этих мест не нарушен,
Здесь дыханье кентавров слышат во сне пастухи.
Край – хоть пропасть пока не разверзлась,
Мгла – мрак кромешный еще впереди.
Здесь только камни бессмертны и животворящи.
Что им верх? Что им низ? – Все равно.
Что мороз и что пыль? – Все одно.
И что ищут, лишь то и обрящут.
В подземелье клокочет Прометеев огонь.
Угас черный день,
Гудит глоссолалией черная ночь:
Прусак и татарин, эст и жемайт,
Армянин, подолянин, кореец,
Облаченные в тусклую тьму –

Все летят в эту едкую бездну...
Человечий уставший оркестр –
Все без имени – в адский реестр!
Ничему не учит нас время...
Есть места – даже мысль там тупит свой клинок,
И берется поэт за перо, чтоб не вымолвить слова,
И марает бумагу,
Нет бы чистой оставить.
И глохнет.
И слеза высыхает.
И лишь око Творца различает
Каких-то домов силуэты
На проспекте какого-то имени,
Спортплощадку, газон, припорошенный пылью...
Тишина и покой...
Только тащится белый фургончик.
Что-то куда-то везут...
А поодаль приткнулся другой – грязно-красный.
До поры в ожидании замер?
Или навеки застыл?
Так обычно... Так странно...

Волки в снях

Уже зима идет по следу,
Мороз загривки леденит,
В степной простор клыки вонзит –
И обещает только беды.
И пастухов уж не сыскать
С их бесконечными стадами,
Придется мерзлыми костями
Безумный голод утолять.
Сорвутся с поводка метели
И все живое пропадет,
Неведомо куда уйдет
От стай бредущих еле-еле.
А что охотник без поживы?
С закатом остывает кровь,
Отчаявшись проснуться вновь
Без крох тепла, которым живы.
Мы, нюхом опознав жильё,
Забились в сени, как ягнята,
В своем враге увидев брата,
Окоченевшее зверье.
И люди, ну совсем как мы.

Дома в степи – преддверье ада,
А жить и хочется и надо
И им и нам – и все равны.

Искренне благодарю Леона Цукермана за любезное предоставление материалов из семейного архива Цукерманов.

1. В Центре документации и исследований наследия Януша Корчака в Варшаве хранятся Воспоминания Ицека Цукермана (17 машинописных страниц), написанные в Монреале (Канада) в 1986 г. Воспоминания под названием *Z sutereny do Domu Sierot i «Różyczki»* опубликованы в книге *Okruchy wspomnień. Spotkanie wychowanków i współpracowników Janusza Korczaka w dniu 18 kwietnia 1983 r.* – Warszawa, 1984. – S.6–21.
2. Сестра Ицека, за неимением мест у Корчака, была определена в другой детский дом.
3. Это напутствие (1919 г.) известно под названием «Прощание». Привожу его в сокращении, в собственном переводе.
4. Семья Штокманов, как и Цукерманов, в соответствии с традицией, была большой: у Мели были сестры Итка, Филя, Бася и брат Марек.
5. Бобровники вошли в состав Российской Империи в 1807 г.

Шварцман-Чарнота Б.

Не «шелковый путь», а «хождение по мукам»

«Моя семья выжила в годы войны и массового уничтожения евреев, именуемого Катастрофой», – сказать это о своих близких могут немногие. Большинство тех, кто выжил, спаслись потому, что бежали на Восток, в Среднюю Азию. Однако это был не «шелковый путь», а «хождение по мукам».

После вторжения немецкой армии в Варшаву, точнее – после капитуляции в конце сентября начались военные скитания моей семьи.

Уходили пешком, довольно большой группой: мои родители и три сестры мамы, одна из них – с мужем. Шли к границе, в сторону Буга (17 сентября 1939 г., в соответствии с договором Риббентропа–Молотова, СССР занял восточные польские земли, граница с Польшей передвинулась), чтобы перейти ее, подкупили советских солдат: часами, женскими украшениями, другими мелочами, и в результате семья оказалась по ту сторону границы. Шли дальше, дошли до местности Березно под Ровно, в которой жил дед – отец моей мамы, и еще одна сестра мамы с мужем и детьми. Их у Двойры с Пейсахом было четверо.

Мой дед – Иехуда Лейб Либерзон работал бухгалтером на мельнице, которая перешла в руки государства. Раньше, до того, как здесь была установлена советская власть, он работал в банке и был кантоном в синагоге. Дед был ортодоксальным евреем, но на своих дочерей

не давил: они выходили замуж без традиционной хупы.^{1*} У деда и бабушки было 7 дочерей. Одна из них – Сереле умерла в возрасте двух лет, вторая – Шифра, когда ей было 18. У нее был врожденный порок сердца. Бабушка, Матль, урожденная Вайнер, умерла от испанки, бушевавшей в Европе в годы Первой мировой войны. После смерти бабушки дед женился на ее подруге Эльке Торчинер. Тетя Двойра вместе со своими детьми была расстреляна в тот самый день, когда было уничтожено почти все еврейское население местечка Березно, в августе 1942 г.

В описываемой мною истории речь пойдет о моей матери Мириам и трех ее сестрах: Фейге, Еве (Хава) и Гисе.

Березно в то время было довольно большим местечком с населением в несколько тысяч человек, из которых более 90% составляли евреи, но жили там и поляки, и украинцы. После вторжения Красной армии наступил хаос: кто-то старался приспособиться к новой действительности, кто-то не мог. Те, кто не смог, оказались в Сибири, среди них муж тетки Двойры.

Мои родители устроились на работу в начальную школу учителями.

Через два года после вторжения Красной армии в Березно вошли гитлеровцы.

Тетка Двойра не могла уйти с варшавскими родственниками, т. к. все четверо ее детей как раз в это время болели скарлатиной. Она осталась с отцом. Уже гораздо позже семья узнала, что ее муж Пейсах, бежав из сибирской ссылки, вступил в армию Андерса, хотя попасть туда евреям было нелегко. С этой армией он ушел в Палестину, где и остался.

Родители сумели уехать из Березно раньше, странствие продолжалось. В том же составе, что в 1939 г., когда уходили из Варшавы, мои близкие направились в сторону Костромы. Мама была беременна, когда они двинулись в путь. Сестра родилась в 1941 г., уже в Костроме. Тогда они думали, что скоро воссоединятся, они еще получали письма от деда. Те весточки до сих пор хранятся в семье. Через некоторое время дед умер – от эмфиземы легких, которую заработал на мельнице.

У меня нет ответа на вопрос, почему родственники направились именно в Кострому. Знаю, что была полная неразбериха, и люди просто садились в первый попавшийся поезд и ехали туда, куда их везли. Проще ответить на вопрос, почему они покинули Березно. Они были убеждены, что немцы будут убивать и евреев, и коммунистов. По той

^{1*} Церемония бракосочетания, а также балдахин, под которым еврейская пара стоит во время этой церемонии. Представляет собой ткань или простыню, натянутую или поддерживаемую над четырьмя шестью (прим. ред.).

же причине они бежали из Польши. Не случайно, в Польше остались только ортодоксальные или совершенно ассимилированные евреи. Как я понимаю, в семье обсуждали, что делать, и я, будучи взрослой, через много лет после войны, видела, сколь тяжкое бремя вины выжившие несли до конца своих дней... Но тогда они не представляли себе, сколь трагическим будет финал.

Мама рассказывала, как люди теряли друг друга, не успев запрыгнуть в вагон, когда поезд внезапно трогался. Больше всего ей запомнилась женщина в отчаянии: поезд с ее семьей отъехал, она же осталась на перроне в руках с рыбой, купленной на остановке для той самой внезапно исчезающей за горизонтом семьи.

Добрались до Костромы и задержались там на время. Было трудно. Почти военный режим, работа как обязательная повинность. Все должны были зарегистрироваться и устроиться на производство. Но образовался замкнутый круг: у кого не было прописки, тот не мог получить работу, у кого не было работы, тот не мог получить прописку...

Родители и тетки со своими пожитками в растерянности стояли на улице, когда к ним подошла какая-то женщина, русская, и сказала, что не даст им пропасть. Она приютила совершенно чужих людей, в своем жилье, несмотря на тесноту комнатки и кухни, в которых кроме нее жили ее дочь с внебрачным ребенком. Потом мои родители нашли какое-то жилье, кажется, обустроились вместе с теткой Евой и ее мужем Марекком. На квартире у этой женщины остались только две мои тетки, старшая Фейга и самая младшая Гися.

Пошли работать на завод, все продукция которого шла на военные нужды. Порядки были суровые: за опоздание на работу на несколько минут, могли отправить в лагерь, потому что опоздание считалось формой саботажа. Маленькая и худенькая мама отправилась к начальству и заявила, что здоровье не позволяет ей работать физически. Вопреки мрачным предчувствиям, в лагерь ее не отправили. Спросили: «На что Вы, товарищ, способны?». Мама сказала, что имеет музыкальное образование: по вокалу и хоровому дирижированию, что она учитель. Ей предложили вакансию воспитательницы в детском саду и организацию хора заводских рабочих. Работа приносила маме удовлетворение и, что также было важно, дополнительную карточку на хлеб, которым она делилась с родными.

Жизнь в Костроме была тяжелой, через несколько месяцев, вскоре после рождения моей сестры Любы (под таким именем ее зарегистрировали, хотя на самом деле ее называли Либе, что по-еврейски значит любовь), вся семья оказалась в Узбекистане. Добирались паромом через Каспийское море. Толчея была просто невероятная. Мама рассказывала, что с трудом нашла на палубе свободное место. Заняла его,

положив свою элегантную кожаную сумку с серебряной монограммой. Во время войны она избавлялась по очереди от разных вещей, но эту сумку хранила еще с Варшавы. В сумке лежали детские вещички. Она положила сумку, на нее доченьку, которой было всего несколько месяцев, сама отлучилась в туалет. Отец отвлекся на минутку, когда мама вернулась, ребенок лежал на голых досках, сумки не было. С ней исчезло и детское белье.

Итак, моя семья оказалась в Узбекистане. Почему Узбекистан не знаю, точно так, как не знаю, почему они оказались в Костроме. Наверное, случайно. Возможно, им казалось, что в Средней Азии будет безопаснее. Все бежали дальше от линии фронта.

В своих рассказах Эмиль Дрейцер, русско-еврейский писатель, живущий в Нью-Йорке, так описывал свои переживания. Он был ребенком. Его семья бежала из Одессы. Поезда, которые шли в сторону фронта, немцы бомбили. Железнодорожники старались направить поезд туда, где не было военных действий – в Среднюю Азию и Казахстан. Многие беженцы попали в Киргизию, во Фрунзе. На эту тему существует много воспоминаний – целые фабрики эвакуировали из Москвы и других городов и переносили их в Среднюю Азию и Казахстан.

Уже на месте семья разделилась. Все тетки и Марек поселились в Ташкенте, а моя мама и отец с маленькой Либеле – в Фергане.

В Ташкенте тетки, как и в Костроме, работали на заводе, но в целом там было спокойнее, что не значит, что проблем не было. Тетка Ева прошла обучение и работала на токарном станке – раньше ей, конечно, никогда не приходилось выполнять подобную работу. Но есть такие люди, за что бы ни взялись, все у них спорится. Кроме того, у нее был организаторский талант, сама работала с удовольствием, и другим была готова помочь, физический труд никогда не считала чем-то зазорным. На токарном станке она работала отлично. Выполняла 400 или 500% нормы (понятно, что нормы занижали). При этом работала на самом плохом станке, просто металлолом какой-то. Случилось так потому, что ее мастером была еврейка, фамилию которой я не помню, только ее имя и отчество – Софья Соломоновна. Та боялась, что другие работницы будут подозревать, что она помогает Еве потому, что та тоже еврейка.

Тетка Ева была невероятно довольна собой, когда ее портрет повесили на доске почета среди других передовиков труда. Вскоре после этого работницы отвели Еву в сторону и предупредили: если она еще раз перевыполнит норму, то ей это с рук не сойдет. Тетка была удивлена, что она сделала не так, стараясь работать изо всех сил? Женщины объяснили, что они не собираются, выкладываться как она,

что начальство сразу поймет, что они отлынивают от работы, а у них нет ни сил, ни желания работать лучше. Они объяснили, что гораздо важнее после смены на заводе добыть пропитание, заняться детьми и домом.

В Узбекистане умер Марека, муж тетки Евы. Его, как и моего отца, других молодых здоровых мужчин, призвали в особый трудовой батальон, стройбат. Организм Марека не выдержал. Мой отец выжил, но вернулся полным инвалидом, был истощен до предела, вообще не мог работать.

Советская власть была бесчеловечной и в то же время человеческой. Так, кто-то подсказал отцу, что ему лучше всего устроиться в колхоз сторожем, чтобы немного отъесться. Он так и сделал. Сколько времени он там работал, я не знаю, но пришел в себя и выжил.

Как рассказывали в семье, и это подтверждают другие военные мемуаристы, в стране свирепствовал голод. До конца жизни мама терпеть не могла абрикосы, потому что в Фергане все дороги были обсажены абрикосовыми деревьями, и продолжительное время она, подбирая с земли, кормилась практически только их плодами.

Не знаю, умирали ли повально от болезней местные или только неприспособленные к климату и пище вынужденные мигранты, но тетка Ева вскоре заболела и попала в больницу. У нее выпали все зубы. Ее, некогда красавицу, невозможно было узнать, в больнице ей даже дали прозвище – Смерть. Все это произошло между 1942 г. и 1945 г., должно быть, ближе к концу войны, потому что Ева успела родить двоих детей, которые умерли еще до смерти ее мужа Марека. Ева, несмотря на все невзгоды, выздоровела.

Либеле умерла. Мама была с ней одна, когда сестра заболела, отец был в стройбате. Мама рассказывала, что нередко кормила ребенка хлебной корочкой, смоченной в воде. Сестра заболела коклюшем. Ее положили в палату с детьми с дифтеритом. Малышка была ослаблена голодом и коклюшем, к этому добавился дифтерит, которым заразилась в больнице. Девочка умерла в результате недомыслия или беспечности медперсонала.

В какой-то момент старшая из моих теток, Фейга, та, что осталась в Ташкенте и жила у узбечки по имени Басишка, оставила (временно?) работу на заводе. Тетка еще в Польше окончила курсы мастеров корсетных дел и зарабатывала тем, что шила лифчики. Поскольку у Фейги не было ни своей швейной машинки, ни денег на городской транспорт, то она пешком ходила к своим клиенткам и шила у них на дому. Тетка шила из материала, который ей поставляли заказчицы. Они вероятнее всего покупали ткань на базаре. В магазинах не было ничего, на базаре

можно было купить практически все – были бы деньги. Местные женщины были привычны к жизни в таких условиях.

Фейга утром выходила из дома, чтобы до жары попасть к клиентке. Шла по берегу реки и то и дело натыкалась на трупы людей, убитых с целью ограбления.

Шила тетка великолепно. Она привезла из Узбекистана в Польшу массу выкроек. У нее был картонный чемоданчик полный выкроек, по которым, спустя много лет после войны, она и для меня шила лифчики. Чемоданчик и поныне стоит у меня дома.

Не знаю, когда именно, но в какой-то момент уже в Узбекистане к семье присоединился Янкель Пинхусович, с которым тетка Фейга была близка еще в местечке Березно. Он был из состоятельной семьи, из зубных врачей. Жил до войны в достатке и знал, как его обеспечить. Как я понимаю, он прибыл с некоторыми сбережениями, которые советская власть не успела полностью «экспроприировать». Какое-то время он пожил с теткой, а потом, сориентировавшись в ситуации, сказал: «Мы здесь не выживем, надо перебираться в деревню». Тетка не хотела расставаться с сестрами. Наконец, пришли к тому, что Янкель поедет первым и заберет ее, когда будет уверен, что там можно будет выжить. Больше никто никогда о нем ничего не слышал. Он был инвалидом, сильно хромал, так что, если как предполагала тетка, на него напали с целью ограбления, он не мог защититься.

Мои родители жили в Фергане, во времянке. Их нары стояли на глиняном полу. В этих условиях выдерживали только потому, что лето было теплым. Зимой же было очень трудно. Мама тяжело болела, когда я родилась. Роды были долгими и тяжелыми. Мама рассказывала, что рожала в больнице, несмотря на боли, рядом не было ни врача, ни акушерки. Тетки по очереди приезжали из Ташкента помогать маме, как только им удавалось вырваться с работы. Прилетали самолетом, кукурузником. Трудность заключалась в том, что иногда ждали самолет несколько часов, порой и несколько дней. Мама тоже не знала, когда сестры приедут – телефона, ясное дело, не было, письма шли долго, порой и вовсе не доходили.

Уже после моего рождения, как вспоминали тетки, произошел ряд событий, свидетельствующих о трудных условиях, в которых жили мои близкие: случилось землетрясение, потом мама нашла, прямо рядом со мной, в детской постели скорпиона...

В Фергане мама работала в польской школе им. Тадеуша Костюшко, организованной Союзом Польских Патриотов для детей польских граждан. Преподавала пение. Видимо, делала это успешно, потому что, когда закончилась война и мои родители начали собираться в Польшу, маму не хотели отпускать. Ей предлагали место директора

школы-десятилетки. Я предполагаю, что она показала себя там не только как учительница пения – этого было явно недостаточно, чтобы получить такое предложение. Отец в то время находился в колхозе. Не знаю, как долго родители были в разлуке. Мама рассказывала, что отец навещал ее и как-то просто не вернулся в колхоз, остался с мамой... Примерно в это время он начал работать в Союзе Польских Патриотов, насколько знаю, в управлении.

Возникает вопрос, представляли ли они себе, что в то время происходило в Польше, знали ли о массовом уничтожении евреев? Кажется, знали лишь то, что сообщали официальные советские органы. Думаю, что других источников информации не было. С момента смерти деда никаких писем оттуда они не получали. Насколько помню по семейным рассказам, мои родные узнали о гибели евреев из Березно только после возвращения в Польшу. До этого были только предположения и тихая надежда, что хоть кто-то выжил. После войны старшая из моих теток написала 10 писем родственникам и друзьям, а также городским властям. Получила два ответа: от знакомого (ему удалось спастись, укрываясь у своего украинского друга), с которым до войны играла в любительском театре, и от городских властей. Эти письма развеяли все надежды – не выжил никто, в этом не оставалось никаких сомнений. Все понимали, что, если бы не бегство на Восток, наверняка бы погибли.

Несмотря ни на что, мои родные хотели вернуться в Польшу. Отдавали себе отчет в том, в каком положении находится СССР. Причиной всех недостатков считали войну и экономическую блокаду. Они видели полное отсутствие свободы, но и это списывали на счет войны. Вспоминая пережитое, говорили о двух разных обликах Советского Союза – людей и системы. Например, старшая тетка рассказывала, что на заводе в Костроме невероятно заботились о женщинах. Беременных щадили, освобождали от тяжелой работы. По-особому относились и к женщинам в период месячных. Женских прокладок не было, и специально нанятые швеи шили для женщин нечто вроде прокладок. Швеям была отведена маленькая комнатка рядом с уборной. Тетя рассказывала, что там было установлен кран с постоянной струйкой теплой воды, что обеспечивало женщинам некий минимум гигиены.

Но все эти проявления человечности тонули в океане бесправия и воровства – деморализация была повсеместной.

Сталкивались ли в СССР с антисемитизмом – это другой вопрос. Кажется, с откровенными проявлениями дискриминации не сталкивались – скорее, с типичными бытовыми стереотипами и предубеждениями. Например, считалось, что у всех евреев есть припрятанные

деньги, но почему-то их никто не видел. Простая русская женщина из Костромы, которая привела их к себе домой буквально с улицы, все время повторяла: я вам вымою пол, а вы мне заплатите. Тетки отвечали: мы сами вымоем, заплатить вам не можем, у нас денег нет. Но та не могла поверить, что у евреев нет денег. Однако когда ей не платили, она не требовала убираться на все четыре стороны. Узбеки тоже вешали ярлыки, но, несмотря на ядовитые замечания, никого не преследовали. В основном эти замечания касались русских, которых они воспринимали как захватчиков. Согласно коммунистической пропаганде, все народы Советского Союза были спаяны дружбой. Тетка рассказывала, что узбечка, у которой она жила, хотя слабо знала русский язык, все-таки владела им достаточно, чтобы выразить свое презрение к русским.

Еще они замечали неравенство женщин в Узбекистане. Мужчины целыми днями просиживали в чайханах, женщин там не видели. Для моих эмансипированных теток такое положение было чем-то неслыханным, ведь до войны они жили в совершенно другом мире.

Проявления антисемитизма, с которыми сталкивались мои родственники, не особенно отравляли им жизнь. Следует подчеркнуть, что никто из моей семьи, не чувствовал себя выброшенным за борт, изолированным в обществе. Прежде всего, они имели контакты с другими еврейскими беженцами. Мои тетки, которые были общительными, дружили с работницами фабрик, в которых служили, еще и потому, что жили в общежитиях. С ними жили молоденькие и бедные девушки, чаще всего, русские, сироты, которых привезли сюда издалека. Все их имущество умещалось в дерматиновых чемоданчиках, которые они держали под кроватями. Тетка Ева рассказывала: когда в январе 1945 г. объявили, что советские войска освободили Варшаву, девушки радовались вместе с ними. Даже устроили по этому случаю прием. Самогона было предостаточно, и моя тетка впервые в жизни решила напиться. После такого эксперимента болела несколько дней – ведь раньше сестры никогда не пробовали крепких напитков. Кстати, если бы было иначе, им было бы легче выжить, т. к. самогон тогда был твердой валютой. В Узбекистане за алкоголь можно было многое купить, но тетки не знали, как за это дело взяться, да и не хотели иметь с этим ничего общего. Это был тот элемент советизации, против которого они устояли.

Заводские подружки теток – те, с кем они жили в общежитии, плакали горькими слезами, когда тетки собрались уезжать. Советская пропаганда оказывала на них такое влияние, что бедные девушки-сироты переживали за моих близких и жалели их, т. к. мои близкие

уезжали в капиталистическую страну, где сильные мира сего эксплуатируют рабочих.

В 1945 г., после окончания войны и капитуляции Германии, семья приняла решение вернуться в Польшу. Все евреи собирались в Польшу. Среди наших знакомых была поэтесса Рахеля Корн, бывшие ученики гимназии в Вильно, ближайшие друзья родителей – Малгожата и Кароль Крайские. Родители решили расписаться, т. к. боялись, что при репатриации их разделят. Мама все еще болела, отец пошел в ЗАГС с маминной подругой – и номер прошел.

Все, что было, я знаю только из рассказов старших,^{1*} т. к. мне было полгода, когда семья отправилась в обратный путь в Польшу. Уезжали все вместе первым или вторым эшеленом, в первой половине 1946 г. Ехали месяц. В товарных вагонах, которые часто останавливались. Иногда стояли несколько минут, а иногда и несколько дней. Никто не знал, когда поезд тронется. Можно было набрать воды на станции, купить что-то из фруктов и овощей у местных, продававших прямо у поезда то, что сами вырастили. Мама рассказывала, что на одной из станций она разбила термос, и это было настоящим несчастьем, потому что я ведь еще была грудничком.

В вагоне, в котором ехали мои родители, были в основном евреи, везли с собой разные вещи. На границе с Польшей у них забрали все документы. Родители, хотя и неохотно, вспоминали о том, как сразу столкнулись с антисемитизмом: на польской границе их встретили угрозами, размахивали палками. Поезда с репатриантами ехали на так называемые Возвращенные земли. Родители и тетки вначале попали в Свидницу. Две мои тетки, несмотря на то, что были уже не молоды, вышли замуж и родили сыновей.

Никто из членов моей семьи не сомневался, что надо вернуться в Польшу и там остаться. Остались даже после погрома 1946 г. Были убеждены, что в новой социалистической Польше можно будет восстановить еврейскую жизнь и что Польша будет свободна от антисемитизма. Было ли так на самом деле? Достаточно сказать, что в результате антисемитской кампании 1968 г. одна из теток эмигрировала с мужем и взрослым сыном в Швецию. Уходя из Варшавы в 1939 г. могла ли она представить себе, что будет лежать на еврейском кладбище в далеком Стокгольме?

В основе данного текста лежат воспоминания членов моей семьи, а также фрагменты интервью со мной, проведенного Евой Козьминьской-Фрейлак. В архивах в Интернете я нашла только одну запись,

^{1*} Иначе с заключенными тюрем и лагерей. Они начали рассказывать о том, что пережили, только после 1956 г. Их рассказов в детстве я не слышала ни разу (прим. автора).

касающуюся самой старшей сестры моей матери: имя и фамилия записаны без искажений, как и место и дата рождения, сообщается, что она прибыла в Ташкент, где и проживала.

Перевод с польского Ольги Медведевой-Нату.

Кабдулова К.Д.

Эвакуация политэмигрантов в Казахстан в годы Великой Отечественной войны

В фондах АП РК отложились документы, свидетельствующие об эвакуации людских и материальных ресурсов в годы Великой Отечественной войны. Наряду со стариками, женщинами, детьми – жителями городов и сел, оказавшимися в зоне боевых действий, в Казахстан прибывали и категории населения, которые по определению относились к политэмигрантам. В числе последних были представители польского, немецкого, еврейского и других народов.

Вопрос об общей численности политических эмигрантов, эвакуированных в Казахстан, до настоящего времени одна из слабоизученных страниц в историографии Великой Отечественной войны. «Дело в том, что далеко не все иностранцы, эмигрировавшие в СССР, имели официальный статус политэмигрантов. В документах высших партийных органов было определено, что «политической эмиграцией называется эмиграция революционного деятеля лишь в том случае, если прямое преследование его буржуазным правительством страны за его революционную деятельность не дает ему возможности не только продолжать свою революционную деятельность, но и вообще оставаться в данной стране при данной обстановке (угроза смертной казни, долголетнего заключения и т. п.)». В соответствии с данным определением и решался вопрос о признании того или иного эмигранта-революционера политическим эмигрантом.

Значительную помощь иностранным революционерам и коммунистам в решении вопросов обустройства в Советском Союзе оказывала секция Международной организации помощи борцам революции (далее – МОПР). Организация занималась оказанием моральной, материальной, политической и юридической помощи жертвам классовой борьбы во всех странах мира» [1].

Согласно информации Председателя ЦК МОПР КазССР А. Сатонина «О положении политэмигрантов в Казахской ССР», «первые политэмигранты начали прибывать в Казахстан в июле–августе 1941 г., большей частью в одиночном порядке и лишь иногда семьями и группами. Прибывали политэмигранты из Москвы, Польши, Западной Украины и Белоруссии, а затем Румынии» [2, л.25].

Из архивных документов следует, что «по данным ЦК МОПР СССР от 22 января 1942 г. в Казахстане находился 81 политэмигрант, однако из этого списка фактически проживало только 51 чел., часть находилась в Киргизской ССР, а оставшиеся неизвестно где. При этом многие политэмигранты проживали не там, где указано в списке» [2, л.26].

Тем не менее, по архивным данным на начало 1942 г. в Казахстане было расселено 216 политэмигрантов, из которых через республиканский ЦК МОПР прошло лишь 85 чел. [2, л.25]. Большая часть политэмигрантов не брались на учет органами власти, т. к. направлялась в области, минуя ЦК и обкомы МОПР, вместе с другими потоками эвакуированных.

В информации отмечено, что «из 216 чел. немцев было 57, поляков и евреев 42 чел. притом, что многие поляки выдавали себя почему-то за евреев, судетских немцев 37 чел., испанцев 26 чел., венгров 14 чел., чехов 4 чел., болгар 2 чел., прочих национальностей (украинцы, румыны) и невыясненные 34 чел.. Мужчин – 141, женщин – 75, членов братских компартий 122, беспартийных 48 и невыясненных 46 чел.» [2, л.26].

Следует отметить, что в фонде АП РК сохранился основной и дополнительный пофамильный список политэмигрантов, эвакуированных в Казахстан. Данный список имеет 19 граф, в котором отражены основные сведения о политэмигрантах: ФИО, год рождения, национальность, специальность, откуда прибыли, где проживают в республике и другие данные. По этому списку, к примеру: немцев 51, поляков и евреев 39, судетских немцев 29, испанцев 28, венгров 14, чехов 10, болгар 2, по одному корейцу, литовцу, австрийцу, румыну и невыясненных 35 чел. [2, л.47–52]. В дополнение к этому списки есть отдельные списки по областям,^{1*} но они менее информативные, чем вышеуказанный список.

В отчете ЦК МОПР КазССР о работе среди политэмигрантов за период с конца 1941 г. по 1 июля 1942 г. указано, что «в Казахстане находилось учтенных политэмигрантов и бывших политзаключенных около 290 чел., но фактически вероятнее, более 300 чел. Членов семей политэмигрантов числится до 130 чел., таким образом, общее количество политэмигрантов с семьями достигает 420 чел., из них детей 85 чел. Из этого числа в городах проживает 93–95 чел., остальные находятся или в районных центрах или в совхозах, МТС и колхозах» [2, л.17].

^{1*} Так например по сведениям на июнь 1943 г. в 6 районах Карагандинской обл. проживало 44 политэмигранта, вместе с членами семей 83 чел. / Из истории депортаций Казахстан. 1939–1945 гг.: Сборник документов. – Алматы, 2018 – С.589 (прим. ред.).

Прибытие эвакуированных в республику продолжалось, и к июлю 1943 г. «в Казахстане проживало уже 744 политэмигранта, среди них 248 членов компартии и 12 комсомольцев» [3].

Масштабная и неорганизованная эвакуация населения вызвала множество проблем. В первую очередь – жилищно-бытовое устройство. В информационном обзоре «О положении политэмигрантов в Казахской ССР» отмечалось, что «в первые месяцы почти все политэмигранты, также как и тысячи других эвакуированных, несмотря на запрещенный въезд в Алма-Ату, пытались всеми силами остаться в столице Казахстана. Это создавало чрезвычайную перегрузку в Алма-Ате, тяжелое положение с продовольствием и вынудило соответствующие органы запретить прописку и проживание в городе, выселить самовольно вселившихся и направить их в различные города и области Казахстана» [2, л.25].

По сведениям республиканского МОПР «несмотря на специальные указания ЦК КП (б) Казахстана обкомам и райкомам партии о заботливом и внимательном отношении к политэмигрантам, партийные советские организации на местах не уделяли нужного внимания им, в силу чего многие из них были в очень тяжелых материально-бытовых условиях.

Так же общим тревожным фактом по размещению политэмигрантов было «нежелание некоторых руководителей принимать на работу политэмигрантов, косность и неприязненное отношение к ним со стороны самого населения (главным образом колхозников), которые не отличали политэмигрантов^{1*} от эвакуированных людей вообще, и на почве создающихся жилищных и продовольственных трудностей, вызывало в отношении политэмигрантов недовольство».

10 марта 1942 г. ЦК МОПР СССР разослал специальные письма о положении политэмигрантов и оказания необходимой помощи им наркоматам Казахстана: здравоохранения, торговли, просвещения и земледелия. Наркомы весьма отзывчиво отнеслись к этим письмам и в свою очередь, всем своим областным отделам разослали, примерно такого же содержания распоряжения.

К сожалению, не все областные органы этих Наркоматов дали директивные указания районам, да и в самих областных городах указания Наркоматов реализовались слабо. Особенно это касалось торго-

^{1*} В первой половине 1930-х гг. политэмигранты относились к элитарному слою советского общества. В СССР статус устанавливался специальной комиссией, созданной Президиумом ВС СССР в составе представителя Общества Красного Креста и Красного Полумесяца, КГБ, МИДа, ВЦСПС. Несмотря на экономические трудности, которые испытывала страна, получали ряд материальных льгот: им в первую очередь предоставляли квартиры, работу для обеспечения их интеграции в общество. С середины 1930-х гг. нагнетаемая сверху шпиономания меняет отношение компетентных органов к данной категории людей / Из истории депортаций Казахстан. 1939–1945 гг. ... – С.589 (прим. ред.).

вых органов, которые по сообщению обкомов МОПР, часто отказывались снабжать политэмигрантов отдельно от других граждан, минуя общую очередь. Например, в Алма-Ате для того, чтобы получить на коллектив политэмигрантов мыло, пришлось в течение нескольких недель доходить вплоть до ЦК партии, прежде чем ЦК МОПР КССР получил разрешение.

Еще труднее было со снабжением политэмигрантов одеждой и обувью, потому что этих товаров в торговых организациях не было или они появлялись в ограниченном количестве в розничной сети, что за ними стояли очереди в тысячи человек сутками. Между тем в этих предметах многие политэмигранты нуждались чрезвычайно, особенно находящиеся в колхозах [2, л.17–18].

Одновременно с этим серьезным вопросом для всех политэмигрантов было медицинское обслуживание, т. к. многие прибыли в республику больными ввиду плохих санитарных условий и холода. К примеру, «В коллективе рабочих политэмигрантов эвакуированного Ворошиловоградского паровозостроительного завода несколько человек серьезно были больны (т. Сабо, Вайс^{1*}, Альварес и др.), для части которых требовалось клиническое и санаторное лечение. Но больницы Алма-Аты были переполнены и, несмотря на все заключения врачей и распоряжения НКЗдрава положить этих больных в больницу так, и не удалось» [2, л.27].

Однако были случаи исключения, к примеру, «7 февраля 1942 г. в г. Алма-Ата из Гурьева приехали чешские политэмигранты – супруги Винер. Через 3 дня после прибытия в Алма-Ату т. Винер К.Г. заболел тифом и воспалением легких. ЦК МОПР обратился в горздрав и, несмотря на загруженность больниц, т. Винера положили в одну из палат. Состояние его было тяжелым, что врачи не надеялись на сохранение его жизни. Но хороший уход, усиленное питание, организованное за счет выдаваемого на его лечение пособия, сохранили жизнь т. Винеру. В дальнейшем он стал работать в системе столовых и ресторанов» [2, л.20].

Так же проблемой являлось трудоустройство политэмигрантов, «большинство из них были трудоустроены в промышленных предпри-

^{1*} Возможно, речь идет об Абраме Игнатьевиче Вайсе 1907 г. р. Уроженец г. Мукачево (Закарпатье в составе Австро-Венгерской империи). С 1924 г. учился в Семинарии (г. Гамбург). Оставил Семинарию, начал сотрудничать с коммунистами. С 1928 г. матрос на судне по маршруту Гамбург – порты Южной Америки. В 1929 г. эмигрировал в США, занимался антирелигиозной пропагандой. В 1933 г. вернулся в Закарпатье; включился в работу чехословацкой организации содействия переселению евреев в Еврейскую автономную обл. СССР; одновременно сотрудничал с коммунистическими газетами СССР, США и др. В мае 1939 г. эмигрировал в Польшу в г. Львов, в сентябре г. Львов был занят Красной армией. Г-н Вайс получил направление на Ворошиловоградский паровозостроительный завод, с которым эвакуировался в г. Алма-Ата. / И. Гринберг Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк. – Алматы: FORTRESS, 2009. – С.105–106 (прим. ред.).

ятях, совхозах, МТС и учреждениях, причем большинство работало по специальности или близкой к этой отрасли. Так, из 15 специалистов-токарей работали 12 человек, из 26 слесарей по специальности работали 22 чел., из 4 ткачей – 2 чел., из 2 стекольщиков – 2 чел.» [2, л.17].

Значительно труднее было трудоустроить политэмигрантов в колхозах, т. к. они плохо владели русским языком, женщины не имели никакой специальности и всех их отправляли для работы в поле.^{1*}

Архивные документы свидетельствуют, что положение политэмигрантов разрешалось только после неоднократного обращения к местной власти либо при выезде сотрудников ЦК МОПР Казахской ССР на места.^{2*} Например, «трехкратное обращения к секретарю Южно-Казахстанского обкома партии о крайне тяжелом положении политэмигрантов в Пахта-Аральском совхозе, никакого результата не дали и ответственный секретарь ЦК МОПР КССР т. Подбуцкий был направлен в Пахта-Арал для разрешения возникших вопросов. Подбуцкий на месте урегулировал с райкомом КП (б) К и дирекцией совхоза целый ряд вопросов, организовал переброску из Пахта-Аральска тт. Мике и Эйзерта, как специалистов-стеклольщиков, в Акмолинскую обл., на Щучинский стекольный завод и тт. Шнауальта А., Шнауальт И. и Гельцеля – в Семипалатинск – на суконную фабрику, нескольких устроил на работу в Центральном отделении совхоза, добился обеспечения политэмигрантов продуктами питания и медобслуживанием, организовал в Пахта-Арале районный комитет МОПР, введя в его состав несколько человек наиболее активных политэмигрантов, и главное, заставил райком партии серьезно заняться вопросами политэмиграции. Оставшиеся были обеспечены жильем, огородами и переселяться из Пахта-Арала не захотели» [2, л.19].

Предусматривалась для политэмигрантов, как и для других эвакуированных, денежная помощь. Из документов следует, что политэмигрантам Ворошиловоградского паровозостроительного завода ЦК МОПР КазССР «выдал каждой семье денежное пособие в размере от

^{1*} Эмигрировавшие по политическим мотивам зачастую являлись партфункционерами незнакомыми с «черной работой». Так например, в 1941 г. в совхоз «Пахта-Арал» Южно-Казахстанской обл. была эвакуирована семья Ф. Бреда, члена Коммунистической партии Германии, убитого фашистами в 1935 г. Его супруга и дочь в 1936 г. приняли советское гражданство, в 1939 г. дочь Маргарита вступила в комсомол. По прибытии в Казахстан Маргарита Фридриховна была трудоустроена ездовым рабочим, вероятнее всего, разочаровавшись в советской действительности, не встала на учет, не платила членские взносы, автоматически выбыла из комсомола, на работе и в общественной жизни характеризовалась как пассивная / Из истории депортаций Казахстан. 1939–1945 гг. ... – С.589 (прим. ред.).

^{2*} Также смотрите докладную записку ответственного секретаря ЦК МОПР КазССР по делам политэмиграции С. Вайса секретарю ЦК КП (б) К М. Абдыкалыкову о результатах обследования материально-бытового положения политэмигрантов совхоза Пахта-Арал и о мерах, принятых для улучшения положения политэмигрантов и членов их семей / Из истории депортаций Казахстан. 1939–1945 гг. ... – С.216–223 (прим. ред.).

150 (одиноким) до 250 (многосемейным) руб., в общей сложности на сумму 4850 руб. В дальнейшем такое же пособие было выдано вновь приехавшим, отставшим в пути и 5-ти наиболее нуждающимся (2-м по 200 руб. и 3-м по 150 руб.)» [2, л.27].

Тем не менее, постепенно ряд областей стали брать на учет политэмигрантов и оказывали им всяческую поддержку. К примеру, «из группы политэмигрантов живущих в Кировском р-не Восточно-Казахстанской обл., часть из них работала по специальности на Белоусовском руднике, часть в Бобровском МТС и несколько в с. Согде – Восточно-Убинском сельсовете, в колхозе. Двое учились в Белоусовском ФЗО. Несколько женщин, не имеющих определенной специальности и больных, не работали. Все они были обеспечены самым необходимым, и т. к. они находились недалеко от областного центра, обком МОПР имел возможность быстро помогать им, чаще бывать у них» [2, л.19].

Интересна судьба политэмигранта Захария Иосифовича Миллера, украинца, прибывшего из Франции, освобожденного из концлагеря. Читая архивные документы, находим, что «бывший участник интернациональных бригад в Испании т. Миллер З.И. в октябре 1941 г. был направлен на работу в колхоз «Красный Восток» Алма-Атинского сельского р-на. Человека, совершенно свободно говорящего и вполне грамотного по-русски, могущего быть с успехом, использованным на учетной, счетной, культурно-массовой работе, к тому же больного, инвалида II группы, не имеющего теплой одежды, председатель колхоза назначил ночным охранником. Тов. Миллер целую зиму по ночам стоял на охране, под снегом, на морозе, проявляя действительно большевистскую заботу о сохранении колхозной собственности. Несмотря на это, никакого питания, кроме пол-литра молока в день, т. Миллер от колхоза не получал и должен был по рыночным ценам покупать у колхозников картофель. Председатель колхоза имел в изобилии муку и другие продукты, которые вывозил на базар, но продать т. Миллеру даже по базарной цене не хотел. Только неоднократные обращения в райком партии и преданная работа т. Миллера заставили председателя колхоза поставить его на работу в МТФ учетчиком молока, а затем помощником зав. МТФ. Но отношение председателя, как и колхозников, к т. Миллеру продолжало оставаться недоброжелательными, даже враждебными, вследствие его строгости и требовательности в отношении учета и охраны колхозного добра» [2, л.18].

Однако на этом его трудности не закончились. Так в письме заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды Алма-Атинского обкома КП (б) Казахстана М. Мустафина от 21 октября 1942 г. сообщается, что «т. Миллер З.И. [...] был снят с поста зам. зав.

МТФ и назначен сторожем в одну из бригад колхоза. Мотивировалось это тем, что т. Миллер выступал на собраниях с критикой по адресу руководителей колхоза и бригад» [2, л.39].

Приведенные примеры показывают, что «местные партийные и советские организации не внимательно относились к политэмигрантам, часто находящимся в чрезвычайно тяжелом положении и не занимались вопросами их трудоустройства» [2, л.23].

Все эти трудности объясняются большим количеством принятого эвакуированного населения в Казахстане. Местные власти просто не могли обеспечить огромное количество эвакуированных граждан нормальными жилищными, материальными и другими условиями в период военного времени. Но не стоит забывать, что в итоге все прибывшие в республику граждане были размещены и устроены. Таким образом, Казахстан стал не только временным убежищем в условиях военного времени для значительного числа эвакуированных граждан СССР, но и второй родиной.

1. Иванова О.В. Социокультурная адаптация политических эмигрантов в СССР в 1920–1930-е годы. Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т.8 – №3 – 2006. – С.781.

2. АП РК. Ф.708. Оп.6/1. Д.524. Л.17–20, 23, 25–27, 39, 47–52.

3. Там же. Д.525. Л.50.

Аманова А.С.

Некоторые аспекты эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны на основе архивных материалов по Павлодарской обл.

Осмысление истории Великой Отечественной войны включает в себя множество проблем, среди которых большое место занимает проблема эвакуации населения. В современных исторических реалиях многие страны мира ежегодно сталкиваются с проблемой необходимости эвакуации людей из районов стихийных бедствий, промышленных аварий, вооруженных конфликтов, мест террористических акций. В связи с этим изучение советского опыта эвакуации населения в военные годы является актуальным.

Беспримерной в мировой истории эпопеей явилось массовое перемещение в первый период Великой Отечественной войны из угрожаемых районов СССР на Восток населения, промышленных предприятий, имущества МТС, колхозов и совхозов, культурных и научных учреждений, запасов продовольствия, сырья и других материальных ценностей.

Находившаяся в тылу Павлодарская обл., перестраивая экономику на военный лад, в первые дни войны приняла и разместила эвакуиро-

ванное из прифронтовой полосы население. 2 июля 1941 г. Павлодарский облисполком и бюро Павлодарского обкома КП (б) К приняли постановление «О размещении прибывающих граждан в порядке эвакуации из прифронтовой полосы». В Лозовском, Павлодарском и Цюрупинском районах предусматривалось разместить по 400 чел. в каждом, в Максимо-Горьковском – 300 чел. Прибывающих на станцию в Павлодар временно, до отправки в районы, должны были разместить в железнодорожной школе №11, обеспечить питанием как на местах разгрузки, так и на пути следования до места назначения [1, л.7].

На 6 октября 1941 г. в Павлодарскую обл. прибыло 3926 чел. эвакуированных. Из них: 217 мужчин, 1755 женщин, 1954 детей. В основном они были эвакуированы из Москвы (79 чел.), Ленинграда (1149), прифронтовой полосы (2698 чел.). Эвакуированное население размещалось в г. Павлодаре (568 чел.), Лозовском (22), Цюрупинском (496), Павлодарском (79), Иртышском (450), Куйбышевском (443), Кагановическом (35), Урлютюбском (878), Лебяжинском (55), Максимо-Горьковском (480), Кагановическом (35), Бескарагайском (179) районах, место расположения 241 чел. неизвестно [2, л.60]. Несколько эшелонов с эвакуированными разгружались на промежуточных станциях (Щербакты, Купино), не доезжая до г. Павлодара, и размещались в колхозах и совхозах Лозовского, Цюрупинского и Урлютюбского районов [3, л.326].

8 октября 1941 г. Павлодарский отдел народного образования разместил и доставил на места назначения 1525 детей, прибывших в область по эвакуации. Прибывшие из Воронежской, Одесской, Московской, Гомельской, Харьковской областей детские дома, были размещены почти во всех районах области [3, л.327].

Процесс перебазирования производительных сил СССР включал не только вывоз в тыловые районы огромных масс населения, промышленного оборудования, материальных и культурных ценностей. Не менее важной задачей являлось их рациональное размещение на новых местах в соответствии с военно-хозяйственными интересами советского государства. Государственные и общественные органы восточных областей страны активно готовились к приему эвакуированных. В центре их внимания постоянно находились вопросы расселения, трудоустройства и бытового обслуживания прибывших из угрожаемых районов рабочих, служащих, колхозников и членов их семей.

На основе анализа архивных материалов можно сделать вывод, что подготовка партийными и советскими органами к приему и размещению эвакуированных была начата заблаговременно. На основании Постановлений СНК и ЦК КП (б) К от 22 июня и 4 ноября 1941 г. создаются эвакуационные отделы при СНК КазССР и исполкомах об-

ластных Советов депутатов трудящихся, а также комиссии по размещению эвакуированного населения, промышленных предприятий, научных, учебных и других учреждений и организаций [4, л.12]. Проблема устройства эвакуированного населения и их материально-бытового положения постоянно находилась в центре внимания местных партийно-советских органов. СНК КазССР и ЦК КП (б) К неоднократно давали указания и требования «о заботливом и чутком отношении к эвакуированному населению, о быстром размещении и трудоустройстве его в областях и районах» [4, л.18]. Данные указания и требования правительства нашли отражение и в директивных документах Павлодарской обл. Руководителям партийных и советских органов постоянно напоминалось, что трудоустройство и бытовое обслуживание эвакуированных является важнейшей задачей, имеющей большое государственное и политическое значение.

Несмотря на указания центральных властей, в условиях военного режима, как правило, все исполкомы облсоветов, райсоветов своевременно не успевали подготовиться к приему утвержденного им количества эвакуированного населения, начинали этим заниматься лишь по прибытии эшелонов или отдельных групп эвакуированных. В результате имелись массовые факты, когда прибывающие эшелоны с эвакуированными простаивали на станциях 5–8–10 и более дней. Питание эвакуированных в ряде железнодорожных станций было организовано совершенно неудовлетворительно, в результате сутками и более находились без питания, многие из них оказались буквально в бедственном положении [5, л.4 и об.].

Бюро обкома устанавливает, что в результате бюрократического отношения к эвакуированному населению со стороны директора Сольпрома т. Красильникова, а также безразличного отношения руководства Лозовского р-на к устройству эвакуированных и их нуждам прибывшие в Таволжан вагоны с эвакуированным детским домом в количестве 250 чел. не разгружались 8 суток, вследствие чего появилось массовое заболевание корью – 14 смертей [6, л.23]. Дети были размещены в холодном сыром помещении, детдом не обеспечен оборудованием, питанием, посудой, 36 детей заболели воспалением легких.

18 декабря 1941 г. прибывшие вагоны с семьями военнослужащих (426 чел.) не разгружались в течение 3 суток, только после вмешательства обкома были размещены по квартирам. Прибывшему из временно оккупированных врагом территорий страны, населению пришлось испытать в полной мере все тяготы и лишения военного времени. Свойственные тоталитарному режиму бюрократизм, волокита, безответственное отношение к людям проявлялись даже в тяжелые годы войны. Так, в частности, из совместного постановления

№835-125 СНК КазССР и ЦК КП (б) К следует, что «...несмотря на неоднократные указания о заботливом и чутком отношении к эвакуированному населению, о быстром размещении и трудоустройстве его в областях и районах, в ряде мест, благодаря исключительной безответственности партийных и советских органов, имеются весьма серьезные недочеты в деле приема и размещения прибывающего эвакуированного населения...» [6, л.53].

Анализ архивных материалов показал, что несмотря на предпринятые меры по приему и размещению эвакуированного населения, все же имели место недостатки и упущения. Исследование приказа Наркомата земледелия КазССР «О трудовом устройстве и бытовом обслуживании эвакуированного населения в Казахской ССР» от 9 декабря 1941 г. свидетельствует, что «многие земельные органы, руководители МТС и колхозов недостаточно проделали работу по трудовому устройству и бытовому обслуживанию эвакуированного населения. Руководители земельных отделов, МТС и колхозов не проявляют действенной заботы об эвакуированных и не чувствуют ответственности за трудовое устройство и бытовое обеспечение прибывающего в колхозы эвакуированного населения. Предложения со стороны самих эвакуированных об их полезном для колхозов труде, а также просьбы эвакуированных о создании им необходимых бытовых условий в ряде колхозов совершенно игнорируются» [7, л.95]. В феврале 1942 г. в Цюрупинском, Лозовском, Максимо-Горьковском районах эвакуированное население в течение нескольких дней не получило хлеба, в результате имело место, в частности в колхозе «Большевик» Цюрупинского р-на, опухание детей от недоедания [8, л.6]. Недочеты, имевшие место в ходе приема и устройства эвакуированного населения, объясняются трудностями военного времени.

Тем не менее, подобные негативные факты не могут принизить значение теплого отношения жителей республики к населению прифронтовой полосы, проделанной работе по трудоустройству, размещению и бытовому обслуживанию прибывших, бескорыстной помощи в снабжении эвакуированных всем необходимым.

Резэвакуация началась уже в 1943 г. Она проходила в основном путем самостоятельного выезда. Переселенческие отделы потеряли контроль за учетом данной категории населения, поэтому точного учета оставшихся людей, учитывая вес категории эвакуантов, установить невозможно. Часть эвакуированных навсегда связали свою жизнь с Павлодарским Прииртышьем.

По Павлодарской обл. движение населения в 1945 г. характеризуется следующими фактами: из России прибыло 1441, а выбыло 1300; из Украины – 80 и 437, из Беларуси – 21 и 61; из Молдавии – 25 и 70;

из Литвы – 2 и 12; Латвии – 1 и 14; Эстонии – 3 и 2 [9, л.11]. Важно отметить, что подавляющее большинство выбывающих из области, в частности, составляли городские жители. Это свидетельствует о том, что выезжали квалифицированные рабочие и специалисты, эвакуированные в годы войны вместе со своими предприятиями, а также местные кадры рабочих, которые решили участвовать в восстановлении разрушенной оккупантами экономики западных регионов страны.

Наиболее значительным событием военного периода, приведшего к изменениям в социально-экономическом положении республики, явилась эвакуация населения из прифронтовых районов страны в Казахстан. Анализ приведенных архивных материалов, позволяет прийти к следующим выводам. Наибольший отток населения из региона происходил на Украину, Белоруссию, страны Балтии, которые на первом этапе войны были полностью оккупированы и откуда прибыла основная часть эвакуированных.

1. ЦГА РК. Ф.1137. Оп.6. Д.1290.
2. Государственный архив Павлодарской обл. (далее – ГАПО). Ф.646. Оп.1. Д.178.
3. Там же. Ф.634. Оп.1. Д.80.
4. АП РК. Ф.223. Оп.10. Д.549.
5. Там же. Оп.11. Д.552.
6. ГАПО. Ф.1046. Оп.1. Д.16.
7. Там же. Д.18.
8. Там же. Ф.825. Оп.1. Д.53.
9. Там же. Ф.909. Оп.9. Д.12.

Аупенова А.У.,
Исина Ж.Е.

Масштабность некоторых проблем эвакуации гражданского населения в Казахстан в первые годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война, в особенности ее начальный этап, в полной мере выявила необходимость проведения такого крайне необходимого мероприятия как эвакуация гражданского населения и части промышленного потенциала Советского Союза из его западных регионов, в первую очередь, подвергшихся нападению агрессора – в восточные, и – в частности – в Среднюю Азию и Казахстан. Эвакуация населения страны проводилась в два этапа. В первый период эвакуация населения велась одновременно из северо-западных областей РСФСР, Прибалтики, Белоруссии, Украины, Молдавии, а затем в ряде районов центра страны. В целях организованного перемещения людских контингентов и государственных ценностей в тыл

страны при Совнаркомом СССР 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации. Вторая волна эвакуации населения проводилась летом 1942 г. в меньших размерах и с более ограниченной территории, когда вновь развернулось наступление врага в южных районах [1, с.801].

В годы войны государственным органом, занимавшимся вопросами статистики, являлось Центральное статистическое управление Госплана СССР. В него входил отдел демографии, в котором функционировал сектор численности населения. В последний поступали месячные и полумесячные отчеты и сведения об эвакуированном населении, которые подавали в переселенческие управления при Совнаркомом СССР. Управление по эвакуации населения, появившееся в структуре Совета по эвакуации 26 сентября 1941 г., также занималось ведением поименного учета и выдачей справок о местонахождении эвакуированных граждан, эту работу внутри самого управления вело Центральное справочное бюро [2, с.76]. Для упорядочения учета эвакуированного населения и систематизации полученных данных во всех регионах СССР использовались специальные бланки (формы 1–3), формы которых были разработаны и утверждены советом по эвакуации [3, л.36–36 об.]. Форма № 1 представляла собой список граждан, отправившихся в эшелоне в порядке эвакуации на новое место жительства. Он составлялся в зависимости от условий посадки, начальником эшелона в одном экземпляре или начальником эвакуационного пункта в двух экземплярах, один из которых передавался начальнику эшелона, второй оставался в эвакуационном пункте. Сведения в форму 1 вносились на основании документов эвакуированных граждан: паспортов, удостоверений, справок, а также посредством опроса самих эвакуированных. Сведения о семьях и отдельных гражданах, принятых в пути, вносились с указанием станции посадки, в случае снятия эвакуированных с эшелона в последней графе о них также делались отметки. Начальник эшелона по прибытии передавал список эвакуированных гор(рай)исполкому места расселения. Вслед за этим гор(рай)исполкомы составляли списки лиц прибывающих (форма 2) и не позднее 5 дней обязаны были направлять их в обл(край)исполком.

Списки семей и отдельных граждан составлялись на все население, прибывшее в порядке эвакуации. Первым в список вносился глава семьи, если семья выехала не в полном составе, то в форме 2 первым указывался работающий или старший трудоспособный из состава эвакуированной семьи. Графы с указанием фамилии, имени, отчества, отношения к главе семьи, пола, года рождения заполнялись на основании списка формы 1, а сведения о месте рождения, специальности,

профессии, национальности, месте работы до эвакуации — по документам и опросам самих эвакуированных.

Третьей формой учета эвакуированного населения являлась личная карточка на детей, эвакуированных без родителей (форма 3). Она составлялась гор(рай)исполкомами после прибытия эвакуированного ребенка в 3-х экземплярах, один из которых направлялся в крайисполком, второй отсылался в Переселенческое управление при СНК СССР и третий оставался в гор(рай)исполкоме. Списочная форма 2 и личная карточка № 3 учета эвакуированного населения являлись справочным материалом при возможном розыске гражданами членов своих семей, родных, детей и других родственников.

Следует отметить, что в условиях военного времени учет эвакуированного населения значительно осложнялся масштабами поступления в регион советских граждан из прифронтовой полосы.

На основе имеющихся ежедневных справок о количестве прибывших эвакуируемых граждан в Карагандинское областное отделение эвакуопункта составлены таблицы 1–3:

Таблица 1. Динамика количества прибывших в Карагандинское облотделение эвакуопункта в январе 1942 г. [4, л.74–91]

Прибыло	02.01	05.01	06.01	07.01	08.01	09.01	10.01	12.01	14.01	16.01	17.01	19.01
Всего	7518	7571	7637	7656	7709	7934	7987	8018	8253	8307	8312	8345
Мужчин	2013	2039	2059	2072	2101	2161	2180	2192	2234	2257	2260	2271
Женщин	3294	3310	3333	3338	3352	3459	3475	3489	3567	3585	3587	3600
Детей	2211	2222	2245	2246	2256	2314	2332	2337	2452	2465	2465	2474
Трудоспособных	5072	5111	5150	5167	5208	5367	5398	5422	5532	5569	5574	5595
Из Москвы	329	330	330	330	333	333	333	333	336	336	336	336
Из Ленинграда	111	111	111	111	112	112	112	112	112	112	112	112
Из прифронтовой полосы	7078	7130	7196	7215	7264	7489	7542	7573	7805	7859	7864	7897
Из др. мест	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Без док-ов	180	180	182	182	183	186	187	189	191	192	192	192
Находится на пункте	180	201	201	213	282	282	257	230	389	310	226	221

Таблица 1 (продолжение). Динамика количества прибывших в Карагандинское облотделение эвакуопункта в январе 1942 г. [4, л.58–73]

Прибыло	20.01	21.01	22.01	23.01	24.01	26.01	27.01	28.01	30.01	31.01
Всего	8369	8374	8377	8404	8417	8425	8495	8510	8546	8552
Мужчин	2278	2283	2284	2295	2302	2303	2326	2331	2343	2346
Женщин	3611	3611	3613	3623	3627	3630	3656	3662	3675	3678
Детей	2480	2480	2480	2486	2488	2492	2513	2517	2528	2528
Трудоспособ.	5611	5616	5619	5639	5648	5652	5692	5701	5723	5729

Из Москвы	336	336	337	337	338	338	338	338	338	338
Из Ленинграда	112	112	112	114	118	118	118	118	118	118
Из прифронт- товой полосы	7921	7926	7928	7953	7961	7969	8039	8054	8090	8096
Из др. мест	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Без док-ов	193	193	193	194	199	201	209	209	212	212
Находится на пункте	95	77	87	60	70	118	114	147	91	73

Таблица 2. Динамика количества прибывших в Карагандинское облотделение эвакуопункта в феврале 1942 г. [4, л.40–57]

Прибыло	02.02	03.02	04.02	05.02	07.02	09.02	10.02	11.02	12.02	13.02	14.02
Всего	8555	8572	8577	8583	8590	8593	8600	8604	8603	8612	8612
Мужчин	2349	2355	2357	2360	2367	2369	2374	2376	2379	2381	2381
Женщин	3678	3682	3685	3687	3687	3688	3690	3692	3692	3694	3694
Детей	2528	2535	2535	2536	2536	2536	2536	2536	2536	2537	2537
Трудоспо- собных	5732	5741	5746	5750	5757	5760	5767	5771	5774	5777	5777
Из Москвы	338	338	338	338	338	338	339	339	339	339	339
Из Ленин- града	118	125	125	125	125	125	125	125	125	125	125
Из приф- ронтной полосы	8099	8109	8114	8120	8127	8130	8136	8140	8143	8148	8148
Из др. мест	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Без доку- ментов	212	214	215	216	217	218	219	221	221	222	222
Находится на пункте	116	284	49	176	12	11	37	26	16	11	12/54

Таблица 2 (продолжение). Динамика количества прибывших в Карагандинское облотделение эвакуопункта в феврале 1942 г. [4, л.24–39]

Прибыло	16.02	17.02	18.02	19.02	20.02	24.02	25.02	26.02	27.02	28.02
Всего	8612	8621	8622	8622	8622	8648	8648	8651	8651	8651
Мужчин	2381	2384	2385	2385	2385	2389	2389	2390	2390	2390
Женщин	3694	3699	3699	3699	3699	3708	3708	3709	3709	3709
Детей	2537	2538	2538	2538	2538	2551	2551	2552	2552	2552
Трудоспо- собных	5777	5785	5786	5786	5786	5798	5798	5800	5800	5800
Из Москвы	339	339	339	339	339	339	339	339	339	339
Из Ленин- града	125	126	126	126	126	127	127	127	127	127
Из приф- ронтной полосы	8148	8156	8157	8157	8157	8182	8182	8185	8185	8185
Из др. мест	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Без док-ов	222	222	222	222	222	222	222	222	222	222
Находится на пункте	9	9	3	нет	нет	32	4	3	8/24	5/26

Таблица 3. Динамика количества прибывших в Карагандинское облотделение эвакуопункта в марте 1942 г. [4, л.12–23]

Прибыло	02.03	03.03	04.03	05.03	06.03	07.03	09.03	10.03	11.03	12.03	13.03	14.03
Всего	8651	8658	8662	8662	8666	8673	8673	8673	8673	8673	8673	8673
Мужчин	2390	2393	2393	2393	2393	2394	2394	2394	2394	2394	2394	2394
Женщин	3709	3711	3712	3712	3716	3720	3720	3720	3720	3720	3720	3720
Детей	2552	2554	2557	2557	2557	2559	2559	2559	2559	2559	2559	2559
Трудоспо- собных	5800	5805	5806	5806	5810	5815	5815	5815	5815	5815	5815	5815
Из Моск- вы	339	339	339	339	339	339	339	339	339	339	339	339
Из Ленин- града	127	127	127	127	131	132	132	132	132	132	132	132
Из приф- ронтной полосы	8185	8192	8196	8196	8196	8202	8202	8202	8202	8202	8202	8202
Из др. мест	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Без доку- ментов	222	222	222	222	222	222	222	222	222	222	222	222
Находится на пункте	10	5	1	8	6	7	11	18	12	10	10	10

Таблица 3 (продолжение). Динамика количества прибывших в Карагандинское областное отделение эвакуопункта в марте 1942 г. [4, л.1–11]

Прибыло	16.03	17.03	18.03	19.03	20.03	21.03	23.03	24.03	25.03	26.03	27.03
Всего	8673	8673	8673	8673	8673	8673	8673	8673	8673	8673	8673
Мужчин	2394	2394	2394	2394	2394	2394	2394	2394	2394	2394	2394
Женщин	3720	3720	3720	3720	3720	3720	3720	3720	3720	3720	3720
Детей	2559	2559	2559	2559	2559	2559	2559	2559	2559	2559	2559
Трудоспо- собных	5815	5815	5815	5815	5815	5815	5815	5815	5815	5815	5815
Из Москвы	339	339	339	339	339	339	339	339	339	339	339
Из Ленин- града	132	132	132	132	132	132	132	132	132	132	132
Из приф- ронтной полосы	8202	8202	8202	8202	8202	8202	8202	8202	8202	8202	8202
Из др. мест	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Без доку- ментов	222	222	222	222	222	222	222	222	222	222	222
Находится на пункте	20	14	14	10	17	6	12	13	12	13	14

Количественный состав распределения эвакуированного населения представлен в таблице 4:

Таблица 4. Эвакуированное население по Тельманскому р-ну
на 20 января 1942 г. [5]

№	Наименование населенных пунктов и колхозов	всех семей	всех душ	В том числе		
				мужчин	женщин	детей
1	Нуринск	115	316	57	152	107
2	Токаревка	29	84	15	47	22
3	им. Ворошилова	9	37	5	18	14
4	им. Сталина	47	150	20	60	70
5	им. Орджоникидзе	31	82	19	50	13
6	Хлебороб	3	13	4	5	4
7	им. Доскея	6	16	7	3	6
8	Трудовик	12	37	7	13	17
9	им. Молотова	6	13	3	7	3
10	Эдази	18	34	17	10	7
11	Красный Октябрь	20	55	6	26	23
12	Красная Заря	9	32	9	16	7
13	Пробуждение	13	27	7	13	7
14	Жана-Талай	6	24	3	9	12
15	Актюбе	7	18	3	10	5
16	им. Сталина	3	11	2	6	3
17	Тегиз-жол	1	3	2	1	-
18	Красная Нива	8	30	7	12	11
19	Арыктыкуль	22	53	12	16	25
20	Путь к социализму	2	7	1	3	3
	Всего	367	1042	206	477	359

В выписке из протокола заседания бюро Тельманского райкома партии от 13 февраля 1942 г. о выполнении постановления СНК и ЦК КП (б) К от 1 декабря 1941 г. «О размещении и трудоустройстве эвакуированного населения» отмечалось, что постановление отдельными руководителями сельсоветов и колхозов по району не выполняется, в т. ч., не ведется никакой работы по вовлечению эвакуированных в члены колхозов, не организованы кружки для изучения отдельных процессов сельскохозяйственных работ и знакомств с сельскохозяйственным инвентарем. В отдельных колхозах не созданы даже элементарные бытовые условия: колхоз «Арыктыкуль» (председатель т. Гладкий) не обеспечил группу одиночек-мужчин, эвакуированных из Бессарабии, совершенно раздетых, подходящими жилищными условиями, питанием и какой-нибудь одеждой, несмотря на то, что в колхозе имеется мануфактура и можно изготовить обувь из жесткого сырья; эвакуированной женщине с грудным ребенком гр. Кашеевой за невыход на работу прекратил выдачу хлеба; эвакуированный Таников, 17-ти лет, потерявший родителей, валяется в конторе, грязный, без присмотра и не используется на работе.

Руководство колхоза «Красная Заря» вместо проведения разъяснительной агитационной работы и разъяснения условий работы эвакуированному Кушниру, под предлогом, что председатель райисполкома его вызывает, отвезли с вещами и бросили в помещении райсовета.

Не организованы подсобные мастерские для использования специалистов, не везде регулярно работали бани и жаровые камеры и еще не функционировали детские сады и ясли для детей эвакуированных. Исходя из этого, райисполком и бюро райкома КП (б) К постановили, кроме выполнения прямых обязанностей председателями сельсоветов депутатов трудящихся, секретарями первичных парторганизаций, председателями колхозов и принятию ими необходимых мер о трудоустройстве и бытовом обслуживании эвакуированного населения, во всех колхозах организовать курсы для эвакуированного населения по изучению процессов сельскохозяйственных работ, а также ознакомлению с сельскохозяйственным инвентарем, используя для этого агрономов МТС и сельский актив. Наряду с этим вести агитмассовую работу по вовлечению эвакуированных в члены колхоза; учитывая, что большая часть трудоспособного населения не выходит на работу за отсутствием обуви, организовать в колхозах кустарным способом изготовление обуви из местного сырья и выдавать нуждающимся в счет будущих трудовых; принять меры к бесперебойной работе бань и жаровых камер, как необходимой профилактической меры против эпидемических заболеваний; проверить на местах и выявить виновников срыва организации детских садов и яслей; а также председателям сельсоветов и секретарям первичных парторганизаций лично участвовать в распределении товаров, полученных через сельпо для эвакуированных, чтобы в первую очередь получили крайне нуждающиеся [5, л.60].

В обращении начальника Астаховского известкового завода Наркомата путей сообщения (далее – НКПС) т. Балакина в августе 1942 г. к председателю Тельманского райисполкома т. Кузнецову, секретарю райкома КП (б) К т. Зяблицеву, военному комиссару Тельманского р-на т. Блохину, начальнику треста Сибтранстрой НКПС т. Горошкину прослеживаются те трудности и сложности, с которыми столкнулось руководство завода. Преодоление их становилось возможным только при согласовании всех указаний вышестоящих руководящих органов. Астаховский известковый завод с 1942 г. испытывал крайнюю нужду в рабочей силе. Несмотря на то, что продукция завода почти исключительно шла на удовлетворение нужд военных строек и потребность в известии с каждым днем войны возрастала, завод располагал только 30% необходимого минимума рабочих. На протяжении первой половины 1942 г. руководство завода добивалось

получения рабочих, но все усилия в этом направлении оставались безрезультатными, производство продолжало буквально задыхаться из-за недостатка рабочей силы. Только летом, благодаря содействию райисполкома заводу удалось перевести из колхозов эвакуированных работников известково-цементной промышленности Краснодарского края. Переброска и устройство на заводе работников и их семей обошлись очень дорого заводу, т. к. для перевозки из дальних колхозов приходилось неоднократно на несколько дней срывать лошадей и останавливать производство. Размещение эвакуированных также представляло громадные трудности вследствие того, что имевшаяся заводская жилплощадь занята семьями призванных на войну рабочих завода. Несмотря на все это, руководство завода вышло из положения и, разместив новоприбывших, начало разворачивать работу производства, попутно приступив к строительству жилого дома общежития. Руководство завода еще не успело организовать новых рабочих и наладить их работу, как пришло распоряжение о призыве их в трудовую армию и все проделанная работа и затраты по обеспечению производства минимумом рабочей силы совершенно пропали даром и, кроме того, в наследство заводу остались многочисленные семьи призванных, которых завод обязан снабжать продуктами и для которых должен выстроить жилые дома, т. к. из-за отсутствия жилплощади они размещены временно до наступления холодов. Такое положение уже имело место, когда на иждивении завода остались семьи призванных в трудовую армию немцев-москвичей.

Данное обстоятельство поставило завод в совершенно безвыходное положение, т. к. кроме всех перечисленных трудностей – это лишило завод последней возможности обеспечить необходимый минимум рабочей силы. Начальник завода т. Балакин обращался с убедительной просьбой о закреплении за заводом необходимого контингента рабочих из числа лиц призываемых в трудовую армию, а также просил начальника треста Сибтранстрой дать указание: «Каким образом выйти из создавшегося положения?» [5, л.129].

Даже, исходя из краткого изложения в настоящей статье далеко не всех вопросов, связанных с грандиозностью эвакуационных мероприятий, затрагивающих гражданское население, ощущается вся масштабность и сложность начального этапа Великой Отечественной войны, в той или иной трагической форме коснувшегося практически всех граждан Советского Союза.

1. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: энциклопедия / под ред. М.М. Козлова. – М., 1985.

2. Потёмкина М.Н. Органы руководства эвакуационным процессом: российский опыт Первой и Второй мировых войн / Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. – Челябинск, 2007.
3. Государственный архив Карагандинской обл. (далее – ГАКО). Ф.41. Оп.1. Д.5. Л.49.
4. Там же. Д.3.
5. Там же. Д.37.

Құсайынова І.М.

Халықтар эвакуациясы архив құжаттарында (1941–1942 жж.)

Бүгінгі күні мемлекеттердің көпшілігі көпұлтты сипатқа ие. Қазіргі күні Қазақстанда 130-дан астам ұлт өкілдері өмір сүреді. Соның ішінде 105-і Шығыс Қазақстанды мекендейді. Облысымызда 40-қа жуық этностың тарихын, мәдениетін, тілін және салт-дәстүрін сақтау, жаңғырту, зерттеу істерімен ШҚО сәулет-этнографиялық және табиғи-ландшафтық музейдің ғылыми-зерттеу бөлімдері қарқынды айналысып келеді. Қазақстан бойынша этнографиялық музейлердің арасында жалғыз аз санды этникалық топтарды зерттеумен айналысатын «Халықтар және аз санды этнотоптар этнографиясы» бөлімі 1989 ж. бері жұмыс істейді. Өскемен қаласының хақ ортасында, Қ. Қайсенов көшесінде (68), әртүрлі халықтардың ұлттық салт-дәстүрі және тұрмыс-тіршілігінен көркем көрініс беретін «Біз – Қазақстан халқымыз» атты тұрақты экспозициясы жұмыс істейтін корпусы орналасқан. Корпуста халықтар және аз санды этнотоптар этнографиясы бөлімінің безендірген 3 үлкен залы бар: «Орта Азия және Кавказ халықтары», «Кәрістер, қытайлар, моңғолдар», «Белорустар, марилер, чуваштар, татарлар, мордвалар, еврейлер, немістер, украиндар, поляктар».

Қазақстанның көпұлтты мемлекетке айналуына көптеген факторлар әсер етті. Соның бірі Ұлы Отан соғысы кезінде, ірі масштабтылығымен жәнеқысқа мерзімділігімен дүние жүзіне әйгілі болған, КСРО территориясында өмір сүрген халықтарды көшіру, яғни эвакуациялау процесі. 1941 ж. Кеңес үкіметі неміс әскерлерінің соғыс ашу мүмкіндігін сезсе де 22 маусымда соғыс басталған сәтте не істерін білмей қалды. Неміс әскерлері соғыстың бірінші күні КСРО территориясына 60 км еніп, соғыстың басында екпінділігін арттырып отырды. Көптеген КСРО жерлері және экономикалық аудандары немістердің қолында қалып қойды. Тек 24 маусым күні ғана КСРО халық комиссарлары кеңесінің жанынан Н.М. Шверник басқарған «Эвакуация жөніндегі кеңес» құрылды. Бұл мекеме фашистердің басып алуы қаупі туған жерлерден өнеркәсіп орындарын, мекемелерді және тұрғындарды шығысқат қарай көшіру мәселесімен айналысты.

Бұл мекеменің ұйымдастыруымен және КСРО-ның сол кездегі қатан тәртібімен қыруар жұмыс атқарылды. 1941 ж. шілде–қараша айларының өзінде 1523 өндіріс орны және 12 млн адам шығысқа қарай эвакуацияланды [1].

Соғыс кезіндегі халықтардың тағдыры, тартқан қасіреті туралы бізге адамдардың әңгімесі немесе архивке тапсырылған құжаттар ақпарат береді. Қазіргі күні Қазақстанның әрбір өкілі соғыс жылдарының тарихын, мысалы, біздің елге адамдарды жаппай көшірудің егжей-тегжейін біле бермейді.

Жедел тәртіппен басталған эвакуациялау процесі КСРО-ның оңтүстік-батыс аудандарынан, сондай-ақ Мәскеуден және басқа да фронт маңындағы облыстардан Қазақстанға екі ағынмен келді: 1941 ж. қазан–қараша айларында және 1942 ж. шілде–тамыз айларында.

1942 ж. бірінші қаңтарына Қазақ КСР-не 381 260 адам келді, оның ішінде: фронт маңындағы жолақтан 291 355, Ленинградтан – 6198, Мәскеуден – 14 518, әйелдердің жалпы санынан – 145 мың, балалар – 135 мың болды [2]. Соғыс қарсаңында РКФСР-ден – 10 941, УКСР-ден – 6620, БКСР-ден – 5159, Литва КСР-ден – 231, Латвия КСР-ден – 294, Эстония КСР-ден – 158, Молдавия КСР-ден – 113, Қырым АКСР-нен – 11 181 және КСРО-ның басқа аймақтарынан Қазақстан жеріне 181 ұлт өкілдері көшірілді.

Бүгінгі таңда қозғалатын мақсатты тақырып Ұлы Отан соғысы жылдарында соғыс алаңынан Шығыс Қазақстанға эвакуацияланған халықтардың тарихы қарастырылады. Олардың халық шаруашылығына тартылуы және олардың жергілікті халықпен арадағы қарым-қатынасы талданады. Кеңес органдары мен партияның эвакуацияланған халықтарды орнықтыру, жұмыспен қамтамасыз ету басты мақсатына айналды. 1942 ж. еңбекке жарамды 160708 адамды ұжымшарлар мен совхоздарға, 1280 адам машина-трактор станциясына, 36 мыңға жуық адам өндірістік кәсіпорындарға жіберілді. Шығыс Қазақстан Облысы бойынша эвакуациялау басқарманың уәкілетті орынбасары Буравцев мырзаның 1942 ж. берген мәліметі көрсетілген [3].

Наименование районов	План вселения эвакуир. и переселенцев чел.	Кол-во семей	Треб. выстроить жил площади при норме 4 кв. м. на семью	Потребуется средств	К-во индив. застр.	Требуется средств	Требуется выстр. столовых	Потребуется средств.
Шемонайхинский	5300	1325	10 000	400 000	50	250 000	1	50 000

Верх-Убинский	3700	925	8000	320 000	–	–	–	–
Предгорненский	4500	1125	10 000	400 000	25	125 000	1	50 000
Таврический	1000	250	2000	80 000	–	–	–	–
Кировский	5600	1400	12 000	480 000	25	125 000	1	70 000
Уланский	2200	550	4000	160 000	25	125 000	–	–
Бухтарминский	5100	1275	9000	360 000	–	–	–	–
Зыряновский	7300	1825	15 000	600 000	50	250 000	1	70 000
Больше-Нарымский	5400	1350	10 000	400 000	–	–	–	–
Самарский	5600	1400	12 000	480 000	25	125 000	–	–
Курчумский	4500	1125	8000	320 000	25	125 000	–	–
Лениногорский	2200	550	6000	240 000	50	250 000	–	–
Усть-Каменогорск	6000	1500	12 000	480 000	100	500 000	1	100 000
Итого	58400	14600	118 000	4 720 000	375	1 875 000	6	370 000

1942 ж. Шығыс Қазақстан облысында қарамағына 584 00 адам сиятын 118 мың шаршы м. тұратын жатақхана салынды. Адам басына шаққанда 4 шаршы м. келді. Эвакуациялық пункт ұжымына келгендерді қабылдап, санитарлық тазалаудан өткізіп, жұмысқа тұрғанша жатақханамен қамтамасыз ету жұмысы тапсырылды.

Эвакуацияланғандар туралы мәлімет беретін анықтама бюросы ашылды және эвакуацияланғандардың көп болуына байланысты облыстағы эвакуацияланғандарды тіркеп, орналастырып жұмысқа тұрғызу жұмысымен айналысатын Облыстық кеңестің атқару комитеті жанынан эвакуацияланған халықты қабылдау бөлімі құрылды. Эвакуацияланғандардың көбісі жолға көп жағдайда дайындықсыз шыққандықтан аштыққа душар болғандар көп болды. Солар үшін облыста 6 тамақтанатын асханалар ашылу жоспарланып, 370 мың рубль бөлінді.

Өскемен қ. Коммунистік Партияның Облыстық комитеті Столбушкин мырзаның Самар ауданы бойынша 1941 ж. берген баяндамалық жазбасында:

«Жолдас Рванцевтің тапсырмасы бойынша Самар ауданының 6 колхозын тексердім және ауданға қоныс аударушы-немістер мен көшірілген азаматтарды қабылдау, орналастыру және жұмысқа тұрғызу мәселесі бойынша аудандық 6 ұйымдастыру шараларын қадағаладым. Тексеру кезінде мыналар анықталды: 1. Самар ауданына

3600 неміс қоныс аударды. Оның ішінде 820 ер, 1257 әйел, 16 жасқа дейінгі бала саны 1537. Көшірілген (эвакуацияланған) адам саны 792, соның ішінде 202 ер, 333 әйел, 16 жасқа дейінгі бала саны 257. Бұлар келесі пункттер бойынша орналастырылды; «Үлгілі малшы» совхозына, Күлжім кен басқармасы, Калбаредмет және аудан орталық мекемелеріне 1084 неміс, оның ішінде 250 ер, 371 әйел, 461 жасөспірім, 58 көшірілген адамдар, оның ішінде 10 ер, 24 әйел, 24 жасөспірім. Қалған 3257 адам ауданның 26 колхозына орналастырылды. Орналастыру және жұмыспен қамтамасыз ету барысында үштік комиссия құрылды. Олар кадрлар бойынша хатшы жолдас Жулев, Атқару комитетінің хатшысы Казанцева және милиция басшысы Реморенко. Үштік комиссия өз жұмыстарын қанағаттандырлықсыз атқарды. Көшірілген халықты кемежайдан тосып алып, пәтерлеріне шығарып салумен ғана аяқталды. Қонысаударушыларға жұмыспен, азық-түлікпен, киім-кешекпен қамтамасыз ету, балаларды мектепке орналастыру, медициналық көмек көрсету, санитарлық тазалық жүргізу, қызыләскерліктердің отбасына көмек көрсетуді үштік комиссия өз міндеттеріне санамады. Мысалы, Стасия колхозында көшіп келген 56 адам өте нашар жағдайда тұрып жатыр. Соның ішінде Қызыләскерлік 8 адамнан тұратын отбасы бар. Бессарабиядан қоныс тепкендерге, колхоз күніне балаларға 300 грамм нан, жарты литр сүт, ересектерге 700 грамм нан беріп тұрды. Ашыққан халық үлкен наразылықтар туғызды. 1, 2, 3-ші сыныптарда оқитын 5 еврей ұлтының баласы аяқ-киімнің жоқтығынан мектепке барудан бас тартты. Бұл еврей ұлтының адамдары ауылшаруашылығында жұмыс істеп көрмеген, колхоз оларды жұмыс істеуге шақырды, бірақ олардың жұмысын ешкім елемеді және үйретпеді. Нәтижесінде олардың жағдайы одан сайын нашарлай түсті, сондықтан колхоз басқармасында және партия ұйымында барлық жағдайды түзетуге мәжбүр еттім. Бүгінгі күні көптеген балалар қызылшамен ауыруда, өлім жағдайыда болуы да мүмкін, сонымен қатар басқа да жұқпалы аурулар таралуда. Аудандық денсаулық сақтау басқармасы ешқандай шара қолданбаған. Веницк және Житомирск облыстарынан Буденный Батинск колхозына көшірілген 64 адамнан тұратын еврей және украин ұлтының өкілдері, 2 қызыләскерлік отбасы жылы киімдермен, аяқкиімдермен қамтамасыз етілмеген. Араларында жұмысқа жарамсыз 1–3 жас аралығындағы 2 баласы бар партиялық әйелдер, кәрі аналар бар, оларға кохоз нан беруден бас тартқан. Николаевск облысынан Сталин атындағы колхозға көшірілгендер түгелдей еврей ұлтынан тұратын қалалық тұрғындар жұқа киімдермен келген,

жұмысқа киер киімдері болмаған. Қараш колхозында 5 шаршы м. екі бөлмелі пәтерге 35 неміс (18 үлкен адам, 17 бала) ұлтының адамдары орналастырылды, өте тар жер еденге қонуға мәжбүр», – деп соғыс алаңынан көшірілген әрбір ұлт өкілдерінің жағдайын көрсеткен [4].

Тағы басқа аудандарға көшірілген халықтардың орналасу және жұмысқа тұрғызуы жөніндегі анықтамалары мынандай:

Предгорненский ауданына 1941 ж. жоспарда 2500 немісті көшіру болса, 2000-ы ғана келді. 13-ші қарашада 1955 адам колхозға, 145-і Березовск кенішіне, 40 адам Алтайалтын конторына, 40 адам өнеркәсіп комбинатына, 12 адам аудандық коммуналдық шаруашылыққа орналастырылды.

Глубокое кентіне 230 неміс көшірілді, оның 65-і Ертіс мысбалқыту зауытына, 24 адам аудан орталығының мекемелеріне жұмысқа тұрғызылды. Аудан басшылығының хатшысы жолдас Казаковтың өтінішінде көшіп келген азаматтардың барлығы жұмысқа тұрғызылды деп көрсетеді.

Верх-Убинский ауданына Сталинградтан 1463 адам, Әзірбайжаннан 966 адам, Орлов облысынан 50, Харьковтан 47 адам көшірілді. Артельдер өнеркәсіптік комбинатына – 67 адам, 21-ші колхозға – 897 адам, МТС-ке (Машина-трактор станциясы) 23 адам, аудандық мекемелерде 69 адам жұмысқа тұрғызылды. Нәтижесінде 1056 адам жұмыс істейді. 53 адам (мамандандырылған) жұмыс істеуден бас тартты. 11 мұғалім, 13 медбике, 3 астық жөніндегі зертханашы, 1 астық технологы, 3 шаштараз, 7 аспазшы, 1 кинорадиотехникші, 8 наубайшы, 6 байланысшы өз мамандықтары бойынша талап етті. «Роте Факе» колхозынан 500 адам «Қазақстанға 10 жыл» атты колхозына орналастырды.

Сонымен қатар Больше–Нарымский ауданына 4000 неміс және 1400 басқа ұлт өкілдері көшірілді. Бұл ауданның төмендегідей колхоз және ұйым атауларына эвакуацияланған халықтар өкілдері орналасты:

№	Наименование колхозов и организации	Эвакуированные	Немцы
1	им. Молотова	48	
2	«13 лет октября»	40	
3	им. Кирова	28	
4	«Красный партизан»	40	
5	им. Чапаева	40	
6	им. Пушкина	40	
7	им. Фурманова	40	
8	«III Интернационал»	8	

9	им. Сталина	80	
10	«Красный Пахарь»	–	30
11	им. Кагановича	80	
12	им. Орджоникидзе	60	
13	Болгинды	–	30
14	«Коктерек»	40	
15	«Заря»	–	20
16	«21 год РККА»	48	
17	«Кызыл ту»	20	
18	«Жанатол»	–	40
19	«2-я пятилетка»	80	
20	«Барикады»	80	
21	им. Жданова	60	
22	«Пламя революции»	100	
23	«Ильич»	32	
24	«Новая жизнь»	40	
25	«Большевик»	40	
26	«Муравей»	40	
27	им. Буденного	20	
28	«Красная поляна»	20	
29	«Красный Восток»	–	40
30	им. Ленина	40	
31	«Партизан»	–	40
32	«Промкомбинат»	–	100
33	Рудуправление	–	400
34	Сенное кустпром	–	120
35	Ударник 2-й пятилетки	40	
	Итого	1400	820 (дополнительно)

Таврия ауданына 1046 адам көшірілді. Еңбекке жарамды 243 ер, 352 әйел, 16 жасқа дейінгі балалар саны 451. Өнеркәсіпке 50 адам, МТС-ке 136, 13 колхозға 821 адам, өнеркәсіптік артелдерге 23, аудандық мекемелерге 20 адам орналастырылды. 92 маман бар, соның ішінде әртүрлі бағыттағы инженерлер 5 адам, слесарь 18, токарь 5, жүргізуші 10, медициналық қызметкерлер 5, ветеринарлық қызметкерлер 1, плотник-столяр 18, мұғалімдер 12, ұсталар 6, тігінші 8, етікші 4 адам. Бұлардың бәрі өз мамандықтарымен жұмысқа орналаса алмағандықтан, колхозда жұмыс істеуге мәжбүр. Суықтың түсуімен алдағы уақытта эвакуацияланған тұрғындарды орналастыру қиынға соғады. Колхоздар аудан орталығынан 23–80 км аралықтарында шашыраңқы орналасқан. Қозғалыс, көлік қарым-қатынасы нашар ұйымдастырылған.

Колхоздарды мынандай бағытта орналастырды: Таврияға 100 адам МТС-ке, колхоз, мекемелер артельдер орналастырылды, теміржолдан станцияға дейін 25 шақырым. Усть-Каменогорск совхозына 200 адам,

23 шақырым қашықтықта орналасқан. Совхоз жолына 50 адам қоныстанды, аудан орталығынан 50 шақырым қашықтықта алыс орналасқан, Роза Люксембургте 50 адам қоныстанды, теміржолдан 70 шақырым қашықтықта орналасқан. «Жаңа өмір» колхозына 20 адам қоныстанды, аудан орталығынан 80 шақырым қашықтықта; Тельман атындағы колхоз 30 шақырым қашықтықта орналасқан, 20 адамды қабылдады. «Восход» 20 шақырым қашықтықта орналасқан. «Проводник» 70 шақырым қашықтықта орналасқан, 40 адамды қабылдады. Сонымен барлығы 500 адам орналасты.

Бұқтырма ауданында жоспар бойынша қоныс аударушы немістер 3100, эвакуацияланған халықтар 2900 адам болу керек. Бірақ 1941 ж. 15 қарашада 2640 неміс қоныстандырса, эвакуацияланған халықтардан 15 отбасы ғана келді. 60 адам өз туысқандары мен таныстарына орналасты. Тағы 2140 көшіріліп әкелінді, олар 24 колхозға орналастырылды. Орналастырылмаған 1160 адам қалды [5].

Қорытындылай келсек, Ұлы Отан соғысы басталысымен, Кеңес елінде адамдардың өмірін сақтау және өндірістің жұмыс істеуіне жағдай жасау мақсатында халық пен материалдық құндылықтарды төтенше жағдайлар аймақтарынан және зақымдау құралдары қолданылуы мүмкін аудандардан ұйымдасқан түрде шығару, яғни эвакуациялау процесі бірден қолға алынды. Эвакуациялау процесі Қазақстанда 1941–1942 жж. іске асырылды. Жалпы Қазақстанға 381260 адам соғыс алаңынан көшірілді. Соның ішінде Шығыс Қазақстанға 58 мыңнан артық адамдар көшірілді. Ұлтына, нәсіліне қарамастан соғыс алаңынан барлық халықтар аластатылғанын көруге болады. Сондай-ақ архив құжаттарына назар салып қарайтын болсақ, көшірілген халықтардың арасынан неміс ұлтын ерекшелікпен қадағалағанын байқауға болады. Себебі неміс фашизміне қарсы соғыс жүріп жатқандықтан, КСРО еліне қатысты ақпараттар тасымалдамау үшін ерекше назарда ұстағаны анық. Жалпы эвакуациялау процесі халық үшін өте ауыр жағдайда өтті. Жұмыссыздық, киім-кешектің жоқтығы, Шығыс Қазақстанның ауа-райының қолайсыздығы, баспананың және азық-түліктің жетіспеушілігі халықтың өмір сүру жағдайын төмендетті. Сонымен қатар жұқпалы індеттер, медицинаның төмен дәрежелілігі қаншама халықтың, әсіресе балалардың өліміне әкеп соқты. Сондықтан қанша халық қоныстанды, қандай ұлт өкілдері, саны бойынша толыққанды мәлімет жоқ. Сонымен қатар эвакуацияның оң әсері де болды. Неміс фашисттерінен өнеркәсіптер, мәдени орындар, т.б кәсіпорындардың жойқындауынан сақтап қалды, қаншама халықтың өмірін сақтап қалды.

1. Великая Отечественная Война 1941–1945. М., Политиздат 1985, – 559 б.
2. Электрондық ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/v/evakuatsiya-sovetskogo-naseleniya-v-kazahstan-1941-1942-gg> (Қаралған күн 18.09.2018 ж.)
3. ШҚОММ. 1 П қ. 1 т. 777 іс. 77 п.
4. Сонда. 54–57 п.
5. Сонда. 60–70 п.

Аннотация

Автор освещает деятельность Восточно-Казахстанского обрисполкома по размещению и трудоустройству эвакуированного населения. Обращается внимание на социальную адаптацию, отношения между местными и эвакуированными. Приводятся данные об открытии столовых, строительстве общежития и пр.

Черная Е.Б.

Из истории Карагандинского эвакуационного пункта

(июль 1941 г. – март 1942 г.)

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. вызвала перестройку всех органов управления народным хозяйством, выразившуюся в усилении его централизации в соответствии с интересами обороны страны. Необходимо было в кратчайший срок перевести всю промышленность на выпуск военной продукции, обеспечить бесперебойное снабжение действующей армии вооружением, боеприпасами и другими средствами военного обеспечения. Для этого потребовалось в кратчайшие сроки провести перебазирование промышленности с запада на восток, эвакуировать людей в глубокий тыл.

24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации при ГКО СССР в составе Н.М. Шверника и его заместителя А.Н. Косыгина, в октябре 1941 г. – Комитет по эвакуации продовольственных запасов, промышленных товаров и предприятий промышленности. 27 июня 1941 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», 5 июля 1941 г. оно было дополнено постановлением «О порядке эвакуации населения в военное время». В этих документах были определены задачи и объекты эвакуации: перемещению на восток в первую очередь подлежали квалифицированные кадры рабочих, ИТР, служащие, дети, старики, женщины, молодежь. В конце декабря 1941 г. Совет и Комитет по эвакуации были объединены, и было создано Управление по делам эвакуации при СНК СССР. Подведомственная сеть вновь созданного Управления состояла из уполномоченных, которые имелись в основных районах размещения эвакуированных, и на местах – эвакуопунктов [1, с.200].

7 июля 1941 г. был создан Карагандинский эвакуопункт [2, л.126], который подчинялся исполкому Карагандинского областного Совета депутатов трудящихся. Штатная численность эвакуопункта составляла 7 чел., но фактически работа была начата 3 сотрудниками – начальник, заместитель, завхоз [3, л.147]. Первым начальником эвакуопункта был назначен Шарипов Зейнеш Рамазанович, работавший до этого в Карагандинском облфинотделе, вскоре он был переведен секретарем Дзезказганского райкома Компартии (большевиков) Казахстана. С 19 августа 1941 г. должность начальника эвакуопункта занял Багрянцев Николай Гаврилович, ранее работавший начальником отдела кадров треста «Карагандауголь» [4, л.121]. Заместителем начальника по медчасти являлся Марусин Павел Матвеевич [5, л.31]. Эвакуопункт располагался в г. Караганде, в Старом городе по адресу: ул. Шмидта, 26 (в здании бывшего аэроклуба).

Основная задача эвакуопункта состояла в приеме эшелонов с эвакуированным населением, временном размещении людей, снабжении их питанием, оказании медицинской помощи и последующем направлении к месту постоянного поселения. Прием эвакуированного населения осуществлялся на ст. Караганда–Угольная, здесь же были организованы санпропускник, буфет. Затем на дежурном транспорте эвакуированных временно размещали в общежития эвакуопункта, для которых были приспособлены следующие помещения: клубы шахт №1, 2, 18, 20, им. Джамбула; милиции, детской станции, ст. Сортировочная, Дом отдыха Союза угольщиков [3, л.144]. Дежурным транспортом эвакуопункт должны были обеспечивать областные организации в соответствии с графиком, по которому каждая организация должна была предоставлять свой транспорт в течение 5 дней ежемесячно [3, л.32].

Первые 83 эвакуированных из гг. Москва, Киев, Могилев прибыли в Караганду 2 августа 1941 г. [6, л.128]. Для их регистрации и учета к эвакуопункту были прикреплены 16 регистраторов – в основном женщины-комсомолки, работники районных учреждений Сталинского р-на г. Караганды [3, л.146]. Начиная с 15 августа 1941 г. в ежедневных справках о прибытии эвакуированных появляется графа «эвакуированные из прифронтной полосы», в первый день прибыло 253 чел., в т. ч., из прифронтной полосы – 152 [6, л.120]. Эвакуированные прибывали из гг. Харькова, Полтавы, Кривого Рога, Одессы, Бобруйска, Днепродзержинска, Слуцка, Белостока, Севастополя, Витебска, Куйбышева, Смоленска, Саратова, Рассказово, Иваново и др.

Первые месяцы эвакуации были наиболее сложными, т. к. не хватало работников, помещений, оборудования, кроватей и одеял. В июле 1941 г. начальник эвакуопункта рассылает письма с просьбой о помощи в обустройстве эвакуопункта: начальникам шахт – о ремонте помеще-

ний для эвакуированных, в облторг – о предоставлении хлопчатобумажной ткани, шерстяных одеял, в райздравотдел – о направлении медработников, в облместпром – о предоставлении матрацев и подушек [3, л.74]. В связи с массовым прибытием эвакуированного населения в сентябре–ноябре 1941 г. встал вопрос о предотвращении эпидемий. 10 сентября 1941 г. при эвакуопункте был развернут изолятор, который разместился в здании бывшей акушерской школы [3, л.88]. До 20 сентября 1941 г. изолятор не был укомплектован дезинфекторами, санитарями, поэтому врач Марусин обратился с просьбой к начальнику эвакуопункта принять на эти должности спецпереселенцев [3, л.70], в ноябре изолятор был передан в ведение облздравотдела.

Для размещения эвакуированных было решено обустроить временные помещения при железнодорожных станциях Осакаровка, Нуринск, Жарык, Жана-Арка, Бертыс, обеспечить бесперебойное снабжение кипятком на станциях Анар, Осакаровка, Шокай, Дарья, Караганда-Сортировочная, горячим питанием; для предотвращения эпидемических заболеваний организовать на станциях изоляторы для больных [7, л.6].

Вопрос о приеме и размещении эвакуированного населения рассматривался на заседаниях бюро Карагандинского обкома КП (б) К. Так, 15 сентября 1941 г. отмечалось, что эвакуопункт не подготовлен к зимним условиям, не проведен ремонт занимаемых им помещений, с приезжающими гражданами не налажена разъяснительная работа, имеются случаи задержки эвакуированных на эвакуопункте ввиду неоперативной работы исполкомов и переселенческого управления [8, л.17].

Время пребывания на эвакуопункте ограничивалось 5-ю днями, на этот же период, т. е. до 5 дней, выдавались разовые талоны на хлеб по норме иждивенцев, что составляло 400 г. Следует отметить, что 8 ноября 1941 г. было принято совместное решение Карагандинского облисполкома и обкома КП (б) К «О введении продовольственных карточек на хлеб, сахар и продовольственные товары в городах и рабочих поселках области» [9, л.178]. Карточки, которые выдавались через эвакуопункты, были рассчитаны на число эвакуированных, и эвакуопункты отчитывались перед карточно-учетными бюро [10, л.33]. Также на эвакуопункте было организовано двухразовое горячее питание, так в январе 1942 г. было выдано талонов на завтрак и обед в количестве 4282 штук [10, л.23].

В период с 13 по 19 октября 1941 г. на эвакуопункте находилось 1114 человек [10, л.65]. 16 октября 1941 г. Карагандинский горком КП (б) К принял постановление «О размещении и трудоустройстве эвакуированных», в котором отмечалось, что размещение эвакуирован-

ных идет крайне медленно, особенно по Сталинскому р-у г. Караганды, предлагалось до 19 октября всех обустроить [11].

Причины задержек по размещению и трудоустройству эвакуированных (до 20 дней) были различны: болезнь членов семьи, нежелание выехать для трудоустройства в район, задержка с отправкой в район со стороны переселенческого отдела. Иногда задерживался сам процесс разгрузки по причине неподачи транспорта. Так, например, 21 ноября 1941 г. выгрузка 8-ми вагонов, в которых находилось 215 чел., продолжалась 12 часов – с 8 часов утра до 8 часов вечера, т. к. была задействована только одна машина.

До ноября 1941 г. ни одного агитатора на пунктах, где размещались эвакуированные, не было, и никто с ними никакой работы не проводил. Только 21 ноября 1941 г. на пункте появились 3 агитатора, информировавшие эвакуированных по насущным проблемам [3, л.15 и об.].

18 ноября 1941 г. Карагандинский обком КП (б) К принял постановление «О приеме, размещении и трудоустройстве эвакуированного населения», в котором был определен план распределения эвакуированного населения по районам и городам области. Из сельских районов наибольшее количество – по 4000 чел. – предполагалось разместить в Осакаровском и Тельманском районах, в г. Балхаше – 7500, Караганде – 42 200 чел. [7, л.77].

Кроме того, были отмечены недочеты в приеме и распределении эвакуированного населения и предлагались пути их решения. Для того чтобы разместить прибывших в максимально короткие сроки, обком обязал исполкомы районных, поселковых и аульных Советов немедленно взять на учет всю жилплощадь, заранее предупредить жильцов, что к ним будет помещено эвакуированное население, систематически проверять наличие свободной площади.

Предписывалось взять на учет вакантные должности по районам, обратив особое внимание на первоочередное предоставление работы членам семей военнослужащих, специалистам, остальных также рекомендовалось трудоустроить в 3-дневный срок [7, л.5].

В госархиве Карагандинской обл. в 1941–1943 гг. работали эвакуированные харьковчане – Шопина Софья Сидоровна – начальник Отдела государственных архивов, трудившаяся до эвакуации начальником Харьковского облгосархива, Бендюкова Ольга Порфирьевна, Посметная Зинаида Александровна – архивно-технические работники [12]. Всего за период деятельности эвакуопункта с июля 1941 г. по март 1942 г. было принято 8673 чел., из них: мужчин – 2394, женщин – 3720, детей – 2559; из Москвы – 339 чел., из Ленинграда – 132, из прифронтовой полосы – 8202 чел. [6, л.38]. Основной поток эвакуи-

рованных приходится на 1941 г. – всего 7518 чел., особенно на октябрь 1941 г. Если за июль–сентябрь 1941 г. поступило 430 чел., то только с эшеломом от 13 октября 1941 г. – 619 чел. Это было максимальное количество за весь период [6, л.69], с эшеломом от 3 ноября 1941 г. из Тулы поступило 446 чел. [6, л.60]. В период с 22 по 30 ноября 1941 г. отмечается неорганизованное прибытие – 588 чел. Эвакуационный пункт составлял два вида справок – ежедневную о количестве прибывших в конкретный день, и ежедневную с нарастающим итогом с общим количеством прибывших. С 7 марта 1942 г. в ежедневных справках графа «прибытие» не заполняется, и последняя справка с нарастающим итогом помечена 27 марта 1942 г. [13].

Как только поток эвакуированного населения иссяк, и задача перемещения населения из прифронтовых районов в тыл была решена, эвакуационный пункт прекратил свою деятельность, и его функции были переданы отделу по хозяйственному устройству эвакуированного населения при Карагандинском облисполкоме.

Документы архивного фонда № 41 «Карагандинский эвакуационный пункт исполкома Карагандинского областного Совета депутатов трудящихся» были востребованы в 1990 гг., когда поступило наибольшее количество запросов от граждан о подтверждении факта эвакуации. В последнее время количество запросов незначительно, интерес к документам проявляется со стороны исследователей, изучающих историю Великой Отечественной войны.

1. Цикулин В.А. История государственных учреждений СССР. 1936–1965 гг. Учебное пособие – М., 1966. – 356 с.
2. Государственный архив Карагандинской обл. (далее – ГАКО). Фонд П-1. «Карагандинский областной комитет Коммунистической партии Казахстана». Оп.1. Д.80. Л.26.
3. Там же. Ф.41. Оп.1. Д.1. Л.147.
4. Там же. Л.121; Д.5. Л.17–19.
5. Там же. Д.4. Л.31.
6. Там же. Д.2.
7. Там же. Ф.П-1. Оп.1. Д.85.
8. Там же. Д.83.
9. Там же. Ф.144 «Карточное и контрольно-учетное бюро Караг.обл.» Оп.1. Д.2.
10. Там же. Ф.41. Оп.1. Д.6. Л.33
11. Там же. Ф.П-3. «Карагандинский городской комитет Коммунистической партии Казахстана» Оп.1. Д.151. Л.36 и об.
12. Там же. Ф.350. «Управление архивов и документации Карагандинской области». Оп.1. Д.45. Л.17.
13. Там же. Ф.41. Оп.1. Д.3. Л.1.

**«Эвакуация в Западно-Казахстанскую обл.
в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»**

В рамках реализации статьи Главы Государства Казахстана Н.А. Назарбаева, направленной на модернизацию общественного сознания, сохранения и приумножения духовных и культурных ценностей – «Рухани жаңғыру», Государственным архивом Западно-Казахстанской обл. подготовлен сборник документов по Эвакуации в честь Великой Победы 1945 г., под названием «Эвакуация в Западно-Казахстанскую область в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Сборник составлен на основании документов, хранящихся в Госархиве. Цель – просвещение и ознакомление общественности с историей эвакуации во время Великой Отечественной войны, духовно-нравственное воспитание и привитие уважительного отношения к истории родного края. Так же расширение возможности исследования и выявления архивных документов, касающихся темы эвакуации.

Одна из главных и масштабных операций Великой Отечественной войны – массовая эвакуация коснулась и Западно-Казахстанского региона. С самых первых дней войны, когда значительная часть территории СССР была захвачена войсками фашистской Германии, ЦК ВКП (б) и Совнарком СССР приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Был создан Совет по эвакуации, занявшийся разработкой порядка и очередности перевозок, начала разворачиваться сеть эвакуопунктов для обеспечения людей питанием и медицинским обслуживанием. Об этом свидетельствует Постановление Западно-Казахстанского обкома КП (б) К от 1 октября 1941 г. [1].

В Уральск из прифронтовых районов эвакуировались заводы с оборудованием, семьями рабочих, военные училища, госпитали, ряд различных военных организаций, громадное количество эвакуированного населения. Облисполком вел повседневную оперативную работу по устройству эвакуированного населения, скорейшего пуска заводов. Вопросы сельского хозяйства в работе Советов занимали одно из важнейших мест, уделялось внимание организационно-массовой работе.

Осенью 1941 г. в г. Уральск стали прибывать эвакуированные с запада люди и предприятия. Всего за первые годы войны в область прибыло приблизительно около 62 000 чел. Так же стали прибывать эвакуированные детские дома из гг. Харькова, Полтавы и других мест.

В соответствии с постановлением СНК КазССР от 27 августа 1941г. районные сельские и аульные Советы области перестроили свою работу на военный лад. Указание СНК КазССР об организации в г. Уральске Эвакопункта со штатом в 32 единицы было подтверждено решением Западно-Казахстанского облисполкома от 31.10.1941 г.

На эвакуационные пункты возлагались следующие основные обязанности: прием и регистрация эвакуируемого населения; обеспечение помещением и питанием; проведение политико-массовой работы среди эвакуируемого населения на эвакопунктах; медико-санитарное обслуживание; выявление и изолирование всех больных и подозрительных по острозаразным заболеваниям; осуществление санитарно-профилактических мероприятий:

а) санитарная обработка (мытьё в бане и дезинфекция одежды);

б) производство прививок против острых желудочно-кишечных заболеваний и оспы;

в) проведение других мероприятий, соответствующих характеру эпидемических заболеваний;

г) организация погрузки эвакуируемого населения для дальнейшего направления по железнодорожным и водным путям.

На 1 января 1942 г. было размещено по области 37 958 чел., из них взято по фамильному учету 20 541 чел.

Большинство эвакуированного населения в область прибыло из Украины и Белоруссии, всего из 64 областей. Многие прибыли неорганизованным порядком: пассажирскими поездами, эшелонами погрузкой из г. Саратова, Владимирской пристани Рязано-Уральской железной дороги.

Все эвакуированные были обеспечены жильем за счет свободных жилых помещений и уплотнений жилой площади местного населения, как в городе, так и по районам.

По городу были предоставлены квартиры и комнаты 5604 семьям эвакуированного населения, отпущено топлива 4435 семьям в количестве 14 603 куб. м дров.

В районах эвакуированное население было размещено по колхозам, совхозам, МТС и районным центрам.

Из общего количества эвакуированных, прибывших в область, трудоспособных насчитывалось около 20 000 чел. Из них были размещены и работали на промышленных предприятиях 1702 чел., на железнодорожном транспорте 800 чел., в МТС 25 чел., в колхозах 3377 чел., в совхозах 977 чел., в прочих организациях и учреждениях 964 чел.

Часть эвакуированных граждан физически здоровых не могли выйти на работу в колхозы по причине отсутствия обуви и одежды, в

особенности прибывшие из Бессарабии. Некоторые эвакуированные не были устроены на работу по причине болезни [2].

Это видно из отчета Уполномоченного Управления по эвакуации населения по Западно-Казахстанской обл. по состоянию на 1 января 1942 г.: большинство эвакуированных не были обеспечены жильем, теплой одеждой, медикаментами, продуктами питания. К примеру, по Зеленовскому р-ну в колхозе «День Красной армии» одна семья эвакуированного в составе 2 чел. была вселена в сарай, без печей, в топливе им было отказано. По Чингирлаускому р-ну все эвакуированные размещены по квартирам, некоторые квартиры являются сырыми – заменить которые было невозможно, т. к. лучшего жилья в колхозах попросту не было.

После вмешательства Западно-Казахстанского обкома партии эвакуированные были переселены в более-менее оборудованные помещения и обеспечены топливом.

В соответствии с решением СНК КазССР и ЦК КП (б) К от 4 ноября 1941 г. была создана областная комиссия и намечены мероприятия по улучшению размещения и по трудоустройству эвакуированного населения.

При городском Совете и райисполкомах были созданы комиссии, которые выявляли особо нуждающихся и организовывали необходимую материальную помощь. По неполным данным по области было оказано денежной помощи свыше 1000 эвакуированным семьям на сумму 135 тыс. руб.

В большинстве колхозов эвакуонаселение было обеспечено продуктами питания: хлебом, жирами; дети – молоком.

По медицинскому обслуживанию эвакуонаселения при вокзалах и станциях были организованы дежурства медработников, больным оказывалась медицинская помощь на месте, вели прием и больницы. Для обслуживания проходящих эшелонов с эвакуонаселением было выделено медикаментов на сумму 120 тыс. руб. В г. Уральске дополнительно было открыто корьево-скарлатинное отделение. В ряде районов была расширена сеть больничных коек; приняты меры по улучшению санитарно-противоэпидемических работ: санобработка, организация бань, санпропускников, выезд медработников в районы, в колхозы по оказанию помощи по медобслуживанию.

На 1 января 1943 г. прибыло и размещено в области эвакуированного населения – 40708 чел., в т. ч. размещено в городе – 12059 чел. Всего трудоспособных – 27807 чел. Из них устроено на работу – 818 чел. В колхозах – 15832 чел., совхозах – 1287, МТС – 445, промпредприятиях – 5855, промкооперации – 1276, в прочих организациях – 866 чел.

Все эвакуанаселение было обеспечено жилищной площадью за счет свободных помещений и уплотнения жилищной площади в городе и на селе.

В г. Уральске городским жилищным управлением было предоставлено эвакуанаселению 6604 квартир и комнат. Отпущено топлива (хворост) 5425 семьям. Летом была организована самозаготовка дров по организациям, предприятиям. В сельской местности эвакуированное население обеспечивалось топливом наравне с колхозниками. Правления колхозов и сельсоветы оказывали им помощь в этом вопросе в первую очередь.

На 1 декабря 1943 г. по области, в сельской местности контингент эвакуанаселения составлял 31 620 чел., по городу – 8920 чел., остальное эвакуанаселение выбыло из ЗКО в порядке реэвакуации.

Возвращающимся на родину в отдельных случаях, крайней нужды, оказывалась денежная помощь из средств, отпущенных для эвакуанаселения. Всего в 1943 г. отпущено денежных средств для помощи эвакуанаселению 83 тыс. руб., из них выслано в районы области 64,5 тыс. руб., для города – 18,5. Остаток в банке – 5,1 тыс. руб. [3].

В Западно-Казахстанскую обл. в порядке эвакуации прибыли и были размещены такие предприятия, как завод им. Ворошилова №231 (г. Ленинград), Механический завод (г. Усмань Воронежской обл.), Кожзавод им. Землячки (г. Москва), Валяльно-войлочная фабрика (г. Киев), Ликеро-водочный завод (г. Ряжск Рязанской обл.), Авторемонтный завод: оборудование завода было полностью размещено на Уральском ремонтно-тракторном заводе и как самостоятельная промедицина не существовал (г. Орехово Запорожской обл.), артель «Объединение»: оборудование артели размещено в Пошивочной артели им. Клара Цеткин и как самостоятельная единица не существовала (г. Сураж Орловской обл.) [4], 3 театра, Ворошиловоградская школа пилотов, авиационные школы стрелков-радиостов и младших авиаспециалистов (в районе в/ч «Сокол», аэродромов), Одесское Краснознаменное пехотное училище им. Ворошилова (в доме купца Ванюшина, ныне казахская школа №38), Ленинградское военное училище связи (Педагогический институт), Московская школа радиоспециалистов, в которой обучались многие наши землячки перед отправкой на фронт и другие военные части, Полтавский институт инженеров сельскохозяйственного строительства [5].

Как мы видим, эвакуационные мероприятия проходили с потерями, человеческими страданиями и лишениями. Всем было тяжело, любая война несет лишь разрушения, пролитие невинной крови, слезы детей и матерей. Мы должны приложить все усилия для сохранения единства нашего народа. Пропагандировать о равноправном со-

существовании разных этнических культур, согласие и уважение между народами.

1 ГАЗКО. Ф.П-37. Оп.10. Д.20. Л.476–478.

2. Там же. Ф.715. Оп.1. Д.703. Л.14–17.

3. Там же. Ф.1000. Оп.1. Д.35. Л.46, 49–50.

4. Там же. Ф.850. Оп.9. Д.87. Л.1–2.

5. Там же. Д.19. Л.12–13.

Сактаганова З.Г.

Алма-Ата в годы Великой Отечественной войны: эвакуация, жилищный вопрос, коммунальные и другие проблемы

Процесс эвакуации в годы Великой Отечественной войны стал одним из важнейших залогов успеха мобилизационной экономики Советской страны. Перемещение за короткий срок нескольких тысяч предприятий, десятков тысяч станков, прокатных станков, прессов, турбин, сотни тысяч голов скота и др.; их размещение и ввод в действие этих предприятий стало действительно беспрецедентным по масштабам, срокам и эффективности. Сотни миллионов человек были эвакуированы с прифронтовых районов на восток страны, в Казахстан, в т. ч., и, не имея пригодных для нормальной жизни условий, включались в производство. Почти 70 лет в исследованиях писали лишь о трудовом героизме эвакуированных людей, их жертвенность, проблемы, лишения часто оставались вне исследовательского поля. В последнее десятилетие все чаще в публикациях говорят о трудностях и проблемах повседневной жизни в военное время, эта статья – небольшой фрагмент из жизни столицы Казахской ССР – Алма-Аты на основе архивных материалов из Российского архива социально-политической истории.

В работе Н. Вознесенского о военной экономике СССР^{1*} даются ставшие хрестоматийными цифры по эвакуации предприятий. Он отмечал: вторая половина 1941 г. Отечественной войны характеризуется великим перемещением производительных сил СССР на восток: в течение трёх месяцев 1941 г. было эвакуировано в восточные районы СССР более 1360 крупных, главным образом военных, предприятий, в т. ч. в Среднюю Азию и Казахстан – 250 предприятий [1]. С июля 1941 г. по октябрь 1942 г. в Казахстан было перебазируется 142 крупных промышленных предприятия с комплектным оборудованием и необходимым сырьем: заводы тяжелого и среднего машиностроения, а также текстильные, хлопкопрядильные, обувные и другие фабрики. Всего за годы войны в Казахстан было эвакуировано более 300 заводов [2].

^{1*} Первое издание 1948 г., переиздана уже в 2000-х гг.

Только в Алма-Ате было развернуто 8 эвакуогоспиталей, размещено 15 вузов и техникумов, около 20 научно-исследовательских институтов, свыше 20 культурно-просветительских учреждений [3, с.87, 378]. Перемещены в республику за годы войны 484 149 чел., из них 74,8 % составляли женщины и дети [4]. Такое значительное увеличение населения без предварительной подготовительной работы обострило ситуацию в городах республики, и в частности, в Алма-Аты: жилищный вопрос, состояние коммунальных служб, здравоохранения и т. п.

В записке секретаря ЦК КП (б) К Ж. Шаяхметова «О проведении нового строительства и капитального ремонта жилого, коммунального, социально-бытового фонда в г. Алма-Ата» заместителю председателя СНК СССР В.М. Молотову и секретарю ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкову охарактеризована ситуация в городе в 1945 г. [5, л.34–38].

В г. Алма-Ата во время войны, отмечено в записке, были эвакуированы ряд крупных предприятий и учебных заведений. Введено за годы войны в строй 16 предприятий, которые дали продукцию, имеющую важное оборонное значение. Все размещение промышленных предприятий и коллективов рабочих и инженерно-технических работников было проведено без осуществления нового строительства, а соответствующий жилой, коммунальный, социально-бытовой фонд за годы войны капитально не ремонтировался, а поэтому 35–40% фонда оказалось в крайне запущенном состоянии, жилая площадь на одного человека в городе составила всего 3,5 кв. м. В условиях военного времени республика лишена была возможности осуществлять необходимые мероприятия по жилищному строительству и благоустройству столицы Казахской ССР – г. Алма-Ата и развитие жилищного и коммунального хозяйства было приостановлено, в некоторых своих отраслях пришло в упадок [5, л.254].

В начале войны в г. Алма-Ата были эвакуированы ряд крупных промышленных предприятий: завод им. Кирова Наркомсудпрома СССР, завод тяжелого машиностроения, электротехнический завод НКПС, вагонно-ремонтный завод, суконная, хлопкопрядильная фабрика и др. На базе эвакуированного оборудования за годы войны значительно расширились предприятия легкой и пищевой промышленности. Для размещения оборонных и эвакуированных предприятий были предоставлены здания некоторых городских промышленных предприятий, все крупные торговые помещения, а также помещения коммунальных предприятий, учебных заведений и социально-культурных учреждений города.

Только для размещения производственных цехов завода №175 Наркомсудпрома СССР были предоставлены здания гостипографии №1, механического завода №2 Наркомместпрома КазССР, табачной

фабрики, трамвайного депо, помещения Юридического института и административное здание Наркомата Водного хозяйства КазССР. С еще большими трудностями пришлось размещать работников завода и их семьи. После заселения и уплотнения жилых площадей, заводу были предоставлены под жилье 4 начальных школы, 7 учебных корпусов и 6 общежитий вузов и техникумов. Аналогичное положение было с размещением рабочих и других эвакуированных предприятий. Все это еще более, как отмечалось, усугубило жилищный кризис в столице.

В 1945 г. для размещения Степного военного округа городские власти были вынуждены передать ряд учебных и коммунальных помещений. В связи с передачей зданий школ и учебных заведений военному округу, высшие учебные заведения, техникумы и школы города оказались в исключительно тяжелых условиях. В большинстве школ занятия проводились в три смены. Для доведения занятий в школах столицы с трех до двух смен потребовалось бы освободить здания 7 школ города, занятых заводом №175 и Степным военным округом. Использование учебных, социально-культурных и коммунальных зданий не по прямому назначению крайне негативно сказалось на состоянии этих зданий, их инвентаря и оборудования.

До войны в г. Алма-Ата было 5 гостиниц, из которых осталась функционировать в 1945 г. лишь одна гостиница, а остальные, ввиду крайне напряженного положения с жилищным фондом, использовались под жилье. Для размещения эвакуированной в г. Алма-Ата киностудии были предоставлены помещения Дворца культуры и кинотеатра «Ала-Тау», последний был переведен в здание Казахского драмтеатра. Два драматических театра – казахский и русский – ютились в клубе НКВД КазССР. Занимаемое кинотеатром «Ала-Тау» здание было крайне ветхим. В столице республики помещения для драмтеатра и кинотеатра отсутствовали [5, л.255].

Промышленные предприятия, введенные в эксплуатацию в годы войны, работали, главным образом, на электроэнергию, отпускавшейся ранее на бытовое обслуживание трудящихся города. В связи с этим отпуск электроэнергии для бытовых нужд трудящихся стал составлять всего лишь 15–20% потребности. За годы войны силами трудящихся Алма-Аты были построены 4 гидроэлектростанции, общей мощностью 5 тыс. кВт и строились в 1945 г. еще 2 гидроэлектростанции, мощностью 5 тыс. кВт. Параллельно были проведены работы по расширению Алма-Атинской ЦЭС. Но, несмотря на проведение этих мероприятий, дефицит по электробалансу г. Алма-Ата составлял 6500 кВт. Учитывая, что Алма-Атинская ЦЭС, из-за недоснабжения углем, использовалась всего лишь на 70–80% своей мощности, то положение

со снабжением электроэнергией как промышленных предприятий, так, особенно, бытовых нужд трудящихся города еще более усугублялось. В период осенне-зимнего сезона многие промышленные предприятия города – швейные, обувные, пимокатные и другие работали с большими перебоями, систематически простаивали и недодавали товаров на миллионы рублей. [5, л.256–257]

Крайне тяжелое положение в столице было с водоснабжением. В г. Алма-Ата были распространены желудочно-кишечные заболевания, составлявшие по своему удельному весу более 50% этих видов заболеваний по всей республике. Одной из причин этого факта являлось загрязнение питьевой воды. Крайне необходимым стало проведение мероприятий по улучшению водоснабжения населения города: строительство очистных сооружений городского водопровода, провести удлинение магистрального трубопровода в районе промышленных предприятий и т. д.

Чрезвычайно важными стали и вопросы улучшения городского транспорта – трамвая и троллейбуса. Городской трамвайный парк, лишенный ремонтных мастерских, здание и оборудование которых в 1941 г. были переданы заводу №175 Наркомсудпрома СССР, за годы войны значительно износился. Ввиду отсутствия ремонтной базы материалов, необходимые работы по ремонту трамвайного парка, путевого хозяйства и контактной сети не производились. Из подвижного состава, вместо 58 вагонов, находившихся в эксплуатации до войны, в 1945 г. работало всего лишь 28 вагонов [5, л.258].

До войны в г. Алма-Ата существовало несколько строительных трестов «Коммунжилстрой», «Культурстрой», «Газпромстрой», «Гордорстрой» и другие, осуществлявшие жилищно-коммунальное, социально-культурное, дорожное строительство города. Все эти тресты были ликвидированы, а строительные механизмы, оборудование и технические кадры переданы стройкам союзного подчинения. Поэтому осуществлять жилищное и социально-культурное строительство было крайне затруднительно. Пытаясь решить данные проблемы, Совнарком и ЦК КП (б) К подготовили в 1946 г. проект о жилищном строительстве и благоустройстве столицы КазССР г. Алма-Ата и просили союзное правительство поддержать намеченные в республике мероприятия.

По вопросам, поставленным в докладной записке руководителей республики Н.Ундасынова и Ж.Шаяхметова 2 февраля 1946 г. было принято постановление СНК СССР за №793 «О мероприятиях по жилищно-коммунальному и культурно-бытовому строительству в г. Алма-Ата» [5, л.259–267]. В нем отмечено, что за годы Отечественной войны столица КазССР – г. Алма-Ата вырос в крупный промышленный центр. Был построен ряд новых заводов и фабрик, восстановлены и вошли в число действующих предприятий

столицы завод №175, завод тяжелого машиностроения, электротехнический завод, вагоноремонтный и др.; значительно возросла производственная мощность и число предприятий легкой, текстильной и пищевой промышленности. Отмечалось, что значительный промышленный рост г. Алма-Ата не сопровождался жилищным и культурно-бытовым строительством. Новые промышленные предприятия, их вспомогательные учреждения, прибывшие кадры рабочих и служащих размещались в наличном промышленном и жилищном фонде столицы и обслуживались имевшимися в начале войны культурными и бытовыми учреждениями, которые из-за отсутствия капитального ремонта оказались значительно изношенными.

В целях ликвидации отставания жилищного, коммунального и культурно-бытового хозяйства столицы Казахстана от его культурного и промышленного роста, Совнарком СССР постановил: утвердить по г. Алма-Ата на 1946 г. план жилищного строительства в объеме 15 млн. руб. и капитального ремонта в объеме 5,3 млн. руб. [5, л.260]. Ввиду неудовлетворительного санитарного состояния водоснабжения г. Алма-Ата было дано задание: закончить к 1947 г. строительство очистительных сооружений городского водопровода с объемом капиталовложений в 1946 г. в сумме 1,4 млн. руб. Разработаны меры по улучшению инфраструктуры города, в частности, предусматривался капитальный ремонт путевого хозяйства и контактной сети Алма-Атинского трамвая и увеличение трамвайного парка на 5 моторных и 5 прицепных вагонов; завершение строительства первой очереди троллейбусной линии, протяжением 12 км, с объемом капиталовложений в 1946 г. в сумме 1,15 млн. руб. По энергоснабжению города в целях изжития ненормального положения с использованием установленной мощности Алма-Атинской ЦЭС приняты меры по обеспечению ЦЭС топливом; планировалось произвести реконструкцию Алма-Атинской городской электросети.

Система мер предусматривалась по благоустройству и бытовому обслуживанию населения города: дорожное строительство и капитальный ремонт дорог и тротуаров, асфальтирование, озеленительные работы. По постановлению Алма-Атинский горисполком обязали восстановить в 1946 г. в парках и на бульварах ограды, бассейны, фонтаны, капитально отремонтировать летние театры и эстрады и произвести силами населения и промпредприятий посадку декоративных и плодовых насаждений в количестве 150 тыс. корней и т. д.; предусматривалось развитие торговой сети г. Алма-Ата. Значительное внимание было уделено просвещению, науке, искусству и здравоохранению. Предусматривался капитальный ремонт школьных поме-

щений, строительство кинотеатра «Казахстан» с объемом капиталовложений в сумме 3,7 млн. руб. В целях ликвидации трехсменных занятий в школах г. Алма-Ата обязали Степной Военный Округ НКО СССР и завод №175 освободить и капитально отремонтировать к 15 августа 1946 г. занимаемые ими школы №9,15, 33, 35, 36, 39, 55. Было решено освободить здание Дворца культуры, занимаемое Алма-Атинской киностудией, для размещения в нем казахского и русского драматических театров, обеспечив в 1946–1947 гг. строительство нового здания киностудии и в течение 1946 г. произвести необходимые работы по восстановлению и капитальному ремонту здания Дворца культуры [5, л.264–265].

Наркомздрав СССР обязали оставить в г. Алма-Ата для постоянной работы в лечебных учреждениях 80 врачей из числа оканчивающих в 1946 г. Казахский медицинский институт им. Молотова.

До десятка пунктов предусматривалось по решению вопроса о строительстве Академии наук общей стоимостью 52 млн. руб. и бесперебойного снабжения стройматериалами и осуществления строительных работ. Специальный пункт постановления определял полномочия Совнаркома КазССР, ввиду наличия возможностей приобретения жилых домов и отдельных квартир у частных владельцев, оплачивать жильцам, переселяемым с территории стройплощадки Академии наук, за освобожденные ими помещения, 2000 руб. на каждого члена семьи, но не свыше 10 000 тыс. руб. на семью в целом.

При изучении данных материалов появляется картина системного видения проблем руководством республики и принятия решений о восстановлении и развитии столицы республики, несмотря на трудное послевоенное положение. Безусловно, что эти документы не позволяют подробно осветить все проблемы столицы, накопившиеся за военный период и их решение в первые послевоенные годы, но, хотя фрагментарно, позволяет представить общие контуры жилищной и социально-бытовой ситуации в городе в 1944–1945 гг.

1. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. – М., 2003.
2. Жангуттин Б.О. Эвакуация советского населения в Казахстан / <http://e-history.kz/ru/contents/view/1656>
3. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза: Сборник документов и материалов. Т.1. – Алма-Ата, 1964.
4. Козыбаев М.К. Казахстан – арсенал фронта. – Алма-Ата, 1970
5. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф.17. Оп.122. Д.115.

Архив қорындағы эвакуацияланғандардың тарихынан

XX ғ. 30–40 жж. Кеңес үкіметінің еш жазығы жоқ жеке азаматтарды ғана емес, КСРО аумағында тұратын тұтас халықтарды Одақтың шығыс аймақтарына, оның ішінде Қазақстанға жаппай жер аудару саясаты көшіп келген елдің ғана емес жергілікті қазақ халқының да саяси өміріне із қалдырғандығы тарихтан белгілі. Жұртты тұрғылықты жерінен күштеп көшіру тіпті Екінші дүниежүзілік соғыс қызып тұрған жылдары да, соғыстан кейінгі уақыттарда да тоқтамады. Батыс Украинадан басталған Сталиннің жаппай халықтарды Қазақстанға жер аудару саясаты 1936 ж. сәуірінде КСРО Халық комиссарлар кеңесінің «Саяси сенімсіз поляктарды Украин КСР-нан Қазақ КСР-на көшіру туралы» Қаулысы шыққаннан кейін КСРО Министрлер Кеңесінің 28 сәуір 1936 ж. №776–120 «өте құпия» грифімен бекітілген Қаулысына сәйкес Украинадан күштеп көшірілгендерді орналастыру жөнінде БКП (б) Қазақ өлкелік комитеті бюросының жоспары бойынша Украина мен Польша шекарасынан қазақ жеріне 45 мыңнан астам немістер мен поляктар (поляктар – 35 820, немістер – 10 000) жер аударылады.

Осындай жағдай 1937 ж. 21 тамызында кәрістердің, 1938 ж. қазанында Әзірбайжандағы ирандықтардың да басына туады.

1940 ж. көктемде Батыс Украина мен Белоруссиядан көтерілісшілер ұйымдарына қатысушылар, бұрынғы Польша армиясының офицерлері, сотталғандар жер аударылды. Сол жылы депортацияланған халықтар тарихындағы аса қайғылы тарихи құжаттардың біріне қол қойылды. КСРО ХКК мен БКП (б) Орталық Комитетінің 26-тамыздағы қаулысымен, Екінші Дүниежүзілік соғыс басталысымен неміс ұлты түгелдей шпиондар, фашистердің қолшоқпары деп жарияланып, орын тепкен жерлерінен зорлықпен көшіре бастады.

Соғыстың бесінші күні, еліміздің қомақты бөлігін неміс фашистері жаулап алған соң, Бүкілодақтық Большевиктер коммунистік партиясы Орталық комитеті мен КСРО ХКК-нің «Адами топтардың және құнды мүліктердің көшірілуі мен орналасу тәртібі туралы» қаулысы қабылданды. Көші-қон Кеңесі құрылып, көшу кезегі мен тәртібін реттей бастады. Көшіру-қондыру бекеттерінің желісі етек жайды. 1940–1941 жж. ғана 102 мың поляктар мен польша еврейлері қазақ жеріне қоныстандырылды. Қазақстанда 1941 ж. басында 53 772 поляк тұрып жатты. Кеңес үкіметі 1943–1944 жж. қазақ жеріне қарашайларды, қалмақтарды, шешендерді, ингуштарды, еврейлерді, Қырым татарларын, гректерді, армяндарды, балкарларды,

болгарларды, түрік-месхетиндіктерді қоныстандырды. Олардың бәрі «сатқындар», «халық жаулары» деп танылды.

КСРО ІХК арнайы қоныстандыру бөлімінің 1946 ж. мәліметі бойынша Қазақстанға 890 698 адам сырттан қоныстандырылған екен. Соғыстан кейін Батыстан Украин ұлтшылдары әскери жасағының сарбаздары мен олардың отбасы мүшелерінен 150 мың адам Одақтың түкпір-түкпіріне лақтырылды. Өткен ғасырдың басында қазақ даласына келген «Ұлтшылдардың» бір бөлігі, 20–30 жж. кулактар есебінде жер аударылған украиндердің қатарын толықтырды. Депортацияланған жандар аштыққа, ауруға ұшырап, көшіп-қонып жүргенде отбасы мүшелерінен айрылып, басқа да тұрмыстық қиыншылықтарды бастарынан кешіріп жатты. Үкімет тарапынан материалдық көмек көрсетілмегендіктен көшіп келгендер өздері күркелер құрастырып, жеркепелер салды, саз-балшықтан кірпіш құйды. Қыста баспаналарын тезекпен, қарағанмен, өсімдіктердің сабақтарымен жағып жылытты. Олардың арасында аурулар мен үсікке шалынғандар, содан қаза тапқандар көп. Дегенмен Қазақстанға жер аударылған ұлттардың жағдайы басқа республикаларға депортацияланғандарға қарағанда көш ілгері еді. Олар әртүрлі кәсіпорындарында, теміржол құрылысында, металлургия және көмір өнеркәсібі салаларында жұмыс істеп арзан жұмыс күші есебінде пайдаланылды. Қазақстанның көмір-металлургиялық кешені, ауыл шаруашылығы және халық шаруашылығының басқа да салалары осы жүздеген мың жер аударылғандардың жанқиярлық еңбегінің арқасында салынып, жұмыс істеп тұрды. Кеңестердің құрығына ілігіп жазықсыздан-жазықсыз сотталғандар мен жер аударылғандардың жалпы Одақ экономикасының дамуына қосқан үлестері орасан зор.

«Көшкен елдің көмеші болса, еру елдің ерулігі бар» демекші ежелден бауырмалдығымен, қонақжайлылығымен атағы шыққан қазақ халқы сырттан соры қайнап жеткен түрлі ұлттардың бәрін бауырына басты, қолындағы нанын бөліп берді. Баспанасы жоқтарды өз үйлеріне кіргізіп, бір бөлмесін ұсынды. Бүгінде сол келімсек ұлттардың қай-қайсы да қазақтың кеңпейілділігінің арқасында аман қалды, шырағын өшіріп алмай, соңынан ұрпақ өрбітті.

1929–1933 жж. Қазақстанда арнайы қоныстанушылардың басым көпшілігі кулактар болса, 1936–1949 жж. сырттан күштеп қоныс аударылғандар, 1945–1946 жж. басып алынған мемлекеттерден Германияға қашқан немесе күштеп апарылған аймақтардың әскери тұтқындары еді. Кейбір зерттеушілердің айтуынша, Кеңестер үкіметі құрылған 1918 ж. 1953 ж. Сталиннің қайтыс болуына дейін КСРО аумағында 4 млн. адам лагерьлерге қамалды, оның 700 мыңдайы атылды, 22 млн. адам жер аударылды [1].

«Бір күн дәм татқанға қырық күн сәлем» деген бар осындай қиын қыстау кезеңде қазақ жеріне келіп қоныстанған ұлт өкілдері бүгінгі күнге дейін қазақ ұлтының бауырмалдығын, бастарына күн түскенде көмектерін аямағандығын әлі күнге дейін ризашылықпен еске алады.

Алматы қаласы Орталық мемлекеттік архивінің № 419 қорында тарихшы ғалым, ҰОС-на қатысушы, зейнеткер полковник, шетелдік әскери тұтқындар мен жер аударылғандар жөніндегі Республикалық комиссияның мүшесі Алданазаров Асқанбек Сапарұлының құжаттары сақталуда [2].

Асқанбек Алданазаров 1978 ж. Сейм архиві мен Польшаның өзге де архивтерінде жұмыс істеп, қазақстандық жауынгерлер мен әскери тұтқындардың тағдырларын анықтаған. Олардың көпшілігі польшалық еврейлер еді.

Асқанбек Алданазаров Польшаға барған сапарында, соғыс қарсаңында Қазақстанға жер аударылған поляк азаматтарымен кездескен. Оның естеліктерінде соғыс қарсаңында Қазақстанға жер аударылған поляк қызы Ната Богдановичтің өмір тарихы туралы қызықты оқиға бар. Ната ата-анасы қайтыс болған соң сіндісі Ирамен бірге Оңтүстік Қазақстан облысы Шәуілдір ауданындағы «Қызыл-ту» кеңшарында, «Әулие әже» деген атпен белгілі Дурия Басованың отбасында өмір сүреді.

Соғыстан соң есейген қыздар отандары Польшаға оралады. Алайда, аштықтан аман алып қалған, тәрбиелеген қазақ отбасының мейірімі олардың естерінде сақталып қалады. Алданазаровтың «Польша күнделіктері» атты еңбегінде Ната Богдановичтің хаттарының мәтіні келтірілген және Польшадағы Натаға жиырма бес жылдан соң Қазақстаннан жіберілген сыйлық туралы жан тебіренерлік оқиға жазылған. Онда Натаға сыйға жіберілген қазақтың ұлттық үлгісіндегі көйлек қартайған Дурия әжейдің қолымен тігілген болатын. Ната Богданович өз хатында: «Маған өмір сыйлағандары үшін қазақ әйелдеріне қарыздармын. Қазақтар – ерекше халық. Олар туралы мен әрі қарай жазар болсам, хатым поэма немесе роман болар еді» – делінген. А. Алданазаровтың қолжазбаларында соғыс аяқталғанға дейін Қазақстанда тұрған өзге де поляктар туралы деректер бар [3].

Бұлар: Галина Каминская, Викенти Тохолский, Лидия және Богдан Наваковскийлердің өмірі жайлы.

«Польша күнделіктерінен» Көкшетау облысының Терновка ауылына жер аударылған Викенти Тохолский туралы бірнеше үзінділер келтірер болсақ: «Терновкада 1940 жылдан 1943 жылға дейін болдым. Кеңшарда жұмыс істедім, Петропавлскіде еңбек армиясында болдым. Эвакуацияланған әскери зауыт үшін электростанция да салдым. 1943 жылы 17 жасымда Поляк әскеріне алындым» дейді.

Оның Алматыға жазған хаттарының бірінде: «Бірлесе еңбек ету, кеңес халқымен бірге қан кешу менің жадымда мәңгі қалып қойды. Қазақ есімдері мен сияқты поляк үшін есте сақталуы қиын, сондықтан есімде қалғаны тек қазақтарға деген ыстық сезім» [3]. Осылайша КСРО ның көшірілген және жер аударылған халқы осы күнгі қазақстан халқының этникалық құрамының негізін қалауға негіз болды. Қазір республикамызда 130 астам ұлт өкілдері өмір сүруде. Қазақ халқының қонақжайлылығы мен мейірімділігі арқасында әр жылдары елімізге келгендер этностық топ ретінде сақталып қана қоймай, көпұлтты Қазақстан қоғамында өз орындарын алып отыр.

Павлодардағы «Мерказ» еврей этномәдениет орталығының төрайымы Фаина Свечинская естелігінде: «Ауыр да үрейлі жылдар өтті. Адамдар басқыншылардан қашып, үй-жайын тастап кетті. Менің анам бір айдан соң ораламыз деп жұбатумен болды. Алайда, мыңдаған адамдар, олардың балалары мен немерелері отанына айналған Қазақстанда қалып қойды» делінген.

Алматы қаласының Орталық мемлекеттік архивінде 1942–1944 жж. Алматыға көшірілгендердің тегі туралы алфавиттік тізімдеме сақталған. Онда мынадай мәліметтер бар: Көшіп келушінің аты-жөні, тегі, туылған жылы, ұлты, мамандығы және бұрынғы мекенжайы туралы. Бұл тізімдеме Алматы атқару комитеті қалалық денсаулық сақтау бөлімінің, Қалалық халыққа білім беру бөлімі және № 221 Жұмыс басқармасы туралы деректер береді. Тізімдемені қарағанда анықталғаны, көшірілгендердің 80% еврей азаматтары, мамандықтары бойынша ұстаздар, дәрігерлер, медицина қызметкерлері және жартылай құрылысшылар болып шыққан.

Тізімдемеден бірнеше мысалдар келтірейік: Александрова Евгения Моисеева, 1883 жылы туылған, еврей, педиатр, Мәскеуден; Алесковская Фаня Лазаревна, 1906 жылы туылған, еврей, дәрігер, дерматолог, венеролог; Аронштам Бетти Биньяшовна, 1901 жылы туылған, еврей, дәрігер-педиатр, Таллиннен; Аронская Гета Яковлевна, 1897 жылы туылған, еврей, дәрігер, Киевтен [4]; Аш Елизавета Борисовна, 1908 жылы туылған, еврей, тарихшы, Одессадан; Аншелес Лидия Иосиповна, 1889 жылы туылған, еврей, орыс тілінің мұғалімі, Кишиневтан [5]; Гольберг Исаак Янкилевич, 1920 жылы туылған, еврей, слесарь, Польшаның Колец воеводствосынан; Айншледлер Хаскелевич, 1922 жылы туылған, еврей, тігінші, Польшадан (Лодзь қаласы); Зонненберг Мотель Ершкович, 1923 жылы туылған, еврей, слесарь, Польшаның Варшава воеводствосынан; Кофнер Мйлик Маркусович, еврей, емші, Польшадан [6]; Гильмельфарб Эсфирь Самуиловна, 1921 жылы туылған, еврей, дәрігер, Одессадан [7]; Рудина Роза Давидовна, 1910 жылы туылған, еврей, лента шебері [8].

Бұл тізімдемені архив қызметкерлері сұраныстарды орындау барысында азаматтардың ҰОс жылдары көшірілгені және Алматыда тұрғандығын растау мақсатында пайдаланады.

Келесі дерек заң ғылымдарының кандидаты, Еңбек ардагері, республикалық деңгейдегі дербес зейнеткер Нечитайло Григорий Васильевичтің № 277 жеке қорындағы құжаттарда. Онда соғыс жылдары қаладағы билік аппаратының жұмыстары туралы естеліктер бар [9].

Естелікте былай делінген: «...Біз қорғаныс өнеркәсібінің жұмысын ұйымдастыруды қолымызға алдық. Осы уақытта біз телеграф арқылы Мемлекеттік қорғаныс комитетінің Төрағасы И.В. Сталиннен жедел түрде, Махачкаладан Алматыға келіп жеткен ерекше нысандағы зауыттың құрылғыларымен мүліктерін орналастыру туралы бұйрық алдық. Жеделхатта жұмысшыларды да отбасымен бірге орналастыру бұйырылған (екі мыңға жуық). Бұл олардың бес күннен соң өнім шығара бастауы үшін қажет еді. Бұйрықта «Орындалмағаны үшін кінәлілер атылсын» – делінген. Сол кезеңдерде шағын саналатын біздің қаламызға көшіп келген жиырмадан астам ірі зауыттар, фабрикалар, кәсіпорындар, мекемелер, оқу орындары мен жүз мыңнан астам көшіп келгендер орналасты. Мұндай үрей туғызар бұйрықты орындау үшін біз бір түнде трамвай-троллейбус депосының, темекі фабрикасының, малдәрігерлік және заң институттарының, мейрамхана мен 36 мектептің ғимараттарын босатуға мәжбүр болдық. Зауыт бұйрықта айтылғандай бес күн ішінде өз өнімін берді. Ол мұхиттардағы ауыр әскери кемелерді жоятын торпедаларды шығаратын. Зауыт жұмысшыларын ертеректе алма сақтаған Верный үйлерінің жертөлелеріне орналастырдық. Онда буржуй пештерін қойып адамдар тұрып жатты. Отбасылы жұмысшыларды тұрғындары бар үйлердің ас бөлмелеріне де орналастыруға тура келді. Соғыс кезінде жоғары еңбек өнімділігі, қатаң тәртіп және ұстамдылық қалыптасты. Балалы әйелдер кейде тәуліктеп жұмыс орындарынан шыға алмады. Әуе құрылымы бомбасының құрсауын жасайтын (Алматы ауыр металл зауыты) АЗТМ-да жүздеген жасөспірімдер жұмыс істеді...» [9].

Бұл Алматының тылдағы тіршілігінің азғана бөлшегі. Қорғаныс өнімдерін өндірушілер, қол гранатының тетіктерін, далалық желіге арналған орама, диспетчерлік байланыстың телефондық бөлшектерін шығаратын Алматы электротехникалық зауыты, зеңбіректің жарғышақ оғын шығаратын № 3-ші Алматы механикалық зауыты болды. Соғыс уақытындағы кәсіпорындардағы еңбек маңыздылығы жөнінде ерлікке тең болды. Бұл жұмысшылардың қала кәсіпорындарындағы ерлік еңбектері Ұлы жеңіске қосқан өлшеусіз

үлесі болды. Сонымен қатар соғыс кезеңінде көшіп келген, көптеген дарынды жазушылар, актерлер, режиссерлердің жалпы Қазақстан мәдениетінің тарихына және жауынгерлердің өз отанына деген сүйіспеншілігін қалыптастыруда қосқан үлестері баға жетпес еді.

Сол кезеңде Алматыға көшіп келген «Мосфильм» және «Ленфильм» киностудиясы Алматы киностудиясымен бірігіп, Орталық Бірлескен киностудия атауына ие болды (ЦОКС) және олар майдан шебінде өте қажет, соғыс кезіндегі отандық көркем фильмдердің 80% түсірді. Қазақстанға және Алматының өзіне соғысқа дейін, репрессия жылдары, әдебиет және театр сыншысы, тарихшы-публицист Лев Игнатович Варшавский, кемеңгер мүсінші Исаак Яковлевич Иткинд, жазушы Юрий Осипович Домбровский, режиссер, театр қайраткері, жазушы, Алматы жасөспірімдер театрының негізін қалаушы Наталия Ильинична Сац және т. б. мәдениет қайраткерлері жер аударылған болатын. Олар туралы естеліктер, ойтолғаулар және соғыс жылдары Алматыда болған мәдениет адамдары туралы жазбалар, журналист, мәдениеттанушы, сценарист, Людмила Варшавскаяның № 546 жеке қорында жинақталған. Людмила Варшавскаяның «Забыть не в силах ничего...» атты мақаласында белгілі режиссер Михаил Ильич Роммның естеліктері берілген [10]. Ол: «Алғаш рет Алматыға 1941 жылы келуіме тура келді. Мен күмәнді әрі ауыр міндет жүктей келіп едім: Халық комиссарлары кеңесінің төрағасынан екі киностудияны, «Мосфильм» және «Ленфильмді» Алматыға орналастыруын өтінбекші болдым. Әңгімеміз шиеленісті өтті. Мен Халық комиссарлары кеңесінің төрағасы Ондасыновқа уақыт өте келе Алматы киноматографияға ие болатынын дәлелдеуге тырыстым. Соғыс біткен соң қалада киностудия, аппараттар, мамандар қалады дедім. Халық комиссарлар кеңесінің төрағасы ұшқыр ойлы адам еді: «Бәлкім аппаратура көп мөлшерде болмаса да, біразы қалар, бірақ мамандардың бәрі тайып тұрады. Мұны сізге нақты айта аламын. Қазір бұл жерге ағыла келіп жатқан сіздердің ешқайсыңыз, Мәскеуге жол ашылса, тұрақтай қоймайсыздар» деген.

Мамандардың мұнда қалмайтынына сенімді бола тұра, қолда барын берді. Күні кеше жанға жайлы болған мәдениет сарайының көрермен залы жан ашырлық кейіпте еді. Оны үлкен түсірілім алаңына лайықтап, қайта жабдықтады. Күнделікті жарық беруші аппаратура, зертхана құрал жабдығы, сурет шығару машиналары, реквизиттер сияқты жабдықтар келіп жатты. Дәл мұндай шоғырлану, алғашқы «Әскери кинотоптама» мен толықметражды фильмдерді түсіруге дайындалып жатқан, жаңа ғана бой көтерген, студияның ішкі жағында да жүріп жатты. Мұнда Кеңес киносының кемеңгер

шеберлері, танымал режиссерлері және операторларды: Пырьев пен Райзманды шақпақ күртеше киген, қызу қанды Пудовкинді, ұнжырғасы түскен Абрам Роомды, әрдайым асығыс жүретін Фридрих Эрмлерді, Гербет Рапопортты, Козинцевті және Траубергті, әрине солармен қатар алып тұлғалы Сергей Михайлович Эйзенштейнді көріуге болатын.

Менің ойымша, кеңес кинематографиясы сол бір ауыр жылдары қазақ халқы көрсеткен орасан зор бауырмалдық көмегін ұмытпауға тиіс. Күзге таман Саумил Яковлевич Маршак пен Кукрыникстер келді, соңынан Виктор Борисович Шкловский отбасымен келіп, «Кеңестер үйі» аталатын қонақ үйге орналасты. Константин Георгиевич Паусотвскийге Мұхтар Омарханұлы Әуезов үйінен орын бөліп берді. Қысқасы әрбір жазушының үйінде мәскеулік немесе Ленинградтық жазушылар қоныстанды. Ал, ондайлардың көпшілігі сонша, бәрін есте сақтау мүмкін емес.

Соғыс жылдары тағдыр тәлкегімен Алматыға жер аударылғандар мен күштеп көшірілгендер тағдыры біздің қала мен халқымыздың тарихымен сабақтас. Д.А. Қонаевтың «Ақиқатты әрлеудің қажеті жоқ, ол адам барда, сол кезеңнің куәсі барда өлмек емес» деген сөзі бар. Сондықтан Қазақстан тарихындағы бұл кезеңдер сол кездегі адамдардың жадында сақталса, бүгінде архив сөрелерінде сақтаулы, ол күндерді ұмыту қиянат.

1 Депортация народов СССР в Казахстан – КазPortal.kz; Интернеттегі сілтемесі және (Жүгіну күні 07.08.2018)

2 Алматы ОМА. 419 қ. 1 т. 5 іс. 39–43, 60–62 п.;

4 Сонда. 122 қ. 1л т. 53 іс. 46, 54, 146 п.;

5 Сонда. 77 қ. 1 т., 1324 іс. 3, 4 п.;

6 Сонда. 235 қ. 1 т. 1. 7 іс. 635 п.;

7 Сонда. 122 қ. 1л т. 65 іс. 11 п.;

8 Сонда. 80 қ. 1л т. 4 іс. 3 п.;

9 Сонда. 277 қ. 1 т., 130 іс.;

10 Сонда. 546 қ. 1 т., 25 іс. 2–6 п. Наши современники. Людмила Варшавская / Сост.: Л.А. Матвеева. Алматы: КГУ ЦГА г. Алматы, 2017. – С.86–89.

Аннотация

В статье освещаются документы из фондов ЦГА города Алматы. Цитируются отрывки воспоминаний поляков и польских евреев из труда А. Алданазарова «Дневники Польши»; описываются алфавитные книги прибывших в г. Алма-Ата в 1942–1944 гг., 80% из которых – евреи – среди них учителя, врачи, медицинские работники, строители. Автор обращает внимание на воспоминание об эвакуации из г. Махачкалы и размещении в г. Алма-Ата завода оборонной промыш-

ленности. Приводится воспоминание режиссера М.И. Ромма об эвакуации и обустройстве киностудий в г. Алма-Ата.

Малиновская Е.Г.

Академия архитектуры СССР в Чимкенте – период эвакуации

Представлен анализ проектно-строительной и теоретической деятельности Академии архитектуры СССР, эвакуированной в 1941 г. в Чимкент (Казахстан). Требования военного времени (ограниченность строительных материалов, потребность в большом количестве сооружений – жилых, гражданских, производственных), климатические факторы стимулировали интерес ученых, проектировщиков к строительным традициям региона, с их последующим развитием на основе современных инженерно-технических разработок. Вводимый в научный оборот блок материала по использованию нестандартных технологий в военное время сохраняет свою актуальность для современности.

Лето 1941 г. Жизнь всех советских людей подчинилась требованиям военного времени: одни сражались на фронтах, другие трудились в тылу, в который превратились восточные районы страны. Председатель Комитета по делам искусств т. Храпиенко направил правительственную телеграмму в Совнарком КазССР Ундасынову: «В исполнении Союзного Совнаркома [о] массовом жилищном строительстве Союз советских архитекторов СССР должен провести большую работу. Настоятельно прошу разрешения оставить президиум Союза в составе архитекторов Колли, Гольца, Аркина, Власова, Маркелова [в] Алма-Ата» [1]. Однако столица республики уже приняла огромное количество людей, в т. ч., цвет советской культуры: поэтов, писателей, музыкантов, художников, коллективы эвакуированных театров (гг. Москва, Ленинград, Киев). На базе Ленфильма и Мосфильма создали объединенную киностудию. Академию архитектуры было решено отправить в Чимкент, хотя город, как и вся Средняя Азия, был переполнен эвакуированными людьми, промышленными предприятиями, учреждениями. Расширялись старые и строились новые заводы, спешно возводились жилые и коммунально-бытовые здания, госпитали.

В августе из Москвы прибыли научные сотрудники Академии архитектуры, чьи организации местные власти разместили с максимальным удобством, как вспоминают очевидцы. Несмотря на сложности переезда и устройства на новом месте, коллектив Академии во главе с президентом, выдающимся советским зодчим академиком архитектуры В.А. Весниным, не только не свернул научную работу, но существенно расширил ее проблематику с учетом запросов военного вре-

мени. Пришлось, в частности, вести экстренную подготовку маскировщиков.

В то же время сотрудники Академии изучали особенности местных строительных материалов (Сибирь, Урал, Средняя Азия). В конце 1941 г. в Уфе, Перми, Ижевске, Барнауле, Красноярске, Свердловске начали работать уполномоченные Академии. Их основная задача – оказать практическую помощь на строительстве зданий упрощенного типа, используя ресурсы этих районов. Одной из актуальных задач также стала разработка проектов временных жилищ для эвакуированных – глинобитных, каркасных, из гипса.

Большую тревогу вызывала гибель памятников архитектуры на оккупированных территориях. Научные сотрудники Академии работали в прифронтовой полосе, городах, селах, судьба которых была неясна, спешно фиксируя памятники архитектуры. Материалы этих опасных экспедиций – обмеры, фото, зарисовки – в последующем оказались просто бесценными для послевоенной реставрации объектов, их научного анализа.

Особое место в деятельности Академии занимала работа по проектированию, строительству в Средней Азии сооружений из местных материалов и тесно связанные с этим вопросы изучения градостроительной культуры региона. Для большинства сотрудников Академии архитектуры азиатские строительные традиции – технико-конструктивные, материалы, особенности и типы зданий – были неизвестны, за исключением памятников монументального зодчества Бухары, Самарканда, примелькавшихся по публикациям.

Сотрудники Академии имели довоенный опыт использования традиций народного жилища в разнообразных по типологии, в т. ч., жилых зданий для сельского строительства в различных районах страны с учетом климата, материалов, планировочных, конструктивных и декоративных особенностей. Однако в проектах для Средней Азии (арх. В. Ашастин, С. Домбровский, А. Ростковский, А. Гинзбург, Б. Рубаненко) хотя и использовались айваны, внутренние дворики, но в контексте классических планировочных схем. Подобное решение избрал и А. Буров в проекте ремесленного училища для южных районов (1938 г.). Однако тот же А. Буров, а также Г. Гольц в проектах жилья 1930-х гг. практически буквально повторили образно-формальные приемы восточного дома.

Обе тенденции отражали методически неверный подход к решению проблемы освоения исторических традиций архитекторами-профессионалами через сумму приемов, символов, включая этнографические, часто суммируя их. Концентратом подобных идей стало

решение комплекса павильонов ВСХВ 1937 г., что вызывало уместную, хотя и осторожную критику даже в те годы

Некоторые сотрудники Академии имели опыт проектирования в 1920–1930-е гг. – архитектурная помощь периферии – крупных общественных зданий для Советского Востока (арх. А. Щусев, М. Гинзбург). Хотя ими провозглашалось обращение к традициям, но контекст их профессиональных приоритетов – конструктивизм, неоклассика – у этих архитекторов превалировал. Вместе с тем, ортодоксальный конструктивист М.Я. Гинзбург, утверждая «жилище бедного декханина» идеалом для сооружений советского Востока, был из тех архитекторов Центра, кто осознавал ценность исторического наследия регионов [2].

Экстремальные условия военного времени, поставив архитекторов Академии перед суровой реальностью – проектировать только из местных материалов, заставили по-иному оценить наследие Средней Азии, преодолев нигилизм европоцентристских установок или же гипноз копиизма.

Чимкентские работы Г. Гольца продемонстрировали кардинальную перестройку его профессионального метода. Архитектор разработал серии проектов малоэтажных домов и общежитий со стенами из кирпича-сырца, перекрытыми традиционными сводами или плоскими земляными кровлями, как принято строить в регионе, не повторяя их буквально. По проекту Н. Колли в Чимкенте построили бани со сводами без кружал и опалубки на ганчевом растворе. Опыт строительства архитектор обобщил в публикациях, отмечая перспективы синтеза богатейшего опыта народных мастеров с современными научными, техническими достижениями. В частности, предложил строить своды из армированных блоков [3].

Кроме интереса к функциональной стороне наследия регионального зодчества проекты продемонстрировали явное понимание ценности эстетической составляющей традиции. Серия домов – талантливая стилизация, можно сказать явно увлеченная работа, расширяющая диапазон архитектора-профессионала, не обнаруживала печать вынужденной деятельности в условиях военного времени. Напротив, ограничения стали стимулом к поиску нестандартных технологий, преодоления штампов профессии.

Сотрудники научно-исследовательского института градостроительства и планировки населенных мест Академии архитектуры (руководитель – академик архитектуры В.Н. Семенов) выполняли проекты для восстанавливаемых районов: строительство колхозов, поселков (арх. К.Н. Князев, И.В. Ополовников); реконструкция г. Истры (арх. А.В. Щусев, В.В. Семенов, Д.М. Соболев); Ново-Петровское

(арх. М.Я. Гинзбург); Иосифо-Волоколамский монастырь (арх. Л.В. Руднев). Они же разрабатывали проекты планировки и застройки поселков для эвакуированного населения в Средней Азии и совхозов в Казахстане.

Научно-исследовательским институтом архитектуры общественных и производственных сооружений (директор – академик архитектуры Н.Я. Колли) в 1942 г. были подготовлены следующие темы исследовательских работ по Средней Азии и Казахстану: «Кинотеатры и клубы для Средней Азии» (руководитель – Я.А. Корнфельд); «Лечебные сооружения для Средней Азии» (арх. К.О. Либкнехт, В.А. Грошникова, Т.В. Михайлова); «Реконструкция города Чимкента». Безусловно, последняя тема представлялась особо актуальной, имея перспективы быстрой реализации, но, к сожалению, этого не случилось. Были подготовлены проекты реконструкции площади В.И. Ленина, Советской улицы, Парка культуры и отдыха (руководитель работ Н.Я. Колли, исполнители: арх. С. Яралов, Т.В. Рапопорт, А.В. Власов и др.), городского театра (арх. Г.П. Гольц). Был выполнен проект вокзала для станции «Луговая» (арх. Ю.С. Яралов), малых архитектурных форм (арх. Г.П. Гольц, Н.Я. Колли).

Базой для научной работы стали поездки по изучению местной архитектуры (жилых комплексов, монументального строительства), традиционной одежды, народно-прикладного искусства. Архитекторы, большинство из которых были прекрасными рисовальщиками, увлеченные незнакомой культурой, оставили множество набросков, представляющих особую ценность для современных исследователей в воссоздании тогда еще сохранившихся предметов быта, утраченных на сегодняшний день памятников архитектуры. Этот исследовательский материал демонстрировался на выставке акварелей и рисунков сотрудников Академии архитектуры, важного события для Чимкента тех лет.

Многие научные труды сотрудников Академии были опубликованы в Чимкенте в 1942 г: «Жилые землянки» (Серия «Строительство поселков земляночного типа», вып.1); «Конструктивные решения стен зданий облегченного типа»; М.С. Туполев «Как строить каркасно-засыпные здания (с применением жердей, горбылей и хвороста). Были изданы имевшие большое значение для осмысления проделанной работы материалы V сессии Академии архитектуры СССР [4].

Сессия проходила в Чимкенте с 15 по 18 мая 1942 г. Привлекла большее внимание как специалистов, так и горожан прекрасно оформленной выставкой научно-практической работы сотрудников институтов Академии. Не утратили, по сей день, актуальности для исследователей региона доклады и сообщения: «Массовое строитель-

ство жилых и коммунальных зданий из местных материалов» (вице-президент Академии архитектуры, академик А.Г. Мордвинов); «Экономика конструкций и организация строительства малоэтажных зданий из местных материалов» (член-корреспондент Академии архитектуры, инженер Г.Ф. Кузнецов); «Облегченное жилище для Средней Азии» (кандидат архитектуры Т.Б. Раппорт); «О массовом грунтоблочном строительстве» (член-корреспондент Академии архитектуры П.Н. Блохин); «О массовом грунтоблочном строительстве в Новосибирской обл.» (профессор, доктор технических наук А.П. Попов).

В резолюции сессии отмечалось, что сотрудники Академии успешно переориентировали научную деятельность по проектированию массового жилищного строительства на основе использования местных материалов, методов строительства, подвергнув их модернизации в связи с требованиями военного времени. Предлагалось продолжить эту работу в ташкентском филиале Академии, а также подготовить комплексную программу по охране и реставрации памятников – изучать, восстанавливать, популяризировать.

Связанные с историко-культурным наследием исследования, вызвали особый резонанс на заседаниях различных отделов Академии. Был выработан документ «Обращение V сессии Академии архитектуры СССР к прогрессивной мировой культурной общественности». В нем говорилось о разрушенных фашистами городах Европы и СССР, сохранении и восстановлении памятников архитектуры.

Разработки Академии по методике и приемам использования местных традиций и материалов применялись архитекторами всего региона для строительства различных по типологии зданий: жилых, коммунальных, промышленных. В Госпроекте Туркмении разработали проекты колхозных бань с пролетом от 3-х до 13 м (арх. С.А. Габенко, сентябрь 1941 г.); одноэтажного жилого дома на 70 чел. со сводчатым покрытием (блокированные однокомнатные квартиры с пролетом 3 м.). В Таджикистане построили бани на 6 чел. (пролет 3 м.). Причем, на все стройки привлекали народных мастеров, чей опыт был незаменим, хотя архитекторы-профессионалы не копировали традиционные конструкции, типы построек.

Подводя итоги научно-практической деятельности, Н.Я. Колли акцентировал перспективы внедрения этих приемов и в других районах страны. Архитектор сделал крайне важный вывод, ориентирующий, помимо утилитарного опыта, на дальнейшую работу по изучению перспектив применения региональных художественно-эстетических традиций. Ученый предложил расширить арсенал архитектурных средств через «...введение архитектурной формы, обладающей разнообразием пластических и пространственных качеств» [5].

Весьма плодотворно работали московские архитекторы Г. Захаров и З. Чернышев, которые по существу придерживались тех же приемов внедрения местных традиций, что и М. Парусников и И. Соболев (1938 г.). Архитекторы считали сложившиеся в советское время принципы строительства в регионе на основе стандартов строительства в средней полосе совершенно неверными. Изучив архитектуру жилых и монументальных сооружений Средней Азии, градостроительную культуру, не «глазами туриста, а архитектора-строителя», они сделали вывод, что главное – не восточная экзотика, но «большая жизненно решенная проблема построения жизни в условиях жаркого климата» [6].

Авторы серий проектов жилья, рабочих общежитий для высокогорного рудника использовали труды ученых региона И. Ремпеля, П. Полонского, В. Ворониной, К. Бабиевского, А. Арефьева, В. Дмитриева, Б. Засыпкина, Л. Воронина. На протяжении многих лет исследователи подвергали анализу различные параметры опыта строительства местными мастерами: приемов озеленения и обводнения с учетом климата. Как, результат, конструктивные, планировочные приемы дифференцировались для строительства в горах и на равнинах. В этом же направлении выполнил исследования и научный сотрудник Академии В.Н. Семенов [7].

Все это в значительной мере превышало установку на минимальные запросы строительства военного времени. Столь перспективные проекты и разработки у местных архитекторов вызвали крайне негативную оценку. Авторы проектов обвинили в «необоснованных восторгах» перед народной архитектурой, которая для большинства местных архитекторов ассоциировалась – это не было изжито десятилетия – с отсталостью, старым бытом. Свою задачу оппоненты определяли в создании новой узбекской архитектуры «европейских городов» – синонима разрыва с прошлым.

Таким образом, приезжие архитекторы-профессионалы, над которыми не довели общепринятые штампы по использованию национального наследия, более свободно и методологически правильно трансформировали традиционный опыт. Местные архитекторы, если и пытались сделать что-нибудь подобное, то в конечном итоге все облекалось в классицизирующие «одежды». Например, в интересном, по сути, новаторском проекте С.Н. Полупанова по строительству тонкостенных гофрированных зданий с кровлей до земли (влияние купольных сооружений региона), перекрытых керамическими блоками (пролет 15, 44 м и более).

В предложениях и проектах местных ученых (были и такие) многое делалось в угоду общесоюзным установкам. В частности, верно рас-

суждая о творческом потенциале местного зодчества, типов зданий, в т. ч., отвергавшихся по идеологическим мотивам монументальных сооружений (медресе, замков и т. д.), В.Н. Засыпкин в проекте «Красной чайханы» сделал реверанс в сторону советских стереотипов. Акцентируя, что это своеобразный вариант регионального клуба, автор подчинил решение пространства искусственной схеме, обреченной на неудачу (сцена, зал с ярусными галереями для посетителей).

Аналогичная ситуация сложилась у исследователя архитектуры Средней Азии А.Н. Бернштама. Свою задачу ученый видел в том, чтобы помочь проектировщикам, незнакомым с наследием, предложив научно обоснованную концепцию сооружения. Реализовал его замысел архитектор В.В. Верюжский в ужасающем своей эклектичностью проекте музея киргизской национальной культуры, представив его в виде гигантской нелепой юрты из камня, стекла, бетона с античными портиками, но национальным декором.

Проекты Академии были диаметрально противоположны схоластическим установкам данной «ученой линии», разрабатываемой в проектах местных архитекторов. А.К. Буров в своих дневниках отмечал: «В Средней Азии плоские крыши абсолютно органичные со всех точек зрения – климатической, бытовой, пластической – решительно отвергаются всеми председателями горсоветов. Они требуют железных крыш и гордятся этой нелепостью. Это отрицание традиций, они не понимают органичной красоты своей традиции...» – микроклимата, сеймики [8].

Позитивные результаты научно-практической работы Академии архитектуры трудно было отрицать. Группа Д.В. Хазанова, М.С. Туполева, А.И. Рабиновича разработала тонкостенные своды двоякой кривизны «Узбекистан» (другое название – «Своды А. Рабиновича») с пролетом 13–22 м, способные перекрывать площадь в 90 м². Их использовали в промышленных сооружениях: гаражах, заводских цехах, возведенных в первые месяцы войны, когда практически не было материалов (металла, бетона, дерева). Гофрированные оболочки сводов стали перекрытиями и в ташкентском национальном театре им. Хамзы, который дошел до наших дней, что сработало также и в признании данного сооружения одним из примеров решения проблемы национальной самобытности.

Опыт проектирования для региона тех лет был обобщен в докладах «Межреспубликанского совещания по массовому строительству из местных материалов» (19–21 декабря 1942, Ташкент). Выступили: Н. Былинкин «Основные вопросы массового строительства военного времени»; М. Канторович «Массовое строительство из местных материалов в УзССР»; Караев «Облегченные конструкции жилищного

строительства Средней Азии»; Н. Шестопап «Грунтоблочное строительство в УзССР»; А. Рабинович «Тонкостенные сводчатые покрытия»; М. Туполев «Кровли из местных материалов»; Б. Засыпкин «Своды Узбекистана и применение их в современном строительстве»; Д. Хазанов «Использование народной строительной техники в строительстве бань народного типа»; Н. Тищенко «Сейсмические воздействия на здания и принцип их учета при проектировании и строительстве»; Р. Гершберг «Применение гипса в массовом строительстве». Участники совещания познакомились с проектами во время экскурсий на объекты и по материалам выставки с разделами: 1. Типы строений; 2. Конструкции из местных материалов.

Помимо тем, связанных с запросами и спецификой строительства военного времени, сотрудники Академии изучали классическую архитектуру (отечественную, зарубежную). Итогом стал плановый выпуск монографий, трудов, защита диссертаций в начавшем свою работу летом 1942 г. Ученом совете. Готовились проекты мемориальных сооружений: памятные знаки и доски, обелиски, триумфальные арки, пантеоны. Были подготовлены фундаментальные исследования: по градостроительству (арх. В.Н. Семенов); конструкциям крупнопанельного домостроения из укрепленных сборных элементов (арх. Г.Ф. Кузнецов); принципам его стандартизации (арх. М. Барщ, Г. Зундблат); разработана модульная система унификации строительных элементов (арх. А. Зальцман); по малоэтажному жилью (арх. С.А. Дадашев, М.А. Усейнов, Н.П. Северов, Г.П. Гольц, Б. Блохин) [9].

Для многих сотрудников Академии архитектуры итогом работы военных лет стала защита диссертаций (частично они опубликованы) по климату, борьбе с перегревом, малоэтажной застройке. На основе анализа специфики народной архитектуры делались предложения по использованию местных традиций в современном жилье, при разработке различных типов общественных зданий в регионе (арх. Р. Абдурасулов, Г. Градов, В. Лавров, К. Либкнехт, М. Айзенбург, О. Мадатова, Т. Рапопорт, О. Ржехина, Д. Хазанов, Н. Былинкин).

Опыт строительства из местных материалов на основе трансформации регионального типа жилых домов был блестяще реализован в ансамбле Гурьевского жилгородка, в т. ч., это были постройки со сводами. После войны коллектив авторов (под руководством С.В. Васильковского) использовал данные наработки в неосуществленном проекте поселков на Главном Туркменском канале.

Изучение деятельности Академии архитектуры помимо научной обладает бесспорной практической ценностью для современных архитекторов-практиков по широкому кругу вопросов, связанных со

спецификой проектирования в регионе, опытом создания экономического и комфортного жилья.

1. АП РК. Ф.708. Оп.5/1. Д.564. Л.2.
2. Гинзбург М.Я. Национальная архитектура народов СССР // Советская архитектура (Москва).. – 1926. – №5–6. – С.113–114.
3. Колли Н.Я. Сводчатые покрытия без кружал // Архитектура СССР. Вып.2. – 1943. – С.25.
4. По советской стране: Чимкент. V сессия Академии архитектуры // Литература и искусство (Москва) – 1942 – 9 мая. – С.4.
5. Колли Н.Я. К истории кирпичных сводов в архитектуре Средней Азии // Академия архитектуры СССР. Сообщения Института строит. техники. Вып. II. – М., 1944. – С.46.
6. Захаров Г., Чернышева З. Опыт проектирования для Средней Азии // Архитектура СССР. – 1943. Вып. 4. – С.16.
7. Семенов В.Н. Поселки для предприятий, эвакуированных в Среднюю Азию // Архитектура СССР. – 1942. Вып. I. – С.17–21.
8. Ржехина О.И., Балашкевич Р.Н., Буров Р.Г. А.К. Буров. – М., 1984. – С.156.
9. Былинкин Н. Академия архитектуры СССР в дни войны // Архитектура СССР. – 1985. – С.29–39.

Ермекбай Ж.А.

Завод № 621 в Кокшетау в годы Великой Отечественной войны

По переписи 1939 г. в Казахстане проживало 6,2 млн. чел. В Великой Отечественной войне Казахстан как одна из крупных союзных республик СССР располагал большими природными и людскими ресурсами, что делало его основным арсеналом фронта. В ряды Красной армии в годы войны было мобилизовано 1 196 164 казахстанца. На военные рельсы перешли многие предприятия, начав выпуск оборонной продукции, в то же время в республику были эвакуированы людские, производственные и культурные ресурсы из прифронтовой зоны. В 1941–1942 гг. в Казахстан было перемещено 532,5 тыс. жителей западных районов Советского Союза.

Отметим, что эвакуация промышленности в СССР была беспрецедентным стратегическим планом по передислокации производительных сил. В СССР для оперативного руководства этой кампанией был организован Совет по эвакуации, а на местах назначены уполномоченные. Город Кокшетау до марта 1944 г. находился в составе Северо-Казахстанской обл., как один из населенных пунктов стал пристанищем для эвакуированных людей и предприятий из прифронтовой полосы. Осенью 1941 г. сюда был эвакуирован Подольский завод швейных машин №460 Московской обл., который был объединен с Кокшетауским литейно-механическим заводом и действовавший в составе Наркомата вооружения СССР под номерным знаком «621» до

мая 1943 г. С мая 1943 г. завод перешел под контроль Наркомата легкой промышленности. Архивные документы свидетельствуют о работе завода в годы Великой Отечественной войны, выпускавшего осколочные и фугасные мины, головки и стабилизаторы для мин, гранаты и швейные машинки для нужд армии.

Что касается истории эвакуации завода, то она началась в конце октября 1941 г., когда оборудование и имущество предприятия было отправлено частями в разные пункты назначения, в т. ч. в гг. Ижевск, Златоуст, Воткинск, Красноуфимск и Кокшетау. В архивных сведениях отмечено, что точных данных об отправленном оборудовании не имеется, т. к. большинство имущества завода отправлялось без сопровождающих и по пути следования эшелоны с оборудованием нередко подвергались бомбардировкам, часть из них была разбита. Для розыска некоторых частей оборудования и переправке его в Кокшетау были командированы работники завода.

Первые эшелоны с оборудованием прибыли в г. Кокшетау сначала декабря 1941 г., последние составы с оборудованием, переправленные из некоторых мест, прибыли в город в конце апреля 1942 г. [1, л.2]. В Кокшетау прибыло 2066 станков. 1129 станков по производству швейных семейных машин были законсервированы и в соответствии с утвержденной Наркоматом вооружения программой на 1942 г. не могли быть использованы на заводе. Кроме того, 28 станков забронированы Наркоматом вооружения и находились на хранении у завода, 77 станков были переданы по распоряжению Наркомата другим предприятиям. В конце ноября 1941 г. в Кокшетау прибыла группа квалифицированных рабочих, служащих и ИТР завода в количестве 672 чел. [1, л.2]. По сведениям временно исполняющего обязанности директора завода Москвер в апреле 1942 г. количество рабочих составило 350 чел., служащих 269, членов семей 752, всего 1371 чел. Из них детей до 14 лет было 785 чел. [2, л.3].

Конечно, на первых порах было трудно, т. к. производственные помещения и отделы заводоуправления были размещены по всему городу, рабочие не были четко определены по цехам и их по производственной надобности перебрасывали из цеха в цех. Персонал эвакуированного завода был распределен по частным и коммунальным квартирам в порядке уплотнения, часто в проходных комнатах и землянках.

Местная власть по возможности делала все для расселения в жилых помещениях рабочих, служащих и инженерно-технический состав завода. 14 октября 1942 г. на заседании горисполкома было принято решение о передаче заводу №621 жилых и торговых помещений для заселения в них прибывающих рабочих и служащих. В частности, исполком горсовета решил отселить райпотребсоюз, располагавши-

ийся по ул. Ленина №7, и предоставить последнему для конторы помещение во вновь отстроившейся молочно-товарной станции, находящейся на базарной площади. Обязал председателя райпотребсоюза Попову до 1 октября 1942 г. освободить весь верхний этаж занимаемого конторой помещения и передать по акту заводу №621. Горкомхоз должен был отселить жильцов, проживающих в помещении Жен-Дет-Консультации, заведующие контор Маслозавода и Куйбышевского лесничества также должны были освободить 2 комнаты и передать заводу [3, л.146].

Надо отметить, что для полного размещения заводского оборудования в Кокшетау не хватало производственной площади. Поэтому оборудование завода было распределено в складах Кокшетауского райпотребсоюза, гаражах «Заготзерно» и авторемонтных мастерских, что составило лишь 4000 кв. м. производственной площади при необходимой площади 16 000 кв. м. [4, с.38].

Архивные материалы свидетельствуют, что до мая 1942 г. не был точно определен профиль завода и его окончательное нахождение в Кокшетау, т. к. предполагалась реэвакуация в г. Подольск. Лишь 25 апреля 1942 г. вышло постановление ГКО о восстановлении и запуске цехов завода в г. Кокшетау. На основании приказа Наркомата вооружения СССР от 30 апреля 1942 г. № 227/с заводу присваивается номер «621» и дополнительно было предоставлено помещения Спиртоводочного и Литейно-механического заводов с производственной площадью 5000 кв. м. [4, с.38–39].

Одной из трудностей при запуске завода было отсутствие необходимой энергетической базы и технологического оборудования. Одно-го двигателя электростанции мощностью 60 квт было недостаточно и поэтому директор завода Н.А. Макарущенко направил в ЦК ВКП (б) в июле 1942 г. письмо, где отметил, что «...Основным препятствием, мешающим пуску завода, является отсутствие энергетической базы. При потребной мощности 1600 квт, завод располагает установками всего 262 квт, которые по своему характеру вообще мало пригодны для работы в заводских условиях и их мощность не обеспечивает в настоящее время самых минимальных потребностей завода» [4, с.39]. Помимо нехватки энергетической мощности, в Кокшетау практически отсутствовало водоснабжение, водопровод и канализация, не хватало стройматериалов.

Руководство страны откликнулось на просьбу директора завода. Замнаркома вооружения СССР по вопросу обеспечения завода №621 энергосиловым и технологическим оборудованием ответил: «1. В настоящее время завод располагает временными работающими энергоустановками мощностью 236 квт. 2. В ближайшее время заводу

№621 отгружаются комплектные дизель-генераторы 300 и 340 л. с. из г. Воткинска и дизель-генератор 500 л.с. из г. Коломны. 3. Для доукомплектования котлами имеющейся на месте пародинамо выделены два паровоза из г. Воронежа. Для пополнения технологическим оборудованием цехов по производству 82 мм мин заводу №621 занаряжены с поставкой в июне–июле с. г.: 1. С заводов Наркомата вооружения СССР №2, 66, 314 – токарно-винторезных станков – 5 шт., сверильных станков – 5 шт. 2. С завода Наркомата машиностроения – резбофрезерный станок – 1 шт. 3. С Чкаловского станкозавода – операционно-револьверных станков – 5 шт. 4. С завода №2 Наркомата вооружения СССР – токарных станков – 22 шт. 5. «Уралэлектроаппарат» – аппаратов точечной электросварки – 2 шт. 6. «Электронасосов» – гидропрессов – 3 шт.» [5, л.9].

В письме замнаркома вооружения также было отмечено, что резбошлифовальный и токарно-затылочный станки необходимые для инструментального цеха являются остродефицитными и в настоящее время не изготавливаются. По вопросу обеспечения завода №621 рабочей силой замнаркома ответил, что Наркомат вооружения со своей стороны принимает меры и одновременно просит оказать содействие в выделении на месте до 500 рабочих, что должно обеспечить выполнение строительно-монтажных работ [5, л.9].

Несмотря на временные трудности по запуску завода, постепенно предприятие налаживало производство. В мае 1942 г. уже были введены в эксплуатацию инструментальный, кузнечно-штамповочный, ремонтно-монтажный, деревообрабатывающий цеха и спеццех №7 с общей стоимостью 436,3 тыс. руб., также было смонтировано 172 станка. Весной 1943 г. раньше сроков, утвержденных ГКО СССР, было закончено строительство первой очереди электростанции, которая дала дополнительно 400 квт электроэнергии столь необходимой для функционирования завода. В конце 1944 г. госкомиссия приняла работы по завершению строительства второй очереди электростанции, что позволило решить проблему полного обеспечения завода электроэнергией [4, с.41].

Руководство завода старалось сократить сроки восстановления предприятия и направить коллектив на выполнение производственных заданий Наркомата вооружения СССР. Из сводки секретаря партбюро завода в обком партии видно, что на 1 июня 1942 г. число стахановцев составило 95 чел. Лучшие из них – токарь цеха №7 Романов, выполнивший нормы на 105%, столяр деревоцеха Орлов выработал норму на 146%, шлифовщик инструментального цеха Борона дал норму 250%, лекальщик инструментального цеха Курочкин выполнил норму на 200%, сумел организовать учебу молодых кадров,

токари инструментального цеха Коравлев и Максимов выполняли нормы на 180% и являлись новаторами в освоении производства метчиков и фасонных резцов. Кузнец цеха №2 Тасбулатов и молотобоец Попов выполнили нормы на 200%. Наряду с хорошими индивидуальными показателями отдельных стахановцев лучшие образцы в работе показали ряд бригад. Так, монтажная бригада ремонтномонтажного цеха бригадира Матвеева на монтаже оборудования вырабатывала нормы на 185%, бригада Парфенова из цеха №2 на 165%, бригада Кирдеева того же цеха выполняла нормы на 133%, бригада Ушакова из цеха №7 на 135–140% [6, л.2].

За время пребывания завода в Кокшетау производственные задания выполнялись. В 1942 г. завод производственный план выполнил как по валовому, так и по товарному выпуску, было сделано 177 000 мин. В 1943 г. завод систематически выполнял и перевыполнял планы производственные задания и не раз награждался переходящим Знаменем ВЦСПС и Наркомата вооружения СССР, а также Совнаркома КазССР и ЦК КП (б) К. Завод в 1943 г. выпустил 1 004 430 мин, что составило выполнение госплана на 100,4%. 1944 г. был тяжелым для завода, т. к. производственный план не был выполнен. Это произошло из-за перебоев в поставке необходимых материалов для выпуска боеприпасов, а именно стали, литейного чугуна, тары и др. Однако путем мобилизации внутренних ресурсов на заводе и в городе, где было собрано 200 т металлолома, удалось сократить до минимума простой литейного цеха. План выпуска швейных машин в 1944 г. был перевыполнен, а также увеличили выпуск деталей для тракторов и сельхозмашин, освоив 27 новых наименований деталей [4, с.42].

В 1944 г. коллектив завода был награжден переходящим Красным Знаменем ВЦСПС и Наркомлегпрома. 6 ноября 1944 г. коллектив завода №621 отправил телеграмму Верховному главнокомандующему маршалу Советского Союза т. И.В. Сталину: «Мы рабочие, работницы, инженеры, техники и служащие завода № 621, собравшись на торжественное собрание, посвященное 27-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции шлем Вам Великому вождю и полководцу советского народа пламенный большевистский привет!... Сознавая всю ответственность перед страной и фронтом, коллектив нашего завода, начиная с июля этого года из месяца в месяц не только выполняет, но и перевыполняет Государственное задание и держит два переходящих Красных Знамени ВЦСПС и Наркомата легкой промышленности СССР, а также СНК и ЦК КП (б) Казахстана» [7, л.2].

Среди заводчан были передовики производства, ставшие лауреатами сталинской премии, награжденные как боевыми так трудовыми орденами и медалями. В 1945 г. директор завода В.И. Хохлов за осво-

ение новых видов вооружения и выполнения производственных задания Указом Президиума ВС награжден орденами «Красной Звезды», «Трудового Красного Знамени», литейщик Г.К. Куприянов за перевыполнение задания – орденом «Ленина», кузнец А.В. Качалин – орденом «Трудового Красного Знамени», конструктор Ф.В. Чуркин – орденом «Знак Почета», токарь Н.И. Малофеев – медалью «За трудовую доблесть», браковщица М.Г. Меньшикова – орденом «Знак Почета», сварщик Ж. Нусупов – орденом «Знак Почета» [8, л.3].

Национальный состав работников завода №621 – это в основном русские, украинцы, белорусы, татары, казахи, узбеки. В 1944 г. на заводе работали 259 казахов и 19 узбеков. Они трудились в литейном цехе, часть – на строительстве и в конном парке. Числились как трудармейцы и были размещены по частным квартирам. Трудармейцы казахи получали нательное белье, обувь, ватники, полушубки, и мануфактуру, работникам стройучастка и литейного цеха выдавали валенки. Казахи, проживающие на частных квартирах, обеспечивались углем по 75–100 кг в месяц. Питались трудармейцы в столовой ОРСа наравне с остальными рабочими, причем казахам давали еще чай [9, л.1].

За время работы завода №621 в Кокшетау кадровый вопрос был актуальным, т. к. не хватало квалифицированных рабочих, техников и инженеров. Вот почему с самого начала размещения завода в городе постановлением Совнаркома СССР от 28 мая 1941 г. было дано распоряжение правительству КазССР отобилизовать среди неработающего населения республики 2000 чел. для работы на заводе [10, л.9]. На производственной базе завода путем индивидуального обучения и ученичества обучали разным специалистам людей, поступивших на работу. Например, мастер Архипов обучил профессии стерженщика 35 чел., мастер сборщик цеха №18 Рыжков подготовил 19 чел. Рабочие кадры готовили в 1942 г. в школах ФЗО. С уходом мужчин на фронт их место заняли женщины, подростки, освоившие новые для них рабочие профессии. На 15 декабря 1942 г. на заводе было 1619 рабочих, из них 1020 составляли женщины. Им приходилось работать по 10–12 часов в день, чтобы выполнить производственный план [11, с.26].

18 мая 1945 г. распоряжением Наркомата легкой промышленности СССР и приказом завода от 27 мая т. г. с 1 июня производство боеприпасов на заводе №621 было прекращено [12, л.4].

1. Государственный архив города Кокшетау (далее – ГАГК). Ф.30. Оп.1а. Д.5.
2. Там же. Д.24.
3. Там же. Ф.9. Оп.1. Д.3.
4. Ради жизни на земле (по документам госархива г. Кокшетау). Сборник статей. – Кокшетау, 2010 – 80 с.

5. ГАГК. Ф.30. Оп.1а. Д.15.
6. Там же. Д.8.
7. Там же. Д.107.
8. Там же. Д.196.
9. Там же. Д.167.
10. Акмолинская область в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Выпуск 5. – Кокшетау, 2010. – 127 с.
11. ГАГК. Ф.235. Оп.1а. Д.169.

Нурсултанова Л.Н.
Атаева Т.Т.

Шымкент облысындағы кәсіпорындардың эвакуациясы

1941 ж. 22 маусымында фашисттік Германия Кеңес Одағына шабуыл жасайды. Қазақстан Кеңестік Социалистік Республикалар Одағының (КСРО) құрамдас бөлігі болатын. Қуатты әлеует пен айтарлықтай табиғи ресурстарға ие және басқа республикалармен қатар әскери мақсатқа бағытталған. Облыстар Отан қорғауға шықты. Халық шаруашылығы көшірілген жабдық пен тұрғындарды қабылдады. Оңтүстік Қазақстан облысы (ОҚО) да ортақ жеңіске өз үлесін қосты.

1941 ж. 24 маусымында әскери комиссариатқа жасалған өзінің мәлімдемесінде Қаратас ауданындағы К. Маркс атындағы мектептің мұғалімі А. Көшімов былай деп жазды: «Мен фашисттік бандының біздің Отанымызға шабуыл жасағандығына қатты ызаланып тұрмын. Мен әскери комиссариаттан өзімді Қызыл Әскердің ерікті жауынгері ретінде алып, мені майданға жіберуін сұранамын. Шектен шыққан шабуылшыға өзімнің өшпенділігімді дәлелдей аламын. Мен өз еліміздің үкіметі мен сүйікті Кеңес Отанына, егер қажет болса, өз қаным мен өмірімді Отанымыз үшін, шуақты Қазақстан үшін беретінімді мәлімдеймін. Менің анам Бәтен менің шешімімді мақұлдады. Өтінішімнен бас тартпаңыз».

Осындай патриотизм мысалдары тым көп еді. Соғыстың алғашқы күндері Сарыағаш аудандық әскери комиссариатына майданға өз еркімен бару туралы 58 өтініш қабылданған болатын.

1941 ж. тамызында республиканың барлық ұжымшарларында Семей облысы Үржар ауданының «Қызыл Таулы қырандар» ауыл шаруашылық артелінің ұжымшаршыларының хаты талқыланды. Аталған хатта олар Қазақстанның барлық ауыл шаруашылығы еңбеккерлерін жауды толығымен талқандағанға дейін стахановск вахтасына тұруға шақырады. Үржарлықтар хаты облыстағы еңбеккерлердің патриоттық сезімінің жаңадан тулауын тудырды.

Соғысқа Қазақстанның барлық түкпірінен азаматтар қатысқан. Соғыстың алғашқы күнінен бастап КСРО-ның батыс аймақтарынан

шығысына қарай сонымен қатар Қазақстанға да халық пен құрал-жабдықтарды жаппай көшіру қажеттігі туындады.

Қазақстан территориясына: Полтава жіп иіру, Харьков – шұлық, «Большевичка» тігін, айна жасау, трикотаж тігу, Киев жіп иіру, аяқ киім жасау фабрикалары көшірілген болатын. 1941 ж. 30 желтоқсанына дейін Қазақстанға бұрынғы КСРО жеңіл өнеркәсібінің 16 кәсіпорны көшірілді. Тамақ өнеркәсібі 10 саладан: нан пісіру, макарон, кондитерлік, т.б. Олардың құрамында 4 кеңшар мен 177 өнеркәсіп кәсіпорындары болды. Ақтөбе химия комбинаты, Вишневский кеніші, Индерборстрой, Брич-Молла комбинаттары, Жетіқара металлургия зауыты химия өнеркәсібі қатарына енді. Брич-Молла таулы-химиялық комбинат арнаулы тапсырыспен Дашкестан кобальт рудаларын күйдіріп, балқыту арқылы кобальт шпейзаларын өндірді [1].

Эвакуацияланған кәсіпорындар қысқа мерзімде олардың өндірістік қуатын арттырып, оларды бірте-бірте арттырды. Соғыс кезінде өндірістік кәсіпорындарды жаппай эвакуациялау Шығыс өңірлерінде жүргізілді және эвакуацияның сәтті жүргізілуіне бірден бір себеп шығыс аймақтардағы индустрияның яғни металлургия, отын, энергетика сияқты өнеркәсіптік кәсіпорындардың мықты дамуы еді.

Шымкентте орналасқан зауыт машина құрал-жабдықтарының қосалқы бөлшектерін шығарды. 1942 ж. қыркүйекте Кәсіподақтардың Бүкілодақтық Орталық Кеңесінің Өтпелі Қызыл Туын және КСРО машина құрастыру ғимараттарының халық комиссариатын зауыт екі жыл қатарынан қазан мен желтоқсан айларының қорытындысы бойынша алды.

Эвакуация Қызыл Армия шегінуге мәжбүр болған кезде төтенше әскери жағдайда өтті. Күш-жігердің арқасында біздің әскерлеріміз уақыттан ұту үшін және эшелондарды осы аймақтан жабдықтауды аяқтау үшін жаудың қарсыласуын тоқтатты. Өнеркәсіпті эвакуациялаудың қиындықтары бұрын-соңды болмаған көлемде және қоныс аударуға жататын жабдықтар мен материалдардың үлкен көлемінде болды. Украина, Ресей, Белоруссия, Балтық жағалауы елдері, Молдавия сияқты елдердің экономикалық маңызды 31 850 өнеркәсіптік өндіріс орналасқан аймақтары қауіп астында болды [2, 84–85 б.].

Кеңес халқының нацистік Германияға қарсы ерлік күресі кеңестік халықтың жеңісімен аяқталды. Бұл жеңіс солдат пен генералдың ерлігімен және сондай-ақ тыл жұмысшыларының еңбегімен келген еді. Халық армияны заманауи соғыс құралдарымен, азық-түлікпен, отынмен қамтамасыз етті, бұл Германияны түпкілікті жеңуде шешуші фактор болды. Республиканың әрбір төртінші азаматы майданға және

қорғаныс өнеркәсібіне барды. Қазақстан Сталинград шайқасы кезінде майданалды аймақ ретінде болды.

Шымкент түрлі фабрикалардың жабдықтарын қабылдап алды. Осылайша, Краснополянк жіп иіру фабрикасы Мәскеу облысынан Оңтүстік Қазақстан облысының Пахтарал кеңшарына көшіп келді. Олардың қатарында: 838 жанұялы жұмысшылар, атап айтқанда, 535 жұмысшы, 38 инженерлік-техникалық жұмысшы, 37 қызмет көрсетушілер, 55 фабрикалық-зауыттық шәкірт бар. Олардың барлығы Шымкент қаласындағы клубтар мен мектептерге орналастырылды. Харьковтан 232 шұлық автоматы әкетіліп, 102 адам жанұясымен бірге көшірілді. Харьков шұлық фабрикасы 1941 ж. 23 қарашасында әкелініп, 20 вагон әкетіліп, 150 жұмысшылар жанұяларымен көшірілді. Харьков айна фабрикасы 1941 ж. 17 қазанында көшірілді. 20 мың жіп иіру ұршығы мөлшеріндегі Запарск және Завидовск фабрикаларының жабдықтары мен Глуховск комбинаты мен Серпуховск былғары зауыты құрамында 178 вагон мен 64 адаммен, 3-ші Полтава жіп иіру фабрикасы – 5 қазанда 14 008 ұршықпен және 66 адаммен, ал Харьков тігін фабрикасы бөліне отырып, алғашқысы – 29 қыркүйекте 254 жұмысшымен көшіп келді.

Шымкент облысы соғыс жылдарында майдан шебіндегі жерлерден көшірілген тұрғындарды, кәсіпорындарды, балалар үйі мен ауруханаларды қабылдап, өз аумағына орналастырды.

Соғысқа дейінгі жылдардағы республика өнеркәсібінің даму қорытындысы ретінде 700 жаңа өнеркәсіптік және көлік кәсіпорындары болды. 1940 ж. республикамызда 2,5 мың жаңа және соғысқа дейінгі бесжылдықта қайта құрылған ірі өнеркәсіптік кәсіпорын жұмыс істеді. Сонымен қатар, Қазақстанның ірі өнеркәсіп өнімдерінің үлесінің үштен екісіне ие 268 ірі жаңа әрі толығымен қайта құрылған кәсіпорындарда негізгі өндірістік қор мен республиканың бүкіл жұмысшыларының шамамен жартысының 80%-дан көбі шоғырланған [3, б. 345–346].

Соғыстың алғашқы айларында облысқа майдан шебінен 26 ірі кәсіпорын қайта келді. Олардың көпшілігі Шымкент қаласына, сонымен қатар басқа да елді-мекендерге орналастырылды. Олардың қатарында Қаратас ауданының «Күйік» кеңшарындағы әйнек зауыты, Сайрам ауданындағы Манкент автотрактор жөндеу зауытындағы трактор шеберханасының жабдығы, Түркістан қаласындағы электр станциясының 800 квт-қа дейінгі электр станциясының жабдығы болды.

1941 ж. қыркүйек–қараша айларында майдан шебінен 2092 адамы бар 22 балалар үйі көшірілді, олардың 18-і ауылдық жерлерге орналасқан: Сайрамға-Курскіден, Ворошиловградск облысынан 115 адам, Пахтарал ауданына – Курск облысынан 115 адам көшірілді.

1941 ж. соңында Шымкентке Мәскеу облысынан, Краснодар өлкесінен, Киевтен, Зарьковтан, Воронежден, Кременчугтан, Дондағы Ростовтан кәсіпорындар көшірілген.

1942 ж. қалаға 14 кәсіпорын орналастырылған, оның ішінде Ростов тігін фабрикасы, Рязандағы табиғи каучук зауыты, «Мельстрой» диірмені және т.б. бар еді.

Соғыс жылдары майдан шебінен 20 мың жұмысшысымен 17 зауыт пен фабрика қайта орналастырылған. 1941 ж. күзінде Ақсу ауылына Чугуев әскери училищесі, Шымкентке – Орловск жаяу әскери училищесі қайта қоныс аударды. Жаяу әскер училищесі кейіннен Өзбек КСР-інің Термез қаласына қайта қоныс аударған. Сонымен бірге, КСРО-ның Сәулет академиясының, Мәскеу кеңесінің театры да қоныс аударған.

1942 ж. Воронежден көшірілген пресс зауыттың базасында КСРО-ның үкіметінің шешімі бойынша Шымкентте престелген машина автоматтардың жаңа зауытының құрылысы басталды. Зауыт 1942 ж. соңына қарай елге алғашқы өнімін бере бастады, мамыр–маусым айларында құю және теміршілік цехтары бірінші кезекте іске қосылды. 1942 ж. қазан айында өндірістік жоспарды шектен тыс орындағаны үшін зауыт ұжымы Бүкілодақтық кәсіподақтың Орталық Кеңесінің және КСРО-ның станок құрылысының Халықтық коммисариатының ауыспалы Қызыл Ту Белгісіне ие болды. Атқарым нормасын 150–250% орындаған Д.Г. Маслов, Б.Н. Проторчин, Ф.А. Золотарев, И.Ф. Сафронов, В.Н. Лангов, И.В. Купавых, С.В. Старцев сияқты еңбек ерлері айтарлықтай ерекшеленді.

С.К. Ерғалиев, М.С. Витушкин және т.б. өндіріс озаттары, Н.М. Протасов, А.И. Цвилюховский, А.С. Георгиади, М.И. Мальнова және т.б. мамандар өз ісінің шеберлері атанды. Зауыт Қытайға, Румынияға, Польшаға, Чехословакияға, Үндістанға өнімдерін жеткізді. 1950–1951 жж. Зауыт топса мен шығыршық өндірісіне арналған А148 және А148А автоматтарының сериялық шығарылымын меңгерді, 1956 ж. престоу машиналары мен автоматтарының 8 түрі игерілді.

1942 ж. 1 қаңтарына қарай облысқа 8 көшірілген аурухана орналастырылған. Оның ішінде: 200 төсек-орны бар, № 3983 қоныс аударғандарға арналған аурухана Сайрам ауданы Манкенттегі бұрынғы Бүкілодақтық кәсіподақтың орталық кеңесінің демалыс орнына; Сарыағаш ауданындағы ауыл шаруашылығы комбинатының ғимаратындағы 500 төсек-орындық № 2068 қоныс аударғандарға арналған аурухана; Түлкібас ауданының Балықшы ауылындағы балалар шипажайының ғимаратында 250 төсек-орындық № 2921 қоныс аударғандарға арналған аурухана болды. Облыс бойынша

қоныс аударғандарға арналған ауруханаларда жалпы 3350 науқас пен жаралы адамдар емделді.

1944 ж. наурызында Ащысай кенішінде үш жас-жеткіншектерден құралған майдангер бригадалары жұмыс істеді. Комсомолшы Ыдырысов басқаратын бригада бәрінен озық еңбек етті. Ол бірнеше адамды босатып берді де, еңбек өнімділігін 120% арттыруға мүмкіндік берді. Байсанжай кенішінде жастардан құралған майдан бригадасы құрылған болатын. 1944 ж. наурызының соңына қарай Ащысай байыту фабрикасында Юнусовтың басқаруымен жұмыс істейтін комсомол-жастар ауысымы ұйымдастырылған болатын. Аталған ауысымның 19 бірдей мүшесі өндірістік нормалары тұрақты түрде орындап отырды.

Ұжымшаршылар, зауыттар мен кәсіпорындардың жұмысшылары өз күштері мен денсаулығын аямастан еңбек етті. Майданға жіберу туралы жүздеген өтінімдер келіп түсіп жатты. Медициналық қызметкерлер, мұғалімдер, студенттер мен мектеп оқушылары өз Отанын қорғау үшін майданға баруға асықты. Жүздеген қыз-келіншектер мен жасөспірімдер машинист, от жағушы кәсіптерін меңгеріп, 2–3 еселік норманы орындай отырып жұмыс істеді [4, 10–24 б.]. Шымкент қаласының өнеркәсіптік кәсіпорындарының комсомол ұйымдарының 1944 ж. мамырындағы жұмысы туралы баяндамада көрсетілгендей, өнеркәсіптік комсомолдық есепте болды, оның ішінде тікелей өндірісте жұмыс істейтіндердің саны – 385, екпінділердің саны – 215 адамды құрады. Май шығару зауытының комсомол жастардан құралған бригадасы (бригадир Ратников) жақсы нәтижеге қол жеткізді. Азайтылған мүшелерінің санымен жұмыс істей отырып, аталған бригада мамырына арналған өнім өндіру жоспарын 166%-ға орындап, жалпы алғанда бригададағы еңбек өнімділігі 170%-ға жетті. Бригадир Ратников өзі тапсырманы 190%-ға орындап шықты.

Комсомол жастардан құралған бригада жақсы жұмыс істеді, атап айтқанда қорғасын зауытының цех маманы ерекше көзге түсті (бригадирі Сидоренко). Бригадада азайтылған жұмысшылар санымен жұмыс істей отырып, бригада мамырындағы жоспарды 105%-ға орындады, жалпы алғанда бригада бойынша еңбек өнімділігі – 180%-ды құрады.

Жеңіл өнеркәсіптік халықтық комиссариатының «Красный зеркальщик» фабрикасының комсомол жастардан құралған бригадасы социалистік жарысқа белсенді түрде ат салысты. Иголкиннің басқаруындағы комсомол жастардан құралған бригада (майдандағы) айлық жоспарды 240%-ға орындап шықса, Текстильстройдың комсомол жастарынан құралған бригадасы (бригадир Новосад) айлық жоспарды 150%-ға орындады, еңбек өнімділігі 10%-ға артқан.

Мамырындағы социалистік жарыста хатшысы Дьянченко болып табылатын қорғасын зауытының комсомолдар ұйымы айтарлықтай үлкен жұмыс атқарды. Комитетке ауыспалы Қызыл Ту тағайындалған, осы белгіні алғаны үшін социалистік жарыс ұйымдастырылып отырды.

Шымкент бекетінің теміржол торабының комсомолшылары мен жастары өздерінің белсенді түрде ат салысуы арқылы пойыздарды тезірек қозғалтуға, вагондар мен паровоздардың жөндеуге тұрып қалу уақытын қысқартуға аса назар аударды. Темір ұстасы болып жұмыс істейтін комсомолшылар Галушкин, Медведев, Полтораков өз тапсырмаларын 200%-ға орындады [5, 131–132 б.].

Осылайша, соғыс жылдарында Шымкент облысы зауыттар мен фабрикаларды, жұмысшыларды, ғалымдарды, балалар үйінің тәрбиеленушілерін қабылдады. Өнеркәсіптік кәсіпорындар әскери тапсырыстарды орындай бастады.

Соғыс уақытында адамдардың бастан кешірген қиыншылықтарына уақыт үстемдік жасай алмады. Ол өте ауыр, бірақ ерлікке толы, ерекше қасиетті уақыт. Герман фашизмімен болған соғыстағы біздің Жеңіс бұрынғы кеңес халықтары өмірінің жұлдызды кезеңі.

1. ҚР ПА. 708 қ. 7/1 т. 151 іс. 72 п.
2. Лихоманов М.И. Организаторская работа партии в промышленности в первый период Великой Отечественной войны – ЛГУ, 1969. – 222 с.
3. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5 томах. Т.4. – Алматы: Атамұра, 2009. – 768 с.
4. Чимкентская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Хронологический справочник (по архивным материалам) – Чимкент, 1987. – 50 с.
5. История комсомола Южного Казахстана 1922–1991 гг. / Сборник архивных документов. Ч.1. – Шымкент, 2009.

Аннотация

О работе эвакуированных предприятий, заводов, фабрик, размещенных в Чимкентской обл., их достижениях, о получении в эвакуации переходящих Красных Знамен ВЦСПС и других наград. Также приводятся сведения об эвакуации людей, больниц, детских домов, училищ, размещенных в Чимкентской обл.

Федоренко З.Л.

Эвакуация в Ташкент харьковчан с Сахаросвеклотрестом

Перед войной семья И.М. Федоренко проживала в г. Харькове. Иван Михайлович, окончивший два института – сельскохозяйственный и народного хозяйства по экономическому факультету, отработав несколько лет в Наркомземе Украины, с 1933 г. трудился Главным агрономом Сахаросвеклотреста. Его супруга – Сытая Елизавета Пав-

ловна физик, научный работник, занималась научной и преподавательской деятельностью. В Украинском физико-техническом институте ею была выполнена и опубликована работа по магнетрону, о которой упоминалась в учебниках. Она подготовила диссертацию, защиту которой назначили на сентябрь 1941 г. Но в сентябре уже было не до Учёных Советов. Елизавета Павловна после начала войны была, как и все остальные сотрудники, уволена с работы «в связи с временной консервацией учреждения».

Харьков являлся одним из крупнейших промышленных центров СССР и крупнейшим стратегическим узлом железных и автомобильных дорог, обеспечивавшим переброску войск во всех направлениях фронта. С конца июля 1941 г. станции Харьковского железнодорожного узла подвергались массированным авианалётам. Фронт докатился до Харькова за два месяца, немцы долго стояли под городом, оккупировали 24 октября 1941 г.

Уже на третий день после начала Великой Отечественной войны был создан Совет по эвакуации для руководства эвакуацией учреждений, военных грузов, оборудования предприятий и населения. В максимально сжатые сроки необходимо было переориентировать народное хозяйство на военные нужды. И.М. Федоренко, как один из руководителей Сахаросвеклотреста, занимался эвакуацией сахарных заводов Восточной Украины. Дело было спешное. Немцы продвигались стремительно.

Отправка людей проводилась централизованно по заявкам предприятий и организаций через эвакуационные отделы городских и партийных органов управления Харькова. Всего к 20 октября 1941 г. из Харькова было эвакуировано 56 санитарных поездов и 225 эшелонов с людьми. Однако для того, чтобы попасть на поезд, надо было получить разрешение на эвакуацию. Эвакуация гражданского населения была запланирована, но из-за наступавших немцев, в первую очередь вывозили промышленные предприятия, организации и их работников.

Членов семей работников эвакуировавшихся предприятий, если они не были работниками предприятия, в вагоны с оборудованием брать не разрешалось. Поэтому Иван Михайлович оформил свою супругу Е.П. Сытую проводником товарного вагона с элитными семьями сахарной свёклы. Сам оставался в городе до последнего, чуть не попал в окружение: водитель, увидев немецкие танки на дорогах, сбежал; ни Иван Михайлович, ни его помощник водить машину не умели, им пришлось выбираться пешком и на лошадях.

Е.П. Сытая взяла с собой в эвакуацию сына и двух младших сестёр с детьми, у которых не было другой возможности эвакуироваться (одна — учительница, муж на фронте, другая — врач, муж её был эвакуирован,

вместе с заводом, на котором работал). Самостоятельно эвакуироваться гражданскому населению было практически невозможно: заранее оставить работу и уехать было нельзя: сразу бы обвинили в паникёрстве, неверии в защиту Красной армии, с соответствующими выводами, билеты на железную дорогу продавались строго по предписаниям и разрешениям на эвакуацию. А когда уже немцы стояли на пороге, людям было сложно в неразберихе выехать, да и не на чём: к товарнякам не подпускала охрана, боясь диверсантов, которых засылали немцы. Диверсионная работа и разведка у немцев были хорошо поставлены. Прабабушка мне рассказывала, что, когда немцы бомбили церковь и зелёную зону вокруг неё, они – жители соседнего района – не могли понять: почему бомбят именно церковь. Оказалось, что там был склад оружия и боеприпасов. Местные, живя рядом, этого не знали, немцы – знали.

Сёстры Сытые с детьми, запасясь на дорогу долгосрочными продуктами: салом и сухарями, уехали в эвакуацию в самом конце сентября, сами не зная куда, в Белый Свет.

Пункт назначения менялся по мере продвижения на восток немецких войск. Сначала выехали в Купянск, где обосновался Харьковский свеклосахаротрест, туда же, в Купянск в начале октября выехали правительство и ЦК КП (б) Украины. Через некоторое время И.М. Федоренко с Трестом был направлен из Купянска в Ташкент для подготовки к встрече оборудования и работников.

Вагоны с семенами и оборудованием перенаправили в с. Богатое под Куйбышевом. Тяжелым был этот путь... Сначала бомбёжки на станциях и возле мостов, да и в пути на них постоянно пикировали немецкие бомбардировщики, Валуйки, Лиски, Поворино, Балашов... Там и сейчас, через почти 80 лет видны глубокие воронки, тянущиеся по обе стороны железнодорожного полотна. При бомбёжках поезд останавливался, и народ разбегался прятаться. Сёстры Сытые договорились при бомбёжке разбежаться в разные стороны, каждая со своим сыном, чтобы под одной бомбой не погибнуть сразу всем вместе. Ближе к зиме начался холод в вагоне с инеем на стенах. Младший из детей – 4-х летний Володя, сын Анны Павловны, начал болеть, т. к. сало оказалось для него слишком тяжёлой пищей, и есть его он не мог. Приходилось у местных покупать или выменивать что-то из одежды на подходящие ребёнку продукты: молоко, яйца, если удавалось, то курицу. Поезд продвигался медленно: из-за бомбёжек возникали заторы на путях, нужно было растаскивать разбитые вагоны, ремонтировать пути. На станциях в первую очередь давали зелёный свет воинским эшелонам и эшелонам со стратегически важными грузами, с большим трудом проводникам удавалось добиваться у железнодорожного начальства продвижения вагонов на магистраль с запас-

ных путей, куда их постоянно загоняли. Перезимовали под г. Куйбышевом, в с. Богатом. Кто устроился в теплушках вагонов, кто, если было где, – на квартирах у местных. Когда стало ясно, что война надолго, их перенаправили в Ташкент. В город хлебный они прибыли в начале апреля. В пути обнаружилась ещё одна проблема: довольствие выдавалось только на проводников, и когда у «пассажиров», которых полулегально взяли новоиспечённые проводники, закончились запасённая провизия и деньги, они стали продавать из вагонов всё, что только можно было продать. Противостоять голодным людям, которым нечем кормить детей, было невозможно, не довезти вверенное – тоже: по закону военного времени спрос был бы коротким. Елизавете Павловне удалось довезти почти всё, правда, уже без тары.

Население Ташкента выросло почти втрое за счёт эвакуированных. «Сахарников» – работников Укрсахаросвеклотреста поселили в Ташкенте на ул. Гоголя, 47 во дворе Театра оперетты, артисты которого жили в общежитиях барачного типа, вот их и уплотнили. Позже в здании театра был кинотеатр «30 лет ВЛКСМ», хорошо известная всем ташкентцам «Тридцатка».

Посередине барака шёл широкий коридор, по обе стороны – двери в комнаты, у каждой из них стояли столики с примусами. Семью Федоренко – четверо взрослых и трое детей – поселили в одну комнату. Елизавета Павловна, сразу принявшись за устройство быта, как и положено физику, накрутила спираль из проволоки, продолбила канавки в кирпичах, и, подключив к сети, поставила кипятить чайник. Смотреть на это «чудо» – вода кипит на кирпичах – сбежался весь барак, артисты, прямо в сценических костюмах. На одной любопытной, но неосторожной актрисе загорелось боа, потушили сразу, правда на сцену она пошла, распространяя запах горелых перьев...

В первое время эвакуированные ночевали даже на сцене Театра оперетты и в зрительном зале, сдвинув кресла после спектаклей. Хорошо ещё, что ташкентский климат позволял спать и во дворе. Потом как-то расселились посвободнее, кто-то что-то подстроил, кто-то ушёл на квартиру к местным.

И.М. Федоренко был всё время в разъездах, по делам Сахаросвеклотреста, связанным с посевной, выращиванием урожая. Весной 1942 г. сахарной свёклой – новой для Средней Азии культурой, засеяли поливные поля. Начали с совхоза «Малек» Сыр-Дарьинской обл. К осени 1942 г. был получен первый урожай. Эвакуированные свекловоды были в некотором затруднении: климат и почвы в Средней Азии были не те, что на Украине, у местных дехкан не было опыта по выращиванию свеклы. В связи с этим возникало много вопросов, которые нужно было срочно решать на месте. Позже Иван Михайлович подготовил книгу

«Сахаросвекловодство», как руководство к действию по выращиванию, хранению, борьбе с вредителями и переработке сахарной свёклы. Своего авторства указывать не стал, т. к. собрал в ней рекомендации агрономов и учёных-почвоведов обо всём, что касалось сахарной свёклы.

С февраля 1942 г. оставаясь главным агрономом треста, он исполнял обязанности директора строящегося сахарного завода в г. Янги-Юле Ташкентской обл., занимался организацией его монтажа. Прибывающие эшелоны разгружались, и сразу же начинался скоростной монтаж и пуск оборудования. Люди работали круглосуточно.

Надо сказать, что в Узбекистане сахарная свёкла многих спасла от голода, как приезжих, так и местных. Население Ташкентской, Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской областей с благодарностью вспоминало об этом ещё и в 1970–1980 гг. Людям выписывались побочные продукты производства сахара, содержащие много питательных веществ: жом (0,3% сах.), ботва на корм скоту, мелясса (*mélasse* – фр.) – кормовая патока.

На выращивании сахарной свёклы в Узбекистане специализировались Самаркандская, Ферганская, Ташкентская и Кашка-Дарьинская обл., в которых в 1942 г. было выделено 65 тыс. га плодородных земель, в последующие годы – 70 тыс. га. В Джизакском и Пастдаргомском районах с каждого га собрали по 400–800 ц сахарной свёклы. Это был богатый урожай.

Е.П. Сытая в первый же месяц устроилась работать ассистентом в эвакуированный в г. Ташкент Харьковский транспортный институт: нужно было зарабатывать продуктовые карточки и деньги на обустройство. Всё годами нажитое осталось в Харькове, запертое в квартире на ключ. Одна сестра Е.П. Сытой – Александра Павловна устроилась работать в школу учительницей, другая – Анна Павловна – врачом в госпиталь, через некоторое время случайно узнав, что завод, на котором работал её муж, эвакуирован в Барнаул, она по вызову уехала с сыном к нему. Время было тяжёлым. Елизавета Павловна рассказывала, что транспорт работал плохо, приходилось идти пешком, выходить рано, чтобы успеть к первой паре, и на улицах ей случалось видеть ужасную картину: ехали узбекские арбы с большими колёсами и собирали на улицах умерших от голода за ночь. У многих эвакуированных не было никаких документов – не успели взять с собой или бумаги пропали под бомбёжкой. И люди оставались без возможности устроиться на работу, а, значит, и без карточек...

У работающих тоже было с питанием туговато. Крупные предприятия по воскресеньям организовывали специальный грузовик, для желающих, чтобы люди могли подкормиться: поехать в степь и набрать там черепах для супа.

Несмотря на трудности первого года войны, в начале 1943 г. в Узбекистане уже работали 4 сахарных завода: в Коканде, Янги-Юле, Зирабулаке и Красногвардейске. В феврале 1943 г. Федоренко Ивана Михайловича назначили Управляющим Узбсахаросвеклотреста, тогда же ему с семьёй выделили квартиру: комнату с просторной прихожей, в которой можно было организовать кухню. По тем временам это были прекрасные условия. Водопровод и туалет – в общем дворе, баня – через 3 квартала. Комнату сразу же перегородили, и получилось две, хоть и крошечные, комнаты.

В конце 1943 г., когда Харьков уже был освобождён от немецко-фашистских захватчиков, часть треста уехала на Украину, где надо было возрождать сахарную промышленность.

После войны многие начали возвращаться на освобожденные от оккупации территории. 1-й секретарь ЦК КП (б) Уз Усман Юсупович Юсупов ездил в Москву, требуя не оголять республику, сохранить кадры и промышленные предприятия, эвакуированные в Узбекистан. Тем самым высоко поднял развитие промышленности в Узбекистане. Уехали, в основном, те, кто эвакуировался самотёком и с производством связан не был.

И.М. Федоренко в 1944 г. отзывали на работу в Москву, но его республиканское руководство не отпустило. Потом в 1948 г. министр пищевой промышленности СССР В.П. Зотов приглашал И.М. Федоренко на должность замминистра пищевой промышленности. Но его опять не отпустило партийное руководство УзССР. Иван Михайлович Федоренко проработал в должности Управляющего Узбсахаросвеклотреста до 1950 г., до избрания его первым зампредом Ташоблисполкома.

Сахарная промышленность в Узбекистане процветала до 1953 г., когда руководством страны было принято решение засеивать всё хлопком. Сахарные заводы перепрофилировали. И.М. Федоренко в 1952–1953 гг. работал замминистра пищевой промышленности УзССР.

В 1953 г., когда нужно было организовывать Министерство культуры, объединяющее в себе культуру, высшее и специальное среднее образование, полиграфию, печать, кинематографию, это поручили И.М. Федоренко, как опытному организатору. Он был назначен первым заместителем министра культуры, и проработал в министерстве до выхода на пенсию в 1971 г. Был награждён тремя Орденами Трудового Красного Знамени (1946, 1950 гг. – за успехи в развитии сельского хозяйства УзССР, в 1967 г. – за организацию восстановления и реставрации памятников Самарканда). Он взял на себя ответственность по выпрямлению «падающего» минарета на Регистане Самарканда, о чём много говорилось с 1927 г., но браться за дело не решались, боясь его обрушения. Министр культуры СССР Е.А. Фурцева

сказала: «Ну, Иван Михайлович, если он рухнет – пеняйте на себя! А если сможете выпрямить – получите орден». И.М. Федоренко награждался четырежды Почётными грамотами ВС УзССР, званием Отличник Министерства культуры СССР, Отличник Госкомитета Совета Министров СССР по кинематографии. Неоднократно избирался депутатом различных уровней, в т. ч. депутатом ВС УзССР.

Его супруга – Елизавета Павловна, когда Харьковский транспортный институт в 1944 г. уезжал обратно на Украину, получила приглашение реэвакуироваться с ним, кроме того, она получила приглашения и ещё от двух институтов, в которых работала до войны. И.М. Федоренко с работы не отпустили, и Елизавета Павловна стала искать возможность заниматься научной работой. Она познакомилась с профессором Г.Н. Шуппе, заведовавшим кафедрой экспериментальной физики Средне-Азиатского государственного университета (далее – САГУ.), и он пригласил её на свою кафедру. Уволиться из транспортного было очень трудно: в те времена ни о каких «собственных желаниях» не могло быть и речи. Тем более, Транспортный институт считался военизированным, и преподаватели даже были обязаны ходить на занятия в железнодорожных мундирах. Елизавета Павловна начала работать в САГУ, с 1 сентября 1947 г. ассистентом кафедры экспериментальной физики, по совместительству оставаясь в транспортном институте ассистентом кафедры общей физики. Только в 1948 г. ей удалось уйти из института, она получила возможность, кроме учебной работы, заниматься наукой. Вскоре защитила диссертацию. Проработала доцентом и замзавкафедры, в 1966–1969 гг. – завкафедрой физической электроники на физфаке, в Ташкентском университете до выхода на пенсию в 1974 г.

Кожушко Е.А.

Эвакуация Купянского сахарного завода в г. Коканд

Война нас застала в Харькове, где мой отец Кожушко Андрей Трофимович был главным инженером Харьковского сахаротреста. Из Харькова мы эвакуировались в конце первой декады октября, т. е. тогда, когда отступали войска. Задержались наша семья из-за моей болезни. Мы выезжали не как эвакуированные: отец имел направление на работу на Ольховатский сахарный завод Воронежской обл. Шли осенние дожди. Наши дороги всегда были предметом анекдотов, а размокшие и разбитые колоннами военных машин, они представляли нечто невообразимое. Добирались мы от Харькова до Ольховатки с трехдневной остановкой около двух недель. Месяца два отец был с нами в Ольховатке, но потом он возвратился в Купянск, где собрались

работники Харьковского сахаротреста. Купянский сахарный завод был построен в ходе индустриализации и введен в эксплуатацию в 1937 г. Он был одним из крупнейших в СССР, проектная мощность предприятия обеспечивала возможность перерабатывать 25 тыс. ц сахарной свеклы в сутки.

Я (1926 г. р.) и брат мой Анатолий (1932 г. р.) успели окончить учебный год и, придя с табелями по успеваемости домой, неожиданно увидели в доме несвойственную нашей семье суету. Оказалось, что отец срочно был командирован на строительство сахарного завода в Узбекистане в г. Коканде. Дело в том, что в начале 1942 г. в связи с приближением к городу линии фронта оборудование Купянского завода демонтировали и отправили в Коканд. Монтаж завода шел медленно, и отца отправили на «прорыв».

На станции Россошь (вблизи Ольховатки) были выделены два или три вагона-теплушки, где разместились наша семья, мастер-артельщик Козлов, мастер-выпаривщик Луцок с сыном, инженер Базыка с женой и семья инженера Самуся. Кроме людей, было загружено ценное оборудование. Простояв два дня в Россоши (ж. д. была загружена военными эшелонами), мы поехали в Лиски, там узнали, что немцы бомбили Россошь. В Лисках мы также простояли два дня. Отец нервничал, дело требовало его присутствия в Коканде. Наконец, поехали. Не доехав до Волги, мы узнали, что немцы сровняли Лиски с землей. Мы это тяжело пережили, поскольку знали, что в Лисках все пути были забиты военными эшелонами, в т. ч. госпиталями.

Переехали Волгу и впервые увидели светящиеся окна. Отец нервничал из-за того, что наши вагоны передвигались черепашим шагом. Он взял мастера Козлова и вместе с ним, оставив семью, сел в пассажирский поезд. Мы приехали в Коканд лишь через 10 дней.

Надо сказать, что технологический процесс сахароварения один из самых сложных. Соответственно, и оборудование. Одновременно нужно было строить ТЭЦ, т. к. город не в силах был обеспечить электроэнергией завод. Сахарные заводы строятся 2–3 года. Кокандскому заводу было отпущено около 9 месяцев. Персонал строителей, монтажников в основном был укомплектован за счет эвакуированных из Украины и, в основном, сахарниками. Люди работали в тяжелейших условиях по 12 часов в сутки при жаре 40 градусов, под палящим солнцем при скудном питании и более чем скромных бытовых условиях. Их поддерживал только энтузиазм. В ту пору директором завода был Уманов Абрам Григорьевич, который в 1943 г. был переведен на другую работу. На его место был назначен отец.

Одновременно со строительством завода в области были засеяны большие площади сахарной свеклы. И уже в сентябре свеклу свозили

в кагаты^{1*}. Выращивание сахарной свеклы – новая для сельского хозяйства Узбекистана отрасль. На ее выращивании специализировались Самаркандская, Ферганская, Ташкентская и Кашкадарьинская области, где в 1942 г. было выделено 65 тыс. га плодородных земель, в последующие годы – 70 тыс. га. В Джизакском и Пастдаргомском районах с каждого гектара собирали по 400–800 ц сахарной свеклы. Эвакуированные в Узбекистан ученые и специалисты с Украины и Белоруссии обучили бригадиров и звеньевых методам выращивания сахарной свеклы. Сейчас даже трудно представить, с каким напряжением сил и воли работали люди. И вот... Перед Октябрьскими праздниками по эстакаде в мойку первая свекла. Люди плакали и смеялись, обнимали друг друга.

Технологическая линия была смонтирована, а корпус не выстроен. Первый сезон люди работали под открытым небом, под зимним дождем. Но сахар страна и фронт получили!

Хочется вспомнить имена тех беззаветных тружеников, которые сохранялись в моей памяти более 75 лет. Это: Заяц – бригадир монтажников, братья Куксинович – монтажники, Шептун – старший химик, Ланченко – инженер, Розенберг – инженер, Тютченко Полина Карповна – инженер (мать двоих детей, муж на фронте), Травенко Мария – инженер (малый ребенок, старая мать, муж на фронте), Гриншпун – инженер (мать троих детей, муж полковник погиб), Эмме Станислав Йосипович – главный инженер, Беренштейн Иветта – инженер ТЭЦ, Фалк Анатолий – электрик ТЭЦ, Колесова Ольга – инженер-проектировщик, Гонтаренко Мария – зав отделом кадров, Уманов Абрам Григорьевич – первый директор завода, Романовский Ефим – гл. бухгалтер, Шевченко – слесарь-монтажник, Кожушко Елена Андреевна – лаборант химлаборатории, Кожушко Полина Александровна – зав. техучебой, Медведев – зав. техотдела, Семенов – зам. гл. инженера.

В годы войны Узбекистан производил четвертую часть всего сахара СССР. Заводы для производства сахара кроме Коканда были построены в Зирабулаке и в Янгиюле. В 1944 г. республикой было сдано 1 млн. 646 тыс. ц сахарной свеклы.

После войны стала быстро восстанавливаться сахарная промышленность в Украине, где она всегда была одной из доминирующих. В связи с этим Союзное правительство сочло более целесообразным использовать земли Узбекистана под хлопок. 1951 г. – был последним сезоном сахароварения. Уже в 1952 г. завод перепрофилировали, и все коренные сахарники перебазировались в Украину и Молдавию.

^{1*} Сельскохозяйственная куча корнеплодов, сложенная на земле и укрытая для длительного хранения.

Наша семья переехала в Молдавию, где мой отец – Кожушко Андрей Трофимович был назначен директором сахарного завода.

Байкаш Ж.Т., Еркенова А.К.

О некоторых сотрудниках медицинских научно-исследовательских институтов г. Алма-Аты: эвакуированных врачах-евреях

К 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне Центральный государственный архив научно-технической документации РК (ЦГА НТД РК) подготовил и издал книгу «Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан: 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов» [1]. Источниковой базой книги послужили как фонды самого архива, так и ведомственных архивов его источников комплектования. В процессе работы составители не смогли получить доступ к фонду Наркомздрава КазССР. По этой причине некоторые данные о персоналиях в именном указателе сборника оказались неполными, что дублирует просчёты результатов исследований, проведённых только на основе названного фонда ЦГА РК [2]. Авторы статьи, опираясь на уже опубликованные документы, постарались расширить информационное поле при исследовании судеб некоторых персоналий, привлекая дополнительные источники.

Эвакуация – один из интереснейших и важнейших сюжетов истории Великой Отечественной войны. По разным данным эвакуацией было охвачено от 17 млн. чел. до 18–18,5 млн. [3]. Только в Казахстан на 1 января 1942 г. прибыли 388 805 чел. [4]. Из них по данным за вторую половину ноября 1941 г. эвакуированных евреев в республике насчитывалось 74 565 чел., в Алма-Атинской обл. – 8680 чел. [3].

Среди эвакуированных медицинские работники оказались одной из самых значительных профессиональных групп. По данным столичного горздравотдела^{1*} на 1 января 1943 г. в Алма-Ате насчитывалось 530 эвакуированных с высшим медицинским образованием. Из них 66% составляли евреи [5]. Спектр применения их знаний был очень широк. Помимо больниц врачи были востребованы в эвакогоспиталях (в Алма-Ате их было 8), те из них, кто имел ученые степени, – в медицинском институте, (контингент учащихся за счёт эвакуированных возрос в нём на 120%) и научно-исследовательских учреждениях, количество которых увеличилось с 5-ти в 1940-м г. до 7-ми в 1945 г. [6].

^{1*} Орган управления медицинскими учреждениями города в советский период.

По прошествии времени многое из того периода забылось. Даже люди старшего возраста не всегда знают о предшественниках из своей профессиональной среды, работавших некогда в Казахстане. Врач-фтизиатр Д.Н. Калачёва, профессиональная деятельность которой пришлось на 1955–1985 гг., в своих воспоминаниях отмечает: «Знакомясь со сборником «Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан: 1941–1945 гг.», я с удивлением обнаружила, что такие корифеи фтизиатрии как Рубенштейн Герман Рафаилович и Незлин Соломон Ефимович, по монографиям и учебникам, которых я познавала специфику профессии, работали в Институте туберкулёза, находясь в эвакуации в г. Алма-Ате» [7].

Вынужденная миграция забросила в Казахстан многих ученых-врачей, этнических евреев. Список тех из них, кто встречается в документах сборника «Из истории научных медицинских учреждений ...», прилагается. Авторы статьи решили остановиться на биографиях двух Р.Г. Лурье (Рашель) и Е.С. Незлина. Судьбы этих первоклассных специалистов объединяет одна драма: необоснованные сомнения властных структур в профессиональной добросовестности в силу их этнической принадлежности.

Старшей по возрасту была Роза Григорьевна Лурье – российский и советский врач-гинеколог, ученый-медик, доктор медицинских наук, профессор. Она родилась в семье раввина в г. Киеве. Окончила медицинский факультет в 1901 г. в г. Париже и в том же году поселилась в г. Петербурге. Диссертацию на степень доктора медицины по теме «Об эпителиальных опухолях мышцей» защитила в 1911 г. в Императорской военно-медицинской академии. Проходила стажировку в Императорском клиническом повивально-гинекологическом институте, где впоследствии была оставлена научным сотрудником и зав. акушерским отделением. Работала в этом институте^{1*} на протяжении нескольких десятилетий. В эвакуации в г. Алма-Ате – младший научный сотрудник в Казахском институте охраны материнства и младенчества (детства). Оформление Розы Григорьевны на столь скромную должность было вынужденным явлением из-за отсутствия вакансий. В 1943 г. руководство Института рассматривало вопрос о замене одной должности младшего научного сотрудника должностью старшего научного сотрудника «с тем, чтобы перевести на это место проф. Лурье, поскольку весьма неудобно, когда столь квалифицированный специалист занимает должность младшего научного сотрудника» [1, с.474]. В 1942 г. профессор вместе со своими коллегами решала задачу «улучшения всей постановки родовспоможения и оказания лечеб-

^{1*} Впоследствии – Дворец материнства и детства.

но-профилактической помощи беременным женщинам и гинекологическим больным». Сотрудники отдела акушерства и гинекологии, в котором работала Роза Григорьевна, периодически в течение квартала обследовали работу всех женских консультаций г. Алма-Аты. Результаты обследований обсуждались как в горздраве, так и в Институте на Научных советах. В итоге была проведена реорганизация 3-х женских консультаций, введён «принцип участкового и единого обследования беременных и гинекологических больных». Роза Григорьевна принимала активное участие в консультативном приёме пациенток. Она же осуществляла контроль над соблюдением единой методики работы всех женских консультаций города. Занималась и научной работой.

Следует отметить, что в эвакуации в Алма-Ате находился и племянник Розы Григорьевны, Григорий Михайлович Козинцев и его жена актриса Софья Зиновьевна Магарилл, умершая от тифа и похороненная в Алма-Ате. Как вспоминала вторая жена Козинцева, Валентина, Роза Григорьевна, поселившись в Петрограде, приютила племянника в своей квартирке и он жил с ней около 20 лет. «Роза Григорьевна сыграла очень важную роль в его жизни, оказав на него огромное влияние своей бескомпромиссной честностью, бесконечной добротой и подлинной интеллигентностью... Роза Григорьевна благодаря глубокому знанию дела, профессионализму высочайшему и исключительным человеческим качествам пользовалась необычайной любовью и самым искренним уважением многочисленных учеников и еще более многочисленных пациенток».

К сожалению, для казахстанцев, Роза Григорьевна вернулась в г. Ленинград и продолжила работу в Институте акушерства и гинекологии. Она потеряла свою квартиру и ей дали новую на территории Института в том самом флигеле, где когда-то жил её научный руководитель доктор Отт. «В 1950 г., в разгар борьбы с «космополитизмом» администрация уволила ее под предлогом «выхода на пенсию». Роза Григорьевна тяжело переживала это, хотя ученики и коллеги по работе добились того, что за ней был оставлен ее кабинет, и она продолжала консультировать. Для Григория Михайловича смерть Розы Григорьевны в 1954 г. была одной из самых горестных потерь...» [8].

Профессор Лурье оставила заметный след в медицинской науке, став автором таких трудов как «Предохранительные средства от беременности» (1928), «Что должна знать беременная женщина» (1930), «Роды без боли» (памятка) (1936), «Гигиена беременности» (1938), «Методика определения срока беременности. Краткий справочник для врачей» (1938). Под ее редакцией было издано исследование «Сто пятьдесят лет деятельности Центрального института акушерства и

гинекологии Министерства здравоохранения СССР» (1948), а также целого ряда статей.

Большой вклад в здравоохранение республики, в частности, в борьбу с туберкулезом, внес Соломон Ефимович (Хаймович) Незлин – советский физиатр, доктор медицинских наук (1946), профессор (1952). Родился в дер. Колышки Витебского у. Витебской губ. После окончания медицинского факультета Юрьевского университета в 1915 г. работал земским врачом в Московской и Смоленской губ.; зав. губздравотделом (1918–1921) и противотуберкулезным диспансером (1922–1923) в г. Витебске. Организатор и заведующий социально-гигиеническим и диспансерным отделениями Центрального туберкулезного института и одновременно – инспектор по туберкулезу в Наркомздраве РСФСР и СССР. В 1941–1943 гг. – заместитель директора Казахского научно-практического туберкулезного института по научной и лечебной работе. С 1943 г. занимал должность научного руководителя [9].

Следует отметить, что вопросы борьбы с туберкулезом, одним из опаснейших заболеваний, постоянно находились в центре внимания властных структур. При сравнении ниже приводимых цифр такое внимание не вызовет удивления: за годы Первой мировой войны в России погибло 1 млн. 700 тыс. чел., а от туберкулеза в это же время умерло 2,5 млн. чел. Казахский туберкулезный институт во второй половине 1941 г. становится «опорным пунктом», своего рода штабом по организации работы в борьбе с этим заболеванием. Практическая деятельность в этот период доминировала. Но и научные исследования ни на минуту не прекращались. Итогом усилий коллектива института является то, что начавшая сокращаться в первый год войны сеть лечебных учреждений Казахстана к концу войны выросла и пополнилась новыми противотуберкулезными учреждениями: санаториями, детскими учреждениями и т. д. Одним из успехов этого периода является и тот факт, что детская заболеваемость туберкулезом в республике не превысила показателей по стране в целом. Общий итог деятельности медиков-учёных в годы войны – предотвращение эпидемий [1, с.15, 16, 153–156, 211–212, 220–257]. Не вызывает сомнений вклад Соломона Ефимовича в эти достижения как одного из руководителей Института. Помимо организационной работы, он активно занимался научной, исследовал темы: «Туберкулез в пожилом возрасте», «Научно-исследовательская работа Казахского туберкулезного института в условиях военного времени», подготовил доклад к 25-летию борьбы с туберкулезом в Казахстане, большое количество научных статей. Один из документов, опубликованных в упомянутом сборнике, со-

держит следующие строки: «Научная работа Туберкулёзного института в годы войны значительно усилилась, благодаря прибытию крупных специалистов» [1, с.257].

Государственная политика антисемитизма отразилась и на его судьбе. В 1953 г. в январе–феврале Соломона Ефимовича взяли под стражу, он оказался под следствием по «делу врачей». И хотя из 28 подследственных врачей неевреев было чуть больше половины, дело по ходу следствия приобретало все более отчетливый антисемитский характер [10]. К счастью, этот драматичный эпизод не поставил точку в его профессиональной деятельности. В 1953–1955 гг. он – заведующий организационно-методическим отделением Центрального института экспертизы трудоспособности; с 1963 г. – консультант больницы №7 в г. Москве. Научные труды С.Е. Незлина посвящены различным аспектам туберкулеза легких. Он был организатором и руководителем экспедиции по изучению туберкулеза в Бурят-Монголии, Башкирии, Якутии, Татарии в 1929 и в 1930-х гг. Имел свыше 120 научных печатных работ. Основные труды: Изучение туберкулеза среди национальностей СССР. – М., 1930; Режим и лечение туберкулезного больного. – М.-Л., 1936; Туберкулез легких в пожилом возрасте. – М., 1948; Экспертиза трудоспособности и трудовое устройство больных туберкулезом легких. – М., 1960; Противотуберкулезный диспансер. – М., 1960. Скончался в 1990 г. в Израиле [11].

Какой бы национальности не были врачи тех далёких фронтовых лет, всем им земной поклон от нас, ныне живущих: спасая жизни и здоровье воевавших и работавших в тылу, они вместе со всей страной ковали столь дорого доставшуюся Победу.

Авторы благодарят за содействие в подготовке статьи кандидата исторических наук Е.М. Грибанову.

1. Ответственный редактор Г.С. Сарсенова. Составители: О.С. Богданова, Б.А. Жуматаева, Е.М. Грибанова (ответственная), В.Е. Печерских. Алматы, 2015. – 534 с. +вкладыш на 8 л.
2. И.Э. Гринберг Евреи в городе Алма-Ате. Краткий исторический очерк. Издание второе, дополненное. – Алматы, 2009. – С.122. В данной монографии искажена фамилия С.Е. Незлина.
3. Н.П. Кропивницкий Документы Центрального государственного архива Казахстана об эвакуации населения (1941–1943 гг.) / Эвакуация: Воскрешая прошлое. Материалы Международной научной конференции. 30 октября 2008 г., г. Алматы. – Алматы, 2009. – С.23.

4. АП РК. Ф.708. Оп.5/2. Д.195. Л.50. О проблеме достоверности и сопоставимости количественных данных эвакуированного населения см.: Е.В. Чиликова Пути поиска сведений о численности населения, эвакуированного в Казахстан в годы Великой Отечественной войны / История Память Люди: Материалы VII международной научно-практической конференции. 19 сентября 2014 г., г. Алматы. – Алматы, 2015. – С.19–34.
5. Б.О. Жангуттин Эвакуация советского населения в Казахстан. / <http://e-history.kz/ru/contents/view/1656> Дата обращения 09.08.2018.
6. ЦГА РК. Ф.Р-1473. Оп.1. Д.223. Л.29–32. Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан 1941–1945 гг. – С.13.
7. «Тропинка знаний, на которую я вступила на курсах первичной специализации, вывела меня на дорогу во врачебную специальность...» / Эпидемический «пожар» удалось предотвратить. Сборник материалов Круглого стола. 18 июня 2015 г. Алматы – Алматы: Центральный государственный архив научно-технической документации, 2015. – С.91–93.
8. www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/225 Дата обращения 09.10.2018; также см. О.Р. Белонос Дети войны (Об эвакуации в Казахстан детских домов и Домов малюток) / Эвакуация: Воскрешая прошлое. Материалы международной научной конференции. 30 октября 2008 г., г. Алматы. – Алматы, 2009. – С.201–202; И.А. Григорьев Эвакуация в Алма-Ату / История. Память. Люди: Материалы VII международной научно-практической конференции. 19 сентября 2014 г., г. Алматы. – Алматы, 2015. – С.57–61.
9. Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан 1941–1945 гг. – С.482. ЦГА РК. Ф.Р-1473. Оп.1. Д.220. Л.1. ЦГА НТД РК. Ф.84. Оп.1л. Д.6. Л.1–6.; Д.146. Л.15.
10. Г.В. Костырченко «Дело врачей» как проявление деградации сталинского режима (в свете новых документов). / Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. – Москва: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. – 719 с.: ил. – (История сталинизма. Дебаты).
11. <http://www.rujen.ru>. Дата обращения 12.02.2015; <http://www.ru.wikipedia.org>. Дата обращения 09.08.2018.

Список эвакуированных врачей-евреев, упоминаемых в документах сборника «Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан: 1941–1945 гг.»

№ пп	Фамилия, имя, отчество	Годы жизни	Когда и откуда прибыл в КазССР	Специальность, степень, звание на момент прибытия в Казахстан	Место работы	Стр. сборника, на которых упоминается имя
1	Борок Михаил Рувимович (в док. ЦГА Барок Михаил Рувин)	1881–1951	в 1941 г. из Ленинграда.	фтизиатр, д. м. н.	зав. кафедрой туберкулеза Казахского научно-практического туберкулезного института, Казахского медицинского института.	С.460
2	Браславская Лия Изралиевна	нет данных	нет данных	врач-педиатр	Казахский институт охраны материнства и младенчества (детства)	С.461
3	Лейтес Самуил Моисеевич (в док. ЦГА Лейтес Салицин Моисеевич)	1899–1972	в 1941 г. из Харькова	физиолог, д. м. н., проф.	зав. кафедрой патофизиологии Алма-Атинского медицинского института и консультант эвакогоспиталей КазССР, сотрудник Казахского научно-практического туберкулезного института (с 1944 г. – зав. экспериментально-биологическим отделением этого института).	С.243, 244, 473, 474.
4	Лурье Роза (Рашель) Григорьевна	1876–1954	1 сентября 1942 г. из Ленинграда	гинеколог, д. н. и д. м. н.	Казахский институт охраны материнства и младенчества (детства)	С.324, 325, 332, 336, 474
5	Миллер Иосиф Натанович	1894–1976	в 1941 г. из Харькова	офтальмолог, к. м. н., доцент	ассистент кафедры глазных болезней Казахского государственного медицинского института и зав. орготделом Казнии офтальмологического института.	С.402, 406, 414, 416, 481, 482
6	Медведовский Эфраим Семенович	1892–?	10 декабря 1941 г. из Ростова-на-Дону	нет данных	зав. отделом санитарной гигиены в КИОМД	С.481, 7, 8, 258, 259, 269, 293–295, 298, 301, 303, 304, 308, 318, 319

7	Незлин Соломон Ефимович (Хаймович)	1892– 1990	в 1941 г. из Москвы	пульмоно- лог, [к. м. н.]	зам. директора Казахско- го научно-практического туберкулезного институ- та по научной и лечеб- ной работе	С.5, 6, 95, 106–108, 116, 122, 137, 161, 163, 171, 173, 175, 188, 189, 190–194, 228, 235, 482
8	Олевский Марк Исаевич	1896– 1964	в 1941 г. из Харькова	педиатр, д. м. н.	зав. детским отделением больницы СНК КазССР в г. Алма-Ата	С.163, 483
9	Рабинович Эсфирь Абрамовна	1903– ?	из Москвы	патолого- анатом	зав. патологоанатомиче- ским отделением Казах- ского научно- практического туберку- лезного института	С.111, 112, 116, 117, 122, 131, 163, 167, 168, 189, 245, 246, 484
10	Розенблат Марк Саулович	нет дан- ных	нет данных	отоларин- голог, проф.	консультант Казахского института охраны мате- ринства и младенчества (детства)	С.9, 112, 163, 269, 344, 352, 485
11	Рубинштейн Герман Рафаилович	1871– 1955	в 1941 г. из Москвы	фтизиатр, д. м. н.	в 1941–1942 гг. работал в Казахском научно- практическом туберку- лезном институте	С.113, 163, 167, 190, 488, 489
12	Шварцман Дора Саневна	1901– ?	в 1941 г. из г. Одессы	хирург	врач-ординатор костного отделения Казахского научно-практического туберкулезного институ- та.	С.116, 163, 501
13	Шейнкер Эстер Пинхусовна	1898– ?	в августе 1941 г. из Москвы	биолог, к. б. н.	витаминолог, нач. вит. цеха А-А плодоконсерв- ного завода, лектор- консультант при А-А. облздраве, снс вит. отде- ления, зав токсикологи- ческой лаборатории Ка- захского института эпи- демиологии и микробио- логии	С.63

Эвакуированные евреи – работники тыла и трудового фронта в годы войны

Среди архивных материалов фондов Центра документации новейшей истории Восточного Казахстана имеются документы об эвакуации евреев с оккупированных нацистами территорий Украины.

Отечественная война 1941–1945 гг. вызвала большие перемещения, в том числе и евреев, как следствие временной оккупации врагом некоторых западных областей, так и вследствие других причин.

Потоки перемещаемых людей были также направлены в Казахстан, и в частности, в Семипалатинскую обл.

Осенью 1941 г. в Семипалатинск начали прибывать эвакуированные из западных областей страны предприятия, множество семей – евреев. Наряду с перестройкой народного хозяйства на военный лад, труженики Семипалатинского Прииртышья решали трудную и ответственную задачу по приему и размещению промышленных предприятий, перебазированных из западных и ряда центральных районов страны.

Если обратиться к архивным материалам, то в Семипалатинскую обл. были эвакуированы фабрики: «Большевичка Украины» из г. Харькова, хлопко-прядельная фабрика из г. Полтавы, обувная фабрика из г. Киева, чулочная фабрика из Москвы, суконный комбинат г. Серпухов Московской и Орловской областей, а также институты из Москвы, Ленинграда, Днепропетровска, Одессы, детские и школьные учреждения.

Семипалатинская обл. приняла более трети эвакуированных в Казахстан предприятий легкой и текстильной отраслей. Серьезная задача стояла перед коллективами прибывших предприятий: это восстановление оборудования, параллельно необходимо было вести и приспособлять его к выпуску новой продукции – обмундирования для Красной армии. С данной задачей они с честью справились.

26 августа 1941 г. в Семипалатинск прибыло 16 вагонов с оборудованием. Киевской обувной фабрики, а также 70 рабочих, ИТР и членов их семей. Первый пошивочный цех был пущен 1-го, второй – 20-го ноября 1941 г., 3-й – 1 января 1942 г. Фабрика переключилась на выпуск обуви для армии.

В ноябре 1941 г. в Семипалатинск прибыла швейная фабрика «Большевичка Украины». С ней приехали около 60 квалифицированных рабочих и ИТР с семьями, поступило оборудование. 15 февраля 1942 г. фабрика заработала на полную мощность. В период войны директором фабрики работал Базилевский, главным инженером – Мин-

ская, главным бухгалтером – Кац, начальником отдела кадров – Зильнер, главным механиком – Лисянский.

Уже буквально через 20 дней после прибытия вошла в строй фабрика им. Володарского. С ней прибыло 90 рабочих и ИТР. Кадровые рабочие, в большинстве евреи, составляли базу коллектива, на их плечи легла основная тяжесть подготовки квалифицированных кадров. В короткий срок эти солдаты тыла прекрасно овладели избранными профессиями и отлично справлялись за двоих, иные за троих, ушедших на фронт, благодаря опыту и знаниям эвакуированных специалистов евреев.

В 1942 г. в строй действующих вошли все предприятия, эвакуированные в Семипалатинск.

Основную массу вновь принятых рабочих составляли женщины, число которых на предприятиях Семипалатинска во второй половине 1941 г. возросло до 80% от общего количества работающих. Когда по всей стране развернулось движение комсомольско-молодежных бригад, то зачинателем этого движения в легкой промышленности Казахстана явился коллектив Семипалатинской чулочной фабрики. В руководящем составе и ИТР также трудились эвакуированные евреи. Молодежь, воюющая трудом – так называли рабочих предприятий области.

14-ти летний штамповщик Семипалатинского горпромкомбината Аркадий Вербицкий, когда предприятие срочно готовило запасные части для сельхозмашин, 23 часа не уходил из цеха, по две смены подряд работал у станка. В соответствии с заданием военного времени, рабочие Семипалатинского мясоконсервного комбината перестроили в считанные дни свою работу. Во втором полугодии 1941 г. на комбинате было принято 2200 чел., в т. ч. и эвакуированные евреи. Последнее получили специальность и успешно освоили операции, которые раньше не выполняли.

За успехи выполнения заданий правительства 20 работников комбината награждены орденами и медалями СССР. Среди них евреи: орденом «Знак почета» – главный механик комбината Тавалинский Самуил Борисович, медалью «За трудовое отличие» Кофман Наум Меерович – директор кишечного завода Главмясо, Полячек Исаак Георгиевич – начальник цеха пищевых концентратов комбината.

Внесли вклад в работу мясоккомбината евреи: директор Липов Михаил Тимофеевич, главный инженер Лернер Иосиф Илвич, главный механик Тавалинский Самуил Борисович, начальник консервного завода Левитин Лев Ильич, начальник жестяно-баночного цеха – Урланг Фома Денидович, и. о. начальника ООТ Гандельман Ефим Владимирович, в основном они все имели высшее и высшее техническое образование.

И не было в Семипалатинске и области предприятия, артели, где не работали эвакуированные евреи, о чем свидетельствуют документы предприятий, указанных в сообщении.

В Великой Отечественной войне со всем советским народом жители г. Семипалатинска и области, в т. ч. и эвакуированные евреи, не считаясь со временем, не щадили сил и жизни ради того, чтобы приблизить долгожданный час Великой Победы над фашизмом.

Война привела к большим переменам в жизни советских евреев. Часть оказалась под властью нацистов, была полностью истреблена. Другая часть героически сражалась в Красной армии. Значительная часть евреев спаслась от гибели посредством эвакуации в неоккупированные районы страны. Несмотря на материальные трудности, местные жители их поддерживали и морально, и материально, жители Казахстана заслуживают огромной благодарности и безграничного внимания со стороны представителей древнего народа.

Сатаева Ж.А.

К вопросу изучения истории советского кино в годы войны *(по документам Архива Президента РК)*

С каждым годом возрастает интерес отечественных и зарубежных исследователей, посещающих Архив Президента РК, к истории советской культуры, где самостоятельным направлением можно выделить исследования периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В Казахстан в военные годы было эвакуировано 532 тысячи чел., среди которых именитые писатели, актеры, режиссеры, художники, композиторы и другие деятели культуры. В АП РК хранится важнейшая часть источниковой базы исследований по истории эвакуации – архивный фонд ЦК КП (б) К, который руководил всеми процессами приема, размещения, устройства как крупных предприятий, учреждений, трудовых и творческих коллективов, так и отдельных работников культуры и их семей. В фонде в разделах управленческой документации, в протоколах и в приложениях к ним, рассматривались сложные вопросы эвакуации, которые требовали оперативного решения и исполнения. В переписке с руководством страны, с союзными учреждениями, с местными партийными организациями имеются отдельные списки эвакуированных, просьбы, пожелания и требования по условиям их размещения и трудоустройства, а также решения бытовых и продовольственных проблем.

20 июля 1941 г. Постановлением СНК и ЦК КП (б) К «Об организации приема и размещения прибывающего в Казахскую ССР эвакуированного населения» при СНК и в областях были созданы отделы по

приему эвакуированного населения. Отделам поручалась организация эвакуационных пунктов, контроль за их работой, питанием медобслуживанием, расселением и другими вопросами, связанными с эвакуацией населения [1].

Эвакуация предполагала не просто перемещение людей и предприятий из зоны боевых действий в тыл, но и продолжить производство всего необходимого для фронта: от вооружения, обмундирования и продовольствия для нужд Красной армии, до создания художественных произведений, в т. ч. и кинофильмов, посвященных героической борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

«27 октября с. г. [1941 г.] в Алма-Ата прибыла группа 130 чел. ведущих творческих работников кинематографии (студий Мосфильма и Ленфильма) – режиссеры, операторы, актеры, художники и т. д. В числе прибывших 40 орденосцев и 21 лауреат Сталинской премии. В этом составе находятся лучшие художники советской кинематографии (С.М. Эйзенштейн, В.И. Пудовкин. бр. Васильевы^{1*}, Л.З. Трауберг, Г.М. Козинцев, Ф.М. Эрмлер, Г.В. Александров, Л.П. Орлова, Н.А. Крючков, Б.П. Чирков и др.). В ближайшие дни сюда будет оборудование студии Мосфильм и остальной творческий, административный и обслуживающий персонал студии примерно в 150–160 чел.», [2] – сообщала в письме 31 октября 1941 г. на имя секретаря ЦК КП (б) К Скворцова Н.А. работник отдела пропаганды и агитации ЦК Балагурова Л.И.

Для организации кинопроизводства были объединены Мосфильм, Ленфильм и Алма-Атинская киностудия художественных фильмов^{2*} в Центральную объединенную киностудию художественных фильмов, сокращенно ЦОКС. Решение СНК СССР о создании ЦОКС датируется 15 ноября 1941 г.

Фактически студия приступила к работе в октябре 1941 г.

28 октября состоялся Художественный совет объединенной студии, на котором было решено форсировать работу съемочных групп фильмов «Котовский», «Машенька», «Парень из нашего города», а также запустить в производство три новых кинофильма: киносборник по новеллам Бертольда Брехта (режиссер В. Пудовкин), «Бесценная голова» (режиссер Б. Барнет), «Секретарь райкома» (режиссер Е. Дзиган), началась работа над фильмом «Джамбул»: доработка сценария, поиск режиссера.

В то же время самостоятельно продолжила работу Алма-Атинская студия кинохроники, в деятельность которой привлекались кинематографисты из ЦОКСа. В статьях по истории советского кинематографа

^{1*} Творческий псевдоним однофамильцев Георгия Николаевича и Сергея Дмитриевича Васильевых.

^{2*} Образована в сентябре 1941 г.

военного времени нередко ошибочно говорится, что в ЦОКС вошла Алма-Атинская студия кинохроники. Внести ясность в этот вопрос помогают архивные документы: письмо директора ЦОКС исполнено на официальном бланке учреждения, по которому можно установить, что ЦОКС относилась к союзному Управлению по производству художественных фильмов Комитета по делам кинематографии при СНК СССР. ЦОКС находилась по адресу г. Алма-Ата ул. 8 Марта^{1*}, дом 17. Директором был назначен работник Союзного комитета Тихонов М.В., его заместителем – Толыбеков С.Е. Алма-Атинская студия кинохроники относилась к Управлению по производству хроникально-документальных фильмов того же Союзного комитета по делам кинематографии. Адрес Студии – г. Алма-Ата, ул. Красина^{2*} дом 38, директором был С. Ахмедов. В 1944 г. после реэвакуации Московской и Ленинградской киностудий, в Казахстане будет организована Алма-Атинская киностудия художественных и хроникальных фильмов, сегодня это известная отечественная киностудия «Казахфильм».

На Алма-Атинской студии кинохроники снимались документальные и художественные фильмы, киножурнал «Советский Казахстан», дублировались на казахский язык популярные кинокартины [3]. В июне 1942 г. в письме директора Студии С. Ахмедова в ЦК КП (б) К говорилось: «В условиях происходящей войны Алма-Атинская студия кинохроники из республиканской стала производственным предприятием всесоюзного значения, и роль студии в системе хроникально-документальной кинематографии по сравнению с прошлыми годами неизмеримо возросла» [4]. В первое полугодие 1942 г. на студии были подготовлены 24 номера «СоюзКиноЖурнал», несколько выпусков всесоюзных журналов «Пионерия» и «Советское искусство», 3 документальных фильма: «8-я гвардейская», «Гвардейцы тыла» о металлургах Казахстана и «Подарок» о шахтерах Караганды. На второе полугодие 1942 г. было запланировано производство документального фильма «Казахстан – фронту», что согласовано с председателем Комитета по делам кинематографии при СНК СССР И.Г. Большаковым.

Заявка на фильм «Казахстан – фронту» была сделана в январе 1942 г. режиссерами Д. Вертовым и В. Туриным, об этом говорится в письме заместителя директора ЦОКС С.Е. Толыбекова в ЦК КП (б) К. В художественно-документальном фильме должна быть показана гигантская работа трудящихся Казахстана в тылу и на фронте в борьбе против немецко-фашистских захватчиков [5, л.1].

Режиссеры Вертов и Турин подчеркивали «необходимость в создании большого эпического художественно-документального филь-

^{1*} Ныне ул. Ш. Калдаякова.

^{2*} Ныне ул. Ч. Валиханова.

ма, который зафиксировал бы для современников и для истории все возрастающую роль Советского Казахстана в деле укрепления фронта, в деле помощи Красной армии, в деле непосредственного участия в решающих боях... Это должен быть фильм о прыжке в будущее, который делает сейчас эта замечательная своими природными богатствами республика» [5, л.2]. Авторы подчеркивали, что это будет «изобразительный поэтический отчет казахского народа о героической работе в напряженные месяцы Отечественной войны, в тылу и на фронте» [5, л.2 об.].

В творчестве нередко, когда в процессе работы многократно вносятся изменения и в конечном результате от замысла остается немного: меняются авторы, исполнители и т. д. Так случилось с фильмом «Казахстан – фронту», в окончательном варианте фильм был назван «Тебе, фронт!». Заканчивал картину Дзига Вертов уже один, он был и автором сценария, хотя изначально предполагалось привлечь к написанию сценария казахских писателей. Фильм был снят на Алма-Атинской студии кинохроники в 1942 г.

Сегодня Дзигу Вертова (1895–1954) – Давида Абелевича Кауфмана называют одним из основателей и теоретиков кинодокументалистики и кинопублицистики. Фильмы, снятые Вертовым, новаторские не только для того времени, но и для сегодняшнего дня. О его картине 1929 г., снятой им совместно с братом Михаилом Кауфманом «Человек с киноаппаратом», говорят и пишут специалисты мирового кинематографа, подчеркивая, что этот фильм стоит в одном ряду с лучшими документальными лентами за всю историю существования кино.

Приступая к работе над фильмом «Казахстан – фронту» Вертов подчеркивал, что фильм не может быть обычным игровым фильмом из-за необходимости охватить большой материал, но в то же время, фильм не может быть и обычным хроникальным из-за необходимости сильного эмоционального образного воздействия на зрителя. Не особый любитель «актерского кино», как он называл художественные фильмы, Вертов через монтаж документальных и постановочных кадров добивается эффекта документальной хроники, когда постановка помогает достоверно показать зрителю окружающую действительность.

В дневнике 26 июня 1941 г. Вертов пишет: «Записывать было некогда. 22-го все резко изменилось. Война. Немедленно мы со Свиловой reagировали делом. Написали заявку и план съемки фильма на слова «Полюшко-поле» так же, как «Колыбельная» и «Три песни» были развиты, разработаны симфонически из простых мелодий» [6, с.239]. Все его предложения не были поддержаны руководством Комитета по делам кинематографии.

Осенью 1941 г. Вертов прибыл в эвакуацию в Алма-Ату вместе со своей супругой Елизаветой Свиловой. Один из лучших кинодокументалистов страны, он был вынужден работать над небольшими сюжетами для документальных киножурналов, в Алма-Ате он работал над киножурналом «Советский Казахстан». Фильм «Тебе, фронт!» стал одной из последних полнометражных картин режиссера.

Из дневника режиссера: «14 августа [1943]. Алма-Ата

Жизнь моя все такая же странная. Делаю на хронике разные журналы, оборонные очерки. Снял один большой фильм о Казахстане в дни Отечественной войны («Тебе, фронт!»). Но большинство замыслов не осуществлено из-за непонимания, из-за противодействия посредников. И, как говорится в казахской поговорке, «у дерева, отягощенного плодами, верхушка клонится вниз...». Многие из замыслов перезрели. Упали. Никто не подобрал. Сгнили. Другие плоды-замыслы были сорваны и присвоены еще в недозрелом виде, а друзей сильных, то есть точки опоры, нет» [6, с.246].

Фильм «Тебе, фронт!» был несколько раз отредактирован по требованию партийного руководства, о чем тяжело переживал автор. Летом 1943 г. руководство Казахстана представило картину фронтовому кинозрителю. Вместе с другими подарками от Казахстана кинокартины «Тебе, фронт», «Кореген», «Белая роза», «Знамя победы» и киножурналы Казкинохроники №21–24 были вручены 8-й Гвардейской им. Героя Советского Союза генерала-майора И.В. Панфилова стрелковой дивизии в честь двухлетней годовщины воинского формирования [7].

Уникальный фильм «Тебе, фронт!» хранится в Центральном государственном архиве кинофотодокументов и звукозаписи РК. Картина почти неизвестна не только зрителям, но и знатокам творчества Дзиги Вертова, вложившего весомый вклад в идеологическую задачу советского кино в годы Великой Отечественной войны: поднять боевой дух на фронте и в тылу, вселить уверенность, что советский народ победит.

1. АП РК. Ф.708. Оп.1/1. Д.2. Л.340.

2. Там же. Оп.6/1. Д.565. Л.14.

3. Там же. Оп.5/1. Д.139. Л.211.

4. Там же. Оп.6/1. Д.567. Л.78.

5. Там же. Д.563.

6. Вертов Дзига. Статьи, дневники, замыслы. – М., 1966.

7. Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана. 1941–1945 гг. Сборник документов. / Е.М. Грибанова (ответ.), А.С. Зулкашева, Г.Н. Мурзагалиева, Е.В. Чиликова. – Алматы: ДП «Эдельвейс», 2010. – С.435.

Из опыта работы по аудиовизуальному документированию ЦГА КФДЗ.

Герои Великой Отечественной войны – операторы Казахстана

Для многих исследователей памятниками истории Великой Отечественной войны являются хроника, репортаж и киноплакат, киноочерк и путевой кинодневник, публицистика и биография. Любой из этих жанров, созданный в годы войны, занимает особое место в истории Казахстана.

Хроникальные документы, отложившиеся в фондах Центрального государственного архива кинофотодокументов и звукозаписи (ЦГА КФДЗ), созданные в предвоенный и военный период имеют особую источниковедческую ценность для исследователей. Председатель Комитета по делам кинематографии СССР И.Г. Большаков вспоминал: «Незадолго до начала войны ко мне обратился председатель Совнаркома КазССР т. Ундасынов с просьбой – организовать в республике кинопроизводство. Он говорил мне, что Казахстан – одна из крупных республик в Средней Азии, что у них есть университет, театр оперы и балета, а киностудии нет, тогда как в других республиках они есть. Я обещал рассмотреть его просьбу и помочь в создании киностудии. Но разразившаяся война помешала» [1, с.273].

В Алма-Ате студия кинохроники, созданная в 1934 г., начала свою работу со съемок документальных фильмов и регулярного киножурнала «Советский Казахстан». Осенью 1941 г. три киностудии объединились в Центральную объединенную киностудию – ЦОКС. Алма-Ата становится центром советской кинематографии, где в 1941–1945 гг. выпускалось 80% фильмов, производимых всей кинематографией Союза. Советские идеологи использовали все лучшие творческие силы для создания новой официальной кинопропаганды, не считаясь с материальными затратами военного времени и ставя значимость создания кинодокументов наравне с предприятиями оборонного значения. Реорганизация довоенного советского кинематографа, как и промышленности, проходила форсировано.

На студию присылались для обработки и монтажа киноплёнки, сделанные операторами на фронтах, и монтировались «Союзкиножурналы» (СКЖ), выпуски которых ждали и на фронте, и в тылу. С. Юткевич, писал, что советская кинематография началась именно с документа и факта истории: «Люди, которые видели воочию ужасы войны, испытали чудовищные преступления нацистов, заглянули в глаза правде, уже не могут удовольствоваться произведениями, я бы

не сказал фальшивыми, но, во всяком случае, очень неполно отражающими сложную смятенную жизнь человечества» [2, с.66].

Репортажи с фронта стали основным содержанием «Союзкиножурнала», выпускавшегося два раза в месяц почти до самого конца войны. Как известно, это было связано с новыми политическими установками партии и правительства. Тогда работе операторов придавалось огромное государственное значение. Новые военные условия в корне изменили принципы работы создателей кинохроники: «Советская довоенная кинохроника привыкла к комфортно-устойчивой работе в крайне ограниченном жанрово-тематическом диапазоне: пышные военные и физкультурные парады, красочные советские праздники, правительственные приемы, визиты важных иноземных персон, торжественные пуски Днепрогэсов, и прочее в том же духе. К тому же все эти действия – заведомо жестко запрограммированные и отрепетированные – можно было снимать большими стационарными камерами, установленными на штативах» [1, с.138].

Исследование работ фронтовых кинооператоров очень интересный, в контексте изучения истории Великой Отечественной войны, фактический материал, который в сопоставлении с письменными источниками позволяет взглянуть на те, или иные события того периода по-новому. Одной из недостаточно изученных страниц истории ЦОКС является работа фронтовых операторов, монтажеров, режиссеров, тех, кто оставался за кадром, чей труд хорошо известен специалистам и исследователям кинематографии.

В Казахстане работали и внесли огромный вклад в развитие казахской кинодокументалистики и с первых дней работавшие на ЦОКС многие известные кинодокументалисты, это Кабыш Сиранов, Геннадий Новожилов, Маукен Сагимбаев, Андрей Колесников, Яков Смирнов, Борис Пумпянский.

Малоизвестными для исследователей остаются имена оператора Бориса Пумпянского (1906–1944) и монтажера Сэдды Пумпянской, начавших свою трудовую деятельность на Алма-Атинской студии кинохроники в 1938 г.

Пумпянский Борис Яковлевич, 1906 г. р. Место работы до войны – Алматинская киностудия. В 1944 г. был отправлен на 4-й Украинский фронт. Автор-оператор фильмов: «Комсомольцы», «Тебе, фронт!», «Освобождение Чехословакии» (закончен в 1946 г., режиссер Илья Копалин использовал съемки Бориса Пумпянского). За этот фильм Борис Пумпянский был посмертно награжден Сталинской премией, автор многих сюжетов в киножурналах военного времени. Погиб в 1944 г. при съемках репортажа о работе полевой почты в Карпатах. Самолет налетел на трос подвесной канатной дороги и разбился.

Помимо выпусков киножурнала «Советский Казахстан», несколько его документальных работ хранятся в фонде ЦГА КФДЗ РК: «К выборам в ВС КазССР». Алма-Атинская студия кинохроники. 1938 г. О депутате – Куляш Байсеитовой. «Побежденная пустыня». Алма-Атинская студия кинохроники. 1940 г. Фильм о работе научной экспедиции в пустыне Бетпак-Дала. «Радостные дни». Алма-Атинская студия кинохроники. 1940 г. Фильм посвящен 20-летию Советского Казахстана. «Гвардейцы тыла». Алма-Атинская студия кинохроники. 1942 г. Фильм рассказывает о героическом труде казахстанцев в тылу, о работе горняков-гвардейцев тыла. «Айтыс». Алма-Атинская студия кинохроники. 1943 г. В фильме показаны соревнования акынов, народных певцов-импровизаторов, среди них: Джамбул, К. Азербает, М. Ауэзов, К. Сатпаев.

С. Пумпянская вспоминала, что Б. Пумпянского долго не отпускали на фронт, и он очень много ездил по Казахстану, снимая хронику о работе тыла. Это было связано с распоряжением Главного управления по производству хроникально-документальных фильмов (ГУПХДФ): «Обеспечить своевременную высылку в Москву для включения в союзный киножурнал высококачественных сюжетов об уборке урожая. Сюжеты об уборке урожая будут включаться в каждый номер киножурнала. Этим сюжетам придается значение не меньшее, чем фронтовому кинорепортажу, поручая их наиболее квалифицированным операторам» [3, с.744].

Записи бесед автора представленной работы с Сэдой Пумпянской были сделаны методом инициативного фонодокументирования в апреле 2010 г., в г. Москве, накануне празднования 65-летия Победы для фонофонда ЦГА КФДЗ.

– Я уехала из Алма-Аты, боюсь сейчас ошибиться, 20 или 21 декабря 1944 г., директор киностудии долго не отпускал меня. Наш поезд шел около 5 дней, и я только одно слово повторяла: скорей, скорей, муж должен был приехать с фронта и мы должны были встретиться в Москве, но день приезда 26 декабря я помню точно, это был день похорон Бориса Пумпянского...

– Мы приехали в Алма-Ату в 1938 г. Была просто чудесная погода. Светило солнышко. Поселили нас в гостинице «Ала-Тау». Потом мы жили на ул. Фурманова, недалеко от почты. До этого мы жили в г. Тбилиси, тогда в 1938 г. начался кризис в кино, много фильмов закрывалось по всей стране. Наша киногруппа была в г. Сухуми, должен был сниматься фильм, и проводилась подготовка к съемкам. Вдруг мы получаем телеграмму с приказом о возвращении в Тбилиси. Выяснилось, что картину нашу закрыли. Мой муж решил, что самое время сейчас заняться хроникой. Оба мы очень любили ее. Мы посла-

ли телеграмму в Москву, в комитет. Нам дали на выбор несколько городов и нам понравилось название города – Алма-Ата! Наш выбор был очень удачным. На студии было малоллюдно, операторы были Колсанов, Новожилов, Смирнов, режиссеров еще не было. Директором киностудии был сначала т. Безпрозванный из г. Питера, потом Ахметов, которого сменил Малик Ярмухамедов, с ними я работала. Наша жизнь в г. Алма-Ате вошла в свою колею, и я начала работать в монтажном цехе. Принимала операторов, которые привозили материалы для проявки, обработки. Получала жалованье в 200 руб. до самого отъезда, это были маленькие деньги. Муж мой получал 800 руб. Так мы и жили.

– В 1938 г. мы жили в гостинице, внезапно приходит приказ из г. Москвы – не оплачивать квартирные. И вот мы сложили вещи в операторскую кабину, и начали ездить в командировки вместе. Сначала отправились в Западный Казахстан. Около двух месяцев мы снимали сюжеты на тему животноводства, овцеводства, в результате получился небольшой одночастевый фильм, потом под г. Уральском снимали уборку урожая, там вы сможете и меня увидеть, Борис снял меня со снопом в руках. Потом поехали в Восточный Казахстан в г. Семипалатинск, сели на пароход и три дня шли по Иртышу, прибыли в г. Усть-Каменогорск, там сели в машину и поехали в г. Сталиногорск,^{1*} снимали медные рудники и медеплавильный завод. Это было очень интересно. Был апрель, в Семипалатинске было очень тепло, как летом, в г. Усть-Каменогорске вначале тоже было тепло, но ночью, мы ночевали в Доме крестьянина, стало холодно, утром проснулись – снег лежит, так интересно, я пережила три времени года за это путешествие. Потом мы получили комнату, в одном из домов на ул. Фурманова и жили там, я ждала ребенка.

– Когда началась война, из гг. Москвы и Ленинграда приехали режиссеры и ассистенты, они работали на студии, над СКЖ (Союзкиножурналы). Монтажная студия у нас была маленькая, а киношников было много, жизнь кипела, и мне это нравилось, это был живой организм. Как-то я сидела у окна, и вижу, еще два человека приехали, их не пускают, тут я узнаю нашего известного кинодокументалиста Вертова, видела его фотографию, побежала в приемную, сказала секретарю, чтобы пустили. Директора не было, он и жена Елена Свилова, тоже киноработник, сидели и ждали. Устроившись, они занимались киножурналом «Советский Казахстан». Вскоре Вертов начал писать сценарий фильма «Тебе, фронт!». Сначала он не говорил, о том, что задумал. Все это время муж мой часто ездил по глубинным районам Ка-

^{1*} Ныне г. Риддер.

захстана, снимал сюжеты для журнала и очерки, а когда бывал в Алма-Ате, подробно рассказывал Денису Аркадьевичу о жизни Казахстана, о людях, об увиденном и замеченном в этих поездках». Вертов очень любил детей, он часто звонил мне и спрашивал: идете гулять с Шуриком? Мы заходили за ним в гостиницу, где недалеко был сквер, и он играл и с удовольствием разговаривал с сыном.

– Мы дружили, с балериной Шарой Джандарбековой, очень общительная, веселая, с Куляш Байсеитовой, она была прекрасным человеком, я часто слушала ее в театре, прекрасная певица, у нее был замечательный голос. И она, и ее муж нам очень нравились. Дружили с композитором Брусировским, с Шакеном Аймановым. Очень часто ходили в театр, если была возможность и на другие мероприятия. К сожалению, домами мы не встречались, потому что дома у нас не было, да и не до этого было тогда. Какое-то время мы вначале даже спали на бильярдном столе на студии, прежде чем нам дали комнату в гостинице. С этим связан один курьезный случай. Вышел приказ, чтобы дежурные не пускали никого на студию после шести часов. Как-то мы сидели с коллегами в столовой, а мы часто обедали то в гостинице, а по субботам и воскресеньям ходили в одну дунганскую столовую. Я смотрю уже шесть часов, думаю, что же делать, вдруг, вижу нашего директора, и мне товарищи советуют, подойди к нему и объясни так и так, пусть напишет записку. Я тогда была на своей девичьей фамилии – Бадыштова. Так вот наш директор так и написал: Разрешаю переспать Бадыштовой с Пумпянским на бильярдном столе. Мы потом долго смеялись, были женаты ведь.

– Очень хорошо помню Каныша Сатпаева, это был очень интересный, удивительный человек, мой муж сразу заинтересовался им, и он много он узнал от него о Казахстане.

– Мы встречалась и с Д. Кунаевым. Это было, кажется в 1939 г., мы снимали животноводческую картину недалеко от г. Лбищенска,^{1*} он тогда был одним из руководителей ЦК КП К. Мы приехали на телеграф дать телеграмму о завершении съемок. Тут подъезжает большая черная машина, оттуда выходит человек в военной форме, с кобурой на поясе и спрашивает: кто тут Пумпянский, муж спрашивает: а в чем дело? Я говорит должен Вас украсть. Должно состояться открытие Урало-Кушумского канала, Д. Кунаев приехал на открытие и отправил меня за вами. Муж тогда был болен, сильно простудил уши, но все-таки мы поехали. На месте увидели уже установленную заранее трибуну. Начинался митинг. Борис отправился снимать трассу канала, но вот уже Д. Кунаев взошел на трибуну, надо снимать, а Бориса

^{1*} Ныне г. Чапаев находится в 130 км от г. Уральска.

все нет, тут подбегает тот же человек в кожанке и хватает меня, говоря: «Вы будете снимать фотоаппаратом». Иду, снимаю, но все-таки муж успел вовремя и сделал прекрасные кинокадры этого события.

– О казахской земле я могу сказать только хорошее, это родина моего сына. А потом людей хороших всегда больше. Я в этом уверена. Я вот так скажу: я с таким удовольствием приезжала в последний раз. Правда я очень огорчилась, не увидев яблоневые деревья в городе. На улицах тогда везде росли яблони вдоль улиц. Я и сейчас очень хорошо помню наш приезд. Мы приехали в мае, был солнечный день, я вообще не помню пасмурных дней. А зимой не помню, чтобы где-нибудь еще было так много солнца, так ярко сверкал снег, это было так красиво. Помню, Пумпянский должен был снимать восхождение альпинистов на пик Комсомола. Сыну было 3 года, мы стояли у окна, и я говорила сыну: папа сейчас там, вон на той горе, я вижу, как он идет по горам, а ты видишь? И сын мне отвечал: да я вижу, вон мой папа шагает! [4].

На советско-германском фронте работали от 150 до 250 советских киножурналистов с линией фронта более чем 5000 км. И, как отмечал известный исследователь кинохроники О.А. Родионов, «Лишь благодаря четкой организации работы, перестройке студии хроники с первых же дней войны на новый лад боевой жизни, кинооператоры фронтовых групп смогли плодотворно проводить свой профессиональный труд по сбору и созданию репортажного киноматериала о сражениях. Трудно даже себе представить, как приходилось работать кинооператору на съемке репортажа о боевой операции со стационарной камерой, вес которой со штативом, кассетником и аккумулятором превышает 40 кг» [5, с.66].

В конце войны И.Г. Большаков направил В.М. Молотову и А.С. Щербакову докладную записку по итогам совещания начальников фронтовых киногрупп. Он сообщил, что «за время войны из общего состава 150–200 работников фронтовых киногрупп было убито и пропало без вести свыше 20 чел., получили ранения 10 чел., награждены орденами и медалями за участие в боевых операциях Красной армии 46 чел. Операторы, безоружные герои, запечатлели войну, в которой погибло более 50 млн. чел., большая часть из них мирные люди» [3, с.764].

Интересен в данном контексте опыт работы союзных операторов. В июне 1944 г. 200 американских кинооператоров, снимавших высадку войск союзников, были отправлены на открытый второй фронт протяженностью всего лишь в 50 км. Операторы снимали, надежно защищенные специально сконструированными бронированными башнями, которые были устроены на баржах, доставлявших десант с

кораблей. Они готовились к вторжению в Европу вместе с армией два с половиной года. Для них были сделаны специальные укрытия на десантных баржах. Помимо этого, многих солдат обучили пользоваться 16-миллиметровыми киноаппаратами. Такие же легкие киноаппараты устанавливались на самолетах, и летчик, нажимая гашетку пулемета, синхронно включал и киноаппарат.

Публикации Архива Президента Республики Казахстан, Центрального государственного архива кинофотодокументов и звукозаписи, воспоминания участников Великой Отечественной войны последних лет в нашей стране дают основание предположить, что многие документы по интересующей нас тематике остаются не только не изученными, но даже не выявленными. Можно с уверенностью сказать, что именно среди этих документов исследователей ожидают самые интересные находки. Воссоздание более реальной картины войны требует привлечения новых исторических источников, документов как письменных, так и аудиовизуальных, что позволит расширить и обогатить наше представление обо всех сторонах жизни нашей страны в годы войны. Использование в комплексе всех видов источников позволит объективнее проводить любое исследование, наиболее полно отражать исторические события и глубже понимать исторические процессы.

1. Фомин В.И. Дерябин А.С. Кино на войне. Документы и свидетельства. – М.: Материк, 2005. – 941 с.
2. Юткевич С. Кино – это правда. 24 кадра в секунду.– М.: Искусство, 1974. – 328 с.
3. Фомин В.И. Дерябин А.С. Летопись российского кино 1930–1945. – М.: Материк, 2007. – 846 с.
4. ЦГА КФДЗ РК. Фонокаталог. Арх. №11090-К.
5. Родионов О.А. Оператор-кинодокумент-фильм. – М.: ВГИК, 1970. – 69 с.

Григорьев И.А.

ЦОКС

(по книге «Город вещей снов»^{1})*

В 1941 г. С.З. Магарилл^{2*} сыграла одну из лучших своих ролей в кино – баронессу Штраль в драме Сергея Герасимова «Маскарад» (по одноименному произведению М. Ю. Лермонтова).

^{1*} И.А. Григорьев (составитель) Город вещей снов – Усть-Каменогорск: ТОО «ВКПК АРГО», 2015. – 410 с. Книга, в которой под одной обложкой собрано максимальное число рассыпанных по разным источникам, малоизвестных или неизвестных, ранее не опубликованных документальных свидетельств о жизни и работе деятелей советской культуры, работников творческих производств, эвакуированных в годы Великой Отечественной войны в Казахстан (прим. автора).

^{2*} См. также сообщение Байкаш Ж.Т., Еркеновой А.К. «О некоторых сотрудниках медицинских научно-исследовательских институтов г. Алма-Аты: эвакуированных врачах-евреях».

Кинооператор Вячеслав Горданов в книге «Записки кинооператора» писал о съемках фильма «Маскарад»: «Съемки «Маскарада» закончились 18 июня 1941 г. Когда съемка окончилась, я на минуту задержался в декорации. В последний день съемки я всегда испытывал какое-то странное, немного грустное чувство. Несколько месяцев, а иногда и несколько лет подряд приходилось жить жизнью каких-то персонажей, их мыслями и поступками, а потом все сразу обрывалось, последняя съемка, картина окончена, и все с ней связанное надо сдавать в архив памяти.

Так было и сейчас, когда я смотрел на нашу декорацию, по существу комбинацию всяких углов и стенок, через которую мы как будто «прошлись» всей картиной, доснимая или переснимая крупные и средние планы или детали для тех или иных сцен. Эту декорацию уже начали разбирать, осветительные приборы перетаскивались на места других съемок, в ателье то здесь, то там неожиданно вспыхивал свет, в общем, все было, как всегда после съемки.

Я вышел в коридор. В широко распахнутых дверях ателье стояла Софья Зиновьевна Магарилл еще в гриме и костюме баронессы Штраль. «Ужасно грустно расставаться с этой картиной», – сказала она. Сильный луч метрового прожектора ворвался в распахнутую дверь и сразу очертил элегантную фигуру в черном бархатном платье, золотистые волосы, лицо, одухотворенное, немного печальное, с большими трепетными глазами. Вероятно, я видел ее тогда в последний раз. «Все это, конечно, от усталости, – продолжала Софья Зиновьевна, – все мы порядком утомились. Ничего, с воскресенья начнем отдыхать!»

Но воскресенье было 22 июня 1941 г....» [1].

ЦОКС – Центральная Объединенная киностудия (1941–1944 гг.) – действовала в Алма-Ата в годы Великой Отечественной войны. В нее входили только что образовавшаяся Алма-Атинская киностудия художественных фильмов (до этого здесь существовала лишь Алма-Атинская киностудия «Союзкинохроника») и эвакуированные сюда «Мосфильм» и «Ленфильм».

Первым директором ЦОКСа был назначен Михаил Васильевич Тихонов. «15 августа 1941 г., – вспоминал он, – из Москвы выехала первая съемочная группа, а уже в начале сентября в Алма-Аты доснимались, начатые на разных студиях, фильмы «Котовский» (реж. А.М. Файнциммер), «Машенька», (реж. Ю.Я. Райзман), «Александр Пархоменко» (реж. Л.Д. Луков), «Свинарка и пастух» (реж. И.А. Пырьев). Спустя какое-то время прилетел к нам с фронта Константин Симонов, и мы заставили его закончить второй, после его же «Парня из нашего города» сценарий «Жди меня». Сделал он это незамедли-

тельно, и снятый столь же незамедлительно А.Б. Столпером и Б. Ивановым фильм сразу отправился на фронт, к бойцам. Изю дня в день подъезжали москвичи и шефы зарождающегося в Казахстане художественного кино – ленинградцы, поступало съемочное оборудование. И 15 ноября 1941 г. решением Совнаркома СССР студия ЦОКС была утверждена официально» [2].

«Эшелон «Мосфильма» – обоз из двух железнодорожных составов – в 6 часов утра 14 октября 1941 г. двинулся на Восток через всю страну, увозя творческий коллектив студии вместе с первой партией срочно эвакуированных ленфильмовцев, сотни людей и студийное хозяйство: техническое оборудование, реквизит, костюмы, макеты.

Москву бомбили каждую ночь. На Арбате, на месте театра им. Евг. Вахтангова зияла воронка – прямое попадание фугасной бомбы. Над Гоголевским бульваром, над Волхонкой, долетая до Кремля, кружились обгоревшие листы книг, бесценных фолиантов – библиотека Академии наук погибла от зажигалки. 16 октября началась паника – это слово не полюбят советские военные историки, но навсегда запомнят свидетели, пережившие тот октябрь (в т. ч. и я, московская школьница). Всю ночь накануне и весь день по улицам и шоссе шли грузовики, набитые скарбом (тащили аж фикусы в кадках!), – убегало начальство. Магазины и лавки стояли открытые – бери что хочешь! Газеты не печатались, по радио играли классическую музыку. Рядовым коммунистам, кто кинулся в райкомы, говорили: уходите любым путем, как сможете, Москва будет сдана. И к тому же был страшный, неоктябрьский холод.

Нестерпимо было и в Ленинграде. О.М. Фрейденберг, профессор-филолог, двоюродная сестра Б.Л. Пастернака, записывала день за днем в своем дневнике хронику войны: «О, этот ужас, эта темнота, этот свист пикирующих немецких бомбардировщиков, и тотчас же падение смерти, сотрясение дома, глухой крик воздуха... Артиллерийские обстрелы были еще ужасней, чем налеты, своей непредвиденностью. Сигналов быть не могло. Человек обедал, а его за столом убивало. Он шел по улице, его разрывал снаряд. Из Колпина, Лигова, Пулкова и Стрельны летели эти ядра смерти наугад, и где, в каком доме, на какой улице, в каком этаже они падали и разрывались, знала одна слепая судьба».

Были уже разбомблены знаменитые Бадаевские продовольственные склады. Немцы стояли на окраинах кольцом. Начиналась первая блокадная зима.

В Москве 18–19 октября в воздухе повеяло чем-то новым – именно в воздухе, радио молчало. Но проходит день, другой междуцарствия – паника понемногу стихает. Вышло солнышко, стоит наша

Москва! И было ей дальше стоять, и стать прифронтовым городом, и первой дать отпор гитлеровскому блицкригу на своих подступах, и справиться худо-бедно ледяное в тот год 7 ноября, и навек остаться Третьим Римом – четвертому не быть.

Правда, Москве в ту зиму 1941/1942 г., кромешно-темной, без электричества, с лопнувшими батареями, в противотанковых надолбах и аэростатах заграждения, было не до кинопроизводства. Святослав Рихтер играл в зале Чайковского в полушубке и после каждой пьесы надевал на минуту шерстяные перчатки. За исполнением Седьмой симфонии Шостаковича на исторической московской премьере (мне посчастливилось там быть) 30 марта 1942 г. в Колонном зале – великая, гордая вежа! – немедленно последовал воздушный налет, и публике пришлось скрываться в метро. Нет, в Москве было не до съемок художественных картин. Производство на заслуженных традиционных студиях было совершенно невозможно. Потому-то киноэшелон и тащился – гнетуще медленно, поминутно останавливаясь, – в свой бесконечный казахстанский маршрут.

Ехали в неизвестность. Тревогу, отчаяние старались скрыть за шутками, натужным оживлением. Молоденький журналист Виктор Горохов вез с собой только что вышедшие «Основы кинорежиссуры» Льва Кулешова – толстую книгу в дороге разукрасили карикатурами, изречениями и автографами знаменитости двух столиц. Сейчас это ценнейший архивный документ. Книга с иллюстрациями.

На фотографии Николая Боголюбова (в роли Шахова) с его лучезарной улыбкой постановщик фильма Фридрих Эрмлер начертал на протянутой вперед зовущей длани Великого Гражданина^{1*} сардоническое «Куда?..»

Обоз был в пути две недели. Доехав до места, все увидели сказочный зеленый город, окруженный серебряным кольцом снежных гор. На улицах журчали веселые арыки, на деревьях висели красные, с голову ребенка, яблоки апорт. Контраст оставленного Севера и нового дивного края восторженно описан во многих мемуарах – писала Нея Зоркая» [3].

«Пришло время, когда работать стало невозможно даже днем, тем более ночью – вспоминала актриса Лидия Смирнова. Правительство приняло решение эвакуировать кинематографистов. Первой уехала «Машенька» Райзмана, следом отправился «Парень из нашего города». Потом эвакуировался весь «Мосфильм» и еще немного погода – «Ленфильм», выскочивший из города буквально в последнюю секунду»

^{1*} Речь идет о роли Н. Боголюбова, воплотившим образ Шахова – Кирова в советском двухсерийном художественном фильме «Великий гражданин». В основу сюжета положена официальная точка зрения властей СССР на историю жизни и смерти С. Кирова. Премьера состоялась 13 февраля 1938 г. (прим. ред.).

ду перед блокадой. Большинство кинематографистов приехало в Алма-Ату, а Роом, Луков, студия им. Горького – в Ташкент. «Мосфильм» и «Ленфильм» образовали ЦОКС, Центральную объединенную киностудию. Меня утвердили на роль Вари в фильме «Парень из нашего города» как раз перед отъездом. Осенью 1941 г. мы с Николаем Афанасьевичем Крючковым, Столпером, Ивановым, операторами Ураловым и Рубашкиным ехали в одном вагоне. По дороге состав бомбили, мы надолго останавливались» [4].

«В Алма-Ату мы с мамой ^{1*} ехали абсолютно без вещей – вспоминала Анна Коноплева. – В очень элегантной фибровой коробочке для шляп, которую мама привезла откуда-то из-за границы – какое-то время она работала в Турции и Германии, – было мокрое постельное белье, которое я в последнюю минуту сняла с веревки. Нужных вещей мы не взяли никаких, мы были не в том состоянии. И есть нам было нечего, хотя мы ехали в мягком вагоне. В нашем же вагоне ехали Эйзенштейн, Александров с Орловой, Дзиган с Раисой Давыдовной и со своей старенькой мамой, за громадную корзину которой мы все цеплялись. Ехали Эрмлер, Юткевич, Трауберг, Козинцев с Магарилл. И еще Зощенко и Елена Сергеевна Булгакова. А в соседнем вагоне ехали актеры Большого театра, художник Вильямс с женой, Шостакович. Помню, как в Куйбышеве по платформе ходил Шостакович с женой и старшей дочкой Галей, а в его руках была хозяйственная сумка, закрывающаяся на «молнию», откуда торчал совсем маленький Максим.

В нашем вагоне совершенным чудом стала Любовь Петровна Орлова. Она была нашим бригадиром, когда мы мыли заляпаные окна. Она надевала шляпку и туфли на высоченных каблуках и с Зощенко под ручку на узловых станциях ходила добывать нам еду и уголь для паровоза. У нашего вагона собиралась толпа поглядеть на живую Орлову и Зощенко, а в купе, разбитый жутким радикулитом, лежал Григорий Александров. Все пытались растереть его, плясать на спине, но все это мало помогало.

Гарин и Локшина везли с собой домработницу, старуху, которая прожила у них всю жизнь. Она взяла кастрюли, поэтому в вагоне-ресторане Елена Сергеевна Булгакова, Хesia Локшина и жена журналиста Олега Николаевича Леонидова варили для всех какой-то суп.

Поскольку я непрерывно редела, Зощенко гадал мне на картах. Он потрясающе гадал, и очень здорово гадала мама. Они сидели друг против друга и учили друг друга разным гаданьям. На день, что было,

^{1*} Мать Анны Исааковны Коноплевой – Эсфирь Ильинична Шуб (1894–1959), режиссер документального и т. н. монтажного кино. Ее фильм «Падение династии Романовых» (1927), основанный на дореволюционной хронике, положил начало историко-документальному направлению в кинематографе.

что будет... И Зощенко мне все время гадал, что сердце успокоится, все будет хорошо, будет свидание. Он мне гадал, гадал, гадал. И лицо у него было какое-то цыганское, совершенно удивительное.

В Сызрани мы с Раечкой Есиповой выскочили на телеграф, потому что я с ума сходила: в Москве оставались мой отец и мой муж. Но телеграфистка, глядя на нас, как на идиотов, сказала: «Какая телеграмма? В Москве немцы».

Мы на нее стали страшно орать и заставили принять телеграмму. Так что мы вот так и ехали.

В Сызрани горел свет, и на это невозможно было спокойно смотреть. Потому что Москву мы оставили черную, темную, а тут горел свет. Это был символ мирной жизни, уже казавшейся нам нереальной после отъезда из Москвы.

Мы ехали двенадцать дней. А потом на страшной узловой станции Арысь, забитой беженцами с детьми, со всяким скарбом, наш вагон отцепили и прицепили к какому-то алма-атинскому поезду, а писатели и все прочие поехали в Ташкент» [5].

Из воспоминаний актрисы Лидии Смирновой: «В Алма-Ате нас встретила удивительная осень. Ах, какой это был город на фоне белых, заснеженных вершин, как прекрасны были золотые кроны деревьев, арыки, бегущие с гор, аллеи знаменитых яблонь «апорт»! А казахи? Я всю жизнь испытываю благодарность к этому народу, такому гостеприимному. Они потеснились, подвинулись, поделились всем, чем могли. В Алма-Ате нас разместили в гостинице «Советская». Здесь жили рядовые актеры, а звезды – Пырьев, Эйзенштейн, Ладынина, Черкасов, Пудовкин, Тиссе – в доме, который прозвали «лауреатником». Эйзенштейн начал снимать «Ивана Грозного». Были здесь и Эрмлер, и Завадский, и Уланова, и Марецкая. Жизнь в Алма-Ате – труднейший отрезок времени, очень сложный и необыкновенно интересный» [4].

Из воспоминаний кинорежиссера Георгия Натансона: «В ноябре 1941 г. ВГИК был эвакуирован в Алма-Ату. Ехали более месяца, пропуская эшелоны с танками, орудиями и войсками (в троллейбусах, установленных на открытых платформах, по три человека на скамейке, почти все без вещей, с минимумом продуктов). Запомнилось, как на стоянке в Куйбышеве ^{1*} мимо проходила девушка с буханкой хлеба. Видимо, я так на нее посмотрел, что она разломала хлеб и вторую половину отдала мне. Как же я ей был благодарен! Позже в Алма-Ату неожиданно приехали моя мама с сестрой Кари-

^{1*} Ныне вновь Самара.

ной, эвакуированной с институтом МАИ, в котором она училась. Мы снова оказались вместе.

Город Алма-Ата, раскинувшийся на фоне заснеженных гор Алатау, покорило мое сердце своею красотой. Жили трудно. На базаре было все, но стоило безумно дорого. Нам, студентам, выдавали хлеб по рабочим карточкам. Хорошо жили только студенты-художники. Они рисовали поддельные хлебные карточки, да рисовали так, что за все время эвакуации никто из них не попался. Буханки хлеба они продавали на рынке и могли позволить себе покупать и мясо, и рис, и знаменитые алма-атинские яблоки. Вы, наверное, никогда не ели алма-атинских яблок?

Они каждое по полкило весом. Огромные, вкуснейшие и очень красивые. Казахи приняли нас, как и тысячи других москвичей, ленинградцев, белорусов и украинцев, тепло и доброжелательно, потеснившись в своих домах и разделяя с нами продовольствие. Так же дружелюбно приняли эвакуированных в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении, Киргизии... Национализма не было.

Все студенты жили в помещении кинотехникума, где и проходили занятия. Кинотехникум располагался в предгорье Алатау. По двум сторонам улицы текли арыки с чистой горной водой. В столовой общепита можно было поесть «затируху» (галушки, наполовину сделанные из отрубей). Мама и сестра жили в съемной хибарке у реки Алма-Атинка» [6].

Актриса Лидия Королева вспоминала: «Началась война. ВГИК был эвакуирован в Алма-Ату. Бежали из Москвы на грузовых платформах – ставились троллейбусы, и в них студенты ехали до Алма-Аты. Я в этом процессе не участвовала, надеялась, что откроется что-нибудь театральное в Москве, куда можно будет устроиться. В это время мой большой тогда друг Миша Швейцер написал письмо: «О чем ты там думаешь? Приезжай или тебя отчислят». И когда немцы отошли от Москвы, в январе 1942 г., я самостоятельно отправилась в Алма-Ату. Ехала 17 суток. И приехала вся во вшах. Когда спускалась из вагона со стареньким чемоданчиком, увидела встречающего меня Мишу с тележкой. «Ты думал, что я гардероб привезу?» – спросила я его. Он похудел, к ногам вместо ботинок были привязаны деревянные. Посмотрела я на него: «За этим ты меня вызывал?» Он говорит: «Это случилось только месяц назад. У нас очень тяжело. Сергей Михайлович тебя ждет».

Я пришла к заведующему научной частью оператору Юрию Андреевичу Желябужскому, он открыл передо мной протоколы последнего семестра, где было написано: «Телешевой рекомендовано на актерский факультет». Я рассказала об этом Мише, и он ответил: «И

иди. Потому что С.М. требователен, так же, как если бы не было войны. Надо сидеть в библиотеках, надо знать все. Если он поймет, что ты чего-то не знаешь, он даже разговаривать не будет». Елизавета Сергеевна не приехала в Алма-Ату, а актерским курсом руководили Пыжова и Бибиков. И я попала к ним, и была безумно счастлива. Этих педагогов я вспоминаю с гордостью, любовью, слезами на глазах и благодарностью. Они мне очень многое дали.

Там же, в Алма-Ате, я впервые снялась в кино. Во время войны создавались боевые киноборники. Козинцев и Трауберг сделали сюжет «Юный Фриц» с Жаровым в главной роли. Я играла начальницу женского отделения гестапо, невесту Фрица. Мне нарисовали огромный синяк под глазом, затянули картуз ремнем, и мы с Жаровым танцевали что-то типа вальса.

Эйзенштейн продолжал заниматься с остатками режиссерского курса (некоторые студенты ушли на фронт, некоторые остались в Москве). Мастер приступил к съемкам «Ивана Грозного».

Студенты были голодные, разутые, раздетые. Естественно, Эйзенштейн не возражал, чтобы они снимались в массовках, так что мое общение с ним продолжалось. Надо ли говорить, как мы все следили за его гениальной работой в павильоне» [7].

«Как-то артисты-москвичи завели нас в помещение бывшего кинотеатра «Ала-Тау». Импозантный фасад этого здания посмотрел на нас как-то косо: уж очень давно его не ремонтировали! А внутри! Эвакуированные сотрудники киностудии «Ленфильм» разместились в полуразрушенном бывшем кино – «в тесноте и в обиде». Отгородившись друг от друга шкафом или протянутой веревкой, на которой висели простыни, юбки и брюки, здесь жили многочисленные семьи кинорботников. Как на гигантской сцене, на глазах у всех, они спали, ели, умывались, жарили на примусах картофельные оладьи... Пережидали тягостные месяцы войны, принося посильную пользу на съемках «Ивана Грозного». Но какие кинофильмы могли бы сравниться с этим фойе, вместившим столько жизней и столько судеб?

Постепенно, медленно я приобщалась к эмоциональному восприятию Алма-Аты. Когда слышишь незнакомый язык – все слова кажутся похожими, потому что не понимаешь ни одного. Яркая выраженная национальность в лицах в первое время тоже как бы сливается в одно» – вспоминала Наталья Сац [8].

В воспоминаниях кинорежиссера Григория Рошала: «Не могу здесь не сказать несколько слов о том, что представляла из себя Алма-Ата в военные годы. Город необыкновенной красоты, город-сад, непрерывно журчащие маленькие ручейки, струящиеся по всем улицам Алма-Аты, небо с крупными звездами и огнями непотушенных фонарей, зрячие

окна зданий, непривычное после затмения Москвы и Ленинграда. Академия наук – несколько институтов ее были в Алма-Ате, киностудии разместились в столице Казахстана. Тут же трудились для фронта заводы, крупные учреждения. Жить было трудно, негде. Некоторые залы превратились в общежития, занавески отделяли одну семью от другой, кое-где, как драгоценность, были расставлены ширмы.

Студия устраивалась на ходу и с первого дня работала. Начал работать ГИК – институт кинематографии. В ЦК, СНК шли непрерывные заседания: размещали людей. Кинематографистам, размещенным в разных местах, кроме того дали двухэтажный дом, который впоследствии был прозван «лауреатником», ласково и чуть иронически. Там жили Эйзенштейн, Пудовкин, Дзиган, Москвин, я, Строева, Кошверова и др. Каждый день все вместе слушали последние известия с фронтов и для победы делали все, что могли.

Снимали боевые сборники, полнометражные фильмы. В кинотеатре мы просматривали только что законченную Пырьевым картину «Свинарка и пастух». Жизнь не прекращалась. Тогдашняя Алма-Ата оказалась воистину столицей искусства, центром кипящего творчества. Театр Завадского, Марецкая, Орлова, Мордвинов – такие звезды сияли на алмаатинском небе» [9].

«В Алма-Ате было очень много эвакуированных. А тут еще сразу две большие киностудии – «Мосфильм» и «Ленфильм» – со всеми вспомогательными службами приехали. Сегодня даже трудно представить, как мы сумели там все разместиться. На неудобства и голод никто не обращал внимания, просто не было времени об этом думать. Но тем не менее военный период был очень плодотворным и насыщенным в нашей совместной кинематографической деятельности. Мы тогда с особой остротой чувствовали, как нужно сражающимся на поле боя солдатам, самоотверженным тыловым труженикам искусство кино, как неразрывно связана актерская жизнь с жизнью страны. И артисты работали, сражались силой своего оружия с той же верой и надеждой, как наши братья на фронте и в тылу. Различия не делали.

«Что такое, вас ист дас – немцы драпают от нас!» – весело распевали мы с Михаилом Жаровым в далекой Алма-Ате, снимаясь в киноконцерте для очередного «Боевого киносборника». И это в то время, когда радио передавало сводку Информбюро: «В результате напряженных боев наши войска сдали пункт такой-то». А этот «такой-то» находился неподалеку от Химок. Так что до «драпанья» было еще ох как далеко. Но наша работа была необходима, и мы веселились, чтобы поднять дух людей. Общая беда сплотила всех, каждый делал все возможное, чтобы хоть как-то помочь фронту.

При первом же удобном случае, когда появлялся перерыв в напряженной съемочной работе, мы сколачивали концертные бригады и отправлялись на передовую в действующую армию. «Эстрадой» становились броня танков, взлетная полоса полевого аэродрома, отбитый у врагов блиндаж, а то и вовсе опушка леса. Сколько радости, помню, доставляло бойцам, находившимся на излечении в госпитале, удивительное зрелище: Владимир Канделаки танцует с Галиной Улановой. Да-а, теперь такого не увидишь... Мы с Михаилом Жаровым обычно выступали в третьем отделении, завершая концертную программу. И нередко, уходя за импровизированные кулисы, на глазах у зрителей видели слезы. То были слезы от смеха – одного из самых эффективных исцеляющих средств, это вам любой врач подтвердить может.

В 1942 г. в «Боевом киноборнике» №8 зрители увидели новеллу «Три танкиста». Кто же вошел в «экипаж машины боевой»? Ну конечно же, герои фильма «Трактористы»: Назар Дума, он же Борис Андреев, разбитной Савка, то бишь Петр Алейников, и Клим Ярко..., но не Николай Крючков, а Марк Бернес. Нет, я не разлюбил своего героя, напротив, всей душой рвался к старым друзьям. Но не мог, не позволял жесткий график киносъемок. Время было военное, и думать о том, чтобы самовольно уехать из Алма-Аты в Ташкент, где снимались «Три танкиста», не приходилось.

На ЦОКС в Алма-Ате запустили в производство сразу несколько картин. Одновременно пришлось сниматься у разных постановщиков. Это были роль Сафонова в фильме Всеволода Пудовкина «Во имя Родины», экранизации известной пьесы К. Симонова «Русские люди». Две роли в картине о Котовском режиссера А. Файнциммера. Один из самых дорогих мне образов – Сергей Луконин в ленте А. Столпера «Парень из нашего города», тоже по Симонову. Режиссер К. Юдин снимал меня в комедии о герое-поваре Антоше Рыбкине. И наконец, приглашение от братьев Васильевых на роль Сергея Горлова в фильме «Фронт». Прибавьте сюда «Боевые киноборники» и участие во фронтовых концертных бригадах...

Ни от одной из этих работ, конечно, отказаться я не мог. Все это, разумеется, не ради того, чтобы лишний раз показаться на экране, мелькнуть в титрах, не ради славы и тем более не из меркантильных соображений. Главным было помочь в тяжелые дни народу, стране, чтобы хоть немного приблизить день победы над фашизмом. А в том, что этот день придет, сомнений у нас не было. Была вера, и мы ею жили.

Распорядок моей жизни в те дни был таков: утром – работа в картине «Котовский», поскольку почти все съемки велись на натуре, днем – «Антоша Рыбкин», вечером и ночью снимали «Во имя Роди-

ны» и «Парня из нашего города». Назавтра все повторялось снова. Съёмки шли круглые сутки, и таких суток было ровно двадцать шесть. Ел ли, спал ли – не помню. Зато помню, что на двадцать седьмые сутки свалился от истощения, угодил в госпиталь, где меня кормили с ложечки специальным раствором. Ничего, на ноги поставили быстро. Вышел из госпиталя – и снова на студию. Работа не могла ждать – вспоминал актер Николай Крючков» [10].

Подготовкой сценариев для ЦОКСа занимались кинематографисты эвакуированной также в Алма-Ату Всесоюзной сценарной студии. Там работали такие мастера слова и драматургического построения, как Михаил Зощенко, Виктор Шкловский, Константин Паустовский, Сергей Михалков, Константин Симонов, Леонид Леонов, Евгений Петров, Михаил Блейман, Алексей Каплер, Иосиф Прут, Семен Полоцкий, Лина Войтоловская и др. Привлекались к работе над сценариями и казахские литераторы – Мухтар Ауэзов, Габит Мусрепов, Ахмет Хусаинов, Абдильда Тажибаев, Кабыш Сиранов [2].

Лидия Чалова писала о М.М. Зощенко: «Жил Михаил Михайлович на частной квартире. Но только последнее время. До этого – в предоставленной эвакуированным кинематографистам гостинице «Дом Советов». Заселили ее люди, которые еще до войны вместе работали, хорошо знали друг друга. И естественно – шум, гам, поздние посиделки, бесцеремонные хождения из номера в номер. Не привыкший к подобному образу жизни, Михаил Михайлович чувствовал себя в гостинице нехорошо. Нервничал, раздражался – работать не мог. И тогда, не видя иного выхода, сделал несвойственный ему шаг: пошел за помощью в Союз писателей. И так совпало, что как раз в эти дни туда поступило заявление от преподавателя философии Алма-Атинского университета У.М. Балкашева, предлагавшего кому-нибудь из эвакуированных писателей занять его кабинет. Он уезжал в Москву, на работу в Казахское постпредство, и вот решил сделать это доброе дело. Комнатка была небольшая, но очень уютная: письменный стол, стул, тахта, библиотека. Что еще надо для работы и отдыха? В квартире оставалась жена Балкашева и трое детей. Вели они себя предупредительно тихо и ненавязчиво. И Михаил Михайлович был доволен таким, как говорится сейчас, улучшением своих жилищных условий... А Балкашева перед его отъездом я видела. Очень приятный, милый человек. Когда – уже в 1943 г. – Михаил Михайлович перебрался в Москву, Умудбай Миндикенович не раз навещал своего бывшего квартиранта...

На алма-атинском вокзале, когда я впервые взглянула на Михаила Михайловича, то глазам своим не поверила. Я видела дистрофиков в Ленинграде, сама была почти что дистрофик, но чтобы здесь, в глубо-

ком тылу, так ужасно мог выглядеть человек – нет, это было невыносимое зрелище!

Я спросила, как ему удалось довести себя до такого состояния? Он сказал, что получает 400 г хлеба, половину съедает, а половину обменивает на пол-литра молока и луковицу. Таков, мол, его дневной рацион. Я спросила: «И у вас на студии все так живут?» Он ответил: «Кое-кто, конечно же, чего-то там достает, но, ты же знаешь, я этого делать не умею».

На другой день я пошла на студию. Михаил Михайлович работал в сценарном отделе. Вместе с ним работали Михаил Блейман, Юзеф Юзовский, Леонид Жежеленко, а заведующим был Николай Коварский. Я спросила Коварского: «Вы ведь, наверное, получаете какие-нибудь лимиты?» Он подтвердил: «Конечно». «А почему же Михаил Михайлович не получает?» Николай Аркадьевич опешил: «Как не получает?!» Оказалось, ни ему, ни кому другому из сотрудников отдела в голову не приходило, что Михаил Михайлович чуть ли уже не год живет, отоваривая лишь хлебную карточку.

Я вызвала врача. Он определил: дистрофия. Написал справку. С помощью этой бумажки сценарный отдел выхлопотал Михаилу Михайловичу месячное питание из больницы Совнаркома. Такое обильное, что хватало на двоих. Но месяц прошел, нужно было оформлять право на получение питания по лимиту, а Михаил Михайлович вдруг заупрямился. Нужно было идти в торговый отдел, а он не хотел просить, не хотел писать. Говорил, что это неудобно – во время войны. Я сказала: «А удобно умирать во время войны в Алма-Ате от дистрофии?» И все-таки заставила написать в торговый отдел. Взяла записку и вот прихожу. Мне говорят: «Как? Зоценко в Алма-Ате уже год? А мы ничего не знаем. Вот о Маршаке знаем. Он каждый месяц приходит за дополнительными талонами на масло... Неужели Зоценко не знал о лимитах? Как странно...».

Если бы Михаил Михайлович позаботился раньше, то его отоваривали бы, как и других эвакуированных писателей, на 500 или 250, а теперь только на 125 руб. Впрочем, он рад был и этому. А тут вдобавок на «Мосфильме» открыли столовую – можно было брать на дом обеды. Казалось, с питанием наконец все уладилось. Но неожиданно пришли новые волнения. Произошел печальнейший случай. Одна из подавальщиц в этой столовой оказалась носителем бактерий брюшного тифа. И некоторые из тех, кого она обслуживала, заболели. А ленинградского артиста Бориса Блинова, известного по фильмам «Чапаев» (он играл комиссара) и «Жди меня», врачам спасти так и не удалось. Не удалось спасти и актрису Магарилл – жену Козинцева. Всех, конечно, взволновало случившееся. Жалко артистов, но и за

себя страшновато. Работники кинофабрики переживали тревожные дни. И Михаил Михайлович не был тут исключением» [11].

«В годы войны продовольственные карточки при утере не восстанавливались – вспоминал актер Кирилл Столяров. И тогда отец решил добыть пропитание в горах. Он взял в реквизите театра старенькую двустволку и на два дня ушел в район Медео. Ныне здесь всемирно известный культурно-спортивный комплекс, и трудно себе представить, что в 1943 г. это было дикое место со звериными тропами. Вот на одной-то из них отец и затаился. Ему повезло на вторую ночь – на тропу вышел олень. До сих пор его рога украшают наш дом.

А тогда в семье был настоящий праздник. Мама поставила весы в коридоре общежития театра, мясо было тут же распродано, а нам осталась только оленья нога. Вечером пришел крайне взволнованный писатель К.М. Симонов – у него годовщина свадьбы с В.В. Серовой и он умоляет помочь. Отец объясняет, что поздно: все уже продано, осталась одна оленья нога, чтобы прокормиться самим. Я не знаю, какие приводились аргументы, но после длительной дискуссии состоялась необычный бартер — оленья нога за новую, еще не оконченную пьесу «Русские люди» для постановки в драмколлективе.

Константин Симонов в те дни был в расцвете своего таланта. Его стихи «Жди меня», посвященные Валентине Серовой, знала наизусть вся страна. Он только что прилетел с фронта, из Сталинграда, был свидетелем капитуляции армии Паулюса. Рассказывал о победе на Волге. Мы жадно ловили вести «оттуда», все население нашего дома каждое утро собиралось у репродукторов и внимательно слушало сводки Совинформбюро. Красивый, изящный, с трофейным немецким пистолетом, Константин Михайлович был великолепен в новой, невиданной нами офицерской форме с погонами и звездочками, вместо пепельных шпал и треугольников. Таким прекрасным, молодым я запомнил поэта навсегда» [12].

За годы своего существования ЦОКС выпустил около 80% всей отечественной кинопродукции, то есть, 23 полнометражных картины и 10 короткометражек. Главной темой их была героическая борьба советского народа против фашизма. Ей посвящались фильмы «Секретарь райкома» (1942, реж. И.А. Пырьев) – о мужестве белорусских партизан, «Она защищает Родину», где героиня Веры Марецкой Прасковья заслоняет путь наползающему на ее сына танку (1943, реж. Ф.М. Эрмлер), «Зоя» – о гибели юной партизанки Зои Космодемьянской (1944, реж. Л.О. Арнштам). То были замечательные игровые киноленты – «Во имя Родины» (она же «Русские люди» по К.М. Симонову, 1943, реж. В.И. Пудовкин и Д.И. Васильев), «Непобедимые» (реж. С.А. Герасимов и М.К. Калатозов), «Нашествие» (1945, реж.

А.М. Роом). Посвящены они были не только партизанам, но и подпольщикам, героям-одиночкам, целым подразделениям или экипажам, летчикам, как, например, в фильмах «Жди меня» (1943, реж. А.Б. Столпер, Б. Иванов), «Фронт» (реж. Г.Н. и С.Д. Васильевы) и др.

Снимались на ЦОКСе и фильмы легкого жанра, что называется, для души. Первый из них под названием «Антоша Рыбкин» (реж. К.К. Юдин) о веселом кашеваре, который, когда надо становится умелым воином, вышел в свет через два месяца после учреждения новой киностудии, т. е., в начале 1942 г. Вслед за ним в 1943-м появились: «Актриса» (реж. Л.З. Трауберг), «Воздушный извозчик» (реж. Г.М. Раппапорт), «Беспокойное хозяйство» (реж. М.И. Жаров). Трогательные и наивные сегодня, в годы войны они имели невероятную силу воздействия. Их демонстрировали во всех частях действующей армии, песни героев напоминали о доме и семье, под их впечатлением шли в бой солдаты. Последними, пришедшимися на 1945 г., были художественные фильмы «Иван Грозный» (1-2-я серии, реж. С.М. Эйзенштейн) и «Черевички» (реж. М.Г. Шапиро и Н.Н. Кошеверова).

Алма-Ата на время войны превратилась в кинематографическую столицу. Четыре из пяти фильмов страны снимались здесь. В широких студийных коридорах, что именовались Большими бульварами, можно было встретить Пырьева и Пудовкина, Трауберга и Эрмлера, Райзмана и Рошаля, Шкловского и Блеймана, Каплера и Козинцева, братьев Васильевых, Вертова, Роома и, конечно, Эйзенштейна.

Однако рядом с творческими радостями и удачами шла беда. Почта то и дело приносила с фронта похоронные, были безвозвратные потери и здесь. Заболев тифом, скоропостижно скончались замечательные актеры Борис Блинов («Чапаев», «Член правительства», «Подруги», «Жди меня», «Фронт» и др.), Николай Черкасов (Сергеев) – («Джюльбарс», «Суворов», «Дорога к звездам», «Непобедимые»), Софья Магарилл («С.В.Д. », «Враги», «Маскарад», «Новый Вавилон», «Города и годы», «Варвары»), сценарист Валентин Кадочников. Потерял свою маленькую дочку Николай Дмитриевич Мордвинов [2].

Из воспоминаний Ларисы Валентиновны Кадочниковой: «У меня были замечательные родители. Мама – известная русская драматическая актриса Нина Алисова, в 18 лет сыгравшая Ларису в знаменитом фильме гениального режиссера Якова Протазанова «Бесприданница»... На съемках она познакомилась с Валентином Кадочниковым, моим отцом, подающим большие надежды режиссером, к сожалению, рано ушедшим из жизни. Мой брат Вадим Алисов сейчас один из ведущих кинооператоров России... он снимал с Эльдаром Рязановым «Вокзал для двоих», «Жестокий романс» и «Забытую мелодию для флейты»... Мама и папа поженились во время работы над этой карти-

ной, а имя Лариса мне дали в честь маминой героини из «Бесприданницы». ...Расставшись с любимым мужем накануне войны, уехав сниматься в Киев в фильме «Макар Нечай», мама так больше и не встрети­лась с ним, хотя оба находились в эвакуации почти рядом: он в Алма-Ате, она в Ашхабаде... Телеграмму о том, что в горах близ Алма-Аты отец простудился, заболел воспалением легких, что его не смогли спасти и он умер, маме вручили только через 10 дней после папиной смерти. Мама в это время снималась в картине «Жена гвардейца» в Армении, и режиссер картины, чтобы не сорвалась съемка, запретил показывать ей это сообщение раньше. Когда мама добралась до Алма-Аты, отца уже похоронили, а где – никто не знал... Могилу Валентина Кадочникова так и не нашли... В память об отце остались лишь справ­ка о его смерти, статья С. Эйзенштейна (одним из лучших учеников которого он был) «На смерть Вали Кадочникова», а также два фильма – «Золотой ключик» и «Волшебное зерно»... Мама осталась одна с двумя крохами (моему младшему брату, Вадиму, не было еще и го­да)...» [13].

Но строк печальных не смываю (А.С. Пушкин)

«Под карагачами Алма-Аты от Дома искусств (в просторечье «Лауреатника») на студию идет, принимая почтительные поклоны встречных, знаменитый кинорежиссер С.М. Эйзенштейн. Он рано по­лысел, но глаза молоды – писала Нея Зоркая. – Он не по возрасту слегка обрюзг – большое сердце! – но подвижен. В авоське военного времени он носит сценарий исторического фильма «Иван Грозный». Дома он пишет статью «Charlie the Kid» о Чарльзе Спенсере Чаплине. В эвакуацию он приехал с сундуком рукописей и библиографических диковинок, и почему-то ему до зарезу понадобился словарь парижского арго, вспоминают алмаатинцы, которые свято чтят его память и охотно пересказывают его эксцентричности.

По улице идет высокий мастер,
Болтая, отпуская каламбуры.

Так начинаются строфы об Эйзенштейне поэмы «Середина века» Вл. Луговского, друга режиссера, тоже эвакуированного в Алма-Ату» [14].

«Жил Сергей Михайлович в доме, который дало кинематографис­там казахское правительство – вспоминал Глеб Шандыбин. Это двухэтажное здание получило прозвище «лауреатник». Там жили Пу­довкин, Тиссэ, Александров, Орлова, Райзман и др. У Эйзенштейна, как и у остальных, была одна комната. Но он сделал в ней антресоли – «второй этаж», разместил там книги, это было его рабочее место, туда он уходил, чтобы ему не мешали. Тетя Паша, его бессменный добрый

гений готовила ему, вела несложное хозяйство. Двери Эйзенштейна были открыты для всех. Сколько людей к нему приходило! Посоветоваться, поделиться радостью и горем, просто посидеть, поговорить. Для каждого у Сергея Михайловича находилось доброе слово, совет, не раз делился он последней копеей. Никогда не отделялся он от людей, не старался возвыситься над ними, очень любил общение с людьми, каждый человек интересовал его.

Промышленность Алма-Аты, куда было эвакуировано много важных предприятий, работала с полной нагрузкой, электроэнергии не хватало, и студии давали свет только ночью. По ночам и шли съемки «Грозного». Было, конечно, трудно, день и ночь перепутывались, спать приходилось в самое разное и неожиданное время. Но никто не жаловался. Умели стать над бытом, над недоеданием, над теснотой и всем прочим. Главное было работа. Пример показывал Сергей Михайлович. Ему было не легче, чем другим, ведь его работа, по сути, не прекращалась и дома, и во время отдыха. Но ни разу я не видел его унылым, удрученным, растерянным, поддавшимся усталости, злым, неприветливым. Всегда бодрый, веселый, подтянутый, доброжелательный и внимательный, он нас всех заражал своим настроением. В павильоне он требовал абсолютного порядка, полной тишины. Самым главным для него было настроение актера в момент съемки. Когда актеры уставали, а он это сразу замечал, он делал паузу, разряжал напряжение шуткой, смехом, веселой историей, анекдотом, усталость снимало, работа продолжалась. Эйзенштейн никогда не кричал, не разговаривал грубо. Если кто-то не понимал, чего он от него хочет, он не выходил из себя, а терпеливо объяснял до тех пор, пока не убеждался в том, что человек все правильно понял. Тогда он уже мог от него требовать исполнения задания. Объясняя задание, а нередко они были довольно сложными, он часто рисовал, мог даже «показать» вещь, обрисовав ее точным жестом. Но зато требователен был до беспощадности» [15].

Из писем Михаила Названова к Ольге Викландт со съемок фильма «Иван Грозный».

12 ноября 1943 г.

[...] За эти два дня впервые вкусил я всю сладость ночных съемок. Оба раза пришел домой в десятом часу утра. 10-го съемка была убийственно тяжелая и непродуктивная. Холод в павильоне адский, валит пар изо рта, ноги зябнут, а погреться, отдохнуть негде, даже иногда не сразу стул найдешь. Черкасова впервые видел в истерическом состоянии. Он 18 дней не спит.

Сняли (2-й раз) «Золотой дождь». Планы все средние, не дающие пищи актерской. Вчера съемка была для меня по «Собору» – решаю-

щая. Снимали все мои крупные игровые планы. К счастью – с вечера, так что силы были, и грим и глаза – свежие. Два часа 35 минут стоял на одном месте, репетируя и снимаясь, почти не присев. Сняли 14 крупных планов. Говорили вчера, что получилось очень хорошо, хотя выражение лица насмешливое, а не восторженное.

Думаю, что это ничего, так как среди безоблачного обожания царя должна быть нотка зависти и иронии, из которой потом вырастет измена.

Вообще я пока съемками недоволен. Все сводится к изобразительному, а не актерскому процессу. При чтении сценария воображение мое мне больше подсказывало, чем диктуется и требуется со стороны Эйзенштейна. Вообще холодная, бездушная и, увы, бестолковая атмосфера. Но тем не менее тщательность рисунка, очевидно, какие-то вещи подменит.

Последняя сенсация: Ефросинью будет играть Бирман^{1*} [...]

30 ноября 1943 г., вечер

Плохо мне и тоскливо сегодня на душе, Ляленька! А тут еще погода снежная – буран, скользко, света в гостинице не было, думал, и письма написать не сумею, да вот, слава Богу, зажегся сейчас. Лежал в темноте, и так плохо что-то было, что и передать не могу. Конца краю нет этой жизни моей одинокой в опостылевшей Алма-Ате! [...]

Сегодня смотрел материал: пролог, смонтированную «Казань» и «Венчание на царство». Очень у меня двоится впечатление: с одной стороны, безусловно, все здорово снято, здорово построено, с другой стороны, пресловутый принцип «монтажа» приводит к такой лоскутности и клочковатости впечатлений, что вызывает чувство досады. Мои планы в этих сценах так рассыпаны, что и роли не видно. Боюсь, что и остальные актерские куски тоже будут похожи на шинкованную капусту из перебивок и т. п. фокусов. [...]

Алма-Ату засыпает все больше и больше. Люди уезжают в освободившиеся районы, трамваи не ходят, темень адская. [...]

7 января 1944 г.

[...] Ходил на базар. Мяса нет совсем. Искал сладкого – варенья или джема, продают 200 руб. банка. Сахара нет. Ходил, ходил, купил за 90 руб. полкило риса и сушеных яблок за 100 руб. Оттуда пошел к Эйзену на репетицию завтрашней съемки (вторая, дневная, сцена с Бирман, во время болезни Ивана).

^{1*} С.Г. Бирман (1890–1976), исполнительница роли Ефросиньи Старицкой, за которую была удостоена Сталинской премии (1946).

Она цапалась легко, потом сказала, что мало знает меня в театральном искусстве. А потом как цапнет: «У нас с Михаилом Михайловичем, видимо, различные взгляды на искусство, а я то-то и то-то, я против гримасничанья, я ищу действия» и т. п. и т. д.

Ну, тут захолонуло мое сердце, как я ляпну в ответ: «Я после такого «эпиграфа» (нарочно употребил в тон ей «высокоинтеллигентное» слово) репетировать с Вами, Серафима Германовна, не буду. Вы пять минут тому назад сказали, что не знаете меня как актера, а теперь говорите, что у нас «разные взгляды» и что я такой-сякой. Вы не можете знать моих взглядов на искусство. На механическое гримасничанье на экране и мне противно смотреть!!! Я воспитан по системе, где строят в сцене взаимоотношения людей, а не свою сцену, как Вы. Я своей линией роли озабочен не менее Вашего, но не допущу, чтобы Вы строили сцену себе, а не нам. Очень удивлен Вашей безапелляционностью».

Она стала шелковой, хоть, вероятно, и затаила на меня. Репетировали мы часа четыре. Бедный Сергей Михайлович! Роль у меня адски трудная [16]. [...]

«Обширная горная цепь Тянь-Шаня, говорят, получилась в результате великого стяжения пластов, нагромоздившихся складками — писал писатель В. Шкловский в книге «Эйзенштейн». Складки дугами обращены в одну сторону; они прерываются гранитными массивами, прорвавшимися через молодые породы. У крутых складок гор Ала-Тау — части Тянь-Шаня — стоит город, красивый и крутой. Кажется мне, он самый зеленый город в нашей стране. Арыки, быстро текущие по улицам Алма-Аты, говорливы. В конце складок гор лежит ничем не замечательный овраг Каскелен. Овраг изолирован и залит солнцем; в нем Эйзенштейн и Шпинель поставили декорацию Казани. Декорации всего мира сделаны из фанеры. Эта декорация построена из травяных матов и дерюги. Бегучий разум Сергея Михайловича украсил декорацию крепости Казани флагами, знаменами. Бегут складки от ветра. Бегущие складки флагов дают глубину декорации; дают ей реальность. Рядом с материей декорация и вправду кажется каменной.

Здесь В.В. Горюнов, великий гример, собственноручно сколотил балаган, в балаган поставил кресло и к креслу сам приделал подпорку для головы актеров. Эта подпорка отличалась от подпорок старых фотоателье тем, что гримы, создаваемые Горюновым, предназначены для съемки в движении. Горюнов не гримирует — он делает скульптурное лицо, улавливает ход усов, понимает бег волос в связи со строением черепа, с движением лица актера.

Перед встречей с экраном, на котором все будет заснято в движении, в кресле спит Н.К. Черкасов. Длинную жизнь прожил Черкасов.

Он рассказывал, что первая его роль – водоросль. Извиваясь, он в какой-то пантомиме передавал движения водоросли. Он до кино выступал на эстраде, имитируя датского комика Пата.

Прежде чем сыграть Дон-Кихота в ленте Г. Козинцева всерьез, он в каком-то эксцентрическом представлении выезжал в латах Дон-Кихота на велосипеде. Актеры, режиссеры, художники нашего искусства прошли через эксцентриаду.

В эксцентриаде «факсов» принимали участие прекрасный писатель Юрий Тынянов и глубокий знаток греческой трагедии и комедий Аристофана – Адриан Пиотровский.

Молодой Черкасов играл старика, профессора Полежаева; профессор со старческой быстротой взбегал по университетской лестнице. Тонкие сильные ноги обвивались струящимися профессорскими панталонами. Сыграть молодостью старость, а не спрятать молодость сумел Черкасов.

Он умел воскресить тень Паганеля, так как мы прочли в молодости про Паганеля, географа и храбреца, в незабытых книгах Жюль Верна.

Он был Александром Невским и Горьким.

Кем он только не был.

Путь эксцентриады, если он проделан серьезно и вдохновенно, путь разнообразия театрального движения – серьезный путь.

Черкасов прилетел из Новосибирска в Алма-Ату. Я не знаю, кем он был в Новосибирске; в Алма-Ате он был Иваном Грозным. Он спал в кресле, его гримировали. Он не был похож на Грозного, но он мог его сыграть.

Иван Грозный, как рассказывал про него Даниил Принц из Бухова, дважды побывавший в Московии в 1567 и в 1578 гг., – высокого роста; тело имел полное сил и довольно толстое; большие глаза его постоянно бегали, все наблюдали и никогда не были спокойны. У него была рыжая борода – густая и длинная; обритая голова с плотной щетиной почти красива. В гневе он был как бы безумен^{1*}.

Царь был обременен событиями, устав от зрелища бега времени. Время сжималось, подымалось складками гор, прорывалось извержениями. Грозный не похож на сердитого старика с длинным посохом, изображенного в скульптуре Антакольского. Грозный не разгадан, но увиден.

Во время разговора на церковном соборе, прозванном «Стоглав», обсуждались вопросы, как писать Иисуса: должен ли он быть благо-

^{1*} Цит. по кн.: С.Б. Веселовский Исследования по истории опричнины – М.: Академия наук СССР, 1963 – С.49.

образен или нужно показать смерть его мучительной и полной страданиями, как смерть всякого распятого.

Спорили. Грозный сказал: «Кому дано, тот бы писал, а кому нет – мало ли есть других занятий».

Людам, которые делали картину «Иван Грозный», «было дано». Дано им было в полную меру. Брали они вдохновение, как груз. Под грузом успевали разговаривать, вспоминая сегодня и завтра.

Вспоминая надежду.

Изменялся Черкасов по мере того, как изменялось познание Эйзенштейном Ивана Васильевича. Изменялась великая артистка Серафима Бирман, антагонист Грозного, человек одного рода с ним, одного дыхания.

Они боролись за корону, боролись жестоко, имея несходные цели.

В кино, если оно хорошее, почти всё – правда, только люди в нем умирают не взаправду, но парча, бархат, кожа, сукно – все настоящее; по-настоящему увиденное, прошупанное художниками.

В Алма-Ату приехал Я.И. Райзман – великий портной, человек, вобравший в себя немалую культуру старой Москвы, театральной и бытовой. Он по памяти передавал мудрые слова.

– Коровин мне говорил, – сообщал Райзман, – произведение никогда не должно быть до конца законченным.

Репин писал грандиозное полотно «Заседание Государственного Совета».

Там люди похожи на стаю старых, местами позолоченных яркочерных птиц.

Они сидят перед нами и в профиль и в три четверти, иногда сидят так, что мы их видим сзади, как бы застав врасплох.

Они не завершены, они – окаменевшая рябь времени.

Они уйдут, протекут, уничтожатся.

В незаконченности реалистического рисунка – реальность.

Райзман кроил, переделывал, передумывал.

Эйзенштейн нарисовал более двух тысяч набросков для картины; она была уже вся увидена художником. Он дал набросок к костюмам Григория Малюты Райзману. Тот ему возразил:

– Сергей Михайлович, вы не до конца понимаете заказчика. Надо увидеть, каков он, догадаться, каким он хочет быть; решить, что можно из него сделать такое, чтобы он удивился и обрадовался. В те времена, вы же знаете, в плечи кафтанов вшивались легонькие, довольно узкие, горбатенькие березовые дощечки.

Прибавлю длину их на два пальца – талия станет уже. Жаров прекрасный актер – это на нем сядет правдоподобно. Вы поймете, что тот

палач был бы моим покровом доволен; тот костюм, который вы нарисовали, Малюта бы не надел, и в ателье были бы с ним неприятности!

Яков Ильич Райзман в Алма-Ате болел туберкулезом, простужался в огромном новом здании, на котором была вывеска: «ЦОКС», т. е. Центральная объединенная киностудия. Какое слово! Лучше любого прозвища.

Там снимал великий оператор Андрей Москвин. Москвин долго работал с «факсами», понимал, что черное и серое – тоже цвет. Он умел снять по рисункам Альтмана в «Дон-Кихоте» дворец герцога так, чтобы в черном цвете видели цветной бархат, чтобы зрители домысливали его.

Эдуард Тиссэ был оператором, понимающим природу, движение воды, тень дерева, туман и человека в природе. Андрей Москвин годы провел в павильоне и мечтал о цвете. Как Бетховен, в последние годы жизни глухой, слышал свою музыку, так Москвин видел плохо; берег глаза для цвета, для цветового, а не для цветного кино. Он мечтал о цветных тенях, о рефлексах стен, которые дают глубину цвету и помещают человека в пространстве.

Режиссер и оператор были счастливы, работая вместе в Алма-Ате, в здании с пышным названием «ЦОКС». Это слово похоже на звук большого разбиваемого сосуда. Много судеб разбилось на ЦОКСе в голодное время великой войны. Вспоминаю о многих, пишу о двоих.

Умер от истощения художник Всеволод Воинов. Это ему Эйзенштейн приносил свои стремительные, трагические рисунки. Художник сутками сидел над старыми книгами, изучал древние одеяния, делал эскизы костюмов, примиряя правду и вымысел. Эскизы, утвержденные режиссером, приходили потом к Я.И. Райзману. Умер Воинов в 1942 г., еще до начала съемок, и потому в титры не попал. Помянем его здесь.

В эпоху ЦОКСа надорвалось здоровье Бориса Свешникова, второго режиссера на «Иване Грозном». Помню его по другим картинам – энергичного, интеллигентного, скромного. Зритель вторых режиссеров не знает, критики пишут про постановщиков. Второй режиссер обязан быть талантливым и незаметным. На его плечи ложится нелегкий труд подготовки съемок. Эйзенштейн доверял Борису безгранично. Товарищи его любили, подчинялись, называли гениальным организатором. Имя Бориса Свешникова должно занять место в замечательном списке эйзенштейновской гвардии, рядом с «потемкинской» железной пятеркой.

Это воспоминание – не упрек кинематографу в забывчивости. Преклоняюсь перед безвинными соратниками великих художников,

теми, чьи имена зритель читает в титрах, не запоминая. ЦОКС не разбился, он остался в истории кино уроком самоотверженности.

Пушкин в стихотворении о творчестве говорит: «Знакомцы давние, плоды мечты моей...». Пятна замыслов, стенографические записи впечатлений, неясные даже творцу, они оживают, становятся матросами на созданном волей художника корабле, и трогается громада, и спрашивает художник сам себя о пути:

«Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны,
Громада двинулась и рассекает волны... ..
...Плывет. Куда ж нам плыть?..»

В кино «матросы» — люди, живые люди, по-новому увиденные, превращенные. Хаос человеческих существований, смесь генетических свойств раскладываются, как бы расписываются на карточки.

Так искала для Эйзенштейна Валя Кузнецова в многолюдной Алма-Ате бояр, татар, стрельцов, рыцарей, послов из Ливонии. Находила их, как обломки выкинутой посуды. Режиссер узнавал людей, видел в них давних знакомцев и домыслил их, соединяя в ряды, изобретая нечто новое.

Так создаются картины.

Помню похожее на бедную оранжерею ателье Первой кинофабрики на Житной, зеркальные стены бывшего Яра, превращенного в съемочное ателье «Межрабпома», огромные ателье Потылихи, в которых дирижабль мог бы заблудиться. Переломанные коридоры Потылихи и согнутые коридоры Студии им. Горького.

В кинематографию легко войти, но трудно выйти; она изменяется сама.

Смены в искусстве мучительны.

Но в кино цветет настоящая дружба.

Люди растут, как в лесу растут, подгоняя друг друга ростом, деревья.

Так рос Эйзенштейн с Александровым, с железной пятеркой, с великим конгениальным с ним композитором Прокофьевым, с актерами.

А. Москвин как будто всю жизнь ждал Эйзенштейна.

Они вместе ткали ткань ленты «Иван Грозный».

Когда умер Эйзенштейн, приехал из Ленинграда Москвин. Оператор молча стоял у широкой кровати, на которой между масками и деревянными апостолами спокойно, закинув знакомое лицо, и не драматично лежало тело в знакомом костюме.

Москвин молчал долго, потом заговорил тихо:

— Я попрошу подарить мне одну вещь.

– Бери любую, – сказала Аташева.
– Подари мне шапку Сергея Михайловича – черную, ватную.
Он ушел с этой шапкой; завещал положить шапку к себе в гроб.
Съемочное ателье – место необычайных, самим себе не признающихся в силе привязанностей.
Когда Эйзенштейн умер, жизнь обеднела.
Умер и А. Москвин.
Много людей кино легло на кладбищах.
Но искусство кинематографии не цокнулось.
Оно устояло на своих глубоких корнях» [17].

1. Вячеслав Вячеславович Горданов (15(28).07.1902, г. Плоцк Российская империя (ныне Мазовецкое воеводство Польша) – 18.11.1983, похоронен в г. Санкт-Петербурге), советский кинооператор. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1950). Лауреат Сталинской премии первой степени (1950) / Горданов В., Бутовский Я. Кинооператор Вячеслав Горданов – Л.: Искусство, 1973. – С.194.
2. История ЦОКС Источник: Киноэнциклопедия Казахстана.
http://www.kazakhfilmstudios.kz/kaz/company/our_history/tsoks/
3. Нея Марковна Зоркая (12.07.1924, Москва – 16.10.2006, там же), российский советский кинокритик, киновед, историк кино // Искусство кино (Москва) – №7 (июль) – 1999 г.
4. Лидия Николаевна Смирнова (31.01 [13.02] 1913, Тобольск, (по другим источникам – Мензелинск, Уфимская губ. – 25.07.2007, Москва), советская и российская актриса театра и кино, народная артистка СССР / Л.Н. Смирнова Моя любовь – М.: Вагриус, 2005. – С.59–69.
5. Анна Коноплева Б.Н. (Борис Николаевич). // Искусство кино (Москва) №12 (декабрь) – 1998. Б.Н. Коноплев (11(29).08. 1909, г. Вологда – 13.10.1982, г. Москва) – советский киноинженер, изобретатель. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1965), лауреат Сталинской премии третьей степени (1950). С 1930 г. работал в кинематографии: «Межрабфильм», «Союздетфильм». В 1947–1982 гг. – главный инженер, заместитель директора киностудии «Мосфильм». А.И. Коноплева записала цитируемые воспоминания в 1986–1987 гг. на магнитофонную пленку после прочтения блокадного дневника своего супруга Бориса Николаевича, написанного в форме письма к ней. Публикацию в журнале подготовил их сын Александр. В эвакуации семья Коноплевых находилась в Сталинобаде, Бориса Николаевича отправляли в служебные командировки в Свердловск, Ленинград.
6. Георгий Григорьевич Натансон (род. 23.05.1921, Казань – 17.12.2017, Москва), советский, российский режиссёр театра и кино, сценарист и драматург. Режиссёр киностудии «Мосфильм». Народный артист Российской Федерации (1994), Лауреат Государственной премии СССР (1977) / Натансон Г. 320 страниц про любовь и кино – М.: Астрель, 2012 – 320 с.
7. Капков. С. Эти разные, разные лица (30 историй жизни известных и неизвестных актеров) – М.: Алгоритм, 2001. – 400 с.
8. Наталия Ильинична Сац (14 [27].08.1903, Иркутск – 18.12.1993, Москва), советский театральный режиссёр, первая в мире женщина – оперный режиссёр, театральная деятель, писатель, педагог. Народная артистка СССР (1975). Герой Социалистического Труда (1983). Лауреат Государственной премии СССР

(1972), Ленинской премии (1982), премии Ленинского комсомола (1985), премии Совета Министров СССР (1979). Член Союза писателей СССР (1962) / Н. Сац «Новеллы моей жизни». Кн. 1. – М.: Искусство, 1984 – С.438–442.

9. Григорий Львович Рошаль (1899, Новозыбков, Черниговская губ. (ныне Брянская обл.) – 11.01.1983, г. Москва), советский режиссёр театра и кино, сценарист, педагог. Народный артист СССР (1967), лауреат двух Сталинских премий первой степени (1950), (1951). / Рошаль Г. Он воспел Казахстан / Кино и вся жизнь: сб. статей и воспоминаний о Шакене Айманове. – Алматы: Онер, 1994. – С.52.

10. Николай Афанасьевич Крючков (24.12.1910/06.01.1911, г. Москва – 13.04.1994, там же), советский и российский актёр театра и кино. Народный артист СССР (1965), Герой Социалистического Труда (1980), лауреат Сталинской премии первой степени (1941) / Крючков. Н.А. Чем жив человек. – М.: Молодая Гвардия, 1987 – С.76–90.

11. Михаил Михайлович Зощенко (28.07 [09.08] 1894, Санкт-Петербург – 22.07.1958, Сестрорецк), писатель / Чалова Л.Д. Вспоминая Михаила Зощенко / Томашевский Ю. (сост.) – Л.: Художественная литература, 1990. – С.314–330.

12. Кирилл Сергеевич Столяров (28.01.1937, Москва – 11.10.2012, там же), актёр театра и кино, телеведущий / Столяров К. Родовые сны: Монологи об отце. – М.: Алгоритм, 2001. – 288 с.

13. Лариса Валентиновна Кадочникова (р. 30.08.1937 г., Москва), советская украинско-российская театральная и киноактриса. Народная артистка Украины (1992), Народная артистка РФ (2004), лауреат Национальной премии им. Т.Г. Шевченко. // События и люди (Киев) – 14–21 апреля 2008 г. – №6 (0006).

14 Зоркая Н.М. Портреты – М.: Искусство, 1965 – С.107, 108.

15. Шандыбин Глеб Яковлевич (род. 1908), организатор кинопроизводства, зам директора Киевской киностудии им. Довженко. В 1944–1945 гг. работал начальником цеха реквизита. / Эйзенштейн в воспоминаниях современников / Сост.-ред., авт. примеч. и вступит ст. Р.Н. Юренев. – М.: Искусство, 1974 – С.378–384.

16. Михаил Михайлович Названов (30.01 [12.02] 1914, г. Москва – 13.07.1964, там же), советский актёр, режиссёр. Народный артист РСФСР (1949), лауреат трёх Сталинских премий (1948, 1949, 1950). // «Искусство кино» (Москва) – 1998 г. (январь, февраль) – С.138–148, 129–140.

17. Виктор Борисович Шкловский (12 [24].01.1893, г. Санкт-Петербург – 05 [06].12.1984, г. Москва), русский советский писатель, литературовед, критик, киновед и киносценарист. Лауреат Государственной премии СССР (1979). / Шкловский В. Эйзенштейн – Москва: Искусство, 1973 – С.272–278.

Сырлыбаева Г.Н.

Молчат ли музы, когда пушки говорят? Первый в Казахстане музей искусств в годы Великой Отечественной войны

23 сентября 1935 г. вышло постановление об организации Казахской государственной художественной галереи (далее – КГХГ). Это первое название будущего музея. Но еще два года галерея существовала на бумаге – не было не только помещения, но и коллекции, профессиональных научных кадров. Наконец, выделили первый этаж кружкового корпуса Дворца культуры. Были получены экспонаты из

крупнейших музеев России. Приобретались и произведения немногочисленных художников, проживавших в те годы в г. Алма-Ате. Галерея стала доступной для посетителей лишь 5 декабря 1937 г., когда в ее залах открылась Всеказахстанская выставка живописи, графики, скульптуры, посвященная 20-летию Октябрьской революции. В 1939 г. в связи со 125-летием Т.Г. Шевченко, галерею присвоили его имя [1, с.38–40].

К январю 1941 г. коллекция галереи насчитывала 1851 экспонат. Была организована специализированная библиотека, для которой закупили не только современную литературу, но и антикварную. Коллектив состоял из 13 чел.

Великая Отечественная война внесла свои коррективы в деятельность Казахской государственной художественной галереи. Началось сокращение штатов. В конце 1941-го – штат уменьшился практически вдвое. Осталось 7 чел., из них – 2 научных сотрудника, остальные – администрация и хозяйственный персонал. Процесс сокращения численного состава работников продолжался на протяжении всего военного времени. В 1941 г. сократили одну из ключевых должностей – главного хранителя. В 1942-м один сотрудник выполнял целый ряд различных обязанностей: экскурсовод – он же секретарь-машинистка и заведующий хранением, завхоз – кассир, контролер – он же наблюдатель (так называли смотрителей в те годы). Уменьшилась и площадь экспозиционных залов почти на 100 кв. м. Если до войны она составляла – 351 кв. м, то в 1941-м – 243 кв. м [2, л.7–8].

По договоренности с Центральным музеем Казахстана галерею выделили две небольшие комнатки. Одну из них использовали под хранение, а в другой находились канцелярия и библиотека. Из-за недостатка площади, картины хранились плотно прижатыми друг к другу. Графику разложили на двух полках без папок, на каждой из которых находилось до 300 листов, сложенных друг на друга. Таким образом, не соблюдались и нарушались даже самые элементарные требования к хранению произведений искусства. Экспонаты не были разобраны ни по размеру, ни по эпохам, ни по авторам.

Под скульптуру отвели помещение на повороте лестницы, ведущей на колокольню собора, в связи с чем, предметы подвергались частому механическому воздействию. Другая часть коллекции – 167 предметов, демонстрировалась в фойе Оперного театра. И здесь не было должной охраны. Многие экспонаты хранились за стендами и в комнате, примыкающей к фойе. Последняя была проходной для актеров, живущих в театре. Сохранность коллекции находилась под угрозой.

Забегая вперед, отметим, что несмотря на трудности военного времени, вопрос о положении и состоянии галереи не единожды поднимался. В ноябре 1942 г. была создана комиссия специалистов – художников, искусствоведов, музейных сотрудников для обследования помещения и вынесения решения о возможности дальнейшего пребывания в нем ценностей галереи. Главный вывод – помещение не удовлетворяет даже минимальным требованиям художественного музея, и с точки зрения экспозиции, и с точки зрения хранения больших художественных ценностей. Это может привести к гибели богатства КазССР, оцениваемого по приблизительным подсчетам в миллион руб. золотом [2, л.22]. К сожалению, мнение авторитетной комиссии не изменило положение и состояние галереи.

Ситуация усугублялась еще и быстрой сменой директоров, некоторые из них не проработали в галерее и года, а то и нескольких месяцев. Все они были из числа эвакуированных. Накануне войны, музей возглавлял Федор Иванович Болкоев (1886–1965), художник, который занимал в разное время различные должности – реставратора, экскурсовода, директора. 17 марта 1941 г. Болкоев передает руководство галереей Георгию Гавриловичу Каурову, но не надолго. Через пять месяцев, 9 августа 1941 г. Каурова призывают в РККА. С 15 августа – его сменяет Людмила Шерберг, которая на тот момент работала в эвакуированном Киевском театре русской драмы. Сначала ее принимают с месячным испытательным сроком, с октября – уже на постоянной основе [2, л.24, 28], проработав почти год 24 октября 1942 г. и она покидает пост директора. Ей на смену приходит инспектор отдела ИЗО при Управлении по делам искусств М.Ф. Божко.

13 мая 1943 г. на посту директора значится уже Яков Павлович Затенацкий (1902–1986), известный украинский историк искусств, ставший в послевоенные годы профессором, доктором искусствоведения. До войны он работал в Киеве в Государственном музее Т. Шевченко, занимался эвакуацией экспонатов музея, сыграв решающую роль в сохранении фондов. В Алма-Ату прибыл в июне 1942 г., и уже с августа возглавил отдел ИЗО при Управлении по делам искусств. С приходом Затенацкого активизировалась научная работа галереи. Как отметила «Казахстанская правда» – им был написан большой научно-популярный труд по истории изобразительного искусства республики [3]. В книге впервые дан историко-искусствоведческий обзор развития изобразительного искусства казахского народа с древнейших времен до наших дней. Большой раздел посвящен Т.Г. Шевченко, русским художникам – В. Верещагину, С. Светославскому. Написана монография о первом художнике Казахстана Хлудове. Несколько разделов книги освещали события, которым сам Затенацкий

был свидетелем и участником – крупнейшие выставки периода эвакуации. Им была собрана обширная библиография по истории изобразительного искусства КазССР. В архивных материалах содержится информация, что книга была написана и принята к печати, но на публикацию средств, видимо, не нашлось. Как специалист, Затенацкий читал лекции по искусству для художников и студентов алмаатинского художественного училища.

Кроме того, Затенацкий по сути, оказался первым биографом и исследователем творчества Абылхана Кастеева. Галерея организовала в 1943 г. персональную выставку художника, приуроченную к 15-летию его творческой деятельности, и выпустила каталог этой выставки тиражом 250 экземпляров. Экспозиция представила 148 работ. Вступительную статью к каталогу и написал Затенацкий: «...его (*Кастеева – Г.С.*) первая монографическая выставка художественных произведений представляет большой не только художественный, но и историко-культурный интерес. Это первая в художественной истории Казахстана выставка произведений казахского художника» [4, с.6]. Именно на этой выставке впервые были показаны широко известные сегодня произведения художника – «Сенокос» (1934), «Охотник с беркутом» (1936), «Хан Кенесары» (1935), «Доеение кобылиц» (1936), «Насильственный увоз невесты» (1937). «Портрет Амангельды» (1941).

С 1 августа 1944 г. Затенацкого сменяет А.А. Житомирский, с апреля 1945-го исполняющей обязанности была назначена научный сотрудник галереи О. Зобачева, затем, с декабря этого же года приступил к должности руководителя галереей В.И. Лапин.

Экстремальные условия военного времени, не смогли все-таки полностью приостановить деятельность галереи, продолжалась работа по основным направлениям музейного дела: коллекционирование, изучение и научная обработка фондов, популяризация коллекции.

За неимением полноценного помещения, организация выставок проходила на других площадках. Выставка «Отечественная война народов СССР против германского фашизма», нередко в документах ее называют оборонной, была развернута в сентябре 1941-го в залах Центрального музея Казахстана. Среди участников отмечены ведущие художники того времени: А. Бортников, А. Кастеев, Н. Крутильников, О. Кужеленко, Л. Леонтьев, Г. Симкин, А. Черкасский и др.

Особенно были популярны передвижные выставки. Одна из них функционировала в Алма-Ате в 1942 г. сначала в помещении Дома Красной армии, затем в Театре оперы и балета и трех военных госпиталей [6, с.67]. В 1943-м состоялась очередная передвижная выставка работ художников Казахстана, организованная сотрудниками КГХГ в шести пунктах города и военных госпиталях. Уникальная

выставка прошла в 1943 г. в фойе кинотеатра «Алма-Ата». На ней были представлены произведения художников XVIII–XX вв. из фондов галереи [5, с.68, 70, 71].

Коллекционирование – одна из важнейших функций любого музея. Собрание не может возникнуть вдруг, это длительный процесс. И как ни странно, именно в эти годы коллекция галереи пополнилась уникальными экспонатами. Это было связано с приездом в эвакуацию деятелей культуры из Москвы и Ленинграда. Многие из них привозили с собой ценные произведения искусства. В первую очередь следует назвать Надежду Евсеевну Добычину, урожденную Фишман (1884–1950). Она была первой российской профессиональной галерейщицей, основательницей и руководителем «Художественного бюро Н.Е. Добычиной», которое начинает свою деятельность в 1911 г. На ее счету последняя футуристическая выставка картин – «0,10», где экспонировались супрематические произведения К. Малевича и его соратников, в т. ч. и «Черный квадрат». Ее портреты писали выдающиеся русские художники Серебряного века – Н. Альтман, К. Сомов, П. Нерадовский, А. Головин. В Алма-Ату она приехала в июне 1941-го. В марте 1942-го принята в члены ССХ Казахстана по секции искусствоведения. Входила в состав Правления Художественного фонда КазССР. Ею было проведено более 14 персональных выставок, как местных, так и эвакуированных художников – М. Липкина, А. Заковряшина, О. Кужеленко, А. Костомолоцкого, В. Стерлигова, Р. Великановой, П. Зальцмана, С. Столярова, Л. Гербановского, Д. Митрохина, А. Исмаилова, М. Левина, Т. Глебовой, Х. Ходжикова и др. Занималась переездом залов Центрального музея Казахстана. При ее непосредственном участии были организованы и осуществлены самые крупные выставочные проекты военного времени – 1-я и 2-я Республиканские выставки, посвященные Великой Отечественной. Каждая из этих выставок потребовала более полугода напряженной подготовки, постоянных контактов с художниками по отбору произведений. За большие заслуги в развитии изобразительного искусства республики награждена в 1944 г. грамотой ВС КазССР.

У Н. Добычиной и приобрели в 1942 г. полотно «Заброшенная усадьба» русского художника конца XIX – начала XX в. А. Головина. Это была первая работа знаменитого мастера в коллекции галереи. Работу приняли как эскиз декорации, ведь Головин активно сотрудничал с императорскими театрами. Но скорее всего, она относится к циклу романтических пейзажей, созданных художником в 1910–1920-е гг., в которых возникает таинственный образ русской усадьбы, окруженной заросшим парком. Где-то сквозь деревья угадываются очертания барского дома, фрагменты балюстрады беседки со скамей-

кой. Сегодня эта композиция трактуется в более широком плане как образ уходящей дворянской эпохи.

Ровно через год, в 1943-м, от нее же поступило небольшое полотно не менее знаменитого мастера – Кузьмы Петрова-Водкина – «Натюрморт с яблоками и лимоном» (1920. Холст, масло. 36x48). Эта картина также оказалась первой работой мастера в коллекции галереи. Знаменитые натюрморты Петрова-Водкина отличаются особым взглядом на мир обыкновенных вещей. В живописной палитре использованы излюбленные художником сочетания цветов – красный, синий, желтый, зеленый. В изображении предметов он добивается повышенной осязаемости их материальной сути. И чтобы усилить притягательность этих простых, казалось бы, привычных предметов, он использует ярко-красный фон и, и что особенно важно, высокую точку зрения, позволяющую сохранить автономность каждого участника этого натюрморта.

В годы эвакуации удалось приобрести еще одну работу К. Петрова-Водкина – «Девушка из племени кабиллов» (1907). Ее владелец – Александр Викторович Ивановский (1881–1968), Заслуженный деятель искусств РСФСР, режиссер театра и кино, киносценарист, либреттист, который участвовал в создании таких популярных советских фильмов как «Антон Иванович сердится» (1940), «Сильва» (1944), «Солистка балета» (1947), «Укротительница тигров». Создание этой работы связано с поездкой Петрова-Водкина в середине апреля 1907 г. по французским колониям в северной Африке – Алжиру и Тунису. Художник был в восторге от увиденного. «Какие дивные вещи есть на земле. Целые леса платанов, бамбуковых пальм, кокосовых, завитых лианами и филодендронами... Какая красота... руки опускаются – хочется только смотреть и вдыхать – так всё стройно, разнообразно, таким слабеньким себя чувствуешь, чтоб выразить хоть одну чуточку этой вечной красоты, рожденной под раскаленным солнцем... И вот среди этих чудес застынешь и молишься. Кому-то неведомому рождается великая благодарность и восторг», – сообщает художник матери из Алжира [6].

Загадочна история второй работы из коллекции советского режиссера «Портрет неизвестного в польском костюме», которая оказалась в музее в военные годы. На холсте существует подпись – И. Репин. Но подлинность картины вызывала сомнения еще в те годы. В 1958 г. работу отправили на экспертизу в Государственную Третьяковскую галерею, где авторитетная комиссия признала, что портрет выполнен неизвестным автором. Но отсутствие авторства именитого художника не повлияло на художественные достоинства полотна. Портрет вы-

полнен на высоком профессиональном уровне, и достоин находиться в фондах музея.

В годы войны коллекция КГХГ также пополнилась живописной работой крупнейшего художника второй половины XIX в., мастера бытовой реалистической картины Владимира Маковского – «Привал охотников» (1917), поступившей от сотрудницы Всесоюзного государственного института кинематографии Н.И. Вильнянской. Стоит упомянуть и композицию «Собака» Евгения Лансере, работавшего в области жанровой и анималистической скульптуры, которая была приобретена у Н.В. Полстаевой в 1943 г.

К сожалению, пока не удалось установить кто такая Лидия Александровна Ильина, от которой было принято 16 произведений, среди них – работы мастеров реалистического пейзажа, представителей Товарищества передвижных художественных выставок – Е. Волкова, И. Крачковского, восемь рисунков К. Крыжицкого, инициатора и учредителя общества им. А. Куинджи и др.

Разговор о расширении коллекции уникальными произведениями в годы войны связан в первую очередь с финансированием. Все-таки правительство находило средства и выделяло их на приобретение новых работ, понимая актуальность этой сферы деятельности галереи. Хотя не всегда расценочно-закупочные комиссии или как еще их называли – художественно-оценочные, проходили гладко. В состав комиссии в разное время в годы войны входили – М. Левинсон, М. Божко, Ф. Болкоев, Л. Шерберг, Г. Брылов, А. Черкасский, Л. Леонтьев, А. Бортников, Н. Цивчинский [2, л.34]. Так, например, картину А. Головина «Заброшенная усадьба» на заседании комиссии от 15 мая 1942 г. отклонили «ввиду неимения соответствующей суммы». Владелец запрашивал 5 тыс. руб. Но через несколько месяцев, в сентябре вновь вернулись к этому вопросу. Член комиссии А. Черкасский высказался за приобретение пейзажа Головина: «Я считаю, что оценить нужно в 5 тыс., вещь хорошая...». Его поддержала Дугачева: «Нужно купить... иначе вещь пролежит у владельца и попадет к нам через некоторое время, но в худшем виде». Эти дебаты коснулись еще одной работы – небольшого пейзажа И. Айвазовского «Берег моря» (1878. Дерево, масло. 12,5x21,5), которая поступила на комиссию от Н.Г. Розенблюма также в 1942 г. В ходе обсуждения и эту работу приобрели за предложенную владельцем сумму – 2 тыс. руб. [7]. Еще три работы знаменитого мариниста были куплены галереей уже в послевоенный период – в 1950-е гг.

Приобретали не только классический изобразительный репертуар, но и работы современных художников местных и эвакуированных. С 1-й выставки, посвященной Великой Отечественной, в 1942 г. галерея получила произведений на сумму 60 тыс. руб. [2, л.22]. С первой пер-

сональной выставки А. Кастеева были закуплены 16 произведений на общую сумму 4 тыс. 200 руб. В 1944 г. от родственницы Н. Хлудова были получены 6 работ художника на 6 тыс. руб.

На 1 января 1944 г. фонды насчитывали 1965 экспонатов [8, л.2]. Это практически на 100 предметов больше по сравнению с 1942-м.

Пополнялись и фонды библиотеки. В 1942-м поступило 29 книг на 3000 руб. Позже приобрели уникальное 7-томное издание «Истории России с древнейших времен» знаменитого историка С.М. Соловьева. Несколько любопытных фактов из области сотрудничества галереи с другими организациями. В апреле 1942 г. к руководству галереи обратились сотрудники Объединенной киностудии. Для съемок оборонного фильма «Школа подлости» необходима была позолоченная рама определенных размеров и она была предоставлена музеем [8, л.5].

Также от киностудии поступила просьба о разрешении пользоваться библиотекой при подготовительных работах к двухсерийному фильму «Иван Грозный» в постановке заслуженного деятеля искусств режиссера-орденоносца С.М. Эйзенштейна. Художникам фильма – М.Б. Левинсону и Л.И. Наумовой для поиска исторических материалов по эпохе необходима была специальная литература по искусству [8, л.13].

После войны галерея вновь оказалась практически в той же ситуации, что и в 1935 г. Не было помещения. Коллекция была рассредоточена по разным местам. В эти годы в галерею приходят профессионалы. К 1950 г. в штате работало уже 7 сотрудников, фонды насчитывали 2700 единиц хранения. Именно с этого времени началось возрождение, а по сути – новое рождение первого в Казахстане музея искусств.

1. Сырлыбаева Г.Н. Из прошлого в будущее. Страницы истории первого в Казахстане музея искусств / Государственный музей искусств Республики Казахстан: Альбом. – Алматы, 2015. – 264 с. – илл.

2. ЦГА РК. Ф.1792. Оп.1. Д.55.

3. Казахстанская правда. – 1944. – 20 мая.

4. Каталог выставки произведений Абылхана Кастеева. К XV-летию творческой деятельности. – А-А: КГХГ им. Т.Г. Шевченко, 1943. – 32 с.

5. Художники и выставки Казахстана. Справочник. Сост. Л.Г. Плахотная. Т.1. 1917–1947. – Алма-Ата, 1972.

6. Режим доступа <http://www.zolotayapalitra.ru/Article/205>. Дата обращения 23.04.2018.

7. Отдел хранения ГМИ РК им. А. Кастеева

8. ЦГА РК. Ф.1792. Оп.1. Д.72.

Театр в подарок

7 ноября 1945 г. в Алматы произошло знаменательное событие – был открыт первый в Казахстане Театр юного зрителя.^{1*} К сожалению, здания, в котором размещался театр, сейчас уже нет, лет 15 назад его снесли, хотя оно во многом определяло лицо города, его неповторимый облик. К тому же здание представляло и немалую историческую ценность. Здесь, во время войны, были сняты такие шедевры, как «Иван Грозный»; здание это было колыбелью нашего казахстанского кинематографа. Но, очевидно, так было судьбе угодно: здание снесли.

А находилось оно в самом центре города, на пересечении нынешних проспектов Абылай-хана и Кабанбай-батыра. Детвора, заполнившая в тот незабываемый вечер зрительный зал, с восторгом смотрела сказку «Красная шапочка» по пьесе Евгения Шварца. В ту послевоенную осень эта сказка, вдруг ожившая на сцене нового театра, и сам театр, похожий на сказку, казались чудом. А сотворила его своим талантом, своей невообразимой энергией и святой приверженностью детям великая женщина – Наталия Ильинична Сац.

Она принадлежала к той категории людей, о которых говорят: «человек удивительной судьбы». Причем, в данном случае в этих словах нет и тени преувеличения. Она прожила большую жизнь, и не только в смысле почтенного возраста (1903–1993), а исходя из значимости ее деяний – исходя из того, как много она успела сделать, несмотря на все испытания, ниспосланные ей судьбой. Дочь знаменитого музыканта и композитора Ильи Саца, она, что говорится, с младенческих ногтей осознала свою приверженность театру и служила ему верно и преданно до последнего вздоха.

В ее жизни было все: счастливое детство и ранее сиротство (ей было 9 лет, когда не стало отца); известность и признание, пришедшие еще в отрочестве (уже в 17 лет она была директором и художественным руководителем Московского театра для детей); чудесные путешествия в дальние страны, где ей уготована была любимая работа (она ставила спектакли в Берлине и Буэнос-Айресе); счастливое замужество и материнство (она была женой наркома торговли И.Я. Вейцера, репрессированного и погибшего в застенках НКВД)... А затем – годы опалы. Тюрьма, ссылка, утрата мужа, долгая разлука с детьми. На долю ей выпало горя с лихвой – по силам ли такое хрупким женским плечам? Но как легендарная птица Феникс она восстала

^{1*} См. также Е. Чиликова Театр для детей всех национальностей – родниковый источник детства / Л. Маннанникова Пьеса прочитана. Ждите премьеры. – Алматы, 2016. – С.322–329.

из пепла, сохранив живую душу. Чтобы не просто жить дальше, а – служить Делу, служить людям, служить самому дорогому и прекрасному, что даровал Всевышний человеку, – служить детям.

В Алматы она попала почти случайно. Причем в очень сложный период своей жизни. После шести лет тюрьмы и ссылки, уже свободная, как говорит она сама в книге «Новеллы моей жизни», но еще не обретшая крыльев. Вообще, рассказывая о её жизни, чувствуешь себя неловко, потому что никто, лучше её самой, это сделать не сумеет. Надо просто открыть её изумительную книгу и читать. Читать, не отрываясь, да и невозможно оторваться – повествование увлекает, захватывает своим драматизмом и предельной искренностью. У неё было талантливое перо беллетриста, зоркий, всё подмечающий глаз. И сердце, открытое горестям мира, умеющее их переплавить в золотое слово, способное вызвать в душе читателя катарсис – очищающее и возвышающее душу потрясение. Не служи она так истово театру, ей уготована была судьба писателя. Впрочем, талантливый человек везде и во всём талантлив.

Читаешь её книгу, и на глаза наворачиваются слёзы. «Над вымыслом слезами обольюсь?» Какой уж тут вымысел! Тут сама жизнь, во всей её неприглядности, но и высокой яростной красоте.

В Алма-Ата в 1943 г. находились в эвакуации Галина Уланова, Юрий Завадский, Сергей Эйзенштейн, Самуил Маршак, Николай Черкасов... И после унижительных лет изоляции Наталия Ильинична вновь попадает в круг близких ей по духу людей. А главное – она снова служит театру. Событием стала постановка ею оперы Пуччини «Чио-чио-сан» на казахском языке с Куляш Байсеитовой в главной роли. Крылатой стала фраза Эйзенштейна, который, придя на премьеру спектакля, попросил в кассе билет на «Чио-чио-САЦ». То была не просто демонстрация вокала оперными певцами – то было истинно драматическое действие, исполненное психологической глубины и жизненной трагедии. Но что ещё важнее для Наталии Ильиничны, она организует серию дневных музыкальных концертов для школьников. Эти встречи детей с мастерами искусства формируют их духовный мир, приобщают их к восприятию серьёзной музыки и взрослого театра.

Ну и, наконец, чуть ли не с первого дня пребывания в Алматы она начинает хлопотать о создании здесь театра для детей. Возможно ли это – в 1943 г.? Война в разгаре – до театров ли? Так что слово «хлопотать» не совсем точно отражает суть её действий. «Сейчас моя голова – орудие для пробивания стен, – пишет она в своей книге, – и не всегда ей удается ту или иную стену пробить, подчас трещит сама. Главное в новом деле – умение увлекать других тем, чем увлечена сама, объединить людей вокруг своей цели». У неё был этот редкий дар

– объединять людей вокруг своей цели. А главная цель её жизни – создание театров для детей. Вот они – плоды её усилий:

1918 г. – создание первого Детского театра Московского Совета; 1920 г. – первый Государственный детский театр Наркомпроса; 1921 г. – Московский театр для детей; 1936 г. – Центральный детский театр; 1945 г. – Театр для детей и юношества Казахстана в Алматы; 1964 г. – Детский музыкальный театр в Москве.

До последних своих дней она была Президентом советского Центра Международной ассоциации детских театров (АССИТЕЖ). По её инициативе и примеру театры для детей создаются во многих странах мира. Она, выдающаяся представительница театральной династии, удостоивается высших наград – становится Героем Социалистического труда, народной артисткой СССР, Лауреатом Госпремий. Разумеется, она один из крупнейших педагогов века, и звание «профессор» вполне естественно стоит рядом с её именем.

Но вернёмся к незабываемым годам её пребывания в Алматы. У меня в руках тоненькая книжечка, но по значимости событий, описанных в ней, по накалу чувств и впечатлений она, что говорится, томов премногих тяжелей. «Глазами сердца» Галины Юрьевны Рутковской. Фрагменты эти целиком и полностью посвящены героине нашего очерка. О событиях тех далеких лет – премьера «Чио-чио-сан», дневные концерты для детей, строительство алмаатинского ТЮЗа – рассказывает очевидец и непосредственный их участник. Галина Юрьевна работала у Сац сначала в литературной, потом в педагогической части, и все перипетии строительства и становления нового театра знала изнутри. Вот как она описывает одну из первых своих встреч с Н.И. Сац в конце сентября 1944 г.: «Каждое воскресенье, под духовой оркестр, молодёжь города освобождала от мусора, поломанных декораций, досок, балок «жалкие» останки интерьерных съёмок «Мосфильма» и «Ленфильма». Орудием труда у нас были тачки, носилки, ведра, мешки и другой подсобный инвентарь, чтобы вынести из помещения весь этот хлам, загружая им открытые машины. А снаружи здание было окружено строительными лесами, по которым «летала» высокая, стройная, черноволосая, в распахнутом пальто женщина-прораб. Так я её назвала. Она размахивала руками, громким голосом отчитывая стоящих рядом с ней рабочих.

– Это не прораб. Это Наталия Сац, – уточнил оказавшийся рядом невысокого роста человек, как оказалось – архитектор театра Н.А. Простаков, который будет реконструировать эти «греческие» раскопки. Воскресники продолжались до конца 1944 г. Только теперь мы разгружали машины с разного рода и вида строительными материалами».

Галина Юрьевна была на открытии театра 7 ноября 1945 г.: «То, что я увидела, – это восьмое чудо света! Настоящий Дворец Искусства, созданный железной логикой убеждать в достижении поставленной цели, титаническая сила воли человека, прошедшего все круги дантова ада, не предавшего мечту – до конца дней своих служить «делу детской радости» – театрам для детей. Так вот для какой красоты мы разгребали мусор, таскали доски и кирпичи?!» Как пишет сама Наталия Ильинична, эта её «влюбленность могла не заразить разве только булыжник».

А вот как описывает сама Наталия Ильинична свои «хождения по мукам» в поисках медвежьей шкуры, потому что медведь и в фойе детского театра, и на сцене должен выглядеть, как настоящий: «Вспоминаю, как совершила первый «налет» на управляющего Казахмехторгом, как потом пересчитала ступеньки его лестницы, но не прекратила своих «налетов», ласковых разъяснений, мольбы: «Детям всегда кажется, что медведь добрый в его такой мягкой шкуре...», как вытаскивала-таки управляющего на нашу стройку, и вдруг похожий на байроновского пирата казахский товарищ засиял улыбкой и сам привёз мне четыре медвежьи шкуры и одну лисью! Не забыть позвать его со всей семьёй на открытие – у него, кажется много детей... Сколько сказок, правдивых, и всё же сказок, могла бы я рассказать о каждом метре бархата, гвозде, стуле, обо всех так послушно и уютно окружающих меня сейчас вещах, мне таких близких и знакомых».

Но кроме гвоздей и бархата нужен был и такой строительный материал, как актёры. Без него театра не построишь. О, она умела открывать таланты: «Юра Померанцев, – пишет она, – так и остался моим любимым учеником, по праву занявшем в нашем театре первое место... Страстью к перевоплощениям, обаятельной некрасивостью, вернее, полным отсутствием желания красоваться, показать «себя», стремлением уходить целиком в глубину образа, эмоциональным теплом, чувством юмора Юра напоминал мне Черкасова. Радовала и его большая музыкальность. Сколько в совместной работе с ним мы создали интересных, совсем не похожих один на другой образов!»

И о нём же, чуть раньше, рассказывая о премьере «Красной Шапочки»: «Волк, конечно, тоже появляется. Он очень злой, точит зубы на точильном станке. Как хорошо, что, едва успев приехать в Алма-Ату, я высмотрела в опере «Риголетто», в хоре гостей герцога, Юру Померанцева. Сейчас в нашей «Красной Шапочке» он очень удачно играет злобного, худого и вечно голодного Волка, не скрывая в то же время своё ироническое к нему отношение, и он очень смешон, когда слышит непонятно откуда звучащее пение птиц».

Вспоминает народный артист Казахстана, лауреат Госпремии Юрий Борисович Померанцев: «Накануне премьеры «Красной Шапочки» мы с Наталией Ильиничной пошли на центральный рынок, высмотрели и купили у точильщика ножей точильный станок. Дальше представьте себе: открывается занавес, и вы видите, как в лесном сумрачном ущелье Волк крутит точильный круг и точит зубы: «Зубы, зубы я точу – съесть девчонку я хочу!» И вот я незаметно вытаскиваю спрятанный в рукаве напильник, приставляю его к точильному кругу. От него в зал летят искры, у зрителей в страхе сжимается сердце. Эффект достигнут, и на прямой, бескомпромиссный вопрос Красной Шапочки: «Бабушка, а зачем тебе такие большие зубы?» – ребенок получает не менее прямой и, так сказать, зримый ответ.

Человеком она была самоотверженным. Помню, я простудился, затемпературил, потерял голос. А спектакль отменять нельзя! Так она сама влезла в волчью шкуру и блистательно сыграла роль Волка. Дети и не заметили, что Волка играет женщина.

Авторитет Наталии Ильиничны в театре был непререкаем. Женщина она была яркая, эксцентричная, ходила в пятнистой леопардовой шубе. И когда она переступала порог ТЮЗа, по театру как бы само собой разносилось: о н а здесь. И все невольно подтягивались, становились собраннее, строже. Сейчас, 60 лет спустя, я горжусь, что путевку на драматическую сцену я получил от самой Наталии Ильиничны».

Рассказывает заместитель главного администратора Русского театра драмы им. Лермонтова Наталья Феликсовна Бычук: «Я пришла работать в ТЮЗ, когда Наталия Ильинична уже уехала в Москву, но ещё долгие годы театр жил атмосферой, созданной ею. Театр действительно походил на сказку – и внешним своим убранством, и ожиданием чуда, которое сопутствовало зрителю. Светло-розовое здание, резная парадная дверь, по бокам в сводчатых нишах – мраморный Пушкин с лирой и Джамбул с домброй. У гардероба – большой лохматый медведь на задних лапах. Фойе разрисованы сюжетами из сказок Пушкина, персонажами из пьес Мольера и Шекспира. На втором этаже – чудо из чудес – золотой зал».

А какие она устраивала новогодние ёлки! Это было целое увлекательное представление-путешествие по всему театру. Был концертный зал с гобеленами. Была детская комната для самых маленьких. И были грандиозные спектакли. К примеру, «Снежная королева» в постановке Виктора Сергеевича Розова – это она, Сац, открыла в нём будущего драматурга. На спектаклях звучала живая музыка, в оркестровой яме перед сценой «работал» настоящий камерный оркестр. Наталия Ильинична подарила нашему городу уникальный театр. Она

подарила его нам, тогда ещё только-только вступающим в жизнь. Она подарила его всем грядущим поколениям.

Кстати, в театре, который создала Наталия Ильинична, была совмещённая, казахско-русская труппа. Это потом, десятилетия спустя, она дала жизнь Казахскому театру юного зрителя им. Габита Мусрепова и Русскому театру для детей и юношества, который по праву носит имя его основательницы Наталии Ильиничны Сац.

**Иофе В.Г.
Ведерникова Г.С.**

Из истории эвакуации в Узбекистан

В годы Второй мировой войны в Узбекистан было эвакуировано значительное число населения, предприятий, организаций науки и культуры с территорий, которые уже были оккупированы гитлеровцами или которым грозила оккупация. Эшелоны с эвакуированным населением стали прибывать в Узбекистан с августа 1941 г. Жители республики проявляли к ним внимание, помогали с жильем, питанием, одеждой. Всего в Узбекистан за годы войны было эвакуировано более 230 тыс. детей и 1 млн. беженцев из России, Польши, Белоруссии, Украины. Только за один день – 30 сентября 1941 г. из Украины в Узбекистан прибыло порядка 3717 эвакуированных [1, с.15]. В октябре 1941 г. был создан Республиканский комитет помощи раненым и больным воинам. По инициативе комитета шефские организации выделили госпиталям на оборудование 3 млн. руб. [1, с.16].

Среди эвакуированного населения были люди самых разных национальностей, особенно много было русских, евреев, украинцев, белорусов. Много было деятелей науки и культуры. В ноябре из блокадного Ленинграда была эвакуирована поэтесса Анна Ахматова. Позднее о пребывании в Узбекистане она писала: «Именно в Ташкенте я впервые узнала, что такое палящий жар, древесная тень и звук воды. А ещё я узнала, что такое человеческая доброта...».

К ноябрю 22 научно-исследовательских института, 16 вузов и 2 библиотеки, перебазированные с Украины, Белоруссии и из Российской Федерации, разместились в Узбекистане. Такие крупные ученые как академики Б.Д. Греков, В.В. Струве, члены-корреспонденты Академии наук СССР А.Я. Якубовский, Е.Э. Бертельс, С.В. Бахрушин, профессор С.П. Толстов и другие с осени 1941 г. работали в Ташкенте.

Для промышленных предприятий в одной только Ташкентской обл. было выделено 550 тыс. кв. м. производственной площади, в т. ч. 200 тыс. вновь построенной; делались капиталовложения, связанные с восстановлением и пуском в эксплуатацию эвакуированных предпри-

ятий. К концу 1941 г. было введено в эксплуатацию более 50 эвакуированных предприятий. В числе 104 предприятий, размещенных в республике, были такие как Ленинградский завод текстильных машин, завод «Ростсельмаш», «Красный Аксай», Сталинградский химкомбинат, московские заводы «Подъемник» и «Электростанок» [1, с.20–21].

Дети и подростки из районов, временно захваченных фашистами, начали прибывать в Узбекистан в конце 1941 г. 16 сентября 1942 г. было принято решение об устройстве эвакуированных детей, оставшихся без родителей. В итоге только по г. Ташкенту на индивидуальное воспитание было взято 765 детей; в 9 колхозах Янгиюльского района Ташкентской обл. создано 9 детдомов на 103 чел., по Бухарской обл. взят на воспитание 531 ребенок; создано 25 филиалов детдомов на 280 мест [2].

В августе 1942 г. в Узбекистан прибыло 5100 учащихся музыкальных училищ Краснодарского края. Из них 2800 были размещены в Ташкенте, 600 – в Самарканде, 500 – в Андижане, 500 – в Коканде, 400 – в Беговате (Бекабаде), 300 – в Янгиюле [1, с. 55].

В 1943 г. из 53 072 ребят, находившихся в детсадах, дети фронтовиков составляли 32 506, дети эвакуированных – 15 108 чел. На 1 января 1943 г. в школах Узбекистана работало 2108 учителей [1, с.103–112].

С 8 июля 1941 г. в республике стали создаваться курсы медсестер [3].

10 января 1942 г. авиационный завод им. В.П. Чкалова, эвакуированный из Подмосковья, направил на фронт первую серию самолетов ПС-84 (с сентября 1942 г. – «ЛИИ-2»). Организацией их производства руководил главный инженер завода Б.П. Лисунов. В феврале 1942 г. с Чирчикского завода «Узбекхиммаш», созданного на базе Сумского машиностроительного завода (тогда им. М.В. Фрунзе), был отправлен на фронт первый эшелон с полковыми минометами.

Как известно, в 1943–1944 г. были осуществлены несправедливые репрессии и против целых народов. В ходе депортации в Узбекистан было переселено более 150 000 крымских татар, а также чеченцы, ингуши, балкарцы, турки-месхетинцы, греки-понтийцы и др. Местное население оказывало поддержку прибывшим, проявляя гуманизм и сострадание.

В 1944–1945 гг. в условиях освобождения значительной территории от фашистских захватчиков, а затем и победного завершения Второй мировой войны многие предприятия, учреждения науки и культуры были реэвакуированы, в то же время ряд предприятий частично или полностью так и остались после войны на земле Узбекистана. Так, в 1945 г. здесь продолжали работу академические инсти-

туты истории, востоковедения, мировой литературы, Московская консерватория, Одесская киностудия, Пулковская обсерватория, эвакуированные театры из России и с Украины. Жившие во время войны в Ташкенте А. Меерович, Н. Мусин, Е. Брик, П. Серебряков, В. Шер давали концерты, многие камерные, симфонические и сценические произведения композиторов М. Штейнберга, О. Чишко, Б. Арапова, В. Волошина, Ю. Тюлина были созданы в Узбекистане. М. Штейнберг получил высокое звание «Народного артиста Узбекистана», Ю. Тюлин, Кушнарев, О. Чишко, Б. Арапов, И. Мусин, М. Семенов – «Заслуженного деятеля искусств Узбекистана». При Узбекском театре оперы и балета была создана балетная студия, где вместе с М. Тургунбаевой, У.А. Камиловым преподавали находившиеся в эвакуации Е.К. Обухова, А.Н. Обухова, П.К. Йоркин, В.Н. Вильтзак...[4].

Это лишь некоторые странички летописи тяжелого, и одновременно великого времени. И они, думается, показательны...

1. Костецкий В.А. (автор-составитель). Поклонимся великим тем годам. Сборник документов. – Ташкент: Turon zfm in Ziyu, 2015.
2. ЦГА РУз. Ф.Р-837. Оп.32. Д.3418. Л.39–40; Д.3691. Л.4–7. О помощи эвакуированным детям в Узбекистане написано К.И. Чуковским – «Правда Востока», 1942, 6 января.
3. Костецкий В.А. Поклонимся великим тем годам. Сборник документов...указ. соч. – С.49, 51. См. также Ибрагимова А.Ю. Участие народов Узбекистана в войне с фашизмом (1941–1945 гг.) / История Узбекистана. Руководитель авторского коллектива Раджабова Р.Я. – Ташкент: Укитувчи, 1995. – С.216–218.
4. 22 апреля 1942 г. впервые прозвучала песня «Темная ночь, только пули свистят по степи...» (мелодия композитора Н. Богословского, жившего в то время в г. Ташкенте, на стихи поэта В. Агапова), написанная к фильму «Два бойца», снимавшемуся на Ташкентской киностудии. Фильм (сценарий Е. Габриловича, режиссеры Д. Луков и С. Мухаммедов) вышел в конце 1942 г. Главные роли исполнили Марк Бернес и Борис Андреев. Затем были сняты фильмы «Пархоменко» по сценарию Вс. Иванова, режиссер Д. Луков и «Я – черноморец». 22 июня того же года состоялось первое исполнение 7-й симфонии Д.Д. Шостаковича симфоническим оркестром под руководством проф. Я. Мусина эвакуированной в Ташкент Ленинградской консерватории. В столице Узбекистана также впервые прозвучало на радио стихотворение К.М. Симонова «Жди меня», посвященное актрисе В. Серовой, эвакуированной в Ташкент. Артист Андрей Миронов жил здесь в эвакуации со своими родителями – артистами Марией Мироновой и Александром Менакером; здесь же с матерью жил в годы войны и другой в будущем знаменитый артист – Михаил Светин.

**Подвиг узбекского народа по спасению полутора миллиона
беженцев, которые обрели второй дом в Узбекистане
в годы Второй мировой войны**

Прежде всего, хотелось бы сказать, что проведение этой конференции с 2002 г. в Казахстане, при участии представителей многих стран СНГ, вызывает у нас чувство глубокого уважения к ее организаторам и стране проведения. Уроки истории надо изучать, изучать как можно глубже и все время делать выводы, чтобы не допустить более такого страшного явления, как Вторая мировая война и Холокост. С этой позиции данный антивоенный форум в южной столице Казахстана имеет беспрецедентное значение. Потому, прежде всего, о большом вкладе Республики Казахстан в практическое решение вопросов эвакуации. Из материалов прошлогодней конференции на тему «История. Память. Люди» мы узнали о том, что с августа 1941 г. по январь 1942 г. поток эвакуированного населения из оккупированных немецко-фашистскими захватчиками районов бывшего Союза последовал в КазССР. К 1 сентября 1941 г. республика обустроила более 24 тыс. чел. А к началу октября 1941 г. в республику прибыло из прифронтовой полосы, Ленинграда и Москвы более 65 тыс. эвакуированных. К январю 1942 г. республика приняла еще почти 390 тыс. чел. И все эти люди ощутили на себе большую заботу и внимание, как со стороны руководства КазССР, так и казахского народа. И можно представить, как это было совсем нелегко в условиях военного времени.

То же самое можно сказать об Узбекистане, но здесь масштабы эвакуации были гораздо более значительны. В период с 1941 г. по 1942 г. в республику было эвакуировано 1,5 млн. беженцев из оккупированных районов. Среди них было более 200 тыс. евреев и почти 300 тыс. детей, вывезенных из блокадного Ленинграда. И несмотря на невероятные трудности, когда на жесточайшем учете был каждый грамм продуктов питания, когда нужно было лечить, спасать от верной смерти тысячи людей, это было сделано. Жители Узбекистана, проявляя очень высокую степень сознательности, брали к себе домой огромное количество беженцев и делились с ними последним куском хлеба. Эвакуированные жили не только в Ташкенте, который известная русская поэтесса Юлия Друнина назвала фронтовым городом, но и по всему Узбекистану. Народный поэт Узбекистана Александр Файнберг совершенно справедливо назвал нашу столицу периода войны городом спасения и был абсолютно прав. Об этом мы рассказываем в документальном фильме «Большое сердце Ташкента», пре-

мьера которого состоялась в США, Англии, Австрии, Израиле, других странах, также на российском телеканале «Культура».

«Когда война опустошала и разрушала, гасила окна городов, – его земля теплом дышала, давала людям хлеб и кров...». Эти строки написаны о благодатной земле Ташкента – «хлебного города», давшего в годы войны приют тысячам обездоленных. Больше всего эвакуированных было из России, Белоруссии и Украины. Участница нашего фильма, израильский дипломат Кармела Шамир, высоко оценивая роль Узбекистана в спасении огромного потока беженцев, сказала в нашем фильме следующие очень важные слова: «Когда я изучала Узбекистан, готовясь к приезду сюда в качестве посла, я, конечно, узнала много об этой главе истории страны. Я думаю, что это одна из ярчайших и добрых страниц в истории всего человечества. Узбекистан имеет право гордиться этим. Это показывает, как солидарность может творить добро в нашем мире. Та ситуация изменила жизнь многих людей. Я думаю, что эта часть истории Узбекистана является очень вдохновляющей и должна быть включена в учебники истории не только Узбекистана, но всех стран мира. Особенно в наши дни, когда мы видим огромное увеличение количества беженцев по всему миру, которые, я думаю, являются самыми большими по своим показателям со времени Второй мировой войны. Этот пример, который тогда показал Узбекистан, должен вдохновить другие страны на создание соответствующих условий для приема беженцев».

И таких признаний в нашем фильме еще немало. Надо сказать при этом, что Узбекистан внес огромный вклад в дело разгрома фашистской Германии. Судите сами, из 6,5 млн. чел., проживавших в нашей стране накануне войны, 1,5 млн. ушли на фронт, 420 тыс. чел. домой не вернулись, 640 тыс. получили ранения. За подвиги на фонтах десятки тысяч узбекистанцев были награждены орденами и медалями. С первых дней войны республика заняла самые передовые позиции в экономическом обеспечении фронта. В кратчайшие сроки Узбекистан стал одним из крупных центров оборонной промышленности. Кроме переориентации на изготовление вооружений и военной техники, к нам в республику было эвакуировано более 100 промышленных предприятий, и они день и ночь работали на нужды войны.

У фильма есть английская версия, есть и книга «Большое сердце Ташкента». Автор этой версии американский ученый Адам Смит Альбион в предисловии к книге совершенно справедливо отмечает: «Мало городов имеют сердце, но еще у меньшего количества городов есть душа. У Ташкента есть и то, и другое. Эта книга и сопровождающий ее фильм рассказывают историю о том, как жители Ташкента решили, что их город стал не просто убежищем, а домом для бежен-

цев и других жертв нацистского вторжения в Советский Союз во время Второй мировой войны. Дух гостеприимства, великодушия, многонациональности, толерантности и человечности овладел городом и никогда не отступал».

И еще два признания, мимо которых просто невозможно пройти, говоря об эвакуации в годы войны и ее последствиях, хотелось бы предложить вашему вниманию. Одно из них принадлежит Анне Ахматовой. Вот эти незабываемые строки, написанные великой русской поэтессой, вернувшейся в 1944 г. из Ташкента в Ленинград: «Именно в Ташкенте я впервые узнала, что такое палящий жар, древесная тень и звук воды. А еще я узнала, что такое человеческая доброта». Прекрасный русский писатель Корней Иванович Чуковский, оказавшийся в годы войны в эвакуации в Ташкенте, написал об этом времени такие пронзительные, такие волнующие до глубины души слова о подвиге узбекского народа: «Этого, действительно, никогда не бывало, чтобы люди другой национальности, другого быта, другого языка, другого климата, другой части света проявляли такую пылкую любовь и уважение к беженцам. Это происходит впервые за нашу историю. Всегда знал, какое большое значение имеет дружба народов, но должен сознаться – мне в голову никогда не приходило, что эта дружба может дойти до такой взволнованности, задушевной, самоотверженной нежности...».

И еще немного о Ташкенте времени начала войны.

По словам очевидцев, в первую военную осень здесь сразу изменилось все. Каждые полчаса, час привокзальная площадь вбирала в себя все новые и новые потоки прибывающих – в основном женщин, детей и стариков. Не только на площади, но и в сквериках, на прилегающих к вокзалу улицах не то что сесть – стоять было негде. Люди с узлами, корзинами, сумками (чемоданы можно увидеть реже) располагались на тротуарах, мостовой, в палисадниках, теперь уже вытоптаных. Ночью, при полном затемнении, – ни огонька, ни светящейся точки. Лишь шевелящаяся масса людей да черные контуры оголенных деревьев...

Каждый день по указанию местных властей сотни эвакуированных граждан отправляют в город, где для них уже приготовлено жилье. А к ночи площадь снова полна. Действующий эвакуационный пункт не успевает справляться с этой лавиной. И самая большая проблема – дети: один потерялся в дороге, другой отстал от своего детского сада, третий ничего не может объяснить, даже откуда и с кем приехал... Первейшая задача, стоящая перед руководством республики, была – спасти детей.

В связи с возникшей сложнейшей обстановкой, 25 ноября 1941 г. был издан приказ Народного комиссариата просвещения Узбекистана о создании на вокзале Ташкента Центрального детского эвакуационного пункта, во главе с его «хозяйкой» Наталией Павловной Крафт. «Обязать т. Крафт, – говорилось в приказе, – установить круглосуточную работу Центрального детского эвакуационного пункта, привлечь для дежурства в помощь штатным сотрудникам лучших директоров детдомов». И они не жалея сил работали день и ночь. Надо сказать, что в этот период в Узбекистане появился свой великий воспитатель, простой ташкентский кузнец Шаахмед Шамахмудов, которого можно назвать узбекским Янушем Корчаком. Вместе со своей женой Бахри-опа, проявив невероятную теплоту сердца и заботу, они усыновили в условиях военного времени 15 беспризорников из числа эвакуированных. Они их воспитывали, подняли на ноги, дали профессию. 26 мая 1982 г. на Площади Дружбы народов в центре Ташкента был установлен мемориал, запечатлевший этот подвиг семьи Шамахмудовых. И это тоже важная страница истории Ташкента военной поры, которая нашла отражение в художественном фильме узбекского кинорежиссера Шухрата Аббасова. Об этом мы напоминаем и в фильме «Большое сердце Ташкента».

Вторая мировая война для жителей бывших республик СССР в Средней Азии и Казахстане стала временем больших испытаний и мужества. Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Туркмения широко распахнули свои двери навстречу преследуемых фашистами сотням тысяч эвакуированных людей из Восточной Европы, среди них было много евреев из России, Польши, Украины, Прибалтики и Белоруссии. Эти обездоленные люди верили в свое спасение в нашем крае и их надежды оправдались.

Слоним А.

«Большое сердце Ташкента» впечатляет и радует

(мысли вслух после презентации документального фильма)

Премьера фильма «Большое сердце Ташкента» состоялась, а душа до сих пор не может отвлечься и успокоиться. И в череду дел нового дня, в обычных повседневных заботах постоянно ловишь себя на мысли том, что снова и снова обращаешься к увиденному на экране и услышанному в конференц-зале Национальной библиотеки Узбекистана им. А. Навои. В этот вечер здесь без преувеличения собрался весь интеллектуальный «бомонд» нашей столицы – кинематографисты и литераторы, музыканты и журналисты, театральные деятели и педагоги, студенческая молодёжь. Это были представители разных поколений, разных возрастов, разных устремлений и душевного

настроя. И было Единение – то желанное Единение, которое сегодня нисходит на нас весьма нечасто.

Документальный фильм «Большое сердце Ташкента» снят на ташкентской студии «Фаввора-фильм». Автором сценария является известный журналист Борис Бабаев, режиссёр фильма – Хаджимурат Валиев, оператор Абдулла Туляганов. Автор идеи и продюсер проекта – Келдиер Хужаяров.

Внимание создателей картины устремлено к очень важной странице истории Второй мировой войны, когда в Узбекистане нашли приют и спасение 1,5 млн. беженцев из оккупированных районов бывшего СССР, среди которых было 250 тыс. евреев. Многие народы мира жестоко пострадали в ту пору от преступлений нацизма, но, несомненно, в особой степени эти страдания и лишения коснулись представителей еврейского народа. Осознаны ли нами эти события до конца, хранятся ли они в сокровищницах нашей памяти? Безоговорочно – да! Ведь стоит осмыслить во всей полноте высший смысл того, что произошло, когда измученных и истощенных людей самых разных национальностей со всей добротой и сердечностью приняли благодатная узбекистанская земля и наш добрый и гостеприимный народ. Эти люди – от мала и до велика – выжили и связали свою судьбу с народом Узбекистана.

И что еще особенно важно, наша страна, можно сказать, спасла, сохранила значительную часть генофонда новых поколений. Об этом говорят непосредственные участники событий тех лет – скульптор Яков Шапиро, специалист в области водного хозяйства Аркадий Нисневич, певец Иосиф Кобзон, а также другие очевидцы. Невозможно без чувства глубокого волнения слушать рассказы о той поре писательницы Дины Рубиной, автора романа «На солнечной стороне улицы», телеведущей Галины Мельниковой, профессора Акмаля Саидова, певца Эзро Малакова и других участников этого фильма.

Тогда произошло еще одно важнейшее событие – в Узбекистан были эвакуированы многие крупные предприятия, которые немедленно начинали работу для нужд фронта, а также творческие коллективы страны. Представители культуры и искусства – Алексей Толстой, Анна Ахматова, Фаина Раневская, Соломон Михоэлс и многие-многие другие стали в тот период жителями Узбекистана. Ленинградская консерватория, Киевский театр им. Ивана Франко, Московский театр «Ленком» органично влились в культурную жизнь нашего края. И для них это тоже было спасением.

Совместными усилиями выдающихся мастеров и творческой интеллигенции Узбекистана давались сотни концертов, регулярно шли оперные и балетные спектакли, стабильно работала Ташкентская фи-

лармония. Строилось замечательное здание оперного театра – одного из красивейших в мире. Но особо звучит в фильме афоризм поэта Александра Файнберга: «Ташкент – город спасения»...

Были ли в истории искусств произведения на эту тему? Да – и немало. Замечательный художественный фильм «Ты не сирота!»,^{1*} целый ряд документальных фильмов и передач – все это находит отражение в картине. Потому о новом фильме «Большое сердце Ташкента» стоит сказать совершенно особо.

Он необыкновенно важен и нужен сегодня!

Чем же конкретно он важен и нужен нашим сегодняшним современникам? Наверное, в первую очередь потому, что с документальной достоверностью повествует о том, как в наш город снова и снова прибывали эшелоны с сотнями, тысячами эвакуированных людей. В каждой узбекистанской семье тогда нашлись и кров и пища для тех, кто был принят и признан родным. В фильме «Большое сердце Ташкента» это воплощено с предельной достоверностью.

Асаджон Ходжаев, директор Национальной библиотеки Узбекистана им. А. Навои:

– Фильм повествует о подвиге узбекского народа в годы страшной войны, когда тысячи эвакуированных прибывали в Ташкент и находили здесь внимание и всестороннюю поддержку. Он открытый и честный, заставляет задуматься о том, что необходимо делать для сохранения мира и взаимопонимания. Думаю, что он обязателен для просмотра молодежью. Большое спасибо авторам фильма и лично Борису Бабаеву. Ощущая неразрывную связь с моей Родиной – Узбекистаном, я храню в памяти многоплановые воспоминания родителей об этом времени. Мой дед, один из выдающихся медиков нашего края, основателей ТашМИ, доктор медицины, профессор Моисей Ильич Слоним в те грозные годы руководил работой всех госпиталей Узбекистана, принимавших раненных бойцов с фронта. Не ведая разницы между днями и ночами, многие сутки, находясь без сна, он и осуществлял это руководство, и возглавлял лечение и бойцов, и всех, кто нуждался в помощи. В непрестанности этой деятельности он надорвал и собственное здоровье, лишь на две недели пережив светлый праздник Победы... Моя бабушка с материнской стороны – Евгения Валериановна Рачинская, бывшая в то время заместителем наркома просвещения – возглавляла работу по приему и устройству эвакуированных детей. Вместе со своими соратниками она в это труднейшее время организовала не только распределение детей по семьям узбекистанцев, но и организацию целой сети детских домов для детей-сирот.

^{1*} Режиссер Ш.С. Аббасов, 1962 г.

Невозможно забыть эмоциональности воспоминаний родителей и родных о том, как в эти тягостные годы наш известный «дом Слоников» на ул. Карла Маркса возле сквера тоже стал приютом для многих прибывших – его комнаты были поделены на «отсеки» перегородками из самых простых материалов, и в них нашли приют и тепло около десятка семей, а с ними и отдельные одинокие гости, оставшиеся без крова. С некоторыми из них позднее на долгие времена сохранились теплейшие отношения...

Виктор Николаевич Шулика, руководитель представительства Россотрудничества в Узбекистане:

– Я нахожусь под большим впечатлением этого очень объективного и очень нужного фильма. Его надо смотреть всем, и в первую очередь молодежи, и в Узбекистане, и в России, и в других странах. Это важно для того, чтобы наши дети знали в полной мере правду о войне. Это тяжелая страница истории, об ужасах Холокоста, которые переживал еврейский народ. И еще об одном я хочу сказать особо. Это фильм и о войне, ее последствиях и это также фильм о главном ее герое – узбекском народе. Именно Узбекистан, многонациональная страна, приняла в те тяжелые дни гораздо больше эвакуированных людей, бежавших от ужасов войны, чем вся Европа приняла мигрантов. Здесь смогли принять и обогреть сотни тысяч людей самых разных национальностей. Поэтому я считаю главным героем картины узбекский народ. Я работаю в Узбекистане уже два года и лично ощущаю его особое трудолюбие, душевность и гостеприимство. Спасибо Узбекистану за этот замечательный фильм.

Фильм «Большое сердце Ташкента» является достоверным материалом не только для осмысления всей трагичности и ужаса явления, именуемого «Холокостом», но и для осознания нашего отношения к войне вообще. Войне как общемировой трагедии-катастрофы, войне, которая в современных условиях грозит гибелью всему миру и не принесет никому т. н. «побед». Очень показательно, что в своей речи на юбилейном заседании глав государств – членов ШОС, которое проходило в Ташкенте, Президент Узбекистана И.А. Каримов однозначно и чётко выразил свое недоумение по поводу различных обсуждений «характеров возможной будущей войны и особенностей ее течения». Наш Президент однозначно заявил, что войне вообще надо поставить крепкий безальтернативный заслон, и каждый человек должен это с ясностью осознавать. Вот почему фильм «Большое сердце Ташкента» должен стать важным «кирпичиком» в общем строительстве прочных крепостных стен, оберегающих от новых войн и бедствий человечества.

Кармела Шамир, посол Израиля в Узбекистане:

– Это очень хороший и нужный фильм. Он показывает в полной мере вклад узбекского народа в достижение победы над немецкими захватчиками и то, что было сделано Узбекистаном для спасения многих тысяч эвакуированных беженцев из оккупированных немцами районов. Он стал вторым домом и для многих тысяч эвакуированных евреев. Об этом говорится в фильме, также как и о большом их вкладе в дело развития культуры и искусства в этом крае. То богатое культурное наследие, которое есть в Узбекистане, при взаимодействии культур дало прекрасный результат. И мы это видим сегодня.

После просмотра этой картины могу сказать еще раз, как и в самом фильме, что Узбекистан может быть хорошим образцом в сфере толерантности, оказания полноценной помощи многим людям, попавшим в беду. Это также образец того, как надо строить отношения в той среде, где живут представители многих национальностей и культур.

Хочется пожелать этому прекрасному фильму благоприятной судьбы, многих встреч со зрителем. Было бы весьма целесообразно продемонстрировать его и по телевидению. Справедливо говорилось на презентации и о том, что он должен быть показан молодежи. Но и старшему поколению не мешает его увидеть, понять и осознать мысли, высказанные авторами фильма.

Нельзя не сказать и об удивительной атмосфере самой презентации. Энергетика фильма внедрилась в сознание всех собравшихся – и поистине не хотелось долго расходиться после окончания – буквально каждый хотел поделиться своими мыслями, чувствами. Выступления всех, кто пожелал высказаться, были очень сердечными, живыми, экспрессивными, взволнованными.

Эльмира Ахмедова, искусствовед:

– Мне фильм понравился. Он трогает до глубины души. Хочу искренне поблагодарить всю съемочную группу, автора сценария Бориса Бабаева за все то, что они сделали, работая над этим фильмом. В трудные годы войны в полной мере ощущалось именно большое сердце Ташкента, в фильме это видно воочию. Авторами собран ценнейший, можно сказать, уникальный материал, его надо смотреть и переосмысливать снова и снова. Хотелось бы надеяться, что у фильма будет счастливая судьба. Он того заслуживает, и было бы хорошо, если бы его скорее увидели миллионы телезрителей, наши ребята в школах, колледжах и лицеях. Глубокое знание истории войны, подвига узбекистанцев по спасению такого большого количества эвакуированных беженцев будет им только на пользу. Большое спасибо создателям фильма.

На презентации фильма самые добрые слова и наилучшие пожелания в адрес создателей прозвучали в выступлениях одного из руководителей бухарско-еврейской общины Ташкента Аркадия Исахарова, кинодраматурга Джасура Исахакова, телеведущей Эльмиры Тухватулиной, журналистов Тамары Санаевой, Рахимджана Султанова, Лейлы Шахназаровой, блогеров Евгения Скляревского, Лилии Николенко и др. Оценив должным образом, труднейшую и многопластовую работу, которую проделала творческая группа студии «Фавворафильм» – автор сценария Борис Бабаев, режиссер Ходжимурат Валиев, режиссер монтажа Денис Кодзаев, операторы Абдулла Туляганов (Узбекистан), Семен Кацыв (Израиль), Александр Клепалов (Россия), Роман Кайков (США) – необходимо отметить высокий уровень их работы. В результате драматичная киноповесть о «Большом сердце Ташкента» стала волнующим повествованием о большом сердце многонационального народа Узбекистана, который накануне 25-й годовщины независимости нашей Родины остается верным в понимании важнейших, многовековых устоев Добра, Мира и Человечности...

Ружанский М.

Наша община. О тех, кто рядом

«В мире осталось около 350 тысяч тех, кто пережил Катастрофу. Они готовы рассказать вам о том, что пережили. Прислушайтесь к ним. Это прошлое взывает к вам»

Стивен Спилберг

«Без воспоминаний не будет культуры. Не будет цивилизации. Не будет будущего»

Эли Визель, лауреат Нобелевской премии

Наби Разаков окончил Ташкентский Театральный институт, получил ученую степень бакалавра. Полтора года учился и работал в Москве, в мастерской Артура (Артавазд) Пелешяна. Артавазд Ашотович Пелешян – гений неигрового кино. В своих фильмах он стирает грань между документальным и игровым кинематографом. Он монтирует кадры разных жанров и создает настоящую поэзию. Американский режиссер Годфри Реджио говорит о нем: «Мой идол в кино – Артавазд. Он мой единственный учитель. Если я произвожу искры, то он – шаровые молнии». У него постигал азы большого мастерства Наби Разаков. Пелешян, ученик Михаила Ромма, много рассказывал о своем знаменитом учителе-документалисте. И сам передавал богатый опыт своим подопечным. Учил на своих фильмах, которые в мировом

кино считаются шедеврами.^{1*} В Ташкенте Н. Разаков работал в Национальной телерадиокомпании «Узбекистан» ассистентом режиссера, режиссером, главным режиссером. Участвовал в создании множества документальных фильмов. Он ставил телевизионные спектакли по А.П. Чехову, в которого влюблен и которому поклоняется.^{2*} Ежегодно участвовал в создании телевизионных встреч с ветеранами Великой Отечественной войны. Как режиссер и оператор представлял свои картины на республиканских и международных интернациональных фестивалях, где они отмечались дипломами. В Нью-Йорке увлекся идеей запечатлеть тех, кто находился в эвакуации, в годы Великой Отечественной войны, в Узбекистане. Он человек в возрасте – у него дети, внуки. Да и работать надо много, чтобы содержать семью. Все свое свободное время он посвящает делу, которое сам себе придумал и которому отдается со всей душой. Наби – широко эрудированный человек и опытный психолог. Когда я рассказывал о Самарканде и об основателе знаменитой обсерватории астрономе Улугбеке, он подсказал его имя – Мирзо. При кинозаписи мы вспомнили узбекского поэта Гафура Гуляма и его знаменитую поэму «Я еврей». Он написал ее в ответ на призыв Гитлера уничтожать евреев. Гафур Гулям сказал: «Если ты, изверг, убиваешь человека только за то, что он еврей, тогда я – еврей!». Наби вдруг остановил съемки и стал декламировать на родном языке не менее известное стихотворение этого же поэта «Ты не сирота». Его орлиный клекот разбудил мою память – я в Самарканде слышал Гафура Гуляма по радио – и я легко повторил первую строку: «Сен етим эмасан / Куйта жигарим».

«Разве ты сирота? Успокойся, родной!
Словно доброе солнце, склонясь над тобой
Материнской глубокой любовью полна,
Бережет твое детство большая страна».
И еще: «Если жив твой отец, – беспокойная тень
Пусть не тронет его средь грозы и огня».

С В. Шатохиным Н. Разаков встретился случайно. Тот узнал в нем восточного человека и поздоровался: «Салям Алейкум». Вот с тех пор вместе они и работают над осуществлением своего проекта. Безвозмездно. Во имя идеи.

Вячеслав Шатохин «болеет» этой же идеей с 2010 г. Он родился в Ташкенте после войны. Там же окончил Юридический факультет Государственного университета. Его мама и бабушка часто вспоминали г. Полтаву, где жили до эвакуации. Переезд под бомбежками,

^{1*} «Жизнь», «Конец», «Белый конь», «XX век».

^{2*} «Палата № 6», «Смерть чиновника», «Хамелеон», «Злоумышленник».

голод, военные невзгоды. И Узбекистан, который их, обездоленных, вшивых, грязных, приютил, согрел, дал крышу над головой и сохранил им жизнь. Слава стал искать свидетелей тех событий, чтоб записать их рассказы и сделать о них документальный фильм. Пока они живы. Пока их память еще не стерлась. И чтоб остались они в истории. Он тоже занятый человек. Работает 7 дней в неделю. Но его пытливая душа, неиссякаемое человеколюбие, исследовательская жилка не дают ему покоя. Он дает объявление в газету, в одну, другую: те выставляют его на вебсайты. Интернет – это всемирная информационная система распространяет просьбу Шатохина отозваться во все уголки мира. Он выступает по радио. Дает интервью телевизионному Нью-Йоркскому каналу RTN и запись передачи выкладывает в Фейсбук. Ведь все меньше и меньше остается живых свидетелей Катастрофы. Его услышали во многих штатах Америки, в Израиле, России, Австралии, Германии. Стали присылать письма, открытки, бандероли, авторские издания на эту тему, ссылки по Интернету. Люди, старые, уже немощные просили приехать. Времени и денег на дальние поездки у него не было. Они и так, вместе с Н. Разаковым, деньги на аппаратуру, на бензин для машины, на проезд тратили из своих сбережений.

Офис благотворительного фонда Л.В. Блаватника – члена Российского Еврейского Конгресса находится в Нью-Йорке. Его состояние оценивается в 20 млрд. долларов. В Википедии сказано, что фонд намерен поддерживать революционные исследования. Шатохин обратился в фонд за помощью. Ему ответили, что тема не подходит.

Ряд других аналогичных фондов также отказались поддержать его. Зато личные встречи и беседы во время съемки с людьми, совсем не молодыми, но интересными, умными, мудрыми, его обогащают. Ведь в каждом их рассказе – человеческая драма, закрученный жизненный сюжет, трагедия, горе, боль и радость. Он внимательно слушает, наблюдает. Датчик времени (Имеется ли такой прибор?) уносит их в далекое прошлое, в детство, которое отняла война. Но они на несколько мгновений меняются. Уходят морщины. Голос крепчает. А в глазах отсвечивает синее небо. И его с ними соединяет трепетная нить, которая может в любую секунду оборваться. Вот собеседник вдруг умолкает. Наступает пауза. Порой короткая, иногда – длительная. Вячеслав, человек веселый, и он шуткой возвращает рассказчика на землю грешную.

В конце съемок Слава и Наби собрали нас в Бруклинском парке. Мы познакомились друг с другом. Каждая женщина получила в подарок розу. Мина Мазо, тоненькая, красивая, нарядно одетая, рассказывала, как она училась в узбекской школе читать и писать. Через много лет к ним в Белоруссию дедушка из Узбекистана из той семьи, что

привечали их в годы войны, привез с собой внука, которому понадобился мотоцикл. И они вместе поехали в Минск добывать его.

Шатохин постоянно слышит своих героев: «Я Кремер Фаня, 1930 г. р. эвакуировалась из Харькова в Наманган». «Я, Клейман Ефим, вместе с мамой находился в эвакуации с 1941 г. по 1944 г. в Узбекистане, г. Карши. Мне было 6 лет». «Либус Израиль Аронович, родился 22 марта 1926 г., в г. Гайсин, Винницкой обл. Прибыли в Ташкент 30 июля 1941 г. По дороге во время бомбардировок мы с братом выпрыгивали с теплушек и прятались среди колосьев хлеба. Однажды мы отстали от поезда и потерялись. Родители уехали. Только через 6 месяцев, бродя по ташкентским улицам, мы встретились с ними. Потом брат уехал на фронт, меня приняли на авиационный завод, где я выучился работать клепальщиком фибровых бензобаков». «Чупрун Соня, год рождения – 1 января 1926, г. Одесса. Эвакуировалась в Ташкент в 1941 г. Мне было 3 года. Жили в кишлаке. Там я дружила с тремя девочками – Фариды, Манзура и Мукейба». «Я, Клара Баумштейн, в девичестве – Вейцман, 1927 г. р., из Одессы. В Ташкенте папа работал на военном заводе №307, когда мне исполнилось 15 лет, я тоже стала работать на нем. От завода нам дали жилье площадью 1/2 комнаты. За фанерной перегородкой жила другая семья». «Садогурская Ася Семеновна, дата рождения – 21 июня 1934 г. Эвакуировались из Киева в июле 1941 г. в Узбекистан, в поселок, недалеко от Бухары. Окончила два класса школы. Все ученики нашего класса (местные и прибывшие) были дружны».

Абзац из присланного стихотворения: «Узбекистанцы, казахстанцы, и грузины, Хочу Вам поклониться до земли. За то, что в страшные военные годы, Нам гостеприимством жизнь спасли».

«Мое имя Иосиф Черняк, на днях мне позвонила Наталья Марковна Ростопчина – из тех самых детей, спасенных в Ташкенте. Когда началась война, ей было 8 лет, она училась в Детской музыкальной школе при Ленинградской консерватории. Вместе со школой была эвакуирована в Ташкент. Она сообщит интересные факты и сведения и события того времени, свидетелем и участником которого она была».

«Я, Иосиф Васерман, родился в Молдове 17 сентября 1934 г. в г. Флорешти. В июне 1941 г. я с мамой и младшим братом эвакуировались с начала в Украину, затем в Наманган. Я и моя семья благодарны Узбекистану, всегда помним дорогой узбекский народ. Без него вряд ли мы бы выжили. Спасибо! Спасибо! Рахмат!».

«Я, Фира Борисовна Чечельницкая, девичья фамилия – Гринберг, родилась в 1938 г., в Запорожье. Папа, старший политрук Борис Фроймович, погиб 27 января 1942 г. под Сталинградом. 18 августа 1941 г. мама со мной и братом эвакуировались в колхоз «Кзыл Ас-

кар», Комсомольского р-на, Самаркандской обл. Я работала пом. фельдшера. Окончила курсы бухгалтеров. Стала – зам. главбуха колхоза. В 1945 г. мы вернулись в Запорожье».

«Меня зовут Яков. Я родился в Кременчуге. Когда началась война, мама с двумя детьми бежала в Узбекистан. Мне было 10 лет, брату – 4 года. Жили сначала в Янги-Юле, потом – в Ташкенте. Время было тяжелое. Хлеб выдавали по карточкам. Люди умирали с голода. Все работали для фронта. Коренные жители Узбекистана принимали беженцев с любовью, с добротой. Старались, чтобы у людей была крыша над головой, работа. Беженцы отвечали им тем же – добротой, вниманием. Мама работала швеей на фабрике. Она обучила шитью многих девушек-узбечек».

Вот другой рассказ. «Перед войной я жил с родителями в Минске. В июне 1941 г. маму, студентку мединститута, направили на практику в Могилев. Она взяла меня с собой. Там нас застала война. Из Могилева мы пешком добрались до г. Кричев, где нам удалось сесть в последний эшелон, идущий на Восток. Ехали в Ташкент, т. к. туда эвакуировался Минский мединститут. Мама продолжила учебу в нем. Жили мы на ул. Широкой, возле Алайского рынка. В однокомнатной квартире вместе семьями двух маминых сестер. Двор был большой. Там жило несколько десятков семей разных национальностей. Случались ссоры, конфликты. Но, когда случалась беда, все дружно откликались и приходили на помощь. Мы сильно голодали. Из-за цинги расшатывались зубы. Нас с мамой несколько раз приглашала узбекская семья, кормили обедом и давали продукты с собой. Это сильно выручало. Отец участвовал в боях под Москвой в качестве командира отдельной автотроты. С сентября 1941 г. числился пропавшим без вести».

Елена Жилинская-Чудновская знакомит В. Шатохина с Л.А. Терушкиным,^{1*} заведующим архивом Московского отделения фонда «Холокост». Александр Барон – член Совета Ассамблеи народа Казахстана, Президиума Евро-Азиатского Еврейского Конгресса, председатель О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва» пригласил В. Шатохина на IX Международную конференцию, посвященную беженцам и эвакуированным в Центральную Азию и Западную Сибирь, во время Великой Отечественной войны.

^{1*} Один из составителей сборников писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Издания выходят в рамках проекта «Сохрани мои письма», инициированного в 2007 г. сопредседателем Научно-просветительского центра «Холокост» И.А. Альтманом с целью активизации поступления в архив НПЦ писем с фронта и на фронт, дневниковых записей, фотографий и других документов, сохраняемых в личных и семейных архивах. С 2007 г. по 2016 г. опубликовано 1200 писем, около 330 дневниковых записей, 28 воспоминаний и примерно 450 фотографий. // Отечественные архивы (Москва) – 2017 – №4 – С.114–118; Терушкин Л.А. Письма родственников, соседей и друзей в эвакуацию – неизвестные свидетельства о Холокосте / Материалы VIII Международной научно-практической конференции 16 сентября 2016 г. – Алматы, 2017 – С.158–171 (прим. ред.).

Из документов, присланных и выявленных в ходе поиска

Мария Вишневецкая, Нью-Йорк: «Немцы перед своим отступлением расстреляли половину узников гетто. Мне с 7-месячным сыном на руках повезло убежать и спрятаться. Моих двоюродных сестер – Маню, 18-ти лет, и Бетю, 21 года, Клейнштейн, вначале изнасиловали, затем убили».

Менахем Бегин, премьер-министр Израиля: «Маму немцы вывели из больницы и расстреляли. Отца утопили в реке вместе с еще 500 евреями».

Алла Иошпе, народная артистка России, Москва: «У нас, у эвакуированных детей, был постоянный тупой страх, что нас не найдут и, что мы навсегда останемся одинокими. Сестру Фанечку, она на 7 лет старше меня, ей было тогда 10 лет, отправляли вместе со школой. Меня – вместе с детским садиком. Мама бегала от одного вокзала к другому и умоляла: «Ну возьмите вместе с маленькой».

Рахиль Левиева, Нью-Йорк: «Наша семья выехала из Одессы 18 сентября 1941 г. в составе 4-х человек: мама, Шлима Ицковна, 1905 г. р., дети: я, 1927 г. р., Клара – 1938 г. р., Исаак – 1939 г. р. Направили нас в дер. Михайловка, Михайловского р-на, Сталинградской обл. Отец, Роменик Абрам Горохович, добровольно остался на защите Одессы, хотя у него был белый военный билет, т. е. освобождение от военной службы по болезни. Папа погиб на баррикадах. В Ташкент мы приехали в марте 1942 г. после наступления немцев на Сталинград. Нас приютила местная семья. Их домик находился в старом городе, в районе Урды. Недалеко протекала р. Самар. Однажды, в январе 1943 г., мама пошла набрать воды, поскользнулась и упала в ледяную реку. Плавать она не умела. Утонула. Мы, дети, остались одни. Мне – 16. Кларе – 5 лет. Исааку – 4 года. Я училась тогда в Ремесленном училище и работала на авиационном заводе №84 фрезеровщицей. Люди местные – узбеки, русские – помогли устроить детей в детский дом. Так что благодаря Узбекистану, Ташкенту мы не пропали, выросли, получили специальность и стали полезными и порядочными людьми».

Шимонов Манаше, Нью-Йорк: «Эвакуированная к нам, в Коканд, семья Капуста прибыла из Киева в 1942 г. в составе 11 человек. Отец – Капуста Арон-Мордухай, три сына – Хаим, Эли и Миша, дочери – Вера, Аня, Рая. Имена остальных не помню. Родители поместили их в нашем доме. Была оказана нами помощь в постельной принадлежности. Дали стол и стулья. Мама наша всячески помогала им продуктами питания. Даже давала хлеб, который семья получала по карточкам. Оба сына, Хаим и Миша устроились работать на сахарном заводе – один бухгалтером, второй на производство – рабочим. Чтобы как-то прожить, они начали изготавливать кустарным способом хозяйственное

мыло – они были специалистами в этом деле. Мыло продавали на рынке. Но кто-то из соседей сообщил в милицию, что они занимаются незаконным делом. Отца посадили. Наша мама пошла в милицейский участок и просила за него, рассказала об их семейном положении и плакала там. Через трое суток Арона-Мордухья выпустили. В 1944 г. отец семьи, Арон-Мордехай 1880 г. р. скончался. Он похоронен на еврейском кладбище. В 1967 г. из Киева приезжал в Коканд его сын, Хаим и установил отцу памятник.^{1*} В 1968 г. мы, с супругой Тamarой, ездили по туристической путевке в Киев. Мы были у них дома, на Подоле, где проживают много евреев. Нас принимала большая семья, дети, внуки, родственники. О многом вспоминали, плакали и смеялись. После этого мы еще долго поддерживали связь».

Гарий Горелик, Нью-Йорк: «Когда 22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на СССР, мне было 9 лет, я только перешел во второй класс. Жили вместе с родителями в Ростове-на-Дону. В этом городе я родился. Отец работал на одной из крупнейших обувных фабрик Северного Кавказа. Ее эвакуировали в Ташкент. И нас тоже. Наш эшелон бомбили на станции Кавказская около г. Минеральные Воды. Над нами низко пролетел вражеский самолет и сбросил несколько бомб. Не обошлось без жертв. Были убитые и раненые. Отца контузило взрывной волной. Потом – г. Баку, на пассажирском пароме – г. Красноводск. В Ташкенте нас встречали представители местной обувной фабрики. Поместили в фабричном Доме культуры. Из актового зала убрали стулья, а на их место расставили металлические кровати с железной сеткой. Мест не хватало в зале, ставили кровати на сцене, и в оркестровой яме. Выдали чистое постельное белье. Отвезли в баню. Когда мы уезжали домой, то соседки-узбечки сами вышили и подарили нам на прощанье красочные узбекские тубетейки, которые я долго хранил. Фотография Дома культуры и сейчас в сохранности.

Нурсултан Назарбаев, Президент Казахстана: «Во время войны отец привел в дом 9 беженцев. И, несмотря на тяготы военного лихолетья, они остались жить до конца войны. И были приняты как члены семьи».

Ян Карский, польский офицер, рискуя жизнью, доставил информацию правительствам Великобритании и США о массовом истреблении евреев немцами в Европе. Но никто не прислушался к нему. В июле 1943 г. его принял президент США Франклин Рузвельт. Карский рассказал президенту о судьбе жертв Холокоста и умолял об оказании помощи гибнущим. Рузвельт продемонстрировал недоверие и равнодушие. Карский понял, что к евреям никто не придет на помощь. В

^{1*} Памятник можно увидеть на вебсайте Kokand chp.uz за номером 11-15.

2012 г. президент Барак Обама наградила Яна Карского Президентской медалью Свободы посмертно.

Илья Эренбург: «Гитлеровцы убили шесть миллионов евреев, граждан двадцати государств, богатых и нищих, знаменитых и неизвестных. Шесть миллионов были удушены в газовых камерах, расстреляны в ярах или на фортах, обречены на медленную смерть от голода». Из предисловия к «Дневнику Анны Франк».

«Моё дитя!
Моя несметная родня!
Как из каждой Ямы
Вы окликаете меня».
«Моё дитя! («Бабий Яр»)

Стрелковый батальон, которым командовал Анатолий Шапиро, одним из первых вошел в Освенцим. Майор лично открывал ворота лагеря Аушвиц-1, освободив 500 узников. Его воспоминания: «Лагерь представлял собой целый город из сотен длинных барачных и двухэтажных блоков. В этой фабрике смерти мы видели горы тюков с волосами, много трупов, живых, еле двигающихся узников-скелетов, руины четырех взорванных крематориев и газовых камер, горы пепла. Стоял трупный запах»

Муса Джалиль, татарский поэт:

Их расстреляли на рассвете,
Когда еще белела мгла.
Там были женщины и дети.
И эта девочка была.
Сперва велели им раздеться.
Затем к обрыву стать спиной.
И вдруг раздался голос детский,
Наивный, чистый, и живой
– Чулочки тоже снять мне, дядя?
...Чулочки тоже?...

Д-р Филипп Фридман. «Гибель львовских евреев». 1945 г. Лодзь. «Гибель львовского еврейства – это не только чудовищный акт физического уничтожения 130 000–150 000 чел., но одновременно и удар в сердце человеческой цивилизации. В гекатомбах жертв, понесенных львовским еврейством, немало имен, вписанных золотыми буквами в историю человеческой культуры. В списке (104 фамилии) убитых немцами во Львове еврейских представителей искусства и науки ученые с мировым именем, литераторы и журналисты, деятели искусства, раввины (ученые-иудаисты). Пусть сохранится на века светлая память о жертвах геноцида».

Р.А. Руденко, главный обвинитель от Советского Союза, действительный Государственный советник юстиции, выступая на Нюрнбергском процессе, сказал о верхушке гитлеровской Германии: «Преступники, завладевшие целым государством и превратившие государство в орудие своих чудовищных преступлений». Двенадцать томов собранных показаний подтвердили, что бывшие руководители нацистской Германии участвовали в массовых преступлениях. Главным итогом процесса стало 12 смертных приговоров для военных преступников. 16 октября 1946 г. в спортзале Нюрнбергской тюрьмы смертные приговоры привели в исполнение.

Биньямин Нетаньяху, премьер-министр Израиля: «Я хотел бы поделиться с вами и членами Кнессета удивительной историей, которая глубоко поразила меня. Это рассказ об итальянской женщине во время Второй мировой войны. На поезде, по пути на свою работу женщина заметила немецкого полицейского, который собирался арестовать еврейскую девочку. Итальянская женщина, которая была на восьмом месяце беременности, приблизилась к немецкому полицейскому и встала между ним и еврейкой. Не испытывая никакого страха, она повернулась к немецкому полицейскому и сказала ему: «Вы можете убить меня, но посмотрите на лица пассажиров в поезде. Уверяю вас, они не позволят вам уйти отсюда живым». Благодаря этим решительным словам женщина спасла жизнь еврейской девочки. Тем самым она зажгла, пусть на секунду, маяк человеколюбия и мужества в полном мраке, который покрывал всю землю Европы в то время. Эту мужественную женщину звали Роза, и одним из ее детей является Сильвио Берлускони, итальянский премьер-министр».

София Шатохина: «Моя мама, Мария Наумовна Хотимлянская, выбралась из Полтавы под бомбежками, с двумя детьми. Все брошено, оставлено и перечеркнуто. С собою два баула и ручная кладь. После тяжелых дорожных мытарств прибыли в Ташкент. Отец ушел в ополчение, защищая Полтаву. Погиб. Похоронен в братской могиле. Над ним стоит памятник-стела. Мама часто вспоминала родные места. Пела по-украински: «Уже куры на сидали / Пивень на порози / Уси мужья сидять дома / А мий у дорози». Осталась вдовой в 41 год. Больше замуж не вышла. Сохранила верность отцу и память о нем до конца своих дней. Тяжело работала. Не сломалась. Выростила дочерей. Помогла им получить высшее образование и дала путевку в жизнь».

Алексей Шатохин: «1942 г. Мне 14 лет. Я – курсант военно-воздушной спецшколы, г. Пенджикент Таджикской ССР. Эвакуировалась школа из Одессы, второпях, под бомбежками. Устраивалась на новом месте тоже на скорую руку – нужны летчики. Учебное заведение укомплектовывалось мальчишками, в основном, из Средней Азии,

но также из Одессы, многие из которых потеряли родителей. Мы спали на полу. Электрического света не было. Как и отопления. Заедали вши. Мы не роптали, ведь многим было хуже. Мы понимали – война. В банный день нам давали кусок мыла на 10 чел. Мы ниткой разрезали его на 10 частей. Одним все мылись. Остальные меняли на рынке на лепешки, пирожки или кусок сладкой тутовой халвы – делали себе праздник. Все тяготы старались превозмочь. Человек все может».

Вячеслав Шатохин: «Мне рассказывала свою необычную историю Богомила Сидятова. Они с мамой дважды эвакуировались в Узбекистан. Жили они в Харькове. Папа работал на тракторном заводе. В 1941 г. предприятие перебазировалось в Сталинград и перешло на выпуск танков. Семьи отправили в глубокий тыл. Отцу удалось приехать к ним на несколько дней. Мама устроила истерику, не захотела оставаться на чужбине. Отец забрал их с собой, в Сталинград. Война пришла и туда. Они вместе пережили жесточайшие бомбардировки, артиллерийские обстрелы, пожары. Тогда их вывезли за Волгу, где они жили прямо в поле 2 месяца. Оттуда, обмороженных, голодных, привезли их снова в Ташкент».

Светлана Сомова об Анне Ахматовой: «И в этой ночи, по белой от пыли ташкентской ул. Жуковского шла высокая женщина, ленинградская беженка, в стоптанных башмаках и ветхой шали. Над ней как будто еще было другое небо, то, что, за тысячи километров отсюда. Она потеряла все, пережила полное сиротство, не было у нее ни дома, ни своего угла, ни пропитания».

Анна Ахматова о Ташкенте 1941 г.: «Война, тревога, смерть, голод и холод, предзимняя слякоть на улицах города, куда съехались беженцы со всех земель, занятых оккупантами и из осажденного Ленинграда; тут звучали разные языки, метались измученные люди». «Именно в Ташкенте я впервые узнала, что такое палящий жар, древесная тень и звук воды. А еще я узнала, что такое человеческая доброта». (Май 1944 г. г. Ленинград). И годы спустя об Узбекистане: «Он прочен мой азийский дом, И беспокоиться не надо. Еще приду. Цвети, ограда. Будь полон, чистый водоем».

Татьяна Перцева прислала книгу «Очерки о старом Ташкенте», которые нельзя читать без волнения. Вот некоторые выдержки. «Вспоминаю родную фабрику «Уртак» на ул. Малясова, там, где она перетекает в Урицкого. И там, где протекал бурный Ак-Курганский канал. По всей улице разливался аромат карамельного теста. Мы проходили на этой фабрике школьную практику. По конвейеру шел поток шоколадных конфет. Выпускали «Кара-Кум», «Белочку», «Мишку»... А в мармеладном цеху жидкую массу разливали в белые маленькие формы. Каждая на 6 фигурок – зайчики, сердечки, цветы.

Мармелад без сахарной обсыпки – вкуснее не ела. Когда мармелад свежий и сахаринки не царапают язык. Аромат нашего детства и юности! И еще. «Я буду помнить наш ташкентский сквер вечно. Потому что он был мне близким человеком и другом. Сквер нашей молодости. Его больше нет. Для меня – никогда незаживающая рана. И я, как христианка, прошу воздать заказчикам убийства по делам их. ...Аллея сквера выходила на Куранты – замечательная данность Ташкента. Мы так привыкли, что это – символ нашей столицы. Нечто вроде Лондонского Биг Бена или Парижской Эйфелевой башни. Откуда взялись Ташкентские куранты? Много лет тому назад, в самом конце войны, один упертый еврей волок механизм разбитых часов ратуши немецкого г. Алленштайна в выпрошенном для него грузовом вагоне. Через много стран. В родной Ташкент. Интересно, сколько месяцев он пробыл в пути, и как уговаривал железнодорожников прицепить вагон к нужным поездам. А еще говорят, что евреи жадные и золото любят. Когда генералы вагонами тащили трофеи, он привез домой то, что потом станет Курантами. Нужно же было уговорить еще ташкентские власти, потом много лет следить за исправностью часов. Я видела его могилу на Боткинском. Вечная Вам память, смешной еврей с опереточной фамилией Айзенштейн Ишия Абрамовича...

Я помню атмосферу светлого праздника, вечной радости, неиссякаемой доброты, которая отличала наш Ташкент.

Из официальных данных. «Ташкентские куранты – главные столичные часы – представляют собой уникальную башню высотой в 30 м, внутри которых установлен часовой механизм, привезенный И.А. Айзенштейном. Построены в 1947 г. Архитектор А.А. Мухамедшин. Главный инженер строительства В. Левченко. В отделке здания принимал участие художник-орнаменталист уста^{1*} Ширина Мурадов. Колокол часов бьет каждые 15 минут. Айзенштейн, часовщик по профессии, всю жизнь обслуживал механизм ташкентских курантов. Принимал участие в восстановлении их работы после землетрясения 1966 г.».

Нью-Йорк. Свое имя не назвал: «Я думаю, что нет более гуманной цели, чем прославлять человеческую доброту и тепло, особенно если это было в самые тяжёлые военные годы. Тогда Узбекистан принял тысячи беженцев из оккупированных нацистами районов, среди которых было немало стариков, женщин и детей. Узбекистанцы делились своим кровом и хлебом, которого так не хватало в то время. Среди эвакуированных были и тысячи евреев, которые особо преследовались немецко-фашистскими захватчиками. Мои родители, имея не-

^{1*} Мастер, профессионал, знаток своего ремесла, искусства, умелец в своем деле; умелый, искусный (в переводе с узбекского).

большой дом в старо-городской части Ташкента и семью из 6 чел., приютили две еврейские семьи из Одессы, в которой было 7 чел. Это были семьи Майденберг и Шпитальные. Они прожили в нашем доме с начала 1942 г. по 1946 г. Это были очень благодарные люди. Я помню даже их адрес в Одессе: ул. Пушкинская, 42, кв.16. Это я к тому, что добро, к счастью, иногда возвращается.

В конце 1950-х гг. почти неизлечимо заболела моя мать. Семья Майденберг настояла на приезде моих родителей в Одессу. Более полугода мои родители жили в их доме, лечились в лучшей больнице города. Высокая квалификация врачей, большое тепло всей семьи Майденберг и их искреннее желание помочь моей матери сделали свое дело. Мать была спасена. Прожила после лечения почти 30 лет, с 1958 г. по 1988 г. Помню, что среди тысяч эвакуированных нашла приют в Узбекистане и мать действующего сегодня общественного деятеля Натана Щаранского. В конце 1990-х гг. он был в Узбекистане, где ему оказали тёплый приём. Он трепетно, с огромной благодарностью говорил об Узбекистане, об огромном вкладе узбекистанцев в спасении тысяч и тысяч беженцев, эвакуированных с западных районов страны».

Семья прибыла из Киева 10 июля 1941 г. сначала в село Куйбышевской обл., затем в г. Джамбул^{1*}, Казахстан. С марта 1944 г. по сентябрь 1945 г. – в Ташкенте. Окончил седьмой класс – июнь 1944 г. Вступил в комсомол – май 1944 г. Учился в Ташкентском политехникуме связи. Одновременно учился в вечерней школе рабочей молодежи. Со 2 сентября по 20 ноября 1944 г. – на сборе хлопка в Янги-Юльском р-не. После Великой Отечественной войны отец из Берлина вернулся в Киев. Мы с мамой приехали к отцу. После землетрясения в Ташкенте я приехал туда и участвовал в восстановлении и реконструкции столицы Узбекистана до 1979 г. Я проектировал и вел авторский надзор за строительством жилых домов и комплекса зданий «Узбекбриляшу» на пр. Рашидова. Награжден Почетной грамотой Президиума ВС УзбССР. Я часто вспоминаю друзей и приятелей Хасанова, Абдуразакова, Саркисяна».

Леонид Броневой: «Нас, оборванцев, голодных, вшивых, сырых и убогих в военные годы в республиках Средней Азии приютили. Узбеки, казахи, таджики пускали эвакуированных под крыши своих домов, последней лепешкой с ними делились».^{1*} При распределении квот эвакуированных и беженцев на совещании руководителей Среднеазиатских республик и Западной Сибири, проходившим в Москве, У. Юсупов, первый Секретарь ЦК КП УзССР, сказал: «Мы примем,

^{1*} Ныне г. Тараз.

^{1*} «Эхо России», международный интернет портал <https://echorussia.com> (8 января 2017 г.).

сколько придут». Узбекистан обустроил 1,5 млн. чел. Среди них – 300 тыс. детей. В т. ч. – около 250 тыс. евреев. Русские, украинцы, белорусы, представители других национальностей бежали из оккупированных областей Украины, Белоруссии и России от унижений, насилия, физических и моральных страданий, которые несла с собой фашистская мразь. Евреи бежали от неминуемой смерти. Гитлер и его приспешники хотели уничтожить весь еврейский народ. Узбекистан стал второй родиной для них. Он согрел замерзших. Накормил голодных. Дал им кров. Отнесся к ним с состраданием. Дал работу. Спас от гибели. Узбекистанцы – узбеки, таджики, русские, все коренные жители республики приняли участие в спасении обездоленных в годы Великой Отечественной войны.

У.Ю. Юсупов олицетворяет собой как личность всю узбекскую нацию – человеколюбивый и добрый, он сопереживал чужому горю как своему. Сердце его содрогнулось, когда узнал, что в одном из вагонов проходящего через Среднюю Азию эшелона обнаружены мертвые дети, он сказал: «Дети никуда больше не поедут. Оставить всех здесь».

Я, будучи подростком, лично пережил тяжелые годы войны и эвакуации, внимательно прислушиваясь к голосам сверстников, спасенных народом Узбекистана, могу сделать такой вывод: Узбекистан – страна Праведник мира.

Ружанский М.

Спасибо тебе, Узбекистан!^{2*}

1941 г. Город Кировоград. Украина. С начала июля 1941 г., нас ежедневно бомбили. В памяти всплывает явственно та первая встреча с войной...

Однажды мы, подростки, купались на речке. Вдруг услышали спокойный моторный гул. Я посмотрел на небо и увидел, словно нарисованные, клинья летящих самолетов. От них отрывались черные капли и устремлялись прямо на нас. Сообразили, что надо бежать. Вблизи находился спиртзавод. Вокруг выкопаны бомбоубежища. Я заскочил в одно из них. Тут же раздались взрывы. Потом вернулся к воде. Реку не узнал – мутная, грязная, черная. Как и наша последующая жизнь. Одна бомба упала недалеко от места нашего купания. Взрывной волной троих ребят выбросило на берег. Впервые так близко я увидел безжизненное тело сверстника, его порванный живот, откуда вывалились кишки и сгустки застывшей крови. Со временем это страшное видение не исчезло. Оно гвоздями вбито в клетки моего мозга.

^{2*} Опубликовано в газете «Новый Меридиан» (Нью-Йорк) – 2017 г. – 4 мая – №1226.

Мы, дети военного времени, не собирали из конструкторских элементов игрушечные железные дороги. Не коллекционировали марки и монеты. Не пробовали играть на скрипке. Не играли в детские игры. У нас были другие, жестокие времена.

О том, что фашисты хотят уничтожить всех евреев, мы знали. Поэтому, в конце июля 1941 г., наша семья: мама 48-лет, по паспорту – Женья, старшая сестра Клара, с 6-месячным Мойсеем, сестры, София и Полина и я, 12-летний, срочно эвакуировались, бросив все нажитое имущество и вещи.

Нас привезли в Ростовскую обл., на станцию Обливская. На телегах перевезли в казачью станицу. Сестры уходили в поле работать, мы с мамой и младенцем оставались дома. Полина серьезно болела. Ей поддували периодически воздух в легкие. Даже тогда она однажды добралась на перекладных в райцентр Морозовская, где ей выполнили одну процедуру. Мама ночами не спала. Ей казалось, что, вот-вот придут казаки и шашками зарубят нас. Пережив в молодости еврейский погром, в котором участвовали казаки, она всю жизнь смертельно боялась их.

Войска Третьего рейха быстро продвигались по Украине. И нам снова пришлось убежать от них. Теперь уже пешком. Шли днем и ночью. В дождь и стужу. Маленький Мойсей не выдержал тяжелых испытаний. Он заболел воспалением легких. Мы похоронили его под деревом, соорудив над ним небольшой земляной холмик. Зима наступила рано. Ударили сильные морозы. На станции Обливская мы взобрались на открытую площадку проходящего товарного поезда, который привез нас в Сталинград. Затем нас отправили по Волге баржей, в Астраханскую обл. Высадили на какой-то пристани, мы прожили там дней 10. Фронт продолжал двигаться на Восток, и мы вернулись в Сталинград. Оттуда нас отправили в Сибирь.

Мама сказала: «Мы без теплых вещей там замерзнем». И мы сошли с поезда на станции Гумрак. Здесь дождались эшелона, идущего в Узбекистан. Наслышаны были: край солнца и хлеба. Добирались до него много дней.

Наконец – долгожданный Самарканд. Ноябрь 1941 г. Прошли санобработку: прожарили вшей и вещи. Согрели промерзшее тело. Оттаяли от постоянного напряжения.

Колхоз им. Калинина, Самаркандского р-на, стал нашим новым прибежищем. Поселили нас в помещении при садовом участке. Оно не отапливалось и протекало во время дождя. Света не было. Печка – буржуйка стояла. В саду я облазил все деревья. На них остались маленькие яблочки. Голодные, мы ели их с косточками. Однажды в сад забрела курица. Мама говорила, что эту птицу Всевышний послал. В

комнате лежала больная Полина. Есть было нечего. Нет. Неправда. Колхоз нам дал немного продуктов. Но мяса – нет. Мы с мамой долго гонялись за курочкой. Поймали ее. Вскоре запах еврейского бульона распространился на всю округу. Но, главное, он очень помог Полине.

Рядом, за глиняным забором, пролежала проселочная дорога. Днем и ночью по ней шли груженные машины, арбы. Однажды, ранним утром, я обнаружил на дороге большую горку пшеницы. Видно, высыпалась случайно из мимо проезжающего транспорта. Каким удачным подспорьем оказалась эта находка в ту первую голодную зиму. Потом нас дважды подсаляли к колхозникам в одну из свободных комнат, где было сухо и опрятно. Старшие сестры, не привыкшие к крестьянским работам, приходили с поля с волдырями на руках. Мне доставались нетяжелые поручения, таких было немного. В школу я не ходил. Хозяин дома, дядя Карим, у которого мы жили, – пожилой человек. Неулыбчивый. Он учил меня обращению с ослом: мыть, чистить его, запрягать. Ишак – существо доброе, ласковое, но однажды я ему в чем-то не угодил. Он мгновенно развернулся на 180 градусов и сильно ударил меня задними ногами в грудь. Я чуть не лишился сознания. Вот такой оказался друг. Все равно мы с ним ладили. Эта практика мне потом пригодилась, когда в Самарканде я уже работал арбакешей^{1*} – возчиком. Вместо лошади в арбу впрягался осел.

Дядя Карим, однажды, на какой-то большой праздник, решил зарезать барана. Во дворе соорудил специальное место и рядом – выемку в земле для слива крови. Экзекуцию он проводил сам, в остальном ему помогал сосед. Они быстро срезали с барана шкуру. Затем принялись за тушу. Аккуратно убрали жирный курдюк. Кишки, ненужные внутренности отложили в сторону. Мама потом долго варила их. Мы смаковали это замечательное яство: и шкурки, и саму липкую жидкость. Потом, в Грузии, мы узнали, что эта еда является любимым национальным блюдом – хаши. Мама собрала и кровь. И мы, вечно голодные, не дали ей пропасть.

Мама и я. 1951 г.

Узбекистан – край засушливый. Поэтому земля требует искусственного орошения. Мы мотыгами пробивали из арыков к хлопковым полям живительные ручейки. Окучивали овощи. Осенью укрывали землей от зимних морозов виноградники. Весной очищали их. Обрезали сухие веточки. С нетерпением ждали созревания. Мы несли домой все, что росло на полях. Даже сухие стебли хлопчатника, которыми отапливали жилье. Брали немного. Только для семьи. Бригады видели, но притворялись, что не замечают. Понимали, что без этих

^{1*} Водитель повозки (арбы).

продуктов мы просто умрем. Ведь колхоз не мог нас ничем поддерживать. Весь собранный урожай уходил на фронт.

Колхозники – животноводы, делились с нами жмыхом, отрывая от овец и коров. Жмых – это такой твердый концентрат, отход – выжимки из семечек разных масличных растений. Я бережно отламывал кусочек и тщательно обсасывал, как собака обглаживает мозговую косточку. Вдоль дороги, пересекающей кишлак, росли тутовые деревья. Сладкие зернистые ягоды шелковицы я съедал в огромном количестве. Не ради лакомства, чтобы заполнить пустую утробу. И все равно не наедался. Хотелось хлеба. Паек хлеба нам давали по карточкам. Но он был таким мизерным, что его явно не хватало. С местными ребятами, с моими сверстниками, я встречался в свободное от работы время. Говорили мы на трех языках: на русском, узбекском и таджикском. Недалеко от кишлака располагался детдом, где жили дети-сироты. В основном, там нашли пристанище дети войны. Их родители или погибли, или затерялись на войне. Детдомовцам тоже жилось не сладко, хотя их там кормили и одевали. В кишлаке жил одинокий дедушка Салам – веселый, доброжелательный. Он часто приглашал к себе детдомовцев: подкармливал, одевал.

Болезни преследовали нас. Я помню свои ощущения при заболевании малярией. Голова кружится. Слабость такая, что не в силах подняться с постели. Кожа становится белой, как снег. Температура высокая, но знобит так сильно, что не помогают ни одеяло, ни одежда, наброшенная сверху. От длительного применения хинина белки глаз становились желтыми...

В колхозе нам начисляли за работу трудодни. Учетчик ставил против фамилии вертикальные палочки, если норма выполнялась. В конце года работающим доставалось немного зерна. Все сдавали государству. Колхозники имели небольшие земельные или садовые участки, с которых собирали урожай на пропитание и на продажу, если что-то оставалось. Жили в одноэтажных мазанках, из 2–3 комнат. При их строительстве использовался саман – навоз с соломой. Согревались у подогретого углями сандала. Не в каждом хозяйстве – ишак. А если еще и двухколесная арба, то это уже состоятельный дехканин. Мужчин в кишлаке оставалось немного. Одни воевали. Другие работали на оборонных объектах. Дома находились женщины и дети. И старые аксакалы.

Клара и Полина. Самарканд

В колхозе мы жили и работали до декабря 1943 г.

Затем перебрались в Самарканд. Клара устроилась в педучилище, где нам дали комнату с маленькой кухонькой. Здесь мы жили до 1949 г. В этой комнате нашли приют, найденные нами в эвакуации, дядя

Митя и тетя Феня. Затем – и их взрослая дочь. Они уехали в Кировоград в 1945 г. или в 1946 г. Сюда вернулся после победы в Великой Отечественной войне муж Клары – Самуил. В ноябре 1946 г., Клара родила сына – Наума.

Здесь мы потеряли нашу Полину. Эффективных лекарств еще не было, поддувание уже не помогло.

Софа нашла работу в Сиабском райисполкоме – секретарем исполкома. Хотя по образованию она – педагог. По-видимому, она там проявила свои способности, потому что затем ее пригласили на завод «Кинап», начальником отдела.

В 1944 г., после освобождения Кировограда от немецко-фашистских захватчиков, она поехала туда на несколько дней. В городе всех евреев, которые там оставались, в т. ч. и нашего дядю Якова с семьей, расстреляли. Нашу квартиру, где мы жили до эвакуации, заняли соседи и расставаться с нею они не собирались. Возвращаться нам некуда.

Муж Софы, Арон Котляренко, демобилизовался в 1949 г., в г. Черновцы. Туда он и забрал нас всех.

Я работал в артели «Ватан», арбакешем. После окончания водительских курсов – помощником шофера, на том же заводе «Кинап», фактически работал грузчиком, т. к. не мог стоять без дела, когда грузили или разгружали твою машину. После рабочего дня на заводе посещал вечернюю среднюю школу рабочей молодежи.

Узбеки, таджики, среди которых мы жили – религиозные. Мечети не существовали. Но я видел, как люди молились: дома, на улице, в поле. Местное население доброжелательно относилось к нам, эвакуированным. С сочувствием. Помогали, как и чем могли. Иногда приглашали нас к праздничному столу и угощали традиционным пловом и шашлыком. Я помню глиняные дворовые печи, в которых выпекались вкусные лепёшки. Вкус горячего теста и даже запах гари помню. Большие казаны во дворе, в которых варился ароматный плов. Громкая музыка и веселые танцы. Все это связано со свадьбами, которые я называю народными, потому что весь кишлак участвовал в свадебном торжестве. Жили небогато. Но свадьба и тогда совершалась с размахом. На улице. Во дворе. Под открытым небом. С горящими факелами. Все присутствующие, близкие и дальние родственники, соседи, односельчане веселились от души. Красавицы-невесты, как и в старину, одевали на свадьбу вышитые серебряными нитками камзолы, а женихи – чапаны, вышитые золотыми нитками. Как и прежде, мама невесты, на протяжении многих лет собирала приданое дочери и подарки новым родственникам.

Я не помню ни одного случая антисемитизма по отношению к

нам, евреям. Несмотря на то, что большинство эвакуированных составляли евреи. Впечатление оставило на нас стихотворение узбекского поэта Гафура Гуляма «Я – еврей», опубликованное в 1941 г. Он сам читал его по радио на узбекском языке. Потом, по-русски – профессиональные чтецы. Как-то забывают имя талантливой переводчицы этой поэмы. Я разыскал её в дебрях ташкентской литературы. Её звали Светлана Александровна Сомова.

В Израиле, в г. Кирьят-Гате, одной из площадей присвоено название «Площадь праведников Израиля». Там установлен обелиск праведникам. На нем на иврите и на английском языках рассказывается о первом почетном праведнике Гафуре Гуляме, о его жизни (1903–1966) и творчестве. Советский узбекский поэт и публицист, первый перевел на узбекский язык поэму В. Маяковского «Во весь голос», одну из пьес В. Шекспира для театра им. Хамзы.

Гафур Гулям выступил против фашизма и антисемитов. Он выразил уважение к еврейской нации. Он был великим интернационалистом.

В выходные дни заводские общественные организации устраивали экскурсии по историческим местам Самарканда. Я участвовал в них. Некоторые запомнил навсегда.

Площадь Регистана в самом центре города – по сути, не один памятник, а ансамбль величественных строений, с каменными узорами на стенах, словно вышитыми вручную. Древняя астрономическая обсерватория Улугбека, внука Тамерлана, расположенная в окрестностях Самарканда. Мечеть Биби Ханум – недалеко от базара. Да и базар помню. Под открытым небом. Восточные фрукты, Специи. Цветы. И еще. Идущий по улице Садриддин Айни, писатель с мировым именем. Его знали. Приветствовали. И он отвечал полупоклоном, прижимая правую руку к сердцу.

Узбекистан нас приютил, обогрел, помог в самую тяжкую пору. Самарканд мой! Узбекистан мой!

Я вспоминаю тебя с дрожью в сердце... Далёкие военные годы. Нелёгкий труд подростка. Голод. Холод. Потери. Помню. И твои материнские руки, которые поддержали меня. Не дали упасть и пропасть. И поставили на ноги. Помню. Сердце твоё, принявшее на себя и мою боль, и мои радости. Были ж и такие. Помню. Душу твою, открытую и отданную людям, в т. ч. и мне. Помню. Спасибо тебе, страна, за доброе сердце и щедрость души!

Из воспоминаний^{1*}

[...] В августе 1941 г., когда немецко-фашистские войска подошли к городу, эвакуировался [из Украины] вместе с мамой и матерью отца в Таджикистан. Эвакуация происходила под неоднократным обстрелом с воздуха фашистских самолетов. Первый этап эвакуации закончился в казачьих станицах Ставропольского края, но когда немцы подошли вплотную к Ростову, пришлось спешно эвакуироваться дальше на юг и восток, через Махачкалу и Красноводск, в предгорья Таджикистана.

1941–1942 гг. оказались для нас, эвакуированных, в буквальном смысле трагическими. Летом 1942 г. от тяжелой физической работы, голода и антисанитарных условий заболела и умерла бабушка, осенью – мама. Конец 1942 г. – начало 1943 г. я провел на больничной койке Сталинабадской^{2*} клиники медицинского института. После ряда перенесенных операций буквально заново начинал учиться ходить. После выздоровления жил в течение нескольких лет в семье брата отца – сначала в г. Свердловске,^{3*} потом в г. Москве. Там же окончил экстерном школу и в 1945 г. поступил в Московский государственный историко-архивный институт. До поступления в институт об архивах знал очень мало, поступая в Историко-архивный институт, полагал, что буду иметь дело с материальными остатками, путал архивоведение с археологией. Впрочем, разочарования не было. Архивное дело и особенно источниковедение заинтересовали меня.

Из институтских профессоров особенно выделялись профессор древней истории В.К. Никольский – участник ряда археологических экспедиций, в т. ч. и той, благодаря которой были произведены раскопки городищ царства Урарту; профессор А.И. Андреев, читавший курс источниковедения, крупнейший организатор архивного дела в СССР В.В. Максаков, автор учебника по теории и практике архивного дела К.Г. Митяев. Некоторые из них в 1946–1948 гг. были подвергнуты жестокой критике в период борьбы с т. н. космополитизмом и изгнаны из института, а критика профессора Андреева вообще закончилась его смертью [2].

Архивным делом поначалу мало интересовался. Лишь к 3–4 курсу после конкретного ознакомления с материалами ряда центральных архивов СССР (особенно Центрального архива литературы и искус-

^{1*} Подготовлено к публикации Е.М. Грибановой / Архивы. История, место и роль в сохранении культурного наследия страны. Материалы Международной научно-практической конференции. 24 ноября 2011 г., г. Алматы. – С.48–83.

^{2*} Ныне Душанбинской.

^{3*} Ныне г. Екатеринбург, Россия.

ства) явно почувствовал вкус к архивному делу. Очень помогла в этом архивная практика, которая проходила ежегодно в центральных архивах СССР. Помню, что, находясь за толщей стен бывшего Лефортовского дворца, где располагался Военно-исторический архив, я буквально переносился в мечтах на несколько веков назад, зачитываясь бумагами XVII–XIX вв. Вкус к научно-исследовательской работе ощутил, работая над дипломной работой, посвященной деятельности Императорского Русского Исторического общества.

Положительно влияли на меня старшие товарищи – участники Великой Отечественной войны; постоянно работавшие в научных кружках под руководством профессоров и доцентов В.К. Никольского, В.В. Митяева, Н.В. Устюгова, Л.В. Черепнина. Однако на первых курсах я все же больше увлекался литературой: много читал, писал стихи, был одним из редакторов студенческого литературного журнала «Юность». Два номера этого журнала, к счастью, сохранились в домашнем архиве историка-архивиста Вадима Черныха (он был старше меня на курс, впоследствии долго работал зам. директора и директором ЦГАЛИ, а последние десятилетия Ученым секретарем Археографической комиссии АН СССР).

Среди студентов моего выпуска (1949 г.) было много будущих кандидатов и докторов наук. В Институте истории в течение полувека работали профессора А.А. Преображенский, Н.А. Ивницкий, в Ленинградском отделении института истории АН СССР Л.Е. Шепелев, в центральных и ведомственных архивах кандидаты исторических наук Н. Воронов, Н. Лебедева, в Центральном научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела В.Н. Автократов, директором Томского партийного архива – М. Чугунов [...]

Я приехал в Казахстан в сентябре 1949 г. по направлению комиссии по распределению молодых специалистов. Собственно говоря, учитывая, вероятно, мои шаги на литературном фронте в институте, меня направили в ТАСС, но вскоре почему-то первоначальное решение было изменено. Так я не стал журналистом, а стал архивистом. Сначала работал научным сотрудником ЦГАОР Казахстана, занимался обработкой большого архивного фонда 787 «Центрального совета народного хозяйства КазССР», фонда одной из крупных воинских частей, стрелковой дивизии Средне-Азиатского военного округа, участвовавшей еще в боях с басмачами в начале и середине 1920-х гг., а также обработкой ряда других, более мелких фондов. Спустя пару лет я влился в коллектив организационно-методического отдела Архивного управления, позднее работал в отделе использования и публикации документов, возглавлял эти отделы на протяжении почти 10 лет.

В 1965 г. я защитил кандидатскую диссертацию на тему «Борьба за восстановление народного хозяйства Казахстана в 1921–1925 гг.». Работал над темой долго и тщательно, используя в диссертации ни один десяток архивных фондов, в т. ч. такие крупные как ЦИК и СНК КазССР, ЦСНХ и ряда важных промышленных профсоюзов. Обстановка в Центральном архиве и Архивном управлении Казахстана была в то время очень благоприятной для научно-исследовательской работы. Почти ежегодно выходили сборники архивных документов, посвященные различным этапам истории страны. Сборники по истории дореволюционного периода организовывал директор Центрального исторического архива Б.Г. Киреев, по истории Октября и гражданской войны в Казахстане – директор ЦГАОР КазССР С.С. Голубятников, по ленинской тематике, по истории восстановительного периода, по ряду других тем – замдиректора Института истории, археологии и этнографии Г.Ф. Дахшлейгер [3] и другие работники Института истории, Института истории партии – особенно С.Б. Бейсембаев, Ш.Я. Шафиро [4] и др. Тесная связь была в то время и с вузовскими коллективами города.

Начальником Архивного управления во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. был Н.Н. Федоров. Он пришел в архивные органы из МВД, имел звание подполковника, но был, по существу, сугубо штатским человеком. Его заместителем работал историк-архивист ст. лейтенант И.З. Чумака. Оба они уделяли много внимания воспитанию кадров, работе с подчиненными. Сотрудница Архивного управления П.В. Сенотрусова, проработавшая в архивных органах более четверти века, не раз вспоминала, как Федоров, получавший, как начальник Управления, особый паек, нередко отдавал его больной сотруднице или в многодетную семью.

С деятельностью Чумака у меня лично также связаны особые воспоминания. В 1952–1953 гг. в стране начинался политический кризис, вызванный болезнью Сталина. Этим воспользовался Л.П. Берия, возглавлявший органы МВД–КГБ. Началась новая кампания, направленная на этот раз против кремлевских врачей, значительную часть которых составляли лица еврейской национальности. Косвенно эта политическая кампания коснулась и меня. В 1952 г. в райкоме партии без объяснения каких-либо мотивов был отклонен мой прием в ряды КПСС. С.С. Голубятников, представлявший в райкоме партии нашу парторганизацию, прямо сказал мне тогда, что во всем виноват пресловутый «пятый пункт» [5].

Дальше события разворачивались стремительно. В январе 1953 г. был издан приказ о переводе меня из центрального аппарата архивных органов в архивный отдел Акмолинской обл. Аналогично развер-

тывались события и в самом аппарате МВД, где сотрудники-евреи, проработавшие десятки лет в органах, увольнялись или также переводились на периферию. Федоров и Чумак уже не работали в Архивном управлении. Случайно встретив Ивана Захаровича, работавшего в это время лектором идеологического отдела ЦК КП Казахстана, я рассказал ему о своей беде. Внимательно выслушав меня, Иван Захарович сказал: «Иди к зам. министра Николаеву и зам. министра по кадрам Юсупову и проси отсрочку, а там видно будет». Основания для такой просьбы у меня было вполне достаточно: во-первых, я только что женился, и мой «медовый месяц» только начинался, во-вторых, жена училась на 5 курсе биофака КазГУ и подлежала распределению. Коротче говоря, я поступил так, как мне посоветовал Чумак, и эта тактика себя оправдала. В июле 1953 г. состоялся внеочередной июльский пленум ЦК КПСС, признавший действия Л.П. Берия антисоветскими, антиконституционными и разоблачил его как врага народа. Приказ о моем переводе в архивные учреждения Акмолинской обл. так и потонул в архивах кадрового управления МВД.

К сожалению, факты государственного антисемитизма, ярко проявившиеся в те года, трудно забыть. Они коснулись многих архивистов, работавших одновременно со мною. Так, вынужден был уехать на работу в Караганду бывший директор ЦГАОРМ Мознаим [6], уволен был из архивных органов участник и инвалид Великой Отечественной войны Скородок, долгие годы находился вне штата, периодически то принимаемый, то снова увольняемый Ш.Я. Шафиро. Последний смог стать полноправным сотрудником архивных органов, а затем Института истории партии лишь после развенчания культа личности. Будучи уже в пожилом возрасте он смог, наконец, защитить кандидатскую диссертацию. И это спустя годы после того, как он помог написать диссертации ни одному из руководящих партийных работников г. Алма-Аты [...].

1. Выпускник Московского историко-архивного института (1950). В Казахстан приехал по распределению: почти два десятилетия отработал в Главном архивном управлении и Центральном Государственном архиве республики. К преподавательской деятельности Евгений Львович приступил в 38 лет. Подготовил и успешно защитил докторскую диссертацию, работал профессором кафедры истории КПСС в Алма-Атинском педагогическом институте иностранных языков, в 1993 г. был исполняющим обязанности заведующего кафедрой документоведения. В 1998 г. ушёл на пенсию, но какое-то время ещё продолжал работать. В 2003 г. вынужден был покинуть Казахстан, т. к. нуждался в серьёзной медицинской помощи. В его служебной характеристике записано следующее: «[...] Профессор Виленский Е.Л. имеет 80 публикаций, в т. ч. одну монографию (25,5 п. л.), 30 брошюр и научных статей (около 40 п. л.), несколько крупных документальных сборников, составителем которых он являлся, много других публикаций

в журналах и газетах. Только за период после защиты докторской диссертации профессором Виленским Е. Л. опубликовано 15 работ, в т. ч. 6 методических разработок и рекомендаций, имеющих прикладное значение в учебном процессе вуза. Кроме того, им разработаны два спецкурса, один из которых в 1988 г. был прочитан на всех факультетах института. Как научный руководитель НИРС Института профессор Виленский Е.Л. бессменно в течение 17 лет руководил организацией научно-исследовательской работы студентов, за что имеет ряд благодарностей Минвуза Казахской ССР. В то же время под его непосредственным руководством студентами было подготовлено около 100 студенческих докладов. Авторы некоторых из них стали лауреатами республиканских и всесоюзных туров конкурсов на лучшую студенческую работу по общественным наукам. Педагогическую и научную деятельность профессор Виленский Е.Л. успешно сочетал с общественной работой. Он – член Ученого Совета, Совета кафедр общественных наук, Учебно-методической комиссии Института. Одновременно являлся также членом специализированного совета по защите кандидатских диссертаций исторического факультета Казахского университета и лектором общества «Знание» [...] / А.И. Ульман По тропинкам истории евреев Казахстана – Алматы: Wink, 2004. – С.51–54; Архивисты и архивы Казахстана. Сборник документов и материалов / Сост.Р.М. Абдуали, Ж.Т. Байкаш, Е.М. Грибанова (отв.), Е.В. Чиликова – Алматы: Архив Президента РК, 2015 – С.76–78.

2. Кадровая ситуация в архивной отрасли СССР и Московском государственном историко-архивном институте в советский период исследована Т. Хорхординой «История Отечества и архивы 1917–1980-е гг.» / – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1994 и «Крона и корни: штрихи к портрету историко-архивного института (1930–1991)» – / М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997.

3. Дахшлейгер Григорий Федорович (1919–1983). Родился 2 ноября в г. Одессе (Украина), еврей. Окончил 4 курса исторического факультета Одесского государственного университета (1941), историк, доктор исторических наук (1966) (тема диссертации «Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1929)», профессор, член-корреспондент АН Казахстана (1972). С Одесским госуниверситетом эвакуировался в г. Ташкент (Узбекистан), где и завершил образование на историческом факультете Среднеазиатского госуниверситета. По окончании работал по распределению учителем средней школы на станции Аягуз Семипалатинской обл. (1941–1942); служил в армии, участник Великой Отечественной войны (1942–1945); преподаватель Одесского университета и педучилища (1946); «предпринял попытку поступить в аспирантуру Одесского госуниверситета, но сразу же столкнулся с явным противодействием. В то время на Украине доступ в науку «лиц еврейской национальности» ограничивали под любым предлогом. Вернулся в Казахстан: аспирант, младший научный сотрудник, ученый секретарь, зам. директора Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана (1946–1983). Награжден орденом Красной Звезды, медалями, Почетными грамотами ВС КазССР, заслуженный деятель науки КазССР, лауреат Госпремии КазССР и премии АН Казахстана им. Ч. Валиханова. Автор книг «Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана» (1965), «Историография Советского Казахстана» (1969), «Маршрутом социального прогресса» (1978), «История крестьянства Советского Казахстана» (1985, в соавторстве). / А.И. Ульман По тропинкам истории евреев Казахстана – Алматы: Wink, 2004. – С.34–42; И Гринберг. Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк. 2-е доп. Издание – Алматы, 2009. – С.225; Ашимбаев Д.Р. Кто

есть кто в Казахстане: Биографическая энциклопедия. Изд. 11-е, доп. – Алматы, 2010 – С.308.

4. Ш.Я. Шафиро (1896–1965). Родился в г. Кременчуг (Украина), еврей. Член еврейской социал-демократической партии «Поалей-Цион» с 1916 г., Коммунистической партии с 1923 г. В 1946 г. окончил КазПИ им. Абая, историк. В 1913–1916 гг. счетовод на частных предприятиях (г. Кременчуг). В 1918–1921 гг. освобожденный член ЦК Еврейской Компартии (г. Киев). В 1920–1922 гг. студент МГУ. В 1922–1925 секретарь редакции газеты «Голос работников» – органа профсоюзов Совторгслужащих (г. Москва). В Казахстан прибыл по направлению учетно-распределительного отдела ЦК ВКП (б): в 1926–1931 гг. заместитель заведующего культотделом Казсовпрофа (г. Алма-Ата). В 1931–1932 гг. секретарь редакции журнала «Народное хозяйство Казахстана». В 1937–1938 гг. научный сотрудник Института истории партии при ЦК КП (б) Казахстана. В 1938–1940 гг. экономист в аппарате Казликерводтрест; 1940–1941 гг. экономист горплана. В 1942–1945 гг. литработник редакции «Большевик Казахстана». В 1943–1946 гг. студент заочник МГИАИ (г. Москва). В 1943–1949 гг. научный работник в Архивном управлении МВД КазССР (начальник научно-издательского отдела) и по совместительству в Институте истории АН КазССР (г. Алма-Ата). В 1951–1952 гг. библиотечарь Гоно-металлургического института. В 1952–1954 гг. работал на договорных началах в государственных архивах. В 1957–1965 гг. мнс, снс сектора партархива Института истории партии при ЦК КП Казахстана. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945). Соавтор, член редакционной коллегии, составитель сборников и монографий «Первые шаги Советов в Семиречье» (1934), «Национально-освободительное восстание казахских трудящихся против царизма в 1916 г.» (1937), «Первые группы РСДРП и начало профсоюзного движения в Казахстане» (1964) и др. / А.И. Ульман По тропинкам истории евреев Казахстана... – С.16–21; Архивисты. Биографический справочник. – Алматы: АП РК, 2005. – С.77; И Гринберг. Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк. – Алматы: FORTRESS, 2009. – С.49–53.

5. В анкетах личных листков по учёту кадров в СССР в пятой графе указывалась национальность.

6. Мознаим И.О. (11 июня 1905 г. –1968 г.). Родился в г. Александровке Екатеринославской губ., еврей. Образование незаконченное высшее планового заочного института «Планзо», экономист. В 1925–1926 гг. счетовод Харьковского губторга. В 1926–1928 гг. статистик 1 разряда Мелитопольского окружного статистического бюро, в 1928–1929 гг. безработный, на учете в бирже труда в г. Ленинграде. В 1929–1931 гг. статистик, старший статистик Ленинградского областного управления Нархозучета. В 1931 г. курсант на курсах повышения квалификации работников системы Госплана. В 1931–1941 гг. руководитель работ сектора торговли, экономист, старший экономист сектора учета советской торговли Ленинградского областного управления Нархозучета. В июле 1941 г. доброволец народного ополчения. В 1941–1942 гг. старший писарь 7-й роты отдельного стрелкового приемно-распределительного батальона 36-й запасной стрелковой бригады в г. Ленинграде. В феврале заболел истощением III степени и был эвакуирован в г. Нижний Тагил, где лечился в эвакогоспитале № 1714 до сентября 1942 г, затем был демобилизован. В 1942 г. контролер-ревизор Контрольно-ревизионного управления Наркомфина КазССР. В 1942–1944 гг. начальник отделения госархивов УНКВД по Восточно-Казахстанской обл. (г. Усть-

Каменогорск). В 1944–1946 гг. начальник отдела использования Архивного Управления МВД КазССР (г. Алма-Ата). В 1946–1949 гг. начальник ЦГАОР и социалистического строительства МВД КазССР. В 1949–1966 гг. – начальник архивного отдела УМВД Карагандинской обл., с 1960 г. – архивного отдела при Карагандинском облисполкоме. С 1966 г. персональный пенсионер. Награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», грамотами ВС КазССР, Главного архивного управления при Совете Министров КазССР. Занесён в Книгу Почёта Главного Архивного Управления при Совете Министров КазССР. / Ж.Ж. Турсынова. Их имена связаны с Карагандинской областью. / История. Память. Люди. Материалы V международной конференции. – Алматы, 2011. – С.159.

Вексельман М. [1]

Эвакуированные евреи в архивных учреждениях Узбекистана^{1*}

Случилось это почти шесть десятков лет назад. Начальника Архивного отдела НКВД Узбекской ССР Якова Менахемовича (или Наумовича, как его называли) Серого вызвали на заседание коллегии НКВД.^{2*} Вернулся он с заседания хмурый. Своим коллегам-евреям сказал: «Сегодня на заседании коллегии задали вопрос: что за еврейскую синагогу вы развели в архивных органах?»

Серый был очень расстроен: впервые за десять лет работы в должности начальника Архивного отдела ему указали на то, что в стране существует особая политика по отношению к еврейским кадрам. Он был настолько подавлен, что, обычно очень чуткий к русскому языку, не обратил внимание на явно лишнее прилагательное – ведь синагоги бывают только еврейские...

К тому моменту я уже восемь лет работал в системе архивных учреждений – начал в 14 лет, с 1945-го, архивариусом. Поскольку мама работала в Архивном управлении вахтёром, ещё в 1942-м стал знакомиться с людьми, работавшими в архивных учреждениях. В годы войны в составе научных сотрудников и руководящих работников Архивного отдела и государственных архивов становилось все больше новых сотрудников, в основном из эвакуированных евреев.

В 1943-м начальником Архивного отдела НКВД УзССР был назначен старший лейтенант внутренних войск Я.М. Серый, эвакуированный из Киева, где работал директором Центрального исторического архива Украинской ССР. Он имел высшее образование, в то время как его предшественник имел всего трехклассное.

^{1*} Публикуется по Макс Вексельман. Архивная «еврейская синагога», 2014, <http://www.isrageo.com/2014/06/29/arhivevrsinagoga/> Дата обращения 19.11.2018.

^{2*} С 1937 г. по 1959 г. архивные органы находились в ведении НКВД–МВД.

Серый стал подбирать образованных сотрудников. В Архивный отдел был переведён Маврикий Леонович Вайс, затем был принят выпускник истфака ТашГУ Петр Семенович Котляр. Директором ЦГАОР УзССР был назначен выпускник истфака ТашГУ Леонид Михайлович Ланда, директором ЦГИА УзССР – выпускник филфака Орджоникидзевского пединститута и истфака Томского университета Нафтула Аронович Халфин. В 1941–1944 гг. в Архивном отделе НКВД УзССР работал внештатным научным сотрудником профессор Сигизмунд Натанович Валк (был эвакуирован из института истории АН СССР в Ленинграде). Он вел с научными сотрудниками архивных органов Узбекистана занятия по археографии, благодаря которым они начали публикаторскую работу по изданию сборников документов.

Серый вёл и научно-исследовательскую работу. В 1947-м он защитил диссертацию на учёную степень кандидата исторических наук, в том же году участвовал в создании сборника документов «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане». Я.М. Серый был одним из составителей сборника документов «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане».^{1*} С 1960 г. по 1978 г. работал доцентом кафедры истории партии ТашГУ.

За время моей работы в ЦГИОР УзССР с ноября 1945 г. я сблизился с М.Л. Вайсом, наша дружба длилась более полувека. В 1995-м, когда я работал историком-исследователем в Университете им. Бен-Гуриона (Беэр-Шева), меня командировали в Ташкент для сбора документальных материалов в ЦГА Республики Узбекистан. Там я вновь встретился с Вайсом, записал на магнитофон беседы с ним.

Маврикий Леонович Вайс (1912–1998). Родился 2 октября во Львове (тогда – Польша) в религиозной еврейской семье. Отец был торговцем, мать – портнихой. В 1914-м отца мобилизовали в австрийскую армию, вскоре он погиб. Австрийское правительство выплачивало матери пенсию за погибшего мужа. В детстве Маврикий посещал с семьёй синагогу, где у них было собственное место. С семи лет учился в хедере, позднее к нему приглашали на дом ребе, который обучал его древнееврейскому языку и ТАНАХу. Он учился в четырех классах семилетней еврейской школы, потом поступил в восьмилетнюю гуманитарную гимназию, которую окончил в 1930-м. Вайс отличался склонностью к литературе и языкам, после окончания гимназии он поступил на филологический факультет Львовского университета, который не смог окончить – в университете в начале 1930-х развились антисемитские настроения. Польские профашистски настроенные студенты устраивали антиеврейские акции, изгоняли евреев из уни-

^{1*} М.: Академия Наук СССР, 1960.

верситета. И Вайсу пришлось на три года прервать учёбу, он зарабатывал на жизнь репетиторством.

В сентябре 1939-го, когда Западная Украина по пакту Риббентропа–Молотова отошла к СССР, во Львов вступила Красная армия. Вайс смог вернуться в университет и окончить его в 1940 г. Работал преподавателем латыни в Львовском филиале Всесоюзного заочного юридического института. В марте 1941-го был зачислен младшим научным сотрудником в Львовский областной архив, в апреле стал старшим научным сотрудником. 22 июня 1941-го Вайс с начальником Архивного отдела УВД Львовской обл. Фурманом вывез грузовик с архивными документами из города. Вместе с водителем машины добрался до Харькова, где поступил на работу в ЦГИА УССР. Затем – эвакуация в Краснодар, а оттуда, вместе с архивными документами, – в г. Челкар (Казахстан). Представитель НКВД принял у него документы, затем выдал ношенную солдатскую шинель (наступила зима, а у него не было пальто) и отправил в Ташкент. В Архивном отделе НКВД УзССР его направили в архив райцентра Пскент, а год спустя отозвали в Ташкент, где Маврикий Леонович работал научным сотрудником в областном архиве. Впервые я его увидел в 1942-м, он в то время работал в Архивном отделе УВД Ташкентской обл. старшим инспектором. Назначенный в 1943-м начальником Архивного отдела НКВД УзССР старший лейтенант Я.М. Серый перевёл Вайса в Архивный отдел на должность старшего научного сотрудника – председателя экспертно-проверочной комиссии.

В 1959-м приказом министра внутренних дел УзССР Вайса назначили заместителем начальника Архивного отдела. С том же году архивные учреждения были переданы в ведение Совета Министров СССР и республик. Архивный отдел был преобразован в Архивное управление, а затем в Главное архивное управление при Совете Министров Узбекистана. На должности заместителя начальника архивных органов республики Вайс проработал до 1985-го, когда в возрасте 73-х лет вышел на пенсию.

Многие десятилетия Маврикий Леонович занимался экспертизой ценности документов. Без санкции председателя ЭПК Вайса ни одно министерство, ни одно учреждение или предприятие не имели права уничтожить какой-либо документ. Он разработал критерии качества документов, откладывающихся в результате деятельности учреждений, организаций и предприятий. Эта сторона его работы была широко известна в стране, благодаря ему были изданы несколько постановлений Совета Министров СССР и 2 инструкции по делопроизводству.

Вайсу удалось решить важную задачу – возвращение в Узбекистан документов канцелярий хана Хивинского и хана Кокандского. При

завоевании Средней Азии русскими войсками эти документы в конце XIX в. были вывезены в Санкт-Петербург и хранились в ЦГИА СССР в Ленинграде, где их и обнаружил востоковед Иванов из Ташкента. Он опубликовал в одном из исторических журналов СССР большую статью об этих фондах. В 1950-е гг. после многолетней переписки с Главным архивным управлением при СМ СССР, инициатором которой был Вайс, эти документы вернули в Ташкент. Ныне они хранятся в ЦГА Узбекистана.

Вайс добился от правительства республики выделения средств на копирование документов по истории Узбекистана в государственных архивах СССР в Москве, Ленинграде, Оренбурге и других городах. Он также выявил в архивах документы об изобретателях телевидения Грабовском и Белявском в Ташкенте в 1928 г.

После отъезда в Ленинград профессора Валка Маврикий Леонович продолжил работу археографического семинара. Под его руководством научные сотрудники архивных учреждений Узбекистана изучали основные принципы публикаторской работы, что способствовало подготовке и выпуску целого ряда сборников документов. Сам Вайс был составителем, ответственным составителем и редактором многих из них: «Как проходили выборы в Туркестане» (совместно с П.С. Котляром, 1947 г.), «Победа Октябрьской революции в Узбекистане» (тома I и II вышли в 1963 и 1972 гг.),^{1*} «Миссия генерала Столетова в Афганистан», «Грабовский – изобретатель телефота»^{2*} и др.

Помимо архивного дела, Вайс глубоко изучал работы древних философов, читая их на языке подлинника. Он знал много языков: польский, украинский, русский, немецкий, французский, латынь, древнегреческий, идиш, немного – иврит. Он был ходячей энциклопедией, к нему можно было обратиться за консультацией по многим вопросам истории, религии, философии.

В марте 1991 г. я с семьёй репатрировался в Израиль, несколько лет мы переписывались с Маврикием Леоновичем, встретились с ним во время моей короткой командировки в Ташкент в 1995-м. Год спустя Вайс репатрировался в Израиль, мы неоднократно встречались в Ришон ле-Ционе, где он жил. В октябре 1997-го отметили его 85-летие. На следующий день к нему домой приехал поздравить с юбилеем первый посол Узбекистана в Израиле Рустам Исаев. К сожалению

^{1*} Победа Октябрьской революции в Узбекистане: Сборник документов. Т.1: установление советской власти в Узбекистане. / Сост.: Н.Т. Безрукова, М.Л. Вайс (отв. ред.), Г.И. Ветошкина и др. – Ташкент: АН УзССР, 1963. – 659 с.

^{2*} Грабовский Б.П. – изобретатель телефота. Сборник документов. / Сост.: М.Л. Вайс (отв. сост.), П.А. Агафонов. – Ташкент: Узбекистан, 1989. – 198 с.

нию, вскоре Маврикий Леонович тяжело заболел и 15 апреля 1998-го скончался.

Леонид Михайлович Ланда (1921–1971) начал работать в архивных органах Узбекистана в 1943-м, после окончания исторического факультета Среднеазиатского университета. Начал свою работу в ЦГАОР УзССР научным сотрудником, затем был назначен директором. Здесь началась его научная деятельность, вся судьба его была связана с жизнью Узбекистана и изучением его истории. Уже первая публикация Л.М. Ланды в 1947-м в журнале «Вопросы истории» рассказывала о документальных богатствах архивов Узбекистана. За четверть века научно-исследовательской деятельности он опубликовал более 75 различных трудов по проблемам источниковедения, историографии и истории Узбекистана. Работая директором одного из центральных архивов республики, Ланда написал и защитил кандидатскую диссертацию. В 1952–1957 гг. он заведовал отделом Музея истории народов Узбекистана, затем в течение полутора десятка лет был учёным секретарём и старшим научным сотрудником Института истории АН УзССР. С января 1971-го Ланда – заместитель директора по научной части Института истории партии при ЦК КП Узбекистана. Осенью того же года с тяжело больным сердцем он полетел на совещание в Москву вместо захворавшего директора института, вскоре после возвращения скоропостижно скончался.

Вторым моим начальником и научным руководителем был Нафтула (Анатолий) Аронович Халфин (1921–1987). Он родился в Киеве до начала Отечественной войны успел окончить два курса филфака университета. Затем по комсомольской путёвке на открытых железнодорожных платформах сопровождал «стратегические грузы» на Восток. С собой в дорогу он брал учебники, во время поездок имел возможность усиленно заниматься и вскоре завершил высшее филологическое образование в Северо-Осетинском пединституте. Потом переквалифицировался в историка в Томском университете, прослушав специальные курсы по архивному делу. В 1943-м он оказался в Ташкенте и поступил научным сотрудником в ЦГАОР УзССР, где проработал два года (1943–1944). С 1945 г. по 1952 г. Халфин работал в ЦГИА УзССР старшим научным сотрудником, а затем – директором архива. Под его началом я работал до 1952 г. Он был очень хорошим начальником: доброжелательным, либеральным, с юмором.

В ЦГИА УзССР началась научно-исследовательская работа Н.А. Халфина. В 1946-м он защитил кандидатскую диссертацию «Борьба за Памир. 1888–1895 гг. (по архивным данным)». В 1948-м он совместно с З.И. Агафоновой подготовил и издал «Путеводитель по ЦГИА УзССР». Это было первое научное издание, дающее справоч-

ные сведения о хранящихся в архиве документах учреждений, организаций, предприятий и обществ Туркестанского края. Затем он совместно с З.И. Агафоновой подготовил несколько сборников документов из серии «Русские ученые – исследователи Средней Азии» (Серверцев, Федченко).

В конце 1952-го Халфин полностью перешёл на преподавательскую работу в САГУ, где продолжил научно-исследовательскую работу. Он преподавал на восточном и историческом факультетах курс «Новая и новейшая история Востока». Лекции читал интересно и увлечённо, в общении со студентами был демократичным. В Ташкенте он издал три монографии и ряд статей, определившие основные направления его последующей востоковедческой работы. Причем не только сам занимался исследованием проблем востоковедения, но и создал школу историков Средней Азии, Казахстана и сопредельных стран зарубежной Азии, подготовил десятки специалистов – востоковедов и историков.

И я не избежал его влияния: именно Халфин предложил тему, которая стала предметом моих исследований на многие десятилетия. Первоначально это был научный доклад «Начало американской экспансии в Средней Азии в конце XIX и начале XX вв.», получивший первую премию на городском конкурсе студенческих научных работ в 1953 г. (опубликован в «Сборнике студенческих работ САГУ», вып. V). Затем эта тема была развита в дипломной работе «Происки американских империалистов в Средней Азии в конце XIX и начале XX вв.», оцененной на «отлично». Ещё раз наши пути пересеклись в декабре 1964-го, когда он был оппонентом на защите моей кандидатской диссертации в Московском историко-архивном институте. Его выступление на научном совете было глубоким и остроумным: Халфин не только дал анализ научной работы, но и остановился на характеристике меня как исследователя, ибо я вырос на его глазах с должности архивариуса до старшего научного сотрудника.

В последующие годы мои статьи, развивающие тему, предложенную Н.А. Халфиным, были опубликованы во всесоюзных и республиканских журналах. В 1987-м опубликовал монографию «Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (в конце XIX – начале XX вв.)».

С 1956 г. по 1987 г. Н.А. Халфин работал в Институте востоковедения АН СССР сначала научным сотрудником, руководителем группы по изучению Средней Азии, а с 1971-го до конца жизни он в течение пятнадцати лет был заведующим сектором новой и новейшей истории отдела истории культурных связей Советского Востока с зарубежным Востоком Института Востоковедения СССР. В 1962-м он был

одним из первых научных работников Института Востоковедения, защитившим докторскую диссертацию. За годы научно-исследовательской деятельности он издал 20 книг и 150 научных работ. В 1987-м он скончался после продолжительной болезни.

В 1943 г. после окончания истфака САГУ в Архивный отдел МВД УзССР пришёл П.С. Котляр. Он был принят старшим инспектором (научным сотрудником) отдела использования, в архивном отделе проработал около десяти лет. За это время опубликовал несколько научных работ и защитил диссертацию на соискание учёного звания кандидата исторических наук. В 1952-м Петр Семенович перешёл на преподавательскую работу в Ташкентский педагогический институт, где читал лекции по новой и новейшей истории и вёл научно-исследовательскую работу. Скончался в 1991-м.

В 1944 г. в Архивный отдел УВД Ташкентской обл. был принят раненый партизан, уроженец Белоруссии Абрам (Александр) Израилевич Зевелёв. До войны он поступил учиться в Московский историко-философский институт, в начале боевых действий его направили в отряд особого назначения, который воевал в тылу у врага, в Брянских лесах. В одном из боёв он был тяжело ранен, перенёс ряд операций, под огнём врагов вместе с другими ранеными партизанами его вывезли на Большую Землю. Затем попал в госпиталь в Ташкенте, где с семьёй жила его родная сестра. В перерыве между операциями продолжил учёбу на истфаке Среднеазиатского госуниверситета. В конце 1944 – начале 1945 гг. Зевелёв сдал государственные экзамены и защитил дипломную работу по истории партизанского движения.

Трудовую деятельность в архивных органах начал со старшего научного сотрудника Ташкентского областного госархива, затем был назначен начальником Архивного отдела УВД Ташкентской обл. Одновременно был зачислен в аспирантуру САГУ. В 1947-м в возрасте 26 лет А.И. Зевелёв защитил кандидатскую диссертацию, освещающую деятельность в Туркестане Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, Туркбюро ЦК РКП(б).

Вскоре он перешёл на преподавательскую работу в САГУ, которая сочеталась с научно-исследовательской. Многие годы Зевелёв посвятил изучению истории гражданской войны в Средней Азии. Его монография «Из истории гражданской войны в Узбекистане» послужила основой докторской диссертации, которую он защитил в 1959 г. на учёном совете истфака МГУ. В Узбекистане Абрам Израилевич создал целую школу учёных. Под его руководством десятки историков защитили кандидатские и докторские диссертации. В САГУ А.И. Зевелёв работал до середины 1950-х гг., а затем долгие годы, вплоть до 1967-го, работал завкафедрой истории в Ташкентском институте железно-

дорожного транспорта. В 1967-м Зевелёв с семьёй переехал в Москву, где был назначен зав. кафедрой истории партии Московского института иностранных языков. Там же ему присвоили звание профессора.

В начале 1970-х он перешёл на работу профессором в Московский государственный историко-архивный институт. В январе 1985 г. Президиум ВС УзССР присвоил профессору Московского историко-архивного института А.И. Зевелёву почётное звание «Заслуженный деятель науки УзССР» – «за большие заслуги в развитии историко-партийной науки, подготовке высококвалифицированных кадров». Когда бывал в Москве в те годы, обязательно встречался с Абрамом Израилевичем. В 1990 гг. Зевелёва избрали академиком Российской Академии естественных наук по секции «общественные науки». В апреле 2004 г. он ушел из жизни.

В годы Отечественной войны в архивных учреждениях Узбекистана работало много эвакуированных евреев, которых помню по фамилиям, но их дальнейшую судьбу не знаю. Иосиф Окс (брат П.С. Котляра) работал архивариусом в ЦГАОР примерно до 1948-го; в 1941–1944 гг. в архивах республики работали А.О. Шпигель, Э.Л. Нитобург, Гербер, Розенфельд. Знаю, что Гербер, эвакуированный из Польши, вернулся туда в 1946-м, там стал доктором истории, преподавал в Варшаве, а затем в Лондоне. Эдуард Львович Нитобург после окончания войны вернулся из эвакуации в Москву, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Работал старшим научным сотрудником, а затем завсектором в Институте США и Канады, он – автор нескольких монографий.

В середине 1950-х «еврейская синагога» в архивных органах Узбекистана распалась. Большинство евреев – руководителей архивных учреждений, защитив кандидатские диссертации, перешли на педагогическую и научно-исследовательскую работу в вузы и научные институты. В последующие годы в архивах Узбекистана работали лишь считанные евреи.

Один из них – Борис Лазаревич Оронюк (1926–1990). До войны он жил в Одессе, в 1941-м был эвакуирован с родителями сначала в Ростов-на-Дону, затем с заводом «Ростсельмаш» в Ташкент, где работал в 1942–1943 гг. В 1943-м добровольцем ушёл на фронт, воевал с нацистами до конца Второй мировой войны. В Ташкент вернулся в 1946-м, окончил экстерном 9 и 10 классы средней школы, в 1950-м – исторический факультет Ташкентского пединститута, в 1953-м – Ташкентский юридический институт. В Архивном отделе МВД УзССР работал с 1950 г. по 1960-е г. старшим научным сотрудником, затем – начальником научно-издательского отдела. Опубликовал ряд статей по истории развития архивного дела в Узбекистане. В 1960-м

Оронюк перешёл на педагогическую работу в Ташкентский институт народного хозяйства, где в течение тридцати лет прошёл путь от преподавателя до профессора, завкафедрой истории народного хозяйства и экономических учений. В 1964-м защитил кандидатскую, в 1980-м – докторскую диссертацию. Б.Л. Оронюк опубликовал три монографии, несколько брошюр и более 40 научных статей, материалы которых широко использовались во многих трудах учёных – историков и экономистов. В институте у него была большая группа аспирантов. Скончался в 1990 г.

Трудно переоценить деятельность по сохранению документов и постановке научно-справочной работы госархивов Узбекистана, которую вели Илья Маневич, Давид Иоффе, М.П. Грайфер (отдел фотофонокинодокументов), М. Балаховский. Особо следует отметить работу заведующей библиотекой ЦГА УзССР Розы Борисовны Новиковой, усилиями которой было создано уникальное собрание изданий, содержащее редчайшие книги по истории Узбекистана, журналы и газеты, выходившие с 80-х гг. XIX в. по 90-е гг. XX в.

К сожалению, от той архивной «еврейской синагоги» в живых почти никого не осталось. Ныне, пожалуй, только я могу восстановить некоторые страницы биографий целой плеяды замечательных историков-архивистов. Что и постарался сделать...

1. Вексельман Макс Исакович родился в 1931 г. в Умянском р-не в Украине. В июле 1941 г. эвакуировался с семьей в Ташкент. В 1945 г. будучи учащимся 8 класса, поступил на работу в ЦГА Октябрьской революции. В 1948 г. после окончания средней школы поступил на исторический факультет САГУ, учился и работал одновременно. После окончания истфака в 1954 г. зачислен научным сотрудником ЦГИА в Узбекистане. Изучал историю Бухарского и Хивинского ханства с конца XIX в. до начала XX в. В статье «Путешествия из Оренбурга до Бухары» описал территорию Туркестана, привел сведения о торговых и культурных отношениях Бухары. Проводил научные исследования по темам «О деятельности большевиков в Туркестанском крае 1917–1918 гг.», «О развитии политических и торговых отношений в Средней Азии». В 1955 г. подготовил очерк «Происки англо-американских империалистов в Средней Азии в конце XIX – начале XX вв.», принял участие в работе над сборником «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казакстане». В 1961 г. поступил в аспирантуру МГИАИ по специальности «Источниковедение истории СССР». В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Документальные источники по истории установления Советской власти в Узбекистане». После окончания аспирантуры до 1965 г. работал в ЦГА Уз. В 1965–1991 гг. – доцент на кафедре истории в ТашГУ. Совместно с профессором Соколовым А.Я., Тошмухаммедовым А.И., Вайсом М.Л и другими архивистами принимал участие в подготовке сборника документов «Экономическое положение Бухары и Хивы в конце XIX – начале XX вв.». Перед отъездом в Израиль в 1991 г. передал свой личный фонд в ЦГА РУз. В 1992 г. документы были подвергнуты научно-технической обработке, составлена опись в количестве 183 дел. Систематизация научных материалов произведена

по хронологическому принципу. Количество переданных микрофильмов из документальных материалов составляет 10 ед., брошюры за 1906–1922 гг. в количестве 3 ед. переданы научно-справочной библиотеке ЦГА РУз.

Бирнбаум Й.

Вклад российских евреев в архивоведение^{1*} Узбекистана и Средней Азии (1941–1991 гг.)

Развитие архивного дела в Средней Азии – это еще одна область, в которую евреи России внесли огромный и неоценимый вклад. Статья Макса Вексельмана «Архивная «еврейская синагога» раскрывает перед нами мир среднеазиатского архивоведения в годы его становления, когда ряды местных архивистов пополнились новыми еврейскими именами. Автор охватывает довольно обширный период времени от начала Отечественной войны и до провозглашения независимой Республики Узбекистан. Однако большинство еврейских сотрудников архивов Узбекистана, с «легкой» руки НКВД названных «еврейской синагогой», уже в середине 1950 гг. оставили архивоведческую работу и занялись педагогической и научно-исследовательской деятельностью. В дальнейшем лишь немногие из учёных-архивистов «синагоги» продолжили работать в архивах Средней Азии.

В этом коротком докладе мне хочется рассказать о нескольких историках-архивистах, которые внесли особый вклад в развитие в архивное дело Узбекистана и Средней Азии.

Архивоведение в Средней Азии – историческая справка

Первые государства на территории Узбекистана существовали уже в VII–VIII вв. до нашей эры, когда были основаны Хорезм, Согдиана и Бактрия. На территории Хорезма найдены документы, написанные на дереве и коже на древнехорезмийском языке в III в. н. э.

Архивы Средней Азии существовали в эпоху раннего Средневековья. Найдены документы, относящиеся к VIII в. содержащие, в частности, данные о борьбе народов Средней Азии с арабами, о хозяйстве Согдианы, о сборе налогов, о системе госуправления. В наше время область Согдианы разделена между Узбекистаном (г. Самарканд) и Таджикистаном.

Согласно мнению многих востоковедов, от XIII в. до середины XIX в. в Средней Азии и на Мусульманском Востоке государственных архивов не было. Сохранились некоторые ханские и эмирские указы, однако казенных архивов и складов бумаг не существовало.

После завоевания Средней Азии Россией территории бывших здесь Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств вошли в

^{1*} Публикуется по http://rehes.org/rus_iud/rus_iud.

состав Российской империи. В 1867 г. было создано Туркестанское генерал-губернаторство. Государственных архивов в Туркестане не было, документы хранились при учреждениях, архивы которых характеризовались слабой организованностью. Работу исследователей затрудняли уничтожение старых ценных документов, ведомственная разобщённость и недоступность материалов.

В советский период в России была учреждена новая архивная система. В 1919 г. было создано Центральное управление архивным делом (далее – Цуардел) Туркестана, которое вошло в систему Наркомата просвещения, затем в ведение ЦИК Туркестана. После национально-государственного размежевания Средней Азии архивные фонды были переданы архивным органам различных республик.

В начале 1930-х гг. на базе Цуардела было основано Центральное Архивное управление (ЦАУ) и начали создаваться центральные госархивы: Центральный Государственный Исторический Архив (ЦГИА) Узбекистана, хранивший документы до 1917 г. и Центральный Государственный Архив Октябрьской революции (ЦГАОР). В 1938 г. архивы были переданы в ведение Наркомата внутренних дел (далее – НКВД) и в 1940 г. был создан Архивный отдел НКВД (с 1946 г. – МВД) УзССР.

В 1959 г. архивные органы передаются в ведение Совета Министров СССР и республик. С начала 1960-х гг. создается Архивное (позднее Главное архивное) управление при Совмине Узбекистана. Во 2-й половине XX в. было организовано издание сборников архивных документов, которые в содержательном плане, к сожалению, не освещали все реалии советской действительности.

В 1991 г. была провозглашена государственная независимость Узбекистана. Республика приняла закон «Об архивах» и в соответствии с ним была учреждена сеть государственных архивов.

Российские евреи учёные-архивисты Узбекистана

Маврикий Леонович Вайс (1912–1998). С 1942 г. работал в областном архиве Ташкента; с 1959 г. по 1985 г. – заместитель начальника Архивного отдела НКВД УзССР, который позднее был преобразован в Главное архивное управление при Совмине Узбекистана.

Нафтула (Анатолий) Аронович Халфин (1921–1987). С 1945 г. по 1952 г. работал в ЦГИА УзССР старшим научным сотрудником, директором архива. В конце 1952 г. перешёл на преподавательскую работу в САГУ.

Абрам (Александр) Израилевич Зевелёв (1921–2004). С 1944 г. по 1967 г. старший научный сотрудник Ташкентского облгосархива. С 1948 г. перешёл на преподавательскую работу в САГУ. В начале

1970-х гг. – профессор Московского государственного историко-архивного института.

Пётр Семенович Котляр (–1991). С 1943 г. старший инспектор отдела использования архивного отдела МВД УзССР, в 1952 г. перешёл на преподавательскую работу в Ташкентский педагогический институт.

Леонид Михайлович Ланда (1921–1951). С 1943 г. – научный сотрудник, затем директор ЦГАОР УзССР. В 1952–1957 гг. заведовал отделом Музея народов Узбекистана.

Яков Менахемович Серый. С 1943 г. начальник Архивного отдела НКВД УзССР.

Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975). Советский историк, археограф, архивист, библиограф, доктор исторических наук (1936), профессор (1946). В 1941–1944 гг.^{1*} работал внештатным научным сотрудником Архивного отдела НКВД УзССР. Вел занятия по археографии с научными сотрудниками архивов Узбекистана; впоследствии началась работа по изданию документальных сборников.

Макс Исакович Вексельман (р. в 1931). В течение 20-ти лет (1945–1965) работал научным сотрудником в государственных архивах Узбекистана. С 1972 г. по 1990 г. был членом научного совета Главного архивного управления (ГАУ) Узбекистана. С 1991 г. работал историком-исследователем в Израиле в Университете им. Бен-Гуриона в Негеве.

Борис Лазаревич Оронюк (1926–1990). С 1950 г. по 1960 г. работал в Архивном отделе МВД УзССР старшим научным сотрудником, начальником научно-издательского отдела. В 1960-м г. перешёл на педагогическую работу в Ташкентский институт народного хозяйства.

М. Вексельман упоминает в статье о своих коллегах Иосифе Оксе, А.О. Шпигеле, Э.Л. Нитобурге и других архивистах, работавших в Узбекистане, однако в статье приводится немного подробностей об их работе и о дальнейшей судьбе.

М. Вайс. Родился в г. Львове в религиозной еврейской семье. Его отец погиб во время службы в австрийской армии. Маврикий учился в хедере и дома у раввина, который обучал его языку иврит и Танаху. После окончания еврейской школы и гимназии поступил на филологический факультет Львовского университета. Учёба была прервана вследствие антисемитских акций, устраиваемых фашистски настроенными студентами. Университет Вайс окончил в 1940 г., после оккупации Львова Красной армией.

^{1*} По другим сведениям в 1943–1944 гг. преподавал в Историко-архивном институте в Москве. С 1944 г. возобновил преподавание на историческом факультете Ленинградского университета.

Работал научным сотрудником архива Львовской обл., в эвакуации которого он принял участие в начале Отечественной войны. Сменив ряд архивов, стал научным сотрудником Ташкентского областного архива. Позднее его перевели в Архивный отдел НКВД УзССР, где работал старшим научным сотрудником, с 1959 г. занимал должность зам. начальника отдела. В 1985 г. вышел на пенсию.

Вайс разработал критерии качества документов, на основании которых были изданы соответствующие постановления Совмина СССР. Он добился перевода документов Хивинского и Кокандского ханов из Ленинградского ЦГИА в Ташкент. После отъезда в Ленинград профессора Валка проводил археографический семинар, обеспечивший возможность публикации документов. Вместе с П.С. Котляром был составителем и редактором сборника «Как проходили выборы в Туркменистане» (1947 г.), редактором сборника «Грабовский – изобретатель телефота» и других изданий.

С 1996 г. Вайс жил в Израиле.

Н. Халфин. Родился в Киеве. Во время Отечественной войны, сопровождая стратегические грузы на Восток, сумел завершить высшее филологическое образование в Северо-Осетинском пединституте. Позднее прослушал специальные курсы по архивному делу в Томском университете. В 1943–1944 гг. работал научным сотрудником в ЦГАОР в Ташкенте. С 1945 г. по 1952 г. – старший научный сотрудник ЦГИА УзССР, затем – директор архива. В 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию «Борьба за Памир. 1888–1895 гг. (по архивным данным)». В 1948 г. совместно с З.И. Агафоновой издал «Путеводитель по ЦГИА УзССР» – первое научное издание, дающее справочные сведения о документах архива. В соавторстве с Агафоновой издал несколько сборников документов «Русские ученые – исследователи Средней Азии».

В конце 1952-го перешёл на преподавательскую работу в САГУ, где продолжил научно-исследовательскую работу. Преподавал на восточном и историческом факультетах курс «Новая и новейшая история Востока». Создал школу историков Средней Азии, Казахстана и пограничных стран Азии, подготовил десятки специалистов востоковедов и историков. С 1956 г. по 1987 г. работал научным сотрудником в Институте востоковедения АН СССР, был руководителем группы по изучению Средней Азии, а с 1971-го заведующим сектором новой и новейшей истории отдела истории культурных связей Советского Востока с зарубежным Востоком. В 1962-м защитил докторскую диссертацию. Автор более 150 научных публикаций, включая 20 монографий.

А.И. Зевелёв. Родился в пос. Дрибин Могилёвской обл. Белоруссии. В начале Отечественной войны был направлен в отряд особого назначения и воевал в тылу у врага. Был тяжело ранен и вывезен в госпиталь в Ташкенте. В 1945 г. окончил исторический факультет САГУ.

С 1945 г. старший научный сотрудник Ташкентского областного госархива, директор Архивного отдела УВД Ташкентской обл. В 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию. Годом позже перешёл на преподавательскую работу в САГУ, которая сочеталась с научно-исследовательской. В 1959 г. защитил докторскую диссертацию на основании монографии «Из истории гражданской войны в Узбекистане». Создал школу учёных в Узбекистане: под его руководством многие историки защитили кандидатские и докторские диссертации.

С 1967 г. в Москве. Профессор Московского института иностранных языков, Московского историко-архивного института, «Заслуженный деятель науки УзССР». В 1990-е гг. избран академиком Российской Академии естественных наук.

М. Вексельман. Родился в Уманском р-не Черкасской обл. Украины. Его семья была эвакуирована в Ташкент в начале Отечественной войны. В 1945 г., будучи учеником 8-го класса, Макс поступил на работу в ЦГАОР УзССР.

В 1954 г. окончил исторический факультет САГУ, был зачислен научным сотрудником ЦГИА Узбекистана. В 1963 г. в Московском историко-архивном институте защитил кандидатскую диссертацию на тему «Документальные источники по истории установления Советской власти в Узбекистане». До 1965 г. работал научным сотрудником в ЦГА Узбекистана. В 1965–1991 гг. преподавал на кафедре истории в Ташкентском государственном университете (бывшем САГУ). С 1972 г. по 1990 г. состоял членом научного совета ГАУ Узбекистана.

Вексельман – автор более 60 научных работ, связанных с историей Средней Азии, в т. ч. с историей евреев в Узбекистане.

С 1991 г. живет в Израиле. Работал историком-исследователем в Университете им. Бен-Гуриона в Негеве. Опубликовал ряд очерков по истории еврейских театров в СССР.

1. Макс Вексельман. Архивная «еврейская синагога»

<http://www.isrageo.com/2014/06/29/arhivevrsinagoga/>

2. Валерий Иофе. Архивоведение, <https://www.proza.ru/2013/07/25/596>

3. Валерий Иофе. История архивного дела в Средней Азии, Узбекистане и основные архивы современного Узбекистана, <https://www.proza.ru/2013/07/25/622>

4. Халфин, Нафтула Аронович,

https://ru.wikipedia.org/wiki/Халфин,_Нафтула_Аронович

5. Валк, Сигизмунд Натанович,

https://ru.wikipedia.org/wiki/Валк,_Сигизмунд_Натанович

6. Зевелёв Абрам Израилевич, <http://eurasian-defence.ru/?q=node/16931>

7. Макс Вексельман, <http://7iskusstv.com/Avtory/Vekselman.php>

8. Научная деятельность наставника ЦГА РУз М.И. Вексельмана, 2015, http://mda.uz/index.php?option=com_k2&view=item&id=69:научная-деятельность-наставника-цга-руз-мивексельмана-из-личного-фонда-цга-руз

Серовайская Ю.Я.

Стихи Л.С. Фришман об эвакуации в эвакуации

Эвакуация – это повесть о необычайной человеческой стойкости...История массового героизма... Подвиг народа! У этих слов нет конкретного автора. Они в сознании каждого, отдающего дань памяти своим матерям, отцам, бабушкам, дедушкам и прадедам, самоотверженно трудившимся в Великую Отечественную войну.

Нам не нужны были уговоры.
Патриотизм, уйдя из пышных фраз,
В военную задымленную пору
Стал сутью жизни каждого из нас.

(Лия Фришман)

В устных докладах на научно-практических конференциях, посвящённых эвакуации и беженцам в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., и в своих публикациях в сборнике «История. Память. Люди» я придерживаюсь принципа преемственности. Так, доклад на VIII Международной научно-практической конференции (16 сентября 2016 г., г. Алматы) – «Дневник Лии Фришман: Первые дни и месяцы войны. Москва, 21 июня – 11 октября 1941 г. Эвакуация неизбежна...», заканчивался тем, как эвакуировались из Москвы моя мама Лия Фришман и её родители – Фейга Моисеевна и Семён Лазаревич – мои бабушка и дедушка [1]. Это событие, резко изменившее всё, является отправным моментом нового доклада. Его главной целью считаю воссоздание периода жизни моей мамы – Лии Семёновны Фришман (1921–2010) в эвакуации, причём через посредство её собственных стихов, написанных в те суровые годы. А судьбы эвакуированных людей, также как и судьбы беженцев, истории их жизней, находятся в центре внимания наших конференций.

Попытаемся кратко описать всё произошедшее до её эвакуации из Москвы, а также обратимся к тому времени и отчасти представим себе масштабы эвакуации в стране. В июне 1941 г. Лия Фришман – двадцатилетняя жизнерадостная девушка, москвичка, студентка 2-го курса Восточного отделения исторического факультета Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова успешно, на одни пятёрки, сдавала летнюю зачётно-экзаменационную сессию. Впереди – столько всяческих планов, надежд... Но тут разразилась война... В связи с начавшейся войной Московский университет был

эвакуирован в Ашхабад [2]. Большинство преподавателей и студентов МГУ эвакуировались вместе с университетом. А Лия приняла другое решение: осталась в Москве с родителями и пошла работать на Первый московский часовой завод, где трудилась её мама. Завод уже стал военным, номерным (№834), выпускал теперь часовые механизмы для танков и самолётов и находился в ведении Наркомата миномётного вооружения.

Это было осенью страшного и героического 1941 г.:

«Сентябрь 1941 года»

«В разгаре сентябрь сорок первого года,

С деревьев бесшумно спадает листва.

Вместе со всем советским народом

В военную осень вступила Москва»

(сентябрь 1941 г., Москва)

Немецко-фашистские захватчики неудержимо рвались к Москве. Шли ожесточённые бои. Как известно, 30 сентября 1941 г. начался оборонительный этап битвы за Москву. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, как никто знавший, какой ценой досталась Победа, считал самым трагическим периодом Великой Отечественной войны битву за Москву [3]. Красная армия несла огромные потери. Потом, через десятилетия и десятилетия, военные ведомства, историки, поисковики-энтузиасты (в настоящее время существует Общероссийская поисковая организация) выяснят и установят, что в кровопролитных боях под Москвой погибли 1 млн. 600 тыс. советских граждан – воинов Красной армии и мирных жителей – защитников столицы из Московского народного ополчения. Об этих днях Лия сделала такую запись в своём «Дневнике»: «Враг на подступах к Москве, он совсем близко. Город объявлен на осадном положении. Обстановка чрезвычайно напряжённая... Ежедневно из Москвы уезжают в глубокий тыл десятки фабрик, заводов, учреждений и вузов...».

В этой трагической обстановке принятие решения об эвакуации из Москвы вузов, учреждений, предприятий, заводов и фабрик было неизбежным. По всей стране эвакуация приобрела невиданные масштабы. Я не ссылаюсь на источники сведений по нижеследующим данным, которые могут быть не достаточно точными и варьируют в разных изданиях, но, тем не менее, дают представление о происшедшем. Так, из Европейской части СССР на восток страны были эвакуированы 2600 заводов и фабрик (есть данные о значительно большем их количестве) и 2,5 млн. голов скота. За первый год войны на восток было перемещено, по одним данным, – 7,5 млн. чел., а по другим, с июня по декабрь 1941 г. – 12 млн. чел., за весь период войны – 25 млн. чел. Для такого перемещения понадобилось полтора миллио-

на вагонов. Эти данные, если даже они не полные, показывают, что эвакуация была вынужденной грандиозной эпопеей, и ничего подобного никогда не было в истории человечества.

В контексте описываемых событий в стране вернусь к эвакуации моей мамы. Во второй половине ноября 1941 г. (число мне не известно) военный номерной завод (№834) также эвакуировался на восток, на Урал. И эшелонированный железнодорожный состав завода, в товарных вагонах которого везли станки, оборудование, людей – ИТР, рабочих и их семьи, взял тогда курс по направлению к Челябинску, по значимости называемому в войну «Танкоградом».

Думаю, что с момента отправления этого поезда с перрона московского вокзала, следует вести отсчёт дням и месяцам пребывания моей мамы в эвакуации, точно также как и для всех других эвакуированных и беженцев. Ведь вынужденная смена места жительства из-за войны в результате оккупации немецко-фашистскими войсками большей части Европейской территории Советского Союза, была потрясением для каждого конкретного человека, утратой своего родного дома и, часто, потерей родных и близких, и даже не приходится говорить о предстоящей смене профессии и образа жизни. А ещё это были месяцы жизни в товарных вагонах в нечеловеческих условиях. Эшелоны на восток двигались медленно, в лучшем случае, от 20-ти до 30-ти суток. Поэтому период пребывания моей мамы в эвакуации я веду не от прибытия на место назначения, а от середины ноября 1941 г. и до начала октября 1943 г., когда она тоже в товарном вагоне вернулась в Москву для продолжения учёбы.

После почти месяца пути их эшелон прибыл в г. Златоуст Челябинской обл. Здесь москвичам предстояло поставить военный завод, продукция которого предназначалась фронту. В Златоусте вся семья Фришман трудилась на заводе №834. Фейга Моисеевна и Семён Лазаревич в сборочном цехе, а Лия – на контрольно-испытательной станции (КИС).

Дальнейшую судьбу моих близких в эвакуации в г. Златоусте я собираюсь поведать с помощью стихов мамы. Поэтому она становится фактическим соавтором излагаемого ниже материала. Поэтическое творчество всегда являлось второй музой Л.С. Фришман (первой музой была муза истории – Клио) [4]. Вот и в годы эвакуации Лия, сочинявшая стихи со школьных лет, написала 10 стихотворений, содержание которых заслуживает особого внимания. Все они имеют «говорящие» заглавия, не требующие пояснения, каждое стихотворение – дату сочинения (месяц и год), проставленную автором.

Цикл стихов, написанных в г. Златоусте, Л.С. Фришман опубликовала десятилетия спустя, в 1990-е гг., в своих поэтических сборниках,

изданных в г. Алма-Ате. Приведу заглавия этих стихотворений, следуя хронологии их написания: «Эвакуация» (ноябрь 1941 г.), «Кисочки» (декабрь 1941 г.), «Встреча Нового года» (31 декабря 1941 г.), «Вечная память» (март 1942 г.), «Стихи» (1942 г.), «Завод в театре» (май 1942 г.), «Чёрный день октября» (октябрь 1942 г.), «Бездомные» (декабрь 1942 г.), «Кросс» (февраль 1943 г.), «Ответ из Кремля» (сентябрь 1943 г.). Вместе взятые стихотворения представляют собой повесть о жизни Лии в эвакуации. Полагая, что они, как и всё поэтическое творчество Лии Семёновны, заслуживают рассмотрения специалистов, я не анализирую здесь особенности её стихосложения. Гораздо важнее другое: эти стихи, идущие от сердца и ума, искренние, отражают реальную жизнь, прожитую и пережитую их автором. Они по духу, настрою и содержанию сродни бессмертным песням Великой Отечественной войны таким, как «22 июня...», «Тёмная ночь», и даже – «Священная война»... Песни Великой Отечественной войны выражали чувства миллионов советских людей, создавали ощущение единства, объединяли, вдохновляли, помогали выжить, сохранять надежду и победить. В унисон с ними писала стихи в эвакуации Лия Фришман.

Стихи этого цикла открывает стихотворение «Эвакуация» [5, с.11–13]. В нём подробно описывается, как Лия и её родители в товарном вагоне эшелона вместе со всеми заводчанами добирались до места назначения, и что они видели и испытали по пути следования. Стихотворение «Эвакуация» необходимо привести полностью, потому что это не только личная история эвакуации. Сотни тысяч советских граждан испытали, пережили подобные превратности: бомбёжки, раненые и убитые люди, дымящиеся платформы, разрушенные вокзалы. Это история вынужденного переселения женщин, стариков, детей на восток страны.

Эвакуация

Казалось,
 не будет конца пути
От Москвы
 до Урала.
Эшелон
 то пулей летит,
То тащится
 скоростью малой,
То сутками
 ждёт упорно
Зелёный свет
 светофора...

Дошчатые нары
 в два этажа
По сторонам
 от дверей.
В центре – буржуйка;
 тени дрожат
От её
 желтоватых огней.
Здесь в тесноте
 небывалой
Сгрудились
 старый и малый.
В поезде этом
 мужчин немного:
С бронью спецы,
 ИТР.
Ведь миллионам –
 к фронту дорога,
Курс их
 на запад теперь.
Вот и придётся,
 лишь кончат исход,
Женщинам ставить
 военный завод.
На плечи женщин
 взвалила война
Очень тяжёлую
 ношу.
Выдюжат!
 лишь бы вернуть назад
Дни той жизни
 хорошей!
Лишь бы разбить
оголтелую рать!
Лишь бы солдаты
смогли устоять!
Поезд увозит людей
 на Восток.
Война идёт
 по пятам:
Бомбят эшелон
 у въезда в Ростов,
В Ярославле
 разрушен храм,

Дымятся платформы
и шпалы,
И чёрные стены
вокзала.
И впереди
прошедший состав
Лежит –
вагоны разбиты.
Детей и женщин
в нём более ста
Раненых
и убитых.
Будь проклят,
Гитлер, навеки,
Зверь –
в образе человека!
... И снова
стоянки и тупики,
Путь закрыт –
не пройдёшь.
Уже на исходе
эвакопайки.
Людей одолела
вошь.
Мечутся
дети на нарах
Военного
жертвы пожара.
За Вяткой уже
затемнения нет.
И поезд пошёл резвей.
Чаще как будто
сменяет рассвет
Темень
военных ночей.
В дали –
закопчённые густо
Предгорья у Златоуста.

В нашем семейном архиве сохранилась «Справка из отдела кадров завода №834» о том, что 2 января 1941 г. Лию Фришман назначили старшим контролёром контрольно-испытательной станции (КИС). У неё была ответственная работа: она проверяла и испытывала приборы для танков и самолётов, после чего продукция завода сразу шла на

фронт. Девушек, работавших на контрольно-испытательной станции, на заводе шутливо называли «кисочки». Стихотворение «Кисочки» о них – девочках и девушках, труженицах контрольно-испытательной станции завода [5, с.14].

Кисочки

Контрольно-испытательная станция,
А сокращенно – КИС.
Военпреды от авиации
Здесь держат открытый лист.
 Здесь танковых войск представители
 Стоят над душой у девчат,
 Но в этой «священной обители»
 «Кисочки» только царят.

Девчонки в платяницах куцых
Дают здесь своё «добро»
Всей заводской продукции,
Ныне идущей на фронт.
 Каждый миг в переделке,
 Каждый взгляд на счету.
 Хронометров быстрые стрелки,
 Не уставая бегут.

И «кисочки» (прочь, усталость!)
Мчатся за ними вдогон,
Чтоб брака самую малость
Суметь обнаружить – и вон!
Чтобы в сраженьях жестоких
Осечки не ведал солдат,
Трудится здесь без упрёка
Бригада хороших девчат.

В стихотворение «Встреча Нового года» Лия описала встречу 1942 – в непривычных для семья Фришман условиях [6, с.9–10]:

Только в комнате у нас
Необычно в этот раз:
Шифоньер, комод, буфет
Образуют два купе.
Справа – местная семья.
Слева – мама, папа, я.
Вещи грудой – не пройти,
Словно мы ещё в пути.

Встреча была грустной, с болью и тревогой в сердцах за судьбы родных и близких, сражающихся на фронтах Великой Отечественной войны, но и с надеждой на Победу.

Вот с картошкой шанежки –
Напекла хозяйюшка.
И с черёмухой блины
Удивительно вкусны.
Только настроение
Не под стать веселью.
Грустны мамины глаза,
В них неспражнична слеза.
Было извещение –
Брат пропал под Ельней.
И хозяйка тужит –
Писем нет от мужа.
Под Смоленском воевал.
Может ранен, в плен попал?
Всем тревогам в унисон
Маётся «Землянки» стон.
В этот миг по всей стране
Тост один – война войне!
Пусть грядущий Новый год
Нам Победу принесёт!

И это был последний, как оказалось, Новый год, который Лия встречала вместе с мамой и папой. В марте 1942 г. скончался горячо любимый ею отец – Семён Лазаревич Фришман. Его могли спасти всего несколько флаконов пенициллина, но в г. Златоусте во время войны приобрести этот новый тогда препарат было невозможно. Семён Лазаревич ушёл из жизни в возрасте 50-ти лет и был похоронен на Соколиной горе в г. Златоусте. Отцу Лия посвятила стихотворение «Вечная память» [5, с.16–18]. В нём отразилась вся жизнь Семёна Лазаревича. По рассказам мамы знаю, что родился он в Польше в г. Щерцов, был участником Первой мировой войны, получил ранение под г. Пинском и остался на всю жизнь инвалидом. Первокласный портной – он работал в существовавшей тогда в Москве Швейной артели инвалидов Первой мировой войны, организованной при поддержке американского еврейского распределительного комитета «Джойнт». Семён Лазаревич был разносторонним человеком: писал стихи, интересовался политикой и ежедневно буквально штудировал все доступные ему газеты, любил оперу. И Лия с малых лет ходила с ним в Большой театр на оперные спектакли. Когда началась вторая для него война – Великая Отечественная война, вступил в Московское народное ополчение, потом – эвакуация, непосильный труд на заводе...

Вечная память

Семён Лазаревич Фришман.
Хочу, чтоб прямые потомки
(Для них это будет не лишним)
Запомнили имя негромкое.
Пушкой это светлое имя
Любимого мною отца
Запомнят и люди другие
Я шлю к ним стихами гонца.

.....
Родился он в панской Польше
В исконно еврейской семье
И с детства усвоил, что горше
Нет жизни на этой земле.
Не помнил часов беззаботных
С безусых мальчишеских лет.
Работа, работа, работа,
Лишь очи увидели свет.
«У сына ума палата» –
Твердили родителям люди.
«Семёну учиться надо
И в жизни полегче будет».
И по рассуждению здравом,
В способности сына веря,
Добились родители права
Открыть в гимназию двери.
Учился Семён на радость,
С медалью гимназию кончил.
И не был домашним в тягость:
Днём – книги, работа – ночью.
Но тут возле Вислы и Буга
Война разорвала стропы,
И жизнь соскочила с круга
В кровавую грязь окопов.
Ранение было под Пинском
И сумраки госпиталей,
Пока не остановился
Состав у московских путей.
С тех пор поселился в России.
Семейное счастье обрёл.
А в Польше остались родные,
Фашистский их ждал произвол.
Всё это узнала от папы
Я возле кровати больничной,
Когда угасали по капле

Последние дни его жизни.
Самой же мне было известно
Большое к нему уваженье
За труд безупречно честный,
За широту суждений.
За добрые людям советы,
И часто звучали слова:
«Вы знаете нашего мэтра?
Фришман Семён – голова!».
Он чтит театральные действия.
В Большом завсегдаем слыл
И с самого раннего детства
Меня на спектакли водил.
Конечно, он не был поэтом,
Но стихотворенья слагал.
И строки сердечные эти
Маме и мне посвящал.
В последнее мирное лето
Я помню отца удручённым.
Он видел дурные приметы
В разгуле опричников чёрных.
Грянула бойня вторая
В веке двадцатом, и он,
Груз нездоровья скрывая,
Вступил в трудовой батальон.
Работал без сна и без срока
Уже безнадежно больной.
Вдали от родного порога
Он пал, как солдат боевой.
«Себя береги и маму», –
Последние эти слова
Я слышала в зыбком тумане,
А после – бездонный провал.
Теперь на горе Соколиной
Останется он навсегда.
И будет над тихой могилой
Сиять днём и ночью звезда.
Чтоб всё это память хранила
Кошу я забвенья траву.
И если судьба даст мне сына,
Семёном его назову.

Своего сына, родившегося в 1954 г., Лия Семёновна назвала Семёном.^{1*}

Годы эвакуации Лии Фришман вместили в себя и много другое: она сдавала кровь для раненых, выступала со своими стихами в эвакуогоспиталях. Об этом её стихотворение [7].

«Стихи»

И звучат стихи проникновенно
В госпитале у Уральских круч,
В сумраке тревог зимы военной,
Зажигая тёплый светлый луч.

В стихотворении «Завод в театре» Лия рассказывает о г. Златоуст и военном заводе, размещённом в местном театре, самоотверженном труде москвичей [5, с.14–16].

Завод в театре

Знаю я город – трудом он богат.
Здесь, у подножья седого Урала,
Люди руду превращают в булат –
Самые лучшие марки металла...
Там, где сбегаются улицы вниз,
Площадь и сквер. В ожерелье зелёном
Театр. Отмечали в нём свой бенефис
Здесьние примасы и примадонны.
И укрепляли чудесный союз
Вольных рабочих и царственных муз.
Нет им пока в этом здании мест.
Денно и ночью в фойе и на сцене,
В ложах, на ярусах грохот и треск,
И неумолчны приводы в партере.
Как горновые у жаркой печи
Вахту за вахтой несут москвичи.
Неутешительны сводки с фронтов.
Завод – на казарменном положении.
Рабочие спят и едят у станков.
Они хоть в тылу, но тоже в сражении.
Знаете ль вы, кто рабочие эти?
Женщины, бывшие школьники – дети.
В сборочном цехе мама моя,
Горе запрятав, работает истово.
На испытательной станции – я.
Обе работницы мы – коммунистки.

^{1*} Семён Яковлевич Серовайский – ныне доктор физико-математических наук, профессор, преподаёт на механико-математическом факультете КазНУ им. аль-Фараби.

Обе решимости твёрдой полны
Силы отдать для Советской страны.
Мы непременно закончим бои,
Сбросив фашизм с исторической сцены.
Театр торжественно двери свои
Снова откроет для Мельпомены.
Мы же не в грёзах, а наяву
К мирным делам возвратимся в Москву.

Иногда мама немногословно вспоминала, как они с бабушкой трудились на заводе, фактически на казарменном положении и, отработав смену, ночевали прямо у станков. Так работали заводы и фабрики во время Великой Отечественной войны. В промёрзших жилищах стены покрывались слоем инея и льда, они недоедали и работали полуголодными. Но провозглашённый лозунг: «Всё для фронта, всё для Победы!» – был главным смыслом и содержанием её жизни тех лет. У Лии, её мамы, как и у сотен тысяч советских людей, была готовность трудиться в таком режиме ради Победы.

Из стихотворения «Бездомные» я узнала подробности тяжёлых бытовых условий в каждодневной жизни моей мамы и бабушки в Златоусте [6, с.10–12].

Бездомные

Дом тепла и покоя
Наш – за военной чертою.
Ведь назовёшь едва ли
Домом каморку в подвале.
За тыщу вёрст от Москвы,
Где очутились мы.
Стены в каморке сверкают
Иней пока не растает.
В печку побольше стружек
И засверкали ... лужи.
Мама на хрупких плечах
Стружки таскает в мешках.
В зиму уральские ночи
Длинные и холодные очень.
Утром не высунешь нос,
Валенок к полу примёрз.
Где раздобыть бы дрова?
Кругом идёт голова.
С пилами наперевес
Мы отправляемся в лес.
В мёрзлую, злую пургу
Тонем в глубоком снегу,

Падаем, снова встаём,
К лесу мы с мамой идём.
Выбрали нужную ель.
Ну-ка её одолей!
Теплятся силы едва,
Но очень нужны дрова.
Ёлку спилили с трудом,
В город её волокём.
Вот, наконец, и порог.
Там наш алмазный чертог.
Надо ещё приналечь,
Чтоб растопить нашу печь.
Но уж не в силах ни дочь,
Ни мама себя превозмочь.
Бах – в ледяную постель,
А рядом – плакала ель.

И даже в таких условиях мама не теряла присутствия духа, вела большую общественную работу. Не случайно, комсомольцы избрали её своим вожаком – секретарём Комитета комсомола военного завода №834. Лию Фришман делегировали от завода на Конференцию партийного и комсомольского актива в г. Челябинск, посвящённую активизации работ по оказанию помощи фронту.

Мне не известно, было ли так на других эвакуированных заводах и фабриках, но на военном заводе, где работала Лия, в начале февраля 1943 г. был объявлен первый выходной за всю зиму в честь Победы Красной армии под Сталинградом – 2 февраля 1943 г. И комсомольцы завода решили отметить эту Победу, организовав лыжный кросс, несмотря на трескучий мороз [6, с.12–13].

Кросс

Льдисто. Ветрено. Мороз
Нынче в сорок градусов.
А в душе охапки роз
Расцвели от радости.
А в глазах сияет май,
И усталость снята.
Ну, Отчизна, прославляй
Русского солдата,
Что прошёл сквозь кровь и ад,
Все осилив беды,
И в свободный Сталинград
Путь открыл победе!
В честь успеха наших войск
У твердыни волжской

Мы проводим нынче кросс,
Лыжный комсомольский.
Это первый – выходной
За крутую зиму.
Это праздник заводской
У неукротимых.

Последнее стихотворение Лии Фришман из цикла стихов, написанных в эвакуации, – «Ответ из Кремля» [6, с.13–14].

Ответ из Кремля

Эти два изнурительных года
Столько горя вместили и бед,
Сколь в истории прошлой народа
На десятки рассыпаны лет.
Но мы выстояли. И отныне
Гоним орды неправые вспять.
Обломала о наши твердыни
Свои зубы фашистская рать.
И победный уж близится финиш
Этой очень тяжёлой войны.
Только взглядом навряд ли окинешь
Разрушенья родной стороны.
Сколько сил надо будет и знаний,
Чтоб отстроить разбитое вновь.
Совесьть нас призывает: «Заранее
К мирным битвам себя подготовь!».
Возвращаются вузы в столицу.
Вот и мне спешный вызов пришёл.
Только хмуры начальников лица,
Не пускает меня комсомол.
И, отчаявшись, я направляю
Прямо в Кремль свой нелёгкий запрос.
Там рассмотрят. Я верю. Я знаю.
Жду во власти пленительных грёз:
«Вот прощаюсь я со Златоустом,
Вот уже отправляюсь в Москву,
Вот с особенным радостным чувством,
Я бегу на истфак МГУ».
Размечталась... И словно сквозь дрему
Слышу голос: «А ну-ка, танцуй!
Вот письмо тебе из Совнаркома».
Вырываю. Дарю поцелуй.
Пляшут строчки чечёткою дробной,
Как безумные скачут слова.

«Вы-зы-ва-етесь на у-чѐ-бу...»
На учёбу! Слыхали? Ура!!!

Стихотворение отражает очень важную для Лии историю из жизни в эвакуации. В 1943 г. МГУ им. М.В. Ломоносова уже вернулся из эвакуации в Москву. Подруги, однокурсники писали ей в Златоуст о том, что приступили к учёбе. Она мечтала продолжать учиться в МГУ, но в то же время испытывала сомнения, где она будет полезнее в это суровое время. И Лия решает обратиться с запросом непосредственно в Совнарком. И было удивительно, что ей пришло в Златоуст письмо из Москвы со штампом: «Правительственное». В этом письме, принёсшем ей огромную радость, было написано: «Возвращайтесь в Москву для продолжения учёбы на историческом факультете МГУ. Вы нужны здесь».

Это письмо, подписанное Михаилом Ивановичем Калининым, долгие годы хранилось в нашем семейном архиве, но, к сожалению, бесследно исчезло. В памяти остался серый конверт с крупным чёрным штампом по диагонали. Строки письма, полученного осенью 1943 г., сообщили тогда Лии и нечто большее: она почувствовала не только веру и надежду в Победу, но и твёрдую уверенность в её неизбежности. Для неё это было пролог Победного мая 1945 г. Несмотря на полученный вызов для продолжения учёбы в МГУ из столь высокой инстанции, вопрос о возвращении Лии в Москву решался на Пленуме Комитета комсомола завода, который постановил: «Направить Л.С. Фришман на учёбу в Московский университет».

С октября 1943 г. она снова студентка Восточного отделения истфака МГУ.

Спустя два года, в трудном сорок третьем,
Я возвращаюсь в хмурую Москву,
Но как тепло и как радушно встретил
Меня истфак родного МГУ!

«Рядовая тыла», 9 мая 1985 г., Алма-Ата.

И было ещё одно стихотворение, строфы которого слагались Лией также в эвакуации, – «Чёрный день октября», но оно не об эвакуации, а о событиях одного октябрьского дня 1941 г. в Москве [6, с.6–9]. Ответы на возникающие вопросы: что это за день; на какое число октября приходится; какие события тогда произошли в Москве, – можно найти в самом стихотворении. Оно датировано 1942 г., т. е. год спустя после увиденного и пережитого в Москве.

Память! Она сохранила воочию
Событья злосчастливого дня.
И долгое время в бессонные ночи
Они волновали меня.

«Чёрным днём октября» Лия называет 16 октября 1941 г., когда в Москве в результате разнёсшихся слухов началась паника. Она была очевидцем этих событий, находилась в то время в Москве, видела всё своими глазами, переживала за происходящее...

Я видела всё. Я была среди тех,
Кто жил в осадной Москве,
В том сорок первом году, в октябре,
Можно поверить мне.

А ведь, как гласит древняя мудрость, «один очевидец стоит больше, чем десять человек, которые только слышали». Лия, как историк, старалась достоверно и беспристрастно описать и осмыслить события этого дня. Думаю, что к содержанию стихотворения «Чёрный день октября» следует отнести как к историческому источнику – хронике происходящих событий. И студентка – историк предположила тогда в первых же строках стихотворения, что об этом дне не напишут в книгах о войне, добавим, и в учебниках истории – тоже. Поэтому информация, заключённая в стихотворении, имеет важное значение для того, чтобы знать, и для того, чтобы ничто подобное не повторилось при других обстоятельствах.

То, что случилось в день вражьих атак,
Тяжким уроком будет.
Паника – самый коварный враг –
Знайте об этом, люди!
Чёрный день октября

Наверно, в научных трудах о войне
(И, думаю, что не зря)
Не будет свидетельств об этом дне –
Чёрном дне октября.
Но ни одному не забыть москвичу
О нём в протяженье лет.
И этим стихом сохранить я хочу
Его в истории след.
... Шло отправление экстренным ходом
В восточную глубь страны
Тысяч семей, учреждений, заводов,
Памятников старины.
Эвакуировался МГУ
В неведомый Ашхабад.
А я, не покинув тогда Москву,
Пошла в ПВО отряд.
Бомбёжки сменялись одна за другой,
Вблизи грохотали бои,
Но жили уверенностью одной –

Вернутся мирные дни.
Но в ночь на шестнадцатое как раз
Разнёсся зловещий слух –
Будто получен из Ставки приказ
Войскам оставить Москву.
Слух подтверждался: поспешно с домов
Зенитки спускали вниз.
В городе гул уходящих полков
В воздухе тяжком повис.
«Братцы, куда вы? – кричали им вслед. –
Столица ж у нас одна!».
И пробивался неяркий рассвет
Того несчастного дня.
А паника, паника шквалом неслась
Из каждого дома в дом.
Будет ещё тяжелее рассказ
О том, что было потом.
Тысячи женщин в смятенье и страхе
За судьбы своих детей
Бежали к вокзалам, плача и ахая,
Можно ль винить матерей?!
И в столпотворении там великом,
Друг друга топча и давя,
В вагоны рвались. Исходила криком,
Казалось, сама земля.
А в городе вылезли из подворотен
Чужого добра ловцы.
Из магазинов рулоны полотен
Тащили, вцепясь в концы.
Колбасные кольца на шеи нанізав,
Тюки, взвалив за спиной,
Люди – шакалы, пригнувшись низко,
Трусилы по мостовой.
Стёкла витрин под ногами скрипели,
Рвались мешки с песком.
И рассыпался по улицам пепел
Адовым чёрным дождём.
Во всех учреждениях печи горели,
Камины у нас в МГУ.
И с думами горькими люди смотрели,
Как исчезали в дыму,
Дела комсомольцев, партийные списки,
Груды других бумаг –
Всё, что обычно без всякого риска
Мирно хранится в шкафах.

Я на истфак прибежала в то время,
Когда бросали в огонь
Наши анкеты и заявления
«Не надо, – сказали, – не тронь».
Но я успела среди документов
Выхватить свой аттестат.
И строчки немые об этом моменте
Теперь громогласно кричат.
В тот день прекратилась повсюду работа
И люди, придя домой,
У репродукторов ждали чего-то,
Не зная, что делать с собой.
Ждали с надеждою и тревогой,
Не веря в злую судьбу,
Ждали призыва идти на подмогу,
Чтобы спасти Москву.
И вот посреди такого смятенья
Голос, знакомый каждому:
«Слушайте важное сообщение!
Слушайте важное ...».
Доброю вестью запахло в эфире.
Сгрудились, не дыша,
У чёрных тарелок в каждой квартире.
«Тише, товарищи, ша!».
Глава правительства СССР
Сказал спокойно и веско:
«Ставкой принят максимум мер –
Москва есть и будет советской.
Мы будем впредь неуклонно нести
Наше серпастое знамя.
Нет у народа другого пути
Победа будет за нами!».
Бурною радостью озарены
Вмиг расцветились лица.
Россия не может жить без Москвы,
А без России – столица.
Так в растерявшихся было людей
Влились новые силы.
Спокойно встречали грядущий день
Бойцы московского тыла.
Сосредоточен, упорен, суров
Выглядел утром город.
С твёрдой решимостью был он готов
Выдержать стужу и голод,
Бомбардировки, осаду врага –

Все военные беды
И до последних сил помогать
Фронту ковать победу.

7 ноября 1941 г. из окна дома в Черниговском переулке Лия и её родители с верой и надеждой смотрели на незабываемый парад советских войск на Красной площади в честь 24-й годовщины Октября – парад, который придавал силы и уверенность всей стране. Это был парад войск, уходящих на фронт. Парад войск на Красной площади 7 ноября 1941 г. по значимости и морально-психологическому воздействию приравнивают к успешной военной операции. Под впечатлением легендарного парада Лия в этот же день написала стихотворение «24-й Октябрь»[5, с.8–9].

И вот уж чеканят шаг
Полки под Кремлёвской звездой.
Пускай содрогается враг –
Ведь с площади – прямо в бой.
Десятки боёв впереди
И множество трудных атак,
Но главное: вера в груди,
Что будет повержен враг!
7 ноября 1941 г., Москва.

Эвакуация была потом... Примерно через неделю после парада 7 ноября 1941 г., эвакуировался, как всё это описывалось выше, военный завод №834.

За самоотверженный труд на этом заводе в г. Златоусте Л.С. Фришман была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В мирное время ей была вручена медаль «Ветеран труда» (1977 г.) и как участнику трудового фронта две медали: «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1985 г.) и «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1995 г.).

1. См. Серовайская Ю.Я. Дневник Лии Фришман. Первые дни и месяцы войны. Москва, 21 июня – 11 октября 1941 г. Эвакуация неизбежна... // История. Память. Люди: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, 16 сентября 2016 г., Алматы / Ред. кол.: Л.С. Актаева, А.И. Барон, М.С. Макарова. – Алматы, 2017. – 588 с. – С.478–505. Подробнее о жизненном пути, научно-педагогической и общественной деятельности, а также о поэтическом творчестве Л.С. Фришман см. Ульман А.И. Лия Фришман / По тропинкам истории евреев Казахстана. – Алматы: Wink, 2004. – 92 с. – С.59, 67–71, 89.; Серовайская Ю.Я. Лия Семёновна Фришман – историк-востоковед, педагог, лектор и поэтесса / Роль архива в современном обществе. Материалы международной научно-практической конференции, 17 мая 2013 г., г. Алматы / Ред. кол.: А.К. Ботанов, К.Ш. Алимгазинов; сост.: Л.А. Матвеева, А.Ж. Сабирова. – Алматы,

2013. – 330 с. – С.261–279.; Серовайская Ю.Я. Серовайские. Биографический и библиографический сборник / При участии Д.Е. Серовайской и С.Я. Серовайского – Алматы: Оперативная полиграфия, 2018. – 530 с.: 6 порт.; 50 л. илл. – С.137–213; Лия Фришман. Дневник. Летопись минувших событий / Сост.: Ю.Я. Серовайская, С.Я. Серовайский – Алматы: Оперативная полиграфия, 2018.
2. Ряд факультетов, кафедр и отдельные сотрудники МГУ им. М.В. Ломоносова были эвакуированы также в гг. Свердловск,^{1*} Томск.
3. Эти слова Г.К. Жукова были приведены в телевизионной передаче по каналу «Время» в январе 2018 г. в интервью с дочерьми маршала.
4. Об этом подробнее см.: Куликова М. Встреча с поэтессой // Давар. №3–4, март–апрель 2001. – С.12.; Серовайская Ю. Две музы Лии Семёновны Фришман // Еврейский дом (Ежемесячный литературно-информационный журнал). №4, сентябрь–октябрь 2001 (Тишрей 5762). – Алматы – С.35–6.; Серовайская Ю.Я. Л.С. Фришман – историк–востоковед, педагог, лектор и поэт. К 80-летию со дня рождения / Актуальные проблемы современности. Международный сборник научных трудов. – Караганда–Новосибирск: Болашак-Баспа, 2002. – 487 с. – С.361–371 (в соавт. с А.Н. Тельгариным); Ульман А.И. Они сделали многое. Евреи: становление и развитие исторической науки Казахстана. Педагог, востоковед, поэт // Шалом. №3 (48), февраль–март 2004. – С.13.; Серовайская Ю.Я. Дневник Лии Фришман. Первые дни и месяцы войны. Москва, 21 июня – 11 октября 1941 г. Эвакуация неизбежна... указ. изд. – С.478–505.
5. Впервые опубликовано автором в сборнике стихов Фришман Лия Зелёный свет – Алматы, 1993. – 84 с.
6. Впервые опубликовано в сборнике Фришман Лия Пусть правит разум. Стихотворения. – Алматы, 1994. – 111 с.
7. Впервые опубликовано в сборнике Фришман Лия Радуга. Сборник стихов. – Алматы, 1993. – 61 с. – С.4. Позднее, оно вошло в два других сборника стихов: см. Фришман Лия. Стихи / Служу истории мессу. Сборник стихов / Отв. ред., сост. и автор предисловия Ю. Серовайская. – Караганда: Изд-во КарГУ, 1996. – 85 с. – С.10; Фришман Лия Стихи / Снова радуга светит. Сборник стихов. – Алматы: Фонд «XXI век», 1998. – 120 с. – С.6.

**Зубарев С.В.
Донскова Г.А.**

Боль и утраты войны

Первая семья А.Р. Штамм распалась задолго до войны. Его супруга – Варвара Петровна с детьми (Ириной и Алексеем) осталась в Белоруссии с детьми...

Алексею было 17, когда началась война. Никакого сообщения еще не было, а бомбить уже начали. Первый обстрел застал его на работе. Леша чинил электросети и сидел на столбе, когда налетели самолеты и стали обстреливать дорогу. Леша рассказал, что понял: «Это конец...», когда прямо на него налетел самолёт, и он увидел лицо лётчика. Они посмотрели друг другу в глаза, и летчик почему-то не выстрелил!

^{1*} Ныне Екатеринбург.

На улицах была паника. Кто-то очень мудро решил, прежде всего, вывезти молодёжь – может быть планировали где-то их собрать и организовать оборону? Старшая сестра Ирина с маленькой дочкой Майей и бабушкой не успели уехать и испили сполна чашу унижения и ужаса. Майя Васильевна вспоминает, как их сгоняли на площадь, где проводились казни. Цыган сжигали заживо. Партизан вешали. Женщины прятали лица детей в свою одежду, а немцы и полицаи стволами оружия поднимали им головы: смотрите и запоминайте! И они помнили это всю жизнь и готовы были к мести.

Парней и девушек грузовики уже помчали на восток... Потом колонны смешались, они шли пешком, пробирались лесами. Запруженные беженцами и войсками дороги, обстрелы, бомбёжки. Без еды и денег Леша добирался 2 месяца до г. Уральска, где жил его отец – Арнольд Робертович Штамм. Он возглавлял кафедру зоологии Уральского пединститута,^{1*} был одним из немногих остепенённых ученых, имеющих известность в стране. Его супруга работала там же лаборантом-таксидермистом. Дочери Еве в первые дни войны исполнилось 10 лет.

Леша разыскал отца и пришел в его дом, голодный и оборванный. Наверно, ему было трудно войти в незнакомую, по сути, семью. Но шла война, и некогда было уходить в своё личное несчастье.

Леша сразу устроился на работу электриком в дом Карева, там первое время был военный сборный пункт. Маленькая Ева помнит, как шумно было вокруг, а из окон высовывались мужчины, которым из толпы пытались передать какие-то узелки и свёртки.

Семья А.Р. Штамм готовилась, как и все горожане, к трудному военному году. Отец солил овощи в бочках, покупал продукты, которые еще можно было достать. Надо было пережить военную зиму. Никто не догадывался, что она будет не одна...

Город быстро заполнялся эвакуированными – разутыми и раздетыми. Часто у них была только летняя одежда, и в военные годы, особенно зимой, дети страдали от холодов, ходили в перешитых старых вещах, которые с трудом где-то выменивались.

Однажды какой-то самолет стал кружить над городом, напугав жителей, и Арнольд Робертович даже забрался на крышу сарая, чтобы разглядеть, в какую сторону он улетел. Видимо, по городу шла молва о возможных прорывах бомбардировщиков. Мама помнит, что лицо папы было встревоженное и даже испуганное.

Правда, как показало время, опасность ждала семью совсем с другой стороны. Все знали, что старший сын преподавателей Коля – лет-

^{1*} Ныне ЗКГУ им. М. Утемисова.

чик, где-то в армии. Лишних вопросов не задавали – где? Вдруг, как вспоминает Ева Штамм: «к нам зачастил «друг Коли» по лётному клубу с товарищем. Мама радушно поила их чаем, а папа всегда уходил в это время из дома – наверно, он видел, что юноша совсем не походил на того человека, за которого себя выдавал и понимал, что дело нечисто...».

«Мне было только 10, все взрослые дяденьки для меня были на одно лицо – стриженные, в форме. Но когда после войны Коля привел своего друга к нам домой, я всё сопоставила и наивно спросила: «А вот к нам в 1941 г. приходил военный и назывался вашим именем. Вы это знаете?» Тот смешался, а брат попросил не говорить глупостей. Больше этого гостя я не видела у нас...».

28 октября 1941 г. ночью в дом внезапно вошли люди в форме. «Папа испуганно и смущенно (Еве показалось даже, что шутливо-заискивающе) проговорил: «А я думал, кому это я в столь поздний час понадобился, а это вы...». Папу и маму развели в разные комнаты и велели молчать». Ева – поздний болезненный ребёнок, до сих пор спавший только с мамой, рыдала и бегала от папы к маме, её пыталась успокоить одна из «ночных гостей», она же пыталась утешить по дороге в Джамбейту – кто она была – работник милиции или НКВД?

Лёша был сначала смертельно напуган. Он сидел, сжав голову руками... Действительно, судьба его пощадила, он добрался живым до г. Уральска, а теперь ему грозил смертельный лагерь. Обыск длился долго. Дети видели, как исчезают в карманах «офицеров» золотые и серебряные домашние мелочи. Шок постепенно слабел, и Лёша, осмелев, спрятал между шкафами толстый гроссбух немецкой работы – «потом всю войну чистые разграфлённые его листы были моими школьными тетрадями...».

Родителям было велено одеваться, они сняли с вешалки зимние пальто: «Это, наверно, надолго...». Хотя на улице еще было тепло. Хочется верить, что эти вещи их спасали в камере хотя бы первое время, когда они спали на полу – если их не отняли охранники или блатные... Мама сказала: «Нас, наверно отдельно повезут. Давай простимся здесь, дома». И они обнялись в последний раз [1].

Ева с детской верой в хорошее ждала, что маму и папу отпустят. Соседи стали сторониться их. Но одна из соседок украдкой сунула ей огромное румяное яблоко, которое Ева не ела, мечтая отдать маме, когда та вернётся. С Лёшей они ежедневно ходили к воротам НКВД в надежде на свидание с родителями. Люди говорили, что свидания не дадут, арестованных скоро увезут из города. Леше хоть мельком удалось увидеть в толпе отца.

Потом объявили, что семьи арестованных немцев высылают из города,^{1*} и надо собирать вещи. Этим занялся Леша, как более взрослый. Они взяли удобную в перевозке пластмассовую посуду, зимнюю одежду. Их долго везли на подводах в степь. Леша сразу стал работать в совхозе, приходил поздно. Маленькая Ева больше не плакала, она, словно окаменела и стала угасать. Она просто лежала и смотрела в низкий потолок мазанки. О чём думала она: почему она здесь, где мама и папа и что с нами всеми будет?

Весной Ева вышла с остальными подростками в поле и трудилась, сколько хватало сил.

Однажды к ним заглянул директор совхоза и приказал, чтобы им выдавали какой-то паёк, Леше наказал заботиться о сестре. И он оберегал девочку как мог, в ответ Ева дарила нежность сердца младшей сестренки. Уже будучи взрослой, она поняла, что возможно ради ее спасения брату пришлось публично отречься от «родителей – преступников». Это вечная боль Евы.

В феврале всех мужчин – и Лёшу тоже – забрали в трудармию, т. к. у Леша не было зимней обуви, он сильно обморозился по пути в г. Уральск, его положили в госпиталь, после которого он успел зайти к соседям и рассказать о мытарствах, выпавших на их долю.

Далее следы Леша потерялись. Его письма с фронта, наградные документы хранились уже в семье его матушки в Белоруссии. Он даже заглянул к ней в Мозырь после освобождения города... Вслед за ним на фронт ушла и его сестра – Ирина.

В конце войны пришла черная весть – пропал без вести в боях под озером Балатон в Венгрии.

Только в начале XXI в. семья прочла в Обобщенном банке данных «Мемориала», что А.А. Штамм погиб и был похоронен в с. Верестеш, в Венгрии около церкви 17 марта 1945 г. Вот эти документы: «Фамилия Штамм Имя Алексей Отчество Арнольдович. Дата рождения / Возраст __.__.1923 г. Место рождения Полесская обл., г. Мозер. Дата и место призыва __.__.1944 г., Мозырский РВК, Белорусская ССР, Полесская обл., Мозырский р-н. Последнее место службы 59 гвардейская стрелковая дивизия. Воинское звание сержант. Причина выбытия: убит. Дата выбытия 17.03.1945. Первичное место захороне-

^{1*} Вероятнее всего по Постановлению ЦК КП (б) Казахстана «О переселении немцев из областных центров республики» от 16 октября 1941 г.: «Из данных НКВД КазССР видно, что антисоветский актив из числа немцев, проживающих в ряде областных городов республики, за последнее время значительно активизировал контрреволюционную работу по линии распространения ложных слухов и пораженческой агитации среди населения. . В связи с этим, ЦК КП (б) Казахстана считает невозможным в условиях военного времени проживание немцев в областных городах республики и использование их (в т. ч. коммунистов и комсомольцев) на руководящей партийной, советской и хозяйственной работе». / Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг. – Астана: КОМЕК-АСТАНА, 2018. – С.187 (прим. ред.).

ния Венгрия, с.Верестеш, около церкви. Название источника донесения. ЦАМО. Ф.58. Оп.18003. Д.820 [2].

Мы чтим, память о них – детях войны, которые много страдали, но своим ратным подвигом и трудом в тылу приближали Великую победу.

1. Более подробно об аресте А.Р. Штамм см. Донскова Г.А. Горькие воспоминания оборвавшегося детства / Материалы Международной научно-практической конференции «Рухани жанғыру жолындағы тарих тағылымы» (в рамках международного проекта «Память во имя будущего», посвященного Дню памяти жертв политических репрессий и голода) – Актобе, 2018. – С.79–82.

2. Обобщенный банк данных «Мемориала» – банк данных о защитниках Отечества, погибших, умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=4718348>

Лобченко Х.М.

Листая страницы памяти

Я, Хана Мееровна Лобченко (девичья фамилия Гендель), хочу поделиться воспоминаниями об эвакуации во время Великой Отечественной войны.

Но сначала – о своей родословной. Мой папа Меер Ноханович Гендель перед войной работал старшим закройщиком на швейной фабрике в Могилеве. Мама, Муся Алтеровна, работала там же швеей. В семье моих родителей было пятеро детей, я – самая младшая. Никого из них я не помню. Разве что один эпизод. Вот старший брат укладывает меня спать. Мне два с половиной года. Задаю ему вопрос: «Юра, ты куда положишь меня головой – к окну или лежанке? Ведь у меня болят уши». Он обнимает меня, осыпает поцелуями и говорит: «Ах ты, умница моя! Конечно, к лежанке». Юра погиб на фронте.

Старшая сестра Рахиль погибла с грудным сыном во время бомбежки в Шклове. Мама рассказывала, что она была провизором и прекрасно играла на скрипке. Брат Илья прошел дорогами войны от г. Новосибирска до г. Берлина, имел множество наград за ратные подвиги. Хорошо знал идиш, часто помогал, когда ловили немецкого «языка».

Сестренка Сонечка утонула в раннем детстве в Днепре, что было неизбывной болью для всех родных.

Я родилась в белорусском г. Могилеве. Семья наша занимала одну из квартир в деревянном двухэтажном доме. Здесь жили 8 еврейских семей.

В 1940 г. умер папа. Мне не было еще и трех лет.

В первые дни войны фашисты страшно бомбили города Белоруссии. Все говорили об эвакуации.

В судьбу иглой вонзилось это слово!
Эвакуация – звучало снова и снова.
Вокзалы, бомбежки, обстрел, перегоны
Забиты людьми теплушки-вагоны.
Монотонно колёса вагона стучат
Эвакуированные все о войне говорят:
Скоро ль закончится злая война,
Как там на фронте идут дела?
На остановках в чайник налить кипяток,
За ним огромный людской поток,
Но громко позвал паровозный гудок,
Эвакопоезд держит путь на Восток.
У мам на руках спят малыши,
Во сне к ним из дома игрушки пришли.
У всех на устах: как будем жить,
Как будем малых детей растить?
Добрались до тыла – кругом тишина.
Фронту поможем громить врага.
Разные нации – дружной семьей
С мечтой о Победе «на всех одной».

Жильцы нашего дома решили эвакуироваться собственными силами. Благо, что среди женщин с малыми детьми оказался мужчина, не подлежащий мобилизации на фронт. У него была лошадь. Ее запрягли, на телегу положили нехитрые пожитки (только на первое время, ведь война скоро закончится!) посадили детей и тронулись в путь. Взрослые шли пешком. За день проходили несколько километров. Мешала невыносимая жара и кровавые мозоли на ногах. На ночь детей укладывали в телеге, сами родители спали на земле. Но засыпали быстро – сказывалась страшная усталость.

Однажды – это было уже на территории Украины – проехали по мосту через большую реку, и расположились у леса на ночлег. В полночь мост осветился такими яркими прожекторами, что казалось, найдешь иголку в стоге сена. От моста к нам мчался всадник: «Что вы здесь расположились? Враг в нескольких километрах! Немедленно уходите!». Перепуганные женщины в панике похватили детей и бежать. Но куда? От леса шла развилка дорог: люди, не помня себя, кинулись бежать врассыпную. Мама побежала направо. Неизвестно, к фашистам или своим? Каково же было ее удивление и испуг, когда она, пробежав довольно большое расстояние, обнаружила, что у нее на руках маленький мальчик. «Боже мой! Где маленькая Хана? Кто взял её? Или осталась в телеге? Господи, помоги, умоляю!». И Всевышний услышал. К моей маме со всех ног мчалась соседка, держа

меня на руках. Оказалось, что они перепутали детей. Что началось! Слезы, рыдания.

Немного передохнули, с рассветом вошли в ближайшее село. Ходили по домам, прося милостыню. Люди делились, чем могли: картошка, огурец, кусочек хлеба, колодезная вода.

В ближайшем эвакуопункте нас по железной дороге отправили вглубь страны. Эвакопоезд прибыл на станцию г. Чкалов.^{1*} Там эвакуированных ожидали подводы. Мы с мамой оказались в с. Курай, Зянчуринского р-на Чкаловской обл. Всех разместили по домам. Мы попали к супружеской паре, их сын был на фронте, сами они работали в колхозе.

Большую часть комнаты в избе занимала русская печь. К ней примыкал старинный сундук, на котором мы с мамой спали. Эвакуированные тоже работали в колхозе. Вот как происходило первое знакомство в поле.

– Тебя как звать-то?

– Муся

– Нет, не по-нашему, будем звать тебя Маруся!

– А тебя как звать?

– Мина

– Сроду не слышали, будешь Ниной

– Как тебя звать?

– Цыля.

Хохот потрясает полевой стан.

– Бабы, а мы так маним коров: цыля, цыля, цыля!

Женщины из Белоруссии, не только еврейки, употребляли слово «пихаться» в значении «толкаться». Жители же села вкладывали в слово «пихаться» похабный, нецензурный смысл.

Местные жители делились с приезжими всем, что было у них самих.

В свободное время делали кизяки, ими топили печь зимой. Однажды мама проколола вилами себе ногу, ведь кизяки месили босиком. Промыли колодезной водой рану, залепили подорожником, завязали тряпицей, на следующее утро на работу.

В поле наши мамы уходили рано утром, нас отводили в избу, где жил эвакуированный мальчик Марик, ему было лет 12. Это наш «воспитатель» в «детском саду». Он рассказывал нам сказки, вырезал из дерева куклы, машинки (всем поочередно), но до меня очередь так и не дошла. Марика все любили. Однажды Марик и сын хозяйки подрались. Обычная ссора мальчишек. Сын хозяйки, когда взрослые верну-

^{1*} Ныне г. Оренбург.

лись с работы, пожаловался матери: «Этот жидёнок избил меня! Живут у нас, а благодарности не понимают».

Мама Марика не стала выяснять, кто прав, кто виноват. Она просто-напросто избилла сына. Марик плакал и все время повторял: «Мама, он начал первый, я не виноват!». На следующий день мы пришли в наш «детский сад», а Марика нет. Не появился он и к вечеру. После работы женщины стали искать, и нашли на чердаке дома. Там Марик повесился. Детская душа не перенесла незаслуженной обиды!

Это событие повергло в шок всех. Председатель колхоза собрала местных и строго предупредила, кто обидит эвакуированных, будет отвечать по закону военного времени.

Но вернемся в хату, где поселились мы. Питание было скудным. Пшенная каша была роскошью. Хозяйка варила ее в печи, положив кусок сливочного масла. Каша в печи томила, по избе распространялся аппетитный запах, который проникал буквально в каждую клеточку тела. Затем тетя Настя ставила чугунок на стол и начинала деревянной ложкой накладывать кашу себе и мужу. Мы с мамой сидели на сундуке. О чем думала она, не знаю. Но детские глаза не могли оторваться от действий хозяйки. Моя мама, глотая слезы, шептала мне на идиш: «Ханеле, кук нит! Дос нит унзере!». (Ханочка, не смотри! Это не наше!). Однако это не помогало, это было выше детских сил!

Дядя Коля, заметив взгляд маленькой постоялки, громко говорил жене: «Настасья, дай девочке каши!». Хозяйка дома вроде и не слышит. Он повторял свой приказ несколько раз. Наконец, тетя Настя набирала большую деревянную ложку каши, с горой, и несла мне к сундуку. Шла медленно, даже, как мне казалось, торжественно. Скавав «спасибо», я ела. Всю ложку? Нет, не осилю, да и маме надо оставить. А мама почему-то плакала. Почему она плакала? Ведь каша такая вкусная! Затем про себя думаю: кто добрее – тетя Настя или дядя Николай? Прихожу к выводу: оба, только тетя Настя все делает медленно. Ну и что, ведь люди разные, одни – быстрые как зайцы, а другие как черепахи.

С тех пор прошло 77 лет. Внуки мои не хотят есть пшенную кашу, хотя она со сливочным маслом сладкая и вкусная. Для меня же это память о моей заботливой маме, о людях, с которыми пришлось жить в эвакуации. Дай Бог, чтобы больше никогда ложка каши не казалась роскошью!

В Чкаловской обл. мы с мамой прожили с 6 июля до конца 1941 г.

Эвакуация в корне изменила судьбы многих тысяч людей. Моя тетя (жена папиного младшего брата) Тэма Исааковна Гендель, её 4 сына, старые родители были эвакуированы из Шклова в райцентр Батраки Куйбышевской обл.

Трудно себе вообразить подобное, но вопреки всеобщей сумятице и неразберихе, тете удалось разыскать нас через Бугуруслан – очевидно, там находился какой-то центр по эвакуации. И вот поздней осенью 1941 г., преодолев сложности поездок в военное время, мы прибыли в райцентр Батраки. Входим в дом, где проживало тетино семейство. Дети, как птички, выпорхнули на кухню. И вдруг возглас: «Смотрите, Цыбулька^{1*} приехала!».

Это проявил свое остроумие самый младший из моих двоюродных братьев. Цыбулька – это я: росточка маленького и укутана снизу доверху в 100 одежек.

Теперь в тетиной семье стало 9 чел. Обязанности распределились следующим образом: бабушка Марьяся заведовала блоком питания, которое состояло в основном из чечевичной каши. Но вначале чечевичу надо было раздобыть. В этом деле бабушка Марьяся проявляла чудеса изобретательности.

Тетя Тэма работала директором школы, ее целый день не было дома. Моя мама стирала белье, полоскать его носила на Волгу даже в трескучий мороз. Она штопала носки, латала одежду для раненых в госпитале. Дедушку мы звали реб Ицхак. Он занимался воспитанием внуков и появившейся в доме Цыбульки. У него была тяжелая болезнь: невралгия лица, она обострилась после гибели на фронте трех сыновей и зятя. Во время приступов болезни мы должны были вести себя тихо. Но болезнь отступала, и дедушка снова становился нашим воспитателем и меламедом.^{2*}

Старший внук учился в 10 классе, и реб Ицхак помогал ему по математике и физике. Дедушка был много знающим человеком! Позже, когда два старших внука стали учиться на философском факультете университета в Ленинграде,^{3*} они, конечно, приезжали на каникулы, дедушка устраивал им экзамен, выпытывая, что они знают о взглядах Аристотеля, Платона и Демокрита, насколько они сведущи в истории Плутарха и Флавия. Порой он вступал с ними в полемику, не разделяя их мнения, стараясь доказать правомочность своей точки зрения.

Дедушка был книголюб и книгочей. Книгами он очень дорожил, относился к ним бережно, и это отношение старался привить нам. Он любил повторять: «Гейне угадал: там, где сжигают книги, будут жечь и людей». И еще он часто говорил: «Дети мои! У человека могут отобрать все, и лишь знания отобрать у него не смогут. Вы меня поняли? Ну так учитесь, пополняйте свою копилку знаний».

^{1*} Лучок (в переводе с белорусского языка).

^{2*} Учащий (в переводе с иврита), учитель или наставник.

^{3*} Ныне Санкт-Петербург

В райцентре, где мы жили, кроме нас евреев не было. И реб Ицхак долгими зимними вечерами вел с нами беседы о еврейских традициях. Все у него было продумано согласно нашему возрасту. Сначала шли истории из Торы. Мы стали старше, и он рассказывал нам об еврейских мудрецах и ученых. От дедушки мы узнали об исходе евреев из Египта. Он объяснял нам, почему евреи едят на Песах мацу, рассказал о Хануке и о восстании Маккавеев, о Баал-Шем-Тове, о Рамбаме... Мы слушали дедушку, затаив дыхание. В наших школьных учебниках ничего подобного не было. О здоровье своем дедушка никогда не думал, беспокоясь лишь о внуках, которых война лишила отца. И еще он просил Всевышнего дать здоровья их матери. С собой в эвакуацию он взял самое для него дорогое: талит, тфилин, менору^{1*} и несколько серебряных рюмочек, чтобы в праздники делать кидуш.^{2*}

Летом, когда спадал зной, реб Ицхак выходил из дому, чтобы посидеть на лавочке. К нему присоединялся сосед, старик Горшунов, и они вели душевные беседы. Умер дедушка в 1950 г., похоронен на еврейском кладбище в Сызрани.

И еще об одном человеке из моего детства хотелось бы рассказать – он никем не приходился нам, просто добрый знакомый. Познакомились мы с ним вот как. Мой отчим работал завскладом на лесоперевалочной базе, куда часто приезжали уполномоченные спичечных фабрик. Если это были евреи, они останавливались у нас в доме. Приезжали евреи из гг. Ташкента, Ашхабада, Уфы... Однажды, это было примерно в 1948 г., отчим привел домой очень старого еврея. Фамилия его была Ципорин, имени и отчества не помню. Старик работал коммерческим директором на спичечной фабрике в Нижнем Ломове Пензенской обл.

Первое, с чего он начал знакомство, был его рассказ о гибели семерых сыновей на фронте. Сокрушаясь о погибших сыновьях, он поражался, как сумел вынести столь сокрушительное горе. Жил он в семье единственной дочери.

Перед сном он предупредил нас: «Услышите пение ночью, не пугайтесь! Это я во сне пою молитвы о моих погибших сыновьях». Несмотря на то, что ночью старик спал, на весь дом было слышно пение его молитв. Мне было страшно, а мама тихо говорила мне: «Это Всевышний так успокаивает его».

Ципорин казался нам очень старым человеком, но, вопреки возрасту, он вынужден был работать. Трое из его сыновей до войны бы-

^{1*} Талит – молитвенное облачение в иудаизме, представляющее собой особым образом изготовленное прямоугольное покрывало; тфилин – элемент молитвенного облачения иудея: две маленькие коробочки из выкрашенной черной краской кожи кошерных животных, содержащие написанные на пергаменте отрывки из Торы; менора – золотой семирожковый светильник или подсвечник на 7 свечей.

^{2*} Еврейский обряд освещения, производимый над бокалом вина.

ли женаты, у них остались дети, вдовы. Старик помогал внукам, отдавал заработок им.

Молитвы, обращенные к Всевышнему, врачевали его душу, облегчали жизнь. Он никогда не жаловался, не сетовал на судьбу, не проклинал ее. Он был внимателен ко всем и добр. Для нас, детей и взрослых, Ципорин был примером необычайной интеллигентности, душевности и оптимизма.

Мой отчим Рувим Вульфович Фишбейн родился в 1888 г., прожил чуть больше 62 лет. Всего изведаль он в жизни с лихвой – и горя, и радости. Но как бы ни складывалась жизнь, одно было с ним всегда и всюду – вера во Всевышнего, она служила ему поддержкой и опорой даже на краю гибели. Родился он в Клинцах Брянской губ. в религиозной семье. Его отец имел свою лавку по продаже всевозможной посуды. Рувим чуть подрос и стал помощником отцу в его торговом деле: ездил в гг. Киев, Одессу, закупал там посуду, чтобы потом продать ее в Клинцах. Делал это толково, сделки были выгодные. Да и по характеру он был веселым, проворным человеком, и доброжелательным при всем при том.

За делами не забывал главного – исправно посещал синагогу. Со временем у него появилась семья, двое детей. Огорчен был лишь одним: дочь его Дыся родилась в день смерти вождя мировой революции Ленина, что как бы накладывало ограничения на радость. «Что ж я теперь не имею права повеселиться?», – недоумевал Рувим. И не отказывал себе в этом удовольствии.

Пришел 1937 г., с ним и репрессии. Рувим не имел никакого отношения к политике, но его схватили энкавэдэшники, сунули в товарняк и повезли, неизвестно куда. Духота и жара стояли невероятные, заключенных кормили ржавой селедкой, не давая ни воды, ни хлеба. На четвертые сутки привезли к месту назначения. Как оказалось, лагерь в Карелии. Их заставляли таскать каменные глыбы с одной стороны лагерного двора на другую.

Субботнее утро в лагере. Начальник: «Всем на работу! А ты Фишбейн чего расселся? Ты что особый?».

– Я еврей. Моя религия не позволяет мне работать в Субботу. И я не слезу с нар, хоть убейте!

– Кнутом выгоним!

Его били – били нещадно, он стоял на своем. Когда барак пустел, слезал с нар и начинал молиться. Однажды бросили в карцер. В углу стоял лом, чтобы от крыс отбиваться. Все, все преодолел он, но в Субботу работать не стал. И что удивительно – отстали. Он дал обет: если Всевышний сохранит ему жизнь, и он выйдет на свободу, то никогда не сбреет бороду. Там, в лагере, она стала седой. Данному слову

был верен до смерти. Из лагеря он вышел в 1942-м. Поехал в родные Клинцы. Жена, сын, две маленькие племянницы – близняшки и почти вся родня погибли от рук фашистов. Он плакал и молился, что помогало преодолеть невосполнимую утрату.

В Москве жила его сестра, у нее был муж, Лазарь – человек добрый и чуткий. Он дал отчиму хлопчатобумажный костюм – то был царский подарок по тем временам. Но это не все! Он дал талит и тфилин. Радости не было предела!

Последние 9 лет его жизни – период, когда они с моей мамой объединили свои судьбы. Прежде запомнилось вот что: в нашем доме гостили приезжие евреи. Мы порой начинали роптать, он говорил: «Этому еврею жить негде. Мой долг был его пригласить». Помогал евреям всем, чем мог.

Порою нас подзуживали антисемиты. Меня зовут Хана, и мне вслед несло то и дело: «Хана, тебе хана». Однажды пришел сосед: «Вульфич, свинья у меня принесла 5 поросят. Одну свинку я назвал Ханка. Правда, хорошо?». – «Лучше некуда», – и углубился в молитву. Через день: «Вульфич, беда: Ханка сохла!». – «Жаль, что только она». Такая вот картина с натуры.

После войны у него осталась в живых лишь дочь Дыся. Она училась в Ленинградском университете. На каникулы приезжала к отцу. Бывало, заходит в дом, он молится. Ему бы дочь обнять после разлуки, но пока длится молитва – это невозможно. И мы вместе с Дысей в ожидании. Но вот долгожданный миг – молитва окончена, дом наполнился ликующей радостью. Его сердце чутко улавливало беду. Как-то ему приснился сон: пришел Лазарь, муж сестры, и говорит: «Рувим, я умер. Хочу, чтобы меня похоронили с талитом, который у тебя». Отчим проснулся весь в слезах. Мама стала его успокаивать. К полудню пришла телеграмма с печальным известием о смерти Лазаря. Отчим немедленно повез талит в Москву за 980 км!

Работал отчим завскладом на лесоперевалочной базе. Всех сослуживцев заранее предупреждал: «В Субботу я не ставлю никакие подписи. Приходите заранее, в пятницу». Кое-кто приходил по забывчивости и в Субботу, но отчим был непреклонен: в вопросах веры исключений быть не может.

Крутова Н.В.

История одного поиска: Селицкие (Силитские)

В июле 2007 г. на мое имя пришло письмо из Израиля. Писал Яков Селицкий, проживающий в Хайфе. Это было письмо-просьба о поис-

ке захоронений родственников, эвакуированных в годы Великой Отечественной войны в Казахстан.

«... Хочу послать вам воспоминания из той жизни. Они очень скудные, т. к. я тогда был совсем маленьким ребенком, можно сказать грудным. По рассказам моих родителей они жили до войны в Брянской обл. и убежали пешком, буквально за несколько дней до оккупации того места. Затем в г. Елец они влезли в железнодорожный состав и ехали на восток пока он не остановился. Куда они едут – они не знали. Как их дальше расселили, я не знаю. Попали они в с. Быструха, где были единственной еврейской семьей. Претерпели там страшный голод, холод, нищету, болезни, несчастья и потери дорогих жизней. Очень хотел бы, чтобы Вы напечатали небольшую книжечку об этом. К сожалению, теперь мне не у кого что-то спросить. И там в Быструхе тоже нет почти свидетелей того периода».

И начались наши поиски, в которых принимали участие сотрудники Восточно-Казахстанского музея-заповедника, Еврейского культурного центра г. Усть-Каменогорска, старожилы села и Яков Селицкий, дозвонившийся до Быструхи и переполошивший в хорошем смысле этого слова некоторую часть села. У него было единственное желание – найти место захоронения и поклониться родным могилам. Но все оказалось не так просто.

Мне, проживавшей на тот момент в Восточном Казахстане и занимавшейся историей еврейской диаспоры региона, проще было добраться до места событий, что я и сделала, дважды побывать в с. Быструхе Глубоковского р-на Восточно-Казахстанской обл. Первый раз – по доброй воле с целью поиска очевидцев тех далеких событий военной поры. Второй – практически под «конвоем», в сопровождении представителей администрации Глубоковского р-на, которые всячески пытались убедить меня в нереальности поиска захоронений еврейской семьи.

Впрочем, обо всем по порядку. Казахстанская история этой семьи началась более 70 лет назад, в годы Великой Отечественной войны. По воспоминаниям Якова Селицкого, Соломон и Эсфирь Селицкие [родители Якова] с престарелой бабушкой Рахиль и двумя сыновьями Давидом и Яковом были эвакуированы из Брянской обл. Судьба распорядилась так, что Селицкие оказались в Восточном Казахстане, в с. Быструха Верх-Убинского^{1*} р-на Восточно-Казахстанской обл.

Традиционно любой поиск начинается с работы в архиве, что и было сделано. В Государственном архиве Восточно-Казахстанской обл. среди многочисленных списков эвакуированных удалось найти

^{1*} Ныне Глубоковского р-на.

сведения о семье Селицких. «ФИО: Силицкий Соломон Яковлевич, год рождения: 1892; национальность: еврей; кол-во членов семьи: 5 чел.; откуда прибыли: г. Орел; место работы до эвакуации: Утильбаза, заготовитель; место работы в настоящее время: не работает» [1].

Архивный документ 1944 г. подтвердил рассказ нашего респондента, за исключением места проживания до эвакуации, в списке эвакуированных записан г. Орел. Возможно это бюрократическая ошибка, можно представить в какой спешке составлялись подобные документы.

Вскоре я отправилась в Быструху, где мне удалось найти старожилов села, помнивших еврейскую семью. Они поделились своими воспоминаниями и рассказали следующее.

Селицких поселили в подсобном помещении летней кухни деревенского медпункта, который ранее принадлежал настоятелю Быструшинской церкви и находился по улице Ленина (бывшая Большая).

Особенно всем запомнился глава семейства – Соломон Яковлевич. Среднего роста, коренастый, с бородкой – клинышком и в очках с толстыми линзами. Всегда был одет в длинное черное пальто с папачкой на голове, из-под которой выглядывали рыжие кудри. Спокойный, уравновешенный, его трудно было вывести из себя. За плечами у него постоянно был мешок с мелким товаром. Он ходил по деревне и выменивал на продукты: удочки, рыболовные крючки, краску, нитки, иголки. За этот нехитрый товар быструшинцы давали: кто хлеб, кто пару картофелин, кто молоко. А еще Соломон был единственным в деревне владельцем стеклореза. И когда возникала необходимость в резке стекла, то обращались к старику Соломону, так его называли деревенские. Обращались к нему и дети. Дело в том, что Соломон Селицкий был грамотным человеком и помогал детворе решать сложные задачи. Он и своих сыновей обучал сам, в школу они ходили совсем непродолжительное время. Но, тем не менее, удалось найти их одноклассницу – Марию Семенову, которая сидела за одной партой с братьями Селицкими и сегодня проживает в Быструхе. Она вспоминает, что у Якова – младшего, была очень добрая и обаятельная улыбка.

Через дорогу от медпункта, где жили Селицкие, проживала семья Кузнецовой Прасковьи. Она рассказывает, как Соломон практически ежедневно приходил к ним домой погреться у теплой печки, послушать по радио сводки с фронта и поговорить. Подолгу беседовал с православной бабушкой Соломеей, но тема разговора всегда была одна – ожидание победы.

Семья эвакуированных евреев жила очень бедно, особенно тяжело приходилось зимой. Чтобы хоть как-то обогреть свое жилище, Соло-

мон собирал по берегу реки хворост, карагайник. Местные жители помогали по возможности, хотя голод практически был в каждом доме [2].

Среди мирных жителей война в первую очередь забирала стариков и детей. Так случилось и с бабушкой Рахиль – матерью Соломона. Летом 1944 г. в возрасте 97 лет она скончалась. В 2007 г. по запросу в архив загса Восточно-Казахстанской обл. был получен ответ, подтверждающий факт смерти Селицкой Рахиль. «Справка. Дана о том, что в архиве ЗАГС Департамента юстиции ВКО имеется запись акта о смерти № 37 от 25 июля 1944 г., составленная Куйбышевским сельсоветом Верх-Убинского р-на Вост.-Каз. обл. где значится: фамилия: Силитская; имя: Рахиль; отчество: Симоновна. Время смерти: 25 июля 1944 г. Место смерти: с. Быструха. Район: Верх-Убинский. Область: Вост.-Каз. обл. Возраст: 97 лет. Причина смерти: старческая болезнь. Начальник отдела ЗАГС – подпись» [3].

Момент ее похорон хорошо запомнили местные жители. Старожилы села Акентьев Иван и Киселев Василий рассказали, будучи мальчишками, идя на речку, заметили странную процессию, во главе которой был Соломон, толкающий впереди себя тележку. Соломон, увидевший ребят, попросил помочь довести умершую до кладбища. Сегодня они вспоминают, что тело было завернуто в белую ткань. Соблюдая еврейский похоронный обряд, опустили в могилу без гроба, здесь же поставили чашку с ложкой, прикрыли досками и закопали. Чтобы отметить место захоронения, поставили небольшой камень, примерно полметра высотой, напоминающий небольшой столбик.

На этом потери в семье Селитцких не закончились. Через год в возрасте 2-х лет умирает младший из братьев – Лев, родившийся уже в Быструхе. «Справка. Дана о том, что в архиве ЗАГС Департамента юстиции ВКО имеется запись акта о смерти № 14 от 7 июня 1945 г., составленная Куйбышевским сельсоветом Верх-Убинского р-на Вост.-Каз. обл., где значится: фамилия: Силитцкий; имя: Лев; отчество: Саламонович. Время смерти: 7 июня 1945 г. Место смерти: с. Быструха. Район: Верх-Убинский. Область: Вост.-Каз. обл. Возраст: 2 года. Причина смерти: диспепсия. Начальник отдела ЗАГС – подпись» [4].

Старожилы села помнят его плохо, это и понятно. Будучи малышом и скорее всего болезненным, он редко выходил со двора. Младшего сына Соломон похоронил скорее всего рядом.

К сожалению, администрация села оказалась права, сегодня точное место захоронения найти невозможно. При посещении сельского кладбища, мы увидели большое количество стоящих камней – «па-

мятников», и которые из них принадлежат семье Селицких сказать сложно. По воспоминаниям сельчан, так хоронили все приезжие – эвакуированные. Но, что мешает руководству с. Быструха поставить на кладбищенском холме памятник всем погибшим и умершим от голода и болезней эвакуированным, а в селе их было немало.

В 1945 г. закончилась война, но лишь в 1950 г. Селицким удалось вернуться домой. Сегодня, Яков Селицкий живет в г. Хайфе (Израиль), но воспоминания военного детства не дают ему покоя.

Моя связь с Яковом Селицким прервалась, в течение прошедших десяти лет от него больше не было телефонных звонков и писем.

1. ГАВКО. Ф.1п. Оп.8. Д.2836. Л.166.

2. Беседа с респондентами (К. Блинов, А. Блинов, В. Киселев, И. Акентьев, П. Кузнецова, М. Семенова, К. Блинова, М. Голованова) состоялась в июле 2007 г.

3. Информация о смерти Р. Селицкой (1847) предоставлена архивом загса Департамента юстиции Восточно-Казахстанской обл. Текущая запись от 5 июля 2007 г.

4. Информация о смерти Л. Селицкого (1943) предоставлена архивом загса Департамента юстиции Восточно-Казахстанской обл. Текущая запись от 5 июля 2007 г.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Ярков А.П.

«Другой мир» глазами еврейского средневекового картографа

«О моей родословной расскажут
Миллионы книг.
Дым изгнания горький
В моих глазах
Я – еврей!»

(Гафур Гулям)

О территории современного Казахстана знания можно почерпнуть из средневековых карт, создатели (среди которых были и евреи) которых не видели ее воочию, но представляли на основании путевых заметок («дорожников») и кроков (набросков). Не имея визуального сопровождения, иные материалы дают порой точные описания объектов. Так, придворный персидский историк, рожденный иудеем, ставший крупнейшим мусульманским богословом Рашид-ад-Дин, возглавил группу составителей «Джами ат-таварих», давшему представление о людях и эпохе.

Конечно, каждому отрезку исторического времени соответствует своё представление о реальности. Средневековые карты нельзя рассматривать как современные по точности изображения и наполнения. Вместе с тем они интересны как попытки представителей разных культур определить место того или иного географического объекта в пространстве, где уже присутствовали «их» традиционные религиозные центры: Рим и Константинополь, Мекка и Медина, Иерусалим и Акка.

Между тем, в тот период ещё смыкались христианская, иудейская, конфуцианско-буддийская и мусульманская оценки Северной и Центральной Азии. Не владея точной информацией о живущих там людях и их социальной организации, на картах условно изображались территории тамошних (предполагаемых) государств, географические объекты и населенные пункты (в т. ч. легендарные). Например, о реке Иртыш в «Круглой карте мира» (в центре которой – Центральная Азия) поведал в 1074 г. Махмуд Кашгари из Барскауна (что находился на южном берегу Иссык-Куля) [1].

В средневековых географических сочинениях и на картах редки описания и изображения северных пространств и политий, там существовавших. Обозначение «седьмого климата» показывало предел обитания человека, где далее только полулюди-полуживотные. По-

этому лишь расширение знаний в связи с Великим Шёлковым путём отменило эгоцентризм арабской и персидской картографий.

До внедрения математических измерений Земли «плоская картина мира» имела, преимущественно, художественно-образное воплощение, отражая и пространство Северной и Центральной Азии. Важно здесь определиться в некоторых вопросах.

Первое. Средневековые данные нельзя соотносить с современными территориальными образованиями.

Второе. В 1238 г. благодаря Матвею Парижскому появляется конструктор Tartaria Magna, относительно быстро распространившийся среди путешественников, картографов, летописцев и других «сведущих людей». Возникло и мнение, что все жители Северной Азии – тартареи (тартары) татары.

Третье. Как в средневековых географических сочинениях и на картах редко описания и изображения северных пространств и политических, там существовавших. У торговцев, составлявших в «дорожниках» описание путей и объектов, сведения иногда фантастические. Так, заинтересованный в приобретении пушнины Ал-Гарнати не только сообщил, что в конце этой трассы «За страной Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура» [2].

Четвертое, особенное, связанное с тем, что многие европейские карты отражали христианское видение мира. Лишь со временем карты стали более объективно отражать ситуацию, обогащенную живыми впечатлениями очевидцев.

Сведения, собранные из «дорожников» купцов, посольств, стали более систематизированными. Они отложились в портолане братьев Пицигани (1367), а уже оттуда они «перекочевали» в Каталанский атлас (1375) Авраама Креска (Крескеса) – представителя той группы евреев-картографов, что обосновались на Майорке (Балеарские острова).

Как замечено: «Сильной стороной картографов острова был анализ информации из различных документальных источников, созданных евреями, христианами и арабами ... Сведения о Востоке приходили также и официальным путем, поскольку ещё в конце 1220-х гг. Королевство Арагон установило дипломатические отношения с Персией» [3]. Мастера на том острове находились под покровительством арагонского короля Педро IV, а сама карта была выполнена по заказу королевской семьи. В тот период Балеарские острова, как и материковая Каталония, входили в состав Арагонской короны). Карта вскоре была преподнесена в дар французскому королю Карлу V.

Анализируя состав карты, можно узнать там немало примет географических реалий Северной и Центральной Азии, например, озеро Иссык-Куль. Там же указано на каталанском языке: «Los munts de

Sebur on neix lo gran flum Edil»^{1*} [4] и помечены ряд поселений на территории современного Казахстана.

Закрепление традиции устройства оседлых поселений в регионе очень длительно. При этом знаковая система в виде пиктограмм – символических рисунков дополняется текстовой информацией. Так рядом с изображением протяженного здания с двумя фланкирующими башнями с крестами указано: «Lo loch quis assella Yssicol. En aquest loch es I monesstir de frares ermonians, ot Segons ques diu, es lo cors de sent Mathi apostul e evangelista».^{2*} Впрочем, эти сведения сомнительны. Но, заметим, что к тому времени Авраам Крескес уже принял католическую религию и его подчеркнутое отношение к сторонникам другого направления христианства – монофиситов как «братьям», показательно.

Признаком политической и социокультурной навигации на вышеупомянутом Каталонском атласе можно признать джучидский знак (флажок) над обширной территорией, куда входила и Sebur. Sebur можно понимать и как обозначение столицы Сибирского юрта – Искера (Кашлыка; Сибири; Старой Сибири). Вероятно, так показан центр (предполагаемый или воображаемый) их владений, где все жители – подданные одного правителя, изображённого на одном из полей в восточной традиционной позе [5].

При весьма скромных данных, которыми обладали средневековые картографы (в т. ч. европейские евреи с острова Майорка), можно достаточно высоко оценить их «взгляд» на «другой мир», в котором уже жили и азиатские евреи – яхуди.

1. Ярков А.П. Очерк истории в Кыргызстане. – Бишкек, 2002. Бахрушин С.В. Научные труды. Т.III. – М., 1955. Бородаев В.Б., Контев А.А. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века). – Барнаул, 2006.
2. Ал-Гарнати. Ясное изложение некоторых чудес Магриба, или выборка воспоминаний о чудесах стран / Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т.III. – М., 2009.
3. Нурминен М.Т. Мир на карте. Географические карты в истории мировой культуры. – М., 2017.
4. Мартынюк А.В. Каталонский атлас 1375 г. как источник по истории Золотой Орды и других монгольских государств XIV в. / Труды Международной конференции «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XIV вв.». – М., 2008.
5. Юрченко А.Г. Каталонский атлас 1375 года: коды и символы / Степи Европы в эпоху средневековья. Т.8. Золотоордынское время: сборник научных работ. – Донецк, 2010.

^{1*} «Горы Себур, где большая река Эдиль берет начало».

^{2*} «Место, которое называется Иссиколь. В этом месте монастырь братьев армян, в котором есть, говорят тело святого Матфея, апостола и евангелиста».

КОМИССАРИАТИ ХАЛКИ
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ

КОРХОИ ДОХИЛИИ СССР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Шуббан ақтхон ҳолати граждани Отдел актов гражданского состояния

ШАХОДАТНОМАИ ТАВАЛЛУД—свидетельство о рождении № 107

Гр. Цукерман
Сафина Ишқабта

Таваллауд шудаест
Роизи (айси) 1945 г. октябр 28

ва дар ни бора ба дафтери қабил ақтхон ҳолати граждани аз тусуси таваллауд о чен в ақте занисеи ақтхон граждани ҳолати о роизи

дар сои—за 1945 год, рӯзи 17 числа, номи асра

қабил давалар навишта шудаест ба № 4

Падар: Цукерман Ишқабта
Ота: Ишқабта Ишқабта

Роизи: Ишқабта Меҳаммад

Мом таваллауд боҷа: Куркати Республика, вилояти Куркати, область Куркати

Место рождения, рефржа: Куркати С/С.

Место регистрации: Куркати С/С.

М. П. Мудри бюроси ЗАГС
Зав. бюроси ЗАГС

1945. 10. 28

1978 йилдаги ислоҳотнома - давлат ақтхон ҳолати

1978 йилдаги ислоҳотнома - давлат ақтхон ҳолати

Свидетельство о рождении Сабины Цукерман.
Селение Куркат, Таджикская ССР. 17 октября 1945 г.
Личный архив семьи Цукерман.

Ишек и Меля Цукерман с сыном Леоном.
Пос. Нау, Таджикская ССР. 1945 г.
Личный архив семьи Цукерман.

К сообщению Медведевой-Нату О.
«Воспитанник Януша Корчака в таджикском Куркате»

Работники больницы. Пос. Ачисай Сузакский р-н Чимкентской обл.
1940-е гг. В верхнем ряду первый справа: Александр Ольховик.
Личный архив Б. Голец.

Ученики школы ФЗО. Пос.
Ачисай Сузакский р-н Чимкентской обл. 1940-е гг.
Среди учеников поляки: Эдмунд Фрыдрых (13), Станислав Галка,
Антони Мацейчак и др.
Личный архив Э. Фрыдрыха.

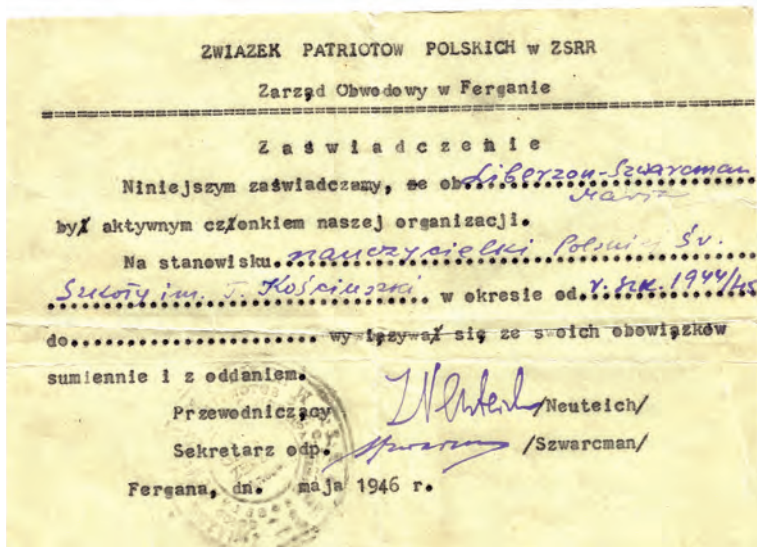
К сообщению Кобрынь Я. «Ачисай 40-х гг. XX столетия глазами очевидцев»

Группа учениц школы ФЗО.
Пос. Ачисай Сузакский р-н Чимкентской обл. 1940-е гг.
Личный архив Ю. Дзыра.

Ученики 4-й группы школы ФЗО №2. Сверху вниз, слева направо:
Порембски Юзеф, Середыньски Мирослав, Гальянт, Ишмуратов,
Стемрень, Бергенов, Каминьски, Ванюшка, Бойков, Холдыс, Надеждин,
Слесаренко, Матвейчук, Стёпка, Бувин, Гайдаров, Середыньски
Здзислав, Банах, Кудайберген Апсалем. В. Стемпень, Впрцлав.
Пос. Ачисай Сузакский р-н Чимкентской обл. 1 мая 1944 г.
Личный архив В. Степеня.

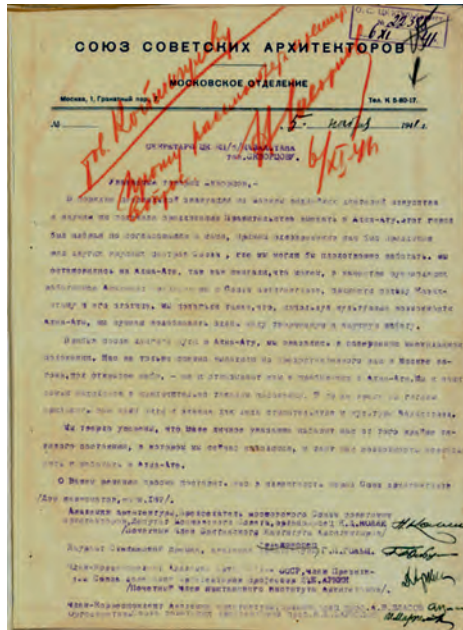

Сертификат Союза Польских патриотов, подтверждающий работу Марии Либерзон-Шварцман в качестве учительницы в польской школе в г. Фергана в 1944/1945 уч. г. Фергана, Узбекская ССР. Май 1946 г. Личный архив Б. Шварцман-Чарноты.

Свидетельство о рождении Б. Шварцман. Фергана, Узбекская ССР. 17 сентября 1945 г. Личный архив Б. Шварцман-Чарноты.

*К сообщению Шварцман-Чарнота Б.
«Не «шелковый путь», а «хождение по мукам»*

АП РК. Ф.708. Оп.5/1. Д.564. Л.1.

Группа проектировщиков. Слева направо: ?, ?, Г.Я. Мовчан, Л.Н. Мейльман. 1926 г.
К сообщениям Малиновской Е.Г. «Академия архитектуры СССР в Чимкенте – период эвакуации», «Забывтый архитектор Лев Мейльман, племянник известного революционера Льва Троцкого»

Зам. министра культуры УзССР И.М. Федоренко, г. Самарканд, 1968 г.

Сёстры Сытые с сыновьями, Харьков, 1940 г.

К сообщению Федоренко З.Л. «Эвакуация в Ташкент харьковчан с Сахаросвеклотрестом»

На строительстве Кокандского сахарного завода.
Слева направо: гл. инженер А.Т. Кожушко, Семёнов – инженер,
А.Г. Уманов – 1-й директор,
в центре У.Ю. Юсупов – 1-й секретарь КП Уз. Коканд. 1942 г.
Личный архив Кожушко.

Семья директора Кокандского сахарного завода А.Т. Кожушко –
жена Полина Александровна, сын – Анатолий,
дочери Елена и Наталья, внучка Зоя.
Коканд. 1951 г. Личный архив Кожушко.

*К сообщению Кожушко Е.А. «Эвакуация Купянского сахарного
завода в г. Коканд»*

С.Е. Незлин / Библиотека журнала
«Мишпоха».
Дата обращения 10.09.2018 г.

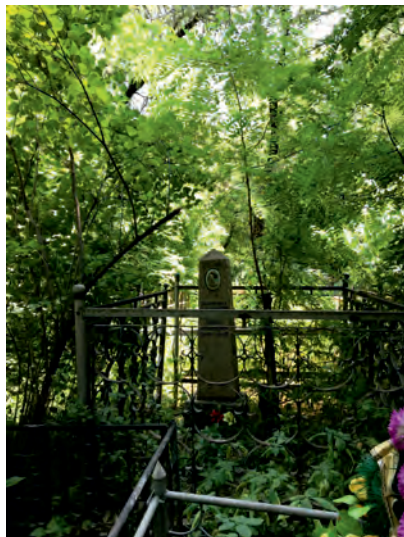

Фото могилы С. Магарил на
Центральном кладбище. г. Алматы.
Июнь 2018 г.

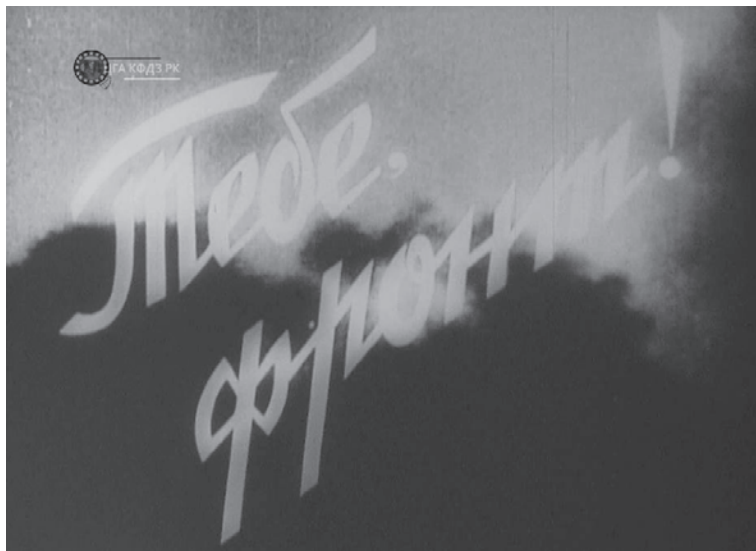

С. Магарил /<https://ru.wikipedia.org>
Дата обращения 10.09.2018 г.

Г. Козинцев /<https://ru.wikipedia.org>
Дата обращения 10.09.2018 г.

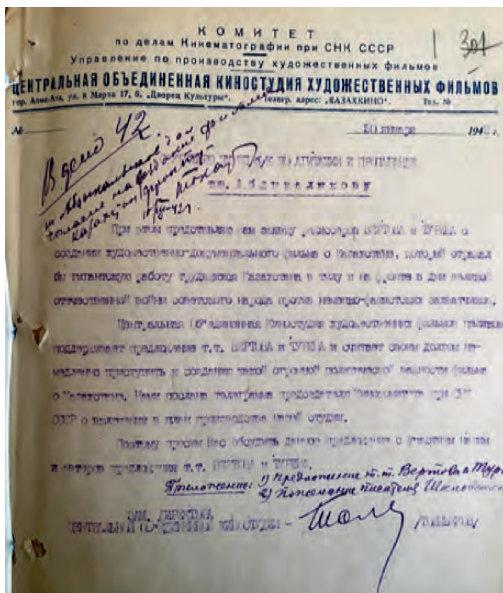
К сообщению Байкаш Ж.Т. Еркеновой А.К. «О некоторых сотрудниках медицинских научно-исследовательских институтов г. Алма-Аты: эвакуированных врачах-евреях»

Кадры из фильма Д. Вертова «Тебе, фронт!». ЦГА КФДЗ РК

Фотография Д. Вертова
/КИНО-ТЕАТР.РУ

АП РК Ф.708. Оп. 6/1. Д.563. Л.1.

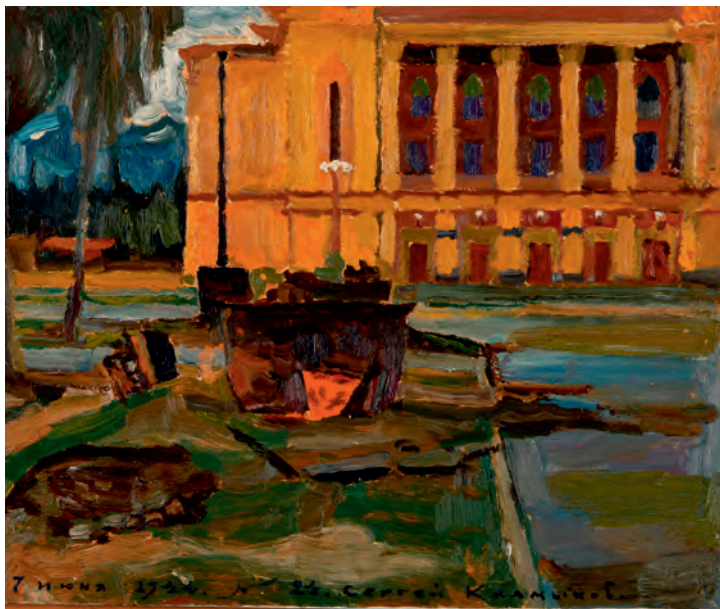
К сообщению Сатаевой Ж.А. «К вопросу изучения истории советского кино в годы войны»

С. Калмыков. Натюрморт. 1944 г. ГМИ РК им. А. Кастеева

С. Калмыков. Павлин в клетке. 1944 г. ГМИ РК им. А. Кастеева

С. Калмыков. Ремонт дороги перед оперным театром.
1944 г. ГМИ РК им. А. Кастеева

С. Калмыков. Эскиз На страже. 1944 г. ГМИ РК им. А. Кастеева

К сообщению Сырлыбаевой Г.Н. «Молчат ли музы, когда пушки говорят? Первый в Казахстане музей искусств в годы Великой Отечественной войны»

М. Ружанский с мамой – Женей Борисовной. Кировоград, Украинская ССР. 1940 г.
Личный архив Ружанских.

Евелина Штайгман-Ружанская.
Джезказган, КазССР. 1953 г.
Личный архив Ружанских.

Михаил и Евелина Ружанские. Черновцы,
Украинская ССР. Июль 1951 г.
Личный архив Ружанских.

*К сообщениям Ружанских «Спасибо тебе, Узбекистан!»,
«Гетто собственными глазами»*

Художник Д.Г. Крейн с сыном.
Карагандинский областной музей изобразительного искусства.

Крейн А.Д. «Автопортрет».
1950-е гг. Бумага, карандаш.
38,8x27 см. КП 2664.

Крейн А.Д. «Отец отдыхает».
1960 г. Бумага, карандаш.
40,5x28,5 см. КП 2607.

К сообщению Омаровой А.С. «Художники Крейны: отец и сын»

И.Л. Будневич и А.Р. Шаяхметов у здания ООН, Нью-Йорк, 1995 г.
Личный архив семьи Шаяхметовых.

К сообщению Шайжановой С.М. «Личный фотограф первого Президента Республики Казахстан – И.Л. Будневич»

Я.И. Фудиман с учениками разных лет после концерта,
посвященного его 70-летию. г. Алматы, 4 февраля 2004 г.

*К сообщению Сагимбаева Н.Е. «Я.И. Фудиман –
основоположник альтерной школы Казахстана»*

Участники Международной научно-практической конференции.
28 сентября 2018 г. АП РК.

Презентация историко-документальной выставки
«Казakhstan: эвакуация в годы Великой Отечественной войны».
28 сентября 2018 г. АП РК.

Слева направо: жители аула Ачисай г. Кентау Туркестанской обл. Дуйсенова Салтанат, учитель школы №7, Уткельбаев Расылбек, пенсионер, Кобрынъ Я. 28 сентября 2018 г. АП РК.

Участники Международной научно-практической конференции.
28 сентября 2018 г. АП РК.

Изменения в конфессиональной жизни евреев Степного края в конце XIX – начале XX в.

Исследование конфессиональной жизни отражает важнейшую составную часть истории еврейской диаспоры в Казахстане. Несмотря на появление отдельных работ [1], период XIX – н. XX в. в казахстанской историографии изучен еще недостаточно. Гораздо шире и глубже тема рассмотрена исследователями истории евреев в Сибири [2]. К н. XXI в. сложилось целое направление – «сибирская иудаика». Необходимо отметить, что эти работы очень важны при изучении истории евреев Казахстана, диаспорально связанных с евреями Сибири.

Образованное в 1882 г. Степное генерал-губернаторство (иначе – Степной край, степные области) включало Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области, что территориально занимало большую часть современного Казахстана, а также части современных России и Кыргызстана. Центром нового генерал-губернаторства стал г. Омск. По переписи 1897 г. на территории Степного края было 2550 евреев, подавляющее большинство которых (2256 чел.) проживало в городах [3, с.258, 266]. Численность евреев от общего количества населения составляла менее 1%.

В 1899 г. Семиреченская обл. была возвращена в Туркестанское генерал-губернаторство. Таким образом, географически границы нашего исследования в основном охватывают Акмолинскую и Семипалатинскую области. Известно, что 1860–1880-е гг. были периодом либерального, а временами и покровительственного отношения местных властей восточных окраин Российской империи к евреям [4]. Империя стремилась усилить присутствие европейских этносов на территориях, населенных казахами-номадами. Евреи из числа отставных николаевских солдат и их потомков, а также отдельные новопоселенцы проживали в городах и станицах. Особенностью расселения евреев на обширных пространствах Степного края стала крайняя разбросанность и разобщенность. На фоне немногочисленной в целом диаспоры наблюдалась большая дисперсность еврейского населения. Это обстоятельство особенно отразилось на конфессиональной жизни евреев. В некоторых местностях проживало всего две–три еврейских семьи. Но даже более крупные общины в городах на практике не могли содержать раввина. Следует отметить, что и в этих условиях религиозные требы как-то отправлялись, но, как отмечено позже, с большими опозданиями и некоторыми нарушениями. По возможности иудеи организовывали молельные дома, как это было, например, в гг. Акмолинске и Верном [4, с.28]. Другой сложностью этого периода стало отсутствие бо-

лее или менее образованных людей среди самих евреев. Как правило, из-за действовавших ограничений по переселению, община не могла пригласить со стороны специальное лицо, поэтому избирали одного человека, наиболее способного совершать службу, обряды и забой скота. Обычно это был кто-то из отставных солдат. Лица, исполнявшие эти должности на общественных началах, не имели необходимого официального статуса религиозного служителя и поэтому административные власти не доверяли им ведение метрических книг [5, с.98, 102, 103]. Как следствие, многие дети, родившиеся в это время, не имели никаких свидетельств или других документов.

Взаимосвязанный комплекс причин – внешних и внутренних – привел к изменениям в конфессиональной жизни евреев Степных областей в к. XIX – н. XX в.

К внешним (по отношению к еврейской общине) факторам следует отнести государственную антисемитскую политику империи времен Александра III и Николая II. Утверждения «о вредной для народа деятельности евреев» стали повсеместными и универсальными [6, с.157–166]. Запретительная антиеврейская политика центральных и местных властей усиливается с 1880-х гг. XIX в. Эти меры особенно болезненно ударили по еврейскому населению Степных областей [7]. В январе 1893 г. были отменены действовавшие с 1880 г. временные ограничения о выдворении евреев обратно в черту оседлости, т. е. на территорию Украины и Белоруссии [8, л.1 и об]. Власти приступили к выяснению законности проживания евреев в Степных областях и высылке тех, кто, по мнению полиции, не имел прав на проживание.

Более жесткому регламентированию подлежала и конфессиональная сфера, поставленная под контроль властей. Вместо бывшего ранее так называемого «общественного» раввина закон требовал избрания казенного раввина [9, л.7]. К выборам раввина допускались только те, кто подходили под образовательный ценз (введен с 1890 г.), обладали «благонадежностью» и т. п. Стоит добавить, что собрания по выбору раввина проходили в полицейском участке (хотя другие помещения для этого имелись), заявление об участии в конкурсе на эту должность также подавали полицейским чинам. Избранного раввина официально приводили к присяге императору, где он клялся «до последней капли крови повиноваться Высокой Его Императорского Величества власти повелениям, равно как и поставленным от него правителям, судьям и начальникам» [9, л.101]. Важно было то, что по существовавшему положению лица, занимавшиеся отправлением религиозных культов, выселению не подлежали. С этого же времени официальной регистрации подлежали и синагоги. Регистрация могла быть отложена властями по неопределенным причинам на долгий срок.

Синагога могла быть запрещена властями, как это случилось по требованию казаков в станице Саркандской [4, с.31].

Официально по сведениям государственных органов в н. XX в. в Акмолинской обл. Степного края было четыре синагоги: две в Омске, одна в Акмолинске и одна в Петропавловске. Одна синагога находилась в г. Верном, уже относившемся к Туркестанскому генерал-губернаторству.

В качестве факторов, повлекших конфессиональные изменения, необходимо отметить внутренние процессы, происходившие в еврейской среде. Как известно, в еврейской диаспоре России в к. XIX в. на фоне общего развития страны в целом нарастали процессы модернизации. Строительство Транссибирской магистрали в середине 1890-х гг. увеличило в восточные районы поток переселенцев, в т. ч. и евреев. Новых членов еврейской общины отличал более высокий профессионально-образовательный статус, стремление к переменам, социальная активность, личностные амбиции.

О внутренних процессах в конфессиональной жизни повествует пример Омской еврейской общины. Несмотря на то, что евреи появились в Сибири еще в XVII–XVIII вв., из-за целого ряда причин еврейская община в Омске сложилась только во 2-й половине XIX в. Документы, отложившиеся в ЦГА РК, позволяют проследить факторы, влиявшие на жизнь общины в к. XIX – н. XX вв. Судя по всему, община переживала в этот момент внутренний кризис, следствием которого стал ее раскол на две враждующие части и образование двух синагог – Старой и Новой. Наиболее конфронтационными стали 1894 г. и 1903 г., когда в череде очередных трехгодичных выборов казенного раввина обострялось борьба среди членов общины.

До начала 1890-х гг. XIX в. омская община представляла собой вполне устоявшийся социум, не очень многочисленный (около 500 чел.), разнородный по своему происхождению и материальному положению, во главе которого стояла неформальная элита. Костяк этого социума составляли люди, называвшие себя «сибирскими евреями», для которых были присущи особые черты характера: стойкость, мужественность и т. п. Вместе с тем для них был характерен низкий уровень образования, в т. ч. и в конфессиональном отношении. Обязанности раввина выполнял, как правило, кто-то из отставных военных, что вело к частым нарушениям религиозных норм. В условиях иноэтничного окружения община держалась сплоченно, что привело к сложению семейных и иных кланов, которые можно обозначить как социальные страты. Конечно, группа не была замкнутым организмом, наоборот, в условиях колонизирующейся Сибири она была подвержена постоянным миграционным процессам.

Началом открытого конфликта стали выборы раввина в 1894 г. Характерно, что представители новой элиты были вхожи во властные органы областного правления. Особенно важно, это были достаточно богатые люди, которые имели большой авторитет у прихожан Новой синагоги [9, л.3–4]. Однако на выборах их кандидат Нисон-Берг Гильман потерпел сокрушительное поражение. Тем не менее, по приказу властей Гильман был назначен казенным раввином, хотя и временно. Победу нельзя было назвать полной, ибо прихожане Старой синагоги категорически отказались согласиться с этим назначением. Власти пошли на компромисс, в результате которого до 1896 г. в Омске было два лица, временно исполняющих обязанности казенного раввина – один в Новой синагоге, другой – в Старой.

С 1896 г. в Омске после выборов пост казенного раввина занимали лица, у которых уже было соответствующее образование. До 1900 г. раввином был А.Я. Фридьев, покинувший его в связи с поступлением в университет. С 1900 г. по 1903 г. раввином служил Ш.Б. Розенберг. Но на очередных выборах 1903 г. разыгралась еще одна коллизия внутриобщинной борьбы. В выборах участвовали уже четыре кандидата, и все они имели достаточный образовательный ценз. По количеству голосов победил Ш.А. Губергриц, что совершенно не устроило верхушку Новой синагоги. В своем письме Военному губернатору Акмолинской обл., куда относился г. Омск, они жаловались, что их кандидат Ш.Б. Розенберг потерпел поражение «благодаря усиленной агитации против него той массы еврейского общества, которая, чураясь всякого луча света, желала бы пребывать в темноте и вековых предрассудках» [10, л.124]. Однако политическая конъюнктура изменилась, и местные власти не желали больше вмешиваться во внутренние дела еврейской общины.

Насколько можно судить по архивным документам подобные «конфликты поколений» возникали также в других общинах и касались они, прежде всего, норм конфессиональной жизни. Возникли споры о том, кто достоин занимать религиозные должности. Например, Ицко Азгут, отставной солдат, живший в г. Акмолинске с 1873 г., исполнял обязанности резака и раввина в течение 23 лет. Но теперь, в середине 1890-х гг., его уровень образованности и возраст уже не устраивали некоторых членов еврейской общины г. Акмолинска, которая к тому времени составляла 300 чел. Более молодые люди выступили против религиозной ортодоксальности общины и требовали поставить на место раввина своего кандидата – специально приглашенного из г. Томска отставного унтер-офицера Шлема Рейтборта [11, л.51 и 51об.]. Напряженная ситуация сложилась и вокруг приглашенного в Верненскую синагогу резника [12, с.12–16]. Контроль и

вмешательство властей во внутреннюю жизнь еврейской общины только углубляли конфликты.

Таким образом, на изменения в конфессиональной жизни евреев Степного края на рубеже XIX–XX вв. повлияли жесткая контролирующая политика государства, углубившая раскол в диаспоре, проходившей процесс модернизации.

1. Урашев С.А. Особенности религиозной жизни верненских евреев / Из истории евреев в Казахстане (XIX в. – начало XX в.). Вып. 2-й. Колл. авторов / Сост. И.Э. Гринберг. – Алматы, 2002. – С.7–21; Волкова Т.П. Особенности религиозной жизни евреев в дореволюционном Казахстане (сер. XIX – начало XX в.) / Евреи в Казахстане. История, религия, культура: Материалы I Международной научно-исторической конференции. Алматы, 12–13 ноября 2002 г. – Алматы, 2003. – С.27–31; Дабжанова Ж.Б. Иудаизм в Казахстане / Там же. – С.172–186; Крутова Н.В. Еврейские святыни Семипалатинска (памятники и персоналии; источники 1892–1932 гг.) / Евреи в Казахстане. История, религия, культура: Материалы II Международной научно-исторической конференции Алматы, 27–28 мая 2004 г. – Алматы, 2005. – С.61–89; Гринберг И.Э. Религиозная жизнь в Верном и Алма-Ате за столетие / Евреи в Казахстане. История, религия, культура: Материалы III Международной научно-исторической конференции. Алматы, 27 октября 2006 г. – Алматы, 2007. – С.54–58; Крутова Н.В. Из истории еврейских захоронений на территории Восточного Казахстана в XIX – н. XX в. / Там же. – С.35–53; Ярков А.П. Об этноконфессиональных особенностях жизни евреев Семиречья в н. XX в. / Там же. – С.28–34 и др.
2. Подробный библиографический очерк по теме см.: Шайдуров Б.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в.: монография. – СПб.: изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013. – С.35–53.
3. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных 1-й Всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. СПб., 1905. – С.258, 266.
4. См.: Волкова Т.П. Особенности религиозной жизни евреев... указ. соч.
5. Волкова Т., Жилкина Т. Документы прошлого / Из истории евреев в Казахстане. XIX в. – начало XX в. Вып. 1-й. Колл. авторов / Сост. И.Э. Гринберг. – Алматы, 2001.
6. Кружалина А.А. «Еврейский вопрос» по материалам сибирских газет второй половины XIX в // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Политология. Религиоведение». – 2013. – № 2 (11), ч. 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/evreyskiy-vopros-po-materialam-sibirskih-gazet-vtoroy-pолоviny-xix-v>
7. Савиных М.Н. Административные преследования евреев в Акмолинской области в к. XIX в. – н. XX в / Евреи в Казахстане. История, религия, культура: Материалы II Международной научно-исторической конференции. Алматы, 27–28 мая 2004 г.... указ. соч.
8. ЦГА РК. Ф.25. Оп.1. Д.2362.
9. Там же. Ф.369. Оп.1. Д.3454.
10. Там же. Д.3849.
11. Там же. Д. 3514.
12. Урашев С.А. Особенности религиозной жизни верненских евреев... указ. соч.

Народ Казахстана в лицах: из истории евреев

Народ Казахстана сегодня – это палитра языков, культур, этносов. В этом разнообразии этноязыкового сознания и культурных кодов мы наблюдаем единство народа со своей государственной идентичностью и любовью к Земле, на которой мы все живем в дружбе и согласии. Об этом можно и нужно составлять летописание, поскольку так складывается история государства: писать о казахах и обо всех этнических группах, о личности каждого успешного гражданина Казахстана, складывая истории их рождения, переезда по субъективным и объективным факторам, выделяя самые яркие лица, которые своим трудом вносили и продолжают вносить вклад в развитие государства.

В данной статье мы затронем лишь одну небольшую часть формирования этнического многообразия в Казахстане, связанную с евреями, со статистическими данными и краткой историей ярких представителей О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва».

Среднеазиатские или бухарские евреи известны как жители Центральной Азии еще с раннего средневековья. Преимущественно занимались ростовщицеством и предпринимательством, а также ремеслами. В языковом отношении были ассимилированы, сохранив древнееврейский – иврит для использования в ритуальных религиозных целях. В данном случае именно религиозный фактор, исповедание ими традиционной веры – иудаизма способствовало сохранению бухарскими евреями своей этнической идентичности.

В силу своей конфессиональной принадлежности община бухарских евреев, особенно до советского времени, была обособленной от окружающего населения и, в определенной степени, дискриминируемой группой, их язык – среднеазиатский вариант фарси (таджикский – авт.) с определенным количеством слов с иврита, говорили также евреи на узбекском, после прихода русских и на русском языке. После распада СССР подавляющая часть бухарских евреев эмигрировала в Израиль.

После вхождения Центральной Азии в состав России, появились общины европейских евреев, сравнительно небольшие по численности, селившиеся в городах. В Центральной Азии разрешалось жить отставным военным и другим привилегированным категориям евреев – ремесленникам, купцам, квалифицированным специалистам. Среди переселившихся в Центральную Азию евреев было много торговцев, промышленников, коммерсантов, врачей, инженеров, журналистов.

В начале XX в. численность европейских евреев в регионе составляла несколько тысяч человек. Если рассказывать о предыстории по-

явления евреев в Казахстане, то следует начать с 1867 г., когда т. н. николаевские солдаты и их потомки поселились в г. Верном,^{1*} и в последующие годы начали формироваться еврейские общины, еврейские молитвенные общества, открывались синагоги. В этот период в уезде насчитывалось 177 евреев. В 1910 г. было зафиксировано в Казахстане 395 чел. После революции 1917 г. число евреев в Центральной Азии и Казахстане возросло, многие из них стали руководителями разных уровней административного советского аппарата в Центральной Азии и в советских республиках Центральной Азии, в т. ч. и в Казахстане [1].

В Казахстане и Центральной Азии в целом, число евреев увеличивалось за счет приезжающей молодежи на стройки социализма, которые в те годы назвались великими стройками. Позже, уже в 1920–1930 гг. в Казахстан стали прибывать политические ссыльные, среди которых было значительное число евреев. В 1939 г., согласно архивным материалам, число их достигло 19 200 чел. [2]. Резко возросла численность евреев в Центральной Азии и Казахстане после начала Великой Отечественной войны в 1941 г., когда из оккупированных и охваченных боевыми действиями западных районов СССР эвакуировались сотни тысяч беженцев. После войны большинство их осталось в Центральной Азии и Казахстане.

В 1950–1960 гг., период освоения целинных и залежных земель в Казахстане, среди прибывающих на освоение Целины, развитие промышленности, культуры и науки были и евреи. Так, согласно данным переписи населения, в 1959 г. евреев насчитывалось – 28 000 чел., в 1970 г. – 27 700, в 1979 г. 23 500 чел. Однако, начиная с периода, когда появилась возможность возвращения на историческую родину, число их стало значительно уменьшаться. Так, уже в 1989 г. их насчитывалось – 19 900, в 1999 г. – 6800 чел. [3]. Данные переписи 2009 г. показывают, что евреи, как малочисленный народ были включены в группу «другие этносы» (общая численность – 714 200 чел.). По данным из различных источников, в Казахстане в настоящее время насчитывается от 7000 до 45 000 евреев. О том, почему наблюдается столь значительная разница в цифрах, отвечает портал IzRus, где указывается, что важно учитывать еще факт того, как записывались сами евреи в графе национальность [4].

Середина – конец XX в. считается периодом начала репатриации и выездом по собственной воле инациональных представителей Казахстана на историческую родину и в другие страны. Так, среди них 4800 евреев покинуло Казахстан по различным причинам. Оставшие-

^{1*} Ныне Алматы.

ся евреи стали создавать свои культурные центры, ассоциации, организации, фонды, воскресные школы, культурные центры, общины, синагоги как в столице, так и в регионах Казахстана. В 1992 г. была зарегистрирована Ассоциация еврейских национальных организаций Республики Казахстан «Мицва», включающая 20 этнокультурных объединений, 13 благотворительных и общинных центров.

Ассоциацию евреев возглавляет член совета АНК Александр Барон [5]. Своими заслугами известны многие евреи, проживающие в Казахстане, как например, Инесса Чугайнова, которая возглавляет Еврейский общинный центр «Римон». Можно отметить работу директора еврейского общинного центра г. Астана Нины Левиной, Виктории Бойко, которые проводят «Музыкальные коктейли» в столице Казахстана. Все они активно работают по сохранению этнической культуры, традиций и самобытности различных этносов многонационального народа Казахстана, что является одной из задач по гармонизации межэтнических отношений в республике.

Шаймерденова Н.Ж., доктор филологических наук, профессор, член Научно-экспертного совета АНК часто вспоминает об ученом-лингвисте, докторе филологических наук, профессоре А.Е. Карлинском. Она считает его Учителем с большой буквы и отмечает, что его труды остаются непревзойденными в мировой лингвистике и составляют фундамент науки [6].

Можно составить целый список деятелей науки, культуры, вносящих вклад в развитие нашего государства, тех евреев, которые волею судьбы оказались в Казахстане. О них можно написать книгу, по крупицам собрав истории еврейских семей в Казахстане и тех, кто впоследствии переехали на свою историческую Родину. Например, Морис Давидович Симашко, который в возрасте 75 лет репатриировался в Израиль. Но его вклад в развитие казахской литературы неоценим. Он является народным писателем Казахстана, создал много произведений на тему среднеазиатской истории, самая читаемая и любимая всеми повесть «Емшан», и который за перевод трилогии Ильяс Есенберлина «Кочевники» в 1986 г. стал лауреатом премии им. Абая [7].

На встрече с делегацией ведущей еврейской некоммерческой правозащитной организации США председатель Национальной коалиции в поддержку еврейских общин Евразии Даниэл Рубин отметил, что «еврейское сообщество живет в достаточно безопасной, процветающей стране и еврейская диаспора, как и все другие этносы в стране, свободно исповедуют свою религию и традиции» [8].

Евреи в Казахстане – это только небольшая часть от всей численности народа Казахстана, представители которой живут, трудятся, обучаются во благо государства, участвуют в общественной, полити-

ческой и культурной жизни, создавая при этом яркое разнообразие в своем единстве со всеми, являясь тем источником, который обогащает Казахстан своими этнокультурными особенностями, разработками, вкладом в науку и культуру, культурно-просветительскими мероприятиями, предлагаемыми и проводимыми О.Ю.Л. Ассоциацией «Мицва».

1. Кадырбаев А.Ш., Шаймерденова М.Д. Страна изучаемого языка: История, география и культура Казахстана. – М., 2012.
2. ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. Д.3532. Л.9.
3. Итоги переписи населения 1999 г. Республики Казахстан – Алматы, 2001.
4. Куда «исчезли» евреи Казахстана. Zakon.kz. Электронный ресурс [Режим доступа]: <https://www.zakon.kz/163762-kuda-ischezli-evrei-kazahstana.html>.
5. Электронный ресурс [Режим доступа]: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31380198#pos=6;-284.
6. Карлинский А.Е. Взаимодействие языков: билингвизм и языковые контакты. Алматы: КазУМОиМЯ, 2011. – 264 с.
7. Электронный ресурс [Режим доступа]: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. Из истории евреев в Казахстане XIX в. – XX в. Ассоциация «Мицва» РК. – Алматы, 2002, выпуски 1–3.
8. Условия проживания евреев в Казахстане высоко оценили правозащитники США. Электронный ресурс [Режим доступа]: https://bnews.kz/ru/news/usloviya_prozhivaniya_evreev_v_kazahstane_visoko_otsenili_pravozashchitniki_ssha; Википедия. Евреи Казахстана. Электронный ресурс [Режим доступа]: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%B8_%D0%B2_%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B5 Советский Союз. Евреи в Советском Союзе в 1922–1944 гг. Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://eleven.co.il/jews-of-russia/jewish-history-in-ussr/15416/>

Жумалиева С.Ч.

Становление и деятельность общества еврейской культуры Кыргызстана

У каждого народа, проживающего вне исторических границ, в государстве в котором они проживают, обязательно есть компактные группы. Поэтому каждый член общества и каждая этническая группа должны быть равноправными членами единого народа. Чем больше мы знаем об исторических корнях и культурных достижениях коренных и переселившихся этнических групп, тем глубже чувства взаимопонимания и уважения в гражданском обществе.

Формирование еврейской общины началось во второй половине XIX в., когда после присоединения Кыргызстана к Российской империи стали селиться как европейские, так и бухарские евреи. В 1885 г.

в Пишкеке^{1*} проживало 8 евреев, в 1910 г. – 18. Еврейское население Кыргызстана стало быстро увеличиваться после установления советской власти: в 1926 г. в республике проживало уже 300 евреев, в 1939 г. – 1900 (в Бишкеке в том же году – 1031 чел., в Джалал-Абаде – 108). Количество ашкенази увеличилось в 1930–1940 гг., прежде всего за счет ссыльных и эвакуированных.

Большое число евреев эвакуировалось в Кыргызстан во время Второй мировой войны, по приблизительным данным – 26 тыс. чел. Многие из них впоследствии остались в Кыргызстане. В 1941–1944 гг. в Бишкеке работал эвакуированный Львовский еврейский театр под руководством Иды Каминьской. В 1930–1950-е гг. в Кыргызстане работали десятки высококвалифицированных медиков. Среди них были специалисты, подчас, с мировым именем – это профессора Б. Бейлин, А. Бродский, А. Брудный, М. Вольский, А. Слоним, В. Канторович, М. Фридман, Б. Эльберт. Именно они заложили основу кыргызской медицины, стояли у истоков медицинской науки, образования. То же самое можно сказать и об ученых других специальностей, таких как биохимик А. Бах, физико-географ Л. Берг, физик Ф. Франкль, историки-тюркологи А. Бернштам и С. Абрамзон. Их дело продолжили ученые нового поколения – Я. Фридман, В. Гурович, Б. Миркин, Ю. Сосновский, Л. Соломович, В. Рудаев, Ю. Шварцман, М. Федоров и др. [1].

В 1945 г. была зарегистрирована еврейская религиозная община, насчитывавшая 70–80 чел., в основном в нее входили люди, приехавшие в город во время войны [2].

К концу 1970-х гг. еврейское население республики сократилась до 7,2 тыс. Так в 1968–1991 гг. 1,8 тыс. евреев Кыргызстана репатрировались в Израиль или выехали в США, Канаду, Германию и другие страны.

С начала 1990-х гг. из страны эмигрировали свыше 5 тыс. евреев. В настоящее время по данным переписи населения 2016 г. в республике проживают 472 еврея [3].

Национально-культурные центры (далее – НКЦ) считаются уникальными, системными общественно-политическими институтами, они помогают политической системе работать в позитивном русле и вносить огромный вклад в развитие демократизации общества. НКЦ создают условия для установления отношений между нациями, установления демократической культуры, служат культурной основой для государственной национальной политики.

В становлении НКЦ, общественных объединений по этническим признакам, можно выделить следующие моменты. В конце 1980-х гг.

^{1*} В 1926–1991 гг. – Фрунзе, с 1992 г. – Бишкек.

возникли многочисленные общественные формирования граждан. Отличительной чертой общественных объединений граждан всех категорий, в нашем случае НКЦ, было согласие в том, от чего они отказывались в общественно-политическом аспекте, на лицо было отсутствие перспективной программы. В этом случае отсутствие опыта общественной и политической активности граждан, умение действовать сообразно политическим реалиям. Для них были характерны такие методы деятельности, как дискуссии, теоретические семинары, митинги. Несмотря на относительную малочисленность отметим, что большинство лидеров и значительная часть общественных организаций действовали разрозненно. Появившиеся первые группы инициаторов отстаивали права своего народа – территориальные, культурные, естественные, независимо от официальной политики. Но даже эти независимые НКЦ так же, как руководство Кыргызстана действовали с оглядкой на Москву [4, с.11].

По мере продвижения страны по пути демократизации на первый план выдвинулись НКЦ с комплексным характером поставленных целей и региональным (городским, областным, районным) уровнем организаций.

После прихода к власти М.С. Горбачёва в союзных республиках было усилено внимание со стороны государства к этническим проблемам. В аппарате ЦК КПСС создаётся отдел по национальным отношениям, куда были приглашены работники с мест, представляющие разные национальности, сформирован круг консультантов из академической среды. Впервые с довоенных времён проблемы национальной политики поднимаются на XXVII съезде КПСС, Пленуме ЦК КПСС (январь 1987), затем и на Всесоюзной XIX партконференции (1988). В резолюции этой конференции «О межнациональных отношениях» говорилось о необходимости нового политического курса, сочетающего удовлетворение интересов всех национальностей страны с общими её интересами и потребностями. Было признано необходимым расширение прав союзных и автономных образований и разграничение компетенции СССР и советских республик, передачи на места ряда управленческих функций, усиления самостоятельности и ответственности в сфере экономики, социального и культурного развития, охраны природы [5, с.248].

На протяжении всей истории Кыргызстана разные этносы, представители различных вероисповеданий вносили свой вклад в формирование культуры нашего общества. Жизнь в поликультурном обществе выработала традиции сосуществования народов с разной культурой и религиями. Отличительной чертой современных общественных отношений в Кыргызстане является, с одной стороны, наличие тради-

ций межэтнического согласия в обществе, с другой – отсутствие навыков предотвращения и разрешения межэтнических конфликтов. В период Советского Союза культивировалась идеология интернационализма и дружбы народов. Эта идеология под мощным контролем тоталитарной власти обеспечивала стабильность в обществе. По мнению Э. Шукурова постоянный идеологический и политический контроль, экономическая, а порой и культурная зависимость, не создавали условий для образования навыков самостоятельного решения межнациональных проблем [6, с.8].

Кризис, а затем и распад советской империи вынесли на политическую поверхность проблемы межэтнических отношений. Последние годы, предшествующие распаду Советского Союза, отличались ростом национального самосознания этносов центральноазиатского региона [7]. Само по себе данное явление не является причиной межэтнического напряжения, однако это можно рассматривать как ответную реакцию на политику многолетнего патронажа русского этноса в межэтнических отношениях. Э. Шукуров считает, что искоренение высших форм национального сознания привело к господству примитивных, близких к стадным формам этнической самоидентификации, создало почву для роста национализма и этнической нетерпимости [6]. Интернационализация, которая была основой советской идеологии, включала активный аспект русификации.

В конце 1980-х гг. с началом политики гласности идет процесс изменений в общественном сознании населения. Начинается критическое восприятие интернационализации, бывшей основой советской идеологии и включавшей активный аспект русификации. Произошел всплеск антирусских настроений, т. к. определенная группа национальной элиты считала, что только из-за русификации не развивалась национальная культура. В это время видные представители общественности высказывались против притока внешних мигрантов из других регионов Советского Союза, предлагали активизировать миграцию трудоизбыточного сельского населения в город. А. Асанканов считает, что проявление национализма среди кыргызов было своеобразным ответом на угрозу национальной свободы и этнической самобытности [8]. Однако межэтническая напряженность вылилась в 1990 г. в кыргызско-узбекский конфликт, т. к. усилиями органов советской безопасности социально-политическое напряжение пошло по «отводному каналу».

На заседании Пленума ЦК КП Киргизии 21 мая 1988 г. отмечалось, что полнее удовлетворяются культурные запросы проживающих в республике национальных групп. При клубах и домах культуры действуют коллективы художественной самодеятельности [9].

На заседании Комиссии Совмина СССР 25 декабря 1989 г. было предложено Совмину Киргизской ССР представить свои соображения об образовании национальных районов по созданию необходимых условий для удовлетворения культурно-бытовых потребностей, сохранения их национальных традиций и развития культуры. На это 12 сентября 1990 г. был издан приказ Министерства юстиции Киргизской ССР о регистрации Уставов общественных объединений [10].

На заседании пленума ЦК КП Киргизии 1990 г. 13 января, в своем докладе Масалиева А.М. «О национальной политике партии в современных условиях» сообщается, что в соответствии с платформой КПСС в республике стали создаваться НКЦ, общества. Через пропаганду национальных духовных ценностей, прогрессивных народных традиций и обычаев эти центры и ассоциации призваны способствовать взаимопониманию и сближению людей [11].

Для представителей других наций, создаются условия для удовлетворения специфических запросов, развития языков и культуры [12]. К Постановлению XIV пленума ЦК КП Киргизии от 13 января 1990 г. был составлен План практических действий. В нем оговаривалось, что в решении развития языков и культур разных национальностей, в обеспечении школ литературой на родном языке, наборе из своей среды преподавателей, создании НКЦ многое могут сделать представители этих народов [13].

Постановлением ВС Республики Кыргызстан от 1 февраля 1991 г. введен в действие Закон «Об общественных объединениях», согласно этому Закону были утверждены Правила рассмотрения заявлений о регистрации уставов общественных объединений [14].

В республике проживают более 100 народностей. Вопросы самоорганизации и самоуправления каждой из них не могут волновать общество. Сегодня НКЦ проводят комплекс мероприятий, направленных не только на просвещение своей диаспоры, но и на сохранение ее в культурном и этногенетическом плане.

Исследование НКЦ актуально и тем, что они, возникнув в недрах тоталитарного общества, расшатывали его устои, вовлекли представителей своего народа в политическую и общественную деятельность. НКЦ становились создателями программных положений, что в дальнейшем нашло свое отражение в теоретических материалах как политических партий, так и государственных программ. НКЦ прошли свой путь развития в насыщенный на исторические события период, в гуще общественно-политических событий. Любые глобальные потрясения, сдвиги в обществе, будь то социального или политического характера, напоминают о национальных проблемах. Изучение исторического опыта становления и деятельности, проблем НКЦ углубляет наши

представления по важнейшим вопросам научного познания пути, пройденного диаспорами Кыргызстана. Научное осмысление процессов и событий, имевших место в становлении, развитии общественных объединений граждан по этническим признакам, где главным являются вопросы культуры. Мы считаем, что в современный период история НКЦ и этнических диаспор – это уже неразрывно связанные реальности. НКЦ призваны возродить и сохранять, передавать будущим поколениям все многообразие национальных культур. Следовательно, научное познание исторического опыта, связанного с возрождением и сохранением национальных культур, традиций и обычаев расширяет возможности правильной и эффективной организации межнациональных отношений в кыргызском обществе. Их численность, структурное построение, состав и членство определяется уровнем развития демократии в обществе, культурным потенциалом государства и другими факторами. Функции, выполняемые НКЦ, постепенно расширяются и усложняются. Это нисколько не снижает значения предыдущих этапов. Изучение исторического опыта национальных культурных центров по реализации своих задач и целей необходимо для усовершенствования их деятельности. Одним из них является еврейская организация – Общество Еврейской культуры Кыргызстана (далее – ОЕКК) «Менора». Оно начало складываться в 1989 г. в условиях кризиса тоталитарного режима в СССР. В условиях демократизации общества среди еврейского населения республики стало быстро развиваться стремление вернуться к своим национальным корням, шире ознакомиться с культурой своего народа. В этих условиях группа инициаторов, возглавляемая Э.И. Серебро, развернула работу по созданию ОЕКК. Оно было официально зарегистрировано в 1990 г. и стало одним из первых НКЦ в республике. В его состав вошла и религиозная община, группировавшаяся вокруг Бишкекской синагоги. Первым председателем ОЕКК «Менора» (1990–1992 гг.) стал Г. Беренштейн. Его сменил на этом посту (1992–1996 гг.) А. Кацев, внесший свой вклад в работу общества [15]. С 1996 г. председателем ОЕКК «Менора» являлся Б. Шапиро с личностью которого связаны наиболее содержательные страницы деятельности этого общественного объединения, на данный момент руководит обществом Крицман В.С.

На несколько лет «Менора» оказалась единственной еврейской организацией в Кыргызстане. Разумеется, с первых дней она пользовалась поддержкой Посольства Государства Израиль, международных еврейских организаций, например, таких как Американский распределительный комитет «Джойнт», Еврейское агентство «Сохнут». Культурно-просветительскую работу «Менора» начала с организации

и проведения еврейских праздников [4, с.23]. Эти акции способствовали как пробуждению интереса диаспоры к еврейскому образу жизни, так и ее объединению вокруг ОЕКК «Менора». С того времени община Кыргызстана систематически отмечает все еврейские праздники и памятные даты.

В 1990-е гг. в процессе развития светской еврейской жизни в Кыргызстане стало ясно, что в ней начали складываться вполне определенные направления деятельности, каждое из которых требует более углубленной профессиональной работы. Поэтому ОЕКК «Менора» стала постепенно делегировать определенные части своих полномочий различным организациям, оставляя за собой общее руководство жизнью диаспоры.

ОЕКК является активным участником Ассамблеи народа Кыргызстана, ее председатель Б. Шапиро – членом Президиума Ассамблеи. Во многом именно благодаря деятельности «Меноры» антисемитизм в республике проявляется только эпизодически и осуждается как властями, так и общественностью Кыргызстана. Представители еврейской диаспоры продолжают активно трудиться в самых различных областях экономики и общественной жизни республики. Наиболее заслуженные и известные в своих областях представители еврейской диаспоры отмечены правительственными наградами. Так, Б. Шапиро награжден медалью «Данк» за свою работу по укреплению международного мира и согласия в республике. За эту же деятельность директор Благотворительного Еврейского фонда (далее – БЕФ) «Хэсэд Тиква» Роза Фиш удостоена Почетной грамоты Президента. Орденами Кыргызстана награждены: Л. Шейман, Г. Фейгин, А. Зарифьян. В. Гурович получил в 2002 г. Государственную премию Кыргызстана за исследования в области физики. Ряд членов общины удостоены почетных званий.

Руководители ОЕКК «Менора» принимают участие в различных международных движениях (таких как Евро-Азиатский Еврейский Конгресс) и играют в них заметную роль. В частности, Б. Шапиро стал членом Координационного Совета Евро-Азиатского Еврейского Конгресса. Опыт ОЕКК «Менора» и связанных с ней еврейских организаций республики по участию в политике международного согласия и развитию еврейской жизни известен далеко за пределами Кыргызстана.

В настоящее время можно выделить следующие области общественной жизни в нашей республике. Сохранением религиозных еврейских традиций занимается синагога, возглавляемая с 2001 г. Главным Раввином Кыргызстана А. Райхманом. При синагоге действует религиозная община. Здесь проходят ежедневные богослужения, отмечаются

еврейские праздники, проводятся обряды. Образовательной деятельностью в диаспоре занимается БЕФ «Хэсэд Тиква». В классах образовательного Центра проводятся курсы иврита, английского языка и обучение компьютерной грамотности. В расположенном здесь же Общинном центре действуют клубы «Ноар» и «Перах», продолжая традиции работы с молодежью, заложенные в ОЕКК, «Менора». БЕФ «Хэсэд Тиква» самостоятельно организывает выездные семинары, семейные, молодежные и детские образовательные лагеря.

Активно действует частное – государственная Еврейская школа Хаима Хохштейна (директор Владимир Крицман), в которой занимаются около 100 еврейских детей. Ее выпускники получают государственные аттестаты установленного образца о среднем образовании. В процессе учебы они сочетают изучение общеобразовательных дисциплин с такими предметами, как язык иврит, еврейские традиции, история еврейского народа. Эти занятия проводят учителя-волонтеры из Израиля. Имея квалифицированный педагогический коллектив, продуманным подходом к учебе это учебное заведение прочно заняло одно из ведущих мест среди ежедневных еврейских школ СНГ. Продолжает действовать и созданная в 1990 г. Еврейская Воскресная школа.

Важную роль играют в жизни еврейской диаспоры ежегодные Общинные Фестивали Еврейской книги (ОФЕК). В общине организованы литературные гостиные и музыкальные салоны, посвященные творчеству еврейских писателей и музыкантов, проходят просмотры фильмов на еврейскую тему. В школах проводятся чтения рассказов и стихов еврейских писателей, конкурсы на лучшее сочинение о книге еврейского писателя.

Сбором, систематизацией и публикацией материалов об истории и деятельности общины, о работе ОЕКК «Менора» занимается газета «Мааян» («Родник»), которая выходит с 1996 г. О еврейской диаспоре в Кыргызстане делаются теле- радиопередачи, в местных газетах публикуются статьи о евреях, проявивших себя в различных сферах созидательной деятельности в Кыргызстане. Материалы о еврейской общине Кыргызстана и ее организациях регулярно появляются и в еврейской печати СНГ [16].

Для развития НКЦ впервые на постсоветском пространстве в Кыргызстане была создана Народная ассамблея. Консультативно-совещательный орган при Президенте Кыргызской Республики доказал своей деятельностью необходимость этого института. Общество Еврейской культуры Кыргызстана «Менора» была создана в тоталитарном обществе, но в то же время при помощи предложения альтернативных программ культурного и этнического развития того или

иною этноса, оно явилось основой нового этнокультурного центра и призвало свои народы к политическому и общественному согласию.

На сегодняшний день, вместе с тем, что «Менора» в составе АНК является основным политическим элементом, они при помощи конструктивного характера вносят свой вклад в процесс стабилизации отношений между нациями. Таким образом, исследования развития НКЦ в Кыргызстане, установления его основной задачи как общественно-политического института, установления механизмов и путей развития позитивной демократии важно с практической стороны.

1. Ярков А.П. Евреи в Кыргызстане Историко-культурологический очерк. – Бишкек, 2000. – С.176.
2. <https://eleven.co.il/diaspora/regions-and-countries/12086/> (КЕЭ. Дополнение III. Издано: 2003.).
3. <https://knews.kg/2016/03/09/etnicheskij-sostav-kyrgyzstana-russkih- stanovitsya-menshe-uzbekov-bolshe-3/> (БҮрысбек Улукбек уулу – 11:45, 09.03.2016)
4. Этнический мир. Информационно-аналитический бюллетень (г. Бишкек) – 2002. №2.
5. Шаймерденова Н.Ж., Авакова Р.А. Язык и этнос: Учебное пособие. – Алматы: Казак университети, 2004. – 248 с.
6. Шукуров Э. Многонациональный Кыргызстан: взгляд на ситуацию и перспективы. В кн. Кыргызстан: некоторые аспекты социальной ситуации. – Бишкек, 2000.
7. Стамов Р.Д., Соорбекова Ж.Ж. Истоки и особенности кыргызского национализма. – Б., 2011.
8. ЦГА КР. Ф.511. Оп.1. Д.1168. Л.36–51.
9. Там же. Ф.56. Оп.10. Д.267. Л.26.
10. Там же. Ф.511. Оп.1. Д.1170. Л.51.
11. Ли Г.Н. Корейцы в Кыргызстане – Бишкек, 1998.
12. ЦГА КР. Ф.56. Оп.277. Д.22. Л.5–15.
13. Асанканов А. Кыргызы: рост национального самосознания – Бишкек, 1997.
14. ЦГА КР. Ф.511. Оп.1. Д.1201. Л.199–203.
15. Там же. Ф.4535. Оп.1. Д.57. Л.42.
16. В единстве и согласии: Материалы о деятельности Совета Ассамблеи народа Кыргызстана и ее общественных объединений – Бишкек, 2004. – С.51–57.

Кижнер Д.М.

Раввины Томска XIX–XX вв.

Первый раввин в г. Томске появился в 1859 г. Бер Израилевич Левин приехал из Могилева. Из формулярного списка узнаем, что он купец 2-й гильдии. Вероисповедания иудейского. Воспитание получил в частных училищах, имеет свидетельство Селецкого раввина от 22 января 1859 г. Томским еврейским обществом избран раввином 30 марта 1859 г. Вступил в должность эту с разрешения министра внутренних дел [1].

Губернатор утвердил решение общины, отметив, что «еврей Берка Левин поведения примерного, богобоязнен и придерживается правил еврейской веры... Изучал русскую грамоту». После принесения присяги еврейская община заключила с Левиным договор, по которому он получал 300 руб. годового жалования. Кроме того, ему полагалось «за обрезание или наречение именем – не менее 50 коп., за бракосочетание – не менее 1 руб. серебром».

Управлял Левин делами трех томских синагог. Он аккуратнейшим образом вел записи в метрических книгах. При проверках его работы по учету еврейского населения никогда не было нареканий. Придерживался он консервативных взглядов на жизнь общины и не интересовался политикой, умел сглаживать конфликты и защищать интересы членов общины.

Раввин принимал деятельное участие и в делах города. Одно время был в Губернском комитете попечительного общества о тюрьмах. В 1863 г. томский губернатор назначил его еще и раввином г. Каинска,^{1*} в 1891 г. к Томскому духовному управлению была приписана Красноярская еврейская община, и Левин два года работал раввином Томским и Енисейским, вплоть до избрания в Красноярске своего раввина.

В 1881 г. от самого императора, он получил шейную серебряную медаль «За усердие» на Станиславской ленте, в 1895 г. – такую же, но уже золотую медаль^{2*} [2, с.6].

Проработал Левин в должности раввина Томской губ. 48 лет. В 1908 г. подал в отставку и в июле 1909 г. скончался [3]. Благодарные члены общины объявили сбор пожертвований на памятник раввину [4, С.74.]. Левин был похоронен на еврейском кладбище, основанном предположительно в первой трети XIX в. Оно располагалось восточнее православного Вознесенского кладбища. И еврейское, и Вознесенское, и расположенные рядом кладбища других конфессий были закрыты в июле 1939 г., на их месте построили завод,^{3*} и могила раввина не сохранилась.

9 ноября 1908 г. 27 уполномоченными общины следующим раввином был избран Борух Арон-Ицкович Беры, бывший раввин г. Нежина. Новый раввин был выпускником юридического факультета Новороссийского университета, Он также прошел курс обучения в высшей еврейской семинарии за границей [4, с.69]. Позднее его кан-

^{1*} Ныне г. Куйбышев Новосибирской обл.

^{2*} Учреждена в 1801 г. в царствование императора Александра I. Награждали широкий круг лиц (в т. ч. и женщин) за различные услуги, оказанные правительству, а также нижних воинских чинов за сверхсрочную службу (прим. ред.).

^{3*} В настоящее время здесь размещается объединение «Сибкабель».

дидатура была утверждена томской губернской властью. Деятельность Б. Беры на посту раввина сопровождалась конфликтами с представителями различных групп внутри еврейской общины. В отличие от своего предшественника, Б. Беры был человеком «новой формации», не скрывавшим своих сионистских убеждений. С приходом раввина Б. Беры жизнь общины стала более политизированной. Вступив в должность, он постарался сплотить вокруг себя молодежь в противовес представителям «старой гвардии».

В результате конфликты, связанные с назначением должностных лиц молитвенных домов, вышли за пределы общины [5, с.17]. 25 октября 1911 г. в докладе Департаменту духовных дел иностранных исповеданий томский губернатор охарактеризовал раввина как личность, в политическом смысле неблагонадежную. Недовольство общины Беры вызывал и своей экономической деятельностью, беря за религиозные службы большую плату, чем прежний раввин [5, с.37].

Беры был членом ОПЕ.^{1*} Поэтому в период своего правления он часто выступал с докладами по истории евреев, сионизму, о чем сообщалось в выходившей в Томске газете «Сибирская жизнь» [4, с.76,77].

Очевидно, желание освободиться от своей суетной должности в Томске не давало покою Борух Арону-Ицковичу. После очередного отпуска в 1915 г., когда в Томске его заменял помощник раввина из Каинска Шлемо Зельвенский [6], он не вернулся, а временно стал исполнять обязанности раввина г. Мариинска, вместо скончавшегося к тому времени Абрама Аксельруда [7].

С августа 1916 г. к работе приступил новый раввин – Меер Шоломов(ич) Певзнер [8]. Меир Певзнер родился в 1882 г. в Новгород-Северске^{2*} (далее: Н.-С.) Черниговской губ. – на северо-востоке от г. Чернигова.

По переписи 1897 г. в уезде Н-С жителей – 146 тыс., из них евреев – 6478; в т. ч. в самом городе: жителей – 9182, из коих 2956 евреев. Имелось в Н.-С. одно частное еврейское училище [9].

Получив первоначальное образование на своей родине, в 1906 г. Меер в 24-летнем возрасте отправляется в г. Санкт-Петербург, где окончив раввинское училище и получив раввинскую смиху^{3*} [10, л.12. об.], работает учителем в еврейской гимназии.

Наличие смихи позволило Певзнеру занять место главного раввина в г. Томске. Об этом 14 августа 1916 г. появилось сообщение в одной из томских газет.

^{1*} Общество по распространению просвещения между евреями в России.

^{2*} Сегодня это город в Черниговской обл. почти в межпограничье Беларуси, Украины и России.

^{3*} Присвоение звания раввина и документ, его подтверждающий.

В этот период в России происходили бурные перемены, связанные с Первой мировой войной. Для общины время этих перемен совпало с большими потоками беженцев и лишенцев с западных границ России, среди которых было большое количество евреев. В 1917–1918 гг. в г. Томске резко увеличилось еврейское население (более 6000 чел.) и в связи с этим резко возросла активность еврейской жизни во всех сферах [2, с.25]. В г. Томске в то время было три периодических издания: в 1917 г. 2 раза в месяц издавался журнал «Вестник сибирских евреев», в 1917–1918 гг. 2 раза в месяц выходил журнал «Сибирский вестник Бунда», в те же годы – журнал «Сионистская мысль» (Известия Западно-Сибирского районного комитета сионистской организации) [11].

Роль раввина возросла как никогда. Он должен был перед местными властями представлять политическую позицию еврейской общины. Об активности евреев в политической жизни того периода можно узнать из томской газеты за 21 ноября 1917 г., в которой идет речь об окружном избирательном бюро трех еврейских партий, существовавших в г. Томске.

Как видно из этой газеты, Певзнер, как и предыдущий раввин, был сторонником сионистов. Он, как и Беры, активно занимался общественной деятельностью, также являясь членом ОПЕ, он был выбран делегатом на съезд ОПЕ, который должен был пройти 9 декабря 1917 г. в Петрограде. Певзнер принимал активное участие в подготовке Всероссийского еврейского съезда, призванного обсудить идею о создании еврейского автономного общества в России. На съезде планировалось рассмотреть основы национального самоопределения евреев в России, определить формы гарантий прав еврейского национального меньшинства, установить переходные формы общинной организации евреев в России [5, с.19]. Выборы на съезд были проведены в 1918 г., но сам съезд не состоялся [4, с.66, 252].

Раввин часто выступал с докладами на религиозные, литературные и политические темы во всех трех синагогах города. Информация о его выступлениях отражалась в газетах «Сибирская жизнь» и «Голос народа» [4, с.98, 104, 106, 108, 110, 111, 113, 114, 117, 123]. Так, например, в газете «Голос народа» за 21 июня 1918 г. сообщалось, что 30 июня в Каменной синагоге в честь 14-летия со дня смерти Теодора Герцля городской сионистский комитет устраивает панихиду. На ней с речами о значении Герцля для сионизма выступят раввин М.Ш. Певзнер и представители организаций [4, с.113].

С 5–7 ноября 1918 г. в г. Томске проходил 3-й съезд сионистов Сибири, Урала и Дальнего Востока и полосы отчуждения Маньчжу-

рии, на который съехались 43 делегата от 35 сионистских организаций перечисленных выше мест. Открытие съезда состоялось в здании Научной библиотеки университета, которая была украшена портретами основателя сионизма Герцля, фотографиями видов Палестины. Программная речь была произнесена одним из лидеров сионистского движения Моше Новомейским. После этого был доклад томского раввина Меера Певзнера. В своем выступлении он выразил уверенность в том, что съезд внесет свою лепту в воссоединение всех евреев в еврейском государстве – Палестине [2, с. 25].

Такой всплеск в общественно-культурной, культурно-просветительской и политической сферах еврейской общины Сибири диктовал реформирование общинной жизни на новых началах. Об этом М. Певзнер писал: «Общинный строй, являясь ярким выразителем религиозной, национальной и культурной практики еврейского населения, той или иной местности, должен принять другой облик. Главным стимулом реорганизации наших общин должно быть стремление создать нормальную здоровую общину в еврейском значении этого слова» [12].

Во время правления Колчака Певзнер сумел выпустить две книги. Одна из них была посвящена еврейским законам, вторая – праздникам и постам. Верхняя строка титульного листа книги, посвященной праздникам и постам, гласит, что это 2-е издание. 1-е издание, вероятнее всего, было выпущено в Петрограде. Следы его мы пока не нашли.

После поражения Колчака и установления советской власти часть евреев лишились своего имущества, часть – в начале 1920-х г., в основном через Маньчжурию, успели покинуть Россию, сменив ее на Палестину.

Певзнер остался в своей должности и с приходом новой власти, не сулившей ему ничего хорошего. Как служитель религиозного культа, он со своей женой Ханой лишился избирательных прав [13].

В 1920-е гг. он попал под следствие ТомГПУ, но народным судом был освобожден [10, л.38].

Будучи уполномоченным от всех еврейских общин (они властями были разделены), всех трех синагог, Певзнер стал свидетелем постепенного разгрома еврейской общины. Он подписывал документы о национализации синагог и их имущества в пользу государства, затем договоры о праве бесплатного использования этого же имущества, по которым общины всех трех синагог должны были отвечать за его сохранность, обеспечивать их содержание [10, л.49]. Но охранять уже

было нечего. Все ценное разворовывалось исполкомовскими чиновниками, списывалось «на помощь голодающим Поволжья» [14].

Содержать здания синагог с каждым годом становилось все труднее. Взносы и пожертвования обедневшими членами общины не могли покрыть эти траты. Власти расторгали договоры, забирали здания синагог, предлагали членам общины молиться в одной синагоге.

В 1926 г Певзнер просит разрешения у Административного отдела Томского окружного исполкома провести 14 марта в Каменной синагоге собрание по поводу необходимости проведения съезда еврейских религиозных общин СССР и избрания полномочного представителя на этот съезд [10, л.38].

Ему разрешают, и собрание уполномочивает раввина быть представителем томской общины на съезде [10, л.36].

Деятельность Певзнера высоко оценивалась, где бы он ни работал. Так, после окончания его работы в Петрограде признательные ученики вручили ему адрес, художественно выгравированный на металлической пластине, размещенной на кожаной папке [15].

Томская община 4 апреля 1926 г., опять же с разрешения Томского окружного исполкома, провела собрание, посвященное чествованию 10-летия работы раввина в Томске [10, л.31]. Певзнер получил два поздравительных адреса: один – на русском языке от благодарных членов общины, второй – на иврите от благодарного ученика (перевод: «На вечную память Раву, нашему учителю, Мееру бен Шалому Певзнеру в празднование его юбилея в десятый год его работы в Томской общине от почитателя иудаизма и еврейской литературы») [16].

16 ноября 1926 г. проводится собрание общины Солдатской синагоги, где раввин исполняет только обязанности председателя собрания и нигде не расписывается. Община перезаключает договор по безвозмездному использованию синагоги [10, л.49, 50], подобный договору со всей общиной Томска.

В декабре 1929 г. по решению президиума исполкома Томского горсовета Хоральная синагога закрывается. Община изгнана с указанием, что молиться она будет в синагоге 2-го прихода Каминерской.

В качестве причин для этого указывалось отсутствие в рабочем районе помещения для культурно-просветительных учреждений, требование 639 трудящихся евреев и общественности города закрытия синагоги – «очага одурманивания отсталой части населения». При этом в документе подчеркивалось, что в Томске вполне достаточно молитвенных зданий для удовлетворения религиозных нужд евреев, т. к. на 3 молитвенных дома вместимостью до 450 чел. приходилось 380 верующих, из которых 202 лишены избирательных прав [5, с.61].

Среди 198 прихожан 1-го прихода 114 чел. были лишены избирательных прав [10, л.132].

Впоследствии в здании Хоральной синагоги размещались различные учреждения, а с 1949 г. по 1999 г. – Областной суд. Башенки со звездами Давида были разрушены, молельный зал разбит на два этажа, его куполообразный потолок с красивыми плафонами закрыт фальшпотолком, сделан главный вход с улицы [2, с.16]. В настоящее время здание восстановлено.

В марте 1930 г. президиум Томского горсовета рассматривал вопрос о расторжении с еврейским религиозным обществом договора о содержании молитвенного здания 3-го прихода (Солдатская синагога) в связи с отказом верующих его содержать. Отказ был мотивирован выходом значительного числа членов из еврейского религиозного общества, в результате чего молитвенное заведение практически пустовало, в то время как оставшиеся 65 чел., составляющие религиозное общество, посещали молитвенное заведение 2-го прихода (Каминерский молитвенный дом) [14, л.35, 36]. В июне 1930 г. Томский окружной исполнительный комитет утвердил решение о ликвидации еврейского молитвенного дома 3-го прихода [5, с.62].

Еще недавно в здании располагались коммунальные квартиры, сейчас оно пустует. Строение сильно обветшало, башенки были уничтожены, но орнамента хорошо сохранилась.

В феврале 2018 г. мэрия г. Томска передала Солдатскую синагогу еврейской общине Томска для восстановления и организации в ней еврейского музея.

Дальнейшие отношения еврейской общины Томска и советского государства регулировались постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и инструкциями НКВД от 1 октября 1929 г. №328 «О правах и обязанностях религиозных объединений», №329 «О регистрации религиозных объединений». Согласно им, религиозная группа могла образовать религиозное общество только с разрешения административного отдела местного исполкома или горсовета при наличии добровольно вступивших совершеннолетних членов общества не менее 20 чел. Общества могли собираться исключительно для удовлетворения религиозных нужд и только с согласия горсовета. Им запрещалось создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их ведении имуществом для любых целей, кроме религиозных, оказывать материальную поддержку своим членам, организовывать специальные собрания – детские, женские, юношеские, а также общие библейские, литературные, трудовые, по

обучению религии, устраивать экскурсии, детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и медицинскую помощь. Религиозным обществам было запрещено организовывать преподавание вероучения в государственных, общественных и частных учебных заведениях. Циркуляром №341 от 14 октября 1929 г. вводилась уголовная ответственность служителей культа за совершение религиозных обрядов до регистрации соответствующих событий (рождение, венчание, развод, смерть) в органах загса.

Таким образом, были резко сужены функции еврейской общины и служителей культа. Проводимые в рамках антирелигиозной кампании мероприятия и принятые законоположения явно показывали, что официальная религиозная деятельность евреев в рамках советского государства подходит к концу.

М. Певзнер оказался последним раввином XX в. в Томске, в Каминерской синагоге.

Функции его чрезвычайно сузились. Работать так стало невозможно. Обучать вероучению запрещено, как и читать лекции, связанные с Торой.

Из последней анкеты «На служителя еврейской религиозной общины при синагоге на Подгорном пер. 17» узнаем, что Меер Шоломович 27 марта 1931 г. работал не раввином, а служителем культа с зарплатой 135 руб. и жил в Томске в доме 10 по пер. 1-й Белозерский.^{1*} Выполнял он культовые обязанности не по найму и не по назначению, а по выбору. В графе «о месте службы или роде занятий с 1914 г. по настоящее время» приведены частично, изложенные нами выше, сведения из его биографии: что с 1906 г. по 1916 г. он – преподаватель еврейской истории, еврейского языка в средней школе в Ленинграде, с 1916 г. – раввин Томской еврейской общины [10, л.17].

В анкете от 9 июня 1925 г. указано, что он жил рядом с Каменной синагогой по адресу: ул. Большая Подгорная, 45. Теперь же Каминерская синагога была довольно далека от его дома, и ему пришлось сменить квартиру, поближе, как указано в анкете на квартиру по пер.1-й Белозерский, 10.

Сколько лет еще проработал Певзнер в г. Томске, нам неизвестно. Известно только, что он уехал в Москву в 1930-е гг. На сайте Еврейской энциклопедии есть такая информация: «Певзнер Меер Шоломович. Получил традиционное еврейское религиозное воспитание. В 1920–1930-е гг. – раввин в г. Томске. С конца 1930-х – проживал в г. Москве, один из руководителей еврейской религиозной общины. В

^{1*} Ныне – пер. Островского.

1948 г. арестован и приговорен к 10 годам ИТЛ. Скончался, отбывая срок в лагере» [17].

В сборнике, посвященном 100-летию Московской хоральной синагоги [18], появилась статья Снопва Ю.Л., которая пролила свет на дальнейшую судьбу М. Певзнера.

Оказалось, что М. Певзнер, приехав в Москву, устроился работать ученым секретарем в Московскую хоральную синагогу.

Мы приводим выдержки из этой статьи, чтобы было понятно, как сложилась дальнейшая судьба нашего раввина.

«Конец 1930-х – первая половина 1940-х гг. до сих пор остаются одним из самых темных периодов в истории Московской еврейской общины. Самуил Чобруцкий, был главным раввином московской Хоральной синагоги с 1938 г. по 1944 г. и председателем правления Московской еврейской религиозной общины (МЕРО) при Хоральной синагоге с 1944 г. по 1946 г.

Имя Чобруцкого встречается в воспоминаниях ряда деятелей той эпохи. Особенно много места посвящено ему в мемуарах Эмануила Михлина, зятя главного раввина Хоральной синагоги с 1944 г. по 1957 г. Соломона (Шломо) Шлифера.

Самуил Чобруцкий родился в 1884 г. в молдавском г. Бендеры. Он учился в хедере – начальной детской школе. На этом его образование закончилось. Отмечено, что характерными чертами Чобруцкого являлись плохое знание русского языка (знал идиш), отсутствие общей культуры, невежество и поверхностное отношение к вопросам еврейской религии. Чобруцкий занимался торговлей, был портным, еще до Первой мировой войны переехал в г. Одессу, где также торговал. В начале 1930-х гг. положение, уже к тому времени бывшего, нэпмана Чобруцкого ухудшилось, и он был вынужден уехать из г. Одессы в г. Москву, где никто не знал ни его, ни о его былых коммерческих достижениях.

В г. Москве Чобруцкий начинает активно посещать Хоральную синагогу, при этом он не ограничивался только участием в молитвах, но стремился полноценно участвовать в общинной жизни. Он быстро установил хорошие отношения с руководством синагоги и вскоре вышел в ней на первые роли.

В 1931 г. главным раввином стал любавический хасид Шмарьягу-Иегуда-Лейб Медалье.

В 1935 г. Чобруцкий стал габаем (старостой) синагоги, отвечал там за финансовые вопросы и контакты с зарубежными туристами. В этом же качестве он принимал пожертвования, которые гости синагоги давали на ее нужды.

Чобруцкий сотрудничал с органами госбезопасности, которые направили его в синагогу и обеспечили его карьерный рост. Появившийся в синагоге Чобруцкий должен был легко адаптироваться в общине, где большинство составляли такие же приезжие, как он. С другой стороны, руководители общины вряд ли бы допустили нового, никому не известного человека, к ключевым должностям, если бы не понимали, что за ним стоят высокие покровители. Не исключено, что Чобруцкий попытался спровоцировать «классовую борьбу» в синагоге, предстать в роле простого еврея, выступившего против синагогальной элиты, состоящей из раввинов и бывших крупных торговцев. Синагогальные лидеры понимали, к чему может привести такой конфликт, и поспешили удовлетворить все пожелания одессита. Тот факт, что Чобруцкий был назначен на пост ответственного за контакты с иностранными туристами, также доказывает, что он был связан со спецслужбами. Таким образом, даже если Чобруцкий и не был агентом органов в момент своего прихода в синагогу, то он, несомненно, стал им вскоре после этого, когда начал делать общинную карьеру.

Большинство же членов общины не любило и боялось его. Его считали доносчиком и старались избегать его общества. Раздражало и то, что этот человек, не получивший религиозного образования и не обладающий большими знаниями в религиозной сфере, пытается диктовать свою волю общинной элите, куда входили многие известные раввины.

В 1936 г. должны были пройти новые выборы в правление общины. Чобруцкий и его сторонники не без основания считали, что им удастся еще более укрепить свое положение. Общее собрание зарегистрированных членов общины не поддержало Чобруцкого. Ни он сам, ни подавляющее большинство его сторонников не были избраны в правление МЕРО. В поражении Чобруцкого важную роль сыграла предвыборная агитация против него, которую проводила группа молодых хабадников.

Потерпев поражение, Чобруцкий продолжал ходить в синагогу и старался принимать участие в делах общины. Даже если предположить, что он, будучи агентом НКВД, регулярно доводил до сведения органов негативную информацию о происходящем в синагоге, нельзя не признать, что его деятельность могла быть лишь одной из причин последующих репрессий.

Весной 1938 г. был арестован р. Медалье. Были также арестованы все члены правления, избранного в 1936 г., во главе с его председателем Михаилом Брауде, Ш.-И.-Л. Медалье и несколько

других арестованных были расстреляны, остальные были осуждены на различные сроки заключения.

После ареста членов правления общее собрание членов общины должно было избрать новый состав главного исполнительного органа синагоги. Не ясно, состоялось ли это собрание или же новое правление было избрано членами «двадцатки». В любом случае, ничто больше не мешало Чобруцкому прийти к власти в синагоге. Его кандидатуру на пост председателя правления поддержали и органы советской власти. В новое правление, кроме Чобруцкого, вошли его ближайшие сподвижники.

После ареста Медалье ни один из проживавших в Москве раввинов не соглашался занять пост главного раввина Хоральной синагоги и главного раввина Москвы (как уже отмечалось, главный раввин Хоральной синагоги считался таковым и в других синагогах города). Эту должность занял все тот же С. Чобруцкий. Он не имел раввинской смихи и не мог быть признан большинством верующих. Тем не менее, Чобруцкий представлял синагогу в качестве раввина перед иностранными туристами, занимал место раввина на биме синагоги, обладал монополией на чтение проповедей.

Не исключено, что НКВД стремилось использовать Чобруцкого для того, чтобы подорвать интерес верующих к синагоге и разрушить там общинную жизнь. И действительно, многие люди, особенно молодые и средних лет, стали опасаться приходить в синагогу, поскольку боялись доносов Чобруцкого или кого-либо из связанных с ним людей.

Качество проповедей Чобруцкого было таким низким (не исключено, что одной из причин этого мог быть и страх быть обвиненным в пропаганде религии), что должно было вызвать у верующих ощущение профанации этого элемента синагогальной службы. К тому же, проповеди произносились Чобруцким на идише, в то время как некоторая часть посетителей синагоги уже плохо понимала этот язык.

По словам Чобруцкого, в 1930-е гг. в высших инстанциях всерьез обсуждался вопрос о закрытии синагоги, и ее спасла только его личная встреча с М.И. Калининым. Калинин сообщил Чобруцкому, что, по его данным, синагога превратилась в место спекуляции. Чобруцкий пообещал навести порядок, торговля в синагоге была прекращена, и власти отказались от своего намерения закрыть ее.

В СССР никогда не было общегосударственного раввината и главного раввина. В тех же случаях, когда требовался представитель от всех еврейских общин страны, то его роль играл главный раввин мос-

ковской Хоральной синагоги. Первым раввином, к которому обратились за такой помощью, был Чобруцкий.

То, что С. Чобруцкий не имел раввинской смихи и не обладал необходимыми знаниями в области еврейской традиции, делало его неподходящей кандидатурой на пост главного раввина Хоральной синагоги, одной из задач которого было представлять еврейские общины СССР за границей. А это во время войны стало важной необходимостью. Чобруцкий должен был уступить пост главного раввина.

Главным кандидатом на пост главного раввина был С. Шлифер.

Осенью 1943 г. Чобруцкий передал находившемуся в эвакуации в Алапаевске Шлиферу предложение властей стать главным раввином Хоральной синагоги. Раввин дал свое согласие и в начале 1944 г. занял этот пост.

Назначение Шлифера было встречено с радостью даже теми религиозными евреями, кто проживал далеко от Москвы. Уже одно то, что главным раввином в столице стал человек, имеющий смиху и обладающий опытом «раввинской» деятельности в прошлом, вызвало у многих ощущение, что в истории еврейской религиозной жизни в СССР открывается новая страница.

Чобруцкий сохранил за собой пост председателя правления МЕРО при Хоральной синагоге. Он продолжал считаться и синагогальным проповедником. Чобруцкий стремился поддерживать и укреплять свое влияние в общине и в связи с этим неизбежно должен был вступить в конфликт с раввином Шлифером, которому он не хотел уступить даже в мелочах. Чобруцкий продолжал занимать свой кабинет в синагоге в то время, как Шлифер вынужден был принимать посетителей в небольшой комнате под лестницей, ведущей на 2-й этаж.

Во время службы Чобруцкий продолжал сидеть на почетном месте раввина, а Шлифер находился в зале и молился наравне с простыми верующими. На публичных мероприятиях Чобруцкий всегда выступал первым. Он задавал тон и в контактах с официальными органами, стремясь не допустить в эту сферу нового раввина. Чобруцкий полностью контролировал внутриобщинную жизнь.

К 1946 г. Чобруцкий вступил в конфликт даже со своими старыми сторонниками.

Еще одной причиной недовольства Чобруцким было то, что его подозревали в систематическом доносительстве властям обо всем происходящем в общине и о деятельности отдельных ее членов. Михлин предполагает, что именно донос Чобруцкого стал причиной ареста секретаря МЕРО раввина М. Певзнера. По словам Михлина, Чобруцкий завидовал Певзнеру и сделал все для того, чтобы от него

избавиться (1948). Новым секретарем правления общины стал Борис (Иссахар-Дов) Давыдов.

Летом 1946 г. в Хоральной синагоге была создана контрольная комиссия из 5 чел. для расследования деятельности Чобруцкого. Во главе комиссии стал секретарь правления Б. Давыдов. Комиссия обнаружила многочисленные нарушения в финансовой сфере, собрала данные об оскорблениях, которые нанес Чобруцкий различным членам общины. Совет по делам религиозных культов дал разрешение на проведение общего собрания. Это мероприятие состоялось 10 ноября 1946 г. «Темное время» 1930–1950-х гг. требовало и темных людей. Чобруцкого нельзя назвать человеком сталинской эпохи, к ее началу он был уже взрослым, сформировавшимся человеком. Однако он очень подходил ей. Честолюбец, склонный к авантюрам, он постоянно рисковал, часто оказывался в выигрыше и никогда не проигрывал все до конца. Он был вором и лжецом, но, возможно, именно благодаря его усилиям Хоральная синагога не была закрыта, и в Москве продолжала теплиться еврейская жизнь.

Самуил Чобруцкий умер в 1968 г. в Москве в возрасте 84 лет».

Из статьи, приведенной выше, видно как два человека Чобруцкий и Певзнер, родившихся в одно время, приблизительно в одном и том же окружении, стали раввинами. Но один прошел свой путь честно, соблюдая традиции. Другой, сделав, карьеру, уничтожил на своем пути не одну жизнь, но как пишет автор, принес и какую-то пользу.

1. Государственный архив Томской обл. (далее – ГАТО). Ф.430. Оп.2. Д.164. Л.4 об.
2. Кижнер Д.М. Прогулки по Томску в прошлое и в настоящее: еврейский аспект. – Томск, 2010.
3. Сибирская жизнь (Томск) – 1909 г. – 12 июля.
4. Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни 1885–1919 / Евреи в Сибири. Сб. статей / Под ред. Э.И. Черняка, Я.М. Гофмана. – Томск, 2000. – С.74.
5. Ульянова О.С. Еврейская община города Томска: становление, развитие и свертывание ее деятельности (вторая половина XIX – 20-е гг. XX столетия). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011.
6. ГАТО. Ф.3. Оп.77. Д.85. Л.10, 11.
7. Там же. Д.345. Л.3.
8. В царских метрических книгах, которые в синагогах заполнялись раввинами, отчества писались без окончания «ич».
9. Электронная Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. ООО ИДК ГРУПП. 2003, <http://iddk.ru/ru/#>
10. ГАТО. Ф.430. Оп.1. Д.13.
11. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918). Указатель газет и журналов / составитель Е.Н. Косых. 1989 г.

12. Вестник сибирских евреев (Томск) – 1917 – 26 июня – С.2–3.
13. ГАТО. Ф.430. Оп.1. Д.152. Л.174.
14. Там же. Д.90. Л.9 об.
15. В 1915 г. в Хоральную синагогу пришел внук Меира Певзнера – Михаил Сендерзон и подарил будущему нашему музею фотографии и вещи своего деда.
16. Из личной коллекции М. Сендерзона.
17. Российская еврейская энциклопедия М.: РАЕН, 1994. – Т.2. – С.367.
18. Снопов Ю.Л. Председатель Самуил Чобруцкий как деятель Московской еврейской религиозной общины: вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х годов / 100 лет. Московская хоральная синагога. – М., 2006. – С.169–175.

**Кижнер Д.М.
Чернова И.В.**

Томские пивовары Рейхзелигманы

Во второй половине XIX в. многие томские купцы занимались винокурением и пивоварением, поскольку эти отрасли приносили значительный доход. Как производители пива известны Г.И. Фуксман и К.Я. Зеленевский, активно участвовавшие и в общественной жизни города. Наиболее крупными производителями пива и безалкогольных напитков были Роберт Иванович Крюгер и Михаил Иосифович Рейхзелигман. Публикаций о заводе Крюгера написано немало, да и в музее бывшего пивного завода Крюгера^{1*} можно узнать о нем подробнее, что касается второго производителя, то о его судьбе известно не так уж много.

Мозес (Михаил) Рейхзелигман родился в 1841 г. в еврейской, иудейской семье в Ковно^{2*} [1]. Из записи в метрической книге о крещении М.И. Рейхзелигмана в лютеранство 11 ноября 1887 г. записано, что родители: Иосеф и Злата (урождённая Миллер).

Почему Михаил Иосифович, которому было уже 46 лет, решил изменить веру, неясно, но часто так поступали, чтобы избежать разных запретительных законов, которые в дореволюционной России ограничивали права иудеев. Интересно, что одним из восприемников при крещении был Роберт Крюгер, близкий родственник К.И. Крюгера – ведущего пивовара Томска, впоследствии купившего его завод. Вероятно, торговая конкуренция не мешала двум семьям пивоваров поддерживать человеческие отношения. Факт крещения М.И. Рейхзелигмана в лютеранство даже получил освещение в местных газетах [2], что можно расценивать как его известность в г. Томске.

Но такой статус М.И. Рейхзелигман обрёл не сразу. По неизвестным причинам он примерно в 30-летнем возрасте, может и чуть раньше выехал в Восточную Сибирь. Из свидетельства о смерти его

^{1*} Ныне – ОАО «Томское пиво».

^{2*} г. Каунас, Литва.

сына следует, что не позже чем в 1869 г. семья проживала в Енисейске, где и родился сын Михаил 25 декабря 1869 г. [3]. В 1875 г., согласно данным, указанным в купеческом свидетельстве 2-й гильдии, он переезжает в Томск [4].

Чем занимался он с 1875 г. по 1878 г., для нас осталось неясным, но по сведениям «Генеральной поверки торговли и промыслов в г. Томске от 30 янв. 1878 г.» [5] М.И. Рейхзелигман, числящийся тогда ещё ковенским мещанином, имел в г. Томске завод по производству искусственных минеральных вод, располагавшийся в доме Копилковой. Руководил он заводом сам, наёмных рабочих было двое, но вероятно, в бизнесе участвовали и члены семьи.

Продажа минеральной и газированной воды в 1870–880-х гг. в Томске становится всё более доходным делом, поскольку в городе появляются сады, предназначенные для прогулок и увеселений, благоустраиваются улицы и площади, что мотивирует горожан проводить свой досуг не дома, а в публичных местах. Для продажи минеральной воды в разнос М.И. Рейхзелигманом были получены от Томской городской думы соответствующие документы: свидетельство и билет.

Вероятно, дело шло успешно, и в 1879 г. М.И. Рейхзелигман открывает в Томске пивоваренный завод, кстати, дореволюционный российский Ковно славился своими пивоваренными традициями. Дата открытия завода восстановлена по документам более позднего времени. В 1897 г. на страницах «Томского листка» томский пивовар М.И. Рейхзелигман написал, что «завод существует 18 лет» [6].

Предприятие успешно действовало, на конец 1880-х гг. на нём трудилось четверо наёмных рабочих, судя по сумме акцизных сборов, оно превосходило по выработке продукции известные томские пивоваренные заводы (Сумма акцизных сборов с пивоваренных заводов за 1888–1889 гг.: Рейхзелигмана – 2640 руб., Крюгера – 1984 руб., Фуксмана – 1512 руб., Зеленецкого – 903 руб.) [7]. По данным Н.М. Дмитриенко М.И. Рейхзелигман вначале арендовал пивзавод у известного томского купца Е.И. Королёва и лишь через несколько лет стал его полноправным владельцем [8, с.231]. В собственности М.И. Рейхзелигмана оставался и завод минеральных вод. Пиво отпускалось крупным покупателям с завода. В городе было открыто несколько пивных лавок. По желанию, пиво доставлялось покупателям и на дом.

6 апреля 1888 г. имение Рейхзелигмана пострадало от сильного пожара. В заметке, опубликованной в газете «Сибирский вестник», это событие описано так: «6 апреля в 12 часов дня, на пивоваренном заводе «Вена» загорелся сначала сеновал, а затем амбар и дом, в котором живёт владелец завода [9]. Все эти здания находились под одной крышей. Се-

новал и амбар частью обгорели, частью сломаны. В жилом помещении пострадала только крыша. Пожар продолжался около трёх часов, и, несмотря на сильный ветер, пожарной команде удалось отстоять все здания. В амбаре были испорчены хлеб и хмель, в процессе переноски испорчены многие вещи и аппарат для приготовления сельтерской воды. Причиной пожара редакция предварительно называла возгорание коробок со спичками в результате удара и даже подозревала возможность поджога. Сумма ущерба тоже подлежала уточнению, сообщалось лишь, что завод застрахован во 2-м Российском страховом обществе на сумму 18 тыс. руб. [9].

После пожара М.И. Рейхзелигман приобрел участок земли на месте нынешнего электролампового завода, и по ул. Советской, тогда она называлась ул. Еланской. Запросив у губернатора разрешения построить пивоваренный завод, он получил таковое [9]. Это был в Томске первый паровой пивоваренный завод – самое технически совершенное предприятие на 1879 г.

О месте и роли купцов Фуксманов и Рейхзелигмана в сибирской пищевой промышленности красноречиво говорит статистика: в конце XIX в. на их долю приходилась почти треть объема пива, производившегося в Томской губ. [10].

В 1897 г. на страницах «Томского листка» пивовар Рейхзелигман информировал читателей, что завод построен по образцам лучших пивоваренных заводов России и укомплектован новейшими машинами как российского, так и иностранного производства. В их числе отдельно упоминался аппарат для производства пива по методу «Пастера». Произведённое на нём пиво, долго сохраняло цвет и вкус. Также, сообщая о строительстве новых подвальных кладовых для хранения пива и сушильни для солода, хозяин завода заявлял о высоком качестве своей продукции и выражал надежду, «что почтеннейшая публика г. Томска и иногородние не оставят меня своими почтенными заказами» [6].

Также пивовар предупреждал потенциальных покупателей о возможности подделок: «Покорнейше прошу при покупке обращать внимание на заводское клеймо на пробке, т. к. часто продают пиво других заводов за моё» [6]. О высоком качестве пива заводов М.И. Рейхзелигмана свидетельствовали и результаты исследований сортов пива, продаваемого в томских портерных: по качеству пиво Рейхзелигмана уступало лишь многочисленным сортам, варившимся на пивоварне Крюгера [11]. У Рейхзелигманов в Томске имелось несколько собственных точек по продаже пива. Наиболее известна из них пивная в здании пути и тяги Сибирской железной дороги на углу

Московского тракта, занимавшая половину первого этажа,^{1*} в октябре 1905 г. была разграблена погромщиками [12].

Продолжателем семейного дела после смерти М.И. Рейхзелигмана в 1910 г. [13] стал его сын Михаил. Ещё до того как получить наследство отца, он работал на заводе ответственным пивоваром и управляющим. Завод перешёл в надёжные руки.

Михаил Михайлович Рейхзелигман несколько усовершенствовал производство и продолжил продажу пива. В Томске ему принадлежало 32 пивных лавки. Он же выстроил на доставшемся от отца участке земли ограниченном Еланской, Буткеевской и Черепичной улицей жилой дом. По неподтверждённым документами данным этот дом проектировал В.Ф. Оржешко. По другим сведениям дом был не построен, а лишь реконструирован в стиле модерн [14]. Несколько лет назад этот дом сгорел и был снесён [15].

По ходатайству М.М. Рейхзелигмана был открыт в 1912 г. трактир 2-го разряда в доме Флеера по ул. Почтамтской,^{2*} позже известный как ресторан «Вена» [16].

Жена М.М. Рейхзелигмана Анна Васильевна [13] также активно участвовала в семейном бизнесе. Она была членом товарищества производителей пива и совладелицей пивоваренного завода «Прогресс» в Новониколаевске.^{3*} В 1909 г. большинство пивных лавок в этом городе (20 из 24) принадлежали ей лично и ее собственному пивоваренному заводу «Вена». В целом же в 1909–1912 гг. у завода была 31 лавка для продажи пива (23 – в Новониколаевске, 3 – в Колывани, 3 – в Каинске,^{4*} 2 – в с. Бердском) [17]. В 1911 г. после выхода из товарищества купца Г.И. Фуксмана она стала единоличной владелицей завода, получившего название «Вена». Ей принадлежала также сеть пивных трактиров и оптовых складов (1912) [13]. Всё это свидетельствовало о том, что пивоваренный бизнес Рейхзелигманов, пережив ущерб от погрома и смерть своего основателя, динамично развивался.

Гораздо больший ущерб производству Рейхзелигманов нанесли начавшаяся Первая мировая война и последовавшие за ней революционные события. Осенью 1914 г. с введением запрета на производства алкогольных напитков на период военного времени завод был остановлен. Предприятие несло убытки, задолженность банкам превысила 94 тыс. руб. Всё имущество Рейхзелигманов в 1916 г. было оценено в

^{1*} Современное здание Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

^{2*} Ныне ул. Ленина.

^{3*} Ныне Новосибирск.

^{4*} Куйбышев, Новосибирская обл.

86 тыс. руб. [8, с.232] Данная кризисная ситуация стала непосильной ношей для М.М. Рейхзелигмана. 5 мая 1916 г. он скончался от порока сердца, было ему тогда 46 лет. В 1916 г. завод был куплен торговым домом «В. Вытнов с сыном Петром» [8, с.45]. После революции и гражданской войны, когда жизнь в Томске начала возвращаться в мирное русло, бывший завод Рейхзелигманов был национализирован и перепрофилирован. Некоторое время его вдова Анна Васильевна пыталась сохранить производство в Новониколаевске, но и там производство вскоре было национализировано [18].

Исчезла в Томске и сама фамилия Рейхзелигманов. У М.М. Рейхзелигмана было только две дочери. Старшая дочь Зинаида (1894 г. р.) стала женой выпускника юридического факультета Императорского Томского университета П.Е. Генерозова [8, с.232], который в 1930-е работал юристом в Наркомате лёгкой промышленности в Москве, в 1938 г. был осуждён и расстрелян [19]. Как сложилась судьба его жены, и были ли в этом браке дети неизвестно. Младшая дочь Нина (1900 г. р.) в 1916 г. была ещё ученицей гимназии [8, с.232]. Сразу же после смерти отца 12 мая 1916 г. ей до совершеннолетия был назначен опекун. В мае 1917 г. Нина Рейхзелигман окончила Вторую женскую гимназию г. Томска и в течение года посещала лекции как вольнослушательница Императорского томского университета. В 1918 г., сдав дополнительно к программе женской гимназии латинский язык, подала прошение о зачислении на Юридический факультет университета. В августе 1918 г., она была зачислена в число студентов, но учиться пришлось недолго. Уже в 1920 г. юридический факультет был реорганизован. Удалось ли Н.М. Рейхзелигман получить юридическое образование для нас осталось неизвестным [20]. Как сложилась её судьба, авторам неизвестно.

И только бутылки [21] и этикетки [22] с пивных бутылок завода Рейхзелигманов, эти немые свидетельства былого качества и популярности их продукции, пользуются неизменным спросом у коллекционеров [23].

1. Государственный архив Томской обл. (далее – ГАТО). Ф.233. Оп.3. Д.891. Л.40.
2. Сибирский вестник – 1887 – 15 ноября.
3. ГАТО. Ф.235. Оп.1. Д.1908. Л.1.
4. Там же. Ф.233. Оп.3. Д. 849. Л.27.
5. Там же. Д.204. Л.8.
6. Томский листок – 1897 – 2 сент.
7. Адрианов А.В. Город Томск в прошлом и настоящем – Томск: Издание «Сибирского книжного магазина Михайлова и Макушина»: Типография Михайлова и Макушина, 1890.

8. Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.) – Томск, 2014.
9. Сибирский вестник – 1888 – 8 апреля.
10. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и Средне-Азиатских владений – СПб., 1900. Андрианов А.В... указ. соч. – С.186, 133, 146.
11. Томский листок – 1918. – 29 мая.
12. Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С.65, 66.
13. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2-х т. – Т.2 М–Я / Отв. ред. Д.Я. Резун. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013. – С.150.
14. <http://volos-t.livejournal.com/51755.html>. Дата обращения: 17.08.2015.
15. <http://volos-t.livejournal.com/51755.html>. – С.13. Дом по ул. Советской, 78, сожженный и разрушенный Дата обращения: 17.08.2015.
16. <http://tomsk.gorko.ru/%D0%B7%D0%B0%D0%B3%D1%81%D1%8B/554/> Дата обращения: 17.08.2015.
17. <http://www.kainsksib.ru/123/index.php?s=563191463024aeb69bdce6f2f458c649&showtopic=2988&pid=38786&st=20&#entry38786>. Дата обращения: 12.07.2007.
18. <http://www.newagent.spb.ru/component/content/category/82?layout=blog&start=10>. Дата обращения: 12.07.2016.
19. <http://www.sakharovcenter.ru/asfcd/martirolog/?nspr=27&sprav=%25C1%25F3%25F2%25EE%25E2%25EE-%25CA%25EE%25EC%25EC%25F3%25ED%25E0%25F0%25EA%25E0&t=list>. Дата обращения: 25.08.2016.
20. ГАТО. Ф.102, Оп.4, Д.2128. Личное дело слушательницы Юридического факультета Н.М. Рейхзелигман. Л.2, 4, 10.
21. <http://www.steclub.ru/forum/42-1441-1>. Дата обращения: 10.07.2015.
22. <http://news.vtomske.ru/details/57132-po-staroi-pamyati-pitie-bez-meru> Дата обращения: 12.06.2014.
23. http://www.rupivo.ru/about_factory.php?id=116. Дата обращения: 12.05.2016.

Алимджанов Б.А.

«Крах» Торгового дома Ю. Давыдов: причины и последствия

В 1913 г. крупнейшая фирма Туркестанского края – Торговый дом Ю. Давыдов объявил о своей несостоятельности. Вместе с Торговым домом Ю. Давыдов объявили о своём банкротстве еще две еврейские фирмы – бр. Боруховых и Иссахаровых. Причин «краха» крупных еврейских фирм было несколько: 1) экономический кризис 1911–1913 гг. и 2) антиеврейские акции имперских властей [1, с.322]. «Банкротство» Торгового дома Ю. Давыдов вызвал большой резонанс в туркестанской экономике и общественной жизни края.

Предпринимательская деятельность евреев бурно расцвела в Туркестанском крае, после завоевания Российской империей территорий Кокандского и части Бухарского ханств. Российские власти отменили

все прежние правовые и бытовые ограничения, применявшиеся к иноверцам (*зимми*) в мусульманском мире, основы которых были заложены еще в начале VIII в. («Омаровы законы»); они получили статус «туземцев», дававший им равные права с другими среднеазиатскими народами. Это открывало перед ними широкие социально-экономические возможности, даже бóльшие, чем были предоставлены в то время ашкеназским евреям черты оседлости, горским и грузинским евреям [2, с.15]. Издавна проживавшие на территории Бухарского эмирата евреи, начиная с 70-х гг. XIX в., начали переселяться в Самаркандскую и Ферганскую долину. С 1872 г. среднеазиатских евреев начали брать в русское подданство. К 1909 г. в Туркестанском крае проживало 14 192 евреев (0,24% от общего населения) [3, л. 54]. В Ташкенте проживало и занималось предпринимательством 14 крупных бухарских евреев дельцов, оборот которых достигал – 3 млн. руб., капитал составлял 617 тыс. руб. [3, л.46] В Фергане из 20 банков 18 контролировались бухарскими евреями [4, с.44–45].

В начале XX в. отношение имперских властей к среднеазиатским евреям начало меняться [5, с.96]. Согласно закону 5 июня 1900 г. 1 января 1910 г. наступал крайний срок пребывания бухарских евреев в Туркестанском крае. После ревизии графа К.К. Палена, когда комиссии стало ясно, что среднеазиатские евреи не «вредители», то этот закон не вступил в силу и был отложен на время.

В 1908–1909 гг. Туркестанский край ревизовала комиссия под председательством графа К.К. Палена. Комиссия запросила у разных ведомств «мнения и записки» о среднеазиатских евреях. Так, военный губернатор Самаркандской обл. писал, что «туземные евреи, как признанные, так и непризнанные, почти всегда дают населению при отдаче денег займы и других сделках более выгодные условия, нежели местные мусульманские капиталисты, и не проявляют, да и не могут, как указано выше, проявлять той жестокости при взыскании долгов, которую проявляют мусульмане, пользуясь своими связями и своим положением среди местной туземной администрации и суда. К тому же туземное еврейство Самаркандской обл., занятое выгодной торговлей, не имеет тенденции к ростовщичеству и вполне довольствуется своей нынешней деятельностью по оптовой и розничной торговлей» [3, л.14]. Самаркандское областное правление негативно высказалось о деятельности евреев: «Деятельность бухарских евреев в Туркестанском участке должна быть признана народным бедствием: задолженность сартов г. Туркестана превышает 30 тыс. руб. ... Евреи берут по своим операциям только законный земельный процент 12% годовых, оказывается, что население платит им по процентам столько же, сколько оно платит государству. Данные последней переписи

установили, что евреи составляют в настоящее время около 60% всего населения г. Туркестана и более 75% недвижимостей той же части перешли в их собственность вопреки закону» [3, л.29–29об.]. Управляющий среднеазиатских отделений Русско-Китайского Банка писал в своей записке: «Существующее мнение о том, что бухарские евреи занимаются в крае ростовщицеством и захватили в свои руки хлопковое и горное дело – абсолютно неверно. Ростовщицеством они не занимаются. Главное занятие их торговля мануфактурой, причем они являются весьма ценными проводниками московских фабрикатов на среднеазиатский рынок. Выдворение бухарских евреев из края очень дурно отразилось бы на общем ходе торговли в крае, вызвало бы серьезный застой в делах и повлекло бы за собой крупные банкротства» [6, л.25 и об.]. Управляющий Ташкентским отделением Госбанка писал: «Характер деятельности евреев для экономического положения населения Сырдарьинской обл. является в настоящее время скорее отрицательным, чем положительным. ... Их стремления заключаются в улучшении своего благосостояния за счет местного населения, почему продолжение развития деятельности бухарских и пришлых евреев и предоставление им расширения их прав совершенно нежелательно для необходимого улучшения экономической жизни Ташкентского р-на» [3, л. 78]. Раввин Ш. Тажер в своей записке писал комиссии графа К.К. Палена по поводу евреев: «Если и поступают разные прошения против евреев, то это исходит исключительно от некоторых влиятельных сартов, преследующих свои личные цели и боясь конкуренции» [3, л.42 об.]. Активным сторонником бухарских евреев выступила газета «Туркестанский курьер», редактором которой был раввин А. Кирснер. «Ныне же евреям ставится в упрек, – писал Кирснер, – что они получили номенклатуру ростовщицества и это служит причиной для беспощадного их изгнания. Но обвинение это в корне неверно: на место удаленного еврея явится другой купец с тем же, если не с большим, аппетитом и тем же непониманием задач земледельца» [3, л.42 об.]. «Противники» еврейского капитала считали, что «вопрос о евреях является, по-видимому, одним из наиболее острых. Задачей Военного министерства является стремление возможно шире оградить от эксплуатации как русское, так и туземное население Туркестана, одинаково, как со стороны туземных, так и со стороны въезжих евреев» [3, л.2]. Таким образом, мы можем наблюдать разногласия и борьбу мнений по еврейскому вопросу среди туркестанской бюрократии.

Отец Ю. Давыдова (1855–1914 гг.) Ягуд Дауд, житель Ташкента, еще накануне завоевания города русскими установил связи с торговой фирмой Пупышева и стал ее представителем в Туркестане. После завоевания Ташкента в 1865 г. Дауд нажил большой капитал, затем раз-

делил его между своими детьми, а сам уехал в Иерусалим. Дело продолжил его сын, Юсуф Давыдов [5, с.93]. Торговый дом Ю. Давыдов был учрежден в 1906 г. Владельцами Торгового дома «Юсуф Давыдов» являлись 11 чел.: купец первой гильдии Юсуф Давидович Давыдов, купец второй гильдии Иссахар Давидович Давыдов, купец первой гильдии Беньямин Абрамович Абрамов; дети Юсуфа Давыдова – Юно, Юханан, Сион, Рахмин; дети Иссахара Давыдова – Абрам, Натан; и Рафаэль Абрамович Абрамов [7]. Торговый Дом экспортировал в Москву: хлопок, шерсть, шёлк, фрукты и т. д. Братьям Давыдовым принадлежали 4 хлопкоперерабатывающих завода в Ташкенте, Пскенте, Намангане и Канибадаме; пивной завод в Ташкенте и склады. Основной деятельностью фирмы был экспорт хлопка в московский текстильный район. Торговый дом активно сотрудничал с Даниловской мануфактурой [8, л.5], кредитовался в туркестанских отделениях коммерческих банков и Госбанка. В 1912 г. бр. Давыдовы и Азовско-Донской банк договорились о сотрудничестве по продаже хлопка в московской бирже на сезон 1912/1913 и 1913/1914 гг. Азовско-Донской банк согласился предоставить вексельный кредит фирме в 1 млн. руб. по 6,5% годовой ставке. Торговый дом обязался продавать через банк не менее 250 тыс. пудов хлопка в год. За коммиссионную продажу банк взимал 1,5% [8, л.7–10]. Торговый дом Ю. Давыдов кредитовался не только в коммерческих банках, но и в Ташкентском отделении Госбанка. Например, в 1911 г. на осуществление хлопковых операций Ташкентский филиал Госбанка выдал фирме 700 тыс. руб. (хотя они 3 года не кредитовались в Госбанке). Вскоре кредит был закрыт в том же году, когда начался процесс против фирмы по обвинению о ростовщичестве [9, л.27–27 об.].

Торговый Дом Ю. Давыдов вкладывался в приобретение земель и строительство промышленных объектов. Например, Юсуф Давыдов имел в Чиназской, Зенгиатинской, Булатовской и Ниязбекской волостях 1095 десятин [5, с.99]. Также фирма разрабатывала Шур-Абские угольные копи, представляющие собой площадь около 200 десятин земли и находящиеся верстах в 15 от ст. Мельниково (недалеко от современного г. Фергана). Вследствие не рациональной их разработки за недостатком средств и отдаленности их от железной дороги, копи давали лишь убыток. На приобретение, оборудование и разработку копей фирмой было потрачено 231 564 руб. 38 коп. [10, л.85]. Торговый дом также активно скупал у местного населения (в основном в Канибадаме и Шахрихане) хлопок, который перерабатывался на хлопкоочистительных заводах фирмы.

В 1911 г. Торговый дом Ю. Давыдова был привлечен к ответственности по делу о сельском ростовщичестве. Суд оправдал фирму,

не находя доказательств виновности деятельности. Управляющий Ташкентским отделением банка отмечал: «этим делом (ростовщичеством) занимались не только все фирмы, но и богатые сарты хлопководы, введя его в обычай. По отношению к Ташкентскому отделению Давыдовы никаких незаконных или некрасивых поступков не совершали» [10, л.85]. В 1913 г. снова представители торгового дома Ю. Давыдова были привлечены к суду и осуждены за сельское ростовщичество. Газета «Туркестан» отмечала: «Дело о них тянулось долго и приговоры об этих представителях Торгового дома до сего времени еще не приведены в исполнение» [11]. В местной прессе спорили о том, как отразится судебный приговор на местной экономике. Некоторые газеты («Туркестанский Курьер») предрекали упадок хлопководства в крае в результате уменьшения экспорта. «Правые» газеты, например «Туркестанский Кара-Курт», наоборот поддерживали суд над еврейской фирмой, отмечая, что «освобожденные из паутины туземцы-хлопководы, при помощи администрации, найдут другой, правильно организованный кредит и хотя не скоро, но рано или поздно оправятся от разорения и быть может, через 10–15 лет не будет ни Юсуп-Давыдовых, ни Боруховых, ни Потеляховых, зато будет экономически окрепшее население, которое и займется производительным трудом, без посторонней помощи и без страха за свое будущее» [12].

Экономический кризис 1911–1913 гг. в хлопковой отрасли принес убытки фирме (до 2 млн. руб.), судебный же процесс в 1913 г. нанёс урон престижу Торгового дома. В 1913 г. фирма Ю. Давыдов объявила банкротство. Банки закрыли кредитование Торговому дому, и оно полностью перешло под руководство Азовско-Донского банка. Ю. Давыдов был должен деньги следующим банкам и лицам (июнь 1914 г.): Азовско-Донскому банку 6045,7 тыс. руб., Русско-Азиатскому 1550 тыс. руб., Сибирскому торговому 506,1 тыс. руб., Русскому для внешней торговли банку 354,8 тыс. руб., Московскому купеческому банку 298,1 тыс. руб., Волжско-Камскому банку 291 тыс. руб., Торговому Дому Кноп и К° 459,2 тыс. руб., Торговому дому бр. Абрамовы 100 тыс. руб., другим лицам 2233,6 тыс. руб. Общая сумма 11 838,5 тыс. руб., которая превышала актив фирмы на 1,439 тыс. руб. [13, л.34]. К 1914 г. фирма Ю. Давыдова имела акций на сумму 14 650 руб.: 80 акций общества «Чимион» на 4000 руб., 20 акций «Кокандского электрического общества» на сумму 1200 руб., 100 акций «Андижанского электрического общества» на сумму 6000 руб., 23 акции «Кокандско-Наманганской железной дороги» на сумму 2300 руб. [10, л.79].

13 июня 1914 г. Азовско-Донской, Волжско-Камский, И.В. Юнкер и К°, Московский купеческий, Русский для внешней торговли К, Русско-Азиатский и Сибирский торговый банки учредили специальную

комиссию (администрацию) по делам Торгового дома, которая контролировала долги фирмы перед кредиторами. В 1914 г. фирма Ю. Давыдов должна была получить следующие доходы: от эксплуатации пивоваренного завода – 50–70 тыс. руб., от эксплуатации фруктового сада 20–40 тыс. руб. Эксплуатация 4-х хлопкоочистительных заводов 40–60 тыс. руб. Проценты по закладным 70–100 тыс. руб. Эксплуатация маслобойного завода 80–120 тыс. руб. Доход от продажи мануфактуры 25–40 тыс. руб. Всего ожидалось дохода 285–430 тыс. руб. Ожидались следующие расходы: содержание 10 членов фирмы – 60 тыс. руб. и административные расходы – 60 тыс. руб. Всего расходов – 120 тыс. руб. Чистая прибыль: 165 тыс. руб. [10, л.49]. Нужно отметить, что недвижимость Торгового дома Ю. Давыдов оценивалось в 2,5 млн. руб. (октябрь 1915 г.).

У фирмы Ю. Давыдов имелись должники, которые задолжали 3 193 384 руб. 75 коп. (август 1914 г.). В 1915 г. специалисты Ташкентского отделения Азовско-Донского банка провели тщательную опись должников фирмы, поделив их на категории: 1) состоятельные, которые уплатят весь долг фирме; 2) должники, которые уплатят 75% долга фирме из-за стеснительного положения; 3) должники, которые уплатят 50% долга из-за того, что дела сильно пошатнулись; 4) должники, которые уплатят 20% долга из-за того дела их находятся в суде; 5) должники, которые не могут уплатить долг, такой долг принят номинально в 1 руб. В результате такой переоценки дебиторов (1914 г.), актив в статье дебиторов выразился в сумме 1 519 245 руб. 36 коп. (т. е. 47,5% от указанного долга) [10, л.86–87]. В результате долг фирмы увеличился банкам, а не уменьшился, как ожидалось. Банки решили не взыскивать насильно у должников фирмы, решив, что «при добровольных уплатах ими мы можем получить около 38% долга» [10, л.93]. Банки решили «поделить» имущество между собой. Например, маслобойный и мыловаренный завод фирмы в Ташлаке (350 тыс. руб.) стали обеспечением долга Маргеланскому отделению Русско-Азиатского банка. 16 июня 1915 г. Торговый дом Ю. Давыдов согласился погашать свою задолженность ежегодными взносами в размере 50% чистой прибыли, но не менее 40 тыс. руб. в год [14, л.21]. В 1916 г. М.М. Федоров (Азовско-Донской банк) попытался создать акционерное общество «Ташкентского торгово-промышленного товарищества» на базе предприятий фирмы Ю. Давыдова [15, с.302–303], но общество не смогло развить свою деятельность в результате событий 1917 г.

Несмотря на все невзгоды и неудачи, некоторые члены Торгового дома Ю. Давыдова продолжали предпринимательское дело. В банковской среде циркулировал слух, что Н. Давыдов и другие члены фирмы утаили часть средств после краха фирмы, и на эти деньги вели

свою предпринимательскую деятельность. Например, Натан Давыдов с М.Д. Ягудаевым в 1916 г. построили хлопкоочистительный завод в Чиназе, недалеко от Ташкента. Юридически завод принадлежал С. Давыдовой, жене Н. Давыдова. Интересно, что деятельность Н. Давыдова финансировало Кокандское отделение Русско-Азиатского банка. Основным условием была передача банку на комиссионную продажу всего хлопка [16, л.23–28]. М.Д. Ягудаев обещал предоставить 25 вагонов хлопка на продажу. Ревизор Русско-Азиатского банка отмечал, что «в репутации Н.И. Давыдова, как человека азарта сомневаться не приходится: напомним только о его пагубном влиянии на дела Торгового дома Ю. Давыдов» [16, л. 23–28].

В 1916 г. Азовбанк предоставил торговому дому Ю. Давыдов кредит в размере 1 млн. руб. под хлопок [17, л.30 об.–31 об.].

После революций 1917 г. Давыдовы продолжали свое дело в Туркестане, некоторые же члены семейства эмигрировали в Палестину и Западную Европу. В декабре 1921 г. Натан Давыдов обратился к В. Ленину «с сообщением, что он имеет возможность, пользуясь своими старыми торговыми связями в Азии, организовать заготовку и поставку в распоряжение правительства РСФСР до 3-х млн. пудов пшеницы и риса за умеренное комиссионное вознаграждение». Письмо отправляется к «управделами СНК Н.П. Горбунову с просьбой направить документ по указанию А.Д. Цюрупы и проследить за ускоренным решением и исполнением». Однако Н. Давыдову было отказано, т. к. управделами СНК написал Ленину, что «Н.И. Давыдов, который брался закупить 3 млн. пудов пшеницы и риса для голодающих Поволжья, оказался лицом, не заслуживающим доверия» [18].

В 1916 г. газета «Туркестанский голос» о банкротстве еврейских фирм (Ю. Давыдов, Боруховы, Иссахаровы) писала: «В результате устарелости закона о банкротстве, принятого 100 лет назад, в последнее десятилетие должники большей частью уклоняются от тюрьмы, т. е. скрываются за границей, большей частью – в Турции (Иерусалиме, Каире), а один даже проживает во Франции. ...В Туркестанском крае, как самом отдаленном тылу, влияние войны мало отражалось в экономической области, а действовали прежние условия и потому число несостоятельств росло». Нужно учитывать, что еврейские предприниматели в начале XX в. были под угрозой выселения как «вредные» элементы, эксплуатирующие простых местных производителей и искусственно объявлявшие себя банкротами. «...После распоряжения о выдворении бухарских евреев из Туркестанского края, – сообщала газета «Туркестанский голос» – друг за другом, в одной Сырдарьинской обл., следовали объявления о несостоятельности двух Пинхасовых, двух или трех Акиловых, Израилова, четырех Хаимовых,

Хаима Давыдова, Або Бабаджанова, Натана Гадаева, Якубова, Бабаевых – на крупные суммы – от 50 000 до полумиллиона руб. рядом с еврейскими фирмами было немало несостоятельности русских и туземных купцов» [19].

Несмотря на все препоны, еврейские фирмы даже после краха (Давыдовы, Боруховы и Иссахаровы) продолжали успешно вести свою деятельность по экспорту хлопка и продаже мануфактуры. И только бурные события 1917 г. положили конец предпринимательской деятельности еврейских торговых домов в Туркестанском крае.

1. Каганович А. Россия «абсорбирует» своих евреев: имперская колонизация, еврейская политика и бухарские евреи // *Ab Imperio*. – 2003. №4.
2. Емельяненко Т.Г. Бухарские евреи: судьба диаспоры // *Этнографическое обозрение*. – 2009. №15.
3. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф.1396. Оп.1. Д.411.
4. Литвинов П.П. Государственно-религиозные и этноконфессиональные отношения в Туркестане (1865–1917). Автореф. дисс. на соис. уч. ст. док. ист. наук. – М., 1998.
5. Евреи в Средней Азии прошлое и настоящее. Экспедиции, исследования, публикации / Сб. науч. трудов. Сост. И.С. Дворкин. – СПб., 1995.
6. РГИА. Ф.1396. Оп.1. Д.36 (От дирекции среднеазиатских отделений Русско-Китайского Банка графу Палену от 24 мая 1909 г.).
7. <https://mytashkent.uz/2010/02/11/yosef-davyidov-1855-1914-odin-iz-bogateyshih-lyudey-tashkenta/> (Дата обращения: 30.04.2018).
8. Переписка Правления с Московским отделением банка по вопросу о заключении с торговыми домами «Ю. Давыдов» и «Бр. Яушевы» договоров о комиссионной продаже банкам среднеазиатского, ферганского, ташкентского и другого хлопка указанных домов в течение сезонов 1912/[19]13 гг. и 1913/[19]14 гг. РГИА. Ф.616 (Азовско-Донской коммерческий банк). Оп.2. Д.121.
9. О ревизии Ташкентского отделения в 1911 г. РГИА. Ф.587 (Государственный Банк). Оп.33. Д.1129.
10. Переписка правления Банка с Самарским отделением и Азовско-Донским банком о посредничестве банка в торговых операциях торгового дома «Ю. Давыдов», о назначении комиссии для выяснения положения задолженности банка и об учреждении администрации, 1910–1915 гг. РГИА. Ф.595 (Волжско-Камский Коммерческий Банк). Оп.2. Д.178. Л.85.
11. Туркестан. – 1913. – №56. – 13 марта.
12. Туркестанский Кара-Курт. – 1913. – №15. – 4 августа.
13. Отчетные записки управляющего Ташкентским отделением Госбанка о ходе операций, торговли и промышленности, 1882–1914 гг. РГИА. Ф.587. Оп.33. Д.1450.
14. Отчет инспектора банка Р.И. Тальма о ревизии деятельности Маргеланского отделения на 18 августа 1916 г. РГИА Ф.630. Оп.1. Д.420.
15. Вексельман М.И. Российский и иностранный монополистический капитал в топливной промышленности Средней Азии в конце XIX – начале XX в. / Исторические записки. Отв. ред. А.М. Самсонов. – М.: Наука, 1986.

16. Отчет инспектора Банка о ревизии деятельности Кокандского отделения на январь 1916 г. РГИА Ф.630. Оп.1. Д.393.
17. Отчет инспекторов Банка Б. Лукодянова и Р. Тальма о ревизии деятельности Ташкентского отделения на 14.03.1916 г. РГИА.Ф.630.Оп.1.Д.555. Л.30–31 об.
18. <https://sklyarevskiy.livejournal.com/1764424.html> (дата обращения: 30.04.2018).
19. Туркестанский Голос. – 1916. – №39. – 19 августа.

Гривенная Л.А.

**По обе стороны баррикад:
евреи в вооруженных крестьянских выступлениях на территории
Северного Казахстана в начале 1920-х гг.**

Антикоммунистические вооруженные выступления на всем советском пространстве приобрели широкий размах в начале 1920-х гг. К 1921 г. «полыхало» более полусотни крупных крестьянских восстаний, к которым можно отнести «антоновщину», Кронштадтское восстание, «махновское» движение, «басмачество» и др. Все вооруженные выступления начала 20-х гг. XX в. в советской историографии были квалифицированы как «бандитизм», «кулацко-эсеровские мятежи», «контрреволюция». Одним из крупнейших антисоветских выступлений этого периода было протестное крестьянское движение на территории Западной Сибири, Северного и Восточного Казахстана, получившее в современной научной литературе название – Западно-Сибирское восстание 1921 г.

Участие в вооруженных выступлениях крестьянства в советское время рассматривалось как незначительное, несознательное и осуществляемое по принуждению кулацкой верхушки, идеологически подкрепляемое эсерами.

Антикоммунистические выступления на территории советской России в 1920-е гг. стали реакцией крестьянства на проводимую политику «военного коммунизма» со стороны властных государственных структур. Давление на крестьянство со стороны государства было продиктовано не только стремлением советского правительства мобилизовать материальные и людские ресурсы для победы в гражданской войне и упрочению позиций большевиков после ее окончания, но и революционным нетерпением параллельно осуществить уникальный эксперимент по форсированному строительству коммунистического общества. Не случайно, экономическая политика большевиков в годы гражданского противостояния была названа «военным коммунизмом», т. к. в это время была проделана попытка внедрения «квазиэлементов» коммунизма, таких как: всеобщая трудовая повинность, свертывание товарно-денежных отношений, запрет на свободную торговлю, ликвидация средней и мелкой частной собственности и др.

Одним из главных направлений политики «военного коммунизма» стала продразверстка, которая легла тяжелым бременем на крестьянство. Отсутствие четких норм, игнорирование возможностей хозяйств, тотальный сбор сельскохозяйственных продуктов, изымаемых при проведении продразверстки, все это привело к угрозе голода крестьянства.

Другой военно-коммунистической мерой, распространявшейся как на земледельческое, так и скотоводческое население, была подводная (гужевая) повинность, отвлекавшая крестьян и их технические средства от основного производства, что негативно сказывалось на производительности труда.

Запрещение свободной торговли ограничивало возможности развития производства и лишало материальной заинтересованности крестьян. В сочетании с методами осуществления, которым было характерно повсеместное применение произвола, изо щренного насилия, физического уничтожения граждан, политика «военного коммунизма», вызвала недовольство крестьянства и привела к массовым вооруженным выступлениям.

«Военный коммунизм» как система военно-коммунистических мер в экономической политике советского государства достиг своего апогея в конце 1920 г. – начале 1921 г. Определяя значение «военного коммунизма», необходимо отметить, что, с одной стороны, он способствовал победе большевиков в гражданской войне и расширению социалистических завоеваний, но, с другой стороны, он вызвал взрыв недовольства многочисленного класса крестьянства, что поставило под угрозу существование самой власти большевиков. Политика «военного коммунизма» стала катализатором гражданской войны на завершающем этапе, т. к. именно она привела к массовым крестьянским выступлениям.

При анализе архивных документов четко вычерчиваются причины, которые были вызваны нарастающей монополией большевиков на власть и проводимой центральными и местными органами власти экономической политикой. Доведенная до крайностей система чрезвычайных мер «военного коммунизма», жестокие репрессивные формы и методы продовольственной кампании, многочисленные злоупотребления со стороны советских и партийных работников, привлечение населения к выполнению гужевой повинности, запрещение свободной торговли – все это вызвало волну крестьянских вооруженных выступлений.

Идейные взгляды участников крестьянского ополчения позволяют судить о целях вооруженных выступлений. Во многом они определялись лозунгами, направленными против коммунистического режима,

такими как: «За Советы без коммунистов!», «Долой продразверстку!», «Да здравствует вольная торговля!» и др. Были и требования созыва Учредительного собрания и восстановления монархии. Однако монархические настроения были непопулярны среди крестьянства. Что же касается идеологии белого движения, она была однозначно враждебна повстанцам. Основными идеями крестьянского движения было желание устранить «военный коммунизм» и власть большевиков взамен установления власти Советов без коммунистов и проведения демократизации общества. Мятежников объединяла ненависть к коммунистическому режиму.

Экономические требования сводились к свободе торговли и отмене продразверстки, что подчеркивало недовольство крестьян вмешательством государства в распределение произведенной им сельскохозяйственной продукции.

В организации восстания, как утверждалось в советской исторической науке, наряду с кулачеством приняли активное участие эсеры, создавшие в городах Сибири свои первичные ячейки. Но в настоящее время архивные данные не подтверждают руководящей роли со стороны эсеров. То, что выступления прошли одновременно во многих населенных пунктах, подтверждает не общее организующее руководство со стороны партии эсеров, а стихийное проявление недовольства крестьян политикой коммунистических властей и, в первую очередь, продразверткой.

Стремление крестьян отстаивать свое право на существование в условиях гражданской войны сопровождалось с их стороны всплесками деструктивного поведения. Участники вооруженных выступлений на территории Западной Сибири применяли широкомасштабный террор, направленный на коммунистов, советских работников, продвольственных комиссаров, милиционеров и членов их семей. Иногда в действиях повстанцев проявлялись явно садистские наклонности и побуждения, цинизм, мародерство, грабежи, неоправданно жестокие насилия и убийства.

Ожесточенность повстанческих выступлений во многом объяснялась условиями военного времени – Первой мировой и Гражданской войнами, революционными потрясениями и бурными политическими событиями. Мировосприятие, рожденное войнами, способствует проявлению терроризма и экстремизма и еще длительное время обуславливает поведение многих людей, порождая различные проявления насилий и преступлений. Кроме того, к восставшим примыкали уголовные элементы, в т. ч. из тюрем, освобождаемых во время захвата повстанцами уездных городов, в которых находились дома лишения свободы, концентрационные лагеря.

В отношении руководителей необходимо отметить, что в повстанческом движении не было единого организующего центра и одного руководителя. Именно этот факт еще раз доказывает то, что восстание было стихийным. Повсеместно были свои лидеры, которых повстанцы выбирали из числа не только опытных организаторов, имевших военные навыки, но и крестьянства. Несмотря на то, что командующим «Сибирским фронтом» повстанцы избрали бывшего учителя Налобинской школы В. Родина, он не стал главой повстанческого движения. Начальником штаба при Сибирском фронте был избран служитель церкви Торбоскин. Одним из командиров, вначале повстанческого отряда, затем – дивизии, значился зажиточный крестьянин из с. Песьяново – А. Бардаков. Сподвижник Бардакова – щучинский кулак Киселев – был избран «полковником». Одним из командиров отряда, входившего в дивизию Бардакова, был Рыбалкин, организовавший захват на станции Токуши в феврале 1921 г. эшелона партийных и советских работников, их членов семей и раненных, высланных из «мятежного» Петропавловска в Омск. Во главе войск, оперировавших на севере Петропавловского уезда, стоял Яненко – бывший лесничий Соколовского лесничества, «полковник» повстанческой армии, также участвовавший в нападении на эшелон на станции Токуши вместе с Рыбалкиным и Бардаковым [1, л.49]. В западной части Петропавловского уезда командовал «Сибирской казачьей дивизией» «генерал» Белов [1, л.23–24]. Высокие офицерские звания руководителям присуждали сами крестьяне.

Лидеры повстанческих воинских формирований находились на руководящих постах до тех пор, пока восставшие не начинали терпеть поражение. Как только повстанцы теряли позиции, их руководители, в лучшем случае, отстранялись, но зачастую с ними жестоко расправлялись физически. Такова была судьба В. Родина – командующего «Сибирским фронтом».

До сих пор «белым пятном» остается численность участников вооруженных выступлений на территории Западной Сибири и Казахстана.

По мнению ряда исследователей, число повстанцев достигало от 30 до 100 тыс. чел., в феврале – марте 1921 г. – свыше 40 тыс. чел. [2, с.17]. Массовость этого выступления объяснялась включением в борьбу крестьянства, представлявшего крупный слой в обществе.

Анализ архивных данных позволяет определить половозрастной состав участников восстания, который колебался от 15 до 80 лет, преимущественно это были мужчины в возрасте 30–50 лет [3]. Среди участников вооруженных выступлений были и женщины. В списке лиц, расстрелянных представителями советской власти Кокчетавского

уезда за участие в восстании, из 232 чел. трое были женщины в возрасте 51-го, 36-ти и 32-х лет [4].

Семейное положение большинства повстанцев свидетельствовало о наличии у них семей, в большинстве – многодетных [5].

В отношении образованности повстанцев документы свидетельствуют о подавляющем большинстве безграмотных или малограмотных участников восстания [6]. Как правило, грамотные участники повстанческого движения, обладая определенным кругозором и ораторскими данными, возглавляли повстанческие воинские формирования.

Многочисленные архивные документы подтверждают, что национальный состав участников восстания преимущественно был из числа переселенческого русскоязычного крестьянства. Привлечение казахского населения повстанцами игнорировалось. Это проявлялось в том, что к мобилизации населения в повстанческие отряды призывалось мужское население в возрасте от 18 до 45 лет, за исключением «киргизского».

Тем не менее, в повстанческом движении 1921 г. на территории Казахстана казахское население приняло участие [7]. Факт участия коренного населения в вооруженных выступлениях на территории Казахстана объясняется социально-экономической напряженностью, ущемлением политических прав и свобод скотоводческого населения, активностью переселенческого крестьянства. Казахское население использовало своеобразные формы борьбы: нападения на обозы, сопровождаемые продработниками; скотокрадство; создание самостоятельных вооруженных отрядов; стихийное вступление в повстанческие крестьянские формирования; массовые откочёвки в пределы российских губерний и Туркестан и др. [8]. Активность казахского населения во многом объяснялась недовольством продразверсткой и гужевой повинностью, проводимой революционной властью. Специфика форм протеста уходит корнями в традиционные устои кочевого образа жизни и ментальность казахского народа.

Архивные документы свидетельствуют, что в восстании 1921 г. по обе стороны баррикад оказались и представители еврейского народа: и в числе партийных и руководящих работников со стороны советской власти, и в рядах повстанческого лагеря.

С конца XIX в. под влиянием революционных идей многие евреи устремились к политической деятельности. Тем более что еврейской интеллигенции были близки интересы русского общества. На рубеже XIX–XX вв. революционное еврейское движение становится марксистским. По мнению Яркова А.П. в этот период «движение обновления формировало новый тип еврея – русифицированного (т. е. ассимилированного по языку, быту, кругу общения и профессиональ-

ных занятий), нередко крещенного в православие и в значительной части давно (во втором–третьем поколении), оторвавшегося от еврейской общины – кагала» [9, с.164].

Согласно статистическим данным, в Петропавловске в 1910 г. проживали 399 евреев [10, с.87], что составило 1,1% от общей численности населения [10, с.88].

В номенклатуре Казахстана с 1917 г. по 1941 г. евреи занимали значительное место. Из 539 партийцев было 29 евреев, которые почти все были посланцами партии РКП (б) [11, с.70].

Многие евреи в период гражданской войны вступили в партию большевиков, ставшую центральным звеном политической системы советского государства. В условиях «кадрового голода» в центральные и местные органы советской власти привлекались грамотные специалисты, к числу которых относилась еврейская интеллигенция. Среди работников финансов, здравоохранения, культуры, партийных аппаратчиков евреев было значительное число. Членство в партии позволяло им лучше трудоустроиться. По признаку обладания властью условно можно выделить 3 группы большевиков 1920–1940 гг.: рядовые партийцы, среднее звено и элита, в состав которых входили евреи.

В период вооруженного выступления крестьянства 1921 г. в центральной и местной партийной номенклатуре также присутствовали евреи, которые принимали непосредственное участие в проведении политики «военного коммунизма», подавлении вооруженного выступления крестьянства и ликвидации голода 1921–1922 гг.

Среди евреев, занимавших руководящие посты в центральных и местных органах власти КАССР, в начале 1920-х гг. значатся: Заромский И.М. – народный комиссар (нарком) труда Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики (КАССР), председатель Совета Народных Комиссаров (СНК) КАССР; Ванштейн А.И. – заместитель председателя СНК КАССР, председатель Совета труда и обороны (СТО) КАССР; Фабрикант-Страховенко М.Д. – замнаркома труда КАССР; Марголин Л.С. – нарком продовольствия КАССР; Пикман Я.А. – замнаркома здравоохранения КАССР; Айзэнберг А.С. – замнаркома здравоохранения КАССР [12, с.145–146].

Согласно листу статистических данных по состоянию Петропавловского городского Совета на 28 июля 1923 г., в который входили 216 чел., 1 был евреем [13]. На деле их было гораздо больше. Ограничения в правах евреев еще с царского периода заставило многих из них скрывать свою национальную принадлежность.

К сожалению, отсутствие полных сведений о личном составе партийцев местных органов власти из числа евреев и добровольное изменение национальности и религиозной принадлежности позволя-

ет с определенной долей погрешности определить их национальную принадлежность, опираясь лишь на фамилии, имена и отчества, которые являлись единственными индикаторами при отсутствии полных данных.

В данной работе впервые вводятся в научный оборот архивные документы о лицах (предположительно евреев), занимавших руководящие должности в Акмолинской губ. и Петропавловском уезде в начале 1920-х гг., где каждая персона нуждается в дополнительном исследовании и подтверждении. Автор надеется, что это станет следующим этапом исследования.

В списке коммунистов, погибших при защите г. Петропавловска от нападения повстанцев, также усматриваются представители еврейского народа: Финкельберг, Церешкович, Бляхман – сотрудники комитета партии большевиков; Гозак – заведующий отделом управления исполкома; Канторович – комиссар инженерной дистанции; Матрос – актер [14].

Гозак Владимир Иосифович (1893–1921)^{1*}, заместитель председателя Петропавловского уездного исполкома, член Ревкома и член Совета по обороне Петропавловского уезда, военком частей, действующих против повстанцев. Родился 16 сентября 1893 г. в г. Луцке Волынской обл. (Украина). Профессия – железнодорожник. Вступил в РКП 1 июня 1918 г. Вел партийную работу – агитатор, лектор и организатор коммунистических ячеек. С Февральской революции занимал выборные должности в профсоюзе железнодорожников. С 1 мая 1919 г. – член Петропавловского уездного революционного комитета (ревком). С 1 октября 1919 г. – заведующий политическим отделом Петропавловского уездного ревкома. С 25 июня 1920 г. – член президиума Петропавловского уездного исполкома [15]. Во время восстания, в феврале 1921 г. Гозак В.И. был пленен в районе с. Новопавловки и зверски убит повстанцами в с. Соколовка Ишимского уезда [16]. Из некролога о Гозаке В.И. мы узнаем, что он – сын рабочего, окончил низшую железнодорожную школу (4 класса). Работал телеграфистом на Юго-Западной железной дороге, откуда был мобилизован на фронт Первой мировой войны. После демобилизации вернулся на родину, в г. Луцк. Был арестован на Украине за пропаганду большевизма. Затем был выпущен из тюрьмы повстанцами Петлюры. Перешел линию фронта и вступил в Красную армию. Участвовал в установлении и строительстве советской власти на Украине в г. Ровно в должности члена ревкома. После занятия Украины Деникиным и заболевания тифом, Гозака В.И. эвакуировали в Москву, откуда после выздоров-

^{1*} ГАСКО. Ф.2. Оп.1. Д.7. Л.105, 106; Д.125. Л.127. Ф.1. Оп.1. Д.94 а. Л.20. Очерки истории Коммунистической партии Казахстана – Алма-Ата: Казахстан, 1984. – С. 125 (прим. ред.).

ления направили в Сибирь. Последнее время он работал в Петропавловске на руководящих должностях. Погиб при защите города от повстанцев [17].

Представляя составляющую часть общества того времени, евреи, как и другие этнические группы в условиях гражданской войны оказались по обе стороны баррикад. И, соответственно, они были и в повстанческом лагере.

Из сведений о лицах, числящихся за различными учреждениями, в Кустанайском месте лишения свободы на 1 марта 1921 г. можно узнать за какие провинности люди оказались в заключении: Мищенко Моисей Евпатьевич и Мищенко Василий Моисеевич обвиняются в агитации против советской власти [18, л.37]; Власенко Амвросий Абрамович, Завгородный Аким Филиппович, Трофименко Марк Иосифович, Моисеенко Лазарь Евсеевич обвиняются в невыполнении продразверстки [18, л.37 а]; Бойко Моисей Поликарпович обвиняется в заговоре против советской власти, Соловьев Трофим Маркович обвиняется в краже, Левин Самуил Айзекович обвиняется в злостной спекуляции, Левин Давид Айзекович, обвиняется в расхищении народного имущества [18, л.38].

Список разыскиваемых лиц за март 1921 г. свидетельствует об участии евреев в числе повстанцев: Адушевич Тимман [19, л.23]; Вольфсон; Главский Лев Матвеевич; К(...)выш Соломон Иудович [19, л.23]; Либертовский Фридолин Казимирович; Авент Иосиф Антонович [19, л.23 об]; Байченко Иосиф Лавреньтьевич [19, л.24]; Косоровский Осип Михайлович – обвиняется в выдаче соработников; Озеров Лаврентий – бывший прапорщик [19, л.25]; Фозаком Иосиф – красноармеец, военнопленный; Цвеклинский □ – бывший прапорщик, обвиняется в контрреволюции; Цемберовский, начальник отделения особого отдела контрразведки; Штильман Иван Тванович – бывший прапорщик, помощник начальника Уфимского управления особого отдела контрразведки; Шипаноз Апполон – бывший прапорщик; Эльниер – бывший начальник особого отдела [19, л.25 об]; Энхарович – бывший прапорщик обвиняется в контрреволюции; Яковлев Аким – доброволец-белогвардеец; Грушинский Дмитрий Финаевич; Власов Лаврентий Петрович [19, л.26]; Лазаренко Артемий Акимович [19, л.26об]; Сидоров Кирилл Абрамович; Соломонов [19, л.27].

В списке 232 лиц, расстрелянных за активное участие во время восстания в Кокчетавском уезде, значатся (предположительно) евреи, среди которых можно узнать об их возрасте и месте проживания: Куринский Лазарь Поликарпович (38 лет), Вольф Иосиф Николаевич (27 лет), Шваб Игнатий Игнатьевич (31 год), с. Николаевское; Евтадаев Исаак Аверианович (24 года), с. Гусаковка; Макаров Поликарп Иоси-

фович (31 год) [4, л.1], Макаров Иосиф Тимофеевич (61 год), ст. Щучинская; Апанович Иван Осипович (36 лет), урочище Боровое; Го(…)в Иван Самуилович (62 года), ст. Арык-Бурлук [4, л.2]; Внуковский Марк Александрович (27 лет), с. Троицкое; Антонов Федор Иосифович (67 лет), ст. Лобановская [4, л.2 об].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в вооруженных крестьянских выступлениях начала 1920-х гг. приняли участие евреи, проживавшие на охваченной восстанием территории, представлявшие различные социальные и профессиональные слои и группы населения, т. к. были задеты их экономические интересы.

Входившие в партийную номенклатуру и руководящий состав местной исполнительной власти евреи так же принимали участие, наряду с представителями других национальностей, в подавлении крестьянского восстания.

Массовые крестьянские выступления в начале 1920-х гг. оказали дестабилизирующее воздействие на общественно-политическую ситуацию в стране и привели к кардинальным политическим решениям X съезда РКП (б) – отступлению от политики «военного коммунизма», что свидетельствовало об ослаблении власти коммунистов, сохранение которой могло быть обеспечено только уступками с ее стороны. Игнорирование социальных проблем могло стать для советского государства роковым.

В целом, крестьянские вооруженные выступления на территории советской России в начале 1920-х гг. и их подавление стали трагедией всего населения охваченных ими районов. Гибель, ранения, заключения в концентрационные лагеря, миграции населения, материальный ущерб, нанесенный боевыми действиями и конфискацией имущества семей участников повстанческого движения, срыв сельскохозяйственных работ – все это привело к глубокому экономическому кризису 1921–1922 гг. Следствием упадка экономики, вызванного гражданской войной и «военно-коммунистическими» мерами советской власти, стал массовый голод в начале 1920-х гг., унесший жизни миллионов людей. Жестокость, характерная Гражданской войне, положила начало складыванию тоталитарного государства. Морально-психологические последствия вооруженного противостояния продолжали проявляться в течение последующих лет.

Главным уроком трагических событий начала 1920-х гг. является отказ от сталкивания различных слоев общества, насаждения классовой нетерпимости, насилия и произвола, как метода государственного строительства и способа «осчастливить» народ.

Ставка на революционное насилие привела к обратным результатам и стала одной из причин обострения взаимоотношений крестьянства с коммунистическими властями.

1. Государственный архив Северо-Казахстанской обл. (далее – ГАСКО). Ф.158. Оп.1. Д.60.
2. Третьяков Н.Г. Западно-Сибирское восстание 1921 года: автореф. ... канд. ист. наук: 15.02.95. – Новосибирск, 1994. – 22 с.
3. ГАСКО. Ф.2. Оп.4. Д.3. Л.7
4. Государственное учреждение «Госархив в г. Кокшетау» Акмолинской обл. Ф.131. Оп.1. Д.6. Л.1–2 и об.
5. Государственное учреждение (далее ГУ) Тюменской обл. «Госархив в г. Ишиме». Ф.2. Оп.5. Д.15. Л.15–21, 38.
6. ГАСКО. Ф.351. Оп.5. Д.35. Л.1–24.
7. ЦГА РК. Ф.5. Оп.2. Д.42. Л.34 об.
8. Гривенная Л.А. Участие казахского населения в крестьянском повстанческом движении в 20 гг. XX века в Северном Казахстане. / Валихановские чтения – 9: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Т.1. – Кокшетау: Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, 2004. – С.236–240.
9. Ярков А.П. Пять сюжетов одной биографии / Из истории евреев в Казахстане (XIX в. – начало XX в.). Выпуск второй. – Колл. авторов / сост. И.Э. Гринберг. – Алматы: КазгосИНТИ, 2002. – С.163–177.
10. Виткин М.П. Евреи Северо-Казахстанской области / История, религия, культура. Материалы I международной научно-исторической конференции (12–13 ноября 2002 г.). – Алматы: Искандер, 2003. – С.87–94.
11. Чиликова Е.В. Евреи в партноменклатуре Казахстана (1920–1940-е гг.) / Евреи в Казахстане. История, религия, культура. Материалы III международной научно-исторической конференции (27.10.2006 г.) – Алматы, 2007. – С.69–84.
12. Зулкашева А.С. Евреи – руководители центральных правительственных органов Казахстана в 1920–1946 гг. / Евреи в Казахстане. История, религия, культура. Материалы II международной научно-исторической конференции (27–28 мая 2004 г.). – Алматы, 2005. – С.144–162.
13. ГАСКО. Ф.30. Оп.1. Д.10. Л.50 и об.
14. Списки // Мир труда (г. Петропавловск). – №396. – 21 февраля 1921 г.
15. Северо-Казахстанский краеведческий музей. Ф.2507. Л.22.
16. ГАСКО. Ф.43. Оп.1. Д.7. Л.3.
17. Барлебен В. Товарищ Владимир Гозак // Мир труда (г. Петропавловск). – №79. – 17 апреля 1921 г. – С.3.
18. ЦГА РК. Ф.610. Оп.1. Д.14.
19. ГУ Тюменской обл. «Государственный архив г. Ишима». Ф.18. Оп.4. Д.6.

Альшанский А.Р. – заместитель Полномочного Представителя ОГПУ в Казахстане

В научно-исторических исследованиях практически отсутствуют работы, посвященные биографиям руководителей спецслужб Казахстана периода 1920–1930-х гг.^{1*} Исключением является Справочник «Кто руководил НКВД, 1934–1941» [1]. В издании содержатся краткие биографические сведения о руководителях ПП ОГПУ–НКВД Казахстана и областных управлений НКВД: Миронове С.Н., Каруцком В.А., Залине Л.Б., Реденсе С.Ф., Бурдакове С.Н., Бабкине Н.А., Дегтеве С.И., Адамовиче А.В., Демидове Ф.П., Титове П.Л., Дмитриеве К.И., Шабанбекове У.М., Брауне В.М., Шабанове А.В., Карасеве В.Ф., Панове П.С., Чиркове Б.Н., Павлове П.П., Михайлове А.А., Сулиме Г.Н., Гончарове И.М., Иванове И.В., Ромейко М.К., Узликове А.П., Бойко С.А., Баке С.А., Гильмане С.Л., Адамовиче А.В., Кустове Н.Е., Сербунове В.П., Демидове А.П., Марсельском Г.С., Смирнове М.Г., Павлове Н.А., Тюрине М.Е., Блинове В.М., Орлове Д.Е., Шередеко Ф.И., Глине И.И., Гончарове И.М., Кадыеве П.В., Пинтале С.Ф., Кальнинге Б.Я., Леотове П.В. [1, С.60–61, 301–302.]. Из перечисленных выше руководителей ПП ОГПУ и НКВД Казахстана пятеро являлись представителями еврейского этноса – Миронов,^{2*} Каруцкий, Залин, Гильман, Глина. Шестым был Альшанский А.Р., сведения о котором отсутствуют в указанном справочнике [2].

Восполнить существующий пробел в научных биографиях руководителей спецслужб Казахстана представляется возможным на основе архивных материалов, почерпнутых из фондов РГАСПИ, АП РК и Архива Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан (далее – АЖК РК), а также документальных сборников. При этом сделан акцент страниц биографии А.Р. Альшанского, связанных с его деятельностью в должности заместителя председателя ПП ОГПУ по Казахстану в период с середины октября 1929 г. по 12 ноября 1930 г.

В АП РК содержатся сведения биографического характера, касающиеся Альшанского А.Р. [3], из них вырисовывается следующая карти-

^{1*} Краткие биографии руководителей органов управления Казахстана, в т. ч. Народного комиссариата внутренних дел опубликованы в справочнике Қазақстанның халық комиссарлары. 1920–1946: Өмірбаяндық анықтамалық. / Құраст.: М.Х. Жақыпов, А.С. Зұлқашева, А.Н. Ипмағамбетова (жауапты), Е.В. Чиликова. – Алматы: Қазақ гуманитарлық-заң университетінің баспасы, 2004. – 499 б. Наркомы Казахстана. 1920–1946 гг. / Архив Президента РК – Алматы: Арыс, 2007. – 400 с. Также см. биографию А.Р. Альшанского / Данияр Ашимбаев Кто есть кто в Казахстане. Биографическая энциклопедия. 2010–2011 – Изд. 11-е, доп. – Алматы, 2010. – С.88 (прим. ред.).

^{2*} М.М. Яковенко. Агнесса. Устные рассказы Агнессы Ивановны Мироновой-Король о ее юности, о счастье и горестях трех ее замужеств, об огромной любви к знаменитому сталинскому чекисту С.Н. Мионову, о шикарных курортах, приемах в Кремле и ... о тюрьмах, этапах, лагерях, – о жизни, прожитой на качелях советской истории. – М: Звенья, 1997 (прим. ред.).

на. Альшанский Анатолий Романович – Мильштейн Абрам Соломонович, еврей, член РСДРП с декабря 1917 г. Родился 5 ноября 1896 г. в г. Томске в бедной семье. После окончания 3 классов приходской школы работал фотографом в частных заведениях гг. Красноярска, Иркутска и Томска. С 1920 г. работал в органах ГПУ. В 1920–1922 гг. – начальник Политконтроля Забайкальской и Прибайкальской областей, начальник Читинского подотдела ГПО (госполитохра́на), помощник начальника Приамурского отдела ГПО, начальник отдела главного управления ГПО Дальне-Восточной республики. С января 1923 г. – начальник секретного отдела, секретно-оперативной части Приморского и Верхнеудинского отделов ГПУ. С ноября 1924 г. работал начальником Актюбинского, с мая 1926 г. – Алма-Атинского губотделов ГПУ. В мае 1927 г. был назначен заместителем Полномочного представителя ОГПУ в Казахстане (г. Кызыл-Орда) [4].

О деятельности Альшанского в должности руководителя Актюбинского, а затем Алма-Атинского губотделов ГПУ в силу закрытости материалов ничего не известно. Однако о некоторых моментах его деятельности на посту заместителя Полпреда ОГПУ по Казахстану мы располагаем определенной информацией. Информация была выявлена в 1990–1992 гг. в ходе работы в фондах АЖК РК (г. Нукус), когда шел сбор материалов по истории Тахтакупырского вооруженного выступления (сентябрь 1929 г.), а также в 2002–2006 гг. в ходе работы в фондах РГАСПИ (г. Москва), во время выявления материалов по истории вооруженных выступлений в Казахстане (1929–1931 гг.).

Предваряя изложение материалов, касающихся деятельности Альшанского А.Р. в должности заместителя ПП ОГПУ по Казахстану, отметим следующее. В ходе насильственной коллективизации сельского хозяйства в Казахстане в период с 1929 г. по 1931 г. в республике произошло 25 вооруженных выступлений и повстанческих движений, направленных против политики власти [5].

Первое выступление произошло в Каракалпакской автономной обл. (КАО), входившей в тот период в состав КазАССР. События имели место на территории Чимбайского р-на в пос. Тахтакупыр 27 сентября 1929 г. Часть баев Чимбайского и Кегейлийского районов, недовольных проводимой советской властью земельно-водной реформой, навязыванием монокультуры хлопка, хлебозаготовками, при поддержке середняков организовала вооруженный мятеж и захватила Тахтакупыр. После подавления мятежа силами Каракалпакского областного отдела ОГПУ во главе с А. Белоноговым вся деятельность спецслужб и партийно-советского аппарата была направлена на преодоление последствий вооруженного выступления. В этом деле огромную роль сыграл заместитель ПП ОГПУ по Казахстану А.Р. Альшан-

ский. Именно в КАО Альшанским были успешно и достаточно результативно апробированы чекистские методы борьбы с местными противниками советской власти. Именно в КАО впервые были использованы все силы и возможности репрессивного аппарата ОГПУ против представителей зажиточных слоев коренного населения. Именно в КАО руководитель ПП ОГПУ по Казахстану продемонстрировал свои функциональные полномочия, организовав и возглавив впервые в политической истории региона орган внесудебной расправы с арестованными организаторами нападения на Тахтакупыр. Именно в КАО руководством ПП ОГПУ был накоплен необходимый опыт борьбы, который всецело использовался на протяжении 1930 и 1931 гг. в процессе вооруженной борьбы с крестьянским населением Казахстана, выступившем против политики насильственной коллективизации.

В середине октября 1929 г. Альшанский вместе с секретарем Казкрайкома ВКП (б) И. Курамысовым прибыл в КАО. Курамысов остался в Турткуле – областной центр КАО. Альшанский же незамедлительно выехал в районный центр Чимбай, где вместе с Белоноговым возглавил работу облотдела ОГПУ по ликвидации последствий вооруженного выступления.

Пока Кубякин – сотрудник ПП ОГПУ по Казахстану, Ибатулин – помощник уполномоченного облотдела ОГПУ по Чимбайскому р-ну вели допросы арестованных «контрреволюционеров» и участников нападения на Тахтакупыр, Альшанский вместе с Белоноговым осуществили целый ряд мероприятий. В ходе следствия по делу участников нападения на Тахтакупыр было установлено большое количество разбежавшихся. В этой связи Альшанский в ходе телеграфных переговоров с ответсекретарем Каракалпакского обкома ВКП (б) Варламовым 31 октября 1929 г. настоял на издании от «имени облика постановления обязывающего все рики и аулсоветы организовать систематическую поимку скрывшихся басмачей и повстанцев». Альшанский мотивировал это необходимостью «вокруг вопроса о ликвидации последствий организовать массы». Без этого, полагал он, «вести борьбу трудно» [6, л.77].

Инструктируя Варламова по вопросу о том, каким должно быть по содержанию постановление облисполкома Альшанский особо отметил, что в «воззвании необходимо подчеркнуть: гарантируется безопасность всем возвращающимся» и добавил: «конечно, кроме главарей» [6, л.83]. Свою лепту в содержание обращения внес и член группы ЦК ВКП (б) [Ф.И.] Колесов [7].

Наставляя Варламова во время телеграфных переговоров 31 октября, Колесов отметил, что в воззвании необходимо обязательно подчеркнуть «мобилизацию масс на борьбу с басмачеством». Нужно,

указывал в связи с этим он, также подчеркнуть, «что уже имеются прекрасные результаты борьбы этими методами, что каждый трудящийся обязан принять все зависящие от него меры по поимке басмачей. Иными словами, нужно подчеркнуть, что ответственность борьбы с басмачами ложится не только на административно-военные органы, но и на всех трудящихся» [6, л.82].

5 ноября 1929 г. инициатива Альшанского с его и Колесова предложениями и замечаниями была реализована в обращении обкома ВКП (б) и облисполкома КАО «Ко всем батракам и беднякам. Ко всему трудовому дехканству Каракалпакской автономной обл.», а также в обращении облисполкома «Ко всем участникам бандитско-басмаческих шаек». Эти обращения были разосланы по районам области.

Но главную роль в борьбе с так называемым басмачеством играло не население КАО, а областной отдел ОГПУ, который в тот момент курировал заместитель ПП ОГПУ по Казахстану Альшанский. Так, анализируя оперативную обстановку в КАО после Тахтакупырских событий, Альшанский охарактеризовал её следующими моментами. Во-первых, наличием значительного числа скрывающихся повстанцев. Во-вторых, общей поражённостью всех районов КАО активным пособничеством со стороны населения. В-третьих, действиями в Кунградском р-не банды Клычбая до 50 сабель и «контрреволюционными байско-ишанскими группами в Кипчакском и Шаббазском районах». Положение, по мнению Альшанского, усугублялось рядом факторов. Это, прежде всего, угроза «возможного поражения басмачеством Тамдынского р-на». Затем – контрреволюционное выступление в Батпакаринском и Наурзумском районах Кустанайского окр. и возможное отступление повстанцев через Актюбинский и Кызыл-Ординский округа в направлении «на Кунградский и Тахтакупырский районы» [8, л.12].

Подобная обстановка, как полагал Альшанский, «диктует необходимость особой напряженной, гибкой и решительной борьбы по ликвидации оставшихся бандшаек, изъятии скрывшихся повстанцев и полной ликвидации пособничества, как основной базы басмачества КАО» [8, л.12].

В связи с этим Альшанским 14 ноября 1929 г. был издан приказ №05911, в соответствии с которым вся КАО разбивалась на 10 боевых участков по количеству административных районов [8, л.12].

Начальниками боевых участков были назначены: Кунградского – Максименко, Ходжейлийского – Заводовский, Чимбайского – Ибатулин, Тахтакупырского – Валиев, Караузьякского – Салимгиреев,

Кегейлийского – Иванов, Кипчакского – Змиенко, Шейхаббазского – Ковалышкин, Турткульского – Юрков и Тамдынского – Грязнов.

Начальников первых 6-ти боеучастков подчинили непосредственно «руководителю северных районов пом. начальника КРО (контрразведывательный отдел) ПП ОГПУ Казахстана т. Кубякину, находящемуся в г. Чимбае» [8, л.72]. Остальных подчинили «руководителю южных районов начальнику Каракалпакского облотдела ОГПУ т. Белоногову, находящемуся в г. Турткуле» [8, л.72]. Общее руководство военными и чекистскими операциями Альшанский оставил за собой. Согласно приказу, начальники боеучастков получили целый комплекс предписаний по организации и производству действий разведывательного и оперативного характера, средств и способов связи и др.

В задачи начальников боеучастков входили: организация всех видов разведки для выявления как бандшак, так и отдельных участников и пособников басмачества; создание спецразведки без переложения последней на аульных уполномоченных; выявление и изъятие оружия через аулсоветы и общественные организации; решительная борьба с пособниками басмачеству, под которыми Альшанский подразумевал «лиц передающих всевозможные сведения басмачам о численности, о местонахождении их и снабжающих басмачей фуражом, продовольствием, консоставом, оружием» [8, л.72].

С пособниками басмачеству рекомендовалось вести борьбу по двум линиям: «путем ареста и направлении их с собранными материалами по принадлежности» и «путем создания общественного бойкота пособников, лишения их права голоса, земельных наделов, исключения из всех видов кооперации и общественных организаций» [8, л.72].

Все вышеперечисленные задачи имели одну цель – ликвидация «имеющихся банд мерами военного и чекистского характера». В крайнем случае – «недопущение бандшак в культурную полосу» (под культурной полосой имелась в виду зона земледелия. – Т.А.).

Учитывая просчеты, допущенные Белоноговым и Грязновым, командир подразделения 62-го дивизиона войск ОГПУ, в период, предшествовавший Тахтакупырским событиям, Альшанский возложил на начальников боеучастков обязанность лично инструктировать аульных уполномоченных ОГПУ, «ставя перед ними конкретные задачи и систематически руководя их работой» [8, л.73].

Более того, Альшанский потребовал всю возлагаемую на начальников боеучастков работу «проводить в тесном контакте с районными, аульными, партийными и советскими организациями», своевременно информировать их «как о состоянии участка, так и о своих мероприятиях» [8, л.73].

В условиях КАО у облотдела ОГПУ недостаточно было сил для решения масштабных задач по реализации приказа Альшанского. Поэтому на начальников боеучастков была возложена обязанность «немедленно организовать и выделить боевое ядро партийных и комсомольских ячеек, объединив их в один районный отряд». Командиров отрядов рекомендовалось «назначить по согласованию с райисполкомами» [8, л.73].

Создание 10 чекистских участков, укрепление агентурно-информационной сети позволили облотделу ОГПУ взять под жесткий контроль всю территорию КАО и повести «решительную и беспощадную» борьбу с последствиями, вызванными Тахтакупырскими событиями.

Облотделом ОГПУ под непосредственным руководством Альшанского предпринимались активные меры по розыску скрывающихся басмачей и засылке агентурных групп по их поимке. В этом направлении осуществлялись следующие три операции. В Ташаузский округ Туркменской ССР для «задержания или ликвидации группы Исматуллаевых был послан отряд под командованием Кубякина, который действовал совместно с начальником Ташаузского окротдела» ОГПУ. Для поимки и задержания Кдыр-казы и двух ишанов в Мангитский р-н был послан «Белоногов с задачей заполучить в свои руки связь повстанцев с Джунаид Ханом». Для окончательной ликвидации «банды Клычбая» в Кунградский р-н был направлен отряд коммунаров и 62-й дивизион ОГПУ [8, л.10].

Облотдел ОГПУ в своей деятельности не ограничился розыском и изъятием активных организаторов и участников вооруженного нападения на Тахтакупыр, арестами пособников и сочувствующих. Руководство облотдела ОГПУ предприняло меры по профилактике и предупреждению событий аналогичных Тахтакупырским. Еще 8 октября, во время телеграфных переговоров между Варламовым и Белоноговым, руководитель каракалпакских чекистов просил обратить внимание на южные районы КАО – Шаббазский и Кипчакский, где «чувствуется напряженность настроения» [6, л.51 об.].

Белоногов не мог покинуть Чимбай, не обеспечив надежного руководства отрядами. Поскольку обстановка была сложной и требовала его присутствия, он ограничился посылкой в Кипчакский р-н своих работников. Лишь спустя неделю после прибытия Альшанского в Чимбай, Белоногов с согласия своего непосредственного руководителя отбыл в Турткуль.

После проведения соответствующих оперативно-розыскных мероприятий было «установлено наличие контрреволюционных группи-

ровок байства и ишанства, которые были связаны с участниками контрреволюционной организации северных районов КАО» [8, л.7].

1 декабря 1929 г. закрытое заседание бюро обкома ВКП (б), заслушав информацию Белоногова «О политическом состоянии южных районов Каракалпакии» дало санкцию на арест членов контрреволюционной организации [9, л.223.]. Облотдел ОГПУ не замедлил выполнить решение бюро обкома.

Так, под руководством Альшанского, Каракалпакский облотдел ОГПУ разрабатывал и осуществлял меры по преодолению последствий Тахтакупырского вооруженного выступления, пресечению «контрреволюционной» деятельности баев и ишанов южных районов КАО.

Вместе с Альшанским в КАО в качестве ответственного представителя Казкрайкома находился и Курамысов. Существенной пользы от него в ходе решения проблем, возникших в связи с событиями в Тахтакупыре, не было. Уже в конце октября Курамысов счел свою миссию ответственного представителя, выполненной, и принял решение вернуться в Алма-Ату. Перед отъездом представитель Казкрайкома пожелал получить от Альшанского необходимую информацию о событиях в Тахтакупыре, причинах, вызвавших вооруженное выступление. В ходе телеграфных переговоров между Альшанским и Курамысовым состоялся обмен мнениями по этому поводу. Содержание записи разговора между высокопоставленным партийным работником и руководителем ПП ОГПУ характеризует не только их позиции, но и помогает более ярко раскрыть роль каждого из них в решении задач, направленных на преодоление последствий, вызванных Тахтакупырскими событиями.

Ниже публикуется запись разговора. При этом сохранены присущие документу орфография и пунктуация.

«Курамысов. Выезжаю завтра через Ургенч. Хотел узнать первоначальное хотя бы мнение Альшанского и, если возможно, то и Колесова о событиях, а также просьба проинформировать о последних ваших мероприятиях. Жду ответа.

Альшанский. Установили наличие контрреволюционной организации в Чимбае, выступление (в) Тахтакупыре является одним из мероприятий организации. Следствие продолжается. [В] связи с чем процесс суда откладывается [на] несколько дней. Возможно объединение дел. Завтра полагаем выехать в Тахтакупыр. В районах спокойно. Я лично считаю, что твой отъезд как представителя Крайкома является нецелесообразным [до] окончательных выводов.

Курамысов. И все-таки вашего мнения о событиях не сказали.

Альшанский, Колесов. Следствие, практическая работа группы ЦК, поездки по аулам дадут возможность установить [и] точнее сформулировать причины, сделать вывод[ы] [о] восстании, басмач[еском] движении. Слушали информацию комиссии обкома, ею причины не выяснены. Повторяем, восстание, басм[еское] движение есть часть работы к.[онтр]-р.[еволюционной] организации, ставившей цель разгрома большевиков, установление своей власти. Вот наше мнение. Все.

Курамысов. Почему считаете мой, т. е. Курамысова отъезд нецелесообразным.

Альшанский, Колесов. Необходимость оставления Курамысова [в] КАО диктуется теми соображениями, что группа ЦК работу ещё не закончила, поэтому выводы, а также намеченные практич[еские] мероприятия по КАО требуют присутствия ответственного представителя Крайкома.

Курамысов. Голощекин сейчас в Петропавловске, откуда, по-видимому, поедет в Москву. Следовательно, мой выезд [в] Алма-Ату не терпит отлагательства. Я не вхожу в группу ЦК и даже считаю излишним какое-либо вмешательство [в] их работу. Тов. Альшанский, как я уже говорил, будет заменять меня как ответственного Крайкома. При всех обстоятельства Крайком будет самым решительным образом настаивать на заслушивании выводов группы на заседании бюро Крайкома. Вы все же ничего не сказали о политич[еских] причинах этих событий, хотя бы в виде сугубо предварительного мнения [в] крайнем случае одного только Альшанского.

Альшанский. Все, что мы вчера и сегодня передавали [по] этому вопросу есть единое мнение, вытекающее из хода дела, с которым я ознакомился самым подробным образом. Составляем подробную записку, которую направим Крайкому и Москве.

Варламов. Конечно, пришлите и обкому.

Альшанский. Несомненно, что обком не забудем» [6, л.77–79, 82–86].

Анализ оперативных документов и характер действий областного отдела ОГПУ наглядно свидетельствует о стиле руководства, размахе деятельности и квалификации заместителя ПП ОГПУ в Казахстане. Альшанский на порядок превосходил руководителей областного отдела ОГПУ и не уступал в опыте и знаниях партийному руководству КАО.

По окончании следствия над участниками вооруженного выступления в Тахтакупыре дела на 45 чел. были переданы на рассмотрение выездной сессии Верховного Суда КазАССР. Выездная сессия ВС КАССР под председательством Баумакашева приговорила к высшей

мере наказания 16 участников нападения на Тахтакупыр, остальных – к различным срокам заключения и 4 оправдала [10].

Остальные дела – организаторов вооруженного выступления – рассматривала тройка по внесудебной расправе над террористами и басмачами. Вопрос о внесудебной расправе впервые был поднят на совещании 5 октября в Ургенче. Но до приезда Альшанского каких-либо конкретных шагов в направлении формирования 2-й тройки» по внесудебной расправе не было сделано. Прибыв в КАО и ознакомившись с обстановкой на месте, Альшанский принял соответствующие меры. По его инициативе тройка была сформирована 25 ноября на закрытом заседании бюро обкома ВКП (б). В состав тройки вошли: Альшанский – председатель, Аллабергенов – секретарь обкома ВКП (б) и Халикулов – областной прокурор [9, л.224].

После формирования «тройки» Альшанский спешит и предпринимает следующий шаг. 27 ноября 1929 г. состоялось очередное заседание обкома ВКП (б). Была заслушана предварительная информация Альшанского «О предполагаемом переходе басмаческих шаек на правый берег Амударьи и их намерении захватить Чимбай с целью освобождения арестованных басмачей и членов ликвидированной контрреволюционной организации». Бюро постановило: «Информацию принять к сведению. Проверая и учитывая полученные данные о намерениях басмачества, необходимо вынесение приговора над членами контрреволюционной организации и участниками Тахтакупырского выступления произвести после того, как будут прощупаны настроения различных социальных групп населения и приняты ряд организационно-политических мер по укреплению положения северных районов. Если обстановка этих районов будет напряжена, вынесение приговора *произвести закрыто, а исполнение его немедленно*» (выделено мной. – Т.А.) [11].

Судя по всему, Альшанский преднамеренно дезинформировал обком ВКП (б) с целью нагнетания обстановки. Бюро обкома, хотя и с оговорками, но все же поддается влиянию заместителя полпреда ОГПУ в Казахстане и соглашается с его предложениями.

3 декабря 1929 г. из 47 чел., проходящих по так называемому «центральному» делу, «тройка своим постановлением приговорила 36 членов «Чимбайской контрреволюционной организации действовавших на территории северных районов КАО, ставящих себе целью подготовку вооруженного восстания и свержения Советской власти» по ст. 58-2 и 59-3 УК РСФСР к расстрелу с конфискацией имущества. Двоих – к 5-ти и 11 чел. – к 3 годам концлагерей с конфискацией имущества [12].

Таким образом «тройка» под руководством Альшанского подвела под расстрел в два раза больше людей, чем выездная сессия ВС под председательством Баумакашева.

Весьма характерный размах, присущий чрезвычайным органам и отличавший их от органов правосудия даже в тех условиях. Тенденция, наметившаяся в конце 1920-х гг., со временем станет обычным явлением в практике репрессий против всех инакомыслящих и инакодействующих граждан Страны Советов.

На следующий день, 4 декабря 1929 г. на закрытом заседании бюро обкома ВКП (б) была заслушана информация Альшанского о работе «тройки». Бюро постановило: «1. С решением тройки согласиться» [9, л.222].

Так была поставлена свинцовая точка в этой полной драматизма странице истории Каракалпакии. Одну из ключевых ролей играл заместитель ПП ОГПУ в Казахстане Альшанский Анатолий Романович, он же Мильштейн Абрам Соломонович.

Завершив свои дела в КАО, Альшанский в конце декабря 1929 г. отбыл в Алма-Ату. Здесь 2 января 1930 г. состоялось закрытое заседание Казкрайкома ВКП (б) в повестке дня которого был один вопрос «О контрреволюционном выступлении в КАО, Бостандыкском и Батпакаринском районах» [13, л.1–46].

Альшанский подробно и обстоятельно поведал Крайкому свое видение сути и причин событий в КАО, о деятельности «Каракалпакской контрреволюционной организации», о вооруженном выступлении в Тахтакупыре, о движущих силах и социальной базе имевших место событий и явлений. На заседании выявилось принципиальное расхождение в видении событий и их оценке между заместителем ПП ОГПУ в Казахстане Альшанским и руководителем группы ЦК ВКП (б) Гричмановым. Это касалось, прежде всего, вопроса о закордонном влиянии на Тахтакупырские события, на котором настаивал Альшанский и несогласии Гричманова с подобной постановкой вопроса. Кроме того, Гричманов выступил с критикой Альшанского по вопросу «перестройки аппарата ГПУ на решение тех больших задач, которые встают в связи с обострением классово-борьбы», обратил внимание на неспособность аппарата ГПУ «заранее предвидеть подобные события». Работник ЦК ВКП (б), давая в целом оценку Альшанскому, заявил, «что он, при всех его хороших качествах, больше работник ГПУ; конечно, это хорошее качество, но в политике, пожалуй, это не всегда верно» [31, л.46].

В последующем, на протяжении большей части 1930 г., заместитель ПП ОГПУ по Казахстану А.Р. Альшанский проводит директивы ОГПУ СССР, направленные в условиях развернувшейся по стране

насильственной коллективизации против баев и кулачества, принимает участие в операциях, связанных с нейтрализацией различного рода контрреволюционных группировок, организовывает и осуществляет мероприятия по подавлению значительного числа выступлений казахских шаруа, как мирного, так и вооруженного характера, которые начали разрастаться подобно гигантской волне по всей территории Казахстана.

Наряду с этим ПП ОГПУ в Казахстане систематически информирует ОГПУ СССР о состоянии колхозного строительства, о политическом состоянии Казахстана в связи с хлебозаготовками, о борьбе с байством и кулачеством. Об этом прямо и опосредовано свидетельствуют документы и материалы, опубликованные в тематических сборниках [14].

Так, в начале января ПП ОГПУ в Казахстане представило информацию о колхозном строительстве в республике в период с 1 октября 1927 г. по декабрь 1929 г. В ней подробно, со знанием дела отражена картина процесса колхозного строительства в ряде округов Казахстана, на конкретных примерах представлен социальный состав колхозов, показано слабое руководство коллективизацией, отношение к колхозному строительству бедноты и середнячества, отношение к коллективизации членов ВКП (б), противодействие кулацко-байских элементов коллективизации [15, с.80–84].

3 февраля на территории Казахстана была начата операция по ликвидации к/р организации «Суфи» [16]. Ликвидирована группа Сарбиева, арестовано 40 чел. Операции продолжаются в отношении трех групп: Ильяс Каракул-ишана, Алланиязова, Кашанова. Развернуты операции по Хорезму и в Ташаузе. В Актюбинске проводится ликвидация банды Южахмедова, связанной с организацией «Суфи» [15, с.150.].

10 февраля 1930 г. Альшанский получает меморандум №804 за подписями Ягоды и Евдокимова, где указывалось следующее: «Ваш №216.1) Со всякого рода перегибами на почве коллективизации надлежит вести борьбу с постановкой вопроса в совпарторганизациях, к к/р кулацкой части *жестко применять репрессивные меры* (выделено мной. – Т.А.) на общих для кулацкой прослойки основаниях» [15, с.161]. По всей видимости, Альшанский перед этим запрашивал соответствующие инструкции у руководства ОГПУ.

7 февраля 1930 г. вспыхнуло вооруженное восстание в Сузакском р-не Сырдарьинского окр. Первоначальные сведения о событиях в Сузакском р-не были получены полномочным представительством ОГПУ по Казахстану от руководства Сырдарьинского окружного отдела ОГПУ лишь к 10 февраля. По инициативе ПП ОГПУ по Казах-

стану 11 февраля под председательством И. Курамысова состоялось закрытое заседание секретариата Казкрайкома, на котором была заслушана информация Альшанского «О событиях в Сузакском р-не Сырдарьинского окр.». На основе его информации секретариат постановил: «В связи с событиями в Сузакском р-не Сырдарьинского окр. для выяснения причин и проведения необходимой срочной операции создать комиссию под руководством т. Исаева» [17, л.16].

Поскольку ситуация в Сузакском р-не с каждым днем принимала крайне острый характер и вела к дестабилизации политической обстановки, 13 февраля вновь состоялось закрытое заседание секретариата Казкрайкома, на котором была заслушана информация Альшанского «О событиях в Сузакском и Сарысуйском районах Сырдарьинского окр.», а также предложенные ПП ОГПУ меры военного противодействия [17, л.17].

Секретариат Казкрайкома санкционировал «посылку отряда из Алма-Аты в 50 штыков под командой т. Рукавишникова для действий в Сузаке и Кенте-Арале». Приняв к сведению сообщение Альшанского о том, что «из Средней Азии сегодня выступит отряд в 120 штыков для операции в Сузаке», секретариат поручил «крайвоенкомату предложить Сырдарьинскому окрвоенкому оказать содействие направляемому из Средней Азии отряду» [17, л.17 об].

14 февраля на закрытом заседании секретариата Казкрайкома вновь была заслушана информация Альшанского «О ходе событий в Сузаке и Кенте-Арале», а также «телеграмма тт. Исаева и Гурина о мероприятиях, направленных к ликвидации выступления байства. Казкрайком принял к сведению информацию Альшанского и одобрил мероприятия, предпринимаемые ПП ОГПУ по подавлению восстания [17, л.20].

В середине февраля 1930 г. ПП ОГПУ в Казахстане информирует ОГПУ СССР об оперативной обстановке в Сузаке, где вспыхнуло крупное вооруженное выступление против политики коллективизации [15, с.188].

К 16 февраля 1930 г. силами ПП ОГПУ в Казахстане было арестовано контрреволюционного элемента по ликвидированным контрреволюционным организациям в связи с проводимой операцией по кулачеству 463 чел., ликвидирована 1 организация (арестовано 40 чел.), 2 группировки (арестовано 109 чел.) и 1 банда (арестовано 25 чел.) [15, с.110,113, 116].

28 февраля ПП ОГПУ в Казахстане информирует ОГПУ СССР о ходе практических мероприятий по ликвидации кулака как класса. В сводке представлены факты по таким вопросам, как искривления партийной линии в процессе раскулачивания, бегство кулачества и бай-

ства, возвращение бежавших баев китайскими властями, контрреволюционные группировки, листовки и анонимки, теракты и контрреволюционные выступления, поджоги, «голодные» настроения [15, с.227–229].

По состоянию на 7 марта 1930 г. в Казахстане по ликвидированным к/р организациям, бандам и группировкам и изъятым одиночкам числилось 3104 арестованных. Ликвидировано 16 к/р организаций (119 чел.), 309 группировок (1816 чел.), 4 банды (105 чел.), арестовано 1064 одиночек. Эти группировки действовали в Чаяновском р-не Сыр-Дарьинского окр., в Аулие-Атинском р-не, в г. Аулие-Ата, в Беркаринском р-не Каркаралинского окр. и др. [15, с.123].

7 марта 1930 г. на закрытом заседании секретариата Казкрайкома под председательством Голощекина была заслушана информация Альшанского «О событиях в Сузакском, Иргизском и Усть-Каменогорском районах». В результате обсуждения вопроса, было принято постановление, в котором отмечалось, что «данный период совершенно неизбежно сопровождается самой обостренной классовой борьбой: истребление скота, поджоги, террористические акты, избияния, самораскулачивание, контрреволюционная агитация и в отдельных местах вооруженные выступления, где иногда кулачеству, пользуясь слабостью массовой работы, удается привлечь на свою сторону середняка и даже бедняка» [17, л.65.]

ПП ОГПУ по Казахстану информировало ОГПУ СССР: 10 марта 1930 г. О мероприятиях по ликвидации массового вооруженного выступления, вспыхнувшего 5–6 марта в Джетыгаринском р-не Кустанайского окр. [15, с.251]. 12 марта 1930 г. О политнастроениях в республике в связи с коллективизацией и раскулачиванием. В спецсводке был представлен фактический материал, отражающий искривления партлинии при хлебозаготовках в Уральском округе, в ходе которых повальными обысками были затронуты середняки и бедняки; приведены примеры бегства кулачества и байства в Китай и Астраханский окр.; охарактеризованы факты кулацко-байского противодействия в виде группировок, бандпроявлений и терактов; выпукло представлена картина продовольственных затруднений и фактов отрицательных настроений среди городского населения [15, с.259–263].

16 марта 1930 г. закрытое заседание секретариата Казкрайкома заслушало поступившую на имя Казкрайкома телеграмму Реввоенсовета Приволжского военного округа от 15 марта о ситуации в районах Западного Казахстана, охваченных волнениями крестьянства. В связи с обострением ситуации руководство РВС ПриВО потребовало командировать в г. Оренбург для обсуждения ситуации и выработке необходимых мер представителей Казкрайкома и ПП ОГПУ по Казахстану.

Поскольку повстанческое движение, начавшееся в районах Западного Казахстана, перекинулось в Кызыл-Ординский округ, закрытое заседание секретариата Казкрайкома под председательством Рошаля 17 марта в срочном порядке заслушало информацию Волленберга и Альшанского «О положении в Кызыл-Ординском окр.». Приняв к сведению информацию руководителей ПП ОГПУ по Казахстану, секретариат постановил: «...5) В случае неполучения до утра 18 марта с. г. ответа от САВО о направлении воинской части в Кызыл-Ординский окр., сняться с СредАзБюро ЦК ВКП (б) т. Зеленским о необходимости немедленной посылки воинской части, подведомственной САВО, в Кызыл-Ординский окр.» [17, л.85].

Принимаемые на заседании секретариата Казкрайкома решения не всегда доводились до логического конца. Так, к примеру, 5-й пункт постановления секретариата Казкрайкома от 17 марта не был реализован, поскольку руководство ПП ОГПУ по Казахстану рассчитывало имеющимися в его распоряжении силами, поддержанными частями 8-й кавалерийской дивизии ПриВО, самостоятельно подавить восстание в Приаральских Каракумах. Лишь после того, как эти намерения в первой декаде апреля 1930 г. потерпели фиаско, Альшанский вынужден был повторно обратиться за помощью к командованию САВО 737, которое и выслало в его распоряжение конно-артиллерийскую батарею из 3-х горных орудий [18, л.52.].

К 24 апреля 1930 г. по Казахстану было ликвидировано 17 к/р организаций (283 чел.), 410 группировок (2393 чел.), 45 банд (8390 чел.), арестовано 3872 одиночек [15, с.140].

Судя по тем сведениям, которые были представлены выше, ПП ОГПУ в Казахстане развернуло настоящие боевые действия против широких слоев населения, осуществляя массовые аресты и ликвидацию контрреволюционных организаций, группировок и одиночек.

7 апреля 1930 г. ОГПУ СССР разослало всем ПП ОГПУ приказ №12886 «Об устранении перегибов при проведении операции по кулачеству». Здесь было отмечено, что органы в основном справились с возложенной задачей по раскрытию «целого ряда к/р белогвардейско-кулацких организаций и групп, разгрому ряда банд, своевременному изъятию кулацко-белогвардейского и бандитского махрового к/р актива» и «предотвратили попытки вооруженных к/р кулацких выступлений». Приказ требовал от ПП ОГПУ устранить допущенные перегибы, выразившиеся в массовых арестах бедняков и середняков, активно вовлеченных в выступления, разгрузить тюрьмы, высшую меру в отношении бедняков и середняков заменить 10 годами [15, с.217].

Касаясь последующих решений Казкрайкома в отношении повстанческого движения в Приаральских Каракумах, следует отметить,

что в условиях, когда военно-чекистские мероприятия не дали необходимого результата. Ф. Голощекин с подачи руководства ПриВО и ПП ОГПУ по Казахстану вынужден был принять меры по созданию Правительственной комиссии во главе с заместителем председателя ЦИК КазАССР А. Джангильдиным. В обязанность которого вменялись действия агитационно-пропагандистского характера, в т. ч. подготовка Обращения ко всем повстанцам от имени КазЦИКа [18, л.53].

В результате деятельности комиссии повстанческое движение в Приаральских Каракумах удалось нейтрализовать мирными средствами, однако часть повстанцев отказалась разоружиться. Руководство ПП ОГПУ по Казахстану в этих условиях приняло решение о ликвидации непримиримых групп повстанцев военным путем, для чего запросило санкции Казкрайкома. 16 мая 1930 г. данный вопрос явился предметом рассмотрения на закрытом заседании секретариата Казкрайкома под председательством Голощекина. Секретариат, заслушав информацию вновь назначенного полпредом ОГПУ по Казахстану Даниловского «О банде Джумагазы», принял решение: «... 1) Одобрить действия ПП ОГПУ по немедленной ликвидации банды Джумагазы военными силами...3) Предложить т. Джангильдину выждать приезда Альшанского» [17, л.110].

К середине июня 1930 г. были завершены практически все принятые ранее мероприятия по подавлению повстанческого движения в Приаральских Каракумах. В этой связи 15 июня 1930 г. закрытое заседание бюро Казкрайкома заслушало информацию «т. Альшанского о ликвидации антисоветского выступления в Каракумах», в котором были рассмотрены вопросы преимущественно военно-чекистского характера [19, л.32].

В связи с вспышкой в июле очередных вооруженных действий в местности Сарманкожа на закрытом заседании бюро Казкрайкома, состоявшемся 29 июля 1930 г., было заслушано сообщение «т. Альшанского о новом антисоветском выступлении в Каракумах». Бюро, как и в целом ряде аналогичных случаев, приняло стандартное решение: «Предложить ПП ОГПУ принять немедленные меры к изъятию главарей антисоветского выступления и полностью ликвидировать все банды в Каракумах» [19, л.35].

Таким образом, налицо тот факт, что в период, когда менялось руководство ПП ОГПУ по Казахстану, именно Альшанский решал практически все вопросы, связанные с нейтрализацией и подавлением повстанческого движения в Приаральских Каракумах.

9 сентября Альшанский по прямому проводу №11792 информирует ОГПУ СССР о политсостоянии Казахстана в связи с хлебозаготовками. Представив ряд фактов, характеризующих положение дел в

сфере хлебозаготовок, отметив их медленный темп и противодействие со стороны аульных советов в районах Сырдарьинского, Алма-Атинского и Каркаралинского округов, указав на активизацию повстанческой деятельности байства в указанных выше округах и рост активности байских элементов в приграничных районах, Альшанский проинформировал вышестоящий орган о мерах, принятых ПП ОГПУ, в частности о создании оперативных групп ОГПУ во всех приграничных районах для изъятия активных байских элементов [15, с.453–455.].

11 сентября 1930 г. Альшанский по прямому проводу №1771 передает записку в ОГПУ о хлебозаготовках в Казахстане. В ней подробно были изложены факты, свидетельствующие о положении дел, сложившихся в области хлебозаготовок, по ряду районов и округов Казахстана. Здесь имели место: завышение о стороны местных организаций плана хлебозаготовок, приведшее к обострению политсостояния в Казалинском р-н; недовольство высокими планами среди населения, обусловившее отказ в ряде мест (Уральский и Кустанайский округа) принятия плана; наличие разукомплектованных молотилок, и погодные условия; нехватка складских помещений и тары; недостатки в товароснабжении для хлебосдатчиков и др. Записка зафиксировала проявления недовольства планами хлебозаготовок со стороны так называемых 25-тысячников, работников сельсоветов; наличие фактов межнационального антагонизма в Акмолинском окр., выразившееся в потраве хлебов русских колхозов, воровством скошенного хлеба, рытьем картофеля на полях казахским населением; откочевках сотен хозяйств в соседние округа и республики. Записка завершалась словами Альшанского о том, что «в связи с ростом активности кулачества, байства по нашей линии даны указания проведения операций по всему краю» [14, с.606].

12 ноября Альшанский по прямому проводу №2168 вновь информирует ОГПУ СССР о политическом состоянии Казахстана в связи с хлебозаготовками. Охарактеризовав в целом критическое положение дел в сфере хлебозаготовок, заместитель ПП ОГПУ по Казахстану обратил внимание на многочисленные случаи содействия баям со стороны колхозов и отдельных коммунистами, искривление партлинии, перегибы в отношении бедняков, а также усиление откочевки казахов за пределы края, в частности в Туркменистан [15, с.517–519.].

Последнее сообщение по прямому проводу №12179 в ОГПУ, которое передал лично Альшанский, датируется 21 ноября 1930 г. В нем шла речь как о действиях «бандгрупп», так и о противодействии им со стороны кавалерийских отрядов и оперативных групп ОГПУ в

Сырдарьинском и Алма-Атинском округах, Тургайском, Казалинском, Карсакпайском и Урджарском районах [15, с.529–531.].

Такова была практическая деятельность чекиста Альшанского А.Р., в кратчайший срок взлетевшего по карьерной лестнице и занявшего высокую должность в функциональной структуре ОГПУ – заместителя ПП ОГПУ по Казахстану. Номенклатурный вес Альшанского А.Р., помноженный на его личные качества, выразившиеся в организаторских способностях, в умении трезво оценивать оперативную обстановку, работать на опережение позволяли ему успешно осуществлять террор и карательные функции в отношении широких слоев населения Казахстана. Для объективной оценки деятельности Альшанского на посту заместителя ПП ОГПУ по Казахстану важно иметь в виду, что террор, который осуществляли карательные органы, являлся в руках тоталитарного коммунистического государства лишь инструментом всестороннего контроля и управления [1, с.5].

В конце 1930 г. Альшанского А.Р. переводят в Москву. С 1931 г. он работает на ответственных должностях в Управлении милиции РСФСР, затем главным инженером в тресте «Дорстройматериалы» НКВД СССР [20].

17 апреля 1940 г. Альшанский А.Р. арестован по обвинению «в причастности к контрреволюционной организации». Приговором Военной коллегии ВС от 27 ноября 1940 г. осужден к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 25 декабря 1940 г. Постановлением Военной коллегии ВС СССР от 10 ноября 1956 г. Альшанский А.Р. реабилитирован [21].

Так завершился жизненный путь вчерашнего фотографа, ставшего на волне революции и Гражданской войны вначале рядовым сотрудником, а затем и одним из руководителей могущественной советской спецслужбы с аббревиатурой «ПП ОГПУ по Казахстану».

1. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник / Общество «Мемориал», РГАСПИ. ГАРФ; Под ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. – М.: Звенья, 1999 – 504 с.

2. В Справочнике не только отсутствуют сведения, но даже не упоминаются Волленберг Н.Л. и Даниловский И.К.^{1*} Первый возглавлял ПП ОГПУ по Казахстану в период с 4 июля 1928 г. по 16 марта 1930 г., второй – в период с 16 марта 1930 г. по 15 августа 1931 г., когда его сменил Каруцкий^{2*} // Алланиязов Т.К. Контрреволюция в Казахстане: Чимбайский вариант. – Алматы: Фонд «XXI век», 1999. – С.217; РГАСПИ. Ф.17. Оп.113. Д.835. Пункт 28 протокола оргбюро №189; Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941... указ. соч. – С.227.

3. АП РК. Ф.141. Оп.16. Д.2058.

^{1*} Д. Ашимбаев Кто есть кто в Казахстане... – С.303. (прим. ред.).

^{2*} Там же... – С.543. (прим. ред.).

4. Алланиязов Т.К. Контрреволюция в Казахстане... указ. соч. – С.216.
5. Алланиязов Т.К., Таукенов А.С. Последний рубеж защитников номадизма. История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929–1931 гг.). – Алматы: ОО «OST-XXI век», 2009. – С.169.
6. АЖК РК. Ф.1. Оп.2. Д.512.
7. В КАО помимо казахстанских товарищей прибыла и группа работников ЦК ВКП (б) во главе с Гричмановым.
8. АЖК РК. Ф.1. Оп.2. Д.661.
9. Там же. Д.664.
10. Там же. Д.660. Л.3–4.
11. Там же. Д.531. Л.23.
12. Там же. Д.663. Л.17–18.
13. Там же. Д.753. Л.1–46.
14. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т.2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: РОССПЭН, 2000. – 927 с.; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т.3. 1930–1934 гг. Кн.1.1930–1931 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: – РОССПЭН, 2003. – 864 с.
15. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т.3. Кн.1.
16. «Суфи» – кодовое название байской повстанческой организации, материалы о контрреволюционной деятельности которой проверялись Актюбинским и Гурьевским окружными отделами ОГПУ Казахстана в январе – июне 1930 г. По данным ОГПУ контрреволюционные ячейки «Суфи» готовили выступления мусульманского населения под лозунгом «защиты ислама, имели связи с Афганистаном и Персией, в т. ч. с известным религиозным авторитетом и руководителем басмаческого движения Джунаид-Ханоми // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т.3. Кн.1. – С.807.
17. РГАСПИ. Ф.17. Оп.25. Д.47.
18. АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.2953.
19. РГАСПИ. Ф.17. Оп.25. Д.46.
20. Расстрельные списки. Москва 1935–1953. Донское кладбище. Общество «Мемориал», М.: Звенья, 2005. – С.17.
21. Из письма начальника ЦА ФСБ РФ Н.П. Михейкина проректору по научной работе и международным связям Жезказганского университета им. О.А. Байконурова Зейнуллину А.А. от 8 июля 1999 г. №10/А-2189. Личный архив Алланиязова Т.К.

Алланиязов Т.К.

Бак С.А. – начальник Семипалатинского оперсектора ОГПУ

В истории органов государственной безопасности Казахстана особое место занимает период 1929–1931 гг., когда в республике, в результате насильственной коллективизации имели место 25 вооруженных выступлений и повстанческих движений. Все они были подавлены военно-чекистскими методами. Содержание и характер деятельно-

сти полномочного представительства ОГПУ в Казахстане, а главная структура, состав руководящих работников и качественные характеристики штатных работников центрального и местных аппаратов ОГПУ позволяли данной спецслужбе играть основную роль в необъявленной войне против народа. В комплексе военно-политических мер, направленных на подавление вооруженных выступлений, особое место отводилось военным, техническим, организационным и оперативно-разведывательным возможностям органов госбезопасности.

В исследовании роли ПП ОГПУ в необъявленной войне против народа важное место занимают вопросы идеологии и практики деятельности органов госбезопасности по подавлению вооруженных выступлений. Разработка данного аспекта позволяет расширить и углубить научные представления о характере и специфике деятельности ОГПУ по нейтрализации и подавлению вооруженных выступлений, а также дает возможность показать, насколько серьезной по характеру и значительной по содержанию являлась борьба казахских шаруа против политики коллективизации и принуждения к оседлому образу жизни.

В разработку идеологии и практики деятельности ОГПУ по подавлению вооруженных выступлений значительный вклад внес начальник Семипалатинского оперативного сектора ПП ОГПУ по Казахстану Бак Соломон Аркадьевич [1].

Именно ему принадлежит авторство ряда оперативных документов, в которых содержались: описание средств и методов силового подавления вооруженных форм протеста крестьян, указания тактического характера и содержания проводимых военно-чекистских операций, инструкции по проведению следственных мероприятий в отношении участников выступлений, практические указания по действию руководителей оперативных групп и районных структур ОГПУ по агентурной работе среди населения [2].

Прежде чем приступить к анализу оперативных документов, подписанных С.А. Баком, обратим внимание на некоторые аспекты его деятельности в 1930 г., когда в округе осуществлялись мероприятия по выселению кулаков и баев в соответствии с директивами Казкрайкома и ПП ОГПУ были приняты меры по раскулачиванию и выселению кулаков и баев. Характерным и вместе с тем показательным примером в этом плане является деятельность Семипалатинского окружкома ВКП (б).

5 февраля 1930 г. на закрытом заседании бюро Семипалатинского окружкома ВКП (б) рассматривался вопрос «О выполнении директивы Крайкома от 2 февраля и указания ЦК от 30 января 1930 г.», было заслушано заявление начальника окружного отдела ОГПУ Бака об аресте 300 кулаков и баев. Бюро обязало «ГПУ ускорить дальнейшее

выявление и изъятие из всех районов округа, особенно из районов сплошной коллективизации, кулаков и баев, ...обеспечив срочную их высылку за пределы округа, с отображением всего имущества» [3, л.9]. Бюро дало соответствующие директивы на места, на основе которых была проведена вся практическая работа [3, л.23].

9 февраля 1930 г. заседание бюро окружкома было посвящено телеграфным директивам Крайкома от 7 и 12 февраля «О ликвидации кулачества». Три района округа – Шемонаихинский, Разинский и Жанасемейский – были объявлены районами сплошной коллективизации. Общее количество хозяйств в этих районах составляло 21 400. Из них в Шемонаихинском р-не насчитывалось «индивидуалов и кулаков 5,3%», в Разинском – «кулаков – 3,8%, индивидуалов – 2,2%», в Жанасемейском – «баев – 4,6%, индивидуалов – 2,7%». «Исходя из указанных уточненных цифр, фактов возможности отсева в будущем», бюро определило цифру выселения в 550 хозяйств, что составляло к общему числу хозяйств этих районов 2,6%. По районам эти цифры были распределены следующим образом: Шемонаихинский – 300, Разинский – 130, Жанасемейский – 120 [3, л.13].

С просьбой санкционировать выселение Семипалатинский окружком обратился в Казкрайком и ПП ОГПУ. Однако вышестоящая инстанция действия окружкома признала неправильными [3, л.23]. Это объяснялось тем, что Казкрайком в директиве от 11 февраля не только не утверждал районов сплошной коллективизации, но и указывал на то, что «практическая работа по ликвидации проходить не должна». Однако в телеграмме от 12 февраля отмечалось, что «Семипалатинского окружкома это дело не касается и передается только для сведения» [3, л.23 об.]. Семипалатинский окружком, ссылаясь на соответствующие директивы ЦК ВКП (б) и Казкрайкома, обосновал правильность осуществленных мер по раскулачиванию и выселению. Также информируя о приостановке этой работы в Жанасемейском р-не, просил «разрешить провести работу по выселению из округа в размере для Шемонаихинского 150, для Разинского 120 чел.» [3, л.23–24]. 17 февраля Казкрайком потребовал приостановить «учет кулацко-байских хозяйств в районах не сплошной коллективизации» [3, л.26], каких-либо указаний по поводу уже осуществленных мер в Семипалатинском окр. в телеграмме не содержалось. В этих условиях Семипалатинский окружком обратился к Казкрайкому с просьбой «указать, как быть [в] местах, где учет уже проведен» [3, л.26].

Не дождавшись ответа, 20 февраля бюро Семипалатинского окружкома потребовало от Шемонаихинского и Разинского райкомов «недопущение дальнейшего раскулачивания» и обязало «принять срочные меры к немедленному возвращению всего имущества задетых

раскулачиванием середняков, с привлечением виновных к ответственности». В отношении уже раскулаченных хозяйств бюро потребовало «возвратить минимум для ведения хозяйства на новом месте» [3, л.26].

Однако остановить заведенный механизм раскулачивания и выселения в округе было трудно. Слишком велико было желание окружных и районных работников, несмотря на запреты Казкрайкома, довести порученное дело до логического конца. 22 февраля 1930 г. Семипалатинский окружком в экстренном порядке рассматривал меры, направленные на нейтрализацию вооруженного крестьянского восстания, вспыхнувшего в Усть-Каменогорском, Зырянском и Самарском районах [3, л.30].

Восстание готовилось с осени 1929 г., с того момента, когда бывший сельский учитель Федор Дорофеевич Толстоухов вместе со своими помощниками Клиновским и Зеленковским, бывшими белогвардейскими офицерами, создал «контрреволюционную казачью повстанческую организацию» [4, с.277]. Характерна биография Толстоухова. В период Гражданской войны он являлся помощником командира партизанского полка «Красные горные орлы Тарбагатая», известного своими действиями против белогвардейцев. В 1920-е гг. Толстоухов служил в Красной армии, затем работал на Урале и Дальнем Востоке. В 1926 г. был исключен из рядов ВКП (б) за сочувствие эсерам. В 1929 г. возвратился на постоянное место жительства в с. Братское Самарского р-на. Политика ВКП (б) в области коллективизации и прежняя эсеровская идеология привели Толстоухова к трансформации взглядов, что в конечном итоге и вылилось у него в идею создания повстанческой организации, целью которой было «свержение советской власти и восстановление крестьянской власти» [4, с.277].

Деятельность организации проходила под лозунгами «Долой коммунистов, да здравствует свободный труд, долой коллективизацию, долой пятилетку. Мы не против власти, а против насилия. Да здравствует чистая советская власть». Она охватывала Усть-Каменогорский, Зырянский, Самарский, Ульбинский, Разинский, Катон-Карагайский, Риддерский и Зайсанский районы, в которых были созданы широкая сеть подпольных ячеек и групп, и готовила вооруженное выступление.

Однако возглавляемый Бакон Семипалатинский окружной отдел ОГПУ нанес упреждающий удар. При ликвидации организации 20 февраля из 117 участников были арестованы 92, изъято 19 единиц оружия разных систем, 200 винтовочных патронов и 10 патронов от револьвера системы «Наган», куски свинца, порох и наборный шрифт [4, с.277]. Остальные 67 участников во главе с Толстоуховым, находясь на нелегальном положении и ведя подготовку к вооруженному

выступлению, назначенному на 16 февраля, подняли восстание. Благодаря аресту руководителей организации в Самарском и частично в Зырянском и Усть-Каменогорском районах восстание было ликвидировано, не распространившись широко, охватив лишь с. Васильевку, Зубревку, Чистополье Усть-Каменогорского р-на. В восстании участвовало около 900 чел. При его ликвидации подразделениями войск ОГПУ было убито 40 повстанцев, ранено – 5 и взято в плен 150 чел. В числе пленных оказалось 40 кулаков Рубцовского и Славгородского округов Сибири, присоединившихся к восстанию. Руководитель организации и восстания Толстоухов с группой соратников бежал в Китай [4, с.277].

В Китае Толстоухов и вся его группа из 13 чел. была арестована местными властями и некоторое время содержалась в тюрьме г. Шара-Сумэ (административный центр Алтайского окр.). После освобождения из тюрьмы Толстоухов устанавливает связи с белоэмигрантскими кругами и, заручившись их обещанием об оказании финансовой и вооруженной помощи, нелегально возвращается в Самарский р-н для организации и подготовки нового восстания. Теперь Толстоухов в своей деятельности делает ставку не на крестьян, а в первую очередь на рабочих и городское население Усть-Каменогорска и Риддера, к которым, как он надеялся, затем присоединятся и крестьяне. Попытки Толстоухова по организации восстания не были поддержаны и были пресечены в результате деятельности Семипалатинского оперсектора. Скрываясь от ареста на островке Бухтармы в Зырянском р-не, в ночь на 28 сентября Толстоухов попал в засаду опергруппы ОГПУ и был убит. По делу Толстоухова к уголовной ответственности было привлечено 222 чел., из них 35 расстреляны [5].

В первой половине 1931 г. вооруженные выступления и откочевки казахских шаруа затронули большинство районов, подконтрольных Семипалатинскому оперативному сектору ПП ОГПУ [6, л.684]. На подавление вооруженных выступлений был ориентирован весь аппарат сектора, работники которого возглавляли так называемые коммунистические отряды из числа партийных, комсомольских и советских работников районного звена. Совместно с военнослужащими дивизионов ОГПУ коммунистические отряды, опираясь на агентурную сеть ОГПУ, развернули активные боевые действия по ликвидации повстанческого движения.

Все эти действия осуществлялись на основе директивных указаний, которые готовились аппаратом сектора при непосредственном участии и под руководством начальника Семипалатинского оперсектора Бака [7]. Наличие целого ряда директив оперативного сектора, их детальное изучение позволяет сделать вывод, что оперативная об-

становка на местах тщательно отслеживалась аппаратом оперативного сектора. Отделы сектора и прежде всего особый отдел [8], систематически анализировали поступающие с мест сводки и донесения, при необходимости проверяя и перепроверяя их [9].

Исходя из потребностей опережающего реагирования на быстро меняющуюся оперативную обстановку, Бак поставил перед аппаратом оперативного сектора задачу изучения и обобщения практики борьбы органов ОГПУ с вооруженными выступлениями. На этой основе оперативный сектор разрабатывал соответствующие рекомендации и указания для начальников районных отделов ОГПУ, районных уполномоченных и командиров отрядов. Все эти рекомендации в виде директив и указаний оперативного сектора за подписью Бака рассылались телеграфом на места.

Анализ рекомендаций, содержащихся в директивах оперативного сектора, дает возможность проследить через их содержание, предназначение и функциональную роль в решении целого ряда оперативных задач тактику борьбы Семипалатинского оперсектора ПП ОГПУ против вооруженных выступлений и в опосредованной форме процесс ее совершенствования.

Вооруженные выступления и откочевки в районах, подконтрольных Семипалатинскому оперативному сектору, носили массовый характер, в них широко были вовлечены бедняцко-средняцкие слои казахского аула. Изучение директив показывает, что этот момент весьма беспокоил органы ОГПУ [6, л.681, 687 и др.].

Так, в июле 1931 г., характеризуя оперативную обстановку за последние два месяца, СОС ОГПУ отмечал повышенную активность «контрреволюционной деятельности байства». Ориентируя районные отделы на необходимость выявления и определения причин, «которые используются байством для привлечения на свою сторону основных масс населения как базу для развертывания контрреволюционной агитации и последующих бандформирований», Сектор отметил, что «втягивание байством основных масс аула в февральско-мартовские события отчасти объяснялось имевшими место перегибами, допущенными в отношении бедняков и середняков по линии скотозаготовок» [6, л.704].

Как видим, органы госбезопасности в лице Семипалатинского оперсектора ОГПУ в оценке причин вооруженных выступлений стояли на узкоклассовых позициях, объясняя все перегибами, которые использовались байством. Вместе с тем Семипалатинский оперативный сектор характеризует эти факты как «безобразные». Более того, оперативный сектор проявляет тревогу и озабоченность в связи с сохранением условий и причин, заставляющих бедняков и середняков «ид-

ти в банду». Стремясь сузить социальную базу выступлений, Сектор особое внимание уделял «вопросу установления причин массового вовлечения байством бедняков и середняков в бандформирования и вооруженные откочевки» [6, л.704].

Руководство Семипалатинского оперсектора полагало, что перегибы в отношении бедняка и середняка на местах по-прежнему имеют место и являются одной из причин массовых вооруженных выступлений. В этой связи перед районными отделами ОГПУ ставилась задача своевременно сообщать о них районным партийным и советским органам, «добиваясь немедленного и решительного исправления таковых» [6, л.702].

Директивы, подписанные руководством Семипалатинского оперсектора в лице Бака, дают основание полагать, что сектор тщательно разрабатывал, а затем формулировал тактику ведения боевых действий отрядами ОГПУ с повстанческими вооруженными формированиями, а также порядок отношений органов ОГПУ к арестованным повстанцам.

Тактика борьбы ОГПУ против повстанцев была разнообразной. При встрече восставшим предлагали сдаться, сложить оружие, выдать организаторов и «возвратить награбленное». В случае отказа директивы предписывали немедленное изъятие руководителей повстанческих отрядов, а «при сопротивлении применять вооруженную ликвидацию выступления» [6, л.682].

Подход к захваченным в ходе боевых действий участникам выступлений был дифференцированным. В мартовских директивах руководителям районных отделов ОГПУ Бак предлагал захваченных бедняков и середняков (кроме руководителей) после соответствующей обработки освободить, либо направлять «обратно в банду с задачами разложения последней» [6, л.708]. При этом активные организаторы выступлений из среды бедняков и середняков подлежали аресту с последующим оформлением на них следственных дел. Иным было отношение руководителя Оперсектора ОГПУ к участникам выступлений, представлявших остальные слои населения. При оформлении дел репрессиям подвергались баи, муллы, националисты, уголовники, активисты, принимавшие участие в выступлении [6, л.685].

Как показывают материалы директив, основное внимание Семипалатинский оперсектор ОГПУ уделял байству. В апреле 1931 г. Бак прямо нацеливал подчиненные ему структуры на максимальное использование прошедших выступлений для «нанесения байству крепкого оперативного удара». Характерно, что при этом им ставилась задача расширения масштабов репрессий за счет баев, «которые прямого участия в выступлениях не принимали, но распространяли прово-

кационные слухи». В этой связи рекомендовалось «в процессе следствия тщательными допросами выявлять все факты байской провокационной деятельности» [6, л.690, 693].

Требую от районных уполномоченных и начальников районных отделов ОГПУ провести по бандделам как можно большее число баев, не только прямых участников, но и косвенных, Бак в своих директивах неоднократно указывал цель этой задачи – «основательно и полно почистить... районы».^{1*} А чтобы подчиненные не сдерживали свое служебное рвение, руководитель семипалатинских чекистов подчеркивал, что «при наличии данных и показаний 3–4 свидетелей число арестованных баев Вас ни в коей мере не должно смущать» [6, л.693].

Обращает на себя внимание то, как тщательно подходил Бак к определению состава лиц, подлежащих привлечению к ответственности. В их числе были: «а) все главари бандшак, организаторы и руководители выступлений независимо от соцположения; б) все баи и муллы, прямые или косвенные участники выступлений, независимо от того, руководители они или рядовые участники; в) националисты; г) уголовники; д) аульные активисты, служащие, члены ВКП (б) и комсомольцы, принимавшие участие в выступлении; е) наиболее активные участники, руководители из бедняков; ж) совершившие террористические акты в отношении совпартработников, аульных активистов» [6, л.684, 685].

Приведенные сведения показывают, что круг охватываемых и привлекаемых к ответственности лиц был весьма широк. Семипалатинский оперсектор ОГПУ в целях «санитарной очистки» опекаемых им районов, недопущения впредь вооруженных выступлений, террора, устрашения и в конечном итоге подчинения остального населения политике властей стремился до максимума расширить масштабы репрессий.

Что касается рядовых участников выступлений из числа бедняков и середняков, то их, судя по содержанию директив, предписывалось использовать в процессе следствия в качестве свидетелей, устанавливая через них причастность к бандвыступлениям всех перечисленных выше категорий [6, л.685].

Организуя следствие, Семипалатинский оперсектор ОГПУ действовал по всем правилам оперативно-следственной работы. Так, Бак требовал от подчиненных ему структур обратить особое внимание при ведении следствия на выяснение и установление, во-первых, руководящего состава того или иного выступления, наличия оформившихся

^{1*} Здесь и далее по тексту подчеркнута С.А. Баком (авт.).

контрреволюционных организаций и контрреволюционных групп, роли мусульманского духовенства и националистов, заграничного (Китай) руководства; во-вторых, причин выступления, лозунгов, под которыми шло выступление; в-третьих, конкретной роли каждого обвиняемого, проходящего по делу; в-четвертых, всех данных об оружии, источнике его приобретения, мест, где оно спрятано [6, л.685].

Поскольку объем следственной работы в связи с массовыми арестами неизмеримо возрастал, и районные структуры Семипалатинского оперсектора ОГПУ не успевали во время справляться со своими делами, то Бак дал указание «все следственные дела заканчивать в кратчайшие сроки». Для привлечения к ответственности баев достаточно было 3–4 показаний свидетелей. К делам обязательно приобщались справки аульных Советов и райисполкомов о социально-правовом положении обвиняемых [6, л.685].

В целях ускорения следствия для допросов рядовых участников Бак разрешил привлекать работников уголовного розыска, милиции, суда и прокуратуры. Однако допросы организаторов и руководителей выступлений по его указанию велись только силами оперативного состава ОГПУ [6, л.685].

Подобные сроки следствия были вызваны также критической для органов ОГПУ ситуацией, которая сложилась в ходе подавления выступлений во многих аулах Абралинского, Чингистауского, Каркаралинского, Кзылтауского и Кокпектинского районов. Некоторые отряды ОГПУ, участвовавшие в операциях по разгрому повстанческих формирований, в значительной мере связали свою подвижность наличием арестованных. Это отрицательно сказывалось на ликвидации действующих формирований и грозило затяжкой в «восстановлении нормального положения вообще в аулах и районах, пораженных банддвижением» [6, л.685].

Всерьез обеспокоенное этим, а также стремясь сохранить боеспособность отрядов ОГПУ, руководство Семипалатинского оперсектора оперативно отреагировало соответствующими директивами, в которых, стремясь ускорить следственные дела, непрерывно оказывало давление на подчиненные ему структуры.

Помимо причин, указанных выше, это диктовалось также и требованиями руководства ПП ОГПУ в Казахстане. В рамках политики раскулачивания весной 1931 г. было дано распоряжение оперативным секторам о подготовке акции по выселению кулачества и байства за пределы края. Но поскольку на местах органы ОГПУ всецело были заняты подавлением вооруженных выступлений и следствием, то полпредство поставило задачу в недельный срок закончить след-

ственные дела, чтобы полностью переключить аппараты секторов к подготовке списков на выселение баев и их семей [6, л.684].

Из содержания директив видно, как, выполняя распоряжение ПП ОГПУ, Семипалатинский оперативный сектор в лице Бака потребовал от подчиненных ему районных отделов в течение недели закончить «все дела по банддвижению», подчеркнув при этом, что этот срок «точный и окончательный» [6, л.693].

Директивой №10892/3 от 10 апреля 1931 г. Семипалатинский оперативный сектор обязал всех районных уполномоченных ОГПУ «составить и выслать в Сектор списки на выселение баев и семей, не задетых нашими операциями, а также на все семьи репрессированных и бежавших баев» [6, л.693].

Понимая какое значение ПП ОГПУ по Казахстану придавалось этой акции, Бак настоятельно потребовал от подчиненных ему структур уделить вопросу особое внимание. Уточняя и конкретизируя задачу, руководство Семипалатинского оперсектора предостерегало от поспешных действий: «Сейчас никаких выселений до особых указаний не допускать, вести только подготовку» [6, л.693].

Размах и масштабы повстанческого движения «ломали» устанавливаемые сверху сроки. Спустя неделю, 17 апреля 1931 г., начальник особого отдела ПП ОГПУ А. Белоногов потребовал от Семипалатинского оперативного сектора и подчиненных ему районных отделов закончить «уничтожение всех банд к 1 мая» [6, л.694]. Поскольку и к этому сроку органы ОГПУ не уложились, 29 апреля 1931 г. полномочный представитель ОГПУ по Казахстану И.К. Даниловский приказал «в ближайшую неделю полностью ликвидировать все имеющиеся бандшайки и бандгруппы» [6, л.698].

Понимая нереальность сроков, Бак 29 апреля 1931 г. во время телеграфных переговоров с Низюлько [10] потребовал от последнего «выработать такой план, который бы гарантировал проведение мероприятий по зачистке бандэлемента и продолжение операций по контрреволюционному активу максимум в течение 2 недель, добившись такого положения, чтобы ни один бай, хотя бы косвенно имевший отношение к банддвижению, не был пропущен операциями. Вся эта категория в равной мере с байством – участниками банд должна быть оформлена на тройку» [6, л.698].

Подчеркивая серьезность сложившейся к этому времени оперативной обстановки Бак приказал Низюлько «взять в отношении всего состава самую зверскую линию в части нажима на операции и подготовки к высылке» [6, л.700].

Приведенные сведения и факты показывают, насколько сложной для Семипалатинского оперсектора ОГПУ являлась обстановка в рай-

онах, охваченных повстанческим движением. Эти данные ценны для реконструкции содержания и характера деятельности аппарата Семипалатинского оперсектора ОГПУ, выявления механизмов и рычагов, с помощью которых силовые структуры осуществляли подавление вооруженных выступлений. Анализ деятельности Семипалатинского оперсектора ОГПУ позволяет уточнить и конкретизировать адекватность реакции силовых структур на размах повстанческого движения и в опосредованной форме детально раскрыть различные аспекты вооруженного противоборства.

Семипалатинский оперсектор ОГПУ столкнулся с серьезной проблемой, возникшей в ходе боевых действий с повстанцами. Суть ее заключалась в том, что руководители повстанческих отрядов стали применять тактику переговоров с коммунистическими отрядами, возглавляемыми оперативными работниками ОГПУ. Это давало возможность либо выиграть время для перегруппировки сил и избежать тем самым разгрома, либо скрыться основному руководящему ядру [6, л.700].

Так, в марте 1931 г. во время переговоров с отрядом во главе с Джамалетдиновым повстанцам удалось разоружить и разогнать своих противников. В результате в руки повстанцев попало 20 винтовок с боеприпасами. После того, как этот факт стал достоянием Семипалатинского оперсектора, там незамедлительно приняли соответствующие меры. Джамалетдинов по указанию Бака был отстранен от работы, по факту разоружения работники аппарата оперативного сектора начали служебное расследование [6, л.701].

Всем райотделам ОГПУ Бак указал на недопустимость «бесцельных переговоров с бандами» [6, л.698].

Отметив, что «ряд оперативных работников возят с собой арестованных, превращаясь в охрану, а не в боевые отряды, долженствующие разгромить все бандформирования», Бак подчеркнул, что «подобная практика действий наших оперативников может привести к расширению движения, организации новых бандформирований» [6, л.687].

В целях преодоления возникшей проблемы Семипалатинский оперсектор на основе обобщения практики боевых действий с повстанческими отрядами выработал ряд рекомендаций, которые позволили отрядам ОГПУ достигнуть успеха в подавлении вооруженных выступлений. Бак в приказном порядке потребовал от всех оперативников, имевшим в подчинении отряды: а) прекратить топтаться на местах, вести бесцельные переговоры с бандами и выжидать, пока они сдадутся; б) приступить без промедления к вооруженной ликвидации, преследуя банды до полного их разгрома; в) не идти ни на какие провокационные маневры руководителей банд; г) усилить подвижность отрядов, быстроту преследования банд, быстрое их нащу-

пывание и ликвидацию; д) всех задержанных ни в коем случае не возить отрядами, отправлять их в тыл; е) отряды ни при каких случаях не дробить, держа их как боевой кулак для решительного удара. Всем отрядам было приказано «приступить к решительной вооруженной ликвидации всех банд» [6, л.688].

Как показывают эти материалы, органы ОГПУ имели дело с серьезным противником, умело противостоящим силовому давлению. Восставшие шаруа, хотя и не были хорошо вооружены и организованы, представляли собой грозную силу. Они заставили считаться с собой органы госбезопасности, опиравшиеся на мощь и ресурсы государства.

Заслуживает внимания тактика борьбы Семипалатинского оперсектора ОГПУ с откочевками. Так, в директиве от 10 июня 1931 г. Бак потребовал от подчиненных ему районных отделов обязательно учитывать характер выступлений, строго различать «перекочевки и банд-выступления» [6, л.688].

Эти запоздалые требования были вызваны тем, что работники ОГПУ сплошь и рядом рассматривали откочевки и вооруженные выступления как одно и то же явление. Соответственно с этим борьба органов ОГПУ с откочевками велась теми же методами и средствами, что и с вооруженными выступлениями. Подобное отнюдь не способствовало «замирению» казахского аула. Наоборот, силовая политика органов ОГПУ обострила ситуацию настолько, что откочевки приняли массовый характер. Это вызвало определенное беспокойство властей. И руководитель Семипалатинского оперсектора ОГПУ вынужден был менять тактику борьбы с откочевками.

Эта тактика, как указывал в одной из директив Бак, наряду с вооруженными методами должна включать в себя: усиление осведомительной сети среди антисоветских элементов аула, а в кочевых аулах маршрутное (разъездное) осведомление; агентурное выявление организаторов откоचेвок; осуществление немедленных репрессий в отношении выявленных «организаторов из байских и других контрреволюционных элементов»; оформление следственных дел на последних через тройку; использование выявленных организаторов откочевок из числа бедняков и середняков «путем заагентурирования... для внутреннего разложения откочевок» [6, л.701, 702].

Содержащиеся в директивах данные показывают, что Семипалатинский оперативный сектор направлял работу подчиненных районных отделов ОГПУ на подавление массовых выступлений с учетом опыта «борьбы с бандитизмом в ауле» [6, л.701]. В этом плане заслуживает внимания вопрос об отношении руководства Семипалатинского оперативного сектора к особенностям казахского аула, на основе че-

го затем и строилась тактика борьбы с массовыми выступлениями. Бак вынужден был констатировать, что органы ОГПУ на местах «не всегда учитывают особенности аула в отличие от русской деревни». Казахский аул, по мнению начальника оперсектора, был «настолько разнообразен, что не учитывать этого нельзя» [6, л.701].

Интересны те оценки, которые Бак дает при характеристике казахских аулов. «Мы сейчас имеем, – отмечает он в одной из директив, – аул оседлый, где классовая борьба ясна, где байству не так легко склонить осевшие бедняцко-средняцкие элементы к откочевкам и использовать их в виде бандформирований для борьбы с мероприятиями соввласти и партии; аул полукочевой и кочевой, где классовая борьба в целом ряде моментов искусственно затушевывается родовой борьбой и наоборот, где остатки и пережитки родового быта еще далеко не изжиты, где родовая группировка в соваппарате еще сильна» [6, л.701].

Оценки, как видим, в основном адекватны и показывают, что начальник Семипалатинского оперсектора ОГПУ Бак хорошо представлял себе обстановку на местах.

Однако в этой же директиве он указывал, что аппараты на местах недостаточно улавливают эти моменты, «при насаждении спецосведомления не учитывают этих особенностей», что в свою очередь, обуславливало «полное отсутствие своевременной сигнализации выступлений, банддвижений, внезапность тех или иных событий в ауле» [6, л.701].

Эти данные показывают, что сам Бак и возглавляемый им Семипалатинский оперативный сектор ОГПУ изучали и обобщали опыт борьбы с крестьянскими выступлениями. На основе опыта Сектор вырабатывал необходимые рекомендации, направленные на совершенствование методов и средств борьбы органов госбезопасности с различными по характеру и содержанию формами протеста казахских шаруа.

Сведения, содержащиеся в оперативных директивах, дают возможность составить достаточно ясное представление о характере и содержании выработанных в недрах аппарата Сектора рекомендаций. Так, Семипалатинский оперсектор ОГПУ требовал от подчиненных ему районных аппаратов «строго различать массовые выступления со значительной частью бедняков и середняков от бандформирований, руководимых байством». В последнем случае Бак настойчиво предлагал применять «вооруженный метод борьбы» с сочетанием его с работой «агентуры для разложения банды изнутри» [6, л.702].

Начальник оперсектора вынужден был признать, что агентурная работа по разложению вооруженных формирований зачастую не ве-

лась. Это свидетельствовало о том, что районные отделы ОГПУ на местах в борьбе против восставших шаруа придерживались исключительно вооруженных методов борьбы. При ликвидации выступлений, «в которые вовлекаются в массовом виде бедняки и середняки», Бак требовал от подчиненных районных отделов гибкой тактики. В отношении всей выступившей массы он рекомендовал воздерживаться от применения в первую очередь оружия. Наряду с ударом «по байскому банд-ядру» путем изоляции организаторов, а при необходимости посредством «вооруженного оперативного вмешательства», начальник оперсектора требовал «принимать меры через агентуру к внутреннему разложению движения». В этих целях, помимо основного спецосведомления, Сектор предлагал использовать авторитетных бедняков и середняков из числа плененных участников выступлений, которых «после тщательной обработки» рекомендовалось направлять «обратно в банду с задачами разложения последней» [6, л.702].

Как видно, руководство Семипалатинского оперативного сектора в лице Бака стремилось разнообразить арсенал средств и методов борьбы с массовыми выступлениями казахских шаруа. Но на местах зачастую придерживались вооруженных методов, дающих быстрый и эффективный результат, что вело к массовым жертвам с обеих сторон и усугубляло и без того неблагоприятную ситуацию в обществе.

Помимо приведенных средств и методов борьбы с вооруженными выступлениями, Бак в своих директивах предусматривал и мероприятия превентивного и профилактического характера. В целях получения своевременной информации о возможных массовых выступлениях и их предотвращения в тех районах, где имеются тенденции к их возникновению, начальник оперсектора рекомендовал строить работу аппаратов районных отделов ОГПУ в первую очередь «на немедленном изъятии контрреволюционного и антисоветского байского актива», создании «вполне надежной и работоспособной осведомительной сети», работа которой должна быть направлена на «внутреннее разложение повстанческих тенденций и выявление вдохновителей последних» [6, л.702].

Поскольку Бак полагал, что имеющиеся на местах перегибы в отношении бедняка и середняка являются одной из причин массовых вооруженных выступлений, им перед районными отделами ОГПУ ставилась задача своевременно сообщать о них районным партийным и советским органам, «добиваясь немедленного и решительного исправления таковых», заострять перед партийными органами вопрос «о развертывании массовой разъяснительной работы в ауле, обеспечении постоянного партийно-советского влияния на бедноту и серед-

няков путем выброски в пораженные повстанческими настроениями аулы групп партработников» [6, л.702, 703].

Как руководитель Семипалатинского оперсектора ОГПУ Бак в своей работе не упускал из виду ни одной мелочи, и стремился организовать работу сектора таким образом, чтобы контролировать практически все вопросы, связанные с противодействием вооруженным выступлениям. Как видно из сведений, содержащихся в директивах, Бак настойчиво требовал от подчиненных ему райотделов ОГПУ уделять особое внимание оружию, отбитому у повстанцев, которое подлежало немедленной доставке в Каркаралинское городское отделение ОГПУ [6, л.692]. Что касается имущества и скота, изъятого у повстанцев и принадлежащего колхозам, коммунам, беднякам, середнякам и государственным организациям, то его надлежало вернуть по принадлежности. Байское имущество и скот, «являющиеся трофеями», рекомендовалось сдать на временное хранение в колхозы и коммуны. Отдельным отрядам ОГПУ разрешалось использовать часть лошадей на операциях. Все ценности, ковры, деньги, мануфактуру, одежду руководство оперсектора требовало сосредоточить в Семипалатинске «в качестве вещдоков по следственным делам бандучастников» [6, л.692].

На основе этих прямых и косвенных данных можно судить о том, что в борьбе против повстанцев руководство Семипалатинского оперсектора ОГПУ широко использовало присущие органам госбезопасности специфические методы и средства. Это показывает, во-первых, насколько серьезным было отношение органов ОГПУ к своим противникам в лице восставших шаруа; во-вторых, позволяет увидеть, что только благодаря активной и широко развернутой оперативной работе спецслужб властям удалось в относительно короткие сроки нейтрализовать, а затем и подавить сопротивление народных масс; в-третьих, дает возможность адекватно оценить потенциальные возможности доведенных до отчаяния политикой властей восставших кочевников-скотоводов.

Материалы директив Семипалатинского оперативного сектора ПП ОГПУ показывают, что органы госбезопасности, столкнувшись с серьезным противником, были вынуждены изучать и обобщать опыт борьбы с крестьянскими выступлениями в районах Казахстана, входивших в сферу ответственности Семипалатинского оперсектора. На основе этого опыта структуры ОГПУ вырабатывали необходимые рекомендации, направленные на совершенствование методов и средств борьбы с различными по характеру и содержанию формами протеста казахских шаруа.

К разработке рассмотренных выше директив прямое отношение имел начальник Семипалатинского оперсектора ОГПУ С.А. Бак. Содержание, характер и направленность подписанных им директивных указаний свидетельствует о том, что Бак обладал обширной информацией о положении дел на местах в ходе как самой коллективизации и раскулачивания, так и о причинах, характере, движущих силах и масштабах развернувшихся в районах Семипалатинского окр. вооруженных выступлений и повстанческих движений.

Наряду с этим Бак обладал всеми необходимыми способностями и качествами, позволявшими ему оперативно и адекватно реагировать на быстroteкущие изменения в процессе борьбы с вооруженными выступлениями крестьянства, умело руководить действиями отрядов и оперативных групп ОГПУ по разгрому крестьянских вооруженных формирований, грамотно расставлять акценты в ходе ведения следствия, дифференцированно подходить к захваченным в плен участникам вооруженных выступлений, использовать, наряду с военными способами, агентурные методы по разложению противника. Все это наглядно свидетельствует о профессиональной подготовке руководителя Семипалатинского оперсектора, его организаторских способностях, аналитическом складе ума, железной воле и желании сделать все возможное и невозможное в решении проблем, вызванных действиями властей в отношении собственного народа.

Анализ рассмотренного периода деятельности С.А. Бак в должности руководителя Семипалатинского окружного отдела, а затем оперсектора III ОГПУ, послужит серьезным заделом для исследования в перспективе, при наличии соответствующих архивных материалов и документов, деятельности других руководителей органов госбезопасности Советского Казахстана, как окружного, так и республиканского уровней.

1. Бак Соломон Аркадьевич (1902–21.01.1940). Родился в семье счетовода (ссылного). Еврей. В Компартии с января 1918. Образование: 5 классов гимназии, Иркутск 1911–12.1919. В органах ОГПУ–НКВД: помнач 1 отделения восточного отдела ОГПУ СССР 01.11.1926–20.06.1927; нач. 1 отделения восточного отдела ОГПУ СССР 20.06.1927–03.12.1928; нач. Семипалатинского окр. отд. ГПУ 12.1928–08.1930; нач. Семипалатинского опер. сектора ГПУ 21.10.1930–14.02.1932; нач. Карагандинского обл. отд. ГПУ 14.02.1932–10.07.1934; нач. УНКВД Карагандинской обл. 15.07.1934–25.03.1936; нач. СПО УГБ УНКВД Казахской АССР 25.03.–16.12.1936; замнач УНКВД Ярославской обл. 16.12.1936–01.04.1937; нарком внутренних дел Башкирской АССР 01.04.–01.10.1937; замнаркома внутренних дел Бурят-Монгольской АССР 25.10.1937–20.03.1938; нач. 3-го отд. Волжского ИТЛ НКВД 15.04.–16.10.1938. Арестован 16 октября 1938 г.; приговорен ВК ВС СССР 19 января 1940 г. как участник «террористической организации» к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован. Кто руко-

- водил НКВД, 1934–1941: Справочник / Общество «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ; Под ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1999. – С.98.
2. В течение весны–лета 1931 г. в ряде районов Семипалатинского и Каркаралинского округов – Абралинском, Чингистаусском, Каркаралинском, Кзылтанском, Кокпектинском, Коунрадском, Актогайском, Кувском и Шетском – произошли вооруженные выступления казахов шаруа. На их подавление были ориентированы опергруппы как самого сектора, так и районных отделов ОГПУ. Алланиязов Т.К. Таукенов А.С. Шетская трагедия. Из истории антисоветских вооруженных выступлений в Центральном Казахстане в 1930–1931 гг. – Алматы: Фонд XXI век, 2000. – С.47–48.
 3. РГАСПИ. Ф.17. Оп.25. Д.243. Л.9.
 4. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2003. – Т.3. Кн.1. – С.277.
 5. Алдажуманов К. Крестьянское движение сопротивления / Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы: Арыс–Казахстан, 1998. – С.88.
 6. Архив Жезказганского УВД. Ф.1. Д.8737. Т.2.
 7. В ходе изучения архивных материалов, отложившихся в результате деятельности Карагандинского оперативного сектора ПП ОГПУ в Казахстане, было выявлено архивно-следственное дело по обвинению Сычева Н.Ф. по ст.110, ч.2 и 136 УК РСФСР (См.: Архив Жезказганского УВД. Ф.1. Д.8737. Т.1–4). Бывший начальник Шетского райотдела ОГПУ в 1931 г. был привлечен к ответственности за злоупотребление служебным положением, выразившееся в массовых расстрелах жителей ряда аулов района. В ходе следствия Сычев Н.Ф. неоднократно обращался к руководству Карагандинского оперсектора Михайлову и полпредам ОГПУ в Казахстане Миронову и Каруцкому с заявлениями о том, что в своих действиях он всецело руководствовался директивами Семипалатинского оперсектора, которому он подчинялся до лета 1931 г. В этой связи руководство ПП ОГПУ в Казахстане 1 февраля 1932 г. затребовало от начальника Семипалатинского оперативного сектора Бака копии соответствующих директив и указаний. Бак представил в ПП ОГПУ 11 директив и указаний, сводку о банддвижении в Шетском р-не, телеграфные переговоры между Семипалатинским оперативным сектором и Каркаралинским горрайотделом ОГПУ и директиву особого отдела ПП ОГПУ Семипалатинскому оперсектору, препроводив все это сопроводительной запиской. Директивы опубликованы Т.К. Алланиязовым // Исторический архив (Москва) – 2003. – №3. – С.137–154.
 8. На это косвенно указывает тот факт, что директивы помимо начальника оперсектора Бак, подписывались начальником особого отдела Кручининым.
 9. Архив Жезказганского УВД. Ф.1. Д. 8737. Т.1. Л.4.
 10. Начальник оперучастка и всех районов бывшего Каркаралинского округа и Баян-аула.

Троцкий Л.Д. в Казахстане

Один из лидеров Октябрьской революции Лев Давидович Троцкий находился более года в Казахстане в политической ссылке.^{1*} Здесь он встретил единомышленников.

Руководство Компартии Казахстана под давлением центра проводило в регионе насильственную коллективизацию. Осуществлялась она вразрез с мнением большинства жителей республики быстрыми темпами, что привело к катастрофическим последствиям и бедствиям. По мнению Л.Д. Троцкого, в регионе, занятом производственно-кочевым скотоводством, нельзя было проводить кампании по коллективизации и индустриализации ударными советскими темпами. Необходимо было лавировать, исходя из сложившейся обстановки.

В плане работ по Турксибу Л.Д. Троцкий отмечал, что при прокладке железнодорожной магистрали надо учитывать не только все-союзные, но и местные интересы. Он поддержал идею части казахстанских коммунистов, просивших И.В. Сталина проложить еще одну дополнительную линию, чтобы связать угольные районы республики с центром. Но Политбюро ЦК ВКП (б) отклонило это предложение, аргументировав свое решение тем, что главной задачей Турксиба является связь сибирских железных дорог и среднеазиатских дорог, местечковые же интересы не имеют значения.

В спорах с центральными властями Л.Д. Троцкий настойчиво отстаивал интересы народов, населявших СССР. Его позиция как отмечал И.В. Сталин «чрезмерно интернациональна», что сыграло против Л.Д. Троцкого и стало одной из причин, приведших к смещению Льва Троцкого с лидирующих позиций и ответственных государственных постов в Советском Союзе.

Актуальность вопроса о троцкистской оппозиции на сегодняшний день заключается в том, что государство при построении нового общества должно учитывать интересы представителей оппозиции – инакомыслящих по отношению к официальной власти. Противостояние Льва Троцкого и Иосифа Сталина – один из ярчайших примеров борьбы власти с оппозицией. Демократия немыслима без плюрализма мнений. Если в государстве есть сильные в политическом смысле фигуры, которые могут выразить несогласие или развернуть дискуссию с главой государства по тем или иным принципиальным проблемам страны, их надо поддерживать. Без инакомыслящей оппозиции воз-

^{1*} Жалмагамбетов Т. Троцкий в Алма-Атинской ссылке: Документальная повесть (по материалам архива КГБ). – Алма-Ата: Жазушы, 1992. – 140 с. (прим. ред.).

можно только тоталитарная диктатура и тирания, свободное государство — немислимо.

С другой стороны, новизна темы состоит в том, что с уходом с политической арены Коммунистической партии и падением цензуры открылась свобода слова, и мы можем показать картину событий с Львом Троцким, такой какой она была на самом деле, без идеологем, продиктованных так называемой «ленинской моралью» или сталинскими принципами, господствовавшими десятилетиями в советской историографии.

Обратимся в предысторию разворачивающихся событий до ссылки Троцкого в Казахстан.

Единственным претендентом на ленинское наследие после смерти Владимира Ленина оставался Лев Троцкий, он был вторым после Ленина, влиятельнейшим человеком в партии, у него была реальная возможность возглавить советское государство. Другие члены ЦК ВКП (б) также мечтали о лидерстве в партии, соответственно и в стране. В ходе назревавшей борьбы за власть им нужно было сместить с политического олимпа сильного конкурента. В предстоящей схватке за верховную власть в 1923 г. Лев Борисович Каменев, Григорий Евсеевич Зиновьев и Иосиф Виссарионович Сталин (в момент пика болезни В.И. Ленина, когда он уже фактически устранился от управления страной, находясь постоянно в резиденции в Горках) создали так называемую фракционную тройку, чтобы свалить Льва Троцкого. У Троцкого был недостаток, на котором можно было сыграть. Он был тщеславен и самолюбив, и естественно, обладая этими человеческими пороками, он решил заявить о себе, издав книгу «Уроки Октября», в которой ведущую роль в революции приписал себе. Отчасти это было правдой, т. к. Лев Давидович возглавлял Военно-революционный комитет — штаб восстания, который привел к захвату власти вооруженным путем в Петрограде осенью 1917 г., одновременно сыграв значительную роль в смещении Временного правительства.

Выход этой книги вызвал отпор со стороны Зиновьева и Каменева, которые во время октябрьских событий занимали довольно-таки скользкую позицию, и Сталина, не желавшего отдавать все лавры большевистского переворота Троцкому. Каменев, Зиновьев, Сталин, а также еще несколько уважаемых старых большевиков написали жесткие отзывы о работе Троцкого, и разыграли это кампанию в свою пользу, объявив, что в партии появилась фракционная группа, делающая ставку на политическое лидерство.

Естественно, такая постановка вопроса стала раскачивать почву под ногами Троцкого и его сторонников. Тем временем Сталин со своими единомышленниками перешел в атаку. В СМИ публикуется

письмо Троцкого к меньшевику Чхеидзе, написанное Львом Давидовичем в 1913 г., в котором Троцкий употреблял в отношении В.И. Ленина и его суждений весьма пикантные фразы и словесные обороты, что, безусловно, не понравилось большевикам. Письмо появилось в печати в 1924 г., вскоре после смерти Ленина, и непристойные отзывы Троцкого об усопшем, несмотря на давность событий, вызвали у многих партийцев волну негодования и возмущения, чего и добивались Сталин и его группа. В адрес ЦК партии посыпались гневные письма с требованием отстранить Троцкого от государственного аппарата как антибольшевика и недостойного быть в партии.

В общественных местах, где ранее портреты Ленина и Троцкого как вождей революции висели рядом, начинают убирать изображение Троцкого. В январе 1925 г. происходит его отставка с поста председателя Реввоенсовета СССР – главнокомандующего Красной армии, место переходит к Михаилу Фрунзе. Потеря такого мощного рычага управления как главенство над армией, подрывает позиции Троцкого и отодвигает его на задний план. Он начинает терять единомышленников: вследствие болезни кончает жизнь самоубийством его соратник А.А. Йоффе, другие покидают его. В автобиографической книге «Моя жизнь»^{1*} Лев Троцкий объясняет сложившуюся ситуацию подрывом здоровья.

Однако есть и другие события, которые произошли в пользу Троцкого. В это время Каменев и Зиновьев, наконец-то осознали, что свалив одного лидера (коим был в их глазах Троцкий), могущего породить в стране тиранию, фактически своими руками выдвинули еще более опасного и не менее авторитарного лидера, коим являлся Сталин. И если они в чем-то не будут полностью подчиняться его воли и взглядам, он своих недавних соратников по борьбе с Троцким, не раздумывая раздавит для достижения собственной абсолютной власти в государстве.

Теперь Г. Зиновьев и Л. Каменев на стороне Л. Троцкого – в совместной троцкистско-зиновьевской оппозиции, противостоящей И. Сталину. Время, однако, упущено: по сравнению со слабым положением, которое И. Сталин занимал в начале столкновения за власть с Л. Троцким, ему удалось поднять авторитет. Его позиции как безусловного приемника Ленина еще недостаточно тверды, но у него теперь гораздо больше сторонников. Поддержку со стороны ГПУ дала Иосифу Виссарионовичу личная дружба с Вячеславом Рудольфовичем Менжинским, стоявшим во главе органов государственной безопасности в 1926–1934 гг. Таким образом, борьба со Сталиным для

^{1*} Л.Д. Троцкий Моя жизнь: Опыт автобиографии. Репр. воспр. изд. 1930 г. (Берлин). М.: Книга, 1990.

Троцкого, Каменева и Зиновьева значительно затруднена, но все же они пытаются вырвать лидерство.

Даже с подрывом репутации и уходом с поста главнокомандующего Красной армии Лев Троцкий не потерял значительное число сторонников по стране, и его политический вес в обществе еще настолько силен, что по-прежнему в глазах многих рабочих и партийных активистов все-таки единственный вождь и лидер партии. Например, в октябре 1927 г. в Ленинграде проходит сессия ЦИК. В честь сессии проходит массовая демонстрация, на которой большинство участников приветствовало Троцкого с соратниками, нежели приверженцев Сталина – официальных лидеров сессии ЦИК. Основные события объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции разворачиваются 7 ноября 1927 г. в день 10 годовщины Октябрьской революции, где сторонники Троцкого и Зиновьева пытаются устроить собственную демонстрацию и митинг протеста против лидерства Сталина. ГПУ и сталинисты раздавили эти попытки.

Троцкий был окончательно дискредитирован в глазах общества. Все протесты против Сталина были объявлены антипартийными и интерпретировались как контрреволюция, что по советскому законодательству попадало под уголовное преследование. Постановлениями ЦК и ЦКК Л.Д. Троцкий был выведен из состава ЦК, исключен из партии, 14 ноября 1927 г. выселен из служебной квартиры в Кремле, против него, как против контрреволюционера, возбуждено дело.

Провал демонстрации, выступлений против Сталина, арест и заключение под стражу многих соратников, собственное исключение из состава ЦК, затем и из партии, все это максимально снизило политическое влияние и полностью парализовало многие действия Троцкого^{1*}. Теперь он не мог активно сопротивляться и фактически вынужден был подчиниться воле сталинистов. В начале 1928 г. Троцкого выслали из Москвы в Алма-Ату.^{2*} В отдаленные районы СССР были высланы и другие немногочисленные сторонники Л. Троцкого.

По прибытии в Алма-Ату Троцкий поселяется в небольшом домике на окраине города. С Троцким в Алма-Ату буквально следующим же поездом прибывают два его соратника. Они начинают устанавливать связи с местными коммунистами, чем вызывают подозрение ОГПУ. После этого власти решают на время поставить Троцкого под жесточайший контроль. Через некоторое время ОГПУ переводит Троцкого в гостиницу.

^{1*} См. также Ю.Т. Туточкина Апелляция Троцкого в «высшую инстанцию» (Заявление VI конгрессу Коминтерна), написанное 12 июля 1928 г. в г. Алма-Ата // Отечественные архивы (Москва) – 1993 г. – №1 – С.73–88 (прим. ред.).

^{2*} Ашимбаев Д., Хлюпин В. Казахстан: история власти. Опыт реконструкции. – Алматы: Credos, 2008. – С.277–279 (прим. ред.).

Изоляция Льва Давидовича длится два месяца. Потом ему разрешено вернуться в раннее занимаемый им дом. Вот именно туда к Троцкому приходят два казаха. Кто они доподлинно не известно. Троцкий упоминает о них лишь вскользь в своих мемуарах. Он боялся бросить тень подозрения на них, что в сталинские времена равнозначно было подписанию смертного приговора, и поэтому не огласил их имен.

Уже в независимом Казахстане ряд историков выдвигают гипотезы что одним из гостей Троцкого в Алма-Ате был Смагул Садвакасов, имя же другого установить так и не удалось. Смагул Садвакасов и его товарищ задавали Льву Давидовичу вопросы относительно его видения дальнейшего будущего республики. Троцкий ответил, что, по его мнению, Казахстан впоследствии станет союзной республикой (что и произошло в 1936 г.), также Троцкий убедил Садвокасова в неправильном курсе сверхиндустриализации, начавшейся в стране. Лев Давидович отмечал, что необходимо поэтапное, постепенное развитие республики, иначе на ускоренных стройках можно потерять большое количество людских жизней. В конце беседы Троцкий сказал, что абсолютно убежден: все негативные факторы в развитии республики рано или поздно пройдут и Казахстан станет великой процветающей республикой. Незыблемым оставался факт, что Лев Давидович верил в величие народа, его силу и возможность побороть все невзгоды и прийти к светлому будущему. Смагулу Садвокасову и его товарищу слова Л.Д. Троцкого дали невероятную веру в будущем Казахстана.

Лев Троцкий был в Казахстане всего один год. В своих воспоминаниях писал, что ему понравились местные горы. Неизгладимое впечатление о красоте казахстанской природы оставила охота в горах, даже несмотря на то, что поездка состоялась под надзором сотрудников местного ОГПУ.

В Алма-Ате в это время бушевали эпидемии оспы и холеры, унесшие жизни тысяч людей. Семья Троцкого пытаясь помочь алмаатинцам, половину всех своих финансовых доходов пожертвовала в фонд помощи пострадавшим от эпидемий. Лев Давидович постоянно писал в Москву^{1*}, показывая очевидные изъяны сталинской экономической и хозяйственной политики, которая потом станет великой трагедией для миллионов людей в СССР, его призывы так и остались без ответа.

Живя в Алма-Ате, Троцким и его сторонниками разрабатывались разные планы, в т. ч. и побег через границу в Китай. Позже сам Троцкий отказался от этой идеи, т. к. в Китае в апреле 1927 г. утвердилась дикта-

^{1*} «Л. Троцкий, находясь в ссылке в Алма-Ате, в 250 км от железной дороги, с апреля по октябрь 1928 г. отправил около 800 политических писем и 550 телеграмм» // Отечественные архивы (Москва) – 1993 г. – №1 – С.74 (прим. ред.).

тура Чан Кай-ши, занимавшего антикоммунистические позиции. Тем более в Синьцзяне (пограничной провинции Китая) обосновалось много политических эмигрантов из бывшей России, в основном из казачества, бежавших после разгрома в 1921 г. Все это общество было весьма недоброжелательно и враждебно настроено ко Льву Давидовичу Троцкому.

Тем временем Сталин в Москве вынашивает новые планы касательно Троцкого. На заседании ЦК ВКП (б) 7 января 1929 г. было принято решение выслать Троцкого за границу. Физически уничтожить Троцкого, как станет известно потом, отговорил Сталина тогда Н.И. Бухарин, убедив, что это взбудоражит не только общественность в стране, но и вызовет бурю негодования в среде иностранных коммунистов. Сталин потом об этом будет сильно жалеть. В январе 1929 г. Троцкого вывозят из Алма-Аты в Одессу, где сажают на корабль, идущий в Стамбул. Троцкого высылают за границу в Турцию, во враждебное ему капиталистическое окружение, особенно в Константинополе, в котором обосновался один из центров русской белой эмиграции – его заклятые враги по Гражданской войне в России в 1918–1920 гг. (возможно, Сталина, рассчитывал, что белые офицеры расправятся с Троцким).

В Турции Троцкий поселяется на Принцевых островах в Мраморном море. Здесь он разворачивает широкую антисталинскую кампанию и через своих соратников в Европе наводняет соответствующими настроениями коммунистические круги европейских стран. За что власти СССР в 1932 г. лишили Л.Д. Троцкого советского гражданства.

Осознавая угрозы во время нахождения в Турции, Троцкий добивался права въезда в Германию, страну, в которой было много его сторонников в среде местных коммунистов, а также людей, сочувствующих его идеям. Но немецкие власти, опасаясь нахождения на своей территории такого известного революционера, его не впустили. Первоначальные попытки выезда в Великобританию и Францию для Троцкого также не увенчались успехом, туда ему также был путь заказан из-за революционной деятельности.

В 1933 г. сторонникам Льва Троцкого удалось добиться разрешения властей для его въезда во Францию. Летом 1935 г. Лев Троцкий переселяется из Франции в Норвегию, где проживал до 1937 г. Затем при посредничестве мексиканского художника Диего Риверы Лев Троцкий получил приглашение президента Мексики Корденаноса перебраться в Новый Свет.

В Мексике Лев Давидович Троцкий обосновался в Койокане, где и оставался до последнего дня своей жизни, до 21 августа 1940 г. Все время пока он находился в Мексике, Троцкий добивался права въезда в Соединенные Штаты Америки, но ему так и не разрешили переехать в США.

Живя за границей, Лев Троцкий пытался создать всемирный антисталинский фронт борьбы. В противовес III Интернационалу (Коминтерну) и Сталину был организован IV Интернационал. Эта деятельность Льва Давидовича привела к тому, что И.В. Сталин и руководство НКВД приняли решение о ликвидации Троцкого, чтобы тем самым ослабить всемирный антисталинский фронт в лице IV Интернационала. Убийство Льва Троцкого после нескольких неудачных попыток поручили сыну испанской коммунистки Коридат Меркадер-Раймону Меркадеру. Раймон Меркадер выполнил свое задание, проломив Л.Д. Троцкому голову альпенштоком (ледорубом). 21 августа 1940 г. Л.Д. Троцкий скончался от травмы головы. Похоронили его во дворе дома в Койокане, в котором он жил в Мексике.

Смерть Троцкого поставила точку в деятельности этого лидера революционного движения как в России так и в мировом масштабе. Анализируя это, необходимо отметить, что все отрицательные поступки и заблуждения Троцкого, которые у него присутствовали, как и у любой, другой личности подобного масштаба, нужно понять, переосмыслить и задуматься над тем, что все-таки Лев Троцкий со всеми своими минусами и недостатками, оказал сопротивление Иосифу Сталину. И надо отметить, что сделал он это настолько сильно и впечатляюще, что даже после смерти Троцкого, Сталин еще долго опасался авторитета его идей.

Л.Д. Троцкий и его роль в борьбе с тоталитаризмом значительны: обладая уникальными ораторскими способностями и большим интеллектом, он вышел на первый план как революционер и борец с тиранией Сталина.

В итоге отметим, что многие прогнозы Льва Троцкого касательно не только будущего Казахстана, но и всего СССР сбылись. Его идеи о постепенном не насильственном введении индустриализации в стране, как показала история, являются верными. Прав оказался Лев Давидович и в том, что власти должны, в первую очередь, заботиться о регионах, а не только думать о нуждах центра. Это ясно отражает одну из острейших проблем сегодняшнего дня. Ныне в Казахстане, да и не только, Л.Д. Троцкий как государственный деятель и политик мирового масштаба, заслуживает восприятия потомками, его деятельности и памяти нынешнего поколения о его благих делах.

1. Л. Троцкий, А. Луначарский, К. Радек. Сборник статей, М.: Политиздат, 1991 г.
2. Л.Д. Троцкий Моя жизнь. – М. Книга, 1990 г.
3. Л.Д. Троцкий Уроки Октября. – Л.: Лениздат, 1991 г.
4. Л.Д. Троцкий К истории русской революции. – М.: Политиздат, 1991 г.
5. Исаак Дойчер Троцкий в изгнании. – М.: Политиздат, 1991 г.
6. Сборник Страницы советского общества. – М., 1989 г.

7. Л.Д. Троцкий Сталинская школа фальсификации // Вопросы истории (Москва) – 1990 г. – №1 – С.115–124.
8. В.С. Тютюкин Л.Д. Троцкий в годы первой русской революции // История СССР (Москва) – 1991 г. – №3 – С.83–99.

Малиновская Е.Г.

Забытый архитектор Лев Мейльман, племянник известного революционера Льва Троцкого

Лев Наумович Мейльман (1900, Москва – 1960, Балхаш), инженер-строитель. Ни о нем, ни о его работах не было ни строчки в книгах о советской архитектуре вплоть до выхода статьи в журнале Академии архитектуры (Москва), где он работал с середины 1930-х гг. [1, с.46–56]. Сведения автор начала собирать, сначала разыскав в Москве его родных. Прежде всего, Марию Петровну Нейман, жену двоюродного брата (чья мать, Клара Исааковна, была сестрой отца Л.Н. Мейльмана). [2, с.340–343] Неожиданно, когда совершенно не осталось надежды, нашлась супруга архитектора Анна Александровна Касатикова, которая прояснила многое из биографии архитектора и всего клана Бронштейнов.

Л.Н. Мейльман родился и жил в Москве. Дед – Исаак Мейльман, был владельцем небольшой обувной мастерской в Херсоне. Старший сын Наум, отец архитектора, получил диплом врача и женился на Елизавете Давидовне Бронштейн. Она была сестрой Льва Давидовича, революционера, вошедшего в историю под фамилией Троцкий. Семья Бронштейнов была очень богата. Все дети получили прекрасное образование благодаря матери, которая придавала этому большое значение. Елизавета Давидовна стала врачом-стоматологом, что в то время было крайне редко для женщин. Когда она вышла замуж и в 1900 г. родила первенца, то настояла назвать сына Львом в честь дяди.

Другая сестра Л.Д. Троцкого, Ольга Давидовна (также стала врачом), как и он, была революционеркой и первой женой Л.Б. Каменева, большевика, соратника В.И. Ленина. В советское время Ольга Давидовна возглавляла ВОКС,^{1*} обладая большими полномочиями, пока не начались гонения на Л.Д. Троцкого. Л.Н. Мейльман дружил с ее сыном Александром (Лютиком). Часто бывая в доме Каменевых, архитектор пользовался их великолепной библиотекой. Л.Н. Мейльман получил разностороннее образование – музыка, изобразительное искусство, говорил свободно на основных европейских языках, владел латынью; любил и знал литературу. Но главное – был эрудированным архитектором, хотя в дипломе значился как инженер. Все эти подробности

^{1*} Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.

рассказали родные Л.Н. Мейльмана и жена – А.А. Касатикова. [2, с.343–346]

В 1921 г. Л.Н. Мейльман поступил в известное своим свободомыслием Московское высшее техническое училище (МВТУ), на инженерно-строительный факультет. Получил превосходное образование. В вузе наряду с техническими преподавали курсы художественных дисциплин: историю искусства и архитектуры, живопись и рисунок, архитектурное проектирование. Преподаватели были первоклассные – профессора В.А. Веснин и А.В. Кузнецов, который организовал авторскую группу по проектированию крупных научных институтов, что было впервые в мировой практике. В 1930 г. после ареста А.В. Кузнецова по процессу Промпартии факультет был закрыт [2, 366-371].

Л.Н. Мейльман участвовал в разработке комплексов ЦАГИ и ВЭИ^{1*} (авторский коллектив под руководством А.В. Кузнецова, 1926–1928 гг.). Он подготовил самостоятельный проект самого крупного из корпусов ВЭИ. Выдержанное в приемах новаторской архитектуры сооружение обошло страницы зарубежной и отечественной прессы,^{2*} как один из первых примеров решения типологии вузовского здания. Преклоняясь перед Корбюзье, Л.Н. Мейльман с коллегами, вспоминал Г.Я. Мовчан, в практике строительства сохраняли реалистичность в видении своих задач, воздерживаясь от футуристических крайностей.

Учитывая профессиональные интересы молодого архитектора, лидер конструктивизма М.Я. Гинзбург пригласил друзей в свою проектную мастерскую при Моссовете, но работа ограничилась проектированием. Время функционалистской архитектуры ушло. Проект здания Речного вокзал в Астрахани (не осуществлен, 1933 г.) стал их первой попыткой обращения к мировому наследию в связи с провозглашенным официальным курсом на освоение классики [2, с.459–460].

Л.Н. Мейльман десять лет преподавал в Военно-строительной академии, а затем перешел на работу старшим научным сотрудником Академии архитектуры. В 1930-е г. он много и увлеченно работал, путешествовал по стране, изучая народную архитектуру (Волга, Кавказ, Крым, Каргополь, Белое море).

В 1935 г. И.С. Фридлянд (зять Г. Ягоды, возглавлявшего НКВД), начальник архитектурной мастерской по строительству канала Москва – Волга, пригласил Л.Н. Мейльмана вместе с его постоянным соавтором Г.Я. Мовчаном поработать на этой стройке. Они подготовили проект самого престижного объекта тех лет – водного стадиона (Москва, Химки). Авторы обнаружили приверженность, как конструктивизму, так и классике – римским термам, творчеству Брунел-

^{1*} Всесоюзный электротехнический институт, 1928 г.

^{2*} Фото опубликовано в журнале «Советская Архитектура», 1928 г.

лески, Палладио. Заложили фундамент громадного сооружения, но не хватило средств для реализации замысла. Проект предложили переделать, уменьшив масштабы. Поэтому стадион открыли на год позже канала (1 мая 1937 г.). К началу 1990-х гг., когда автор монографии общалась с родными Л.Н. Мейльмана, стадион, памятник архитектуры, был на грани полного разрушения [2, с.367–372].

Мать Л. Мейльмана (Елизавета), сестра Л. Троцкого, умерла в 1924 г. в Крыму до начала репрессий в отношении их семьи. После высылки из страны Л. Троцкого в 1929 г. над его близкими стали сгущаться тучи. Причем над всеми ветвями семьи, даже не связанными кровным родством с Львом Давидовичем. Отец архитектора Л. Мейльмана, как считали родные, был злонамеренно сбит машиной на полупустой московской улице в 1930 г. О.Д. Каменеву, сестру Л.Д. Троцкого, сначала отправили в ссылку на пять лет (к тому времени ее сыновей расстреляли). Потом ее посадили в тюрьму, где содержали, а затем всех наиболее значимых для власти политзаключенных: руководителей и членов дореволюционных партий (в частности, лидера левых эсеров М.С. Спиридонову), личных врагов Сталина, жен командармов казнили (печально известный Орловский расстрел 153 чел. в сентябре 1941 г.).

В 1938 г. Льва Наумовича Мейльмана, его братьев, как и оставшихся в живых остальных родных Л.Д. Троцкого, арестовали, выслав из Москвы в разные места, чтобы позднее расправиться с ними, не афишируя это. Архитектор попал в г. Ульяновск. Красавица Зоя, его первая жена, в период следствия подала на развод, позднее выйдя замуж за офицера госбезопасности, который вел дело архитектора. Более того, помогала следствию, предав мужа, шантажировала и оговаривала его, по словам Анны Александровны Касатиковой [2, с.344–346].

У них с Л.Н. Мейльманом было близкое родство – они кузены, племянники Л.Д. Троцкого. Отец А.А. Касатиковой, Александр Бронштейн (расстрелян в 1938 г.), был родным братом матери Льва Мейльмана. Когда А.А. Касатикова приехала в Ульяновск навестить архитектора, с которым ее связывали давние дружеские отношения, они решили пожениться.

В первые годы войны семью оставили в покое. Возникла иллюзия, что тяжелые времена миновали. Л.Н. Мейльман мечтал о продолжении научной деятельности. Вел переписку со своими руководителями по поводу защиты диссертации, предлагая изменить тему. Считал, что целесообразнее было исследовать деревянное зодчество Ульяновской обл. вместо подготовки проекта восстановления г. Смоленска, над которым работал ранее, как писала позднее об этом его супруга: «Мы в Ульяновске с ним часто ходили в далекие деревни пешком – всегда

вдвоем. За всю недолгую совместную жизнь мы почти всегда были вдвоем» [2, с.364].

В то время архитектору еще разрешали ездить в Москву в связи с научной работой. В Ульяновске, где Л.Н. Мейльман пробыл недолго, ему все же удалось поработать и практически. Он выполнил проекты (осуществлены) гостиницы и жилых домов автозавода; парка культуры: генплан и сооружения – аттракционы, театр, кафе, ресторан, спускавшаяся к реке лестница. Преподавал в техникуме. Л.Н. Мейльман ощущал себя востребованным, хотя при его буквально энциклопедических знаниях смог реализовать себя крайне мало в заштатном городе.

В 1945 г. по обвинению в шпионаже Л.Н. Мейльмана вновь арестовали среди оставшихся в живых пятидесяти представителей клана Л.Д. Троцкого, всех возрастов, включая малышей, которых отправили в детские дома. Спаслись частично те, кто в давние времена благополучно успел сменить фамилии на материнские или своих жен, как сказала автору А.А. Касатикова. Официально Л.Н. Мейльмана обвинили в фотографировании якобы стратегических объектов. Реальная причина, конечно же, родство с Л.Д. Троцким.

Л.Н. Мейльмана первоначально этапировали с женой и ее сестрой Матильдой (погибла в лагере) в г. Кустанай, где их вскоре арестовали. А.А. Касатинову отправили в Читинский лагерь сроком на шесть лет. Женщины-заклученные расщепляли слюду, стратегическое сырье для приемников и других точных приборов – только они своими деликатными пальчиками могли качественно выполнять эту работу. Анна Александровна показала мне коллективное фото, сделанное в лагере по случаю победы над фашистами. Женщинам-заклученным разрешили выдать со склада их одежду. Все они запечатлены с модными прическами, макияжем, в кокетливых шляпках и роскошных меховых манти, т. к. большинство попало в лагерь напрямиком из Китая по процессу сотрудников КВЖД. Но этот праздник продлился несколько минут только ради фотографии, которая обескураживает, когда знаешь об обстоятельствах жизни ее персонажей.

Л.Н. Мейльмана после кустанайской тюрьмы выслали на рудники – первоначально на полиметаллический комбинат пос. Риддер, а затем в Караганду, Дзержинск, Красноярск. Через год его вернули в Дзержинск. Использовали на общих работах, но позже повезло попасть в проектное бюро лагеря Кенгир, где Л.Н. Мейльман неожиданно для себя встретился с Г.М. Людвигом, видным советским зодчим, профессором, замдиректора Академии архитектуры, уникальным и пытливым исследователем древних культур, прошедшим к тому времени тяжкий путь пыток, тюрем, лагерей [2, с.346–350].

Судьба сводила их в жизни несколько раз и по-разному поводу: в стенах МВТУ (где Г.М. Людвиг преподавал), на стройке канала Москва – Волга. Г.М. Людвиг был на общих работах, а Л.Н. Мейльман, пребывая пока на свободе, осуществлял авторский надзор на строительстве Водного стадиона. И наконец, уже на равных, они оказались в проектное бюро каторжного лагеря в Кенгире.

Товарищ по заключению вспоминал об архитекторе: «Лев Наумович Мейльман был тихим, ненавязчивым, осторожно ироничным и сдержанно остроумным. Архитектор до мозга костей, он казался фанатиком своей профессии. Что бы ни приходилось ему проектировать, он работал с полной отдачей. Белый лист ватмана постепенно становился серым от карандашной пыли, следов резинки рукавов. От варианта к варианту проекции разрабатываемого объекта убеждали в своей оптимальности какой-то гармоничностью, стройностью, найденностью» [2, с.337-340].

После Кенгирского восстания (с 16 мая 1954 г.) ужесточились условия содержания. Проектное бюро расформировали, т. к. сотрудники были очевидцами и жертвами кровавой расправы над заключенными. Эти события хорошо известны благодаря книге А.И. Солженицына «Архипелаг Гулаг» [3, с.262–306].

Выйдя из лагеря, Л.Н. Мейльман отбывал ссылку в Балхаше, городе с очень тяжелым пустынным климатом. Смог ненадолго получить должность инженера-конструктора УКСа на медеплавильном заводе. Позднее участвовал в фотовыставках, имел фотозаказы, не получив удовлетворения от этого: «Я имел глупость взять работу у городского архитектора по фотографированию города. Нужно сделать восемьдесят снимков с городскими строениями, и я хожу довольно много» [2, с.353, 354, 357].

В 1956 г. ему удалось съездить в Москву, но вернуться туда не разрешили по надуманной и скорее формальной причине – недостаток санитарных норм площади [2, с.364-366].

В Балхаше Л.Н. Мейльман не нашел применения своим знаниям, что до конца подломило его: «С моей работой будет трудно – я вообще не знаю, насколько я полноценен, как специалист. Ведь долго не работал. Несомненно, теряю квалификацию; сейчас стал снова следить за журналами, но многого это не дает! Очень хотелось бы связаться с кем-либо из бывших товарищей, но трудно начать переписку после большого перерыва... Сейчас не работаю, и меня это гложет. Что посоветуете? Работа на дому оказалась очень невыгодной. А мои товарищи очень преуспели, например, Бархин, взявшие с женой I премию по Дворцу Советов и др.» [2, с.346-347].

Тем не менее, Л.Н. Мейльман пытался наверстать упущенное в отношении профессионального кругозора: «От архитектуры оторвался. Читаю лишь спецжурналы. Правда, и архитектура-то чуть жива... Стараюсь быть полезным в меру сил. Моя «фотография» кончилась, а архитектурной работой мне пока заниматься не дают» [2, с.358].

Уныние с помощью супруги старался преодолевать, вспоминая прошлое и друзей-архитекторов: «Абонированы в клубной и технической библиотеке. Я беру журнал «Архитектура СССР», стараюсь не очень отстать от времени. Чувствую, что очень отстал, но поскольку я скоро уже и возрастной инвалид, могу не беспокоиться. Умирают старые архитекторы. Вчера прочел о смерти Жолтовского, принесшего архитектуре много пользы, но и вреда. Много новых молодых имен я встречаю в журнале. Здесь архитектура ценится очень мало, это скандывается во всем. Любой шофер котируется выше моей профессии» [2, с.356].

Однако из попыток архитектора как-то найти себе место в профессии ничего не получилось. Сыграло роль не только подорванное в лагерях здоровье [2, с.355]. Привожу подробные цитаты из переписки с родными, друзьями, чтобы показать весь трагизм жизненной ситуации даже после освобождения – медленное профессиональное и человеческое «затухание».

Полная депрессия и неверие в дальнейшие перспективы своей жизни ощущается в письмах Л.Н. Мейльмана, которые являются документальным свидетельством краха надежд и, конечном итоге, самой жизни человека, по которой прошел репрессивный «каток»: «Читаю «Архитектуру СССР» и вижу, как я отстал. Я на все махнул рукой – ведь я старик... уже постепенно деквалифицируюсь – в отрыве от архитектуры и пр. Разленился и превратился в больного» [2, с.361, 347]. Все это усилило сердечную болезнь, от которой Л.Н. Мейльман умер в 1960 г.

А вот его супруга благополучно прожила еще много лет. После переписки мне удалось встретиться с ней в Москве, в районе Филевской линии метро, декабрьским вьюжным вечером 1992 г. Весьма преклонный возраст не сказался на ее памяти. А.Н. Касатикова рассказала подробно летопись жизни своей семьи. За чашкой чая с прекрасным абрикосовым вареньем, мы просматривали сохранившиеся фото трех поколений семьи Бронштейнов, с комментариями хозяйки.

А.А. Касатикова также прошла через десятилетия ссылки и лагерей, но жизнелюбия не утратила. Из-за родственных связей она немало пострадала, не завершив музыкального образования в техникуме при Московской консерватории, теряя работу. Апофеозом постоянной ситуации ожидания ареста был вызов к Берии в конце 1930-х гг. Он

предложил съездить в гости к Л.Д. Троцкому, как А.А. Касатикова поняла, чтобы убить его. Делать это она не собиралась ни при каких условиях. Немало поволновалась, но о ней забыли, т. к. появились другие версии расправы, пожалуй, с одним из главных врагов Сталина. Два покушения в 1940 г. завершились гибелью Л.Д. Троцкого. Десятилетия страданий, ухода из жизни его многочисленных родных, личная и творческая трагедия Льва Наумовича Мейльмана довершают эту семейную эпопею.

1. Малиновская Е.Г. «Репрессированная архитектура» – история и проблематика изучения, судьбы архитекторов (Г.М. Людвиг, Л.Н. Мейльман) // Academia (г. Москва). – 2016. №3. – С.46–56.
2. Малиновская Е.Г. Репрессированная архитектура – сталинские новостройки, творчество и судьбы архитекторов / Серия «Наследие советской эпохи. Избранные труды». – Алматы, 2018.
3. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. – М., 1991. – С.262–306.

Кубик Н.А.

Фонд троцкиста И.Л. Абрамовича в Государственном архиве Павлодарской обл.

В среде исследователей – учёных, представителей СМИ, учащихся и других – интерес к документам личного происхождения имеет постоянный характер и связан с тем, что личные архивы граждан не только очеловечивают историю, но и показывают духовную жизнь их владельцев, окружавшую их повседневность, дают представление о том, как история страны преломлялась в судьбах людей.

Государственный архив Павлодарской обл. постоянно пополняется документами личного происхождения. Значительная часть этих документов отражает политику массовых репрессий в Советском Союзе в 1930–1940-х и начале 1950-х гг. В 2018 г. были описаны и включены в состав Национального архивного фонда Республики Казахстан документы личного происхождения Абрамовича Исаи Львовича, экономиста по образованию, члена ВКП (б), участника внутривнутрипартийной левой оппозиции под руководством Троцкого Л., трижды репрессированного по политическим мотивам, участника Гражданской и Великой Отечественной войн. Данные документы представляют интерес для исследователей советского периода истории.

Исай Львович Абрамович родился в 1900 г., 1 апреля по старому стилю в г. Иркутске. В 1915 г. он окончил Иркутское пятиклассное высшее начальное училище и поступил к купцу-бакалейщику на службу кладовщиком, где работал до революции 1917 г.

В декабре 1917 г в г. Иркутске установилась советская власть. Семья была против увлечения Абрамовича И. большевистскими идеями. На тайном семейном совете было решено отправить Исаю учиться в Читу и таким образом ослабить его связи с друзьями-большевиками.

Весной 1918 г. юноша поступил в Читинское коммерческое училище. В августе 1918 г. город захватили белогвардейцы, в апреле 1919 г., по окончании училища, Абрамович И.Л. был мобилизован на службу в войска атамана Семёнова. После разгрома войск атамана Абрамович служил на Хабаровском фронте в отдельном егерском батальоне, там же организовал подпольную группу с целью подготовки восстания и перехода отряда на сторону красных партизан.

В 1923 г. Абрамович И.Л. поступил в Московский институт народного хозяйства, совмещая учёбу с работой начальником подотдела учета Наркомата почт и телеграфов, иначе – заместителем начальника управления кадров. Во время учёбы в институте Абрамович И.Л. впервые услышал Троцкого Л.Д.: «Светлой точкой в моей памяти осталось собрание Замоскворецкого партийного актива, состоявшееся в колонном зале нашего института вскоре после моего поступления на учёбу. Мне удалось присутствовать на этом собрании и впервые услышать доклад Л.Д. Троцкого. Услышать Ленина и Троцкого было моей давнишней мечтой. Доклад Троцкого произвел на меня огромное впечатление, и еще большее – сам Троцкий и устроенная ему встреча. Это была действительно орация и длилась она не менее десяти минут» [1, с.23].

Студенческая молодёжь принимала активное участие в обсуждении выбора дальнейшего пути коммунистической партии. На дискуссионном собрании в институте, в ноябре 1923 г., с докладом выступили Молотов В.М., с содокладом – Преображенский Е.А. В прениях участвовали и студенты-партийцы, в т. ч. Абрамович И.Л.

На XIII партконференции подводились итоги дискуссии 1923 г. Было принято решение провести партийную чистку в военных и вузовских ячейках, т. е. как раз там, где во время дискуссии большинство голосовало за оппозицию. Такая чистка состоялась и в ячейке института, в котором учился Абрамович. Из партии были исключены все, выступавшие за оппозицию, в т. ч. и Исай Львович как «идеологически неустойчивые». После обжалования в партколлегии Центральной Контрольной комиссии в партии восстановили.

В конце 1924 г. И. Абрамовича направили на работу в отдел чёрной металлургии Планово-экономического управления.

В январе 1928 г. И. Абрамовича арестовали за принадлежность к оппозиционному движению. Обыск длился несколько часов. В Бу-

тырской тюрьме объявили решение Особого Совещания: ст. 58 п.10 – принудительная ссылка в Среднюю Азию сроком на три года.

Отношение к осуждённым по политическим статьям в те годы было ещё довольно гуманное: им полагалось денежное довольствие, к месту ссылки ехали в обычном плацкартном вагоне, имели возможность на остановках прогуливаться на перроне и делать покупки в ларьках, ходить в буфет и ресторан.

В г. Коканде И. Абрамович как ссыльный обязан был раз в неделю отмечаться в ГПУ и сообщать обо всех изменениях адреса. Устроиться на работу удалось быстро: управляющему трестом «Узбекнефть» требовался начальник планового отдела.

Абрамович И.Л. принимал участие в дискуссиях с эсерами и меньшевиками, переписывался с сосланными в Сибирь К.Б. Радеком, И.Т. Смилгой, И.Н. Смирновым, Е.А. Преображенским и др.

В 1928 г. И. Сталину удалось перетянуть на свою сторону колеблющихся членов ЦК и упрочить свое положение. На XVI съезде партии борьба со всеми оппозиционными течениями фактически закончилась. Л. Троцкий был выслан за границу, правые борьбу прекратили и отказались от своих взглядов. Публичное покаяние прозвучало в заявлении Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и М.П. Томского, опубликованном в газете «Правда» 26 ноября 1929 г.: «В течение последних полутора лет между нами и большинством ЦК ВКП (б) были разногласия по ряду политических и тактических вопросов. Свои взгляды мы излагали в ряде документов и выступлений на пленумах и других заседаниях ЦК ВКП (б). Мы считаем своим долгом заявить, что в этом споре права оказалась партия и ее ЦК» [1, с.124].

Вслед за идейными лидерами от своих политических взглядов один за другим отказывались и рядовые оппозиционеры. Среди них был и И.Л. Абрамович, что позволило Льву Исаевичу досрочно освободиться из ссылки и вернуться в Москву.

И. Абрамович устроился в Наркомат связи на должность заместителя начальника сектора перспективного планирования. Он участвовал в разработке экономических изысканий и проекта телефонизации г. Москвы с 1931 г. по 1950-е г. Ходатайство о восстановлении в партии было отложено, и ему рекомендовали перейти на работу в плановый отдел 1-го Государственного подшипникового завода.

В начале 1930-х гг. форсирование темпов индустриализации способствовало увеличению городского населения. Сельское хозяйство находилось в упадке: в результате политики коллективизации и непродуманной кампании по хлебозаготовкам в ряде регионов разразился голод. Проблема с нехваткой продовольствия, увеличение розничных цен на товары, система дифференцированного снабжения в

зависимости от иерархии породили массу недовольств в обществе. На заводах были созданы «спецотделы», которые не только проводили проверку кадров, но и занимались открытыми провокациями для выявления и наказания недовольных.

Абрамовича И. вызвали в Наркомат тяжелой промышленности и предложили поехать на работу в Днепродзержинск для укрепления кадров чёрной металлургии. Он получил должность старшего инженера-экономиста планового отдела управления капитального строительства.

В этот период на заводе строился мартеновский цех на три мартена, осуществлялся переход работы на бездотационную систему, роль в котором играла механизация загрузки доменных печей, окончание строительства агломерационной фабрики спекания руд, завершение строительства газопроводов от доменного цеха к коксохимическому и от коксохимического – к доменному, мартеновскому и прокатным цехам.

В результате модернизации вместо 2 млн. убытка в месяц завод начал давать около 600 тыс. руб. прибыли.

По прибытии Исаея Львович увидел на улицах истощённых людей в обтрёпанной одежде, ежедневно подбирали 20–25 чел., умерших от голода, ходили слухи и о случаях людоедства. В отличие от сельчан, рабочие и ИТР завода получали по килограмму хлеба в день и другие продукты.

Убийство С.М. Кирова в декабре 1934 г. послужило началом массовых репрессий в СССР: начались аресты. Абрамович И.Л. сначала был уволен «за антисоветскую троцкистскую деятельность», затем 2 апреля 1936 г. его арестовали. Направили в г. Свердловск,^{1*} областной отдел ГПУ предъявил обвинение по ст. 58 пп. 10 и 11 и отправил этапом в Москву.

По воспоминаниям И.Л. Абрамовича, во внутреннем распорядке Лубянской тюрьмы причудливо сочетались лучшие бытовые условия по сравнению с другими тюрьмами, которые довелось увидеть Абрамовичу, с большими строгостями. Например, в камерах стояли кровати с матрасами, подушками, одеялами и регулярно менявшимся бельем, заключенные имели доступ к тюремной библиотеке, не подвергнутой чистке, еда была хоть однообразной и безвкусной, но сытной [1, с.181–182].

С другой стороны, допросы велись ночью, днем в камере спать категорически запрещалось, разговаривать разрешалось только шёпотом.

На допросах следователь пытался добиться признания в том, что, отойдя от оппозиции, И. Абрамович продолжал нелегальную фракци-

^{1*} Ныне Екатеринбург.

онную работу и являлся связным между оппозиционным центром в лице И. Смилги и троцкистской ячейкой Плехановского института. Все обвинения Абрамович категорически отрицал. Впоследствии его перевели в Бутырскую тюрьму, режим которой был жёстче: в камерах, рассчитанных на 24 чел., помещали до 80 заключенных, вместо коек – нары, люди спали на полу. По воспоминаниям Исай Львовича представители оппозиционных течений даже в камерах не прекращали ожесточённых споров на политические темы с ортодоксальными сталинцами.

Абрамовичу предъявили обвинение по ст. 206 и осудили на 5 лет ИТЛ. До лагеря добирались поездом до Архангельска, затем пароходом до Нарьян-Мара, затем баржами до Воркуты. По прибытии в дер. Сынья-Ныр, состоявшую из 11 дворов, заключённых разместили вповалку в стогах сена, спали они, тесно прижимаясь друг к другу, чтобы не замёрзнуть. Несколько позже сами выстроили землянки, которые отапливались самодельными печками, сделанными из железных бочек из-под нефти.

Абрамович И.Л. работал на лесозаготовках. Подъем в 6 утра, в 6.30 выход на работу. Час уходил на дорогу. В 17.30 работу заканчивали. Поскольку световой день очень короткий, то большую часть времени работали в темноте.

«Последние несколько месяцев моего пребывания в лагере, – вспоминал Абрамович И.Л., – были скрашены дружбой с [А.Д.] Пергаментом. Мы жили в зоне, в одном бараке, койки наши стояли рядом. И о чем только не переговорили мы за эти месяцы, какие события прошлого не перебрали, какие оценки давали мы сталинскому режиму и какие прогнозы давали на будущее. Не помню, чтобы мы спорили: наши взгляды удивительно сходились – и тогда, в лагере, и при встрече в Москве в 1956 г., и позже, вплоть до его смерти в 1972 г. «Ну и системочку же мы с вами создали!» – любил цитировать Абрам Давидович слова одного из старых большевиков (кажется, С.В. Косиора), с которым он вместе сидел в изоляторе. И я понимал: увы, мы сами создали ту систему, от которой страдаем и мы, и весь народ» [1, с.211].

На лесозаготовках в лагере на р. Косью Исай Львович отбыл свой срок полностью и 2 апреля 1941 г. был освобождён. Абрамовичу И.Л. запрещалось жить в 48 городах Советского Союза, т. е. практически во всех областных центрах. Он уехал в Симферополь к брату Григорию. В планах было воссоединение с семьёй, но начавшаяся 22 июня 1941 г. война внесла в планы коррективы.

18 августа 1941 г. в Крыму Исай Львович был мобилизован в транспортную роту писарем. Осенью 1941 г. воинские части эвакуировались из Крыма. Войска отступали в беспорядке, сдав противнику

Керчь. Затем – Черкесск, Нальчик, Кисловодск, Орджоникидзе... Запасной полк, к которому был приписан Абрамович И.Л., был направлен на переформирование в Кутаиси, где и находился до мая 1945 г.

Демобилизовался Абрамович И.Л. в феврале 1946 г. В дирекции строящегося в Кутаиси автозавода ему предложили должность заместителя начальника планового отдела. Для устройства на работу Абрамовичу И.Л. пришлось скрыть в автобиографии и анкете факты ссылки и лагерного срока.

В 1948 г. в стране началась кампания, вошедшая в историю как «борьба с космополитизмом», и на заводе прокатилась волна арестов специалистов-евреев, освободившихся из мест заключения и приглашенных на завод директором В.С. Букия.

Абрамовича арестовали в Москве в декабре 1950 г. во время командировки в Главк. «Все было также как и в прежние годы. Бросалось только в глаза, что следственный аппарат необычайно разросся. В 1928 г. все следователи размещались на 7-м этаже главного корпуса. В 1936 г. следственный аппарат занимал уже три верхних этажа того же здания, причем каждый следователь – отдельную комнату. В 1950 г. в каждой комнате сидело по 4–5 следователей, а, кроме того, специальный корпус был построен на территории Бутырской тюрьмы» [1, с.228–229].

Основанием для ареста послужила справка оперуполномоченного МГБ СССР. В ней были сведения об участии Абрамовича в оппозиционном движении в 1923, 1926–1927 гг., об аресте и ссылке 1928 г., об отказе от взглядов в 1929 г., аресте в 1936 г., заключении в лагере в 1936–1941 гг. и об освобождении в 1941 г. Абрамович вновь оказался в Бутырской тюрьме, заочно был осужден на 10 лет ИТЛ.

Второй срок отбывал также в Воркуте, в Речлаге, который предназначался для «особо опасных политических преступников».

«Работа и быт здесь были организованы по образцу фашистских лагерей. Территория делилась на две зоны – производственную и жилую, обнесённые высоким забором. С внутренней стороны забора была ещё отгорожена колючей проволокой узкая полоска земли – т. н. «предзона». Попытка перешагнуть в него рассматривалась как попытка к побегу. По всему периметру зоны на расстоянии 30–50 метров друг от друга были построены вышки, на которых круглосуточно дежурили вооруженные солдаты срочной службы. Внутри за порядком наблюдали надзиратели («попки»), как правило, из сверхсрочников, которым присваивалось звание старшины» [1, с.237–238].

Свободное хождение заключённых практиковалось только внутри производственной зоны: там оно обуславливалось производственным процессом. В жилой зоне режим был тюремный: окна зарешечены,

баракы после отбоя запирались снаружи на замок. На коленях брюк, на рукавах и спинах гимнастеров, бушлатов, телогреек, на головных уборах были проставлены номера, соответствующие номерам формуляров, заключенных (за попытку отпороть или замазать номер отправляли в БУР – барак усиленного режима). На работу и с работы водили колонной под конвоем, с собаками. Строго запрещалось отклоняться от колонны... Каждый день при выходе и входе в производственную зону и обратно заключённых, построенных в колонну, впускали и выпускали по бригадам. После возвращения с производства надзиратели устраивали «шмон», и, пока они обыскивали одну бригаду, остальные ждали за зоной на открытом воздухе. Иногда ждали по часу и больше.

Сам по себе тюремный режим становился ещё невыносимее из-за произвола лагерной администрации.

Отсидев в воркутинских лагерях два срока в 1930-х и 1950-х гг., И.Л. Абрамович получил возможность сравнить лагерные режимы. В 1950 г. Воркутлагерь разбили на два самостоятельных лагеря: один из них предназначался для осужденных по бытовым, уголовным статьям и «самому безобидному» 10 п. 58-й ст. Остальные политические были переведены в Речлаг, задуманный как лагерь особо строгого режима для особо важных преступников. Также изменился состав заключённых: из бывших оппозиционеров и «ортодоксов», которым «пришили дело», в лагерях остались единицы. Подавляющее большинство не выдержало нечеловеческих условий и издевательств лагерного начальства.

Сторонники оппозиции до конца своей жизни продолжали считать себя частью партии, временно устранившейся из ее рядов. Даже находясь в заключении за принадлежность к левому движению, многие и там продолжали вести споры о причинах перерождения большевистской партии, подавления демократии и, в конечном итоге, крахе социалистических идей.

На шахте №2 Исая Абрамович познакомился с Михаилом Байтальским [2], журналистом, поэтом, автором песни «По морям – по волнам...», написанной в соавторстве с М. Елько. Встречу с ним Абрамович назвал «одной из самых запоминающихся во всей моей богатой встречами арестантской и ссыльной жизни» [1, с.244].

«Это слесарь-водопроводчик шахты №2, с которым я познакомился в конторе, ... был несомненно человеком выдающимся – и по своим талантам, и по своим моральным качествам, и по тому непередаваемому обаянию, которое производила его личность почти на всех, кто с ним встречался... Не знаю, каким журналистом он был, но все, написанное им после освобождения из лагеря («Тетради для внуков»),

«Товар номер один», «Близкое и далёкое», «Технология ненависти» и др.) свидетельствует о значительном литературном и публицистическом даровании... Привлекали не только его ум, начитанность, своеобразие мыслей. Какой-то необыкновенной мягкостью, открытостью, искренностью отличался этот человек, его лицо, голос, взгляд... Он как бы распространял вокруг себя атмосферу свойственного ему душевного благородства. Привлекательна была даже самая его манера разговаривать: он как бы прятал эмоции под лёгкой ироничностью своих скупых сдержанных формулировок – но горячая душа его прорывалась сквозь них и согревала всё вокруг...» [1, с.244].

День, когда в лагере узнали новость о смерти Сталина, Абрамович вспоминает так: «Заключённые свой восторг почти не скрывали», «Население барака буквально вопило от радостного восторга».

Разоблачение «дела врачей», арест и расстрел Берии давали повод надеяться, что смерть главного виновника повлечёт за собой переосмотр в первую очередь карательной политики государства. Режим в лагерях был несколько смягчён: отменили ограничения в переписке, перестали запирают бараки, спорили номера с одежды, построили отдельный барак для свиданий, с жёнами давали свидания до семи суток и предоставляли отдельную комнату.

Начался пересмотр дел, появились единичные случаи реабилитации тех, кто был обвинен в террористических намерениях и осуждён за то, что, например, сжёг или порвал портрет Сталина.

Два года после смерти Сталина были полны надеждами на освобождение, снами, в которых снилась свобода. А пришла она неожиданно и буднично.

29 июля 1955 г. И.Л. Абрамовича позвали к телефону, начальник спецчасти ОЛПа^{1*} сообщил, что пришла телеграмма об освобождении и необходимо явиться для оформления документов.

На полученные деньги И. Абрамович купил билет до Иркутска, где на перроне его встретили жена и дочь.

Вскоре Исай Львович отправился в Москву в Министерство тракторной промышленности, ему предложили поехать в Павлодар, на строительство крупного комбайнового завода начальником планово-производственного отдела. В начале 1955 г. Абрамович И. вместе с директором и главным бухгалтером приехал в Павлодар.

Приглашение И.Л. Абрамовича в Павлодар совпало с наплывом с город огромного количества людей, приехавшего на освоение целинных земель и строительство новых промышленных предприятий. Город оказался совершенно неподготовленным к приезду такого коли-

^{1*} Отдельного лагерного пункта (прим. ред.).

чества людей: не хватало жилья, отсутствовали дороги и транспорт, не хватало продовольствия, хлеб пришлось завозить из ближайших городов. Необходимо было заново строить вокзал и аэропорт, электростанцию, больницы и поликлиники, магазины, бани и прачечные. Положение осложнялось еще и отсутствием капитальных вложений на жилищное и культурно-бытовое строительство, которое требовалось в связи с возведением заводов. Проектированием строительства в Павлодаре на тот момент занималось множество проектных организаций: Моспроект – для комбайнового завода, Ленпроект – для алюминиевого, Гипротранс – для транспорта и т. д. Каждая организация планировала строительство жилых массивов вблизи своих предприятий. В результате город рассыпался на отдельные, не связанные общей инфраструктурой районы, между которыми были пустыри.

На совместном расширенном заседании городской архитектурной комиссии г. Павлодара, состоявшейся 20–21 марта 1956 г., обсуждался проект планировки и застройки города [3]. Исполнительные власти возражали против стихийного развития города. В результате обсуждения было решено утвердить представленный Ленгипрогором генеральный план застройки г. Павлодара, предусматривающий комплексную планировку с общим транспортным узлом, коммуникациями. На заседании много споров вызвала проблема жилищного строительства. Жилые дома на тот момент были преимущественно одноэтажными деревянными, единственный в городе трехэтажный 16-ти квартирный дом являлся достопримечательностью. И.Л. Абрамович внёс предложение на первом этапе строительства не сносить старые дома, что экономически было невыгодно, а вести строительство на примыкающих к заводам пустырях, постепенно застраивая город от окраин к центру. Поэтапно снося существующую застройку и на её месте возводя многоэтажные жилые дома и культурно-бытовые объекты [1, с.256–257].

Почти десять лет Абрамович И.Л. отдал комбайновому заводу, затем перепрофилированному в тракторный, и внес значительный вклад в его деятельность, принимал участие в планировании застройки города.

В Павлодаре, уже находясь на заслуженном отдыхе, И.Л. Абрамович начал писать книгу воспоминаний, которую так и назвал: «Воспоминания и взгляды». По свидетельству его дочери – Елены Исаевны Шапиро книга была задумана в 1930-е гг. в Воркутинском лагере, чтобы опровергнуть ложь в «Кратком курсе истории ВКП (б)», а также бесчисленных учебниках, статьях, романах и фильмах о революции, её вождях и оппозиции, к которой он принадлежал. Выйдя на пенсию, сразу начал над ней работать. Сначала, живя в Павлодаре,

снимал летом дачу под Москвой, потом по случаю обменял квартиру на комнату в Москве. Он разыскал и возобновил связи с друзьями молодости и лагерными друзьями, которые доставали ему сохраненные в тайниках подлинные протоколы съездов и конференций ВКП (б), изданные в 1920-е гг., старые газеты и журналы, книги «Самиздата», когда они появились, советские издания [4]. Он расширял и углублял свой труд, неоднократно перерабатывал его, осмысливая новые материалы. Книга писалась 16 лет, несколько раз перепечатывалась [5]. Конечно, неоспоримым фактом является то, что в этой книге изложен личный, глубоко субъективный взгляд на события тех лет. Зачастую он является прямо противоположным официальной истории ВКП (б) в силу оппозиционных политических взглядов автора.

Необходимо отметить, что личность Л.Д. Троцкого в глазах И.Л. Абрамовича идеализирована. Расстрелы в Красной армии каждого десятого в плохо сражавшихся частях, «расказачивание», планы создания устроенных по военно-тюремному образцу «трудовых армий» в годы Гражданской войны характеризовали Л. Троцкого как беспощадного и жестокого человека и не предвещали стране и народу ничего хорошего в случае его прихода к власти. Эти исторические факты в книге И. Абрамовича опущены, в результате создается впечатление, что Л. Троцкий в силу своей интеллигентности, мягкости сознательно уступил место политическому лидеру, что позволило И. Сталину полностью дискредитировать всё руководство оппозиции и вывести его из дальнейшей борьбы. При более умелой политической игре и большей дальновидности Л. Троцкого, полагает И. Абрамович, возможно было сохранить более демократическое правление в стране, что позволило бы избежать тотального террора в отношении инакомыслящих и создать то демократическое социалистическое государство, которое задумывалось В. Лениным.

Конечно, такая точка зрения весьма спорная, но ценность воспоминаний И.Л. Абрамовича в том и состоит, что они позволяют увидеть события с другой стороны и составить свое представление о внутрипартийной борьбе тех лет, роли и значении каждой из политических фигур.

Эти воспоминания – взгляд изнутри, наполненный болью, в основе которого личная трагедия и трагедия историческая, попытка проанализировать пройденный путь и предостеречь от новых ошибок. И.Л. Абрамович характеризует то время как «годы насильственного уничтожения миллионов невинных людей, годы ликвидации лучших представителей партии и народа, в т. ч. ленинской когорты идейных борцов за социализм» [1, с.266]. Несмотря на то, что И. Абрамович идеализировал личность Л. Троцкого, его воспоминания, анализ со-

бытий, свидетелем которых был сам автор, и первоисточников, несомненно, представляют интерес для исследователей.

Поскольку издана книга небольшим тиражом – 200 экземпляров, несомненно, что её рукопись и остальные документы И.Л. Абрамовича, а также библиотека, содержащая редкие издания, 1920–1940 гг. по истории Коммунистической партии, публицистическая и художественная литература позволяющие составить представление о личности владельца, его интересах и взглядах, заинтересуют исследователей и историков.

1. Государственный архив Павлодарской обл. (далее – ГАПО). Ф.1760. Оп.1. Д.36.

2. Байтальский Михаил Давидович (псевдоним Домальский И.; 1903, с. Черново, Одесская губ. – 1978, г. Москва), поэт и публицист. В 1929 г. был обвинен в троцкизме, арестован и провел в заключении несколько месяцев, затем еще дважды подвергался аресту и находился в лагерях принудительного труда в Воркуте (1936–1941, 1950–1956). Занимался журналистикой, публиковался в газетах «Вечерняя Москва» и «Известия». Находясь в заключении, Домальский начал писать стихи (приблизительно с 1951 г.), в которых выражал свою тоску по земле Израиля. Эти стихи были нелегально вывезены из СССР и опубликованы под псевдонимом Д. Сетер в Израиле с параллельным переводом на иврит под общей редакцией А. Шлёнского и М. Шарета («Придет весна моя», 1962, 2 изд. – 1975). В 1956 г. Домальский был реабилитирован и переехал в Нальчик, где начал писать воспоминания – летопись крушения иллюзий своего расстрелянного поколения. Отдельные главы «Воспоминаний» были опубликованы в Москве в самиздатском журнале «Евреи в СССР» (№17, 1979) и в Израиле в журналах «Время и мы» (№11, 1978) и «22» (№5, 1979). В 1970 г. Домальский переехал в Москву и под различными псевдонимами активно сотрудничал в общедемократическом и еврейском самиздате: А. Аронович, «Ближнее и дальнее (заметки о еврейском вопросе в СССР)» (переиздано «Политический дневник», №11, 1975, Амстердам); Красилов, «Товар номер один» (переиздано «Двадцатый век», №2, 1977, Лондон); «Отцы, дети и, вероятно, внуки» и «Религия государства» (переиздано «Поиски», №3–4, 1979/1980, Нью-Йорк). В 1975 г. была опубликована книга «Русские евреи вчера и сегодня» (Тель-Авив). В 1977 г. он написал социологический очерк «Новое в антисемитизме», который вошел в сборник «Антисемитизм в Советском Союзе. Его корни и последствия» (Тель-Авив, 1979). <http://eleven.co.il>.

3. ГАПО. Ф.646. Оп.5. Д.315. Л.170–176.

4. Например, в состав фонда вошли XIV конференция Российской Коммунистической партии большевиков. – Стенографический отчет. – М.: Государственное издательство, 1925 (ГАПО. Ф.1760. Оп.1. Д.72); XVII конференция Коммунистической партии большевиков. Стенографический отчет. – М.: Партийное издательство, 1932 (ГАПО. Ф.1760. Оп.1. Д.75); XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. – М.: Партиздат, 1934 (ГАПО. Ф.1760. Оп.1. Д.76); Рабочая оппозиция. Материалы и документы. 1920–1926 гг. – М.–Л.: Государственное издательство, 1926 (ГАПО. Ф.1760. Оп.1. Д.83); Политическая методология Троцкого и «левых» загибов / доклад С. Новикова в журн.: «Вестник коммунистической академии. Книга 40–41. М.: Издательство Коммунистической академии, 1930

(ГАПО. Ф.1760. Оп.1. Д.84); Бернштейн Э. Исторический материализм. – С-Петербург: Издание товарищества «Знание», 1901 (ГАПО. Ф.1760. Оп.1. Д.111); Туган-Барановский М. Теоретические основы марксизма. – С-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1906 (ГАПО. Ф.1760. Оп.1. Д.113) и др.
5. ГАПО. Ф.1760. Оп.1. Д.42. Л.293.

**Турсьнова Ж.Ж.
Беркун О.Е.**

Судьбы репрессированных в архивных источниках

Многонациональный состав Казахстана, по исследованиям историков, стал формироваться с XVI в. К началу XX в. в Казахстане проживали представители около 60 национальностей – узбеки, каракалпаки, татары, башкиры, немцы, поляки, евреи и др. С конца 20-х гг. прошлого столетия, в поисках работы, ехали десятки тысяч людей на строительство Балхашского медеплавильного комбината, Карагандинского угольного бассейна и других промышленных объектов Казахстана. В конце 1920 – начале 1930-х гг. в Казахстан стали прибывать раскулаченные крестьяне-спецпереселенцы из различных республик.

Одна из самых печальных страниц в истории всех народов – это депортация населения с мест постоянного проживания в районы Сибири, Средней Азии и Казахстана. Одних выселяли, как потенциальных пособников врага и социально-опасных элементов, других обвиняли в сотрудничестве с немцами во время оккупации и т. д.

История Карагандинской обл. – это история тысячи людей, которые по разным обстоятельствам и в разные годы оказались на Карагандинской земле. Судьбы многих из них, представленные в статье, очень разные. Но есть то, что объединяет их всех. Это – репрессии.

В архивном фонде Карагандинского областного суда в документах по спецделам проходит Ягода–Мордвинкина Таисия Григорьевна, 1885 г. р., уроженка г. Рыбинска, по национальности еврейка. Таисия Григорьевна была арестована 27 июля 1949 г. и 29 октября 1949 г. «была сослана в Красноярский край на поселение с формулировкой «как социально-опасный элемент по связи с врагами народа». Как и в 1937 г. Таисию Григорьевну обвиняли в недонесении органам власти о контрреволюционной деятельности брата [1].

Братом Таисии Григорьевны был Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938), политический и государственный деятель, расстрелянный в 1938 г. Генрих Григорьевич, возглавляя органы внутренних дел, был одним из главных исполнителей массовых репрессий. Он приобрел известность благодаря строительству Беломорканала, на котором погибли тысячи заключенных, активному участию в коллекти-

визации, выселению из Ленинграда бывших дворян и прочих «враждебных элементов»[2].

В постановлении Карагандинского областного суда от 26 июня 1958 г. сказано: «Президиум находит..., что Ягода–Мордвинкина ни в чем виновной себя не признала. По делу не установлено, что она совершила какое-либо преступление, следовательно, признать ее виновной в тяжком преступлении является необоснованным». В общей сложности 20 лет лагерного заключения, спецпоселения, разлука с дочерью оказались «необоснованными».

«Без указания по какому закону» 5 октября 1938 г. был расстрелян Немковский Яков Моисеевич, еврей по национальности, уроженец г. Миргорода Полтавской обл. До ареста Яков Моисеевич возглавлял дом техники треста «Карагандауголь» и клуб им. Кирова. Как следует из уголовного дела, Немковский был осужден за то, что «являлся участником контрреволюционной организации» под руководством Троицкого, Купермана, действующей в г. Караганде в 1934–1938 гг. В 1936 г. был завербован Зеленым, по его заданию собирал и передавал сведения о производственной мощности Карагандинского угольного бассейна, о выполнении плана добычи угля, о его качестве и др. 26 июня 1965 г., спустя 27 лет Немковский Яков Моисеевич посмертно реабилитирован [3].

Контарович Арнольд Яковлевич, 1904 г. р., уроженец г. Киева, по национальности еврей. Работал инженером на КарГРЭСстрое. В феврале 1938 г. был осужден Тройкой УНКВД по Карагандинской обл. «без указания по какому закону» к расстрелу. В уголовном деле отмечено, что «Контарович на предварительном следствии виновным себя по предъявленному обвинению не признал, однако принадлежности к троцкистской оппозиции в прошлом, не отрицал...За вредительство на строительстве КарГРЭС Контарович осужден на основании копий протоколов допросов обвиняемых по другим делам...» [4]. По данным органов НКВД Карагандинской обл. Контарович Арнольд Яковлевич был расстрелян [5]. 7 мая 1964 г. постановлением президиума Карагандинского облсуда Арнольд Яковлевич был реабилитирован «за недоказанностью состава преступления» [4].

Во исполнение постановления Тройки 3 октября 1938 г. расстрелян Забрамный Д.А. Давыд Абрамович родился в 1901 г. в г. Конотопе Черниговской обл. До ареста работал управляющим Карагандинским отделением «Союзпродмага». В сентябре 1937 г. Забрамный был арестован по подозрению в шпионской деятельности на германскую разведку. В августе 1958 г. дело Забрамного Давыда Абрамовича было «прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления» [6].

«За отсутствием состава преступления» 13 июня 1957 г. реабилитирован Эфрос Иосиф Маркович, расстрелянный во исполнение постановления Тройки УНКВД 13 сентября 1937 г. [7].

28 ноября 1937 г. постановлением Тройки УНКВД к высшей мере наказания был приговорен Фрадкин Саммуил Львович, «1902 г. р., уроженец г. Орша Белорусской ССР, по происхождению из сословия мелкого бакалейного торговца. До ареста работал начальником снабжения Спасской деттрудколони». Дело в отношении Фрадкина было рассмотрено 19 ноября 1937 г. Карагандинским областным судом. Саммуил Львович был признан виновным в «диверсионно-вредительской деятельности в Спасской трудколони». В конце уголовного дела было подшито ходатайство Фрадкина о дальнейшем выяснении всех обстоятельств по делу, т. к. он не считал себя виновным. Однако 28 ноября 1937 г. постановление вступило в силу. В 1957 г. в прокуратуру Карагандинской обл. обратилась сестра Фрадкина Софья Львовна с просьбой о пересмотре дела. В сентябре 1957 г. Фрадкин Саммуил Львович был реабилитирован «за недоказанностью состава преступления» [8, л.178–179].

Из показаний свидетелей по делу Райцис Якова Исаевича: «Райцис в процессе беседы говорил о том, что в Германии рабочие живут хорошо, магазины не закрываются и безработных там нет, что нашим рабочим еще много надо работать, чтобы достичь уровня немецких рабочих...». Яков Исаевич 28 ноября 1937 г. был осужден по ст. 58-10 УК РСФСР и отправлен отбывать наказание в ИТЛ на 10 лет. В постановлении президиума Карагандинского областного суда от 30 декабря 1957 г. было сказано, что «в действиях Райцис Я.И. контрреволюционного умысла не установлено. Многие высказывания, как антисоветские считать нельзя... Постановление Тройки УНКВД по Карагандинской обл. отменить и дело в отношении Райцис прекратить за недоказанностью» [8, л.240–241].

Чацкий Юзеф Михайлович (Израиль Моисеевич) 1903 г. р., уроженец г. Вознесенска, по национальности еврей, 22 октября 1933 г. был осужден к 10 годам ИТЛ. В феврале 1949 г. Юзеф Михайлович был вновь арестован по доносу. Автор последнего сообщал органам, что «Чацкий слушал радиопередачу радиостанции «Голос Америки», о том, что в Советском Союзе якобы много лагерей для заключенных и что последние якобы эксплуатируются как рабы...». Дело по обвинению Чацкого Юзефа Михайловича было пересмотрено в июне 1956 г. Военным Трибуналом Уральского Военного округа. [9, л.282–283].

По ст.58-10, ст.58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу были приговорены Рахлин Эля Абрамович, Левин Роберт Маркович, Чертков (Константинопольский) Исак Хаимович, Галь-

перин Абрам Исакович, Гринберг Абрам Срулевич, Гуревич Лев Владимирович, Зорин Саул Миронович, Баркан Исак Наумович. Все они ранее в 1920–1930-е гг. были осуждены и отбывали срок наказания в Карлаге. Их обвиняли в том, что «они являлись по своему убеждению национал-шовинистами и состояли в прошлом членами контрреволюционной организации «сионистской партии». Уже в лагере якобы объединились в контрреволюционную националистическую организацию, объединявшую еврейские национальные кадры. Наладив связи с волей и за границей, отправляли для публикации статьи и декларации националистического характера, одновременно проводили в лагере контрреволюционную агитацию, обвиняли Компартию и советскую власть в расстреле Зиновьева, Каменева и других, признанных режимом врагами народа. 28 декабря 1956 г. постановлением президиума Карагандинского областного суда все за исключением Левина и Баркан были реабилитированы. Роберт Маркович Левин и Исак Наумович Баркан были реабилитированы лишь в 1989 г. Указом Президиума ВС СССР от 16 января «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 1930–1940-х и начала 1950-х гг.» [9, л.282–283].

За каждым таким постановлением судьба человека, судьба всей семьи, судьба будущих поколений.

Просматривая архивные документы Карагандинской областной прокуратуры за 1950–1960-е гг. приходишь к выводу, что процесс реабилитации незаконно осужденных затягивался.

Так в сентябре 1953 г. было упразднено Особое Совещание при министре внутренних дел. Согласно содержанию Указа Президиума ВС СССР с 1953 г. должен был начаться процесс реабилитации, однако указ долго не публиковался. С 1954 г. по 1955 г. издавались распорядительные документы, регламентирующие порядок рассмотрения дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

В 1956 г. в президиум Карагандинского областного суда было внесено 57 протестов, в т. ч. на постановления Тройки УНКВД по 44 делам и на постановления Особого совещания при НКВД – МГБ СССР по 13 делам. В результате было реабилитировано 170 чел. [10]. Сведения о количестве принесенных протестов и количество реабилитированных приводятся в статистических отчетах Карагандинской областной прокуратуры за 1957–1958 гг. За 1957 г. 151 протест в порядке надзора был принесен на «решения бывших Троек НКВД и Особых Совещаний», в результате реабилитировано 583 чел. В 1958 г. реабилитировано 502 осужденных, в их числе реабилитированные посмертно [11].

1. Государственный архив Карагандинской обл. (далее – ГАКО). Ф.731. Оп.1. Д.580. Л.22–25

2. Караганда не столь отдаленная // Новый Вестник (г. Караганда) – 01.06.2005 г.
3. ГАКО. Ф.731. Оп.1. Д.1268. Л.20.
4. Там же. Д.1170. Л.35–36.
5. Там же. Ф.1678. Оп.1. Д.40. Л.1.
6. Там же. Ф.731. Оп.1. Д.580. Л.46–51.
7. Там же. Д.490. Л.13.
8. Там же. Д.491.
9. Там же. Д.427.
11. Там же. Ф.205. Оп.7а. Д.266. Л.6–7.
12. Там же. Д.265. Л.2, 46.

Алланиязов Т.К.

Евреи в национальном составе заключенных особых лагерей

В разработке истории Особых лагерей ГУЛАГа МВД СССР на сегодняшний день достигнуты определенные результаты в виде различного рода исследований. В рамках проблематики были исследованы такие аспекты, как организация, структура и дислокация лагерей и лагерных подразделений, численность, состав и движение заключенных, трудовое использование, охрана и режим содержания заключенных, жилищно-бытовые условия, питание, медико-санитарное обслуживание и смертность заключенных, а также личный состав лагеря [1].

Исследование численности, состава и движения заключенных позволяет проследить хронологию наполняемости контингента лагеря, динамику численности, половозрастной и национальной состав заключенных, характер преступлений, сроки осуждения.

Важным вопросом здесь является национальный состав заключенных, который позволяет увидеть процентное соотношение тех или иных национальностей по отношению к общему числу заключенных. Изучение этого вопроса показывает, что из общего числа национальностей бывшего СССР в Особых лагерях евреи имели незначительный удельный вес – в пределах 1%. Косвенное отражение этот вопрос нашел в работах исследователей из вузов Караганды и Жезказгана (Республика Казахстан), где в развернутой форме были представлены статистические данные по обширному кругу тем.

Представляется возможным проследить статистику изменения численности евреев в национальном составе заключенных 11 особых лагерей ГУЛАГа МВД СССР за период с 1949 г. по 1954 г., опираясь на эти исследования. Несмотря на то, что статистические данные о численности евреев в Особых лагерях в разрезе по годам и месяцам не полные, их совокупность в достаточной мере репрезентативна. Это дает возможность на основе их анализа сформулировать ряд суждений и наблюдений о тенденциях и направленности изменений чис-

ленного состава евреев, как по отдельным лагерям, так и их совокупности за рассматриваемый период в целом.

В 1948–1956 гг. на территории СССР (Казахская ССР и РСФСР) дислоцировались Особые лагеря ГУЛАГа:

- Минеральный №1 (28.02.1948 – 06.03.1957);
- Горный №2 (28.02.1948 – 25.06.1954);
- Дубравный №3 (28.02.1948 – реорганизован в ИТЛ в 1954 г.);
- Степной №4 (28.02.1948 – 24.04.1956);
- Береговой №5 (28.02.48 – 26.05.1954);
- Речной №6 (27.08.1948 – 26.05.1954);
- Озерный №7 (07.12.1948 – реорганизован в ИТЛ в 1954 г.);
- Песчаный №8 (05.09.1949 – 24.08.1955);
- Луговой №9 (10.10.1949 – 01.09.1951),
- Камышовый №10 (30.04.1951 – 04.10.1954),
- Дальний №11 (24.04.1952 – 08.04.1954),
- Водораздельный №12 (25.10.1952 – 29.04.1953).

Часть из особых лагерей (четыре последних) просуществовала сравнительно недолго – от одного года до трех лет. Срок функционирования остальных лагерей составлял от 6 до 8 лет. Особые лагеря были либо закрыты, либо реорганизованы в ИТЛ. Из 12 особых лагерей 4 лагеря дислоцировались на территории Казахской ССР, в т. ч. Песчаный, Степной, Луговой – на территории Карагандинской обл. Дальний лагерь на территории Экибастуза Павлодарской обл. Остальные 8 лагерей дислоцировались на территории Российской Федерации (Мордовия, Кемерово, Инта, Коми, Тайшет, Норильск, Воркута, Магадан [2]).

Контингент этих лагерей по своему национальному составу отличался представительством практически всех национальностей СССР. Значительную часть евреев составляли репрессированные по 58-й ст. УК РСФСР т. н. националисты (сионисты, члены политической партии «Бунд») и представители различных социальных слоев еврейского этноса.

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы ГАРФ позволяют в общих чертах раскрыть динамику изменений количественного состава евреев в Особых лагерях ГУЛАГа МВД СССР, дислоцированных на территории Казахстана и России. Количественная динамика евреев – заключенных Особых лагерей – представлена в нижеследующих таблицах в разрезе по годам и лагерям.

*Таблица №1. Численность евреев в составе заключенных
Степного лагеря за 1950–1952 гг. [3]*

Дата	27.03. 1950	01.01. 1951	01.04. 1951	01.07. 1951	01.10. 1951	01.01. 1952
Численность	130 (21) ^{1*}	160	172	186	180	180
В % от общ. числа з/к	0,47	0,93	0,85	0,90	0,84	0,84
Всего з/к	27 357	17 077	20 161	20 505	21 248	21 288

Из таблицы видно, что в марте 1950 г. евреи составляли 130 чел., или 0,47% от общего числа заключенных – представителей национальностей СССР. В течение 10 месяцев – с марта 1950 г. по январь 1951 г. – общая численность евреев увеличилась на 30 чел., или в 1,23 раза и составила 160 чел. Удельный вес евреев увеличился до 0,93% от общего числа. Причиной тому явились с одной стороны рост числа евреев, с другой – снижение общего числа заключенных на 10 280 чел. – с 27 357 до 17 077, или в 1,6 раза. Снижение общего числа заключенных произошло по причине неготовности лагеря к приему такого числа контингентов заключенных, более 10 тыс. которых и были этапированы из ряда отделений Степлага в другие Особлагы. В указанный 10-месячный период наблюдается тенденция роста абсолютного числа евреев при резком сокращении общей численности заключенных.

Вплоть до июля 1951 г. идет постепенный рост числа евреев в абсолютных цифрах: к 1 апреля 1951 г. число евреев по сравнению с 27 марта 1950 г. увеличилось на 42 единицы, по сравнению с 1 января 1951 г. на 12 единиц и составило 172 чел. Удельный вес евреев в составе вновь прибывшего в период с января по апрель 1951 г. контингента заключенных (3084 чел.) составил 0,38%, а удельный вес евреев в общей массе заключенных 1 апреля 1951 г. снизился до 0,85%.

За три месяца – апрель, май, июнь – в Степлаг прибыло 14 евреев. В результате к 1 июля 1951 г. число евреев в лагере достигло 186 чел. В связи с небольшим снижением общей численности заключенных за указанные выше три месяца – на 344 чел. – удельный вес евреев повысился до 0,90%.

В течение последующих трех месяцев – июль, август, сентябрь – произошло сокращение численности евреев на 6 чел.: в среднем по 2 в месяц. В результате к 1 октября 1951 г. численность евреев составила 180 чел. Однако общая численность лагерного контингента за указанный трехмесячный период возросла на 743 чел. В совокупности все это привело к снижению удельного веса евреев в общей массе заключенных до 0,84%. Причина убыли указанных выше 6 чел., по всей ве-

^{1*} В скобках указано число осужденных за националистическую деятельность.

роятности, кончина в результате болезни, травмы или насильственной смерти.

В последующие 2 месяца – ноябрь и декабрь – численность евреев оставалась прежней. Не изменился и удельный вес евреев в общей массе заключенных, несмотря на незначительный рост последних на 40 чел.

Незначительной была отмеченная за март 1950 г. численность евреев, осужденных за националистическую деятельность (сионисты, бундовцы). 21 чел. составили всего 16,5% от общего числа (130 чел.) евреев. Остальные 109 чел. были осуждены по различным пунктам 58-й ст. УК РСФСР. По другим датам сведения о численности данной категории осужденных в архивных материалах не обнаружены.

Таблица №2. Численность евреев в составе заключенных Степного лагеря по состоянию на 1-е число месяца 1953 и 10.06.1954 гг. [4]

Дата	1953 г.								1954 г
	ян-варь	фев-раль	март	ап-рель	май	июнь	июль	август	июнь
Численность	189 (50) ^{1*}	183 (48)	185 (50)	185 (51)	179 (46)	178 (46)	176 (46)	178 (46)	174
В % от общ. числа з/к	0,96	0,93	0,94	0,95	0,92	0,92	0,92	0,93	0,88
Всего з/к	19 568	19 502	19 507	19 429	19 249	19 184	19 044	19 036	19 575

За год, с января 1952 г. по январь 1953 г., численность евреев увеличилась со 180 до 189, или на 9 чел. На 0,12% вырос и удельный вес евреев от общего числа заключенных, который составил 0,96%. Изменения удельного веса были обусловлены снижением общей численности заключенных с 21 288 до 19 568 чел.

За январь 1953 г. численность евреев снизилась на 6 единиц и к 1 февраля составила 183 чел. За этот период численность лагерного контингента сократилась на 66 единиц. Удельный вес евреев в числе убывших заключенных составил 9,09%. Сократился и удельный вес евреев в общем составе заключенных, который составил 0,93%. Определить точно, сколько из числа убывших евреев было переведено в другие лагеря, а сколько умерло в результате болезней, травм или убийств не представляется возможным.

К 1 марта численность евреев увеличилась на 2 единицы и составила 185 чел. Из 5 вновь прибывших заключенных 2 (или 40%) являлись представителями еврейского этноса.

1 апреля численность евреев оставалась прежней, но в течение марта произошли изменения в составе евреев по категориям осужденности – состав осужденных за националистическую деятельность (си-

^{1*} В скобках указано число осужденных за националистическую деятельность.

онисты, бундовцы) пополнился на 1 чел. Количество лагерного контингента за март сократилось на 78 чел. По всей видимости, в числе той количественной разницы, которая образовалась в результате вновь прибывших и убывших из лагеря заключенных, и находился 1 представитель еврейского этноса, осужденный за националистическую деятельность. Удельный вес евреев в общей массе заключенных претерпел незначительные изменения в сторону увеличения и составил 0,95%.

С мая по июль 1953 г. идут небольшие колебания в общем числе евреев. Динамика убыли по месяцам 1953 г. выглядит следующим образом: май – 6, июнь – 1, июль – 2. Всего за 3 месяца численность евреев сократилась на 9 чел. В целом за этот период численность лагерного контингента сократилась на 385 чел. Удельный вес евреев в числе убывших заключенных составил 2,33%. За этот период удельный вес евреев в общей массе заключенных удерживался на уровне 0,92%. Численность евреев, осужденных за националистическую деятельность, снизившись в мае до 46 чел., вплоть до августа оставалась неизменной. Определить точно, сколько из числа убывших евреев было переведено в другие лагеря, а сколько умерло в результате болезней, травм или убийств не представляется возможным.

В августе число евреев в лагере вновь стало расти, увеличившись на 2 чел. Общая численность лагерного контингента за это время сократилась на 8 чел. В результате удельный вес евреев в общей массе заключенных приподнялся до 0,93%.

По прошествии 10 месяцев – в июне 1954 г. – численность евреев снизилась незначительно – до 174, или на 4 чел. Причина убыли, по всей вероятности, кончина в результате болезни, травмы или насильственной смерти. При этом удельный вес евреев от общего числа заключенных снизился до 0,88%, что было обусловлено, прежде всего, увеличением общей численности лагерного контингента на 539 чел.

Ежемесячная численность евреев, осужденных за националистическую деятельность, в 1953 г. колебалась в пределах 47 чел. и составляла в среднем 26% от общей численности представителей еврейского этноса. Таким образом, в Степном лагере в 1953 г. численность евреев, осужденных за националистическую деятельность, превышала аналогичную за март 1950 г. в 1,6 раза.

В рассматриваемый период наименьшее количество евреев в Степлаге приходилось на март 1950 г. (130 чел.), наибольшее – на январь 1953 г. (189 чел.). На эти же сроки приходится соответственно наименьший (0,47%) и наибольший (0,96%) удельный вес евреев в общей численности заключенных. Динамика изменений численности евреев в Степном лагере в целом отражала процесс становления и

развития лагеря и, после января 1951 г. по июль 1953 г., находилась в прямой зависимости от динамики изменений общего состава заключенных.

Таблица №3. Численность евреев в составе заключенных Песчаного лагеря за 1951–1953 гг. [5; 6, л.9, 223]

Дата	01.01. 1951	01.04 1951	01.07 1951	01.10 1951	01.01. 1952	01.01. 1953	01.04 1953	01.06 1953	01.07 1953
Численность	168	220	220	221	326	305 (42) ^{1*}	288 (42)	274 (37)	275 (36)
В % от общего числа з/к	0,83	0,73	0,73	0,78	0,90	1,10	1,05	1,10	1,10
Всего з/к	20 023	29 863	30 042	27 410	36 054	27 585	27 385	24 704	24 845

В Песчаном лагере число евреев с января по апрель 1951 г. по июль возросло на 52 единицы и достигло 220 чел. Общее число лагерного контингента возросло на 9840 чел. Удельный вес евреев в числе вновь прибывших в лагерь заключенных составил 0,52%. Удельный вес евреев в общей массе заключенных с января по апрель снизился на 0,10% и к 1 апреля составил 0,73%. К 1 июля 1951 г. численность евреев осталась прежней – 220 чел., прежним остался и удельный вес евреев в общей массе заключенных.

К 1 октября 1951 г. в лагере насчитывался 221 представитель еврейского этноса. Общее число лагерного контингента по сравнению с 1 июля сократилось на 2632 чел. В связи с этим удельный вес евреев в общей массе заключенных возрос до 0,78%.

К 1 января 1952 г. численность евреев возросла до 326 чел., увеличившись, по сравнению с 1 января 1951 г. в 1,94 раза, или на 158 чел., по сравнению с 1 октября 1951 г. в 1,47 раза, или на 105 чел. С октября 1951 г. по январь 1952 г. общая численность заключенных лагеря увеличилась на 8644 чел. Доля евреев в составе вновь прибывших за последние 3 месяца 1951 г. заключенных составила 1,21%. Несмотря на значительный рост общего числа заключенных к 1 января 1952 г. доля евреев повысилась до 0,90%

За последующий год – с января 1952 г. по январь 1953 г. – численность евреев сократилась на 19 чел. В связи со значительным сокращением общей численности лагерного контингента – на 8469 чел., доля евреев в общей массе заключенных 1 января 1953 г. возросла до 1,10%. Не представляется возможным определить, сколько из 19 евреев убыло по нарядам ГУЛАГа или скончалось в результате болезней, травм, насильственной смерти.

^{1*} В скобках указано число осужденных за националистическую деятельность.

Наметившаяся в январе 1953 г. тенденция сокращения численности евреев привела к тому, что к апрелю их насчитывалось уже 288 чел., а к июню – 274 чел. Из лагеря за первые пять месяцев 1953 г. убыло 2881 чел., в т. ч. 31 представитель еврейского этноса. Доля евреев в общей массе убывших из лагеря составила менее 1%. Вместе с тем, доля евреев, в общей массе заключенных, снизившись в апреле до 1,05%, вновь поднялась к июню до 1,10%. В отмеченный период в числе евреев находилось вначале 42 чел., осужденных за националистическую деятельность, затем их число сократилось до 37 чел.

В течение июня численность евреев увеличилась на 1 чел. и составила к 1 июля 275 единиц. Однако в составе евреев по категориям осужденности произошли изменения – состав осужденных за националистическую деятельность (сионисты, бундовцы) сократился на 1 чел. Здесь, по всей вероятности, статисты ГУЛАГа допустили ошибку, сократив количество осужденных за националистическую деятельность на 1 чел., переведя его в общую массу представителей еврейского этноса. Несмотря на то, что количество лагерного контингента за июнь увеличилось на 141 чел., удельный вес евреев в общей массе заключенных остался прежним – 1,10%.

Численность евреев, осужденных за националистическую деятельность, колебалась от 42 до 37 чел. и составляла: в январе 1953 г. – 13,77%, в апреле – 14,58%, в июне – 13,50% от общей численности евреев.

В рассматриваемый период наименьшее количество евреев в Песчанлаге приходилось на январь 1951 г. (168), наибольшее – на январь 1952 г. (326). Наименьший и наибольший удельный вес евреев в общей численности заключенных пришелся на апрель, июль 1951 г. (0,73%) и январь, июнь 1953 г. (1,10%). Динамика изменений численности евреев в Песчанлаге в целом отражала процесс становления и развития лагеря и находилась в некоторые периоды в прямой зависимости от динамики изменений общего состава заключенных.

Таблица №5. Численность евреев в составе заключенных Лугового лагеря по состоянию на 1 число месяца 1951 г. [7]

Дата	январь	апрель	июль	октябрь
Численность	109	130	125	116
В % от общ. числа з/к	1,19	1,15	1,09	1,09
Всего з/к	9120	11 253	11 418	10 562

Данные о численности заключенных Лугового лагеря (к этому времени в лагерь были свезены инвалиды со всех особых лагерей, так на март 1951 г. здесь насчитывалось 7247 инвалидов [8]) с января по октябрь 1951 г. демонстрируют вначале рост численности евреев со

109 в январе до 130 чел. в апреле. Затем численность евреев в июле снижается до 125, а в октябре – до 116 чел. Несмотря на увеличение числа евреев с января по апрель на 21 чел., их удельный вес в общей массе заключенных снизился до 1,15% из-за увеличения лагерного контингента на 2133 чел. С апреля по октябрь убыло 14 евреев. Определить точную причину убыли не представляется возможным.

В рассматриваемый период наименьшее количество евреев в Луглаге приходилось на январь 1951 г. (109), наибольшее – на апрель 1951 г. (130). Наименьший удельный вес евреев в общей численности заключенных приходится на июль и октябрь 1951 г. (1,09%), наибольший – на 1 января 1951 г. (1,19%).

Динамика изменений численности евреев в Луглаге в целом отражала процесс становления и развития лагеря и, в январе, апреле и октябре, находилась в прямой зависимости от динамики изменений общего состава заключенных.

Таблица №6. Численность евреев в составе заключенных Дальнего лагеря по состоянию на 1 число месяца 1953 г. [6, л.11, 63, 99, 139, 195, 226]

Дата	январь	февраль	апрель	июнь	июль
Численность	23 (3) ^{1*}	23 (3)	23(3)	23 (3)	21(3)
В % от общ. числа з/к	0,92	0,92	0,94	0,95	0,88
Всего з/к	2498	2478	2442	2406	2374

Численность евреев в Дальнем лагере с января по июнь 1953 г. оставалась неизменной – 23 чел. Неизменной оставалась и численность осужденных за националистическую деятельность. В связи с изменением общей численности лагерного контингента удельный вес евреев в общей массе заключенных колебался незначительно – в пределах 0,93%. Лишь в июле численность евреев снизилась до 21 чел., а их удельный вес в общей массе заключенных составил 0,88%. Определить точную причину убыли не представляется возможным.

Из всех четырех особых лагерей, дислоцированных на территории Казахстана, по численности евреев лидировал Песчанлаг, за ним шел Степлаг, замыкали группу Луговой и Дальний лагеря. По такому показателю как удельный вес лидировал Луглаг. Замыкал группу Дальлаг.

^{1*} В скобках указано число осужденных за националистическую деятельность.

Таблица №7. Численность евреев в составе заключенных Минерального лагеря по состоянию на 01.01.1949, 01.01.1952 и 01.12.1952 гг. [9]

Дата	01.01.1949	01.01.1952	01.12.1952
Численность	106	388	391 (80) ^{1*}
В % от общ. числа з/к	1,04	1,25	1,49
Всего з/к	10132	30890	26085

В Минеральном лагере с января 1949 г. по январь 1952 г. наблюдается резкий скачок численности евреев – на 282 чел., или в 3,66 раза. В лагерь за этот период поступило 20 758 чел. Доля евреев в общей массе поступивших заключенных составила 1,35%. Несмотря на более чем трехкратное увеличение общей численности заключенных (с января 1949 г. по январь 1952 г.), доля евреев увеличилась за этот период на 0,21% и составила 1,25%.

Значительный рост числа евреев с января 1949 г. по январь 1952 г. происходил за счет этапирования из других лагерей, а также из тюрем, куда они попадали в результате осуществляемых органами внутренних дел и госбезопасности репрессий против представителей еврейского этноса.

К концу 1952 г. наблюдается снижение общей численности заключенных – на 4805 чел. Однако численность евреев увеличилась на 3 единицы и составила 391 чел., в числе которых было 80 чел. осужденных за националистическую деятельность. Доля евреев в общей массе заключенных составила 1,49%. За четыре года численность евреев в Минлаге увеличилась в 3,68 раза.

В рассматриваемый период наименьшее количество евреев в Минлаге приходилось на январь 1949 г. (106), наибольшее – на январь 1952 г. (391). Соответствующей была и динамика удельного веса евреев в общей численности заключенных – 1,04% в январе 1949 г. и 1,49% в декабре 1952 г. Динамика изменений численности евреев в Минлаге отражала процесс становления и развития лагеря и до января 1952 г. находилась в прямой зависимости от динамики изменений общего состава заключенных.

Таблица №8. Численность евреев в составе заключенных Горного лагеря по состоянию на 01.01.1949, 01.01.1952 и 01.12. 1952 гг. [6, л.2]

Дата	01.01.1949	01.01.1952	01.12.1952
Численность	4	101	125 (27) ^{1*}
В % от общ. числа з/к	0,07	0,73	0,65
Всего з/к	5402	13754	18956

^{1*} В скобках указано число осужденных за националистическую деятельность.

В Горном лагере с января 1949 г. по декабрь 1952 г. наблюдается резкое увеличение численности евреев – на 121 чел., или в 31,25 раза. Доля евреев в общей численности заключенных (возросшей в 3,5 раза) увеличилась в 9,2 раза, составив 0,65%. В числе 125 евреев на 1 декабря 1952 г. насчитывалось 27 чел. (21,6%) осужденных за националистическую деятельность. В Горлаге динамика изменений численности евреев в рассматриваемый период имела положительную тенденцию. В рассматриваемый период наименьшее количество евреев в Горлаге приходилось на январь 1949 г. (4), наибольшее – на декабрь 1952 г. (125). Динамика изменений численности евреев в Горлаге отражала процесс становления и развития лагеря и находилась в прямой зависимости от динамики изменений общего состава заключенных.

Таблица №9. Численность евреев в составе заключенных Дубравного лагеря по состоянию на 01.01.1949, 01.01.1952 и 01.12.1952 гг. [6, л.4]

Дата	01.01.1949	01.01.1952	01.12.1952
Численность	244	283	306 (30) ^{1*}
В % от общ. числа з/к	1,15	1,34	1,62
Всего з/к	21 048	21 090	18 802

С января 1949 г. по январь 1952 г. численность евреев в Дубравном лагере увеличилась на 39 чел. Общее число заключенных возросло на 42 чел. Доля евреев в общей массе вновь прибывших в лагерь заключенных составила 92,8%. В результате увеличился удельный вес евреев в общей массе заключенных на 0,19%, который в январе 1952 г. составил 1,34%. В течение последующих двух лет численность евреев увеличилась ещё на 23 чел. и составила 306 чел., в числе которых насчитывалось 30 чел., осужденных за националистическую деятельность.

Из-за сокращения общей численности лагерного контингента на 2288 чел. удельный вес евреев в общей массе заключенных увеличился до 1,62%.

Динамика численности евреев в рассматриваемый период менялась по нарастающей. Аналогичным образом менялась и динамика их удельного веса в общей массе заключенных.

В рассматриваемый период наименьшее количество евреев в Дубравлаге приходилось на январь 1949 г. (244), наибольшее – на декабрь 1952 г. Соответствующие показатели были и по удельному весу евреев в общей численности заключенных. Динамика изменений численности евреев в Дубравлаге отражала процесс становления и развития лагеря, но не находилась в прямой зависимости от динамики изменений общего состава заключенных.

Таблица №10. Численность евреев в составе заключенных Берегового лагеря по состоянию на 01.01.1949, 01.01.1952 и 01.12.1952 гг. [6, л.6]

Дата	01.01.1949	01.01.1952	01.12.1952
Численность	61	149	99 (5) ^{1*}
В % от общ. числа з/к	0,58	0,64	0,43
Всего з/к	10 443	23 172	22 709

В течение трех лет, с января 1949 г. по январь 1952 г. численность евреев в Береговом лагере увеличилась на 88 чел., или в 2,44 раза. В лагерь за этот период поступило 12 729 чел. Число заключенных увеличилось в 2,21 раза. Доля евреев в общей массе поступивших заключенных составила 0,69%. Удельный вес евреев в общей массе заключенных вырос на 0,06% и составил 0,64%.

Значительный рост числа евреев в Берлаге с января 1949 г. по январь 1952 г. происходил за счет этапирования из других лагерей, а также из тюрем, куда они попадали в результате осуществляемых органами внутренних дел и госбезопасности репрессий в отношении представителей еврейского этноса.

В последующие два года число евреев сократилось на 50 чел., а их удельный вес сократился на 0,21% и составил 0,43%. Доля евреев в общей массе убывших заключенных (472) составила 10,59%. Определить точно является ли причиной убыли евреев перевод их в другие лагеря или смерть от болезней, травм или убийств не представляется возможным. В составе 99 евреев на 1 декабря 1952 г. находилось 5 чел. (5%), осужденных за националистическую деятельность.

В рассматриваемый период наименьшее количество евреев в Берлаге приходилось на январь 1949 г. (61), наибольшее – на январь 1952 г. (149). Наименьший удельный вес евреев в общей массе заключенных приходился на декабрь 1952 г. (0,43%), наибольший на январь 1952 г. (0,64%).

Динамика изменений численности евреев в Берлаге отражала процесс становления и развития лагеря и находилась в прямой зависимости от динамики изменений общего состава заключенных.

Таблица №11. Численность евреев в составе заключенных Речного лагеря по состоянию на 01.01.1951 и 01.12.1952 гг. [10]

Дата	01.01.1951	01.12.1952
Численность	138	288 (45) ^{1*}
В % от общ. числа з/к	0,99	0,91
Всего з/к	13 816	31 400

В течение двух лет численность евреев в Речном лагере увеличилась на 150 чел., или более чем в 2 раза. В числе 288 евреев, нахо-

^{1*} В скобках указано число осужденных за националистическую деятельность.

дившихся в Речлаге на 1 декабря 1952 г., насчитывалось 45 чел., осужденных за националистическую деятельность. Удельный вес последних составлял 15,6% от общего числа лиц еврейской национальности. Поскольку общая численность контингента возросла в 2,27 раза, удельный вес евреев в общей массе заключенных снизился с 0,99% до 0,91%. Доля евреев в общей массе поступивших заключенных (17 584) составила 0,85%. Рост числа евреев в Речлаге с января 1951 г. по декабрь 1952 г. происходил за счет этапирования из других лагерей, а также из тюрем, куда они попадали в результате осуществляемых органами внутренних дел и госбезопасности репрессий в отношении представителей еврейского этноса.

Динамика изменений численности евреев в Речлаге отражала процесс становления и развития лагеря и находилась в прямой зависимости от динамики изменений общего состава заключенных.

Таблица №12. Численность евреев в составе заключенных Озерного и Камышового лагерей по состоянию на 01.12.1952 г. [6, л.8, 10]

Наименование лагеря	Озерный	Камышовый
Численность	493 (103)	20 (15)
В % от общ. числа з/к	1,97	0,25
Всего з/к	25 024	7950

Удельный вес евреев в общей массе заключенных, содержащихся на декабрь 1952 г. в Озерном и Камышевском лагерях, составлял соответственно 1,97% и 0,25%. Из 493 евреев, содержащихся в Озерлаге, 103 чел., или 20,8% были осуждены за националистическую деятельность. Из 20 евреев, содержащихся в Камышлаге, 15 чел., или 75% были осуждены за националистическую деятельность.

Из семи особых лагерей, дислоцированных на территории России, по численности евреев и их доли в общем составе заключенных лидировали Озерный, Минеральный, Дубравный, Речной, за ними шли Береговой, Горный, замыкал группу Камышовый лагерь.

Таблица №13. Сводные данные, но далеко не полные, о численности евреев и их удельном весе в общей массе заключенных в Особых лагерях

Лагерь	Время						
	01.01.1949	27.03.1950	01.01.1951	01.01.1952	01.12.1952	01.01.1953	01.06.1954
Степной		130 (21) ^{1*} / 0,47%	160 / 0,93%	180/ 0,84%	180	189 (50) / 0,96%	174 / 0,88%
Песчаный			168 / 0,83%	326 /0,90%	310	305 (42) / 1,10%	

^{1*} В скобках указано число осужденных за националистическую деятельность.

Луговой			109 / 1,19%				
Дальний					20	23(3) / 0,92%	
Минеральный	106 / 1,04%			388/ 1,25%	391 (80) / 1,49%		
Горный	4/0,07%			101/0,73%	125 (27) /0,65%		
Дубравный	244 / 1,15%			283/ 1,34%	306 (30) / 1,62%		
Береговой	61 / 0,58%			149/ 0,64%	99 (5) / 0,43%		
Речной			138 / 0,99%		288 (45) / 0,91%		
Озерный					493(103) / 1,97%		
Камышовый					20(15) / 0,25%		
Всего	415	130	575	1427	1722 (265) 2232	517	174

Из данных, приведенных в таблице, видно, что наибольшее число евреев, находившихся в заключении в названных выше Особых лагерях, приходится на декабрь 1952 г. – 1722 чел. На это же время приходится и наибольшее число осужденных за националистическую деятельность – 265 чел. При этом по количеству евреев выделяются Озерный, Минеральный, и Песчаный лагеря – 493, 391 и 326 соответственно, за ними шли Дубравный, Речной, Степной и Береговой лагеря – 306, 288, 189 и 149 соответственно. Замыкали список Луговой и Дальний лагеря – 109 и 23 соответственно.

Количество заключенных евреев в целом по лагерям колебалось от 0,07% (Горный в январе 1949 г.) до 1,97% (Озерный в декабре 1952 г.) от общего числа контингента. Стабильный рост численности евреев наблюдается в Степном, Минеральном и Дубравном лагерях. Стабильный рост удельного веса евреев в общей численности заключенных демонстрировали Песчаный и Дубравный лагеря. Наибольшей численностью евреев, осужденных за националистическую деятельность, выделялись Озерный (103), Минеральный (80) и Степной (50) и Речной (45) лагеря.

Если допустить, что численность евреев в Степном, Песчаном и Дальнем лагерях в декабре 1952 г. незначительно отличалась от их численности в январе 1952 г. и январе 1953 г., то в этом случае можно зафиксировать численность евреев соответственно в пределах 180, 310, и 20. В этом случае общая численность евреев в Особых лагерях в конце 1952 г. должна составить более 2200 чел. Исходя из этого наиболее репрезентативным для определения максимальной

численности евреев, содержащихся в Особых лагерях, является декабрь 1952 г.

Анализ данных о численности евреев в разрезе по годам и лагерям дает возможность отследить количественную динамику, также определить лагерь, выделявшиеся в общем числе Особых лагерей максимальной или минимальной численностью евреев. Интересна уже сама по себе динамика контингента. В начале 1952 г. наблюдается значительный рост числа отправленных в Особые лагеря евреев, что, по всей видимости, являлось результатом набиравшей обороты репрессивной кампании в отношении представителей всех национальностей СССР, в т. ч. и евреев.

Публикуемые статистические данные, несмотря на их неполноту по отдельным датам и лагерям, представляют собой одно из самых красноречивых свидетельств того, каков был масштаб трагических судеб евреев в рассматриваемый период времени. Использование этих сведений в совокупности с результатами исследований других аспектов истории пребывания евреев в Особых лагерях открывает существенные подробности трагедии еврейского этноса в период 1948–1956 гг. Касаясь других аспектов, следует иметь в виду, что необходимы исследования, которые дадут возможность увидеть такие характеристики истории пребывания евреев в Особых лагерях, как социальное происхождение, половозрастной состав, сроки осуждения, виды преступлений, смертность. Эти данные содержатся в архивах Особых лагерей. При этом следует отметить, что архивы лагерей, дислоцировавшихся в прошлом в РСФСР, более доступны по сравнению с соответствующими архивами лагерей, дислоцировавшихся на территории Казахской ССР.

1. Морозов Н.А. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948–1954). – Сыктывкар, 1998; Алланиязов Т., Наймушина О. «...Неповиновение надо пресечь». К истории восстания заключенных в 3-м отделении Степного лагеря МВД СССР (16 мая – 26 июня 1954 г.). Документы. Факты. Суждения. Алматы: Фонд «XXI век». – 2004 – 158 с; Широков А.И. «Берлаг: Формирование и деятельность Особого лагеря МВД на Колыме», 2009 г. // <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/326/image/326-091.pdf>; Алланиязов Т.К. Карлаг: Кенгирское восстание. Караганда: Изд-во Университета «Болашак», 2010. – 305 с.; Грибанова И.В. «Труд в особых лагерях ГУЛАГа: Берлаг, 1948–1954 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2010 / Отв. ред. Бородкин Л.И., Петров Ю.А. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 631 с. (С.407–480); Алланиязов Т.К., Жумадилова Н.Т., Баймурынов Ж.М. Очерки истории Степного лагеря МВД СССР (1948–1956 гг.). Карагандинский университет «Болашак», 2011. – 808 с.; Дулатбеков Н.О., Алланиязов Т.К., Жумадилова Н.Т., Баймурынов Ж.М., Жунусова Б.А., Фалежинская И.Ю. Особлаги в Казахстане: Степной. Песчаный. Луговой. Дальний. – Алматы, 2014. – 1005 с.; Дулатбеков Н.О., Алланиязов Т.К., Жумадилова Н.Т., Баймурынов Ж.М., Жунусова Б.А. Особлаги: Минеральный.

- Горный. Дубравный. Береговой. – Алматы, 2015 – 927 с.
2. Дулатбеков Н.О., Алланиязов Т.К., Жумадилова Н.Т., Баймурынов Ж.М., Жунусова Б.А., Фалежинская И.Ю. Особлаги в Казахстане: Степной. Песчаный. Луговой. Дальний. – Алматы, 2014. – С.14–22.
3. ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1356. Л.25, 32, 63, 68, 91, 96, 123, 128, 155, 160. Д.1870. Л.228.
4. Там же. Д.1385. Л.5, 57, 93, 132, 165, 189, 218, 251; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М.: МФД, 2000 – С.628–629.
5. ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1356. Л.25, 32, 63, 68, 91, 96, 123, 128, 155, 160.
6. Там же. Д.1385.
7. Там же. Д.1356. Л.25, 32, 63, 68, 73, 127, 132.
8. Там же. Д.490. Л.68, 69.
9. Там же. Д.1845. Л.21 и об.; Д.1356. Л.11, 25, 32, 39; Д.1385. Л.1.
10. Там же. Д.1356. Л.25, 32, 39; Д.1385. Л.7.

Приложение

Еврейки АЛЖИРА

Общее количество – 836 (15,5% от всех девушек)
 Из них ЧСИР – 822 чел. (98,3%)
 Не ЧСИР – 14 чел. (1,7%)
 Умерло 27 чел. (3,2 %)
 Освобождено 653 чел. (78,1%)
 Переведены/убыли – 153 чел. (18,3%)
 Данные о смерти, переводе, освобождении неизвестны – 3 чел. (0,4%)
 Прибывшие в возрасте
 15–20 лет – 3 чел. (0,36%)
 20–25 лет – 6 чел. (0,72%)
 25–30 лет – 59 чел. (7,06%)
 30–35 лет – 156 чел. (18,66%)
 35–40 лет – 286 чел. (34,21%)
 40–45 лет – 207 чел. (24,76%)

Информация об умерших

Багрова Роза Марковна 1902–1941 (39 лет) ЧСИР
 Бадулеску Анна Марковна 1894–1940 (46 лет) ЧСИР
 Бровер-Славная Мариама – Клара Моисеевна 1904–1943 (39 лет) ЧСИР
 Врон Клара Азарьевна 1885–1945 (60 лет) ЧСИР
 Вушкина Софья Борисовна 1885–1942 (57 лет) ЧСИР
 Гольденбург Мария Моисеевна 1902–1940 (38 лет) ЧСИР
 Горелик ЦИЦИлия Борисовна 1898–1945 (47 лет) ЧСИР
 Дистлер Гинриета Николаевна 1882–1939 (57 лет) ЧСИР
 Иваницкая Ревекка Львовна 1902–1940 (38 лет) ЧСИР
 Казацкая Сарра Абрамовна 1900–1949 (45 лет) ЧСИР

Каплан Лившиц Софья Зиновьевна 1897–1943 (46 лет) ЧСИР
Левина Ида Зиновьевна 1895–1943(48 лет) ЧСИР
Левина Софья Владимировна 1900–1943 (43 года) ЧСИР
Локерман Софья Ароновна 1884–1942 (58 лет) ЧСИР
Мозе-Шистер Мария Григорьевна 1891–1943 (52 года) ЧСИР
Нахимсон Анна Ефимовна 1885–1942 (57 лет) ЧСИР
Непомнящая Минна Яковлевна 1894–1945 (51 год) ЧСИР
Паперная Софья Михайловна 1897–1945 (48 лет) ЧСИР
Райс-Ройз Роза Соломоновна 1889–1942 (43 года) не ЧИСП
Ральф Любовь Владимировна 1896–1938 (42 года) ЧСИР
Ротницкая Любовь Генриховна 1895–1942 (47 лет) ЧСИР
Тишлер Розалия Соломоновна 1892–1940 (48 лет) ЧСИР
Цыпкина Роза Наумовна 1897–1940 (43 года) ЧСИР
Шабад Ревекка Сомойловна 1874–1941 (67 лет) не ЧИСП
Шапиро Мария Филипповна 1906–1943 (37 лет) ЧСИР
Энтина Рахиль Исааковна 1902–1939 (37 лет) ЧСИР
Эпштейн Яха Сомойловна 1889–1942 (53 года) ЧСИР

Из них умерло в возрасте 35–40 лет – 6 чел.; 40–45 лет – 4 чел.; 45–50 лет – 8 чел.; 50–55 лет – 3 чел.; 55–60 лет – 4 чел.; 60–65 лет – 1 чел.; 65–70 лет – 1 чел.

Решетов В.П.

«Чувствую себя поляком!»

Во Вроцлаве в этом году, в мае, я случайно в отеле, где жили участники польского «круга детей Индии 1942–1948 гг.» познакомился с господином преклонных лет. Мне было интересно с ним поговорить. Он представился. И мы разговорились. Наш диалог был для меня во многом открытием малоизвестной страницы Второй мировой войны.

– Меня зовут Антони Юзеф Матвейчук. Происхожу с Кресов.^{1*} Родился в 1936 г., на Волыни, повят Здолбунов, Волынского воеводства, гмина Мизочь.

– Семья Ваша была большой?

– Да. Было девять детей. Была сестричка, как разразилась война, и умерла, еще перед 1940-м. Умерла в Шуйске. Остальные были потом вывезены с самым младшим братом Рышардом, которому было только 1,5 годика.

– Куда была вывезена семья?

^{1*} С окраин Польши – территорий, оккупированных СССР в 1939 г. (прим. авт.).

– Вывезена была в Вологодскую обл., Архангельский р-н, около реки Сухоны, которая впадала в Северную Двину. Самые младшие были помещены в детсад русский, а старшие – 13, 14, 15, и 16 лет должны были работать. И мама тоже. Нам было хорошо – у нас было хорошее питание. Но ничего нельзя было выносить с собой – даже крошки хлеба. Родители могли умирать с голоду, а детям нельзя было ничего вынести с работы.

– Вам было тогда 4,5 года?

– Да, Тогда мне было 4,5 года, шел пятый.

– И вы тоже были в детсаде?

– В детсаде.

– А откуда были дети в детсаде? Местные?

– Местные. Но были и польские, точно – несколько. Позже, после войны мой брат поехал в Австралию. В 1964 г., в южную Австралию, Аделаиду, и там встретил мальчика, который был именно в том самом детсаде. И у него было фото, сделанное там, в 1940/1941-м г. Именно там мы были вместе.

– Какая была у Вас семья? Был дом, хозяйство?

– На Волыни – да-а-а... Отец был военный, получил пару гектаров земли. И были мы хозяевами.

– Если отец был военным, то кто работал в хозяйстве?

– Наверное, отец – не в хозяйстве. До войны работал он сам в Здолбунове, в производстве бетона. У нас работали украинцы.

– В каком ранге был отец?

– Был в ранге подхорунжего – кадетом. Так, как и в годы Первой войны. Его арестовали украинцы из-за русских. Некоторых сделали милиционерами в 1940-м. Скорее всего, еще в 39-м. Наши соседи-поляки убежали еще в 1939 г. Нас в феврале 1940 г., по снегу вывезли. Они уехали раньше – сбежали, уехав на повозке в Польшу, в зону немецкой оккупации. Потому русские не могли их схватить и вывезти. Так вот и уцелели. Они разводили плантации табака. Их семья была старше нашей, было их пятеро детей. В Польше никто из них не был замучен и ни попал в лагеря. Только, когда родители умерли, потом сестра и брат умерли, и остались трое из них.

– Ваш отец тоже был вывезен Советами?

– Нет. Он сбежал. Россияне не смогли его поймать. Он сбежал в Польшу, в немецкую зону. А потом все же вступил в армию.

– В Армию Крайова?^{1*}

– Нет, нет – Василевского и Берлинга^{2*}

^{1*} Подчинялась правительству Польши в изгнании в Лондоне (прим. авт.).

^{2*} Армия Людова, организованная из поляков, попавших в советские лагеря после оккупации Польши (прим. авт.).

– Дивизия Костюшко.

– Костюшковцы... Стал вначале капитаном, позже получил майора. Погиб в чине майора. Прямо перед концом войны погиб. Около Нисы. В бою погибло три офицера – два капитана и мой отец, майор. Мы встретили нескольких латышей из немецкой армии – только в лагерях, в Англии. Они были в немецкой армии, но каким-то образом сбежали оттуда. Наша фамилия Матвейчук – старший из братьев был отец. А остальные уже Матвейчик. Его братья были Матвейчики.

– А как оказалось так, что Вы здесь во Вроцлаве, среди круга «индийцев»? Как вы попали в Индию? Вы же были в России, а потом оказались в Индии?

– Амнистия была. Была договоренность между Сикорским и Майским^{1*} Генерал Андерс был командующим армией. В Кыргызстане или в Узбекистане, не помню, – именно там сформировалась армия. Самому старшему моему брату было тогда 18 лет – его взяли в русскую армию. Я там не был – я был в Раматане, в узбекской больнице, воспалением легких или чем-то другим заболел. Меня там оставили, а остальные поехали. Это был конец 1941-го – начало 1942-го.

Мы уехали из Вологодской обл., чтобы выбраться из России. Поехали семьей – с мамой, братьями и сестрами. Мы были свободны. Было удобнее ехать, чтобы попасть в Узбекистан, Казахстан. На Запад было невозможно. Вначале ехали мы между Омском и Томском, местность Ишим. Река там такая есть – Ишим. Через колхозы, в Казахстан, Узбекистан... Там я заболел воспалением легких. Остальные поехали в колхозы тамошние. Меня оставили в узбекской больнице. Там я пробыл месяц. Около Бухары – Каган, местность. Там организовался польский приют под покровительством ксендза Хуцаль и сестра Орфонца – поляки. Сиротский дом. Один из первых там. Помню, видел новых [детей] – приходили, приходили... Много было – 150 чел. И Ханка [Ганка] Ордонувна с мужем – Михалом Тышкевичем заинтересовалась нами и захотела помочь. Ханка [Ганка] Ордонувна [Мария Анна Петрушинская (1902, Варшава, Польша, Российская империя – 1950, Бейрут, Ливан) – известная в 1920–1930-е гг. во многих странах мира певица, танцовщица, актриса кабаре и кино, автор текстов песен. Вышла замуж за графа Тышкевича. Но все равно продолжала выступать в кабаре и выступала в конном номере в цирке. После начала войны была арестована гестапо, но потом выехала в Вильнюс. Позже арестована НКВД и попала в лагерь в Узбекистане. Потом после соглашения Сикорский–Майский организовала театр,

^{1*} Договоренность между правительством Польши в изгнании и советскими властями об амнистии 400 тысяч польских военнопленных и создании армии под командованием генерала Андерса для совместной борьбы с нацистской Германией (прим. авт.).

позже занялась помощью детям-сиротам польских изгнанников. После разрыва отношений СССР с правительством Польши в Лондоне, поводом которому стала правда о «катынской бойне», она эвакуировалась вместе с сиротским домом через Бомбей в Бейрут.

Некий махараджа из Индии на каком-то мировом собрании узнал о сиротских домах в Советах, и предложил, что он возьмет какую-то часть на себя. Но он должен был подготовить место, какие-то бараки построить. И после мы поехали туда. А Ханка Ордонувна помогла нам в этой поездке. Ехали мы через какую-то республику на юге.

– Таджикистан?

– Да!.. Ехали мы до Персии, в Мешхед. Святое место какое-то. Попали во дворец шаха – летняя или зимняя его резиденция. Там были короткое время. Именно там я заболел коклюшем. Троих нас отделили ото всех – я, моя сестра и еще один – звали Рыцарь, фамилия. Нас изолировали. Потом все мы поехали в сторону Индии. Через Захедам, в сторону Индии, Персии до Карачи, на восток. Карачи тогда была Индия. И Кветта тоже. Оттуда мы ехали транспортом до Индии, как отделение сиротского дома. Доехали до Катьябар-стейт. Это был г. Чандагар и Рачкот. Там и был махараджа. Только еще не закончено было устройство барачков. Нас было 400 или больше детей – мальчиков и девочек. И воспитательницы были.

– Не только поляки были?

– Только! Только поляки. И мама наша в последнюю минуту выехала – у нее был тиф. Она была в Бухаре в больнице. Узнала, что польский военный транспорт будет ехать через Бухару, будет останавливаться. Мама вышла одна из этой больницы, пришла на станцию, но не могла выйти на перрон, т. к. не имела документа о санобработке, что у нее не было заразы, вшей. Как приехал поезд, вышли несколько человек – польских военных, и мама начала кричать, что она поляка из Люблина, что потеряла детей. Взяли ее в армию, она поехала с войском до Персии. Двух младших братьев – до юнаков (в подготовку), старшего, ему шел 19-й год – в армию. Потому мы могли уехать из Советов, потому что самый старший был в армии.

У нас не было документов. Стояли в очереди – записываться. И, допустим, стоял некий Яворский, другой говорит – «Ой, я его брат!». Так многие воспользовались возможностью, чтобы выехать за границу. Оттуда – до приюта, брат – в армию. Мама была в больнице в Бухаре, ничего об этом не знала. Полтора года мы были разделены друг от друга. Потом как-то нашла информацию, что мы в Индии. Четверо в Индии, двое – в юнаках, один в армии. Мама уволилась из армии, в Персии, в Тегеране и приехала к нам в Индию, в сиротский дом. Это было в Катьябар-стейт, Джамнагар, дер. Балачари. Под протекцией

того махараджи, что был в Джамнагаре. Мама работала в больнице, в сиротском доме, но короткое время. Там надо было где-то работать. Если была бы оказия, то поехала бы до семейного лагеря, должна была работать, тогда давали паек – UNRA^{1*} и польская армия. Не Индия финансировала это. Так мы были там до 1948 г. Одному из братьев было уже 17 лет. В 1945-м г., когда коммунисты захватили власть в Польше, то приехала такая команда польского правительства, и уговаривали вернуться в Польшу. Была такая женщина по имени Буракевич. Многие люди воспользовались, поехали. Взрослые с детьми вернулись. Мы с отцом не виделись. К кому ехать? Потом в 1948 г., в феврале приехали мы в Англию. Из Бомбея с армией. Индия тогда получила независимость еще в 1947-м, свободу от Великобритании. Британские войска тоже возвращались. Мы отправились таким большим кораблем, на котором было много британских солдат. Ну, и немного нас. 15 февраля 1948 г. вернулись мы в Англию, в Ливерпуль. Потом в лагерь перемещенных лиц. Там решали, куда нас направить и разместить. Потом мы поехали в лагерь, организованный польскими солдатами. Они там раньше нас были. Близ Оксфорда. Общая столовая.

Брат, которому было 15–16 лет, должен был уже идти работать. Он работал в каком-то магазине в городке поблизости. Потом я, старший брат, младшая сестра пошли в организованную польскую школу. Сестра пошла в польскую школу для девочек. В 18 лет я вышел из школы. Старший брат, что работал в России, приехал с армией из Италии. Как-то сам нашел работу на сейнерах рыбацких. Там были фантастические заработки, но очень опасно было – после войны мины были в море.

– А жили вместе?

– Ой, еще хуже! Жили в таких жилищах, оставшихся после армии канадско-американской – такие полубочки – маленькие из асбеста, большие из жести. Летом в тех жестяных – жарница! Зимой – холодно!.. В асбестовых – это как бы одна комната. Не знаю, сколько метров – 4 метра на 5. Это было на 6 чел. Сестра пошла работать. Брат работал в городке поблизости в магазине, где рыбу продавали. Сестра в больнице для умственно больных. Ей было 19 лет. Потом, когда уже говорила по-английски, могла найти лучшую работу. Мы чувствовали, что мы там не нужны, что незаконно туда приехали. Мы были как военные беженцы. Я получил документ – имя, фамилия, откуда, национальность. Старшие – с фотографией. Но мы должны были сообщать в полицию о смене места жительства и места работы. Потому

^{1*} Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций – создана в 1943 г. для оказания помощи в районах, освобожденных от держав гитлеровской коалиции (прим. авт.).

что мы были беженцами, и не были британцами, англичанами. Только без подданства. Безгосударственными.

– Когда Вы в первый раз приехали в Польшу?

– Наверное, в 1992 г. В Люблин. Так как в 1979-м узнал от одного человека, что жил в Гжельце. Он сказал мне, что под моей фамилией лежит на кладбище убитый военный. Я взял маму, старшего брата и на машине приехали на то кладбище, потом в Люблин. Там была семья мамы. Отец погиб здесь, под Нисой, похоронен в Гжельце – там их 6 тыс., могил. Потом жизнь, работа. В 22 года женился. На ирландке. Но католичка, и до сих пор очень религиозная.

Старший брат женился на англичанке, еще два брата – на англичанках. Кароль в 1964-м эмигрировал в Австралию. Двумя годами спустя Ян тоже эмигрировал. Но один, посмотреть, как там, чтобы семью перевести потом. Самый старший все время жил и умер в Англии. Узнал об обществе тех, кто был в Индии. Присоединился с 1996 г., как раз была поездка в Краков, в Освенцим, по западной Польше. Потом каждые два года – и в Варшаве, и в Кракове, и в Вильнюсе, и во Львове, Вармия и Мазуры, в Познани. Выезжали и в Берлин, и в Прагу, и в Минск.

– А эти дети индийские из всей Польши?

– Да, со всей. Но больше всего с Кресов.

– А что Вам напоминают такие встречи?

– Очень праздничные. Чувствую себя поляком. Среди поляков в Польше. Очень празднично чувствую себя, принадлежащим к Польше. Так же и те, кто живут, где угодно, но чувствуют себя поляками. Поляками и католиками.

Вернулся в Польшу и хотел точно узнать, что стало с отцом. Не знал, где похоронен, потому поехал в Познань. Именно в Познани был список военный. Пошли в управление с нашим дядей – мужем сестры отца. Спросили, что случилось с Михалом Матвейчуком. Не хотели разговаривать – просто сказали – погиб в бою. Недавно получил от младшего брата моего отца – документы и снимки.

Ружанская Е.

Гетто собственными глазами

Невыносимо трудно вспоминать тяжелое прошлое.^{1*} Особенно такое, которое прочно вошло в мое израненное сердце. Жили мы до

^{1*} Также см. <http://brooklynenvironmental.com/krov-pogibshix-serdtce/>

войны в г. Черновцы. Славился он своей неповторимой красотой. Небольшой, уютный, ухоженный, окруженный лесистыми горами, он располагался на живописных холмах у быстрой реки Прут. Столицей провинции Буковины город стал еще во времена австрийского императора Франца Йосифа. Жили в нем украинцы, евреи, румыны, немцы, поляки... Евреи составляли значительную часть населения города. Община имела свою больницу, дом для сирот, дом престарелых, синагоги и отдельное кладбище.

Дома и на улице, никого не стесняясь, говорили по-еврейски, пели на родном языке песни, отмечали религиозные обряды.

В начале XX в. идиш даже был языком общения интернационального города. Мои родители хорошо знали два языка: немецкий – государственный, и родной – идиш. После замужества я уехала из Черновиц. Мама и папа писали мне письма готическим шрифтом на старо-германском языке.

В начале июля 1941 г. Черновцы заняли немецко-румынские войска. Помню довоенную песню: «Если завтра война... если темная сила нагрянет...». Нам досталась эта темная сила. Гестаповцы и полицаи, украинские националисты немедленно организовали еврейские погромы. Злодеи особо бесчинствовали четыре дня: 6–9 июля. Мне тогда было 12 лет, но я четко помню в каком испуге мы находились, отсиживаясь все эти дни дома. Каждый шорох в коридоре, крики и плач на улице приводили нас в оцепенение. Потом мы узнали, что на улицах и в домах хватили молодых еврейских мужчин и приводили в румынский Дворец культуры.

Здесь собрали около 1500 чел. Из их числа отобрали по заранее составленному списку 102 видных общественных и религиозных деятелей, цвет еврейской общины, и отвели на военное стрельбище, расположенное у Прута. После пыток и издевательств их расстреляли. Так началась карательная антиеврейская операция.

Главного раввина города, доктора теологии и философии, делегата ряда сионистских конгрессов, Абрахама Марка, кантора Гурмана и трех участников хора центральной синагоги закрыли в лифте одной из гостиниц. Их участь была предрешена. В 1944 г., во время перезахоронения жертв геноцида, М. Марк, сын раввина, среди других, опознал отца. Черновицкая хоральная синагога, дитя современной архитектуры, размещалась на взгорке, в центре города. Ее уважительно называли – «Темпль» в честь одной из святынь, построенной евреями в древнем Иерусалиме. Здесь не только молились. Сюда приходили, чтоб обсудить все жизненно-важные вопросы евреев города. Синагога стала подлинным центром нашей духовной и общественной деятель-

ности. Раввин А. Марк организовал школу по подготовке учителей иврита. Издавал газету на иврите.

В синагоге выступал талантливый певец-кантор и большой хор с потрясающими голосами. В хоре мальчиков выделялся удивительно чистый голос запевалы, подростка Йоселе, которому прочили успешное оперное будущее. Музыкальное образование он получил в Черновцах и продолжил его в Берлине. Потом он станет Йозефом Шмидтом, первым тенором Европы, солистом Берлинского радиокомитета. Его восторженно будут принимать во всех европейских столицах, на Ближнем Востоке, в Америке. Запишут на пластинки. Он снимется в кинофильмах и продолжит свои канторские песнопения в синагогах перед людьми, которых никогда не забывал. После прихода фашистов к власти И. Шмидт бежал из Германии в Австрию, затем во Францию, и, наконец, в Швейцарию. Здесь его заключили в лагерь для перемещенных лиц. Сердце артиста не выдержало мучений. В последние мгновения жизни он встал с постели и запел. Но на самой высокой ноте голос его оборвался.

В июльские дни 1941 г. Темпль подожгли. Храм долго горел, не потухая. Дым и пепел с пожарища много дней стоял в воздухе, напоминая оставшимся в живых, о кровавых днях погрома. После войны здание восстановили и, как бы в насмешку над верующими евреями, превратили в кинотеатр.

Наша семья, папа Мендель Хаймович Штайгман, мама Зофи Исаковна Штайгман, бабушка Рухель Ринцлер, старший брат Лео, я – Евелина, и двухлетний Игорь жили на ул. Ленина, у торгового центра «Пассаж». При румынах она называлась Гауптштрассе. Лео с нами не было. Молодого рабочего, одаренного краснодеревщика, на заводе премировали путевкой в Сочи. Вернулся он после войны, ее участник и опаленный ею, но целый и невредимый.

Прошли июль, август, сентябрь. Наступила мирная жизнь. Но в ней евреям не отводилось места. Нам все запрещалось: работать, учиться, посещать кинотеатры, ходить вечером по родным улицам. Разрешалось появляться в городе только три часа в день, с десяти утра до часа дня. И обязательно с опознавательным знаком – желтой шестиконечной звездой.

Однажды, потеряв надежду купить керосин в очереди для евреев, я сняла нарукавную повязку со звездой Давида и стала в другую очередь. Внешне я не отличалась от других горожан, румынским языком владела свободно. Но пока стояла, я все время дрожала, как в сильном ознобе – страх с тех пор вошел в меня и стал моим постоянным спутником.

В октябре нам приказали в течение одного дня перебраться в городское гетто. И вот папа с больной бабушкой, мама с братиком и я, нагруженные узлами с одеждой и продуктами, идем туда.

Вот что писала румынская газета «Буковина» 16 октября 1941 г. по этому поводу: «В субботу 11 октября с. г. евреи с улиц верхней части и центра города переселились в район вокруг кладбища, железнодорожной станции, на улицы еврейского района... Временное гетто... отделяется от остальной части города дощатым забором, контролируется днем и ночью военными и полицейскими органами. Выход евреев из гетто запрещен». Обычная городская новость, сообщенная репортерами.

«Переселились». Как будто никто не выгнал нас с нашей квартиры, тут же ограбив ее, не подстегивал по дороге нагайками, не избивал, подгоняя. Ведь операция должна закончиться в установленное приказом время, в 18 часов.

В еврейский район, где жило примерно 5 тыс. чел., согнали еще 45 тыс. Люди селились, где могли: по несколько семей в квартире, коридорах, на чердаках, в сараях, во дворах. Мы разместились в каком-то коридоре. Через несколько дней мы остались без еды. Все, что принесли с собой – съели. За пределы гетто не выпускали. Особенно трудно становилось без воды. Ее прекратили подавать по трубам. Вспомнили про старые заброшенные колодцы. Собирали дождевую воду.

Из-за скученности и антисанитарии начались болезни. Но это первое заточение длилось недолго, всего несколько недель.

Румынские власти «вдруг» обнаружили, что вся жизнь без евреев в городе замерла. Заводы и фабрики прекратили свою производственную деятельность. В больницах не осталось ни врачей, ни медсестер. Почта, телеграф, банки, парикмахерские, бани, пошивочные не работали. Тогда вспомнили о евреях гетто. Появилась нужда в «полезных евреях» или, как говорили немцы, «нутзлихе юден».

Мои родители не попали в эту категорию. Мама – домохозяйка. Папа имел небольшое собственное дело. Он привозил стволы деревьев, распиливал их на дрова и продавал. Больших прибылей не получал. Но на содержание семьи и на съемную квартиру хватало. Зато в Виженке, курортном местечке у самых Карпат, у нас был двухэтажный дом, доставшийся отцу по наследству, который сдавали летом дачникам. При нем родители организовали столовую для своих и соседских отдыхающих, в которой сами и работали. С приходом немцев и румын дом еврея Штайгмана местные крестьяне разграбили, затем разобрали по бревнам.

Всех, кроме «полезных», румыны решили депортировать в Заднепровье. Губернатор Буковины генерал Корнелий Калотеск, комен-

дант Черновиц, в соответствии с указанием диктатора Румынии Йона Антонеску, спланировал и провел насильственное изгнание городских евреев с полным их ограблением. В пользу государства изымалась вся еврейская собственность: дома с земельным участком, банковские вклады, скот, мастерские, постельные принадлежности, ковры, швейные машинки. Власти начинали насилие и грабеж, антисемиты, бандиты, люди, падкие на чужое добро, продолжили их.

О числе депортированных евреев из всей Буковины генерал Калотеску докладывал 2 ноября 1942 г. генштабу румынских войск в г. Бухарест: «Губернаторство Буковины эвакуировало в Транснистрию^{1*} около 90 тысяч евреев».

Антонеску казнили в 1946 г., Калотеску приговорили к пожизненному заключению. Гитлер говорил, что он еще только планировал уничтожение евреев, Антонеску уже их истреблял. В начале 2007 г. апелляционный суд Бухареста реабилитировал палача Антонеску, повинного в гибели десятков тысяч депортированных евреев.

Поезд остановился ночью на станции Атаки, в Молдавии. Потные, грязные мы вдохнули прохладный влажный воздух и почувствовали — где-то рядом река. Не успели даже отдохнуть, как нас подняли с криком «Быстро!» Эти приказы мы уже слышали и на черновицком вокзале, когда загоняли нас в скотные вагоны, по 80–100 чел. в каждый.

Мы бежали, держась друг за друга. Падали и вставали, у кого хватало сил. У парома скопилось много людей. Передних толкала обезумевшая толпа, ту подстегивали надсмотрщики. Паром осел от перегрузки. Охранники сбрасывали «лишних» в воду. И Днестр поглощал их. К нашему счастью, нас перевезли на другую сторону реки утром, когда установился уже «порядок». Там мы встретили знакомого, дядю Гершла. Обезумевший, он звал жену и детей, которых потерял ночью. Позже, папа показал нам семью, у которой утонули трое детей.

Сразу за Днестром начинался Могилев-Подольский — районный центр Винницкой обл. На одном из поворотов нам удалось вырваться из общей колонны и остановиться в каком-то дворе. Отдохнув немного, самостоятельно, без охраны мы двинулись в бывшее еврейское местечко — с. Яруга, по совету могильчан, пешком. Село находилось в 20 км от Могилев-Подольского. Там существовал еврейский виноградарский колхоз. Евреи, не успевшие эвакуироваться, остались жить в своих домах. Нагрянувшие в село каратели поняли, что без них им не сохранить хозяйство. Поэтому их пока не преследовали. Комната, которую нам выделили, имела железную печь и деревянный топчан, на котором мы разместили бабушку и брата. Сами расположились на по-

^{1*} Территория, расположенная между реками Днестром и Западным Бугом.

лу. Мы ощущали себя счастливыми. Оказывается, человеку для существования надо совсем мало: крышу над головой, немного дружеского тепла и еды.

Зима 1941/1942 г. запомнилась очень холодной. Длинные ночи становились невыносимыми. Мы собирали щепки, сучья, сухие листья – все, что могло гореть – и топили иногда печь. Но стоило ей погаснуть, как мороз одолевал нас. Особенно страдал братик. От холода он мочился. У него замерзала рубашка. Папа укладывал его на свой живот и держал на себе до тех пор, пока не растает лед. Отсутствовали продукты. Выручил котиковый воротник с бабушкиного пальто. За него дали мешок кукурузной муки. Мама жестко распределяла его запасы. Один раз в день мы ели жидкую баланду, заваренную из нескольких ложек муки. Не было вкуснее блюда, хотя и без соли! Иногда местные жители отдавали нам картофельные очистки. Мы жарили их на сухой сковороде и ели, наслаждаясь. Напротив нас жила яругская еврейская семья. По субботам они угощали маленького Игоря кусочком хлеба, который пекли сами. Не помню их имен, но чувство благодарности к ним живо у меня до сих пор.

Летом наш «рай» кончился. Нас всех, в т. ч. и местных евреев, под конвоем, отправили в Сказинец. Гнали пешком. Но тех, кто уже не мог передвигаться сам, везли на подводах. Кругом кукурузные поля, чистый деревенский воздух, ласковое солнце. Внутри села – концентрационный лагерь, огражденный колючей проволокой, охраняемый днем и ночью, как будто в нем сидят государственные преступники.

Здесь я впервые увидела людей, опухших от голода. Особенно меня поразили дети с раздутыми животами и дети – маленькие высохшие скелетики.

Концлагерь состоял из нескольких корпусов без окон и дверей, без отопления, в них отсутствовали водопровод и канализация. В одном из них лежали больные сыпным тифом. Мы могли попасть и сюда. Счастливый случай свел нас с тетей Хильдой, которая находилась здесь со своей семьей. Она забрала нас в свое уже обжитое помещение. В Сказинцах, лежа на досках, укрытая своим пальто, уходила от нас навсегда моя любимая бабушка, мамина мама. Она прощалась с нами холодеющим взглядом. Я стояла перед ней в старой заношенной одежде, в истоптанных до дыр башмаках, повзрослевшая, серьезная, исхудавшая. Она, оглядывая нас, искала кого-то еще. Может быть, сыновей своих.

Эдвард, адвокат, защищавший, при румынах, социалистически настроенную молодежь, успел убежать на Восток. После войны, когда для бывших румынских граждан открыли границу в Румынию, он уехал туда и затем, в Израиль. Йосифа арестовали в 1940 г. «за анти-

советскую деятельность» и приговорили к 10 годам заключения. Сидел он в это время в советском концлагере в Сибири. Вернулся в Черновцы после смерти Сталина. Напуганный настолько, что даже на свободе говорил он шепотом и постоянно оглядывался. Жена и сын уехали в Израиль. Они выслали ему вызов. Но он не подал его в ОВИР – боялся напоминать о себе, арестуют. Он упал на улице и встать не смог: сердце, надломленное каторгой, разорвалось.

Хоронить бабушку разрешили за пределами лагеря. Семью выпустили в поле. В это время сменилась охрана. Сторожа, приняв нас за беглецов, направили на нас оружие. Но, в конце концов, жестоко избив, загнали внутрь лагеря. Меня до сих пор беспокоит вопрос. Откуда у одних людей по отношению к другим, тем более к старым и детям, беспомощным, возникает ненависть и злоба? И они, нелюди, издеваются над ними, причиняют им боль и страдания. Жандармы, однажды, поймав моего отца, в лесу, то есть вне лагеря, били его палками с таким остервенением и жестокостью, что он лишился сознания. Били, чтоб убить. Один в своей ярости никак не мог остановиться. Но другой сказал: «Хватит. И так подохнет». Затем ушли, бросив бездыханное тело отца в лесу. Но он выжил. Через некоторое время отца забрали на принудительные работы по строительству различных укреплений. Мама осталась с двумя детьми, без всяких средств к существованию.

Поздней осенью 1942 г. началась эвакуация сказинецкого лагеря. Здесь, конечно, все бы замерзло зимой. Первыми пошли тифозные, те, которые еще могли передвигаться. Вслед за ними погнали нас. Запомнилась ночевка в поле. Земля, на которую нас уложили, казалась теплой. Недавно, на этом самом месте, останавливалась первая партия узников. Это их тепло еще ощущалось, но не только. Огромное количество тифозных вшей тоже осталось после них. Паразиты жадно набросились на нас. А тут еще полил дождь. Полицаи, клацая затворами ружей, приказывали: «Не вставать!» Мы лежали, боясь поднять голову, под морозящим дождем, в кромешной тьме, и вши буквально поедали нас. Я думаю, что нас специально положили именно в эту ложбину после тифозных, чтоб и мы заразились тифом. Так оно потом и случилось.

Утром мы снова в пути. Мой братик не выдерживал долгой ходьбы, и мама брала его на руки. Она выбивалась из сил. Один из возниц, пожалев маму, взял Игоря на подводу. Но полицаи с руганью набрасывались на него: «Ах ты, коммунист, пригрел жиденка!», и ссаживали его с телеги.

Наконец, вот оно – Тыврово. К нашему приходу, в этом районном центре, все коренное еврейское население уже уничтожили, их дома

разграбили и почти разрушили. Нас подселили к ранее пригнанным сюда землякам и единоверцам – буковинцам. В комнате, где уже жили четыре семьи, нам выделили кусочек пола, у самой двери. Согрели и напоили чаем. Мы снова рады, что есть крыша над головой. Но почти сразу мы заболели тифом. Как выздоровели, как выжили, сама не знаю. И не помню. Но вот – радость, вернулся отец! Старых и немощных рабов просто выгнали на все четыре стороны – умрут, мол, сами. В пути, двое из них, действительно, скончались. Папа, пройдя в поисках семьи более 100 км по Транснистрии, еле живой, ослабленный до изнеможения, нашел нас. Его тут же свалил тиф.

Иногда в гетто впускали крестьян. Они устраивали обменный пункт. Маме удалось выменять на продукты бабушкино пальто. Отец победил болезнь, правда, еще долго не мог ходить – отказали ноги. Перезимовав каким-то образом, мы все равно должны были умереть от голода.

В тывровском гетто ограждения отсутствовали, но вокруг него постоянно дежурили полицейские. Мама решила испытать судьбу. Она попыталась выбраться в деревню. Ее заметили жандармы и крепко избили. Тогда я стала выходить на заработки. Мама возражать не стала. Я приходила в деревню задолго до рассвета, пока крестьяне еще не ушли в поле. Старалась вернуться, пока жандармы не вышли «на охоту». Избегала встреч и с пастухами. Они тоже, потехи ради, могли избить еврейских бродяг. Попрошайничать стыдно. Но приходилось унижаться. Не только ради себя, ради родных и близких, которым черствая корка хлеба или мерзлое яблоко могло придать силы на несколько часов жизни. Но чаще всего я зарабатывала трудом свой кусок хлеба. Становилась у плетня, стучала в калитку и показывала спицы. В румынской школе с малолетства учили рукоделью. Вот оно и пригодилось. Хозяева собирали в кучу тесемки, шнурки, старые вязаные вещи, веревки. Я распускала их на нитки, перематывала и затем приступала к вязке. Вязала варежки, носки, юбки, кофты – то, в чем сельчане очень нуждались. Меня за это кормили и еще давали с собой несколько картофелин, пару яблок, а то и кусочек хлеба. В окрестных селах Чершни, Гута-Чершни, Рахне меня уже знали, при встрече, приглашали в дом. Некоторые относились ко мне добросердечно, жалели, отогревали, угощали. Я помню одну из таких, добрую тетю Ганну из с. Гута-Чершни. Она же познакомила меня с семьей Фиалковских, у которых я подружилась с моей ровесницей Марией, мы переписывались с ней и после войны.

Те крохи, которые я приносила в дом, не могли спасти семью от голода. Даже потом, когда отец поднялся и работал у крестьян за тарелку супа или кусок жмыха. Иногда он украдкой ел то, что хозяйка

собирала для свиней. Ведь мы ели все: съедобную зелень, овощные отходы, заплесневелые отбросы. Очищали, тщательно мыли и ели. До сих пор в моих ушах стоит крик моего братика: «Хочу лушпайки». Он не хлеба хотел, не игрушек, а картофельных очисток. Часто я видела его с щенками, котятами. Детей вокруг становилось меньше. От постоянного недоедания у него наступала такая слабость, что при ходьбе его качало ветром. Иногда падал, теряя сознание. Не было одежды, особенно обуви. Носили самодельные шлепанцы. Отцу подарили кусок автопокрышки. Он вырезал из нее лодочки и подвязал к ногам. Внутри вкладывал солому. Так и ходил. Из мешка мама сшила ему брюки.

В апреле 1944 г. нас освободила Советская армия. Но мы еще долго не могли собраться в обратный путь: не было ни сил, ни здоровья, ни денег.

Украинский писатель – антифашист Ярослав Галан, который побывал в Заднестровье сразу после его освобождения, писал: «В отличие от немецких лагерей, где люди уничтожались расстрелами, эти (румынские лагеря) были лагерями медленной смерти. Тут умирали от голода, холода, тифа и кровавого поноса». Фашисты депортировали из Черновиц в Транснистрию 33 391 еврея. В живых осталась только четвертая часть.

Жакеева Г.Б.
Алланиязов Т.К.

Профессия, определившая судьбу: к биографии А.С. Опескина

История г. Жезказгана начиналась в апреле 1940 г. с организации на берегу р. Кенгир Джезказганского исправительно-трудового лагеря (далее ИТЛ) – комбината НКВД СССР. Завезенные сюда 6,5 тысяч заключенных, контингент которых постоянно пополнялся, являлись основной рабочей силой на строительстве объектов Большого Джезказгана – обогатительной фабрики, Карсакпайской ЦЭС, ЛЭП Карсакпай – Джезказган, плотины на р. Кумола, шахты №31. Во главе ИТЛ был назначен капитан госбезопасности Чирков Б.Н. [1].

Острая потребность в квалифицированных инженерах-строителях, обусловила концентрацию соответствующих специалистов, которые и осуществляли непосредственное руководство возведением объектов Джезказганского комбината. В их число попал и А.С. Опескин.

Анатолий (Танхим) Соломонович (Залманович) родился 12 марта 1903 г. в г. Одессе, на Украине, в семье рабочего. Отец его – Залман, работал до 1941 г. сортировщиком леса на лесных складах морского порта г. Одесса. Мать – Бася, была домохозяйкой [2, л.1].

Анатолий в девятилетнем возрасте начал учебу в еврейском казенном училище, которое он окончил в 1918 г. после шестилетнего обучения. Затем он продолжил обучение в строительном техническом училище. Однако из-за финансовых проблем завершить учебу не удалось. В 1920 г. он устроился на работу грузчиком на Дезстанцию. С 1921 г. Опескин работал сортировщиком леса, на тех же лесоскладах, где много лет трудился его отец.

В 1930 г. Анатолий Соломонович бракосочетался с Шевелевой Шендель (Женей) Менделеевной, отец которой работал в артели извозного промысла, а мать была домохозяйкой [3, л.17].

В воспоминаниях сына Бориса Опескина в рассказе «От Молдаванки до Кенгира» описывается так: «Вы знаете Одессу? Не знаете, так вот есть в Одессе знаменитая Молдаванка, район, где проживали с давних времён аферисты налётчики и биндюжники дореволюционной Одессы. На ул. Степовой жил мой дед по матери Мендел Шевелёв, у него было трое детей: два сына – Семён и Матвей и дочка, которую звали Шендель или по русски – Женя. Вот на ней то и женился в 1930 г. мой будущий отец Танхим Опескин, или Стасик, как его звали друзья и знакомые. Работал в то время отец грузчиком на лесобирже в порту. Он поступил на рабфак и в год женитьбы, его окончил, став студентом факультета Промышленно-гражданского строительства Одесского индустриального института. В 1931 г. родился я и без того в шумной семье стало весело. Вообще надо сказать, семья у нас была очень музыкальная, папа виртуозно играл на мандолине, мама пела, у неё был прекрасный голос, что-то вроде меццо-сопрано и она часто для друзей и близких исполняла русские старинные романсы и весёлые, одесские песенки» [4].

В 1929 г., по направлению профсоюза, Анатолий Соломонович поступил на курсы по подготовке в институт, и уже в 1930 г. был принят в Одесский вечерний индустриальный Институт на специальность «железобетонные конструкции», в котором учился без отрыва от производства до 1934 г., получив квалификацию – инженер-строитель по железобетонным конструкциям [5].

Летом 1935 г., после окончания института, Анатолия Опескина и многих его сокурсников, среди которых были Смоленский Аркадий, Дрейзен Михаил, Дараган Андрей и многие другие ребята из Одессы, по распоряжению Наркомата тяжелой промышленности направили в Казахстан, в г. Балхаш на строительство Балхашского медного комбината. До этого Анатолий Опескин успел поработать в г. Семипалатинске в качестве техника-строителя, где во время прохождения производственной практики, принял участие в сооружении мясокомбината [6].

В течение 5 лет, до мая 1940 г., Анатолий Соломонович работал в Управлении треста Прибалхашстрой. Вначале десятником, затем прорабом, позже начальником технического отдела фабричного строя. Благодаря своим знаниям, энергии и способностям Опескин вырос до главного инженера конторы [3, л.3].

После завершения строительства Балхашского комбината Анатолий Соломонович в мае 1940 г. прибыл на строительство объектов Джезказганского комбината, находившегося до 1943 г. в ведении ГУЛАГа НКВД. После того, как Джезказганский лагерь в 1943 г. расформировали, строительство Джезказганского комбината перешло в ведение Наркомата цветной металлургии.

На строительстве Джезказганского комбината Опескин занимал следующие должности: начальник района строительства обогатительной фабрики и заместитель начальника технического отдела Джезказганского комбината (с 1940 г. по 1943 г.), начальник технической инспекции, начальник отдела капитального строительства комбината (1943–1951 гг.), главный инженер УКСа Джезказганского медькомбината, начальник Управления капитального строительства (1951–1954 гг.), заместитель директора по капитальному строительству Джезказганского горно-металлургического комбината, заместитель начальника Управления капитального строительства (1958–1964 гг.). С 1965 г. по 1974 г. последняя должность, которую занимал Анатолий Соломонович – главный инженер Управления капитального строительства комбината [3, л.3–14].

Жезказган был маленьким степным поселком, где по ночам полыхало огромное зарево огней, освещавших лагерь. Он расположился на берегу р. Кенгир, центром его был левый берег, на котором стояли бараки, землянки, небольшое здание больницы, магазин, кинопередвижка.

В 1942 г. Анатолия Соломоновича перевели в Джезказганское рудоуправление на должность начальника Отдела капитального строительства. Директором Джезказганского рудоуправления в это время был Тихон Федорович Харламов [2, л.1].

В 1951 г. Управление Капитального строительства было переведено на Кенгирскую площадку, в связи со строительством обогатительной фабрики и ТЭЦ, и Анатолий Соломонович в должности главного инженера Управления Капитального строительства переехал в Кенгир, где жил в доме №59 на 16 квартале [2, л.2].

В 1953 г. Министерство цветной металлургии СССР утвердило новое плановое задание на проектирование Джезказганских промышленных предприятий и населенных пунктов, в соответствии с кото-

рым в 1960 г. институт «Гипроцветмет» г. Москвы, разработал новый проект планировки застройки Джезказгана [7].

Работая на различных руководящих должностях, в области строительства, в аппарате заказчика, А.С. Опескин участвовал в строительстве многих важных объектов Джезказгана. С 1940 г. по 1950 г. он осуществлял технадзор за строительством шахт №31, 44, 45, 47, «Кресто-Запад», «Кресто-Центр», за сооружением постоянной плотины Кенгирского гидроузла, опытного гидрометаллургического завода, за возведением ТЭЦ и обогатительной фабрики №1 [8].

В 1950 г. была сдана первая очередь гидроузла, в 1952 г. гидроузел введен в строй действующих, рассчитанный на объем водохранилища на 173 млн. куб. м. В ноябре 1952 г. первая турбина Джезказганской ТЭЦ дала постоянную электроэнергию. В 1953 г. была введена вторая турбина ТЭЦ и линия электропередачи Кенгир–Рудник. Во втором полугодии 1953 г. обогатительную фабрику поставили на рабочее опробование, в феврале 1954 г. полностью ввели в эксплуатацию [8].

В 1955 г. ввели третью турбину ТЭЦ и начали строительство пос. Никольский, недалеко от действующего Рудника. Перед этим было разработано несколько вариантов строительства будущего г. Джезказгана. По одному из них строительство города предусматривалось на Кенгирской площадке с доставкой горняков на работу электричкой, но директор комбината В.В. Гурба принял решение строить жилье рядом с рудником, что вскоре и было сделано. В конце 1957 г. было начато строительство обогатительной фабрики №2, велось строительство объектов Златоуст-Беловского карьера, ввод которых начался в 1959 г., в том же году ввели четвертую турбину ТЭЦ [8].

В последующем возводились шахты-гиганты №55, 57, Никольская районная котельная с уникальными котлами, комплекс Жанайских источников воды, водоочистные сооружения на р. Кенгир, первая очередь Уйтас-Айдоского водовода, Фасонно-сталелитейный цех, депо по ремонту самоходного оборудования, очистные сооружения хозфекальной канализации пос. Рудник–Джезказган.

Заслуги А.С. Опескина были отмечены медалями Советского Союза (1946, 1970, 1975 гг.) и почетными грамотами, он был избран депутатом Джезказганского городского Совета депутатов трудящихся ряда созывов (1955, 1957, 1959 гг.) [9].

7 августа 1965 г. Указом Президиума ВС КазССР за большие заслуги в строительстве объектов Джезказганского горно-металлургического комбината Т.З. Опескину было присвоено почетное звание Заслуженного строителя Казахской ССР [3, л.27].

Т.З. Опескин за долголетний добросовестный труд от имени Президиума ВС СССР решением исполкома Джезказганского областного

Совета депутатов трудящихся от 12 февраля 1975 г. был награжден медалью «Ветеран труда» [10].

В архивных фондах личного происхождения Анатолий Соломоновича имеются документы «Переписки», это зафондированные письма из вышестоящих органов по вопросу перевода его на другое место работы, так как он хотел вернуться на историческую родину. Но в связи с нехваткой в Жезказгане квалифицированных кадров строителей, ему всякий раз в Минцветмете отказывали. Так же имеются письма о результатах розыска его отца и матери, оставшихся в оккупированной фашистами Одессе. Во время войны в 1942 г. его родители (отец – был на пенсии, мать – была прикована к постели) погибли от рук фашистов [11]. В январе 1974 г. Анатолий Соломонович вышел на пенсию. В августе 1983 г. А.С. Опескин скончался в возрасте 80 лет.

Таких людей, как Анатолий Соломонович Опескин, воспитанных в любви, преданности и чувстве самоотдачи Родине, сегодня – единицы. И тем важнее выразить безмерное почтение и огромную признательность Человеку с большой буквы, сделавшему так много для Жезказгана и для будущих поколений.

1. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / О-во «Мемориал», ГАРФ. Сост. М.Б. Смирнов. Под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. – М.: Звенья, 1998. – С.211.
2. Государственный архив города Жезказган (далее – ГАГЖ). Ф.326. Оп.1. Д.1.
3. Там же. Д.2.
4. Там же. Ф.424. Оп.7 (пр.). Д.89. Л.100.
5. Там же. Ф.326. Оп.1. Д.3. Л.2.
6. Там же. Д.8. Л.1–2.
7. Б.А. Опескин «Есть только миг...» – Жезказган: ПО «Жезказганцветмет», 2007. – С.200.
8. Б.А. Опескин «УКС – дело тонкое!»/ <http://www.litclub.ru/>
9. ГАГЖ. Ф.326. Оп.1. Д.5. Л.6–7; Д.6. Л.1–4.
10. Там же. Л.3.
11. Там же. Д.9. Л.1–6.

Алланиязов Т.К.

И.Г. Меклер: основные вехи биографии

Ключевым промышленным объектом Карагандинской обл. является Жезказганский медеплавильный завод. История завода берет свое начало с 1954 г. Однако в силу ряда причин в исторической литературе отсутствуют научные исследования, посвященные истории становления и развития ДМЗ, а также биографиям его первых руководителей – главных инженеров и директоров – И.Г. Меклера, В.С. Барсукова, П.П. Матюшина и др.

На сегодняшний день широкому кругу читателей практически ничего не известно о первом главном инженера ДМЗ Израиле Герцевиче Меклере. Вместе с тем, потребности общественного развития, вытекающие из задач формирования научных представлений о социально-экономических и политических процессах истории Жезказганского региона второй половины XX в., диктуют настоятельную необходимость осуществления исследований, связанных с освещением и раскрытием характера и содержания деятельности первых руководителей ключевых промышленных предприятий региона.

В связи с готовящейся к изданию монографией «И.Г. Меклер: во главе предприятий цветной металлургии Центрального Казахстана (1954–1965 гг.)» представляется возможность дать его краткий биографический очерк.

Израиль Герцевич Меклер родился в 1910 г. в г. Витебске (Витебской губ.). Отец Израиля – Герц Меклер – работал подмастерьем гравера, ремесленником, умер в 1912 г. Мать – Мина Абелевна – вторично вышла замуж за служащего Шехмейстера М.А., на иждивении которого Израиль был до 1928 г. В 1927 г. юноша окончил школу-девятилетку в г. Москве. С февраля 1928 г. начал трудовую биографию в организации «Текстильстрой» в качестве разнорабочего, затем слесаря.

В мае 1930 г. по мобилизации ЦК ВЛКСМ Израиль Меклер (с 1927 г. – член общественно-политической организации – Всесоюзного Ленинского Коммунистического союза молодежи) был направлен в качестве нормировщика на строительство Магнитогорского металлургического комбината Наркомата тяжелой промышленности (Уральская обл.). Проработал до сентября 1931 г. и после успешной сдачи вступительных экзаменов был зачислен на механообогатительный факультет Свердловского горного института (далее – СГИ) по специальности обогащение полезных ископаемых. В институте Израиль проявил себя не только способным студентом, но и общественником – длительное время был комсоргом факультета [1, л.133].

Во время учебы Израиль познакомился со своей будущей женой Сахаровой Зинаидой Алексеевной, 1911 г. р. (уроженка г. Шадринска, Челябинской обл.), русской, обучавшейся с 1932 г. в СГИ. В 1935 г. у четы Меклер родился сын Эрнст, в 1938 г. – сын Лев. По семейным обстоятельствам, вызванным рождением детей, Зинаида Алексеевна на 5-м курсе вынуждена была оставить учебу и не защитила диплом [2].

По окончании учебы, получив решением Государственной экзаменационной комиссии от 23 февраля 1937 г. специальность горного инженера, молодой специалист был направлен на Среднеуральский

медеплавильный завод (далее – СУМЗ), в г. Ревда Свердловской обл. Диплом с отличием за №225616 он получил в 1940 г. [1, л.30].

На Медеплавильном заводе И. Меклер проработал с марта 1937 г. до мая 1943 г. В мае 1939 г. его приняли в члены ВКП (б). Ревдинский горком партии выписал молодому коммунисту билет за №6170688. Ни в каких антипартийных группировках И.Г. Меклер не участвовал, никаких колебаний в проведении генеральной линии партии не имел. В этом же году Указом наркома цветной металлургии И. Меклер был награжден значком «Отличник цветной металлургии» за успешное освоение производственных мощностей СУМЗ [3]. За 6 лет работы, благодаря своим качествам, молодой выпускник СГИ сделал блестящую карьеру: начав со сменного инженера, он последовательно занимал должности инженера-исследователя, начальника исследовательского отдела, начальника обогатительной фабрики. В феврале 1941 г. И.Г. Меклер был назначен директором завода. Руководящую хозяйственную работу инженер Меклер успешно сочетал с общественной деятельностью. По поручению Ревдинского горкома партии с 1937 г. по 1940 г. – член бюро Ревдинского горкома комсомола.

В Ревде в 1940 г. в семье Меклеров родилась дочь Ирина.

С началом Великой Отечественной войны как руководитель ставшего оборонным завода получает освобождение от мобилизации в действующую армию. Специалисты такого высокого уровня, каким к этому времени стал Израиль Герцевич, были на вес золота. Рабочие и ИТР предприятий тыла, переведенные на режим военного времени, работали изо всех сил, обеспечивая всем необходимым фронт. СУМЗ, будучи одним из ведущих оборонных предприятий Урала, был на острие своевременного и качественного решения задач, которые ставились перед его коллективом ГКО во главе с И.В. Сталиным.

В 1942 г. И.Г. Меклер за выполнение особого правительственного задания был награжден Президиумом ВС СССР орденом «Знак почета» за №17529 [4].

В мае 1943 г. Израиль Герцевич был назначен на должность главного инженера Сихотэ-Алинского полиметаллического комбината «Сихали» (бухта Тетюха Приморского края). В январе 1945 г. его назначают уже директором этого комбината. Коллектив комбината под руководством вновь назначенного директора добивается значительных успехов. 13 апреля 1945 г. на первой странице газеты «Сихоте-Алинский рабочий» была опубликована телеграмма наркома цветной металлургии П.Ф. Ломако на имя и. о. директора т. Меклера, секретаря партийного бюро т. Повитухина, председателя рудзавкома т. Владимирова. Текст гласил: «Поздравляю коллектив комбината с

присуждением переходящего Красного Знамени ГКО и первой премии по итогам работы в марте.

Высокая награда обязывает Вас непрерывно совершенствовать работу рудника, обогатительной фабрики, завода и добиваться не только выполнения плана и прироста продукции, но и безусловного выполнения всех технико-экономических показателей.

Возглавьте предмайское социалистическое соревнование, начатое по инициативе Уральского и Харданкайского ртутных комбинатов.

Уверен, коллектив комбината закрепит достигнутые первые успехи и выйдет победителем предмайского соревнования. Желаю новых достижений в работе» [5].

Директором Сихотэ-Алинского комбината И.Г. Меклер проработал до апреля 1946 г. В Тетюхе в 1946 г. родилась его дочь Елена.

В 1945 г. из-за тяжелой болезни сына, вызванной суровыми климатическими условиями Сихоте-Алиня, Израиль Герцевич обратился в Министерство цветной металлургии с просьбой перевести его на работу по профилю в южные регионы страны. Его просьба была удовлетворена – в мае 1946 г. он был переведен на должность главного инженера золотых приисков управления «Узбекзолоторедмет» в г. Самарканд (Узбекистан). Здесь он проработал до марта 1948 г. Указом Президиума ВС СССР от 6 июня 1946 г. И.Г. Меклер был награжден медалью «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941–1945 гг.». Медаль была вручена 12 ноября 1946 г. председателем Багишамальского райисполкома Егоровым [6].

С 22 марта 1948 г. по 14 августа 1953 г. Израиль Герцевич трудился в должности главного инженера – замдиректора Медногорского медно-серного завода (Чкаловская обл.). Сюда он был переведен в соответствии с приказом министра цветной металлургии П.Ф. Ломако от 13 февраля 1948 г. № 75/К [7]. 17 февраля 1948 г. И.Г. Меклер получив в Главмеди МЦМ СССР удостоверение №8, подъемные в размере 3000 руб., был направлен в распоряжение директора Медногорского завода на должность главного инженера [8].

В партийной и деловой характеристике И.Г. Меклера, подписанной директором ММСЗ К.И. Ушаковым, секретарем партийной организации завода П.П. Баженовым и председателем завкома завода 8 февраля 1949 г. отмечалось, что «В своей практической работе т. Меклер И.Г. принципиален. Отличительной чертой характера т. Меклера И.Г. является высокая требовательность к себе и подчиненным и повышенное чувство ответственности за порученное ему дело» [9].

Эти качества, в сочетании с хорошей инженерной подготовкой и с большим производственным опытом, позволили Меклеру в короткий

срок освоить специфику технологического процесса медно-серного производства и обеспечили плодотворную работу его по выполнению производственного плана 1948 г.

Благодаря хорошо организованному ремонту оборудования и наведению строжайшего порядка в технологии брикетирования, временная брикетная фабрика выполнила годовой план по производству брикетов на 135%, дав прирост по сравнению с 1947 г. на 74%. Это позволило компенсировать недопоставку кусковой руды получателям и выполнить план 1948 г. по всей номенклатуре.

План по сере был выполнен на 100%, что составило по отношению к 1947 г. – 123%. План по валовой продукции был выполнен на 106% [9].

О вкладе Израиля Герцевича в успешное функционирование Медногорского медносерного завода свидетельствует Указ Президиума ВС СССР от 5 мая 1949 г. о награждении И.Г. Меклера медалью «За трудовое отличие» [4]. О роли главного инженера на предприятии говорит то, что И.Г. Меклер на период служебных командировок и отпусков директора завода Ушакова К.И. назначался исполняющим обязанности директора – как, например, в августе–сентябре 1948 г. и в феврале–марте 1953 г. [10].

В августе 1953 г. его направляют в пос. Кенгир Карагандинской обл., где он работал техруком обогатительной фабрики, затем начальником фабрики, в мае 1954 г. его назначали главным инженером вновь созданного Джекказганского медьзавода. К обязанностям главного инженера ДМЗ И.Г. Меклер приступил в июле 1954 г. [1, л.18].

Номенклатурные работники такого ранга как главный инженер Джекказганского медьзавода, по сложившейся в советский период практике, проходили утверждение в партийных инстанциях. 25 февраля 1955 г. на заседании бюро Джекказганского горкома КП Казахстана рассматривался вопрос об утверждении И.Г. Меклера в должности главного инженера ДМЗ. В характеристике на И.Г. Меклера А.С. Саратов, секретарь Джеказганского горкома партии, отмечал: «... Тов. Меклер И.Г. к своей работе относится добросовестно, принимает активное участие в общественной жизни завода и города: является пропагандистом кружка по изучению политэкономии, нештатным лектором горкома. Систематически работает над повышением своего идейно-политического уровня. Тов. Меклер И.Г. пользуется авторитетом среди коллектива завода, является членом завкома профсоюза и членом партийного бюро парторганизации завода» [1, л.16].

Секретарь Карагандинского обкома партии С.Я. Яковлев характеризовал И. Меклера как «грамотного инженера, способного оператив-

но решать технические вопросы» [1, л.18]. 30 мая 1955 г. решением Карагандинского обкома партии И.Г. Меклер был утвержден в должности главного инженера Дзержинского медьзавода [1, л.20].

Распоряжением Совнархоза по Карагандинскому экономическому административному району И.Г. Меклера освобождают от занимаемой должности и назначают с 1 июня 1958 г. зам. начальника Производственно-технического управления Совнархоза и начальником отдела обогащения, качества и стандартизации с персональным окладом 3200 руб. при основном окладе 2975 руб. [11].

Летом 1960 г. его вновь выдвигают на повышение – на должность начальника Управления цветной металлургии Совнархоза [1, л.21]. В партийно-производственной характеристике отмечалось, что: «Тов. Меклер И.Г. длительное время работает на инженерно-технических и руководящих должностях в промышленности цветной металлургии и характеризуется по работе с положительной стороны [...] За этот период показал себя дисциплинированным, знающим свое дело, работоспособным, требовательным к себе и подчиненным работникам. Тов. Меклер политически грамотный, в общественной работе принимает активное участие, был заместителем секретаря партийного бюро, а в данное время является заместителем секретаря партийного комитета партийной организации совнархоза. За добросовестное отношение к выполнению своих обязанностей по работе в совнархозе т. Меклер награжден значком «Отличник социалистического соревнования совнархозов Казахской ССР» [1, л.23].

Личный листок и Представление на утверждение в должности начальника Управления цветной металлургии членом Совета народного хозяйства И.Г. Меклера 19 августа 1960 г. были направлены Председателю Совета Министров Казахской ССР Ж.А. Ташеневу. В Представлении указывалось: «Совнархоз считает, что т. Меклер И.Г. обеспечит руководство управлением цветной металлургии совнархоза» [1, л.26]. За высокие результаты работы на руководящих должностях в Совнархозе Указом Президиума ВС СССР от 9 июня 1961 г. И.Г. Меклер был награжден орденом «Трудового Красного Знамени» [12].

О характере, содержании и результатах работы И.Г. Меклера в должности начальника Управления цветной металлургии сказано в его партийно-производственной характеристике, которую 18 марта 1963 г. подписали заместитель председателя Совнархоза В. Рогозов и секретарь партийного комитета СНХ Н. Подкидышев. Они, в частности, отмечали следующее: «За период работы в аппарате совнархоза т. Меклер И.Г. характеризуется положительно, как глубоко знающий дело, энергичный, инициативный, принципиальный руководитель.

Оперативно руководит предприятиями, систематически бывает на них, оказывая практическую помощь в решении производственных и технических вопросов, в обеспечении производственных планов. Много уделяет [внимания] вопросам повышения производительности труда, внедрению новой техники, передовой технологии, перспективам дальнейшего развития предприятий. План по выпуску валовой продукции за 1962 г. по предприятиям управления цветной металлургии выполнен на 102,1%, выполнены и перевыполнены планы по многим основным видам продукции... В аппарате Управления цветной металлургии и Совнархоза пользуется заслуженным авторитетом и уважением... Партийных и дисциплинарных взысканий не имеет» [1, л.32–33].

Активное участие принимал И.Г. Меклер в работе партийной организации совнархоза и управления цветной металлургии. Три раза избирался членом партийного комитета СНХ, два раза являлся заместителем секретаря парткома, длительный срок исполнял обязанности секретаря парткома.

В начале марта 1963 г. Карагандинский Совнархоз вошел с предложением к руководству Карагандинского промышленного ОК КПК об утверждении начальника Технического управления Совнархоза Ф.М. Положия заместителем председателя Совнархоза. В связи с этим, 18 марта 1963 г. председатель Карагандинского Совнархоза Е. Рожченко обратился к секретарю Карагандинского промышленного обкома КП Казахстана Н.В. Банникову с письмом, в котором отметил, что «Совет народного хозяйства считает возможным т. Меклера И.Г. утвердить начальником Технического управления Совнархоза, освободив его от обязанностей начальника Управления цветной металлургии» [1, л. 36]. Характеризуя И.Г. Меклера, Е. Рожченко отметил, что «т. Меклер хорошо разбирается не только с предприятиями цветной металлургии, но и с другими отраслями промышленности совнархоза» [1, л. 36]. Совет народного хозяйства, указывая Рожченко, считает, что т. Меклер И.Г. обеспечит руководство порученным ему участком работы и «просит бюро промышленного ОК КПК Казахстана ...утвердить т. Меклера И.Г. начальником Технического управления Совнархоза» [1, л.37]. Однако И.Г. Меклеру не пришлось возглавить Техническое управление Совнархоза. Руководством было принято решение выдвинуть его на должность зам. председателя Совнархоза по металлургии. 4 апреля 1963 г. в Карагандинский промышленный ОК КПК Казахстана поступила рекомендация, подписанная секретарем парткома Совнархоза Н.Е. Подкидышевым, в которой последний рекомендовал И.Г. Меклера на должность зам. председателя Совнар-

хоза. «Тов. Меклер», – отмечал Подкидышев, – «В решении вопросов решителен, принципиален. Считаю, что в должности заместителя председателя совнархоза с работой справится» [1, л.39].

Практика решения подобного рода вопросов требовала соответствующих рекомендаций и отзывов. В Карагандинский совнархоз поступило несколько подобных документов от ряда лиц, знавших И.Г. Меклера. Так, директор Дзезказганского горно-металлургического комбината (ДГМК) В.В. Гурба в своем отзыве писал: «Вдумчивый инженер, глубоко знающий производство, т. Меклер И.Г. оперативно и правильно решал и решает сейчас многочисленные вопросы, связанные с нормальной работой предприятий. Считаю, что т. Меклер И.Г. имеющий большой производственный опыт может быть рекомендован для выдвижения его на более ответственную руководящую работу» [1, л.40].

Зам. председателя совнархоза Г.И. Ермолаев, характеризуя И.Г. Меклера в своем отзыве, отмечал: «Тов. Меклер является высококвалифицированным и принципиальным работником. Политически зрелый, пользуется заслуженным авторитетом как среди работников предприятий, так же управления [цветной металлургии] и отделов совнархоза... Хорошо умеет отстаивать свою точку зрения...Тов. Меклер из всех работников в СНХ наиболее подходящая кандидатура для зам. председателя СНХ по металлургии» [1, л. 41].

В своем отзыве от 6 апреля руководитель Балхашского горно-металлургического комбината П.П. Матюшин, знавший И.Г. Меклера по совместной учебе и работе, писал: «Никогда я за ним не замечал поступков, порочащих, даже в малой степени, т. Меклера как коммуниста и советского человека. Он способный и грамотный инженер. Политически развит. Всегда правильно понимал и претворял в жизнь партийные и государственные решения... В личной жизни скромн и морально устойчив. Общителен. Не заносчив. Требователен к себе. Не груб в обращении с подчиненными, но излишне многословен и склонен, порой, к ненужным, элементарным поучениям. Инициативен и настойчив в выполнении порученных ему дел» [1, л.42 и об.].

В апреле 1963 г. постановлением Совета Министров КазССР И.Г. Меклер был утвержден зам. председателя Карагандинского СНХ и членом Совета народного хозяйства, в мае вступил в должность [1, л.47]. По сложившейся практике руководящий состав совнархоза ежегодно утверждался на бюро Карагандинского промышленного обкома партии. После соответствующих представлений и характеристик, подготовленных руководством совнархоза в феврале–марте 1965 г.,

Карагандинский обком партии вновь утвердил И.Г. Меклера зам. председателя Карагандинского совнархоза [1, л.50].

В октябре 1964 г. сменилось высшее политическое руководство СССР. На смену Н.С. Хрущеву пришел Л.И. Брежнев. Председателем Совета Министров СССР был назначен А.Н. Косыгин. Новое руководство страны отказалось от территориального принципа управления экономикой и вернулось к отраслевому принципу. Совнархозы расформировывались. Восстанавливались министерства. В декабре 1965 г. И.Г. Меклер был освобожден от обязанностей зам. председателя совнархоза «в связи с назначением главным инженером Управления главмеди Министерства цветной металлургии КазССР» [13].

С 1966 г. по 1968 г., вплоть до выхода на пенсию Израиль Герцевич работал в аппарате Министерства цветной металлургии Казахской ССР. Указом Президиума ВС СССР от 25 апреля 1975 г. И.Г. Меклер был награжден юбилейной медалью «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [14].

Скончался Израиль Герцевич в Алма-Ате 15 февраля 1979 г. [15].

1. Государственный архив Карагандинской обл. (далее – ГАКО). Ф.1п. Оп.3. Д.706.
2. Автобиография Сахаровой З.А. / Коллекция документов архива ООО «Медногорский медносерный комбинат».
3. Личный листок по учету кадров за 1952 г. / Коллекция документов архива ООО «Медногорский медносерный комбинат».
4. Наградной лист на И.Г. Меклера / Коллекция документов архива ООО «Медногорский медносерный комбинат».
5. «Сихотэ-Алинский рабочий». Орган Тетюхинского райкома ВКП (б) и оргкомитета Приморского крайисполкома по Тетюхинскому р-ну. – 13.04.1945 г., №15 (1311).
6. Удостоверение к медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» / Семейный архив дочери И.Г. Меклера.
7. Приказ министра цветной металлургии № 75/К от 13 февраля 1948 г.; Приказ директора ММСЗ № 216 от 24 марта 1948 г. / Коллекция документов архива ООО «Медногорский медносерный комбинат».
8. Удостоверение № 8 Главмеди МЦМ / Коллекция документов архива ООО «Медногорский медносерный комбинат».
9. Партийная и деловая характеристика на главного инженера ММСЗ И.Г. Меклера / Коллекция документов архива ООО «Медногорский медносерный комбинат».
10. Приказы директора ММСЗ №555 от 02.08.1948 г. и №96 от 29.01.1953 г. / Коллекция документов архива ООО «Медногорский медносерный комбинат».
11. ГАКО. Ф.535. Оп.16. Д.6. Л.88.
12. Орденовая книжка за №Е013721 от 04.08.1961 г. за подписью секретаря Президиума ВС СССР М. Георгадзе / Личный архив семьи И.Г. Меклер.
13. ГАКО. Ф.535. Оп.16. Д.40. Л.234.

14. Удостоверение к медали «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» / Личный архив семьи И.Г. Меклер.
15. Казахстанская правда (Алма-Ата) – 20 марта 1979 г.

**Максимова С.Я.
Иорданиди Г.К.**

Вклад М.И. Корсунского в развитие физической науки и образования в Казахстане

Моисей Израилевич Корсунский – крупнейший физик с мировым именем. Он автор семи монографий, неоднократно переизданных и переведенных на многие языки. Область научных интересов М.И. Корсунского была весьма широка и многогранна. Это физика рентгеновых лучей, молекулярная физика, физика атомного ядра, электронная оптика и физика твердого тела.

Моисей Израилевич был создателем научно-исследовательских лабораторий и кафедр физического профиля в ряде Физико-технических институтов и высших учебных заведений СССР.

Около двух десятков лет М.И. Корсунский жил и работал в Казахстане.

Впервые он был в Казахстане в эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Он был эвакуирован сюда из Харькова (Украина), вместе с Украинским Физико-техническим институтом (УФТИ) и в 1941–1944 гг. принимал активное участие в работе инициативной группы по оказанию помощи в развертывании промышленности Казахстана. В течение трех лет, с 1942 г. по 1944 г., он был членом научно-технического совета Госплана Казахской ССР.

В этот период М.И. Корсунский проводил большую работу, связанную с организацией электротермического производства на предприятиях цветной металлургии Казахстана. «Из восьми пуль, выпущенных по врагам во время Великой Отечественной войны, семь, что были отлиты – были результатом работы М.И. Корсунского». Работа Моисея Израилевича в Казахстане в годы войны получила высокую оценку и была отмечена грамотами ВС КазССР.

В 1944 г. УФТИ был реэвакуирован в г. Харьков, где Моисей Израилевич руководил лабораторией и заведовал кафедрой общей и экспериментальной физики в Харьковском политехническом институте.

В Казахстан М.И. Корсунский вновь приехал в 1962 г. и работал до последнего дня своей жизни. Он был избран академиком Академии наук Казахской ССР и возглавил отдел физики твердого тела и полупроводников в Институте Ядерной физики (ИЯФ) АН КазССР, который находится в г. Алма-Ате. В отдел входили три большие лабора-

тории: лаборатория электронной спектроскопии, физики низких температур и физики полупроводников.

Под руководством Моисея Израилевича в ИЯФе были выполнены глубокие исследования, посвященные методам фокусировки пучков заряженных частиц. Изучение М.И. Корсунским совместно с сотрудниками движения электрических зарядов в неоднородном электростатическом и магнитном полях позволило создать электростатические и магнитные анализаторы отклоняющего типа с большой разрешающей способностью. Разработанный ими принцип светосильного β -спектрографа лежит в основе применяемых в настоящее время прецизионных β -спектрографов («кэтронов»). Характеристики электрического анализатора типа цилиндрического зеркала, разработанного под руководством Моисея Израилевича, находятся на уровне лучших мировых стандартов.

Большое значение имеют разработанные М.И. Корсунским и его сотрудниками методы исправления эмиссионных спектральных полос, что позволило по данным рентгеновских спектров устанавливать характер межатомных связей в твердых телах, распределение валентных электронов по состояниям и определять важные параметры энергетической структуры твердого тела.

В результате проведенных рентгеноспектральных исследований переходных металлов ряда иттрий-палладий и их сплавов Моисеем Израилевичем, совместно с сотрудниками, была разработана модель электронной структуры указанных веществ (модель КЛО), в основе которой лежит представление о разделении электронов на группы коллективизированных (К), локально-связующих (Л) и основных (О) электронов. Эта модель позволила объяснить целый ряд особенностей рентгеновских эмиссионных полос спектров характеристических потерь энергии электронов при прохождении их через слои переходных металлов, а также их слабомагнитные свойства.

Разработка модели КЛО позволила не только углубить понимание характера действующих в сплавах межатомных сил, но и открыла новые направления в конструировании сплавов, в т. ч. жаропрочных.

В Казахстане Моисей Израилевич продолжил работы, посвященные исследованию уникального физического явления, обнаруженного им совместно с сотрудниками, в полупроводниковых системах на основе пленок аморфного селена. В научную литературу это явление вошло под названием «аномальная фотопроводимость». Специфика этого явления заключается в том, что фототок, возникающий в результате освещения полупроводникового материала, зависит только от длины волны падающего излучения и не зависит от его интенсивности, как это имеет место в случае «классической» фотопроводимо-

сти. Более того, это явление сопровождается спектральной памятью фотопроводимости, которое состоит в том, что после прекращения освещения фотоотклик не релаксирует до нуля, а устанавливается некоторый остаточный уровень проводимости, определяемый только длиной волны предварительного освещения, и сохраняющийся при данной температуре бесконечно долго (не менее 10 лет). Основные результаты исследования, предполагаемые модели этих явлений и перспективы их практического использования изложены в монографиях Моисея Израилевича «Аномальная фотопроводимость», которая была издана в 1972 г., и «Аномальная фотопроводимость и спектральная память в полупроводниковых системах» (1976 г.). Это последняя монография М.И. Корсунского, которая увидела свет уже после его кончины.

Моисей Израилевич, наряду с плодотворной научной деятельностью, проводил в Казахстане большую работу по развитию исследований в области физики твердого тела и полупроводников. По его инициативе были организованы и проведены ряд Республиканских конференций по физике твердого тела. В отделе физики твердого тела и полупроводников проходили стажировку и аспирантуру преподаватели вузов и сотрудники предприятий из разных городов Казахстана.

Научные направления, развиваемые М.И. Корсунским и его учениками, требовали все большего и большего кадрового подкрепления, т. е. в республике возникла острая проблема подготовки специалистов в области физики твердого тела. В связи с этим по инициативе Моисея Израилевича в Казахском государственном университете им. С.М. Кирова^{1*} в 1967 г. была организована кафедра физики твердого тела. Он возглавил кафедру и руководил ею до 1974 г.

Моисей Израилевич был великолепным лектором. Его лекции были глубоко содержательными, отличались стройностью и простотой изложения.

Его преданность науке, точность мышления, высокая образованность и интеллигентность производили огромное впечатление на студентов, аспирантов и сотрудников кафедры и вызывали ... желание следовать его примеру. Он обладал высоким профессионализмом и высокой культурой. Каждое общение с ним было уроком грамотного подхода к научной проблеме и деликатного, тактичного отношения к собеседнику.

В первые годы существования кафедры часть спецкурсов студентам читали также ведущие научные сотрудники отдела физики твердого тела и полупроводников ИЯФа. В лабораториях этого отдела сту-

^{1*} Ныне Казахский национальный университет им. аль-Фараби.

денты и аспиранты кафедры приобщались к большой науке: проходили научно-производственную практику, выполняли свои курсовые, дипломные и диссертационные работы. Первый выпуск специалистов в области физики твердого тела состоялся в университете в 1969 г.

Для повышения квалификации сотрудники и выпускники кафедры направлялись на стажировку и обучение в аспирантуре у ведущих ученых в области физики твердого тела, работающих в крупных научных центрах Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга).

На сегодняшний день кафедра физики твердого тела является одной из ведущих кафедр физико-технического факультета КазНУ им. аль-Фараби. За годы своего существования она подготовила более 1500 специалистов в области физики твердого тела. Выпускниками кафедры защищались докторские, кандидатские и, в настоящее время, защищаются PhD диссертации. Результаты научных исследований, проводимых на кафедре, докладываются на международных и республиканских конференциях, публикуются в отечественных и зарубежных научных изданиях с высоким рейтингом.

М.И. Корсунский внес огромный вклад в развитие физической науки и образования в Казахстане. Он был крупным ученым мирового уровня, замечательным педагогом, мудрым руководителем, талантливым организатором. Он создал обширную научную школу. Его ученики и ученики его учеников успешно работают во многих научно-исследовательских центрах и учебных заведениях Казахстана, ближнего и дальнего зарубежья.

Арцишевский А.

Гармония его контрастов

Алма-Ата 50–60 гг. XX столетия дала эпохе целый ряд первоклассных живописцев, очень разных по своим стилистическим исканиям, по своеобразному почерку, но единых в том неудержимом напоре творческой энергии, которая наполняет их полотна. Можно (и нужно!) говорить об особой школе живописи южной столицы Казахстана.

Сторонний взгляд её возникновения может озадачить: с чего бы это вдруг? Что послужило причиной столь мощного выброса художественной энергии? Но тут же вспоминаются такие самобытные живописцы Алма-Аты начала прошлого столетия, как Николай Хлудов и его ученик Абильхан Кастеев. А изумительный театральный художник Всеволод Теляковский, силою небезызвестных обстоятельств попавший в 1935 г. в Казахстан и снискавший здесь подлинную славу художника-декоратора! Наконец, Леонид Леонтьев, который, начиная с 1939 г., в течение двадцати лет преподавал в Алма-Атинском худо-

жественном училище. Художник ленинградской школы он привнёс её высокоинтеллектуальный дух в наш южный город.

Все так. Но Хлудова в 1935 г. уже не стало. Теляковский не был педагогом. Кастеев мог считаться таковым лишь фигурально. Тихайший интеллигент Леонтьев не смог бы в одиночку дать столь мощный импульс будущим художникам. Но всё встанет на круги своя, если мы назовем ещё одно имя – Абрама Марковича Черкасского, истинного предтечу когорты современных живописцев, их педагога, который и сам был отмечен талантом свыше.

В Алма-Ату он попал в лихую годину 1941 г. Но прежде чем стать преподавателем нашего художественного училища 55-летний профессор живописи, известный художник Украины, лауреат престижных в те годы премий, около трёх лет махал кайлом в одной из шахт Карлага. Трудотерапия, почти по Маяковскому – помните папашу: «стихи попишет, землю попашет». С той лишь разницей, что трудотерапия осуществлялась за колючей проволокой, и профессор живописи был отлучен от этой самой живописи на три года. Очевидно, уголь, добытый профессором, мастером кисти, был особенно ценен в строительстве социндустрии и в укреплении оборонной мощи страны.

Мы должны принести низкий поклон Эве Львовне, мужественной подруге и верной жене Абрама Марковича. Уму непостижимо, но она сумела лично дойти до самого Кагановича, попасть к нему на прием, доказывая, что ее муж – не враг народа, а совсем наоборот. И доказала! И вызволила его из Карлага, увезла в Алма-Ату, узнав предварительно, что здесь есть художественное училище и что с преподавателями в нем – «напряжёнка».

Абрам Маркович Черкасский – народный художник Казахстана, заслуженный деятель искусств республики. Родился в 1886 г. в местечке Белая Церковь близ Киева. Учился в Киевском художественном училище (1901–1909). Окончил Петербургскую Академию художеств (1917). Его дипломная работа «На окраине еврейского местечка» приобретена Королевским музеем Дании.

Пять лет работал в Виннице – преподавал в училище, создал свою художественную студию. Писал городские окраины, знаменитую «Иерусалимку» (бывшее винницкое гетто). Переехав в Киев, вёл занятия живописи сначала в училище (1924–1926), затем в архитектурно-строительном и художественном институтах. Стал одним из ведущих художников Украины.

Репрессирован по доносу в конце 1930-х гг.

С 1941 г. по 1958 г. был преподавателем Алма-Атинского художественного училища.

Рассказывает народный художник Казахстана Гульфайрус Исмаилова. «Впервые я увидела Абрама Марковича, когда училась в седьмом классе. Это было году в 1943-м. Мне Кастеев Абылхан-ага посоветовал: «Ты покажи свои работы нашему новому профессору». И вот стою я, робею, жду, когда он освободится. А профессор седой, представительный: «Девочка, тебе что?» – «Хочу вам показать свои рисунки». – «А ты давно рисуешь?» – «Всю жизнь»...

Училась я у него со второго курса. Помню, работаю на уроке, он внимательно смотрит мой рисунок, гладит меня по голове как ребенка: «Ой, Гулечка, тут надо бы вот что», – и подсказывает, где я ошиблась. А у него была аллергия на свинцовые белила, рука шершавая, но я терплю. Сейчас все работают белилами цинковыми, они не так опасны для здоровья. Но, понимаете, свинцовые белила дают фактуру. С годами они чуть желтеют, придавая картине особый колорит, как на полотнах старых мастеров.

Однажды он заходит в класс, я – р-раз! – и перехватила карандаш в правую руку. «А ты какой рукой рисуешь, Гуленька?» Я чуть не в слезы: «Левой». А он: «Хо-хо! Левшой был Леонардо да Винчи».

Я у них часто бывала в гостях. Дочерей у Эвы Львовны не было, она меня очень любила. А голод был страшный. Я лишь через порог ступлю, а он мне сразу наливает кофе: «Тебе сколько кусочков сахара?» Я молча два пальца показываю. А Эва Львовна говорит ему: «Я там сварила яйца. Дай Гуленьке одно – что-то она очень бледная». Сами недоедали, но обязательно меня покормят. Слышу, Эва Львовна что-то жарит на примусе. Ну, думаю, надо уйти, неудобно. «Гуля, не уходи, – говорит она. – Сейчас будут блины. Я и тебе блин испекла».

Он преподавал мне очень важные уроки. «Сердце твоё должно быть на кончике кисти, – говорил он. – Что ты любишь больше всего?» – «Пионы». Он прищурит глаз, посмотрит на мой мольберт, и в палитру мне из тюбика надавит золотистую охру. Французскую. Она прозрачная, нежная. Можно сказать, от сердца отрывал. Краски тоже были в огромном дефиците. «У каждой краски своя тональность, свой звук. Это как в музыке. Понимаешь?» – «Понимаю». У многих его картин были звучащие названия: «Вечерняя сюита», «Лунная соната», «Звонкая весна» – она у него голубая-голубая, и в ней уже есть запах свежести.

О своем учителе она может рассказывать часами. И не только она. Все, кто прошел школу Черкасского – искусствовед Лидия Хлопова, художники Арий Школьный, Иван Квачко (увы, многих уже нет в живых) – говорили о нём восторженно и трепетно. Хотя не скрывают – остёр был на язык учитель, жучил их своими подначками. Мог и обидеть, перечеркнуть рисунок («Это не живопись – мыло!»), выгнать

из класса. Он мог быть разным. И лишь равнодушным он быть не умел и не прощал равнодушия другим. Вообще его острый ум и острое слово шли впереди осторожности, и он частенько нарывался на неприятности. Мысль, эмоция у него были постоянно на взводе, он будоражил своим присутствием всех. И потому рядом с ним ощущалась всегда полнота бытия.

Но главное – он был живописец, постигший тайны мастерства великих гениев прошлого. Впрочем, слово «тайны» здесь неуместно, поскольку тайнами этими он щедро делился с учениками. У них в легенду вошла бутылка оливкового масла, хорошо выстоянного, специально для живописи, он берег её для особо хороших картин. Обычно он писал малярной олифой, ею сделана большая часть его картин. Но...

Он брал палитру, выдавливал краски, размешивал их и пояснял: «Косточка жжёная, краплак (он говорил краплачок), умбра натуральная (умбрица)»... Краски он называл ласкательно, прививая к ним священное отношение, до дрожи в коленях. «Если это вот с этим смешать, получится грязь – тут надо быть осторожным. Мешать надо только три краски – две цветные и третья – белила». А потом остановится, посмотрит на палитру и – с удивлением: «Иногда грязь – тоже живопись. Потрясающая живопись!..»

– Он был настолько восхищён самим рабочим процессом, что это восхищение не могло не передаваться нам, – говорит Гульфайрус Исмаилова. Однажды он попросил её позировать – ему надо было написать кисти рук, держащих ковер. Он имел обыкновение за работой негромко делиться своими открытиями. И вот, говорит она, я держала ковер, слушала его час, другой. А потом упала в обморок. Голодная. Он так перепугался: «Ой, деточка!.. Сейчас мы сделаем кофе, все будет хорошо». Но всё это не суть важно. Главное, он написал мои руки, я готова была смотреть на них до бесконечности. Благородные, холодноватые руки с ультрамариновыми тенями на фоне теплого ворсистого ковра. Они запомнились мне на всю жизнь. Я колорит потом так и строила.

Да и сам он был благороднейшей из благородных красок, ниспосланных судьбой голодным, полураздетым юнцам, озябшим на ветру неласковой эпохи. Но в его колорите не было фальшивых нот. В его палитре всё сочеталось на редкость гармонично и было так взаимосвязано между собой, что в синтезе давало мощную фактуру. Он часто говорил им: «Мир, нас окружающий, надо ласкать кистью – ведь это совершенное творение Бога, его щедрый и неповторимый дар». И ещё он говорил, снимая коросту с их сиротливых душ: «Когда вы за мольбертом, вы должны ощущать рядом с собой кого-либо из гениев – только

никому не говорите об этом!.. Рядом с вами должен быть, по крайней мере, Веласкес. Или Тициан. Иначе у вас ничего не получится».

– Мы многого не поймем в его судьбе, – свидетельствует искусствовед Елена Вандровская, – если не учтем такой малости, как его любовь к французским импрессионистам. Они, конечно же, оказали воздействие на его творческую суть. Отсюда в его полотнах эмоциональная напряженность, непосредственность в выражении переживаний, цветовая приподнятость, свобода живописной манеры.

Ну, а для ретивых чиновников от искусства тут было рукой подать до формализма, космополитизма и прочих жупелов, которые старательно изобретались куцыми, чадящими мозгами. Изобретались, естественно, для того, чтобы с этими жупелами бороться. А если к тому же человек был репрессирован, что не являлось тайной ни для кого, – неважно, за что репрессирован и как, но... Кому мы доверяем воспитание молодого поколения?! И т. д., и т. п. – ход мысли и действий тут был предельно ясен. Тем более что сам Черкасский умел давать отлуп обидчикам – даже потенциальным. И когда правил бал бульдозерный идеологический маразм, тоже не отмалчивался.

В этом отношении крайне интересен удивительный документ эпохи – той эпохи, хотя появился в свет он лишь в 1997 г. – книжечка Лидии Хлоповой с нейтральным названием «Алматинское художественное училище». Написанная сжато и сухо, содержащая лишь скупую хронологию жизни училища, она дает богатую пищу уму и сердцу проницательного читателя. О, какие бушевали страсти на собраниях-судилищах педколлектива! Какие затевались интриги-проверки – против кого? А против этого «француза» Черкасского в первую очередь. Теперь, когда всё это кануло в лету, невольно думаешь – за кем же правда в конечном счете? А за великим и нетленным искусством, которому верой и правдой служил Абрам Маркович и как художник, и как педагог. И, если угодно, как гражданин-гуманист.

Он много работал и очень страдал от безвестности. Его полотна были неподражаемы. Но то, что осталось в Киеве после его ареста, было похищено фашистами и бесследно исчезло. Частичной компенсацией признания – пусть запоздалого, но все же! – стала его персональная выставка в Москве, которая прошла в 1960 г. То был долгожданный триумф художника. И слава Б-гу, что он его дождался.

Он умер на 82-м году жизни в ноябре 1967 г. Похоронен в Алматы на старом кладбище.

В день его погребения выпал первый снег, смилив природу и окрестности с изъянами, что выявила осень. Снег поглощал шаги, и тишина была абсолютной. Когда гроб поставили у могилы, сын перепоручил вдову тем, кто был рядом, и сказал речь о покойном отце.

Что у него была сложная жизнь, но и сложный характер, который тоже во многом определял его чересполосную судьбу.

У разверстой могилы стояли ученики Абрама Марковича, и каждый из них невольно вглядывался в нежнейшее одеяние предзимнего дня, в этот первый снежок, что оплел кружевами кроны деревьев. И, глядя на эту нетленную красоту, каждый мысленно писал этюд, понимая, что снег в Алматы запечатлевать на холсте с неповторимой пронзительной силой умел лишь их учитель, да разве что один из его любимейших учеников Жанатай Шарденов.

А может, снега не было? У Шарденова не уточнишь, он уже в иных пределах. А те, кто ныне остался в живых, затрудняются сказать это наверняка. Но даже если стоял тишайший день поздней осени, в уже редкой золотой листве, покорившейся неизбежному, то ведь и в этом пейзаже редко кто мог превзойти Черкасского. Свидетельство тому его картина «Золотая осень», что представлена в экспозиции нашей художественной галереи среди тех уникальных полотен, что составляют её непреходящую ценность.

Омарова А.С.

Художники Крейны: отец и сын

В памяти тех немногих карагандинцев, кто был очевидцем невзгод, легших на их плечи в трудной судьбе народа в 1930–1950 гг. сталинской тоталитарной эпохи, Крейн Дмитрий Григорьевич остался оптимистичным, жизнерадостным и достойно перенесшим все испытания судьбы человеком. На карагандинской земле он прожил недолгую, но яркую творческую жизнь театрального художника. В Казахстане он оказался в 1944 г., когда его, солдата Красной армии, 26 мая арестовали и осудили Военным трибуналом по статье 58-10 УК РСФСР за антисоветскую агитацию на 10 лет исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах на 3 года и Крейн был отправлен в Карлаг [2]. Срок он отбывал в лагерном пункте с. Долинка, где располагалось Главное управление Карлага.

На фронт Великой Отечественной войны уроженец Киевской обл. с. Иванхово [2] Дмитрий Крейн 1904 г. рождения был призван в 1942 г. [3, с.16]. До этого он работал главным художником Одесского оперного театра и Киевского еврейского театра, воплощая свое творчество в театральной деятельности. Специальность театрального художника помогла ему в Карлаге, он был задействован почти во всех оформительно-агитационных и художественных работах лагеря. Труд заключенных художников использовался в культурно-воспитательной части (КВЧ) исправительно-трудовых лагерей всей системы ГУЛАГа СССР.

Профессиональные художники были наиболее востребованы, особенно, в деятельности местных клубов и драматических, самодеятельных и изобразительных кружков лагерей. Поэтому Крейн Дмитрий Григорьевич работал в художественной мастерской, созданной при Главном управлении Карлага в Долинке. Помимо оформительской работы лагеря, писал с другими художниками плакаты и картины для выставок, проходивших в Центральном клубе при Политуправлении МВД Карлага, оформлял фойе и сцену этого клуба.

Один из жителей с. Долинка Д.А. Попов, сын работника Управления Карлага, приходил к Д.Г. Крейну брать уроки рисования, о чем поделился в своих воспоминаниях тех лет, легших в основу книги карагандинки Е. Шульц «Взмах крыла лебединого»: «Он начал давать мне уроки, мы стали закадычными друзьями, ученик и учитель. Вскоре и Крейн начал готовиться к освобождению. Говорит однажды: «Ребята, что вы будете зря время убивать? Давайте поедem в Чурубай-Нуру, свою мастерскую откроем!» Мы с моим товарищем, художником Кимом Парфеновым поехали за учителем. Так что вторая наша художественная мастерская была в Чурубай-Нуру, с 1961 г. это г. Абай» [5].

Это воспоминание сообщает нам, что Д.Г. Крейн был человеком, умевшим сплотить вокруг себя людей, создать, как принято выражаться сегодня, «команду». Его отличительные черты характера: мягкость и дружелюбие, веселость и необыкновенное чувство юмора, умение общаться с людьми, открытость, огромные знания по живописи и архитектуре, истории, музыке, литературе, а главное, щедрость души, притягивали к нему людей.

Д.А. Попов, сам художник, дал замечательную оценку и живописному мастерству своего учителя, что очень важно, как свидетельство очевидца: «...Дмитрий Григорьевич писал очень своеобразно, большими объемными мазками – сказывалась специализация театрального художника. У него не было необходимости в нескольких кистях, как у других художников, он ухитрялся одной широкой кистью написать и глаза и уши своей модели. И все же на лету схватывал сходство, портреты получались весьма оригинальные» [5].

Попов рассказал о причине ареста Крейна: «За нелестный отзыв о металле, из которого советские танки делались. Очень откровенный человек был, иногда казалось, он вообще не знает, что означает слово «лицемерие». На войне был фронтовым художником, имел свою маленькую мастерскую и даже помощника. Этот помощник у него спирт воровал, предназначенный для технических нужд, и попался «с личным». Перепугавшись до смерти, написал на Крейна рапорт, что тот якобы восхваляет немецкую технику. На допросе Дмитрий Григорьевич ничего не стал отрицать, сказал прямо: «Вы сравните немец-

кие танки и наши. Наши простреливаются насквозь снарядом, а у немецких броня непробиваемая. Так какой танк лучше?!» [5].

После освобождения Д.Г. Крейн с 16 апреля 1954 г. работал в театре г. Абай Карагандинской обл. В 1955 г. 27 ноября был принят на работу художником на шахту 6/7 «Сараньуголь», переехал в г. Караганду, работал с 1956 г. художником Карагандинского областного драмтеатра. С 1 августа был зачислен главным художником в Черкесский драмтеатр. В 1960 г. Крейн – художник-постановщик Карагандинского областного русского драмтеатра, позже – главный художник Карагандинского областного казахского драмтеатра. Последний 1962 г. перед отъездом из Караганды Дмитрий Григорьевич работал главным художником театра музыкальной комедии [1].

В Карагандинском областном музее изобразительного искусства хранятся 50 графических листов Д.Г. Крейна и 2 живописные работы «Портрет девушки» КП 2636 и «Натюрморт» КП 4024 [1], переданные музеем женой художника Скопис Софией Яковлевной. Живописные – небольшие по размеру, этюдного характера работы. Остальные 50 – портреты и эскизы к спектаклям, эскизы костюмов. Портреты, преимущественно женские, выполнены в карандаше. Большинство – погрудные, иногда поясные портреты, напоминающие учебные постановки. По этим работам видно, что художник никогда не оставлял своего занятия, что свойственно людям, выбравшим профессию по призванию. Среди эскизов выделяются профессиональные сценографии к спектаклям. Один сценографический лист имеет дату и надпись «Утвер. Сент» [1], т. е. эскиз был утвержден в 1959 г. для спектакля черкесского драматического театра.

Среди материалов документального фонда Д.Г. Крейна в музее имеется много фотографий со сценами различных спектаклей, в т. ч. и МХАТа, что говорит о строгом подходе в подготовке эскизов костюмов актеров, их образов и сценографий, продуманной театральной деятельности. Непрестанные искания новых выразительных средств, форм и приемов – таков путь в искусстве театрального художника Д.Г. Крейна. Он писал декорации к различным жанровым произведениям, драматическим, оперным и балетным спектаклям. Как и всякому театральному художнику, ему приходилось решать целый круг многообразных задач, участвуя в создании спектакля. В этом художнику помогала личная обширная библиотека, которую он начал собирать еще до войны и был постоянным покупателем букинистического магазина. Люди многих специальностей могли найти в библиотеке театрального художника нужную им книгу, его библиотека – была открыта для всех, т. к. Дмитрий Григорьевич был общительным человеком и дружил со многими карагандинцами, в т.ч. с

художниками. Об этом свидетельствует портрет Д.Г. Крейна из фондов Карагандинского областного музея изобразительного искусства, написанный карагандинским живописцем П.К. Антоненко.

В Караганде Д.Г. Крейном было оформлено около 20 спектаклей. Всего в его жизни за 35 лет стажа театрального художника было оформлено около 100 театральных постановок гг. Киева, Москвы, Минска, Свердловска и, конечно же, Караганды, в числе которых были «Кремлевские куранты» Н. Погодина, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Последняя остановка» Э.М. Ремарка, «Доктор философии» Б. Нушича и многие др.

Ближайший помощник режиссера, он должен был живописными средствами передать на сцене психологию героев пьесы, дать социальную характеристику обстановки, в которой происходит действие, сообщить ему определенную эмоциональную окраску. Такие задачи не решаются сразу – над ними художник работает всю жизнь. Поэтому, можно сказать, что Д.Г. Крейн всю жизнь отдал изобразительному и театральному искусству. Последняя работа Крейна в театре – «Домик у моря» С. Цвейга. В успехе этой пьесы была немалая заслуга театрального художника. Он был соавтором замысла и сценического решения спектакля, продуманного до мельчайших подробностей, с постановщиком заслуженным артистом КазССР А.С. Подобедом. В 1963 г. переехал в г. Бийск, где ушел из жизни в этом же году.

Когда Дмитрий Григорьевич освободился, то к нему в 1955 г. в Чурубай-Нуру Карагандинской обл. приехала жена С.Я. Скопис с сыном Александром. Александр родился 1 декабря 1940 г. в г. Киеве. Во время войны семья эвакуировалась из Одессы в с. Николаевка под Сталинградом, затем попали в г. Томск., откуда в 1946 г. мать с сыном вернулись в Одессу. В 1954 г. Александр окончил на отлично Одесскую детскую художественную школу и начал учиться в художественном училище. Проучившись только год, вынужден был оставить художественное училище, потому что семья переехала в Караганду к отцу. Александр носил в детстве фамилию матери Скопис [1], т. к. был сыном «врага народа», в Караганде же вернул фамилию отца и стал Крейном. И продолжил семейную традицию призвания к художественному творчеству. Свою любовь к книгам, повышенную требовательность к профессиональному мастерству Крейн передал сыну Александру Дмитриевичу – артисту и художнику областного драматического театра. Он учил его краткости и простоте художественного выражения.

С 10 апреля 1957 г. до 1 июня 1959 г. Александр Крейн был руководителем кружка рисования детского сектора во Дворце культуры горняков г. Караганды и в Центральном парке в летний период вел

изостудию. В 1959 г. хотел поступить в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, но не получилось. С этого же года работал художником Карагандинского областного драмтеатра, оформлял спектакли. Также Александр Крейн участвовал в спектаклях драмтеатра в качестве актера, даже играл роль школьника. В 1964 г. продолжил обучение в Одесском художественном училище. После учебы жил в Одессе и работал в производственно-художественных мастерских. Работы А. Крейна этого периода принесли ему известность молодого талантливого художника. В 1979 г. он эмигрировал в США. Александр Крейн умер от рака костей в Нью-Йорке в 1983 г.

В фонде Карагандинского областного изомузея насчитывается 14 живописных работ Александра Дмитриевича Крейна и его 116 графических листов [1]. Среди карандашных зарисовок, набросков, учебных пейзажных этюдов и портретов А. Крейна можно выделить «Автопортрет», который был написан им в конце 1950-х гг., когда он только начинал свой творческий путь профессионального художника. Хороший погрудной в три четверти графический портрет в технике карандаша на слегка смятой бумаге с заломами. Таким смятым портрет попал в музей от матери художника. Может быть, сам Александр не ценил значимости собственной работы.

С картины на зрителя внимательно смотрит молодой человек, еще незрелый юноша. Художник вложил в автопортрет всю свою сосредоточенность и серьезность. Данная работа – отражение состояния внутреннего мира Крейна. Время для его семьи было сложное, и выражение его лица на портрете ясно показывает ответственность молодого человека за свою судьбу и судьбу близких. И выбор стези художника уже очевиден.

Изображение на полотне выполнено академически. Весь портрет выполнен классической штриховкой, создающей объем и форму лица юноши. Карандашные штрихи лежат ровно и аккуратно. Художник полуразвернут к зрителям. Главный акцент автопортрета – глаза Александра Крейна, которые отчетливо видны за стеклами очков, хотя на стеклах очков световые блики, мастерски уловлены автором. Его взгляд – это взгляд художника, острый, наблюдательный, будто идет работа над картиной и сейчас.

О юности говорят его пухлые губы и мягкий овал лица. Над верхней губой уже обозначен пушок пробивающихся усиков. Лоб Крейна обрамляют пышные густые волосы, которые аккуратно причесаны назад по моде тех лет. Художник одет в спортивную рубашку с замком-молнией на груди, не застегнутым до конца. Так автор намекает о своем свободолобии, свойственном молодым людям. На картине

Крейн Александр выглядит одухотворенно и амбициозно. Видно, что искусство и творчество для него значат многое в жизни.

Необходимо выделить еще один карандашный портрет Александра Крейна с изображением Дмитрия Григорьевича «Отец отдыхает», где в незамысловатых линиях и коротких штрихах простого карандаша чувствуется любовь и теплое отношение к отцу-художнику, передавшему своему сыну пристрастие к искусству и нелегкий путь художника.

1. Творчество репрессированных художников / Фонд Карагандинского областного музея изобразительного искусства.
2. Веб-сайт: Карлаг НКВД. <https://karlag.kz/art.php?id=54>
3. Кузнецова Е.Б. «Карлаг: меченые одной метой». Караганда. Copyright / 2001–2010. – 339 с.
4. Шульц Е. Портрет кисти учителя // Индустриальная Караганда – 27.05.2010. – С.8.
5. Шульц Е. Взмах крыла лебединого – Караганда, 2014.

Абусейтова М.Х.

В.П. Юдин и казахстанское востоковедение

Востоковед, источниковед, казаховед, уйгуровед, наставник – это только часть характеристик Вениамина Петровича Юдина (1928–1983), являющегося одним из основоположников казахстанского востоковедения, ученого с мировым именем.

Вот уже почти тридцать лет прошло, как ушел из жизни замечательный ученый, педагог и мой глубокоуважаемый Учитель – Вениамин Петрович Юдин. Отрадно, что дело жизни ученого продолжает жить в его многочисленных трудах, которые ценны тем, что в них он использовал исключительно первоисточники. Вениамин Петрович владел всей совокупностью письменных первоисточников по истории Центральной Азии и впервые ввел в научный оборот такие понятия, как «степная устная историология» и «чингизизм».

Вениамин Петрович с юности начал увлекаться Востоком, и в студенческие годы получил хорошую востоковедную подготовку в Московском институте востоковедения им. Н. Нариманова, где он учился в 1945–1950 гг. Здесь читали лекции такие талантливые ученые-востоковеды, как В.М. Насилов, Н.А. Баскаков, Е.Э. Бертельс и многие др. Но ученым – «энциклопедистом» по казаховедению и уйгуроведению Вениамин Петрович сделал себя сам, постоянно углубляя знания в области восточных языков, истории, литературы, культуры народов Центральной Азии и погружаясь в удивительный мир рукописей и артефактов.

Студенческую практику молодой Юдин проходил в Уйгурском районе Алма-Атинской обл., где за короткое время смог хорошо изучить уйгурский язык. На 5-м курсе одаренного студента стали привлекать к преподавательской работе, которую он продолжал, обучаясь в аспирантуре. Талантливый и трудолюбивый Вениамин Петрович, знавший уйгурский и другие тюркские языки, включая чагатайский и староуйгурский, серьезно заинтересовался персидским и арабским. Кроме того, он владел немецким, английским, французским и испанским языками, которые изучил самостоятельно. Он быстро стал полиглотом, легко читал и переводил с оригинала средневековые рукописи и арабские сочинения. Поистине, природа наградила его редкостным даром глубочайшего постижения языков, их законов и духа. В 1955 г. Вениамин Петрович со своей супругой Юлией Григорьевной Барановой переехал из Москвы в Алматы и стал успешно преподавать на открывшемся тогда уйгурском отделении филологического факультета КазПИ.^{1*} Его любимая супруга, соратница и коллега также посвятила свою жизнь служению науке. Во всех начинаниях мужа она всегда оказывала ему поддержку. Сама Юлия Григорьевна с отличием окончила Московский институт востоковедения по специальности «страновед по Синьцзяну со знанием уйгурского и английского языков». Продолжая дело Вениамина Петровича, Ю.Г. Баранова внесла свой вклад в востоковедную науку Казахстана. Работая в Институте востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Юлия Григорьевна принимала активное участие в разработке фундаментальных проектов по проблемам источниковедения, истории Казахстана и Центральной Азии.

Интерес к истории казахского народа для востоковеда Юдина, жившего в Казахстане, являлся закономерным. Свои научные интересы он неразрывно связывал с изучением истории Казахстана на основе сведений восточных источников. Этой работой он занимался до конца своих дней – и в годы работы в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР (1960–1970 гг.), и будучи преподавателем кафедры истории Казахской ССР истфака КазГУ (1970–1976 гг.), и позднее, перейдя на работу в отдел уйгуроведения Института языкознания АН КазССР. Вениамин Петрович – ученый поистине глобального масштаба. В конце 1970-х гг., отдавая должное проблемам ностратического языкознания, он серьезно заинтересовался кечуа – языком индейцев Боливии, Перу и Эквадора. И изучил этот язык, работая с изданиями на испанском-кечуа, используя словари испанско-кечуа, кечуа-испанские, англо-кечуа,

^{1*} Теперь КазНПУ.

кечуа-английские. В итоге он составил первый кечуа-русский словарь, включавший несколько тысяч слов.

Огромным вкладом Юдина в отечественную науку следует назвать значительное расширение им источниковой базы истории Казахстана. Особое место здесь занимает коллективный капитальный труд казахстанских ученых «Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений)», изданный в 1969 г., в котором им осуществлены сверка и общая редакция всех переводов, в т. ч. перевод извлечений из 10 источников и комментарии к ним. Он написал 17 источниковедческих статей по всем источникам, вошедшим в «Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв....» [1].

В этих статьях ученому удалось решить широкий круг вопросов классификации и систематизации источников. Особого внимания заслуживает предлагаемая им синтезированная классификация персо- и тюркоязычных источников по истории казахского народа, учитывающая социально-политическую ориентацию их авторов, зависимость источников по содержанию и т. д. «Материалы» заложили прочную научную основу для углубленного изучения комплекса проблем истории Казахстана соответствующего периода. Выход в свет этой книги стал ценным вкладом в развитие казахстанского востоковедения.

Признание специалистов получила работа В.П. Юдина «О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами». В ней предпринята попытка нетрадиционного освещения вопроса о государстве Могулия как отличном от Могулистана в этническом, территориальном и хронологическом отношениях государственном образовании и о могульском этническом компоненте, принявшем участие в сложении казахского, уйгурского и кыргызского народов. Поднимаемые в этих работах В.П. Юдиным вопросы способствовали дальнейшей разработке теоретических востоковедных проблем, новых концепций. Он придавал большое значение проблемам источниковедения, сравнительно-текстологическому анализу восточных письменных памятников средневековья, их классификации по идейно-политическим и текстологическим особенностям.

Кроме того, он первым сделал анализ ранее не привлекавшихся для изучения истории Казахстана и Восточного Туркестана рукописей: «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи (XVI в.), «Тарих-и Шайбани» (начало XVII в.), «Зийа ал-кулуб» Мухаммада Аваза (начало XVII в.). Так, например, характеризуя сочинение Мухаммада Аваза «Зийа ал-кулуб», он отмечал, что «сочинение Мухаммада Аваза сообщает значительные по своей важности сведения о распространении ислама

среди казахов в XVI в. Они тем более ценны, что аналогичных им по содержанию свидетельств, во введенных к настоящему времени в научный оборот источников этой эпохи, почти нет». «Зийа ал-кулуб» посвящено известному среди казахов суфийскому миссионеру Ходжи Исхаку Вали (XVI в.), с именем которого была связана история распространения суфизма в Казахстане (в форме суфийского учения ордена накшбандийа в черногорском толковании). Анализируя сочинение Мухаммада Аваза, В.П. Юдин делает выводы, что ислам в XVI в. распространялся в Казахстане в форме суфийских учений и значительная роль в его распространении принадлежит светской знати – ханам и султанам. Исходя из своеобразия «Чингиз-наме» и других тюркоязычных сочинений, В.П. Юдин выделил особую классификационную группу из восточных письменных источников по истории Казахстана – источников, которые донесли до нас устное историческое знание кочевников Дешт-и Кипчака. Уже после смерти В.П. Юдина мы с Ю.Г. Барановой подготовили и издали труды Юдина «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи [2]. Особого внимания заслуживает многотрудная работа по подготовке к публикации трудов Вениамина Петровича «Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда». При написании своих трудов Вениамин Петрович использовал все разнообразие восточных письменных памятников, все виды исторических источников (археологические, рукописи, грамоты и указы, памятные записи). В.П. Юдин поставил вопрос о привлечении богатейшей агиографической литературы к изучению истории Казахстана, таких, как «Зийа ал-кулуб», «Джалис ал-муштакин» и др. В.П. Юдину принадлежит глубокое исследование этнической, политической, культурной истории средневекового Казахстана. Примером тому служат его классические работы «Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...», «Переход власти к племенным биям и неизвестной династии тукатимуридов в казахских степях в XIV в. ...», «Неизвестная версия гибели Урусхана...», «О строительстве мавзолея кыйята Джир-Кутлу на Сырдарье в XIV в.» (в этой работе Юдин затрагивает проблему восточных письменных источников, их взаимосвязи и подлинности фактической основы, степной устной историологии и предыстории Казахского ханства). XIV в. является особым периодом в истории нашего государства, т. к. это век предыстории возникновения Казахского ханства и других национальных государственных.

Прекрасное знание истории и филологии помогло ученому в его исследованиях средневекового Казахстана. Неудивительно, что все труды Вениамина Петровича характеризуются тонким тщательным анализом фактов и широким синтезом явлений. Они содержат новые

оригинальные мысли, подкрепленные огромным фактическим материалом.

Источниковедческим вопросам был посвящен спецкурс «Персо- и тюркоязычные источники по истории Казахстана XV–XVIII вв.», прочитанный Вениамином Петровичем на историческом факультете КазГУ в 1970-х гг. В годы своей педагогической деятельности на историческом факультете КазГУ (1970–1976 гг.) В.П. Юдин много сделал для подготовки молодых специалистов по истории Казахстана. Читая спецкурс, он пробудил у студентов интерес к истории казахского народа, к изучению восточных рукописей. Большой популярностью на факультете пользовался руководимый им научный студенческий кружок «Востоковед», на котором Вениамин Петрович вел занятия по персидскому языку. Велики заслуги Вениамина Петровича Юдина в деле подготовки востоковедческих кадров. Он – опытный учитель и заботливый наставник научной смены. Многие его ученики защитили кандидатские и докторские диссертации и успешно работают в различных научных учреждениях.

Говоря о школе В.П. Юдина, необходимо отметить, что имеется в виду не только научное направление в области источниковедения, разработанного им, продолжаемое его учениками, но и школа как жизненный и творческий путь, как стиль работы, как приемы обучения учеников, передачи опыта коллегам и установления с ними взаимопользовательных контактов, словом, как комплекс черт, всесторонне характеризующих творческую личность в ее становлении, развитии и наиболее ярких проявлениях. Мне посчастливилось прослушать увлекательный и незабываемый спецкурс Вениамина Петровича и посещать научный кружок «Востоковед», что оказало большое влияние на формирование моих интересов и пробуждение любви к истории, культуре, этнографии казахского народа.

Вениамин Петрович любил молодежь. Он был общителен по природе, любил делиться своими мыслями и знаниями, особенно с молодыми людьми, в которых замечал склонность к науке. Гостеприимно принимал их у себя, снабжал книгами, давал советы, руководил занятиями. В.П. Юдин был доступен всем в ущерб и своей работе, и своему отдыху, и своему здоровью. Он всех подкупал простотой и щедростью.

В.П. Юдина постоянно волновал вопрос о будущем востоковедной науки вообще и о путях развития казахстанского востоковедения, в частности. Он принадлежал к числу немногих историков-востоковедов, которые прекрасно разбирались в важнейших проблемах всемирной истории и литературы и умело использовали эти знания для изучения сложнейших вопросов истории Востока.

Развитию востоковедения, в частности источниковедения в Казахстане, способствовала работа В.П. Юдина, проводимая в Обществе охраны памятников истории и культуры Казахстана. Он был членом Президиума общества, председателем секции востоковедения. По его инициативе была учреждена Постоянная востоковедная археографическая экспедиция и разработана программа маршрутов в различные центры архиво- и рукописохранилищ. Результатами экспедиций явились сбор рукописных и архивных материалов (гг. Ташкент, Душанбе, Санкт-Петербург, Омск, Оренбург, Томск и др.), а также выявление и приобретение восточных рукописей по истории Казахстана в республике и за ее пределами. Собранные экспедициями материалы представляют собой нередко уникальные источники по истории и культуре Казахстана. Общественная деятельность В.П. Юдина также была подчинена цели изучения и популяризации востоковедных памятников по истории и культуре Казахстана.

Вениамин Петрович был большим оптимистом, с тонким чувством юмора, увлекавшимся и порою беззаботным человеком. Но все это сочеталось в нем с независимостью в суждениях и требовательностью, иногда доходящей до непреклонности, когда речь шла о науке. Наука являлась смыслом его жизни. Несмотря на то, что судьба не всегда была к нему благосклонна и «черные дни» нередко омрачали его существование (тяжелая неизлечимая болезнь преследовала ученого 15 последних лет жизни), Вениамин Петрович считал себя счастливым человеком. Во многом благодаря всесторонней поддержке его супруги Юлии Григорьевны, он, будучи больным, продолжал писать великолепные труды, аналитические статьи и рецензии. Его увлеченность и погруженность в научный поиск, без сомнения, давали ощущение счастья и удовлетворенности. Большая эрудиция, живой ум, умение последовательно, логически мыслить, четким хорошим слогом излагать свои мысли буквально «обрекали» его на успех в научных творениях. Этому способствовала еще одна черта характера Юдина: заядлый спорщик, он все и вся подвергал сомнению и стремился выяснить суть дела досконально. Сам процесс познания, изучения нового, приведения знаний в систему доставляли ему огромное удовольствие. Вениамин Петрович тщательно обдумывал все заранее и писал легко и быстро, так что его рука, как он сам говорил, порой не успевала за мыслью. Он был поистине талантливым ученым, чрезвычайно дорожил научным общением, которого, по его признанию, ему всегда хотелось больше. А еще его огорчало то, что он не мог приобретать все интересующие его рукописи, книги и журналы (читал же он очень много). Свои научные труды, которые ныне высоко ценятся и в Казахстане, и за рубежом, Вениамин Петрович создавал в чрезвычайно

скромных бытовых условиях. Вместе с супругой Юлией Григорьевной в однокомнатной, заставленной книгами и бумагами квартире, он плодотворно работал, посвящая себя и свое время науке и ученикам.

До последних дней жизни Вениамин Петрович был полон новых творческих замыслов, упорно работал над рукописями восточных сочинений, и их исследованием. Его последние публикации отражают большое желание работать, те же широту интересов, высокий профессионализм, глубину мысли, образность языка, точность наблюдений, которые были присущи ему всегда. Член-корреспондент АН Республики Туркменистан, проф., д. и. н. С.Н. Агаджанов, узнав о смерти В.П. Юдина, писал мне в письме: «Я думаю о том, что мы довольно часто не осознаем истинную цену ученым при жизни. Неужели же, чтобы измерить величину чинара, нужно его спилить пилой смерти...».

Научное наследие В.П. Юдина значительно превышает все опубликованное им. Остался огромный интересный материал, которому надо будет сохранить жизнь. Нами были подготовлены и изданы избранные труды Вениамина Петровича, куда вошли опубликованные и еще не опубликованные работы по истории, культуре Казахстана, Восточного Туркестана [3].

Научная жизнь В.П. Юдина продолжается и сегодня – в издании его работ, которые приобрели особое звучание и продолжают вызывать живой интерес и у отечественных, и зарубежных специалистов. Продолжается и в ежегодных традиционных «Юдинских чтениях», на которых поднимаются актуальные проблемы востоковедения, всегда так живо интересовавшие нашего Учителя Вениамина Петровича.

Живым наследием В.П. Юдина являются и его ученики. Он честно выполнил свой долг ученого, дав науке подготовленные им кадры специалистов-востоковедов. От нас зависит оправдать надежду своего Учителя.

1. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв / Извлечения из персидских и тюркских сочинений оставители: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. – Алма-Ата: Наука, 1969. – 650 с.
2. Утемиш-хаджи Чингиз-наме. Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусейтовой. – Алма-Ата: Ғылым, 1992. – 296 с.
3. Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 384 с.; Абусейтова М.Х., Баранова Ю.Г. Письменные источники по истории и культуре Центральной Азии XIII–XVIII вв.: (библиографические обзоры). – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 426 с.

Новатор, изобретатель, наставник: Ю.М. Маргулис

Имя отличника энергетики и электрификации СССР Юрия Моисеевича Маргулиса вошло в историю крупнейшей энергоцентрали Восточно-Казахстанского региона – Усть-Каменогорской ТЭЦ. О его творческой деятельности рассказывают документы личного фонда, которые в 2006 г. передала в Государственный архив Восточно-Казахстанской обл. вдова энергетика Роза Петровна Неровная перед отъездом на постоянное место жительства в Израиль.

Будущий энергетик родился 1 апреля 1931 г. в г. Пятигорске в семье служащего Маргулиса Моисея и Маргулис Марии Борисовны. В 1935 г. семья переехала на постоянное место жительства в г. Алматы, где в 1939 г. Юрий Маргулис впервые пошёл учиться в школу, но уже в 1940 г. семья Маргулиса вновь переезжает на новое место жительства. На этот раз – в г. Ташкент. Здесь, в 1945 г. Юрий вступает в ВЛКСМ, в 1949 г. успешно заканчивает школу и поступает учиться в Среднеазиатский политехнический институт на специальность «Теплоэнергетические установки». Отец Юрия Моисеевича к этому времени уже умер (в 1949 г.), мама продолжала жить и работать машинисткой в Ташкенте, в Государственном издательстве художественной литературы «Узбекистан» [1, л. 4].

Получив квалификацию инженера-теплотехника в 1954 г., Юрий Моисеевич приступает к работе в ташкентском отделении «Гипрожир», где работает до 1956 г., после чего переезжает в г. Усть-Каменогорск. С 25 июля по 25 сентября 1956 г. Юрий Моисеевич проработал в управлении «Алтайэнерго» старшим инженером производственно-технического отдела РЭУ, затем был переведен в распоряжение директора Усть-Каменогорской ТЭЦ РЭУ «Алтайэнерго».

За время работы на Усть-Каменогорской ТЭЦ Ю.М. Маргулис вырос от рядового инженерно-технического работника до руководителя предприятия, по словам самого Юрия Моисеевича «прошел долгий, но самый верный путь» [2, л.1]: с 1956 г. по 1958 г. он работал в должности начальника смены котельного цеха; с 1958 г. по 1959 г. – в должности дежурного инженера станции; 1960–1969 гг. – зам. начальника котельного цеха; с 1969 г. по 1970 г. – зам. главного инженера станции; с 1970 г. по 1976 г. – главным инженером станции. В 1976–1992 гг. Юрий Моисеевич Маргулис работал в должности директора Усть-Каменогорской ТЭЦ [1, 7].

Грамотный инженер, хороший организатор, он изначально поднял культуру и экономичность эксплуатации в котельном цехе. Цех работал с показателями, превышающими гарантированные заводом, и за

счет этого удельный расход условного топлива на отпуск тепла сократился со 182 гк/Гкал в 1961 г. до 178,7 кг/Гкал в 1969 г., что позволяло ежегодно экономить до 9000 т. топлива, т. е. до 80 000 руб. в год. Несмотря на трудности из-за устаревшего и изношенного оборудования, удавалось стабильно обеспечивать выработку электрической и тепловой энергии. Так, в 1986 г., по итогам года, план по выработке электрической энергии был выполнен на 100,2%, план по отпуску тепловой энергии на 100,1%, сэкономлено 2170 т. условного топлива [3, л.16].

Юрий Моисеевич – блестящий новатор, автор многих рационализаторских предложений. В творческом союзе с Брим Б.В., Елгашиным В.А., Семёновым О.А., Бахтиным А.К. появились и были запатентованы такие изобретения как гидросепаратор для разделения порошкообразных материалов в жидкой среде, использующийся при обогащении руд в цветной металлургии (патент №1795), сгуститель для частичного обезвоживания пульпы использующийся при обогащении руд в металлургической промышленности (патент №441), гидросепаратор для разделения порошкообразных материалов в жидких средах, использующийся при обогащении руд в цветной металлургии, при выделении полых микросфер из золошлаковых отходов ТЭЦ, ТЭС, ГРЭС (патент №433), гидравлический сепаратор для разделения порошкообразных материалов по плотности в жидких средах для обогащения руд в цветной металлургии (патент №431) [4]. Внедренные предложения по установке низкопотенциального экономайзера на котле БКЗ-75-39 давали экономию государству порядка 5000 руб. в год. Предложенная им автоматика горения, пылеприготовления, установки спаренных и строенных щитов котлов позволили уменьшить эксплуатационный персонал цеха на 36 чел. Для улучшения чистки газов под руководством Юрия Моисеевича была выполнена установка мокрых скрубберов системы ВТИ на двух котлах станции. Из 117 рационализаторских предложений Юрия Моисеевича, успешно были внедрены 116 с экономическим эффектом 137, 9 тысяч руб. [3, л.8].

Юрий Моисеевич заботился об эффективном функционировании Усть-Каменогорской ТЭЦ, об улучшении бытовых условий трудящихся и об организации их отдыха. При его умелом руководстве была проведена реконструкция, позволившая не только повысить мощности предприятия, но и улучшить условия труда: перестроена столовая, открыты магазин полуфабрикатов и комплексный приёмный пункт по оказанию бытовых услуг, построен четырёхэтажный бытовой корпус с круглосуточным здравпунктом и современным медицинским оборудованием и стоматологическим кабинетом, построена база отдыха на берегу Бухтарминского водохранилища, открыты спортивный зал для сотрудников, детский сад и пионерский лагерь для детей. Всё это способствовало улучшению про-

филактической, санитарно-просветительской работы, привело к резкому сокращению заболеваний персонала [5].

Маргулис Юрий Моисеевич был интеллигентным, эрудированным, сильным человеком, технически грамотным инженером, талантливым руководителем. Глубоко вникал в деятельность цехов и отделов вверенного ему предприятия, умел широко и своевременно увидеть недостатки и упущения. Хорошо знал нужды и «узкие» места в каждом структурном подразделении (цеху, отделе). Проявлял последовательность и настойчивость в решении поставленных задач, умело организовывал и мобилизовывал людей для достижения целей, применяя при этом, где необходимо, жесткость и решительность (коллеги вспоминают, что когда речь заходила об упущениях, неполадках и недостатках в работе, Юрий Моисеевич был вспыльчив, разговаривал с подчиненными в резкой форме). Сложные, спорные вопросы предпочитал решать коллегиально, но никогда не перекладывал ответственность на других. Его настойчивость, трудолюбие, искренность и доброжелательность во взаимоотношениях с людьми, личный пример активного поиска и творческой инициативы, умение находить нестандартные подходы к решению сложных проблем, требовательность, нетерпимость к небрежности, халтуре и неграмотности, позволили добиться прочного и неоспоримого авторитета в коллективе [3, л.16].

16 лет Юрий Моисеевич возглавлял ТЭЦ. Большое внимание уделял обучению персонала, вырастил не один десяток хороших специалистов, был одним из лучших преподавателей в школе мастеров при ТЭЦ, преподавал в индустриальном техникуме, работал с выпускниками-дипломниками. Общаясь с молодыми специалистами, приехавшими по направлению из высших учебных заведений, обязательно советовал «начинать с малого, потрудиться на рабочих местах, изучить производство до последнего винтика и познакомиться с людьми... Знания, опыт придут с годами к каждому, кто творчески относится к работе» [5]. Благодаря его школе многие из них стали руководителями энергетических предприятий не только на территории Казахстана, но и за его пределами.

Работая на ТЭЦ, Юрий Моисеевич постоянно участвовал в общественной работе и жизни станции. Долгое время был пропагандистом, председателем станционного общества по распространению научных и политических знаний, председателем станционной комиссии народного контроля и по борьбе с пьянством и алкоголизмом, членом ревизионной комиссии Усть-Каменогорского горкома партии, председателем Совета по коммунистическому воспитанию молодёжи, и членом партийного бюро ТЭЦ, выполнял обязанности заместителя секретаря партийного бюро при Усть-Каменогорской ТЭЦ [3, л.16].

Как депутат Ульбинского районного Совета народных депутатов Ю.М. Маргулиса занимался проблемами неблагоприятной экологической обстановки, отсутствия контроля в решении вопросов оздоровления окружающей среды, теплоснабжения города, борьбы с преступностью и укрепления правоохранительных органов квалифицированными кадрами, укрепления здоровья населения, охраны материнства и детства, расширения сети медицинских учреждений и их технического оснащения, обеспечения содержательного и культурного досуга населения, благоустройства улиц и дворов, культуры обслуживания и торговли «без очередей», борьбы против торговли «из-под прилавка» [2, л.1]. Более 40 лет отдал Юрий Моисеевич Усть-Каменогорской ТЭЦ. Человек проницательного ума, он посвятил свой организаторский талант и квалификацию благородному делу. За заслуги перед государством и вклад в развитие энергетики Маргулис Ю.М. был награждён медалями: «За доблестный труд», в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, «Ветеран труда» [2, л.9], а также нагрудными знаками: «Отличник энергетики и электрификации СССР», «60 лет ГОЭРЛО», почётными знаками: «ГО СССР», «Отличник гражданской обороны СССР», почётными грамотами Минэнерго Казахской ССР, партийно-советских и профсоюзных органов [1, л.1].

Юрий Моисеевич был известен не только в среде энергетиков, его знали и уважали все усть-каменогорцы за его многогранный труд. В быту он придерживался принципов коммунистической морали, имел марксистско-ленинские убеждения (член КПСС с 1963 г.), являлся крепким семьянином.

Жена Роза Петровна Неровная – кандидат медицинских наук, младший научный сотрудник Института краевой патологии, двое сыновей – Игорь и Алексей.

Юрий Моисеевич, ветеран энергетики системы «Алтайэнерго», скончался 23 декабря 2004 г. на 74-м году жизни после тяжелой, продолжительной болезни, о чем глубоко сожалели и скорбели не только родные, друзья и близкие семьи, но и его коллеги, ученики и все, кому в жизни повезло встретиться с этим удивительным человеком. За свой труд Юрий Моисеевич был отмечен высшими орденами того времени. Но, безусловно, его главная награда – теплоэнергетический комплекс ТЭЦ «Алтайэнерго» г. Усть-Каменогорска, сумевший выстоять во времена экономических преобразований и отвечать высоким требованиям современности [6].

1. ГА ВКО Ф.79. Оп.4. Д.2.
2. Там же. Д.10. Л.1.
3. Там же. Д.6. Л.16.

4. База патентов Казахстана /Электронный ресурс <http://kzpatents.com/patents/margulis-yurijj-moiseevich> Дата обращения 2.08.2018
5. ГА ВКО Ф.79. Оп.4. Д.9. Л.1.
6. Там же. Д.8. Л.1.

Складан С.А.

Л. Островский: «Люди, я люблю вас...»

Этот необыкновенный, довольно непростой человек в течение полутора десятков лет приезжал в г. Алматы. Вначале к дочери, её семье, родным, а потом и к слушателям своих духовно-нравственных школ, для которых он стал светочем – неиссякаемым источником добра, здоровья, успешной жизни.

Лев родился 27 мая 1931 г. в г. Киеве, умер 2 октября 2007 г., прожив непростую, во многом легендарную жизнь, наполненную личными и вселенскими открытиями и откровениями.

Впервые Лев появился в Алма-Ате со своими выступлениями, когда у него уже был огромный опыт помощи людям, которым не могла помочь медицина. Он проводил до Алматы встречи и выступления в Армении, на Кавказе, в Сибири, многих городах Украины и в США, где он не только выступал перед русскоязычными слушателями, но и лечил с полной гарантией людей с заиканием, алкоголизмом, курением, наркоманией за одну встречу. Он обладал при этом способностью моментальной диагностики не только болезней, но и особенностей личности тех людей, которые приходили на лечение. Он мог подробно описать личность человека, с которым был даже незнаком.

Уже в те годы Лев серьезно работал над книгой, условно назвав ее: «Книга тайнств мироздания раскрывает свои страницы...».

Еще будучи школьником, он серьезно занимался шахматами, участвовал в соревнованиях и привлек к этой игре многих своих товарищей. Лев в своих выступлениях и школах неоднократно говорил о шахматах как о модели жизни. Многие годы был президентом Федерации шахмат Украины. 36 лет возглавлял в ней судейскую коллегию. С 1973 г. был международным арбитром. Одновременно он работал ведущим инженером-конструктором во Всесоюзном институте сварочного производства, занимался конструированием робототехники. Во время работы заслужил несколько десятков авторских свидетельств об изобретениях, был заслуженным изобретателем Украины. Лев успешно совмещал работу конструктора с проведением шахматных соревнований. Неоднократно выступал в качестве главного арбитра чемпионатов СССР, входил в состав судейских коллегий спартакиад народов СССР, матчей на первенство мира (Петросян – Корчной в Одессе и Корчной – Спасский в Киеве) был арбитром других между-

народных матчей. Дважды избирался членом Президиума шахмат Федерации СССР, в 1988 г. был назначен тренером-психологом мужской и женской сборных олимпийских команд СССР.

Чемпиона мира по шахматам Г. Каспарова писал во «Всемирном шахматном обозрении»: «Островского до недавнего времени я знал, как незаурядного шахматиста и как судью международной категории. Но узнал в другом качестве, и просто не знаю, что подумать. Дело в том, что он перед моим поединком с Карповым вручил мне конверт из плохой бумаги, чтобы я вскрыл его, когда победитель определится. И что же! Когда баталии остались позади, я обнаружил в конверте имя победителя, но самое невероятное – до малейших деталей были воспроизведены все сыгранные тогда партии...».

Многие годы помимо шахмат Лев серьезно занимался иллюзионизмом, был победителем-лауреатом, дипломантом всесоюзного конкурса иллюзионистов и оригинального жанра. Со своими номерами Лев участвовал и в международных конкурсах иллюзионистов, и в них он был безусловным победителем. В последующем Лев подарил свои номера И. Кио.

Лев многие годы поддерживал дружбу с учеными-психиатрами, проводил психологические эксперименты и сеансы, в частности опыты с каталепсией. Занимался изучением без лекарственных методов лечения болезней, изучал целительные воздействия рук через точки акупунктуры, описанные в старинных китайских трактатах. Глубоко изучал натуропатию, дыхательные гимнастики йогов (пронаяма), К.П. Бутейко, А.Н. Стрельниковой, водолечение по С. Кнайпу, скипидарные ванны по А.С. Залманову. Изучал работы П. Брегга, Г. Шелтона, А.А. Суворина, Куренного. Занимался голоданием разными сроками, сыроедением, питанием по дзен-буддизму (в основном питание на кашах), питанием по Г. Шелтону, уринотерапией. Но особенно его потрясла йоговская система очищения всего желудочно-кишечного тракта – Шанк-Пракшалама. Одновременно Лев изучал фитотерапию. Надо сказать, что все, что Лев исследовал, он проверял на себе, будучи практически здоровым. Но фитотерапию Лев не просто изучил, досконально, увязав эти знания со стихиями солнца, огня, воды, воздуха, земли.

Любое дело, которым занимался Лев, он доводил до совершенства. Занимаясь шахматами, собрал полную библиотеку по шахматам, потом подарил ее библиотеке Укрпрофсоюза. Одно время собирал и изучал значки разных видов и регалий, затем подарил эту коллекцию музею.

В 1982 г. у Льва произошло событие, которое изменило многое. Произошла встреча Льва с ясновидящей Альдоной, которая обладала

необыкновенными способностями. Со знакомства с ней у Льва появилась связь, начали проявляться различные способности, хотя и до этого, Лев увлекался внушением, парапсихологией, телепатией и многим другим в этой области, изучал разные виды религий.

В конце 1980-х гг. Лев перенес онкологическое заболевание – рак желудка. Несмотря на требование врачей удалить желудок, Лев отказался от операции. От этого заболевания Лев вылечился сам голоданием, травами. 7 лет фактически находясь в «схиме», Лев работал над книгой, условное название которой «Книга таинств мироздания раскрывает свои страницы». Но получилась, ни 1 книга – 17. Главы из этих книг изданы одной книгой, которая называется «Завет живущим». В книге есть разделы о биополе, об истории Земли и человечества, о мистике, законах жизни на Земле, строении мироздания.

Лев утверждал, что знать свою задачу жизни – это самое главное для человечества, и очень важно не цель жизни каждого, а цель жизни всех. Мы, люди, не просто появились на Земле, а с определенным заданием. Льва называли мистиком. Мистика на иврите означает «наука о тайном, сокрытом, наука о необъяснимом, неизвестном». И как раз эти открытия помогли Льву решать самые неразрешимые дела и проблемы, которые касались жизни и здоровья многих людей. О его достижениях в решении необъяснимых задач ходили легенды, одна из которых была связана с болгарской ясновидящей Вангой.

На одном из выступлений в Киеве, которое проходило в большом зале Политехнического института, на сцену вывели парня. Его отец объяснил, что его сын в течение нескольких лет вел себя не адекватно. До этого был жизнелюбивым, талантливым, любознательным мальчишкой, которого уважали ребята в классе и учителя, пророча ему золотую медаль. Врачи США, ФРГ, Франции отказали в помощи, считая лечение невозможным. Лев сказал отцу, что не считает себя всемогущим и может ли помочь? Отец парня возразил, что ясновидящая Ванга указала, что «вылечит мужчина из Киева, которого легко можно будет найти». Повинуясь возникшему побуждению, Лев коснулся лба парня и сказал: «Теперь ты здоров». Парень ответил «Да, я здоров». Парень получил не только здоровье, но и надежду на будущее.

В университете Дружбы народов им. Патриса Лумумбы Лев прошел курс и стажировку по психотронике и биоэнерготерапии на медицинском факультете и получил документ с правом выполнения профессиональных работ в этих направлениях.

Международная ассоциация положительных экстрасенсов объединяла более 150 видных и выдающихся экстрасенсов всех стран мира (всего более 20 000), Лев много сил уделял поиску, обучению, развитию и становлению молодых дарований.

Лев писал: «Самое главное на Земле с позиции конечной цели мироздания – производить энергию любви. Человек живет для того, чтобы заработать эту энергию и идти дальше. Это его основная задача на Земле... Любовь создает порядок из хаоса».

С 1991 г. Лев проводил свои выступления во многих залах Алматы, с 1992 г. – духовно-нравственные школы. В статье А. Володаева «Нужно жить под положительной звездой», опубликованной в газете «Вечерняя Алма-Ата» от 10 января 1992 г., есть такие, высказывания Льва: «Я утверждаю, что самое главное для человечества это знать свою задачу жизни. Не цель жизни каждого, а цель жизни всех. Без этих знаний наша жизнь порой бывает бессмысленна. Мы не просто так случайно назвали и живем. Человечество появилось на земле с определенным заданием...».

Человек неотделим от природы, он часть её, а потому может и должен жить в гармонии с ней. Поэтому понятно, как важны для человека чистота воды, Земли, воздуха. Загрязняется окружающая среда – загрязняем мы, наши души, появляются болезни. Мы уже говорили, вспоминая слова Льва, что наше здоровье зависит от нашей жизни, мыслей, питания. Но в целом, состояние здоровья зависит от соблюдения законов жизни на Земле, то есть библейских заповедей, ибо нарушение любой из них наказуемо болезнью, либо другими житейскими катаклизмами. А поскольку между грехом и наказанием за него обычно проходит определенное время, людям просто трудно установить, уловить причинно-следственную связь между ними. Другая причина болезней в нашей психологической реакции, на окружающее. Чем чаще мы скандалим, злимся, раздражаемся, словом, испытываем отрицательные эмоции, тем больше вероятность заболевания потому, что при этом мы выбрасываем колоссальное количество энергии, необходимой для поддержания жизни. Чтобы быть здоровым, надо избавиться от неправильных мыслей и поступков.

Вера, Надежда, Любовь – вот те путеводные звезды, которые по убеждению Льва Островского должны сопровождать человека на протяжении всей его жизни. Если водой Льва обрабатывать растения, то они поражают своей жизнестойкостью и урожаем, избавляются от болезней и вредителей. Доктор биологических наук С. Сперанский писал в декабрьском номере за 1991 г. журнала «Знание – сила» о воде Льва. «Фактическое, казалось бы, утверждение Островского о его способности помогать на расстоянии в изменении свойств воды получило экспериментальное подтверждение». Он исследовал влияние воды Льва на мышей.

Доктор биологических наук, заведующий проблемной лабораторией «Научного обоснования традиционных методов диагностики и

лечения» С.В. Зенин также занимался изучением разных свойств воды Льва с помощью уникальных приборов. Лев мог зарядить воду, характерную для любых водных источников Земли. Сотрудники С.В. Зенина вместе с ученицей Льва С. Лавренко изучали ее свойства, сравнивая с водой из этих конкретных источников. И были весьма поражены, что свойства воды из разных источников совпадали с водой Льва, конкретно заряженной, согласно этим источникам.

Лев руководил диссертациями своих учеников в разных областях знаний: в медицине, биологии, философии, юриспруденции, физики, военных науках. Его ученики успешно защитились.

Обаятельный, добрый, милосердный, творческий, трудоспособный, постоянно обдумывающий и решающий трудные проблемы, порой тупиковые. Он был мастером загадок, решал такие, которые никому кроме него были не по силам. Он бережно относился ко всем, с кем соприкасался.

За вклад в деле общественного здоровья, воспитания и морали, за духовно-нравственные школы, выступления, оздоровительные сеансы Льву было присвоено звание почетного гражданина г. Киева. Он получил это звание в день своего 70-летия, которое совпало в тот год с днем Киева.

Люди г. Алматы помнят и безгранично благодарят Льва за его мощь, знания, здоровье, которые Лев бескорыстно давал людям, и не забудут его слова: «Люди, я люблю вас...».

Сагатова А.С.
Ошанов Н.З.

Ученый – наставник – поэт

Потребности современного развития общества ставят перед нами задачу, связанную с изучением родного края и вклада личностей в становление и процветание нашего региона. Караганда, будучи крупнейшим промышленным центром Казахстана, занимала ведущее место среди других городов в постсоветском пространстве. «Угольная кочегарка» богата не только полезными ископаемыми, но и неисчерпаема выдающимися личностями. Одним из таких людей, на наш взгляд, является скромный по характеру, неустанный в труде, лирик по натуре, профессор-поэт из КарГТУ Иосиф Вульфович Брейдо. Ученые и поэты сами дадут ему оценку, мы же постараемся довести до широкого круга читателей краткую биографию нашего героя.

Иосиф – старший сын в семье Брейдо, в 1950 г. родился Евгений, в 1962 – Виталий. Оба окончили Карагандинский медицинский институт, защитили кандидатские диссертации. К сожалению, оба рано ушли из жизни.

Мама – Пепш (Брейдо) Анна Львовна родилась в г. Горьком, там же поступила и окончила медицинский университет. Отец – Брейдо Вульф Абрамович – уроженец г. Полоцка, два курса перед войной учился в Первом Ленинградском медицинском институте, в эвакуации окончил Институт в г. Молотове (Пермь). После завершения учебы в 1943 г. родители были призваны в Красную армию, служили в госпиталях на 1-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. Окончание войны встретили в Польше, отец – в звании старшего лейтенанта медицинской службы, мама – в звании капитана. Брачное свидетельство им вручили в советском посольстве в г. Варшаве. Проехав через Польшу с другими врачами, отец 9 мая оказался в Берлине и оставил на стене Рейхстага памятную надпись. Это было непросто – ни одного свободного места! Товарищ встал на ящик, он – на плечи друга и вывел: «Брейдо Вульф Абрамович из Полоцка».

Война оставила глубокие раны в семье. В Литве в 1941 г. фашистами расстреляны бабушка и дедушка мамы, дяди и тети, племянники – все, кто жил в местечке Рогувы. В 1942 г. под Ржевом погиб младший брат мамы – 19-летний Хаим, ушедший на фронт добровольцем. В 1941 г. под Львовом пропал без вести старший брат отца – Иосиф, призванный в армию еще до войны, на фронтах погибли двоюродные братья, война унесла жизни 9 родственников отца.

Пепш Хаим Лейбович (1923–1942) уроженец г. Горький. Призван Свердловским РВК, г. Горький. Красноармеец, радист артбатареи 46 Гвардейского стрелкового полка, 16 Гвардейской стрелковой дивизии. Убит 16 августа 1942 г. Похоронен в дер. Коршуново. Перезахоронен: Россия, Тверская обл., Ржевский р-н, дер. Полунино, братская могила [1].

Брейдо Иосиф Абрамович, 1917 г. р., место рождения: БССР, Витебская обл., г. Полоцк, призван в 1940 г., красноармеец, стрелок, последнее место службы – 32 мотоциклетный полк, пропал без вести в 1941 г. в р-не г. Львова.

Вот какие стихи написал Иосиф Вульфович, посвятив их памяти своих родных.

Памяти Иосифа

Без вести пропал под Львовом
в сорок первом брат отца
от снарядного осколка
иль смертельного свинца,
или, преданный на муки,
безымянным в землю лёг
предвоенного призыва
аспирант, потом стрелок,

с древним именем библейским,
чуть постарше двадцати,
и душа его над миром,
в одиночестве летит...
Потому ношу я имя
не вождя и мудреца,
а пропавшего под Львовом
брата старшего отца.

Памяти Хаима

Шестнадцатого августа, в сорок втором, под Ржевом
Убит в бою, в последнем для него и в самом первом.
И было только девятнадцать парню. Звали Хаим.
Навеки лечь под Ржевом выпала судьба такая.
Лежит в Полунино, среди других в могиле братской,
Подонки его имя часто мажут грязной краской.
Но Хаим – это не кличка и не бранное слово:
Означает жизнь, и более ничего другого...
Написал письмо за месяц до последнего боя:
«Всё хорошо со здоровьем и с моею судьбою,
Не беспокойтесь родители, жизнь в полном порядке,
Только нет карандашей и для писем нет тетрадки.
Кормят три раза в день, будто за пазухой у бога,
Но вот куриная слепота мешает немного.
В нашей деревне сейчас спокойно: время летнее,
Да, юнкерс сбросил бомбы, но на село соседнее.
Скоро на позиции... Что нового у нас дома?
Ну, вот и всё. Пока. Привет всем родным и знакомым»...
Повторяю: погиб он под Ржевом, не под Ташкентом,
И я, пока жив, буду напоминать всем об этом.

Отец Иосифа Брейдо был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, двумя медалями «За боевые заслуги», 23 юбилейными медалями. У мамы – орден Отечественной войны 2-й степени, орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги», 12 юбилейных медалей. Орден Красной Звезды нашел ее через много лет после окончания войны. Госпиталь был переведен во время войны на другой фронт, и орден разыскали в архиве Советской армии в г. Подольске через 30 лет после войны.

После войны, вспоминает Иосиф, отец остался в армии: 16 лет служил в Иссык-Кульском военном санатории в ТуркВО, в возрасте 32 лет получил звание подполковника, в 1959 г., первым среди военных медиков округа, защитил кандидатскую диссертацию. Затем служил в Самарканде, с 1963 г. – на военной кафедре Карагандинского медицинского института, в запас ушел в 1974 г., потом работал доцен-

том на этой же кафедре до 2001 г. Звание полковника получил уже в отставке, к 50-летию Победы. Опубликовал около 100 печатных работ. Отец всю жизнь был активным человеком: организовал музей истории Карагандинского мединститута, руководил Советом ветеранов вуза с 1982 г., почти 20 лет. Вместе с первым ректором Поспеловым П.М. написал книгу «Карагандинский государственный медицинский институт». Как председатель Совета ветеранов приложил много усилий, чтобы в Караганде появилась улица им. Поспелова. За активную общественную работу награжден 2-мя знаками Советского комитета ветеранов войны и грамотами.

Мама после войны до пенсии работала врачом – лаборантом, о войне вспоминать не любила, награды носила редко.

Иосиф в 1954 г. поступил в Тамгинскую школу, с 1959 г. по 1961 г. учился в г. Горьком, с 1961 г. по 1963 г. – в г. Самарканде, куда перевели служить отца.

Одиннадцатый класс средней школы №49 в г. Караганде, на новом месте службы отца, где учился с 1963 г. по 1965 г., окончил с золотой медалью.

В том же году поступил по специальности «Диэлектрики и полупроводники» на электрофизический факультет Ленинградского электротехнического института (далее – ЛЭТИ) им. В.И. Ульянова (Ленина). Вуз являлся одним из ведущих электротехнических высших учебных заведений страны. Это были годы бурного расцвета исследований и разработок в области полупроводниковой техники. Появились первые микросхемы, полевые транзисторы, создавались лазеры, другие принципиально новые полупроводниковые приборы и системы. В институте в этот период работали такие педагоги и ученые, специалисты в области физики, химии и технологии диэлектриков и полупроводников, магнитных материалов, электротехники, автоматизации, как академик Н.П. Богородицкий, профессора В.В. Пасынков, А.А. Преображенский, Б.Ф. Ормонт, Л.К. Чиркин, А.Д. Шинков и др. Блестящие лекторы, авторы оригинальных идей и технических решений, исследователи высшей квалификации, образованные и эрудированные интеллигенты, стали примером не только в профессиональной деятельности, но и в жизни, оказали существенное влияние на формирование мировоззрения своих учеников. По их учебникам учились во многих вузах СССР, готовивших специалистов по соответствующим специальностям. Результаты исследований и разработок этих ученых, монографии и публикации стали основой для создания ряда новых направлений в полупроводниковой и магнитной технике, физике диэлектриков и полупроводников, машиностроении и автоматизированном электроприводе.

Первые шаги в науке Иосиф Брейдо сделал в институте: принимал участие в экспериментах, выполнял вспомогательные работы в научно-исследовательской лаборатории кафедры. Участвовал в общественной жизни, как и многие студенты того времени: был старостой группы, потока, ездил в студенческие стройотряды в Псковскую обл., на целину. По окончании института, в 1971 г., вместе с большинством выпускников был призван на службу в ВМФ в звании инженера-лейтенанта. Служил на Тихоокеанском флоте, на ракетно-технической базе. Это была суровая школа, которая научила принимать решения и доводить их до конца, командовать и подчиняться, отвечать не только за себя, но и за подчиненных. В профессиональном плане пришлось все начинать заново, т. к. ни гражданская, ни военная специальности не имели отношения к ракетной технике. Тем не менее, через два года старшего лейтенанта Брейдо назначили начальником лаборатории на должность капитана 3-го ранга.

Здесь же, на Дальнем Востоке, была создана семья, родился сын. После окончания службы в 1974 г. И.В. Брейдо вернулся вместе с семьей в г. Караганду.

В ту пору в городе уже несколько лет существовала лаборатория горно-шахтного электропривода на правах филиала Института горного дела им А.А. Скочинского, головного в угольной отрасли, входившего в состав Академии наук СССР. Лабораторию создал и руководил ею Эрих Генрихович Краус, один из ведущих специалистов угольной отрасли в области электропривода. Его научные работы были в основном посвящены решению комплекса задач по исследованию, разработке и применению автоматизированного электропривода горных подземных машин. В 1974 г. лаборатория совместно с головным проектным институтом угольного машиностроения «Гипроуглемаш» и заводами угольной и электротехнической промышленности работала над созданием первого в мире угледобывающего комплекса КМ-128П с радиоуправляемым многодвигательным взаимосвязанным взрывозащищенным тиристорным электроприводом постоянного тока. Иосиф Вульфович был направлен в группу разработки систем автоматического регулирования, которой руководил Ю.Н. Головкин. Пришлось осваивать новую специальность, и здесь помогла базовая фундаментальная подготовка, полученная в ЛЭТИ. С 1974 г. по 1979 г. в лаборатории велись работы по разработке и изготовлению оборудования, проводились заводские испытания тиристорного электропривода и угледобывающего комплекса на экспериментальном заводе «Гипроуглемаш» в Малаховке Московской обл., предварительные испытания на поверхности – на 121-й и 20-й шахтах, подземные испытания – на шахте им. А.А. Костенко ПО «Карагандауголь».

Комплекс КМ-128П – уникальный полигон, на котором были исследованы и отработаны передовые научно-технические решения, имевшие мировой приоритет в угольном машиностроении и горной электротехнике. Впервые был создан радиотелеуправляемый взрывозащищенный тиристорный электропривод для работы в подземных условиях. Комплекс стал своеобразным катализатором, ускорившим исследования и разработки управляемых электроприводов для подземных горных машин в СССР и за рубежом.

В 1975 г. комплекс экспонировался на всемирной выставке «Уголь–75» в г. Донецке и привлек пристальное внимание отечественных и зарубежных специалистов. Ведущие зарубежные фирмы угольного машиностроения «Эйк-гофф» и «Джой» через несколько лет после создания комплекса начали выпускать радиоуправляемые угледобывающие комбайны с тиристорным электроприводом механизма подачи. Э.Г. Краус стал первым учителем И.В. Брейдо в науке и определил дальнейшие направления его научной деятельности: это системы автоматического регулирования электроприводов, управляемые электроприводы горных машин с бесконечно замкнутым рабочим органом.

И. Брейдо были проведены исследования в области систем автоматического управления телеуправляемым тиристорным электроприводом постоянного тока, исследованы, разработаны и испытаны системы распределения, демпфирования и ограничения нагрузок в тиристорном электроприводе скребковых конвейеров. Эти исследования легли в основу диссертационной работы на тему «Установление оптимальных режимов работы регулируемого тиристорного электропривода скребковых конвейеров угольных шахт», которая была защищена в 1983 г. в ИГД им. А.А. Скочинского. После испытаний экспериментального образца комплекса совместно с ведущими институтами и предприятиями министерств электротехнической и угольной промышленности СССР начались работы по созданию опытных образцов комплекса оборудования для автоматизированной выемки угля, сланца и калийных руд с комплектными тиристорными электроприводами постоянного тока. Лаборатория была преобразована в отдел, И.В. Брейдо стал заведующим лабораторией систем управления и регулирования. В 1985 г. получил ученое звание старшего научного сотрудника. В процессе научной деятельности ему довелось общаться и работать с ведущими учеными угольной и электротехнической промышленности: членом-корреспондентом АН СССР, лауреатом Государственных премий СССР А.В. Докукиным, заслуженным деятелем науки и техники РСФСР, лауреатом Государственных премий СССР, профессором, доктором технических наук В.С. Тулиным, профессорами В.М.

Берманом, В. И. Серовым (позже академиком РАН), Ю.П. Миновским, Ю.З. Позиным, В.Н. Хориным и др. В самостоятельное направление, которым руководил И.В. Брейдо, оформились работы по созданию тиристорного электропривода скребковых конвейеров и исследованию динамики управляемых электроприводов горных машин с цепным тяговым органом. В 1988 г. И.В. Брейдо был приглашен профессором В.Ф. Бырькой на должность доцента кафедры автоматизации производственных процессов Карагандинского политехнического института, где под его руководством была создана учебная лаборатория автоматизированного электропривода, ставшая в то время одной из лучших в Казахстане. С первых же дней работы в институте принимает активное участие в учебном процессе, в создании методического обеспечения, новых методов и технологий обучения, в привлечении к научной работе студентов и молодых преподавателей. В 1991 г. И.В. Брейдо получил ученое звание доцента.

Продолжалась и научная работа. В 1996 г. И.В. Брейдо в Уральской государственной горно-геологической академии в г. Екатеринбурге защитил докторскую диссертацию на тему «Структурно-параметрическая оптимизация управляемых электроприводов подземных передвижных машин». В результате проведенных исследований созданы научно-методическая база и комплекс технических решений для разработки управляемых электроприводов машин и механизмов, работающих в тяжелых условиях эксплуатации. Теоретические исследования внесли вклад в развитие теории управления и теории электропривода. В 1998 г. диссертация была переаттестована в Республике Казахстан, в 1999 г. И. В. Брейдо получил ученое звание профессора. С 1994 г. И.В. Брейдо заведует кафедрой автоматизации производственных процессов КарПТИ.^{1*}

Несмотря на сложные последствия, связанные с распадом СССР, разрывом экономических связей между бывшими республиками, структурной перестройкой экономики, что привело на первом этапе к резкому снижению спроса на инженеров и миграции ряда преподавателей в страны СНГ, в дальнейшем зарубежье, кафедре удалось сохранить, в дальнейшем укрепить свои позиции в образовательном пространстве Республики Казахстан и стран СНГ.

Кафедра готовит бакалавров и магистров по специальностям Электроэнергетика и Автоматизация и управление, при кафедре создана докторантура по специальности Электроэнергетика. Готовятся магистры в профильной магистратуре по образовательной программе «Робототехни-

^{1*} Ныне Карагандинский государственный технический университет (далее КарГТУ).

ка. Системы управления» для ГПИИР-2. Создан и функционирует Диссертационный совет по специальности «Электроэнергетика».

В 2015–2016 гг. И.В. Брейдо организовал в КарГТУ совместно с ведущими мировыми производителями 3 инновационных инженерных Центра «КарГТУ – Фесто-Синергия», «КарГТУ – Шнейдер-Электрик», «КарГТУ – Мицубиши – Электрик – Казпромавтоматика».

И.В. Брейдо – руководитель международного научно-образовательного Интернет-проекта «Синергия» от КарГТУ, в котором участвуют ведущие технические университеты РФ и компания ТЦИ (группа Festo, Австрия, Германия); ответственный от КарГТУ по направлению «Энергетика» и «Автоматизация и управление» от Университета ШОС; руководитель разработки образовательной программы профильной магистратуры для ГПИИР-2 «Робототехника. Системы управления»; Президент по Казахстану международной организации «ДАААМ» по автоматизации в промышленности (53 страны, штаб-квартира в Вене).

Под его руководством и при непосредственном участии выполнен комплекс работ по созданию полупроводниковых электроприводов, электрооборудования и систем автоматизации, включая системы обработки и передачи технологической информации для предприятий горно-металлургического комплекса. В настоящее время он является научным руководителем проекта «Распределённая помехоустойчивая «смарт-грид» система контроля состояния опор ВЛЭП с использованием комбинированных методов передачи информации».

И.В. Брейдо создал инновационное предприятие «ЭЛАТ», которое разработало, организовало серийное производство и реализовало в 2005–2017 гг. более 600 аппаратов по защите от токов утечки электрооборудования экскаваторов и буровых станков.

Им созданы системы удаленного мониторинга режимов работы оборудования угольных разрезов, внедренные в АО «Шубарколькомир».

В период 2001–2016 гг. подготовил 1 доктора и 7 кандидатов технических наук, 3 доктора PhD.

И.В. Брейдо – член экспертных комиссий и советов МОН РК, областного акимата, эксперт НАТР и др.

До 2005 г. – член докторского совета при АУЭС, до 2008 г. – член экспертного совета по физике и энергетике Комитета по контролю и аттестации в сфере образования и науки МОН РК, в 2011 г. – член Диссертационного Совета при КазНТУ по защите диссертаций PhD, с 2016. председатель Диссертационного Совета при КарГТУ по специальности «Электроэнергетика».

Кроме того, он является: членом редакционных коллегий и советов научно-технических журналов России и Казахстана; членом программных и организационных комитетов Международных научно-технических конференций в России и Украине (2011–2017 гг.); редактором по специальным вопросам европейского журнала «Energy Web and Information Technologies», входящего в базу данных Скопус; секретарем Наблюдательного Совета КарГТУ; председателем Общественного совета Карагандинской областной еврейской общественно-благотворительной организации «Хэсэд Мириам» с 2002 г. – членом малой Ассамблеи народа Казахстана по Карагандинской обл., с 2005 г. – председателем ассоциации выпускников кафедры автоматизации производственных процессов КарГТУ.

И.В. Брейдо – обладатель Государственного гранта «Лучший преподаватель вуза» за 2005 г. и 2011 г.; обладатель Государственной научной стипендии для ученых и специалистов, внесших выдающийся вклад в развитие науки и техники на 2009–2010 гг. и 2014–2015 гг. Награжден медалями «20 лет Независимости Казахстана» и «20 лет Ассамблеи народа Казахстана», Почетными знаками «За развитие науки в Республике Казахстан» и «Почетный преподаватель РК».

Опубликовал более 650 научно-методических трудов, издал 8 монографий и 20 учебных пособий, имеет 32 изобретения.

Он является академиком КазНАЕН, академиком КазМАИН, академиком Санкт-Петербургского отделения инженерной академии РФ.

Несмотря на огромные достижения в науке, Иосиф Брейдо никогда не забывает о литературной деятельности, которой занимается также профессионально. Лауреат 2-го Международного поэтического конкурса «Я ни с кем никогда не расстанусь», автор 5 сборников стихотворений – «Метки и осколки бытия» (2002 г.), «Наворожи, гадалка, нам...» (2004 г.), «Дорожная молитва» (2006 г.), «Когда бы осень ни пришла...» (2010 г.), «В синкопе времён (избранные стихи)» (2013 г.). Имеет публикации в 11 коллективных сборниках и книгах; в литературных журналах: «Простор» (Алматы), «Нива» (Астана), «Сибирские огни» (Новосибирск).

Являясь символом эпохи, Иосиф Брейдо служит для нас образцом ученого, организатора науки, патриота и гражданина Республики Казахстан.

1. ЦАМО. Ф.58. Оп.818883. Д.539.

Концерт для одинокого рояля

Преподавателю Алматинской государственной Консерватории Эмилю Абрамовичу Росману исполнилось 75. Но шла экзаменационная сессия со всеми её тревожностями, было не до юбилейных торжеств, и лишь две недели спустя в Камерном зале состоялся грандиозный концерт в честь юбиляра. Да, да – грандиозный, безо всякого преувеличения. Зал был переполнен сверх меры, так что пришлось в срочном порядке нести стулья из аудиторий. Публика – а это были ученики Эмиля Абрамовича и горячие поклонники музыки – принимала на «бис» все выступления. Выступавшие – среди них опять же ученики Эмиля Абрамовича и ученики учеников – были в ударе. И те, кому повезло присутствовать на том концерте, могли лишь сетовать о том, что подобные концерты недоступны широкой публике, что весь этот фейерверк талантов сосредоточен не на исполнительской деятельности, а на преподавательской работе.

Самого юбиляра на концерте – увы! – не было. Живёт он далеко-далече от Алматы – в Израиле, в Ришон Ле-Ционе, и прибыть на торжества не мог. Но торжества снимались на видеокамеру, и эта прямая трансляция с места событий будет чуть позже Эмилю Абрамовичу вручена.

Из Алматы он уехал 14 лет назад, тотчас по достижении пенсионного возраста, уехал по настоянию сына и невестки: их неодолимо звала к себе Земля Обетованная, и зову этому противостоять было невозможно. Эмиль Абрамович понимал, что в силу возраста он как музыкант едва ли будет востребован в Израиле (туда репатриировалось 250 тысяч музыкантов со всего мира), и воспринимал это как личную катастрофу. Алматинской консерватории было отдано 32 года – да что там говорить: всё, всё было связано с Алматой и консерваторией. А что такое подобный переезд? Предстояло обнажить всю корневую основу жизни, перенести её в другую страну (да, желанную, но мало-знаемую!) и заново укорениться в иной системе координат. Оставить привычный уклад жизни, друзей-соратников, учеников, одержимых, как и он, музыкой. Бессонными ночами перед ним проходили чередой лица дорогих и ставших бесконечно близкими людей. Он как-то начал подсчитывать, сколько же учеников им подготовлено за это время. Вспоминались обстоятельства, при которых он встретил их впервые, вспоминалось, как складывалась их дальнейшая жизнь. Получалось, что учеников у него не менее ста. А ведь музыкант, как в ювелирном искусстве, изделие штучное.

В те три зимние месяца пока велось оформление документов, и шли сборы, он изболелся, похудел. Ему никогда не забыть день отъезда. Стояла слякотная мартовская погода, но небо уже наполнилось нестерпимой весенней синевой, и желанные алматинские горы как бы стояли на страже зачинающейся весны. Казалось, вся консерватория пришла на проводы. Он очень старался улыбаться, но сдержать слёз не мог...

Он очень рано понял, что жизнь по сути своей трагична. Истина была самоочевидной, но, будучи неисправимым оптимистом, Эмиль Абрамович умел перешагивать через этот горький постулат и более того – внушать и возвращать оптимизм в учениках. Ему это удавалось без труда, поскольку был он человек вулканической энергии, дело жизни своей любил превыше всего на свете и, опять же своей увлечённостью, умел зажечь молодёжь.

Учеников он пестовал и лелеял. И если юное создание попадало ему в руки, его собственная жизнь как бы отступала на второй план, а главным было то, что происходит с его учениками здесь, в классе. И вне класса тоже. Упаси Б-г, если кто-то заболел! Эмиль Абрамович готов был поднять на ноги всю медицину, дабы поставлен был точный диагноз, прописаны, а затем и раздобыты нужные (пусть даже самые дефицитные!) лекарства. Человек рядом с ним не мог пасть духом. Голосом своим, манерой поведения, одержимостью к музыке Эмиль Абрамович умел вывести человека из любой хвори, из любого уныния. И вот уже, не смотря на высокую температуру, человек улыбается. Да и кто вам сказал, что температура высокая? Поставьте градусник снова. Вот видите, а что я вам говорил? Температура нормальная, и в самый раз поговорить о педализации полифонических произведений Баха, а ещё точнее: о левой педали фортепиано... И лишь в последние годы, уже там, вдали от Алматы, в Ришон Ле-Цоне, его оптимизм пошёл на убыль, потому что он привык энергию свою отдавать ученикам и, лишившись такой возможности, был как бы обречён на самосожжение.

Он присматривался к новым людям и обстоятельствам, пытался вобрать их в своё сердце, быстрее свыкнуться с ними. Узнав, что он играет всего Моцарта, пожилого профессора пригласили на виллу близ Тель-Авива, и он исполнил фортепианный концерт великого музыканта, предварительно прочитал о нём интереснейшую лекцию. Были ещё приглашения. Он сыграл два органных концерта, выступал как концертмейстер, аккомпанируя вокалистам.

Ему пытались помочь в поисках работы. Иметь постоянное место работы весьма важное обстоятельство, потому что в Израиле талантливым творческим людям присуждается стипендия Шапиро, это три

тысячи шекелей, но... Но необходимо эту стипендию «прикрепить» к определённом рабочему месту. Он искал его несколько лет. Он давал благотворительные концерты в Тель-Авиве, в Бар-Эланском университете. Однажды его пригласили в кибуц (это нечто вроде сельхозкоммуны). Концерт проходил под открытым небом. На траву выкатили рояль, и зазвучала столь вдохновенная музыка, что эти мало знакомые люди не хотели его отпускать до полуночи. Но постоянного места работы не было.

Разумеется, он писал письма в Алматы, десятки писем. На какое-то время письма эти спасали его от нестерпимой тоски. В конце концов, можно сесть к роялю и отвести душу в чудовищно многоголосом Бахе или в искристой безмятежности Моцарта. Он поднимал крышку рояля, мысленно сосредоточивался на первых тактах, руки уже готовы были коснуться клавиш. Но не касались их. Он мысленно проигрывал всю пьесу, сидел какое-то время молча, тихо вставал и прикрывал клавиатуру. Потом он впал в депрессию, ему даже какое-то время пришлось отлежать в больнице. Его поставили на ноги, но к роялю он не подходил года два или три. Потом уже и там, в Израиле, у него появились ученики, мир снова обрёл и полнозвучие, и смысл.

Дети обустроились, укоренились. У сына свой бизнес. И у внуков всё тоже о'кеу: внучка Оля второй год служит в Израильской армии, внук Илья учится. Они, можно сказать, коренные израильтяне. И можно бы радоваться жизни, но в сердце нет-нет, а и зазвучит неизбывная нота боли и тоски по Алматы.

Он часто ловит на себе всепонимающий и всепрощающий взгляд жены. О, эти синие глаза, струящие такую безмятежность, такую неохватную доброту, их можно сравнить только с небом, но это сравнение мало что говорит душе и сердцу. Ибо когда бок о бок прожита вся жизнь, когда тебя понимают с полуслова и ценят в тебе то главное, чему ты посвятил себя всего без остатка, до святой и неуничтожимой косточки луз, когда... тогда не годятся никакие сравнения. Ибо небо переменчиво и может обрести иные оттенки и качества, порой весьма далёкие от ясной безмятежности, а истинные доброта и талант понимания – они принадлежат к иным категориям, всеохватным и вечным.

Да, над головой пронеслись десятилетия – да какие! Они даже в этих глазах с их несокрушимым оптимизмом породили – как бы это сказать точнее? – усталость. Эпоха оказалась безмятежной, скорой на перемены. Но – он знает, он верит – правнуки! В их лучистых, желанных глазах синева вспыхнет с новой силой.

В день рождения они собрались, как оно и положено, всей семьёй за столом. Был именинный пирог, и были сказаны заветные и нужные слова. А под конец, и это быть может самое главное, раздался звонок

из Алматы, звонок долгожданный, но каждый раз он раздаётся, как неожиданность. И голоса учеников, вопреки расстояниям и годам, всё так же узнаваемы и дороги, и пожелания их, идущие от сердца, пожалуй, дороже самых дорогих подарков. Сегодня экзамены, говорили они, мы не можем собраться в консерватории, чтобы чествовать вас мы соберёмся в Камерном зале и дадим в Вашу честь большой торжественный концерт и скажем всё, что мы должны вам сказать.

– Не стоит, – сказал он устало. И после паузы: – Я вас благодарю за всё...

Двумя неделями позже без пяти пять вечера по алматинскому времени (в Ришон Ле-Ционе было без пяти минут два часа пополудни) Эмиль Абрамович в белом костюме при бабочке, как оно и положено юбиляру, вышел из дому.

– Я ненадолго. Прогуляюсь, – сказал он жене. В общем-то, удовольствие весьма сомнительное – в такую жару. Но не мог он сидеть на месте – в такой-то час, в такую звёздную минуту жизни.

14 лет назад, когда они прибыли сюда, город был пугающе незнакомым. Предстояло научиться в нём жить, предстояло сродниться с этими улицами, скверами и закоулками, как некогда сроднился с Алматой. С её удивительно правильной геометрией улиц, с понятиями «вверх» (значит, в сторону гор) и «вниз»; с этой благодатно шумящей листвой деревьев, окаймлявших улицы, с узенькими арыками, их русло раз в десять лет обновляли, укладывая плотно, один к одному, булыжники и галечник. Ручьи и на полуденный зной и на прохладу ночи отзывались немолчным журчанием и звоном.

Система координат как бы сместилась, он словно бы стоял у входа в консерваторию. Пирамидальные тополя торжественно и строго устремлялись кронами в небо, и явственно слышался лепет воды. Эмиль Абрамович как замороженный двинулся в сторону лепета и тотчас обнаружил фонтанчик. Да, да – фонтанчик. Не для услады уха и не для красоты, а скорее для пассивного полива травки на газоне. Струйка воды была безумолчной, она захлёб разговаривала с окружающим миром, выбалтывая свои полудетские тайны.

И тут откуда-то, как бы с небес, грянул торжественный, блистательный полонез Шопена. Эмиль Абрамович вдруг отчётливо и ясно представил себе Камерный зал Консерватории, и многолюдье зрительного зала, и задник сцены с огромной цифрой 75, окаймлённой рисованными листьями лавра. Рояль с приподнятым чёрным крылом. На журавлиной ноге – микрофон, ловящий звуки, взыскующий приветственных речей. О, да, конечно же, шопеновская россыпь полонеза откроет этот концерт, этот вечер. И нет тут никакой мистики в том, что за тысячу километров

от Алматы седой усталый музыкант услышал в свою честь бравурные звуки фортепиано. Они звучали в его сердце, в его душе.

А, может, и впрямь он слышал эти поразительные теплые речи, исполненные любви к нему, к Учителю, Сопратнику и Музыканту.

Яков Фудиман, профессор Государственной национальной Консерватории им. Курмангазы: «Эмиля Абрамовича знаю с 1948 г., когда учился в школе, а он её заканчивал. Чудесный пианист! В Киеве в возрасте шести лет он играл с симфоническим оркестром концерт Моцарта. Человек кипучей, вулканической энергии, энциклопедических знаний, тонкий психолог, он именно как педагог раскрылся во всей полноте своих дарований. Кстати, уехав в Алматы, он сумел сделать всё возможное, чтобы за ним следом приехала целая группа выпускников Свердловской консерватории: А.Л. Барак, З.А. Визель, И.П. Харитонова – ну, и, разумеется, ваш покорный слуга. Он сумел сделать так, что Алматинская консерватория стала нашей судьбой».

Ермек Серкебаев, народный артист СССР: «Благодаря неустанной работе Эмиля Абрамовича наши исполнители являются лауреатами международных конкурсов, многие стали известными педагогами. Его невозможно не уважать за энтузиазм, вечно молодую душу, обаяние и высокий профессионализм. Культура Казахстана, его искусство благодарны Эмилю Абрамовичу за большой вклад в развитие фортепианной школы нашей страны».

Лариса Шелякина, педагог: «Он шёл по жизни как проповедник, щедро одаривая нас знаниями, призывая осваивать высоты духа. Это не просто красивые слова, это принцип его жизни, форма его существования – иначе он не мог. Я у него училась сначала в музыкальной школе, потом – в консерватории. Приехал он к нам совсем молодым, ему было 28 лет. Причём, на наших глазах он продолжал расти, совершенствоваться. Личностью он был масштабной, но удивительно – он не подавлял своим присутствием, напротив, как бы шёл навстречу каждому человеку, помогая ему раскрыться во всей полноте дарований. Мне думается, он совсем иначе мог бы выстроить свою жизнь, безоглядно сосредоточившись на собственном таланте, но не сделал этого, полностью отдав себя нам, своим ученикам. Педагогом он был блистательным, увлечённым, и это заставляло нас тянуться к тем высотам знаний, которые он нам предлагал. Всякий раз, когда я подходила к его классу, меня охватывало волнение. Всё суетное, мелочное уходило прочь. Однажды он меня взял буквально за руку, повёл в театральную библиотеку и заставил прочитать Паустовского. У него был безукоризненный вкус в литературе, живописи, архитектуре, и он старался воспитать его в каждом из нас. Разумеется, как музыкант, как пианист он был профессионалом высочайшей пробы. Человек,

уезжая жить в другую страну, берёт с собой самое необходимое, без чего жизнь его невысказима. Так вот, он увёз с собой огромную фонотеку. А здесь он оставил целую плеяду учеников – они работают во всех музыкальных заведениях Казахстана. И не только Казахстана: его ученики – в Испании, в Москве, в Киеве. Главное – он оставил неизгладимый след в культуре Казахстана. Он очень много играл: исполнил все концерты Баха и Моцарта, был пропагандистом современной музыки»...

Размеры сообщения не позволяют здесь привести интереснейшие рассказы его учениц Иды Дубровой-Утегалиевой, Гульнары Жакеевой. О том, к примеру, каким был гостеприимным дом Росманов. «Вы голодны?» – это первый вопрос, которым здесь встречали гостя. А студент – когда он бывал сытым? Пока не накормят, никаких занятий! О, какие изумительные блюда готовила хозяйка дома; каким увлекательным рассказчиком был Росман-старший, папа Эмиля Абрамовича! Увы, и мама его (тоже преподаватель музыки) Розалия Лазаревна, и папа давно уже покоятся на кладбище в Алматы... Рассказ, конечно, многое теряет и от того, что мы не можем подробно рассказать о концерте, посвященном юбилею. На нём царила музыка, на нём царил вдохновение и в полной мере проявилось исполнительское мастерство питомцев Росмана.

В тот вечер он долго стоял у окна своей квартиры в Ришон Ле-Ционе. Он уже свыкся с этим маленьким, зелёным и уютным городом. Наискосок от их дома, через дорогу – удивительное соседство! – старое кладбище. Аскетичные каменные надгробия словно светятся в сумерках, остывая после палящего дневного зноя. Он думает о маме, она покоится на кладбище в Алматы. Там вечерами за стеной живой зелени, наверное, так же светятся тихим сокровенным светом остывающие камни надгробий. А ему сегодня отчего-то вспомнилась мама совсем молодой. Она как бы стоит за его спиной, он у рояля, и говорит тихо, ласково и терпеливо: «Ещё одно усилие, мой маленький». И как тут не поверить в то, что день настанет, Б-г разомкнёт уста, душа воспрянет к жизни, он снова сядет к роялю, и польются аккорды Баха, славящие Небеса, и мелодии Моцарта, на Небесах живущего. И глянут молодо глаза на этот мир, дарованный нам Б-гом. Мир, исполненный полнозвучной полифонии, противоречивой и прекрасной в своих контрастах. Мир, ниспосланный человеку в награду за его неустанное стремление к Б-гу и совершенству.

**Я.И. Фудиман –
основоположник альтовой школы Казахстана**

60 лет назад, в конце августа 1958 г. с трапа самолета, прибывшего в г. Алма-Ату из г. Свердловска, спустился не по сезону тепло одетый молодой 24-летний человек. Подъехавший таксист погрузил немудреный багаж – чемодан и коробку с нотами – и повез пассажира в центр города на пересечение пр. Сталина^{1*} и ул. Виноградова^{2*}. Молодой человек прошёл прямо в кабинет к ректору Алма-Атинской государственной консерватории им. Курмангазы Куддусу Кужамьярову, который тут же отдал распоряжение поселить вновь прибывшего специалиста в общежитие.

Так началась почти полувековая деятельность выдающегося музыканта, педагога, основоположника казахстанской альтовой школы Я.И. Фудимана.

Всю жизнь Яков Иосифович вспоминал, как был просто очарован нашим, утопающим в садах, городом, горами, журчащими арыками и пёстрыми базарами. Но самое большое впечатление на него произвели люди – открытые, добросердечные, приветливые.

Яков Иосифович родился 4 февраля 1934 г. в г. Калининск Московской обл. В 1941 г. после начала Великой Отечественной войны их семья эвакуировалась в Свердловск^{3*}. Здесь юный Яша Фудиман поступил в музыкальную школу при консерватории, где встретился с выдающимся педагогом Петром Соломоновичем Столярским. Целый год юному музыканту посчастливилось проучиться в классе прославленного специалиста, который послушав его игру сказал: «Из этого «японца» (так он любя называл Яшу) может что-нибудь получиться!». После успешного окончания школы Яков поступил в Уральскую государственную консерваторию им. Мусоргского по специальности «скрипка» в класс профессора Наума Шварца. Проучившись до второго курса, он серьезно заинтересовался альтом и перешел на этот инструмент в класс Заслуженного артиста РСФСР, будущего профессора Г.И. Тери. Консерваторию Яков Фудиман окончил уже как альтист.

В 1951–1958 гг. он работал в симфоническом оркестре Свердловской филармонии сначала в группе вторых скрипок, затем и в группе альтов. Именно здесь впервые проявились его индивидуальность и концертное мастерство – он первым из альтистов г. Свердловска вы-

^{1*} Ныне пр. Абылай-хана.

^{2*} Ныне ул. Карасай батыра.

^{3*} Ныне г. Екатеринбург.

ступил в качестве солиста с симфоническим оркестром (1956 г., концерт К. Сен-Санса, дирижер М.И. Паверман) [1].

В 1958 г. была открыта новая страница в его жизни и в истории альтового искусства Казахстана. Яков Иосифович был приглашен Куддусом Кужамьяровым преподавателем по классу альта. Сказать, что до приезда Фудимана в Казахстане не готовили альтистов, было бы неправда. В своё время альт в училище и консерватории преподавали такие педагоги-скрипачи как И.А. Лесман и В.С. Хесс, которые сами в период учебы в Санкт-Петербургской и Московской консерватории освоили альт как дополнительный «обязательный инструмент». Но именно с приездом Якова Иосифовича в Казахстан, альт как специальный инструмент зазвучал по-другому, и на сегодняшний день все альтисты республики прямо или косвенно относятся к его школе.

Три года (1958–1961 гг.) Я.И. Фудиман совмещал свою педагогическую деятельность в АГК с работой в Государственном симфоническом оркестре Казахской ССР в качестве концертмейстера в группе альтов. С первых же дней работы в Алматы началась его активная концертная деятельность. Он вошел в состав педагогического квартета кафедры, в декабре 1958 г. выступил с сольным концертом в содружестве с пианистом Эмилом Росманом. В марте 1959 г. музыкальная общественность города впервые познакомилась с двумя дуэтами Моцарта и его же Концертной симфонией для скрипки и альта в прекрасном исполнении Иосифа Когана (скрипка), Якова Фудимана (альт) и Ирины Шабыниной (фортепиано). Концерты были тепло встречены публикой, отмечались красивый и насыщенный «бархатный» звук, высокая культура исполнения, прекрасная техника. Заведующий струнной кафедрой, профессор В.С. Хесс отметил на обсуждении одного из концертов, что «с приездом Фудимана мы приобрели молодого профессионала, у которого есть любовь к труду и своему инструменту» [2]. Им было сделано большое количество записей на радио и телевидении (в т. ч. фондовых), программы его сольных концертов были разнообразными, начиная от композиторов барокко и заканчивая новинками альтовой литературы. В его исполнении музыкальная Алма-Ата познакомилась с сонатами и концертами П. Хиндемита и Д. Мийо, концертами Б. Бартока и А. Роллы, сонатами И.С. Баха и А. Онеггера, пьесами С. Слонимского и Дж. Энеску, В. Цытовича и Р. Шумана, Концертными симфониями В. Моцарта и К. Диттерсдорфа, а интерпретация сонаты и концерта Р. Бунина были признаны «достижением исполнительской практики кафедры» [3]. Яков Иосифович – первый исполнитель знаменитой Сонаты для альта и фортепиано Д. Шостаковича в Казахстане. Высокое исполнительское мастерство и творческая зрелость позволили Я. Фудиман завоевать

звание дипломанта на Всесоюзном конкурсе альтистов, проходившего в декабре 1963 г. в г. Ленинграде,^{1*} куда съехались музыканты со всего Советского Союза. С 1964 г. по 1966 г. он проходил ассистентуру-стажировку при Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского в классе профессора Е.В. Страхова, который с большой теплотой отзывался о своем ученике.

Яков Иосифович в сольной игре был «однолюб» и всегда выступал только в паре с великолепной пианисткой – К.А. Господарь. Когда Клара Ароновна вышла на пенсию и перестала концерттировать, замены ей так и не нашлось. Он не признавал слова «концертмейстер», считая, что пианист – равнозначный партнер, поэтому на всех своих афишах, как сольных так и классных, Яков Иосифович принципиально писал «партию фортепиано исполняет ...».

Творческая деятельность Я. Фудимана подтолкнула композиторов Казахстана на создание произведений, посвященных ему – это «Поэма-импровизация» В. Новикова, «Рапсодия на еврейские темы» Д. Лифшица, «Три пьесы» К. Кужамьярова, «Соната для альты соло» В. Миненко, «Соната для альты соло» и «Монолог» Е. Рахмадиева.

Яков Иосифович с первых дней работы в консерватории легко вошел в мощный педагогический коллектив таких замечательных педагогов-скрипачей как В.С. Хесс, И.Б. Коган, С.З. Крепс, Я.Л. Сорочер; пианистов Р.С. Кацмана, Э.А. Росмана и многих др. В силу своего характера он всегда находил контакт со студентами, его занятия проходили в непринужденной обстановке.

Что привлекало в уроках Якова Иосифовича? Чуткое, доброжелательное, с большой дозой юмора, отношение ко всем студентам вне зависимости от степени их одаренности и профессиональной подготовки и при этом высокая требовательность в точности выполнения поставленных задач, его поразительное умение вовремя подсказать какой-то штрих, нюанс, вариант аппликатуры, подходящий именно тебе, в момент, когда казалось, что ты не знаешь, что делать, куда идти дальше. Как сказал один из студентов «когда начинаешь задыхаться от нехватки воздуха, он (Я.И.) одной фразой или словом вытаскивает со дна». Любимчиков для него не существовало – были «трудяги» и те, кто занимался не в полную силу. В своих учениках Яков Иосифович ценил исполнительскую индивидуальность, старательность в занятиях, упорство в работе и стремление к профессиональному росту. Всегда приветствовались бережное отношение к звуку, точность и выразительность исполнения. При этом он не был догматиком, не заставлял переносить автоматически свои очень выверен-

^{1*} Ныне г. Санкт-Петербург.

ные штрихи и аппликатуру, искал вместе со студентом варианты, подходящие именно данному исполнителю. Сам Яков Иосифович никогда не был «уставшим» профессором, раз и навсегда выработавшим свою трактовку – он всегда был открыт для чего-то нового. Нередко от него можно было услышать: «Я мыслю по-другому, но ты (тот или иной студент) играешь убедительно, пусть так и останется». С большим энтузиазмом он приветствовал новые произведения – будь то не исполнявшиеся ранее в Казахстане сочинения П. Хиндемита или М. Рegera, Б. Мартину либо Д. Мийо или только что написанное сочинение Е. Рахмадиева или А. Шнитке, А. Эшпая или Т. Тлеухана. Он мог их принимать или не принимать, но всегда старался проникнуть в замысел композитора. Неслучайно практически все его ноты несут черты редакторской правки, а наиболее интересные на его взгляд обязательно проходились в классе, выносились на экзамены и концерты.

Яков Иосифович был тонким психологом. Если он видел, что студент искренне переживает по поводу своей неудачной игры на уроке, то находил пусть небольшое, но достижение, «не замечал» какие-то огрехи, делая вид, что увлечен чтением газеты или беседой с пришедшим к нему коллегой. Но стоило студенту успокоиться и перестать двигаться вперёд, как тотчас следовал полный и беспощадный разгром с меткими, порой ироничными комментариями. Очень обидными для нас – его студентов, были моменты, когда он приближался на очень близкое расстояние и, всматриваясь в глаза, говорил: «Ты ничего не делаешь, а время проходит...». Казалось бы, ничего сверхъестественного, только очень выразительные глаза и испытывающий взгляд. Крайней мерой воздействия, через которую прошли, по моему, практически все его ученики было предложение перейти в класс другого педагога, со словами: «я не знаю, что с тобой делать, может у других получится». Конечно, на следующем уроке студент был готов горы свернуть, лишь бы доказать Якову Иосифовичу, что неслучайно попал к нему.

Такие методы занятий весьма скоро дали результат. Проходивший в Алма-Ате в декабре 1969 г. 3-й Зональный конкурс республик Средней Азии и Казахстана принес небывалый успех казахстанской альтовой школе: I место занял Альберт Шульман, II место – Гульнара Ходжикова, III место – Арнольд Сапезников, дипломантами стали Юрий Галушкин и Станислав Афанасенко. Все они были воспитанниками Якова Иосифовича.

Ещё одной его страстью было дирижирование. Он не раз признавался, что в этой сфере его привлекало не столько само выступление, сколько репетиционная работа. Именно поэтому он с удовольствием работал с оркестрами как в школе им. К. Байсеитовой, так и в консер-

ватории. Созданный им в 1960 г. камерный оркестр консерватории^{1*} всегда отличался высоким исполнительским мастерством, качеством и профессионализмом игры. Ему всегда было что сказать и о произведении, и о характере, и о штрихах, и об аппликатуре. Общая атмосфера на репетициях была доброжелательной и профессиональной. И закономерно, что такая кропотливая работа давала великолепный результат.

Репертуар оркестра включал в себя сложнейшие произведения мировой музыки, многие из которых прозвучали в Казахстане впервые. Среди них – «Бранденбургские концерты» И.С. Баха, концерты и симфонии Й. Гайдна и В.А. Моцарта, «Серенада для струнного оркестра» П.И. Чайковского, «Кармен-сюита» Ж. Бизе – Р. Щедрина, Камерная симфония Д.Д. Шостаковича, «Концертштюк» Т. Кажгалиева, сочинения А. Серкебаева и М.Сагатова.

Мастерство Якова Иосифовича как талантливого дирижера-интерпретатора высоко ценилось как специалистами, так и простыми слушателями. Как вспоминает вдова Фудимана, Наталья Алексеевна, много лет спустя к ней подходили люди и восторгались концертами студенческого оркестра: «А помните, как была сыграна «Прощальная симфония» Гайдна со свечами?» или «Мы до сих пор помним исполнение «Кармен-сюиты» Щедрина!».

Многие нынешние музыкальные звезды Казахстана прошли оркестровую школу Я.И. Фудимана и сохранили память о ней, не раз впоследствии обращаясь к нему за профессиональными советами и помощью. В качестве дирижера Яков Иосифович выступал с ГСО КазССР, совершил гастрольные поездки в Великобританию и США с оркестром «Алтын Алма», созданным Маратом Бисенгалиевым. Ряд концертных программ им было подготовлено с Государственным камерным оркестром «Академия солистов» (художественный руководитель Народная артистка РК Айман Мусаходжаева) и Государственным ансамблем классической музыки «Камерата Казахстана» (художественный руководитель Народная артистка РК Гаухар Мурзабекова), которые с большим успехом были исполнены в ЦКЗ и Зале Казахконцерта.

Несколько лет профессор Я.И. Фудиман проработал на кафедре народных инструментов, где успешно вел класс альт-кобыза. Его выпускники прочно заняли места в Государственном оркестре казахских народных инструментов им. Курмангазы.

Около 10 лет (1971–1980) Яков Иосифович возглавлял кафедру струнных инструментов. Много лет профессор Я.И. Фудиман совме-

^{1*} Первый в Казахстане.

щал работу в АГК с воспитанием юных музыкантов в РССМШИ им. К. Байсеитовой.

Почти за полувековой период он создал собственную школу, через его заботливые руки прошло около 150 студентов. Выпускники его класса достойно работают по всему Казахстану, в России и Германии, Израиле и США, Норвегии и Индии. На протяжении 40 лет альтовую группу ГСО КазССР возглавляли ученики Якова Иосифовича: Юрий Галушкин, Нигметулла Каримов, Евгений Пименов, и сейчас во главе группы ГАСО РК также воспитанник Я.И. Фудимана Дархан Садвакасов. В его классе выросли Заслуженные артисты Казахской ССР, лауреаты Межзонального конкурса А. Шульман и А. Сапежников, Заслуженные артисты Республики Кыргызстан В. Алябьев и Н. Власенко, Заслуженный артист Республики Тува Ю. Макаров, Заслуженный артист Республики Саха (Якутия), дипломант Межзонального конкурса, руководитель уникального ансамбля скрипачей «Виртуозы Сибири» С. Афанасенко, лауреаты и дипломанты Межзональных и Международных конкурсов Г. Ходжикова, Ю. Галушкин, М. Булгаков, А. Калмакбаев, О. Калько, Д. Ахметова (Махмуд), А. Исенова. Среди его воспитанников – профессор КазНУИ Н.Х. Каримов, педагоги РССМШИ им. А. Жубанова и К. Байсеитовой К.Х. Мулдагалиева, Л.Н. Дудник и А.С. Бекенова, артист ГАБТа России Ю. Синев, концертмейстеры группы альтов ГАТОБ им. Абая А. Тустыкбаева и Н.Сагимбаев, альтист Государственного квартета Республики Казахстан Д. Балагумаров и др.

Педагогический и исполнительский талант Якова Иосифовича высоко ценился не только в Казахстане. Его неоднократно приглашали в жюри различных Всесоюзных и Международных конкурсов во гг. Львов, Ярославль, Юрмалу, Якутск, Астану. Подтверждением плодотворности деятельности профессора Я.И. Фудимана явилось награждение его в 2003 г. орденом «Кұрмет».

Когда я вспоминаю часы, проведенные с Яковом Иосифовичем, я понимаю, что не только и не столько профессиональное обучение составляло силу его класса. Общение с ним было драгоценным и познавательным в культурном отношении, поскольку он был широко образованным и на редкость эрудированным человеком в вопросах искусства с огромным исполнительским и педагогическим опытом. Постоянный контакт с талантливым, разносторонне одаренным человеком, от которого шли флюиды добра, красоты и педагогической воли давал огромную энергетическую подпитку всем альтистам (и не только им), тянувшимся к нему. При всем при этом Яков Иосифович всегда был очень скромным, не любящим помпезности человеком. Когда мы – выпускники и студенты его класса – готовились к 70-летию своего

любимого Учителя и за неделю до концерта поставили его в известность об этом, первые слова, которые он произнес, были: «Да зачем это надо. Никто ведь не придет», а потом «Ну надо вас послушать – плохо играть нельзя». Но каким счастьем светились его глаза, когда переполненный зал бурными аплодисментами провожал каждого исполнителя, в финале вечера ученики преподнесли ему сюрприз – на сцену вышел ансамбль альтистов – его давняя мечта.

Мне хотелось бы сказать, что ученические связи с Яковом Иосифовичем не ограничивались только моим посещением его класса и занятиями с ним, они никогда не прерывались: ни тогда, когда я окончил аспирантуру и начал свою педагогическую деятельность, ни даже сейчас, когда Якова Иосифовича не стало. Я до сих пор слышу его голос и достаточно ясно представляю себе его реакцию на исполнение того или иного произведения или отдельного эпизода. Очень часто я ловлю себя на том, что в своих занятиях невольно использую его манеру объяснения и изучения тех или иных приёмов, трактовки произведений, конечно, копируя не столько слова, сколько сам метод подхода к сочинению.

Внезапная кончина Якова Иосифовича в сентябре 2007 г. стала невосполнимой утратой не только для альтистов, но и для всего музыкального искусства Казахстана.

Мы – его ученики и последователи – не забываем своего Учителя. В 2014 г., к его 80-летию, были проведены Международная научно-практическая конференция и конкурс альтистов им. Я.И. Фудимана. Ежегодно проходят концерты альтовой музыки, приуроченные к его дню рождения. Исполнители с большей ответственностью подходят к своему участию в Вечерах альтовой музыки, осознанно выбирая произведения к выносу. За 14 лет в наших концертах прозвучало около 100 произведений, из них 36 прозвучало в г. Алматы впервые. В числе участников – музыканты гг. Алматы и Астаны, Новосибирска и Москвы. У концертов – своя зрительская аудитория. Регулярность их проведения и привязка к определенному времени создали постоянный интерес к ним, слушатели (да и исполнители) заранее ожидают встречу с прекрасной музыкой для инструмента, «который вышел на широкую дорогу». И одним из людей, пролагавших эту дорогу, был основоположник альтовой школы Казахстана, профессор, Кавалер ордена «Күрмет», прекрасный музыкант и человек Яков Иосифович Фудиман.

1. Силаев А.С. Альтовое исполнительское искусство Екатеринбурга. Избранные оперно-симфонические соло для альты. – Екатеринбург, 1996 – С.27.
2. ЦГА РК. Ф.Р.1689. Оп.2. Д.56. Л.112.
3. Там же. Д.141. Л.198.

Казахстан в творчестве, в судьбе, истории

В современном литературном процессе Казахстана концепт Родины, его отражение и художественное воссоздание мастерами художественного слова – представителями разных этносов особо значимы в плане патриотического воспитания, уважения к наследию прошлого. Важнейшие аспекты диалога национальных литератур, качественно новые идейно-художественные этапы развития и проблематики – тема большой и малой Родины, судьба художника на рубеже эпох, тема политических репрессий и травма депортации, этнический экзистенциализм, постмиллениумная эстетика ответственности и сознательности, культурная память в процессах межкультурного взаимодействия обусловлены единым духовным и культурным континуумом расширяющегося диалога рубежа XX–XXI столетий.

Творческая личность в современной литературе Казахстана, как и герои создаваемых ею художественных произведений, находятся на перекрестке культур, в едином духовном пространстве этнического и культурного взаимодействия.

Этноперекрестки и трансграничье, контакты и взаимодействие культур имеют особый смысл в картинах мира Евразии. Волею судеб находившийся в центре огромной евразийской равнины, по которой когда-то прошли десятки, сотни племен и народов, народный писатель Казахстана Морис Симашко в острой, интеллектуально насыщенной художественной публицистике «Дорога на Святую Землю», которая вышла из-под его пера в результате поездок с Главой государства Н.А. Назарбаевым, в очерке «Прообраз Евразии и искушения Президента» пишет о том, что наиболее полно открытую миру Евразию выражает Первый Президент Казахстана: «Родившись в многонациональном селе, где как раз и жили все сто народов, населяющих ныне Казахстан, он с истинно казахской ментальностью учился понимать мир как единую общность. Это особенная философия степи, впитываемая с первых дней жизни» [1, с.89].

Великим предтечей евразийства называл М. Симашко Абая.

Реальные стимулы будущего Президента к человеческому обществу утверждались в техническом училище на Украине. «Границы Евразии раздвигались далеко за пределы родной степи, где жили, трудились, вместе бедствовали после колхозного строительства и страшной войны все те же соседи. То есть по древнему казахскому закону – родственники. А дальше – возвращение в родную степь и нелегкий, прямой, без отклонений путь строителя домны, чугунишки разливочных машин при ней, горнового доменной печи, старшего га-

зовщика. Это вперемешку с учебой – очной и заочной – в Политехническом институте. И все это в Темиртау, где те же сто народов Евразии плавил сталь для евразийских машин, тепловозов, тракторов, танков, ракет, спутников. Такое родство у настоящих людей не забывается, что бы там ни происходило в минувшие века» [1, с.91].

Реальной исторической перспективой, основанной на уже свершившейся истории, выражением ее и стала евразийская идея Президента Н.А. Назарбаева. Идея эта родилась с человечеством: «Едва ощутив себя неким интеллектуальным единством, человечество стало стремиться к ее воплощению. На этом природном чувстве строятся все мифы древности, где бы ни родились они – на берегах Нила, Двуречья, Маверанахра, Инда, Янцзы, Орона и Керулена. И единобожие, обозначившееся здесь, на этом континенте, в полной мере выражало это естественное чувство. Сегодня это пространственно суженное мироощущение именуется евразийством» [1, с.83]. Центральноазиатский регион издревле служит культурным источником ренессанса. Свобода мысли преобладала в учениях и творчестве Хайяма, Аль-Фараби, Баласагуни. В менталитете проживающих на этой территории народов остался след великих караванных путей, кочевий.

«Философией жизни, путем через века и цивилизации» называл Великий Шелковый путь М. Симашко. Не придуман он людьми, а является «продолжением человека как творения Божьего, с назначенными ему помыслами и устремлениями. На этом пути, когда пульсировал он без препятствий, вспыхивали в космической тьме костры человеческого духа. Именно тогда, когда день и ночь двигались по нему караваны, на всем протяжении его являлись имена Авиценны, Бируни, Фирдоуси, Хайяма, Хорезми, Рудаки, Рашидаддина, Улугбека, Саади, Фараби, Яссави, Навои, Фраги и много других, без которых распадается связь времен. Большинство их произошло от названий станций и караван-сараев на этом пути. Имена эти иранские, туранские, арабские, еврейские, индийские, тибетские, китайские и те, о которых не ведаем: белых гуннов – эфталитов, саков, тангутов, кушан. Тут, в непрерывном движении, сохранены были от европейского сумрачного застоя Аристотель, Платон, Гиппократ. Костры разгорались от сквозного, дующего через всю ойкумену ветра и меркли, когда закрывались двери» [2, с.43]. Мусульманский ренессанс, был уверен писатель, происходил на полтысячелетия раньше европейского.

Лауреат Президентской премии мира и духовного согласия, заместитель председателя Казахского Пен-клуба М. Симашко был убежден: «...Ни для кого нет какого-то особого пути. Только соединение народов, никак не теряющих своего национального имени, своей ду-

ши, в единую человеческую общность. Евразийская идея – один из краеугольных камней этого будущего» [1, с.85].

Евразийству посвящена его статья «Время собирать камни», открывающая сборник Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова «Евразийский талисман». Идея евразийства в разных формах и проявлениях веками вызревала «на огромных пространствах самого большого земного материка, омываемого с четырех сторон всеми четырьмя мировыми океанами». Писатель придерживался «теории в большинстве случаев автохтонного бытия народов на занимаемой ими территории. Они зачастую меняли способ жизни, верования, смешивали языки, вбирали в себя другие этнические элементы, часть их уходила в иные пределы, но основа оставалась. Об этом, помимо археологических исследований, свидетельствуют топонимы. Москва, Цна, Мста, Ока, Мурома – угро-финские языковые понятия, естественно вошедшие потом в великорусскую цельность. Так же в западном степном Приднепровье мы вдруг обнаруживаем местечко Бершадь – прямо производное от древнего могучего проказахского, хазарского рода Берш. Того самого, к которому причислял себя знаменитый египетский султан Бейбарс. Таких примеров неисчислимо множество...» [3, с.4].

Но намного раньше, в 1980-е гг., в рецензии на трилогию И. Есенберлина «Кочевники», напечатанной на пишущей машинке и бережно хранящейся в ЦГА РК, на которой рукой М. Симашко указано «Кочевники И. Есенберлина. Издательство Жазушы (язык казахский), 1976. Издательство Советский писатель, 1976», явственно ощутимы подступы к теме евразийства. Называя центральными в трилогии И. Есенберлина проблемы войны и мира, М. Симашко подчеркивает: «Гигантской тысячекилометровой подковой охватывают с юго-востока казахскую степь высочайшие в мире горы. Они – естественная граница этого открытого всем добрым и недобрым ветрам края. Трудно проходимы эти горы. Но в одном месте, там, где снижаются, уходят в землю каменные хребты Тянь-Шаня и лишь в туманной дымке проступает Алтай, самой природой оставлены ворота, откуда вместе с ледяным ураганым ветром век за веком, тысячелетие за тысячелетием вырывались на бескрайние евразийские просторы кровавые, всё уничтожающие нашествия. Волна за волной приливали оттуда полчища Атиллы, тумены Чингис-хана, безликие полки великоханьских фангуров. Большие и малые смерчи обрушивались прежде на тот древний народ, который испокон веков пас свои стада, строил города и возделывал землю у гор, а потом катились дальше, через всю страну казахов, оставляя пепел и кости. Вот почему от века, лишь только загорались

сигнальные огни на сопках, все способные держать оружие устремлялись сюда, чтобы телами своими преградить путь врагу» [4].

Научиться жить в сосуществовании культур и религий, быть отверженными диалогу культур и цивилизаций призывает Лидер Нации – Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев.

В рамках программы «Рухани жаңғыру», инициированной Лидером нации Н.А. Назарбаевым, которая охватывает жизнь, историю и духовное обновление казахстанской нации, бережно сохраняя культуру, национальный код, воспитывая и формируя общенациональный патриотизм, Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова КН МОН РК приступает к составлению хрестоматии «Казахстан в моей судьбе».

Общие моменты в развитии национальных литератур Казахстана отражают нравственные общечеловеческие ценности, духовное родство этносов и литератур. Многонациональная действительность закономерно пробуждает интерес к национальному своеобразию, национальной специфике. Будучи глубоко национальными, литературы Казахстана органично вобрала в себя традиции казахской культуры. Представляет несомненный научный интерес, как реализуется данный синтез в творчестве казахских, русских, уйгурских, немецких, татарских, корейских, курдских, белорусских, узбекских литераторов, каким они видят Казахстан.

В новую хрестоматию войдут лучшие поэтические и прозаические произведения мастеров художественного слова казахской, русской, уйгурской, немецкой, татарской, корейской, курдской, белорусской, узбекской и других литератур. Новое издание внесет значительный вклад в переосмысление проблем современного национального самосознания с учетом специфики полиэтнического казахстанского общества.

Каспий снится Заре Бадоевой, осетинской поэтессе, живущей ныне в Москве:

У моря дней абсурд исчез мгновенно...

Пространство здесь предельно откровенно [5, с.13].

В поэтическом сборнике «Избранное» поэтесса признается, что кружево жизни прилежно вязала, как могла, а «доброе понятие *отчий дом* с понятием *счастье* вместе слито».

В «Предисловии» Зара Бадоева определяет стихосложение как «потребность, которая возникла как защита, как предохраняющий озоновый слой от “лжеэмиграции” и сиротства, последствия которых испытали многие в наше время. Это работа души, меняющая мироощущение, это удивительно интересный процесс... Слово в поэзии обладает способностью уводить дальше и быстрее, чем ты ожидаешь, за пределы твоей личности. К сожалению, метафизика стиха не всегда

видна читателю. Многое остается между строк. Стихосложение дает возможность интеллектуально решать проблемы обыденности, как это ни парадоксально. В этом безусловно некая магия стиха» [6, с.6].

В ее поэмах Душа ведет диалог с Разумом.

Философ и тонкий психолог З. Бадоева рассуждает о вечности.

Ряд ее стихотворений посвящен городам Казахстана: «Город Шевченко» (где «дом приветлив и радушен»), «Город Гурьев» («свернулся свиток этих лет... / во мне твой облик и твои года»), «Город Алматы», «Журчал арык приветливо с утра...», «Мы прилетели в Актау сорок лет спустя...».

Прошлое для героини стихотворений – «Дом – бездомность, безмятежный образ детства», окутанный туманом вдохновений. Она словно призывает своих читателей одноименным стихотворением «В детство отвори почаше дверь...» вспоминать родные места, чтобы увидеть прошлых лет живой ковер.

У автора особые отношения со временем: «Время равнодушно и бездонно». Или: «День кивнет и улыбнется».

Мимолетная зарисовка: «Лист печаль в себе таит. Осень... / Одиночество летит в просинь» [5, с.99].

Автор нескольких поэтических сборников Александр Шмидт живет в Германии. Родился в Казахстане, в Семипалатинской обл. Родовое гнездо, «тихая родина» – недалеко от железнодорожной станции Переезд, поэтому родная степь, ковыльно-полынная, отливающая серебром, седой ковыль, вечная полынь, розовотёлые сосны, смолаживица, степное солнце, необыкновенной синевы небо, диковинные облака – атрибуты его поэзии.

Последний по времени издания поэтический сборник назван глубоко символически – «Здесь и там» и посвящен светлой памяти отца Шмидта Руслана (Райнгольда) Александровича [7]. Открывается он «Бабушкиной молитвой», жанр которой определен как попытка лирической биографии. Так в самом названии сборника заявлены пространственные координаты. Автор вглядывается, «безнадежно пристально, в незнакомо-знакомое прошлое, пытаюсь различить хоть что-то родное, близкое, хранящее тепло узнавания» [7, с.7]. Местность, дорога, пейзаж... Линия леса на горизонте напоминает линию жизни на ладони. Подлай, Михайловка, Дмитриевка, Бородулиха, Сосновка... Точное указание названий знакомых сел. Но что-то главное вынуто из всего этого, и без него (главного – С.А.) оно становится пустым и холодным, как слово «ландшафт».

Прием контраста преобладает в рассматриваемом сборнике стихотворений, составленном из лирики разных лет. Стихотворение «Степь»

усиливает одиночество лирического героя, которому ворон Калки, перепутав даты, *вечно* злым голосом пророчит «*вечные* координаты». *Вечная* полынь и *вечный* ветер усиливает контраст тысячелетья, которое дрожит прутиком транзисторным. Так появляется временная ось.

Лирический герой слит с природой. Он лежит на «охапке солнца, словно золоте соломин, в обнимку с ветром» и следит за облаками. А мечта его тоже необычная, как и стихи: пасти вместе с ветром облака – завершается вполне по земному: быть счастливым. Он не выносит неволю. Наверное, поэтому ему так запало в душу детское воспоминание, когда дед одевал коней «в неволю сбруи»:

В хомут,
Словно в деревянный нимб,
Входила голова коня. [7, с.14].

Природа наделена характерными чертами человека. Глаголы, передающие ее действия, обозначают действия человека: лист *держит* ухо остро, *слушает* ветер; бабочка *смаргивает* пространство и *дышит* крыльями. Бабочка «как раскрытая книга о солнце», а муравейник – «рассыпанное стихотворение о лете».

«Время, брат, страшной любой цензуры...», – уверяет автор одноименного стихотворения [7, с.214]. «Вкус времени – вкус печали», – резюмирует он в другом [7, с.206].

Обыгрывая словосочетание «родовое древо», А. Шмидт выносит в заглавие стихотворения – «Куст говорящий»:

Трохи я
Атрохов –
Мамина фамилия,
А по отцу – Шмидт,
А по бабушке – Вебер – ветер
Над холмиком могильным шумит,
А по другой – Горькавый –
Здесь в степи – только эхо –
Ворон картавый,
Да полынный пучок горький,
Да колыхание ковыльных вый

Поэт сам словно отвечает на вопрос, кто он. Это все ветки-ветви его крови, целый куст «горящий, глаголящий, говорящий» [7, с.181].

Пространственные координаты поэзии А. Шмидта отражены в названиях лирических миниатюр – «Поле», «Степь», «Опять мир перевернут...», «Клинопись журавлиная...», «Земная ось», «Родной угол», «Дорога», «Расстояние», «Дом на краю», «Возвращение», «В саду Эдема», «На четыре стороны света», «Здесь и Там».

Временные – «Мгновения», «Песочные часы», «27 января 1837 года», «Часы, стрелки», «Пора перелета», «Скорость света», «Время задавать вопросы», «Время терпит – потерпи и ты», «Время мгновенного счастья», «Сентиментальный сонет уходящему лету», «Осенняя композиция», «С тех пор», «Будущее», «Вкус времени», «Нет, время, брат, страшней любой цензуры...», «Времена года».

Пространственно-временные – «Сегодня. Здесь», «Звездный спектр», «Держава детства», «Речка моего детства».

Поэзия его интеллектуальна. А. Шмидт в стихотворении с символическим названием «На добром слове» уверяет, что весь «мир держится на добром слове». Доброе слово, как лейтмотив стихотворения, лежит в основе мира, и надо лишь «скорей его произнести, и словом добрым мир спасти» [7, с.134].

В современной идиллии А. Шмидта «Утопия XX века» мир изображен временем всеобщего родства. Жизнь, наступившая на планете, несет черты идиллии «атомного века», жизни без угроз, атомных бомб, смерти, голода и страха. Национальный код и национальная идентичность, историческая память сохраняются в созданном писателем образе мира, где каждый персонаж, как и автор, имеет свой голос.

«Джайляу Памяти» – так названо стихотворение Гадильбека Шахламетова, которое дало название новой книге известного общественно-го деятеля, председателя Гостелерадио и первого президента ТК «Мир».

Баян-аул,
Джайляу Памяти,
Той дикой смуглой кобылицы,
Что мчится издали веками
И фиолетово косится [8, с.221].

Пространственные и временные рамки стихотворения раздвигаются, включая «мельканье лиц, судьбу народов»:

И наша жизнь – лишь продолжение
Байги истории в природе.
Она упряма и сноровиста,
В ней кровь грохочет высшей музыкой –
Вожжами Разума торопимся
Мы память вольную обуздывать [8, с.221].

И далее – блоковские мотивы в творчестве современного казахстанского автора. Риторический вопрос, не требующий ответа:

Но оседлаешь разве птицу?
Она взлетит, взметнувши пыль...
«Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...» [8, с.221].

Казахстан занимает особое место в творчестве, судьбе мастеров художественного слова и в истории депортированных народов. Писатели и поэты, драматурги и публицисты многих стран мира посвящают свои произведения Казахстану, который вошел в их судьбы, творчество, память.

1. Симашко М. Прообраз Евразии и искушения Президента // Симашко М. Дорога на Святую Землю. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 1996. – С.83–100.
2. Симашко М. Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами... указ. соч. – С.41–82.
3. Симашко М. Время собирать камни. – Евразийский талисман / под ред. Ш.Р. Елеукунова. – Алматы: Білім, 1996. – С.3–7.
4. ЦГА РК. Оп.1. Д.294.
5. Бадоева З. Избранное. – Алматы: Комплекс, 2003. – 327 с.
6. Бадоева З. Предисловие ... указ. соч. – С.6.
7. Шмидт А. Здесь и там. – Алматы: Интерпринт, 2003. – 224 с.
8. Шалахметов Г. Джайляу Памяти. – Астана: Издательство «БМ», 2018. – 222 с.

Шайжанова С.М.

Личный фотограф первого Президента Республики Казахстан – И.Л. Будневич

«Мы познакомились случайно, – вспоминает в своем интервью супруга Будневича Роза Ивановна. – Наша семья жила в Чимкенте. Сестра уезжала в Москву, мы ее провожали. Иосиф Львович заметив меня, решил познакомиться. Обошел весь состав, сначала увидел мою сестру и уже через нее нашел меня. Потом встретились 9 мая 1949 г. Я училась в Ташкенте. Иосиф Львович приехал и сделал мне предложение, решили пожениться. Поехали к моим родителям в Чимкент, отец расстроился, решил, что я учиться не буду. В декабре 1949 г. мы поженились, обучение после свадьбы я продолжила в Алма-Ате. Здесь всю жизнь и проработала в институте, диссертацию защитила в Москве. В 1951 г. родилась дочь Лариса. Дочь пошла по стопам отца – стала журналистом. Есть внуки.

Родители Иосифа Львовича попали в Казахстан в 1930-е гг. Но не знаю как, его отец – Лев Львович – не был политработником, работал директором химического завода. Жили в г. Ленинграде, и там родился Иосиф Львович 24 января 1927 г. – продолжила Роза Ивановна – Мать – Мария Борисовна – была квалифицированным специалистом, до 70 лет работала бухгалтером в министерстве. Я преклонялась перед ней, спрашивала: «Как ты можешь такие огромные цифры без ошибок писать».

В семье никто не интересовался фотографией и рисованием. Иосиф сам ходил на кружки, что-то улавливал, подсматривал.

Родители Иосифа Львовича были хорошими, жили мы дружно. Бабушка была идеальной, самая лучшая свекровь. Дедушка умер на 81 году, бабушка – на 91 году жизни.

Когда Иосиф Львович заболел, он все думал, что вот-вот поправится и снова возьмет свой фотоаппарат в руки», – вспоминает его супруга.

Иосиф Будневич ушел из жизни 11 марта 2007 г., оставив после себя незабываемые кадры.

Учился в Ленинградском институте киноинженеров. С 1947 г. начал трудовую деятельность в качестве фотокорреспондента газеты «Ленинская смена». С 1949 г. по 1958 г. был фотокорреспондентом в Казахском телеграфном агентстве (КазТАГ), с 1958 г. по 1976 г. – в Совинформбюро, Агентстве печати «Новости» (АПН) и фотокорреспондентом по республикам Средней Азии и Казахстану.

Позднее длительное время работал в КазТАГе, в 1992 г. был приглашен на должность личного фотографа Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева. И.Л. Будневич достиг высшего признания как фоторепортер. Самые важные моменты становления государства запечатлены в его талантливых кадрах – свидетельствах эпохи перемен.

Иосиф Львович лауреат многих международных фотовыставок, заслуженный работник культуры Республики Казахстан, академик Академии журналистики, он был награжден орденом «Курмет», медалью «10 лет независимости Казахстана» и золотой статуэткой «Алтын Самрук» за вклад в развитие казахстанской журналистики. Будучи уже фотографом со многими званиями и регалиями, Иосиф Львович сам стал героем многих интервью и статей.

Среди фотографий Будневича – целая галерея лучших людей Казахстана за несколько десятилетий: Евгений Брусиловский, Болат Байкадамов, Куляш Байсеитова, Шара Жиенкулова, Каныш Сатпаев, Роза Багланова, Дмитрий Снегин, Мухтар Ауэзов. И многие из них, чем он гордился, становились его хорошими друзьями. Ему удалось поработать с выдающимися фотографами XX в.: М. Альбертом, снимок которого «Политрук» стал академическим, Е. Халдеем, запечатлевшим флаг Победы над Рейхстагом, Д. Бальтерманцем, ведущим фотографом «Огонька».

Так же среди его фотографий известны работы: «В плавильном цехе, Казахские школьницы, Охотник на коне с беркутом, Село Мерке, Занятие в Алма-Атинском медицинском училище, Врач измеряет давление пациентке, Уборка зерновых в колхозе, Девочка отвечает у доски в школе-интернате для детей чабанов, Рыбаки

поднимают с помощью подъемного крана крупную белугу, В плавильном цехе, Топографы на разбивке трассы водопровода Саускан-Джетыбай, Станция спутниковой связи «Орбита», Здание универмага «Детский мир», Общий вид мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, Буровые вышки в степи на полуострове Мангышлак, Строительство Капчагайской ГЭС, Конвейер на Алма-Атинской фабрике детской игрушки».

Иосиф Будневич рассказывал во многих интервью, как запечатлел момент награждения Казахской ССР орденом Ленина за сдачу государству первого миллиарда пудов целинного зерна в 1957 г. Вручал орден председатель Президиума ВС СССР Климент Ворошилов в Театре оперы и балета Алма-Аты. Наутро эта фотография должна была появиться во всех центральных газетах. Но для этого ее нужно было срочно переправить в Москву. А ведь не было тогда еще даже мысли об Интернете. Ближайший же фототелеграф располагался в Узбекском телеграфном агентстве в г. Ташкенте. Иосиф Львович снимает заветный кадр и, не дожидаясь конца церемонии, на которой, кстати, ему среди других первоцелинников вручили медаль «За трудовую доблесть», кидается к выходу. По дороге в аэропорт пленку проявили в черном рукаве. Ташкентский рейс специально был задержан, и на нем редактор отдела фотохроники КазТАГа отвез пленку в УзТАГ, где снимок был отпечатан и отправлен в столицу. На следующий день он красовался на первой полосе «Правды».

В 2017 г. в Национальной библиотеке Республики Казахстан была организована выставка, посвященная 90-летию Иосифа Будневича.

— Мы долго думали, как назвать этот вернисаж, и решили, что название должно быть только одно — «Встреча со старым другом», — вспоминал руководитель Ассоциации еврейских национальных организаций РК «Мицва», член Совета Ассамблеи народа Казахстана Александр Барон. — Иосиф Будневич действительно был нашим другом, которого, к сожалению, вот уже 10 лет как нет с нами, но мы его помним и любим. На этой выставке было представлено 90 фотографий, но это далеко не все, что имеется у нас в «Мицве», ведь Иосиф Львович как член нашей общины присутствовал на многих мероприятиях, встречался с молодежью и, естественно, много фотографировал. Часть фотографий мы получили из архива АПН, много снимков передала его семья, кроме того, фото самого Будневича нам приносили фотографы различных казахстанских газет и журналов. Поэтому на выставке можно выделить как бы три раздела — фотоклассика, т. е. официальные снимки, фотографии из личного архива Иосифа Льво-

вича, сделанные для души, и фото его самого, это уже работы других фотографов.

Искренним человеком назвал его Айдар Равильевич Шаяхметов, ответственный сотрудник центрального аппарата ООН в г. Нью-Йорке в 1970–1990-е гг., заслуженный работник дипслужбы РК, внук Жумабая Шаяхметова, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана (1946–1954), Председателя Совета национальностей ВС СССР (1950–1954).

– Вспоминается достаточно курьезный эпизод, произошедший в ходе первого официального визита Н.А. Назарбаева в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке осенью 1992 г. В зале, где должна была пройти пресс-конференция с участием Президента, собрались члены делегации Казахстана, сотрудники Постпредства страны, репортеры из президентского пула, сотрудники Секретариата ООН, зарубежные журналисты. Кто-то из членов нашей делегации подвел меня к Иосифу Львовичу, стоявшему в центре с камерой Nikon на изготовку, и представил меня ему: «Иосиф, познакомься! Это наша гордость – Айдар Шаяхметов, единственный казах в ООН, который работает в Секретариате в Нью-Йорке вот уже более 10 лет!» Иосиф Львович хитро на меня посмотрел, а потом, положив руку мне на плечо, с улыбкой произнес, обращаясь к тем, кто вокруг нас собрался: «А этого молодого человека я прекрасно помню, когда он был еще мальчишкой. Ведь я снимал его отца и, конечно, деда, Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана!».

Надо ли говорить, как я был рад видеть Иосифа Львовича в тот момент. В нашей семье его очень хорошо знали, ценили и уважали. Он дружил с отцом. И когда тот был сыном первого лица в Республике, и когда вел жизнь простого советского инженера. Мне потом доводилось встречаться с ним и в последующие его приезды в гг. Нью-Йорк и в Алматы.

Над письменным столом в моем кабинете на видном месте висит любимая черно-белая фотография улыбающихся мамы и папы в домашнем интерьере. Их, увы, уже давно нет, но они продолжают жить в наших сердцах, в т. ч. на этом снимке, сделанном Иосифом Будневичем. Как-то раз, выкроив время в своем плотном графике президентского хроникера, он взял и нагрязнул на чай к родителям-пенсионерам.

Я люблю подолгу смотреть на этот талантливо выполненный в тот вечер правдивый двойной портрет. Он словно пропущен через призму большого художника. И через сердце искреннего и равнодушного человека...

Иосиф Будневич приехал в Казахстан из Ленинграда, устроился в КазТАГ, долго работал в жанре черно-белой фотографии, считая, что история страны, отраженная в хронике, отснятой в черно-белом цвете, наряду с достоверностью ассоциируется с особой эмоциональной выразительностью. Такие фото, акцентируя внимание на игре света и теней, отражают не картинку, скорее сущность события, несмотря на простоту восприятия, одновременно таят в себе некую загадочность.

Он приехал уже готовым фотографом, – вспоминает главный эксперт Центра системного анализа и прогнозирования при Президенте РК Жандаулетов Валерий Айтмукашевич. У И.Л. Будневича – особый дар, особый талант, особое чутье, которым только он обладал. Мы проводили закрытый, внутренний конкурс, то есть брали работы С. Бондаренко, А. Устиненко, они все снимали. Мы ставили номера, по номерам определяли снимок. Иосиф Львович лучше других владел моментом, несколько раз находил более выгодную точку съемки, был шустрый, энергичный. Он не стеснялся работать, когда пролазил под ленточкой, фотографировал снизу, чтобы получился хороший кадр. Он был непревзойденный мастер.

В Администрации Президента РК, когда образовалась первая пресс-служба, в штате было всего несколько человек. Ни фотографа, ни оператора не было. Мы стали привлекать И.Л. Будневича на поездки с Президентом Казахстана сначала не как личного фотографа, а как фотографа КазТАГа. С 1992 г. Иосиф Львович уже работал как личный фотограф Нурсултана Абишевича Назарбаева – первого Президента Казахстана.

С ним очень легко работалось. Он был порядочным, дисциплинированным. Обладал тонким чувством юмора. Его хорошая черта никогда не отказывал в просьбах о помощи. В резиденции всегда был на стороне фотографов.

У него интересная жизненная судьба. Он очень любил внуков. В любой поездке старался выделить хоть пол часика, чтобы купить им сувениры. По приезде, прежде всего, звонил домой, чтобы сообщить, что вернулся и все благополучно. Мы готовились отмечать его 80-летие, когда он неожиданно попал в больницу. Мы уже составили план, приветствие Президента готовили, и вдруг звонят, только что наш мэтр скончался. Не успели поздравить с таким солидным юбилеем.

Как-то в командировке в Израиле Президент пошутил: «Иосиф Львович, хотите остаться здесь, это же ваша родина?» Иосиф Львович ответил: «Родина у меня одна – это Казахстан». Он любил Казахстан.

1. Летописец эпохи // <https://www.kazpravda.kz/fresh/view/letopisets-epohi/> (дата обращения: 27 июня 2018 г.)
2. Иосиф Будневич // <http://www.izvestia.kz/news.php?date=02-10-04&number=1>, <http://www.nomad.su/?a=20-200703120005>">nomad.su (дата обращения: 27 июня 2018 г.)
3. Иосиф Будневич – патриарх казахстанской фотожурналистики // <http://spectr.com.kz/category/intervyu/iosif-budnevich-patriarkh-kazakhstanskoj-fotozhurnalistiki.html> (дата обращения: 27 июня 2018 г.)
4. И. Будневич: Фотография для меня все. Это моя жизнь, моя судьба. // [http:// e-history.kz/ru/publications/view/3640](http://e-history.kz/ru/publications/view/3640) (дата обращения: 27 июня 2018 г.)
5. Работы личного фотографа Нурсултана Назарбаева представили в Алматы // [http:// lenta.inform.kz / ru/ raboty-lichnogo-fotografa-nursultana-nazarbaeva-predstavili-v-almaty](http://lenta.inform.kz/ru/raboty-lichnogo-fotografa-nursultana-nazarbaeva-predstavili-v-almaty) (дата обращения: 27 июня 2018 г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абусейтова Меруерт Хуатовна, член-корр. НАН РК, профессор, д. и. н., директор Республиканского центра по изучению исторических материалов при Институте востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК (Казахстан г. Алматы)

Алимджанов Бахтиер, к. и. н., независимый исследователь (Узбекистан, г. Ташкент)

Алланиязов Турганбек Кайпназарович, к. и. н. (1989), доцент ВАКа РК (2000), профессор кафедры «История Казахстана, экономика и право» Жезказганского университета им. О.А. Байконурова (Казахстан, г. Жезказган)

Аманова Асель Сериковна к. и. н., доцент кафедры истории и Ассамблеи народа Казахстана, Павлодарский государственный педагогический университет (Казахстан, г. Павлодар)

Ананьева Светлана Викторовна, к. ф. н., доцент, заведующая отделом аналитики и внешних литературных связей Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан, заместитель председателя научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы, член Правления Союза писателей Казахстана (Казахстан, г. Алматы)

Арцишевский Адольф Альфонсович, писатель, поэт, член Союза писателей, ПЕН-клуба, Союза журналистов, Союза театральных деятелей, Союза кинематографистов (Казахстан, г. Алматы)

Атаева Тогжан, магистр социальных наук, преподаватель, Евразийского Национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан, г. Астана)

Аупенова Алия Укужановна, магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры ООД академии «Болашак», член НЭГ АНК Карагандинской обл., историк-краевед, (Казахстан, г. Караганда)

Бабаев Борис, главный редактор сайта Культура Узбекистана, киносценарист (Узбекистан, г. Ташкент)

Байкаш Жибек Турарбековна, главный эксперт Архива Президента РК (Казахстан, г. Алматы)

Батырбаева Шайыркул Джолдошевна, д. и. н., профессор, зав. кафедрой «Археологии, этнологии, источниковедения и историографии» Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Киргизия, г. Бишкек)

Беркимбаева Асель Муратовна, магистр гуманитарных наук, докторант кафедры истории Казахстана Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (Казахстан, г. Костанай)

Беркун Ольга Евгеньевна, руководитель отдела КГУ «Государственный архив Карагандинской области» (Казахстан, г. Караганда)

Бирнбаум Йоси (Израиль)

Буриева Хайрия Амануллаевна, к. и. н., доцент кафедры «Источниковедения и архивоведения» Исторического факультета Национального университета им. Мирзо Улугбека (НУУз); научный сотрудник Координаци-

онно-методического центра по вопросам новейшей истории Узбекистана при Академии Наук Республики Узбекистан (Узбекистан, г. Ташкент)

Ведерникова Галина Сергеевна, старший научный сотрудник Государственного мемориального музея Мухтара Ашрафи (Узбекистан, г. Ташкент)

Вексельман Макс Исакович (Израиль, г. Беэр-Шева)

Виленский Евгений Львович, к. и. н. (Казахстан, г. Алматы)

Волкова Тамара Петровна, к. и. н., профессор Казахстанско-немецкого университета (Казахстан, г. Алматы)

Гривенная Людмила Александровна, к. и. н., доцент, заведующая кафедрой «Ассамблея народа Казахстана» Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева (Казахстан, г. Петропавловск)

Григорьев Игорь Анатольевич, составитель сборников «И мастерство, и вдохновение» (2008 г.), «Город вещей снов» (2015 г.), «Звезды на Алтае» (2016 г.), фотограф (Казахстан, г. Усть-Каменогорск)

Донскова Галина Анатольевна, к. ф. н., доцент Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова (Казахстан, г. Уральск)

Еркенова Айгерим Канатбековна, магистр социальных наук, архивист высшей квалификации Центрального государственного архива научно-технической документации РК (Казахстан, г. Алматы)

Ермекбай Жарас Акишевич, д. и. н., профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова, (Казахстан, г. Астана)

Жакеева Гулзат Барыстанбаевна, архивист высшей категории, КГУ «Государственный архив города Жезказган» (Казахстан, г. Жезказган)

Жумалиева Сайкал Чубаковна, к. и. н., доцент Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Кыргызстан, г. Бишкек)

Зубарев Сергей Викторович, педагог дополнительного образования ГУО «Мозырский центр творчества детей и молодежи» (Республика Беларусь, г. Мозырь)

Иорданиди Георгий Константинович, к. х. н., член АНК, председатель общества греков Алматинской области, (Казахстан, г. Алматы)

Иофе Валерий Григорьевич, магистр Международной Ассоциации «Искусство народов мира», доцент Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Узбекистан, г. Ташкент)

Исина Жулдыз Еркиновна, студентка 2 курса факультета «Бизнеса и права» КЭУ Казпотребсоюза (Казахстан, г. Караганда)

Кабдулова Куралай Дауренбековна, главный эксперт, Архива Президента РК, магистрант исторического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Казахстан, г. Алматы)

Калашникова Наталья Павловна, д. и. н., член Научно-экспертного Совета Ассамблеи народа Казахстана, профессор кафедры политологии ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Казахстан, г. Астана)

Кан Георгий Васильевич, д. и. н., профессор (1998), первый заместитель корейского этнокультурного объединения (Казахстан, г. Алматы)

Кац Геннадий Львович, преподаватель высшей категории, председатель Совета Ветеранов Бизнес-колледжа, внештатный корреспондент газет «Арна», «Спектр», «Наше дело», «Экспресс-К», ветеран труда (Казахстан, г. Семей)

Кенебаева Гаухар Мухамбедовна, магистрант Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (Казахстан, г. Костанай)

Кижнер Давид Моисеевич, габай Томской хоральной синагоги, ведущий инженер Научно-инновационной лаборатории «Современные музейные и экскурсионно-туристические технологии» кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета, (Россия, г. Томск)

Кобрынь Януш сын Ежи, магистр, общественный деятель, хранитель памяти. Волонтер Союза сибиряков и Общества памяти ссыльных Сибири и жертв репрессий (Польша, г. Быстшица Клодзка)

Кожушко Елена Андреевна, директор школы с 1969 г. по 1979 г. (Украина, г. Киев)

Кубик Надежда Александровна, руководитель отдела научно-информационной деятельности Государственного архива Павлодарской обл. (Казахстан, г. Павлодар)

Курманжанова Гульбахыт Айтакыновна, главный хранитель фонда Центрального государственного архива города Алматы (Казахстан, г. Алматы)

Кусайынова Инкар Муратовна, младший научный сотрудник Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (Казахстан, г. Усть-Каменогорск)

Крутова Нина Владимировна, заведующая отделом редких книг Центральной библиотеки им. В.Н. Татищева (Россия, г. Тольятти)

Легкий Дмитрий Максимович, д. и. н., профессор кафедры истории Казахстана Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (Казахстан, г. Костанай)

Лобченко Хана Мееровна, председатель Совета старейшин еврейского этнокультурного центра, волонтер, преподаватель истории и традиций (Казахстан, г. Павлодар)

Максимова Суменбике Якубовна, профессор, к. ф.-м. н. (Казахстан, г. Алматы)

Малиновская Елизавета Григорьевна, к. и., доцент, член-корреспондент Петровской академии наук и искусства (Казахстан, г. Алматы)

Медведева-Нату Ольга Рахмиловна, PhD, к. ф. н., независимый исследователь (Канада, г. Ванкувер)

Мийманбаева Фиалка Нуриевна, к. и. н., доцент, Казахского Национального университета им. аль-Фараби, (Казахстан, г. Алматы)

Нурсултанова Лазат Нурбаевна, д. и. н., ассоциированный профессор Евразийского Национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан, г. Астана)

Омарова Айгуль Саулетовна, научный сотрудник Карагандинского областного музея изобразительного искусства (Казахстан, г. Караганда)

Ошанов Нурлан Зетханович, магистр педагогических наук, ст. преподаватель кафедры «Истории Казахстана» Карагандинского государственного технического университета; (Казахстан, г. Караганда)

Потёмкина Марина Николаевна, д. и. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, заведующая кафедрой всеобщей истории (Россия, г. Магнитогорск)

Решетов Владимир Петрович, магистр журналистики, руководитель отдела по связям с общественностью музея Рижского гетто и Холокоста в Латвии (Латвия, г. Рига)

Ружанский Михаил Мойсеевич, подполковник-инженер в отставке. В 1994 г. эмигрировал с семьей в США (США, Бруклин)

Ружанская Евелина Менделевна педагог математики в старших классах средней школы в 1950–1980-е гг. в РСФСР, КазССР, Грузинской ССР. В 1994 г. эмигрировала с семьей в США (США, Бруклин)

Савгабаева Айжан Нургалиевна, директор государственного архива Западно-Казахстанской обл. (Казахстан, г. Уральск)

Сагатова Асем Сериковна, к. ф. н., доцент Карагандинского государственного технического университета, зав. кафедрой «Истории Казахстана» (Казахстан, г. Караганда)

Сагимбаев Нурлан Ержанович, доцент кафедры струнных инструментов Казахской национальной консерватории им. Курмангазы (Казахстан, г. Алматы)

Саидов Ильхомжон Мухиддинович, д. и. н. проф. Самаркандский государственный университет, кафедра историографии и источниковедения, исторический факультет (Узбекистан, г. Самарканд)

Саипова Камола Давляталиевна к. и. н., доц., Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Узбекистан, г. Ташкент)

Сактаганова Зауреш Галимжановна, д. и. н., директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований, профессор кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории Карагандинского государственного университета им. академика Е.А. Букетова (Казахстан, г. Караганда)

Сатаева Сауле Амантаевна, к. и. н., заместитель директора ЦГА КФДЗ РК (Казахстан, г. Алматы)

Сатаева Жанар Амантаевна, пресс-секретарь Архива Президента РК (Казахстан, г. Алматы)

Свахина Татьяна Евгеньевна младший научный сотрудник Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (Казахстан, г. Усть-Каменогорск)

Серовайская Юлия Яковлевна, к. и. н., доцент, историк-медиевист; (Казахстан, г. Алматы)

Складан Светлана Анатольевна, врач-целитель, психотерапевт, доктор остеопатии (Казахстан, г. Алматы)

Слоним Андрей, режиссер-постановщик ГАБТ им. А. Навои, заслуженный работник культуры Узбекистана, заслуженный деятель искусств Узбекистана (Узбекистан, г. Ташкент)

Степаненко Надежда Васильевна, к. и. н., старший преподаватель кафедры «Социально-гуманитарных дисциплин и Ассамблеи народа Казахстана» Актюбинского университета им. С. Баишева (Казахстан, г. Актюбинск)

Сырлыбаева Галина Николаевна, Государственный музей искусств РК им. Кастеева, руководитель Центра классического зарубежного искусства, искусствовед, член Союза художников РК, Международной ассоциации художественных критиков (АИСА) (Казахстан, г. Алматы)

Турсынова Жанагул Жарековна, к. п. н., руководитель КГУ «Государственный архив Карагандинской области» (Казахстан, г. Караганда)

Федоренко Зоя Львовна, мнс, нс, ведущий инженер Института электроники им. У.А. Арифова с 1971 г. по 2002 г. (Россия, г. Москва)

Черная Елена Борисовна, руководитель отдела КГУ «Государственный архив Карагандинской области» управления культуры, архивов и документации Карагандинской обл. (Казахстан, г. Караганда)

Чернова Ирина Владимировна, к. и. н., доцент кафедры этики, эстетики и культурологии Томского государственного университета (Россия, г. Томск)

Чиликова Евгения Викторовна, руководитель управления научной публикации документов Архива Президента РК (Казахстан, г. Алматы)

Шайжанова Сымбат Маратовна, магистр социальных наук, эксперт Архива Президента РК (Казахстан, г. Алматы)

Шаймерденова Мендыганым Джамалбековна, к. и. н., доцент, академик МАИН, профессор КазНАИ им. Т.К. Жургенова (Казахстан, г. Алматы)

Шварцман-Чарнота Бэлла, редактор журнала «Мидраш», автор, переводчик (Польша, г. Варшава)

Юдаков Владимир, преподаватель истории (Казахстан, г. Атырау)

Ярков Александр Павлович, д. и. н., профессор Тюменского государственного университета (Россия, г. Томск)

ТҮЙІН

XX ғ. Қазақстанға түрлі халықтарды эвакуациялау мәселелерін зерттеу және еліміздің жергілікті құрамының полиэтникалық қалыптасуы отандық тарихнаманың ажырамас бөлігіне айналды. Қарулы қақтығыстар мен дүлей апаттар болып тұратын қазіргі заманда, әсіресе басқа аймақтардан босқындардың үлкен мөлшерін қабылдауға мәжбүрлі мемлекеттер үшін Орталық Азия мен Қазақстанның Ұлы Отан соғысы жылдарында мәжбүрлі мигранттарды орналастыру мен жаңа өмір жағдайына бейімделуі тәжірибесі өзекті жетістіктердің бірі болып қалады.

2002 ж. бастап Қазақстан Республикасының мәдени орталықтары мен «Мицва» еврейлер қауымдастығының Қазақстан халқы Ассамблеясымен және ҚР Орталық мемлекеттік архивтерімен бірлесіп ғылыми-тәжірибелік конференция өткізу зерттеу мәселесіне өзіндік үлесін қосады.

2018 ж. алғаш рет ҚР Президенті Архивінің базасында кезекті ІХ Халықаралық ғылыми-тәжірибелік тарихи конференция өтті. Конференция ұйымдастырушылары: Қазақстан халқы Ассамблеясы, ҚР Президенті Архиві және «Мицва» қауымдастығы. Конференция жұмыстарында Қазақстан зерттеушілерімен қатар, Беларусь Республикасы, Израиль, Канада, Қырғызстан, Латвия, Польша, Ресей, АҚШ, Өзбекстан, Украина зерттеушілері де қатысты.

Іс-шараның қонақтары мен қатысушылары Алматы қ. дипломатиялық жұмыстарының өкілдері, архив саласының қызметкерлері, жоғары оқу орындары мен академиялық ғылым өкілдері; сөз сөйлегендердің ішінен – 8 доктор, 22 ғылым кандидаттары, сондай-ақ жоғары оқу орындарының оқытушылары, магистранттары мен өлкетанушылар болды. Баяндамалар түрлі деректерді қамтыды. Хабарламалардың қатары ғылыми айналымға Екінші дүниежүзілік соғыс жылдарындағы халықтың эвакуациялануы мәселелеріне байланысты өткенге шолу жасайтын ақпараттарды енгізді. Сонымен қатар кітапта XX ғ. соғыстарды, қоныс аудару, эвакуация және басқа да қатерлерді өткерген Орталық Азия, Батыс Сібір еврейлері тағдырының тарихы ұсынылған. Кітапта олардың елімізге қосқан үлесі туралы айтылады. Конференция материалдары жинағына 70-тен аса баяндамалар ұсынылып, олардың бәрі жинаққа енгізілді.

SUMMARY

Research of evacuation issues of various nations in the twentieth century, to Kazakhstan and the formation of a multi-ethnic composition of the population of the country has become an integral part of the topical themes in the national historiography and the formation of a multi-ethnic composition of the population of the country. The interest to this problem is not fading because, of conflicts and natural disasters in the modern world. Many countries are forced to accept a large number of refugees from other regions and the experience of Central Asia and Kazakhstan – in particular, on the placement and adaptation of forced migrants to new living conditions is very important.

Contribution to the study of the problem has been made by the Association of Jewish Communities and Cultural Centers of the Republic of Kazakhstan "Mitsva" in cooperation with the Assembly of Peoples of Kazakhstan and the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan on scientific and practical conferences since 2002.

In 2018, the next IX International Scientific and Practical Historical Conference was held for the first time on the basis of the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan. The conference was organized by the Assembly of the People of Kazakhstan, the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan and the Mitsva Association. Scientists from Kazakhstan, as well as from the Republic of Belarus, Israel, Canada, Kyrgyzstan, Latvia, Poland, Russia, the USA, Uzbekistan, and Ukraine took part in the conference. The guests and participants were representatives of diplomatic missions in Almaty, employees of the archival industry, academic science and universities; among the speakers were 8 doctors, 22 candidates of sciences, as well as leading university lecturers, undergraduates and local historians. The reports were drawn from a variety of sources. A number of messages on a wide range of topics introduced into scientific circulation a new retrospective documentary information on the issue of evacuation of the population during the Second World War. The book also presents the fate of Jews in Central Asia, Western Siberia, who survived the wars, relocation, evacuation and other tests. The book covers their contribution to the development of the country as a whole. More than 70 reports were presented and all of them were included to the collection of conference materials.

*Подписано в печать «01» декабря 2018г.
Формат изд. 60x84/16, Объем 36 усл.печ.л.*

